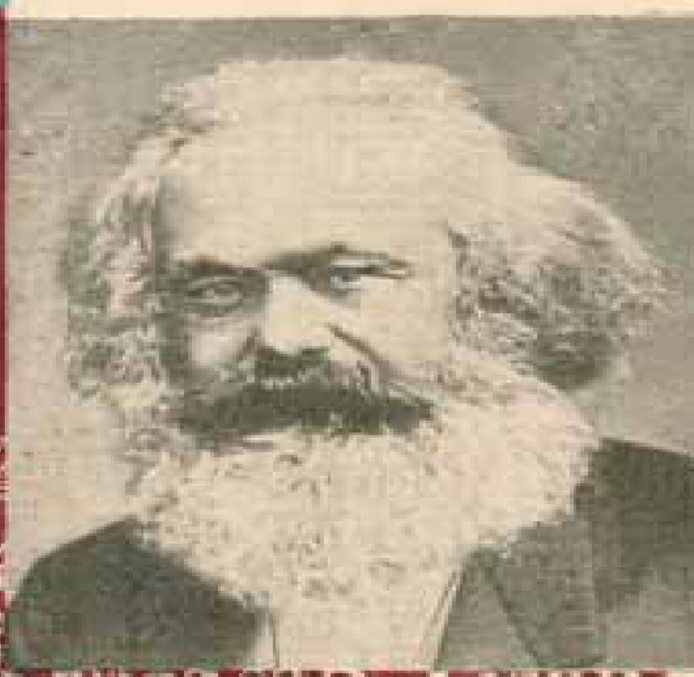
КАРЛ МАРКС



Галина Серебрякова

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эта книга — первая научно-художественная биография Карла Маркса. Она рассказывает, как формировались его взгляды, как вступил он на путь борца за освобождение трудящихся, возглавил революционную борьбу рабочего класса и вооружил его новой теорией — великим орудием преобразования мира.

Маркс изображен в книге на фоне исторических событий, свидетелем и участником которых он был, — революции 1848–1849 годов, Парижской коммуны, деяний Союза коммунистов и I Интернационала.

В книге рассказывается о ближайшем сподвижнике и друге Маркса — Фридрихе Энгельсе, об их боевых соратниках Веерте, Фрейлиграте, Лесснере, Шаппере, Вейдемейере и других пролетарских революционерах, о борьбе Маркса и Энгельса против анархизма Бакунина, против лассальянства.

Карл Маркс показан не только как великий революционер, ученый, руководитель мирового коммунистического движения, но и в личной жизни, в кругу своей замечательной, дружной семьи.

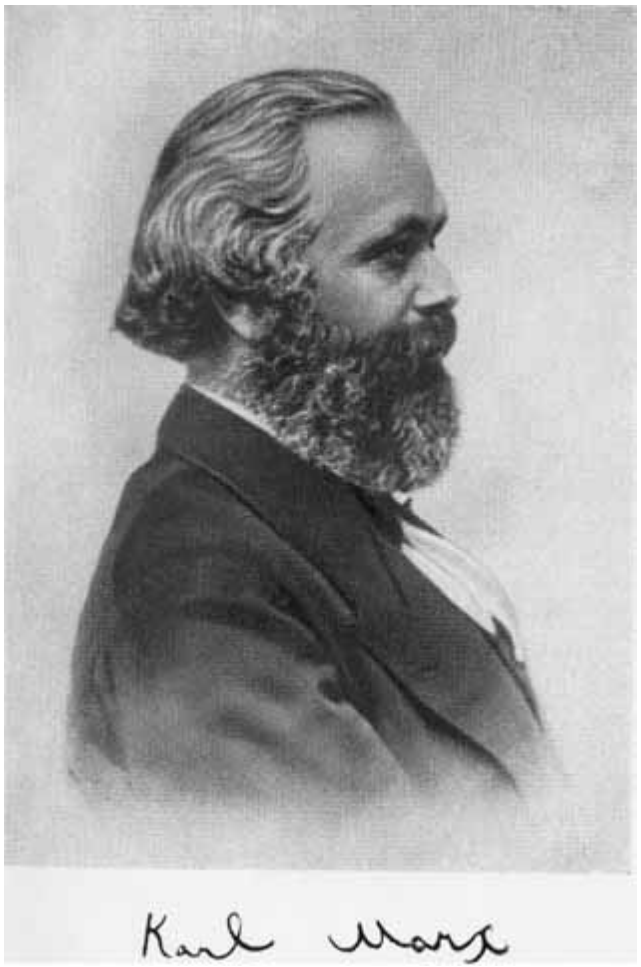
В книге широко использованы многочисленные литературные источники, свидетельства современников, материалы Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

Автор книги — писательница Галина Серебрякова начала свою литературную деятельность в 1925 году, когда работала корреспондентом газет «Комсомольская правда» и «Гудок». В разные годы появилось несколько сборников ее очерков. В 1929 году вышла ее книга «Женщины эпохи французской революции». В течение многих лет писательница изучает жизнь и деятельность Карла Маркса. Ею созданы романы о нем — «Юность Маркса» и «Похищение огня». Произведения Галины Серебряковой переведены на многие языки и изданы во многих странах.

- Галина Серебрякова
  -
  - ГЛАВА ПЕРВАЯ
  - ГЛАВА ВТОРАЯ
  - ГЛАВА ТРЕТЬЯ
  - ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
  - ГЛАВА ПЯТАЯ
  - ГЛАВА ШЕСТАЯ
  - ГЛАВА СЕДЬМАЯ
  - ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАРЛА МАРКСА
  - КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

- Иллюстрации
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36
  - 37
  - 38
  - 39

Галина Серебрякова
КАРЛ МАРКС



ГЛАВА ПЕРВАЯ

Маленький, утонувший в зелени городок Трир очень стар. Легенда гласит, что он основан на целую тысячу лет раньше Рима. Многие столетия город находился под римским владычеством и назывался тогда Колония Августа Тревирорум. Века не сокрушили возведенные рабами мощные, грузные Римские ворота — Порта Нигра. Полуразрушенные башни стоят теперь, как скалы-близнецы. Некогда они были соединены наверху массивным переходом, создававшим большую черную арку. Римляне называли эти ворота Марсовыми, они защищали город Трир с севера.

В IV веке нашей эры Колония Августа Тревирорум достигла наибольшего могущества и не уступала в роскоши Вечному городу. Тогда же римский император сделал ее своей резиденцией.

Несколько сотен лет спустя, в IX веке, на Трир нагрянули норманны, разгромили его и жестоко расправились с жителями. Город превратился в ничтожную деревушку. Цепкие травы и вьюны обвили развалины древних строений.

Шли годы. Триром завладели католические прелаты и сделали его центром старейшего епископства, а затем город стал резиденцией архиепископа. Трирские архиепископы принадлежали к числу влиятельнейших князей средневековой Германии. Это способствовало возрождению города. Он превратился в место религиозного паломничества. В городе развивались виноделие, ремесла и торговля.

Расположенный на границе между Францией и Германией, Трир неоднократно менял властителей. В пору Тридцатилетней войны его жители сражались то на стороне Франции, Испании, то на стороне немецких государств.

Как огромный метеорит в застойную заводь, ударила по феодальным порядкам пограничной, почти еще средневековой Рейнландии Великая французская революция. В 1794 году западные земли Германии были присоединены к Франции. Очень многое из того, что преобразило охваченную революцией сопредельную страну, впоследствии распространилось на Трир и всю Рейнскую провинцию.

Сто маленьких государств и княжеств Рейнландии слились воедино — было создано четыре департамента по типу французских, в том числе Саарский во главе с Триром. В новых департаментах были осуществлены экономические, социальные и политические реформы Великой французской революции и

наполеоновской империи. Продажа крестьянам земель церкви и знати, уничтожение всех феодальных повинностей в деревне вызвали быстрый подъем земледелия, а упразднение средневековых цехов, поощрение свободного предпринимательства для буржуазии, отмена внутренних пошлин и открытие французского рынка сбыта в значительной степени способствовали развитию промышленности и торговли. К концу владычества наполеоновской Франции на континенте Рейнская провинция с Рурским бассейном во главе стала наиболее индустриальным районом во всей Европе.

В начале прошлого века Брюккенгассе — в центре Трира — ничем особенным не отличалась от других улиц и переулков. Двухэтажные каменные серые строения были похожи одно на другое. Сады скрывались за высокими оградами, окна — за тяжелыми шторами. Как и во всем городе, многие жители этой улички имели свои огороды, скотные дворы с хлевами. Это придавало Триру, с его двенадцатью тысячами жителей, полудеревенский характер. В сумерки уличка пустела: ее обитатели вели тихую, спокойную, строго размеренную провинциальную жизнь.

В начале 1818 года трирский адвокат Генрих Маркс и его супруга Генриетта, приискивая новую квартиру, прошли на Брюккенгассе и остановились перед домом № 664, принадлежавшим государственному советнику Дагароо. Женщина была в широком салопе, скрывавшем ее беременность, в капоре с лентами, завязанными под подбородком. На мужчине был узкий редингот и цилиндр. Оба внимательно осмотрели жилище снаружи. Единственным малоприметным украшением фасада были латинские цифры и надпись над входной дверью. Они служили как бы метрической справкой и удостоверяли, что дом построен в XVIII столетии церковью Святого Лаврентия. Однако владельцем дома с 1805 года был чиновник Дагароо. Он купил его дешево, когда после введения кодекса Наполеона шла распродажа церковных имений.

Домохозяин принял всеми уважаемых в городе супругов весьма приветливо и повел внутрь дома. Из прихожей первая дверь вела в комнату, слабо освещенную двумя окнами, но достаточно изолированную и вместительную, чтобы служить кабинетом.

Адвокатская практика юстиции советника Генриха Маркса за последний год значительно расширилась, его большая семья должна была пополниться вскоре еще одним ребенком. Поэтому и было решено переехать в новое, более просторное жилище.

Генрих Маркс остался доволен предназначавшейся для него комнатой. Однако в домашних делах решающее слово принадлежало его жене.

Осмотр кухни, верхнего этажа, где предполагались спальни и детские, флигеля, в котором должны были размещаться слуги и приезжие гости, занял немного времени. Прилегающий к дому сад оказался достаточно большим, чтобы в нем резвились дети, цвели голландские тюльпаны и настурции. Из сада открывался замечательный вид на Маркусберг — гору Святого Марка.

Дом был взят семьей Маркса в аренду. Здесь 5 мая 1818 года у госпожи Маркс родился третий ребенок, названный Карлом Генрихом. Он появился на свет в угловой комнате второго этажа, выходящей окнами на Брюккенгассе. Мальчик год жил в комнате матери. Потом его сменил родившийся в 1819 году Герман. Карла перевели к старшему брату и сестре. Число детских кроваток неизменно возрастало в доме под номером 664.

Генриетта воспитывала детей строго. Звание матери и жены, возлагавшее на госпожу Маркс множество обязанностей, казалось ей величественным. Генриетта с детства готовилась к нему. В родном Нимвегене, тихом голландском городе, ее учили искусству охранительницы домашнего очага.

Дом голландца — в особенности женская его половина — в те годы был закрыт для посторонних. Окна нимвегенских жилищ всегда завешивались тяжелыми шторами, и жизнь обитательниц была строга и уныло-благонравна.

Генриетта происходила из старинной голландской семьи раввинов Пресборк. Она не была особенно одаренным человеком, очень плохо говорила и писала по-немецки, не принимала никакого участия в духовном формировании Карла, но целиком посвятила себя заботам о детях. Она умела искусно стряпать, штопать, стирать, пеленать новорожденных.

Когда Генриетта еще была подростком, она слышала каждое утро, как ее отец в горячей молитве благодарит своего сурового бога за то, что тот не создал его женщиной. Но Генриетте жребий жены и матери казался завидным. Она стремилась к тому, чтобы добрым поведением, советом, экономией укрепить благосостояние мужа.

Исаак Пресборк был хорошим отцом, но не дело дочери искать себе избранника. Генриетта, по примеру своей матери и многих поколений женщин ее предков, могла стать женой раввина. Ей пришлось бы тогда обрить волосы, надеть рыжеватый парик с нитяным пробором и вести жизнь традиционно замкнутую и полную унижений. Но случай спас девушку от деспотических служителей иудейского культа и богатых купцов.

Ее взял в жены молодой трирский адвокат Генрих Маркс — человек образованный, происходивший, так же как и Генриетта, из семьи знаменитых потомственных раввинов, родословная которых вела к глубокому средневековью.

Однако судьба Генриха Маркса сложилась необычно для того времени: уже в молодые годы он решительно порвал с родным домом, разошелся со своим отцом — трирским раввином, освободился от гнета ограниченной догматической иудейской религии. Несмотря на одиночество и бедность, он тяжелым трудом проложил себе дорогу к светскому образованию и стал адвокатом. Благодаря широким знаниям в области юриспруденции, либерализму и гуманности Генрих Маркс приобрел значительную клиентуру и известность. Он пользовался уважением у горожан и своих коллег, получил звание юстиции советника и был избран председателем коллегии адвокатов Трира.

Для ученика Руссо и Вольтера, каким был Генрих Маркс, не могло быть различия между Иеговой и Христом. Просвещенный философ, он внутренне был чужд и иудейству и христианству. По примеру Канта он соединил веру и разум в единую категорию высшей морали.

В 1815 году Трир, как и вся Рейнская область, был присоединен к Пруссии, и прусский король приказал в прежних французских областях отстранить евреев от государственных должностей. Генриху Марксу было запрещено заниматься адвокатурой. Он вынужден был креститься и стать лютеранином. Крещение остальных членов семьи было отложено почти на семь лет. Препятствием явилась семидесятилетняя мать Генриха — потомок многих поколений раввинов. Ради нее медлил Генрих Маркс с крещением своих детей, но после ее смерти все дети юстиции советника 17 августа 1824 года перешли в новую веру.

Отец Карла был либералом не только в религии, но и в политике. Сторонник конституционной монархии, он верил в добрые намерения прусского короля. Либеральная оппозиция имела в Трире два центральных пункта: Общество для полезных исследований и Литературное казино. Последнее было основано во время французской оккупации, в нем собирался цвет интеллигенции города. В большом здании казино помещалась библиотека, читальня с немецкими и французскими газетами, имелся также просторный зал для концертов, театральных постановок и балов.

После французской революции 1830 года трирское казино стало центром либеральной оппозиции города. Когда Карлу шел шестнадцатый год, его отец был заподозрен в нелояльности к

прусскому правительству и привлечен к следствию, начатому против членов Литературного казино. Дело Генриха Маркса сводилось к тому, что он в 1834 году был одним из организаторов банкета, на котором ораторы в умеренных выражениях просили у короля Пруссии осуществить в стране либеральные реформы. На этом банкете после речей юстиции советника и других пелись недозволенные песни. В тайном доносе офицера, перечислявшего тех, кто пел революционные гимны, указывался и Генрих Маркс.

Через несколько дней манифестация в казино повторилась уже по другому поводу, но опять пелись «Марсельеза» и «Парижанка». Участники собрания на этот раз восторженно приветствовали французское трехцветное знамя — символ Великой французской революции.

Хотя критика в адрес прусского правительства со стороны выступавших была совершенно безобидной, тем не менее публичное проявление свободолюбия было неслыханной дерзостью для того времени, и королевское правительство сочло это крупным политическим скандалом. Трирское казино было поставлено под надзор полиции; один из выступавших на банкете был арестован. Опубликованные в «Рейнско-Мозельской газете» и в «Кёльнской газете» речи и особенно речь Генриха Маркса говорят, однако, о благонамеренности ораторов. Похвалив короля, учредившего сословные собрания, «чтобы правда доходила до ступеней его трона», юстиции советник в заключение сказал:

«Поэтому мы с глубокой верой ожидаем светлого будущего, так как оно покоится в руках доброго отца — справедливого короля. Его благородное сердце всегда остается благосклонным и открытым для справедливых и разумных желаний своего народа».

Отцу Карла Маркса было 7 лет, когда началась Великая французская революция, 17 — когда Наполеон 9 ноября 1799 года (18 брюмера) совершил переворот, 22 года — когда Бонапарт короновался, и 31 — когда французская армия потерпела окончательное поражение под Лейпцигом во время «битвы народов» в 1813 году. Для Генриха Маркса эти даты были самыми важными вехами его времени, и поэтому слова «свобода», «равенство», «братство», «Робеспьер», «Наполеон», «империя», «война», «сражение», часто употребляемые в доме юстиции советника, вошли в сознание Карла одними из первых.

— Не шали, — говорила проказливому ребенку нянька, — придет Бонапарт и утащит тебя.

Отец Карла имел обыкновение, вспоминая прошлое, ссылаться на то или иное историческое происшествие,

свидетелем которого был. Дети всегда знали, как начнет он повествование о минувшем:

— Это было через неделю после того, как в Трир пришли французы…

— Прошло только полгода со времени термидора, когда мой дядя предложил отправить меня во Франкфурт… Это случилось в день битвы под Ватерлоо.

Софи, Герман и Карл играли в великую войну. Герман хотел быть маршалом Даву. Софи предпочитала Мюрата.

В 1830 году летом юстиции советник рассказал за обедом, что во Франции началась новая революция. Снова у всех на устах было слово «республика». Карл в латинском словаре искал разгадки этого слова. «Республика — дело народное, — перевел он. — Господство народа».

Генриетта Маркс боялась войны.

— Всегда этим кончается, — говорила она ворчливо.

Потом разговоры о войне поутихли. Карл увидел в иллюстрированном журнале портрет короля Луи Филиппа. Он читал в это время в истории Рима главу о падении республики.

Генрих Маркс был склонен к сентиментальности. Он горячо верил в неизбежность исторического прогресса и незыблемость просветительских идеалов. Карл, напротив, с юных лет отличался своим самостоятельным, смелым, волевым характером и гибким, приверженным к отрицанию и анализу умом.

Кроме отца, большое влияние на Карла имел близкий друг юстиции советника, будущий тесть Карла Маркса — Людвиг фон Вестфален.

Семья Вестфаленов переехала в Трир за два года до рождения Карла, в 1816 году. Богатый дом знатного барона, окруженный большим красивым садом, находился на Римской улице, неподалеку от жилища Марксов. Женни Вестфален была дружна с Софи Маркс, а Карл учился в одном классе с Эдгаром Вестфаленом.

Карл с детских лет отличался безудержной фантазией. Неутомимый на выдумки, мальчик был очень шаловлив. Он не раз запрягал, как лошадок, своих сестер и бегал с ними по широкой песчаной дороге к горе Святого Марка. Девочки охотно подчинялись брату и готовы были в уплату за его чудесные рассказы даже есть пирожки, которые он «пек» для них из грязи.

Женни Вестфален часто приходила к своей подруге Софи. Она была на четыре года старше Карла. Эта разница в летах сильно сказывалась и отделяла их в детстве; только став юношей и давно покончив с шалостями, Карл робко поднял глаза на прекрасную девушку.

Красавица Женни не могла не поразить столь пылкое воображение, каким обладал Карл. Она была самой очаровательной из принцесс и фей его сказок и мечтаний. Бывало, в детские годы, в доме своего друга Эдгара Карл, забившись в угол гостиной, с нетерпением дожидался той минуты, когда сопровождаемая матерью Женни спустится со второго этажа и пройдет к карете, чтобы ехать на бал.

Юношу Маркса в большом доме Вестфаленов привлекало обилие книг и умная беседа хозяина, всегда внимательно и дружелюбно встречавшего школьного товарища своего младшего сына.

Обаянию Весгфалена-старшего не легко было противостоять. Всесторонне образованный, хорошо разбирающийся в людях, он был страстным эпикурейцем, преклонявшимся перед античной культурой. Гомер с детства заменил ему библию. Он хорошо знал древнегреческую поэзию и философию, говорил на латинском, древнегреческом, французском, английском и испанском языках. Вестфален любил писателей романтической школы. Он часто читал Карлу и своим детям Гомера и Шекспира.

Юный Карл полюбил Людвига Вестфалена как своего второго отца, а после окончания университета посвятил ему докторскую диссертацию.

В обширной гостиной дома Весгфаленов, с завешанных картинами стен, из овальных рам на Карла глядели предки Людвига фон Вестфалена, историю которых ему иногда в свободные вечерние часы рассказывал хозяин дома. Карл слушал затаив дыхание повести о средневековой Англии. Впрочем, к знатной аристократии относилась только мать Людвига Вестфалена — Женни Питтароо, происходившая из знаменитого шотландского рода Аргайлей, воскрешенных на страницах увлекательных романов Вальтера Скотта. В память бабушки получила свое имя дочь Вестфалена Женни. Отец же Людвига Филипп был всего лишь чиновник при дворе герцога Брауншвейгского. Однако во время Семилетней войны Филипп благодаря стечению многих обстоятельств проявил блистательные военные стратегические способности, получил звание фельдмаршала и был произведен в дворяне. В лагере герцога он встретил молодую шотландскую аристократку красавицу Женни Питтароо и влюбился в нее. Они тогда далеко еще не были ровней. Поэтому молодые люди обручились тайно и обменялись клятвами: она обещала ждать, он — смести все препятствия.

Исключительные способности Филиппа Вестфалена, мужество и знание военного дела обеспечили ему дальнейшее быстрое

продвижение. Герцог Брауншвейгский, руководивший операциями на западной границе Германии в войне с маршалами Людовика XV, сделал его своим тайным секретарем и военным советником. Вскоре он получил баронский титул и стал фон Вестфаленом. Год спустя Филипп женился на Женни Питтароо. Их сын Людвиг Вестфален во времена Наполеона поступил на службу во Францию, но из-за принадлежности к знаменитой шотландской фамилии был взят на подозрение французскими властями. В 1813 году его арестовали по распоряжению маршала Даву. После падения Наполеона Вестфален был назначен ландратом Зальцведеля, а в 1816 году — правительственным советником в Трир. Здесь он ведал госпиталями, тюрьмами и благотворительными учреждениями.

В начале 30-х годов Людвиг Вестфален был крепкий, высокого роста шестидесятилетний человек с большой, красивой, мужественной головой. Будучи аристократом по происхождению, он отличался от большинства представителей своего класса не только образованностью, но и своим прогрессивным мышлением. В известном смысле он был более прогрессивным человеком, чем отец Карла: в то время как Генрих Маркс, живя в XIX веке, все еще продолжал горячо исповедовать идеалы просветителей XVIII века и оставался сторонником вольтеровской просвещенной монархии, Людвиг Вестфален держался более прогрессивных убеждений. Он разделял взгляды романтиков.

Романтизм как идейное и литературное течение возник в странах Европы на рубеже XVIII и XIX веков. В лучших своих проявлениях он выдвинул таких писателей и поэтов, как Байрон, Шелли, Гюго, Мицкевич, Рылеев. Прогрессивные романтики, последователем которых считал себя Вестфален, разоблачали уродство буржуазной действительности, критиковали капитализм, в частности за его антинародность. Отстаивая неограниченную свободу творчества, романтики стремились к яркому национальному и индивидуальному своеобразию, к правдивому выражению характера, к постижению богатства человеческих чувств. Они достигли значительно более высокой, чем раньше, ступени познания народной жизни, таящихся в ней источников фантазии и творчества. Они воскресили из забвения Данте, Шекспира, Сервантеса.

Стремясь к цельности развития человеческой личности и гармоническому общественному устройству, романтики искали новые идеалы, но устремления эти в условиях того времени оставались несбыточными мечтаниями.

В то же время представители реакционного течения в романтизме искали идеал в средневековом прошлом, в монархии

и религии, на место разума и логики выдвигали религиозную мистику.

Людвиг Вестфален пробудил у Карла любовь к литературе и особенно к Шекспиру. Он был хорошо знаком с утопическим социализмом Сен-Симона и в разговорах с Карлом старался заинтересовать своего юного друга личностью Сен-Симона и его учением.

Трирская гимназия Фридриха Вильгельма, в которой Карл проучился шесть лет — с 1830 по 1835 год, имела в то время выдающихся учителей: математику преподавал Штейнингер, древние языки — Шнееман, историю и философию — директор гимназии Иоганн Гуго Виттенбах.

В гимназии Карл Маркс получил основательное образование: он изучал древнюю, среднюю и новую историю, древние языки и философию, родной язык и французский, алгебру, геометрию и физику.

В последнем выпускном классе Маркс штудировал по латинским подлинникам сочинение Цицерона «Об ораторах», «Анналы» Тацита, оды Горация.

Платона, Фукидида, Гомера и Софокла он читал по-гречески.

В курс истории немецкой литературы входили Гёте, Шиллер и Клопшток.

Из французских писателей в последнем классе гимназии изучался Расин и «Размышления о величии и падении Рима» Монтескьё.

В учебном заведении Виттенбаха господствовал дух либерализма и терпимости. Учителя и некоторые ученики были участниками политических движений, направленных против неограниченной монархии и феодальных порядков тогдашней отсталой Германии. Виттенбах в 30-х годах состоял под полицейским надзором. В 1833 году в гимназии был произведен обыск, во время которого были найдены записи антиправительственных речей и сатирические песни, высмеивавшие ограниченность пруссаков. Один ученик был арестован. После манифестации в Литературном казино в январе 1834 года учителю Штейнингеру было предъявлено обвинение в атеизме и материализме, а Шнееману власти поставили в вину участие в пении революционных песен.

Ответственность за господствовавшие в гимназии либеральные настроения была возложена на Виттенбаха. В связи с этим был назначен содиректор гимназии — реакционер Лерс. Ему было поручено политическое наблюдение за преподавателями и учениками.

В этих не столь значительных, но характерных для того

времени происшествиях принимали участие отец Карла и его учителя. Проявление свободолюбия в среде, близкой семье Марксов, способствовало формированию первоначальных политических взглядов молодого Карла.

Маркс был дружен с немногими гимназистами: не только разница лет, но и различие интересов являлись помехой в его сближении с ними.

Предпоследний класс — prima — составляли преимущественно великовозрастные ученики. За исключением четверых, в том числе 15-летнего Вестфалена и 16-летнего Маркса, гимназистам давно перевалило за девятнадцать и двадцать. Самому старшему ученику исполнилось 26 лет. Это был чисто выбритый, кряжистый парень. Науки давались ему очень трудно. Он пробыл в школе более 10 лет, порешив, если надо, провести в ней всю жизнь, но добиться свидетельства об окончании. Сын виноградаря предназначал себя духовной карьере. Покуда он открыто возмещал потери от будущей добродетели усиленным потреблением вина. Одноклассников будущий священник держал в повиновении, утвержденном кулаком и руганью, и брал разнообразную дань: от перьев и булочек до ранцев и денег — с несмелых.

В 1830 году, в первый год посещения гимназии, 12-летний сын юстиции советника слыл неутомимейшим проказником. Подвижной, изобретательный в играх, неисчерпаемый в выдумках таинственных историй, он нередко вызывал неудовольствие, даже растерянность у педантичных педагогов. Они невольно отступали перед столь отчетливой волей и бескрайной пытливостью детского ума. С годами смуглый мальчик с черными горящими глазами как будто угомонился.

Школа стала для Карла только тропинкой, ведущей сквозь валежник к большой дороге. Учителя поздравляли себя между тем с мнимой победой — укрощением строптивого духа — и зачислили подраставшего Карла в разряд средних, малообещающих, склонных к лени учеников.

Эдгар Вестфален считался среди педагогов более даровитым и примерным воспитанником. Встречая советника прусского правительства Вестфалена и его холеную, осанистую жену, преподаватели неизменно предрекали их сыну будущность, достойную столь славного имени. Юстиции советнику Генриху Марксу не приходилось слушать особенных похвал Карлу от наставников гимназии Фридриха Вильгельма.

Выпускные письменные экзамены начинались 10 августа,

устные — не позднее середины сентября. Затем прочь от постылых кубических гимназических корпусов на улице Иезуитов.

Осенью 1835 года 17-летний Маркс впервые покидает надолго родительский дом и старый милый Трир.

Отец избрал для него Боннский университет. Карл не спорил. Самостоятельная жизнь влекла юношу неизвестностью, обещанием разгадки бесчисленных вопросов, которые он постоянно ставил перед собой. Пять лет равнодушно носил Карл тугой, узкоплечий гимназический мундир, чтобы сменить его, когда придет время, на студенческий, украшенный галунами и фестонами.

До позднего вечера в комнате выпускника горит лампа. Генриетта на цыпочках проходит к сыну с чашкой кофе. Августовская ночь жжет и давит. Лицо Карла желтое от усталости и духоты. Стулья вокруг него завалены книгами и тетрадями.

Укоризненно вздыхая, мать бесшумно приводит комнату в порядок, прячет в шкаф томики Фенелона, Горация, Лесажа, Фукидида, Шиллера, Кольрауша.

«Сколько книг одновременно читает мальчик!» — думает мать с неудовольствием, видя в этом доказательство небрежного ума и неорганизованного характера.

Вслед за Генриеттой в комнату сына приходит юстиции советник. Стараясь не шуметь, чтоб не разбудить спящих за стеной меньших детей, он садится за стол, перелистывает брошенные тетради. Крючковатые, горбатые уродцы-цифры кривляются на покрытых кляксами страницах.

— Итак, твое решение твердо?.. — спрашивает Генрих Маркс.

— Да, юридический факультет, — отзывается Карл. Он облегченно захлопывает религиозный трактат, который читал, готовясь к экзамену по богословию, и кладет книгу поверх потрепанного томика Софокла.

— Ты можешь осуществить и разрушить мои лучшие надежды… — ласково обращается к сыну юстиции советник.

Волнение Генриха передается Карлу. Он прижимает к седеющей голове свою, сине-черную, и растроганно гладит отцовскую руку.

— Мальчику много дано, и мы смеем требовать, чтоб он оправдал наши ожидания, — говорит с обычной категоричностью госпожа Маркс.

Директор гимназии Фридриха Вильгельма в Трире Виттенбах вставал рано. К шести часам утра он уже бывал на ногах. В дни экзаменов он перед кофе любил проверять работы учеников, придвинув стул к подоконнику. Одна-две телеги,

направляющиеся к Главному рынку, не мешали проверке тщательно сложенных стопкой тетрадей.

По резкому, лишенному каких-либо обязательных завитушек почерку Виттенбах тотчас же узнал сочинение Маркса.

Неистовый шабаш маленьких черных чернильных чудовищ-букв, как всегда, раздосадовал учителя. Выдохнув нечто вроде «пуф!», Виттенбах принялся читать.

«Размышления юноши при выборе профессии» Карла Маркса не слишком заинтересовали старика, хотя заметно отличались от откровенно плоских, но напыщенно поучающих, то лицемерных, то хвастливых, то робких, то грубо рассудительных размышлений остальных тридцати выпускников. Одни мечтали стать преуспевающими купцами, другие неумело излагали вычитанные из книг мысли о преимуществах ученой или о почетности военной карьеры. Большинство отдавало предпочтение профессии священника.

Маркс писал:

«Животному сама природа определила круг действия, в котором оно должно двигаться, и оно спокойно его завершает, не стремясь выйти за его пределы, не подозревая даже о существовании какого-либо другого круга. Также и человеку божество указало общую цель — облагородить человечество и самого себя, но оно предоставило ему самому изыскание тех средств, которыми он может достигнуть этой цели; оно предоставило человеку занять в обществе то положение, которое ему наиболее соответствует и которое даст ему наилучшую возможность возвысить себя и общество…

Но не одно только тщеславие может вызвать внезапно воодушевление той или иной профессией. Мы, быть может, разукрасили эту профессию в своей фантазии, — разукрасили так, что она превратилась в самое высшее благо, какое только в состоянии дать жизнь. Мы не подвергли эту профессию мысленному расчленению, не взвесили всей ее тяжести, той великой ответственности, которую она возлагает на нас; мы рассматривали ее только издалека, а даль обманчива…

Но мы не всегда можем избрать ту профессию, к которой чувствуем призвание; наши отношения в обществе до известной степени уже начинают устанавливаться еще до того, как мы в состоянии оказать на них определенное воздействие».

Виттенбах, поймав желтой губой ус, принялся усиленно жевать его. Он дважды перечел слова:

«Уже наша физическая природа часто противостоит нам угрожающим образом, а ее правами никто не смеет пренебрегать».

Виттенбах пришлепнул рыхлыми губами.

— Туманно, расплывчато, — неодобрительно высказался он и отчеркнул последнюю фразу. Читая, он неоднократно подчеркивал целые строки в знак порицания.

Заключительная часть «Размышлений» пришлась ему более по вкусу и менее пострадала от придирчивого учительского карандаша.

«История признает тех людей великими, которые, трудясь для общей цели, сами становились благороднее; опыт превозносит, как самого счастливого, того, кто принес счастье наибольшему количеству людей; сама религия учит нас тому, что тот идеал, к которому все стремятся, принес себя в жертву ради человечества, — а кто осмелится отрицать подобные поучения?

Если мы избрали профессию, в рамках которой мы больше всего можем трудиться для человечества, то мы не согнемся под ее бременем, потому что это — жертва во имя всех; тогда мы испытываем не жалкую, ограниченную, эгоистическую радость, а наше счастье будет принадлежать миллионам, наши дела будут жить тогда тихой, но вечно действенной жизнью, а над нашим прахом прольются горячие слезы благородных людей».

Виттенбах, дочитав, протер очки. Напряженно думал, стараясь вспомнить, где и когда он читал похожие мысли. Может быть, в те дни, когда пришла в Трир французская революция? Не вспомнил, на подозрительность не рассеялась.

«Да ведь птенец на отлете…» — и, махнув рукой, вывел пониже подписи Маркса гармоничнейшими узорчатыми буквами свое заключение:

«Довольно хорошо. Работа отличается богатством мыслей и хорошим систематическим изложением. Но вообще автор и здесь впадает в свойственную ему ошибку и постоянные поиски изысканных образных выражений. Поэтому в изложении во многих подчеркнутых местах недостает необходимой ясности и определенности, часто точности, как в отдельных, выражениях, так и в целых периодах.

Виттенбах».

Карл не замечает смены дня и ночи. Он рвется в будущее, нетерпеливо ждет разлуки с товарищами, даже с родными.

Его отдых — мечты о приближающейся осени в Бонне.

Никогда до той поры таинственное «завтра» так не волновало юношу. Оставалось только покончить со школой.

Родителей тревожат его возбуждение и усталость, но Карл продолжает заниматься по ночам, чтобы без заминки получить необходимый пропуск в университет — аттестат зрелости.

Одинаково настойчиво, но внутренне безразлично, в порядке исполнения долга, сдает он устные и письменные экзамены. Отметки получает средние — тройки. Эдгар Вестфален награждается высшими школьными баллами — единицами. Карлу все равно.

Генрих Маркс разделяет ощущение сына. Успехи Карла кажутся ему вполне удовлетворительными.

— Не гимназия, а дом родительский, мы, как могли, обогащали ум мальчика. Мы-то знаем, какая у него золотая голова, — говорит Генрих Маркс жене, прежде чем прочесть ей отзывы учителей на письменных работах Карла.

Глаза юстиции советника беспомощно отступили перед непроницаемой, ровнехонькой изгородью из острых готических букв, выведенных под латинским сочинением сына придирчивым, желчным Лерсом.

Увеличительное стекло помогло Генриху преодолеть препятствие.

Оговорив несколько ошибок, Лерс признавал, что в рассуждении ученика обнаруживается значительное знание истории и латинского языка.

24 сентября кончается гимназическая страда Проносятся экзаменационные дни, торжественный акт в белом гимназическом зале, высокопоучительные прощальные речи педагогов, слезы и объятия родных.

Женни фон Вестфален находится в толпе расфранченных дам, мужчин и девиц; она в белом фуляровом платье с низким корсажем. Карл ищет ее глаза под большими коричневыми, соединяющимися на переносице бровями. Но Женни, чуть повернув головку, улыбается не ему, а Эдгару.

Торжество окончено. Виттенбах покидает застланный сукном стол. Начинаются сутолока, поздравления, объятия. Растроганная Женни проталкивается к Карлу. За нею — Людвиг Вестфален. Он рад за Карла, называет его сыном и громко, многословно хвалит польщенному юстиции советнику. Генриетта отходит в сторону с Каролиной Вестфален. На мгновение Карл и Женни остаются одни.

— Поздравляю, — говорит она уверенно и протягивает руку.

Карл неуклюже прикасается к ее пальцам.

— Послезавтра у нас дома вечер по случаю окончания гимназии Эдгаром… и вами, — добавляет она, чтоб доставить юноше удовольствие.

Обоим вспоминается, что совсем недавно Женни обращалась к Карлу на «ты». Но теперь он больше не ребенок. Через месяц — университет.

В руках Карла желанный аттестат зрелости.

Дом Вестфаленов ярко освещен. Марксы не первые гости. В широких залах — толчея, шум. Карл слегка робел в новом, слишком просторном и непривычного покроя костюме. Он с трудом узнал Женни: на ней платье с пелеринкой, ничем не украшенное. Обычно пышные, немного растрепанные волосы на этот раз тщательно приглажены, разделены пробором и зачесаны наверх. Карл преодолевает досадное смущение, испытываемое перед женщинами, и пересекает комнату. Но Женни занята беседою с приезжим берлинским студентом. Она едва отвечает Карлу кивком и небрежной улыбкой больших близоруких глаз. Отвесив поклон, молодой человек разочарованно отходит в сторону, с удовольствием отмечая свое внезапное безразличие к красавице. Его берет под руку Эдгар. В кабинете хозяина — оживленный разговор.

Директор гимназии Виттенбах, книгопродавец Монтиньи, обер-гофмейстер Хау и адвокат Брикслус, не дожидаясь танцев, засели за карточный стол и занялись вистом. Впрочем, карты не мешают им говорить. Вестфален и Генрих Маркс прохаживаются, куря и вставляя замечания в общую беседу.

— Сейчас лучше печь пироги, чем издавать книги, — злится Монтиньи, заходя с козырей.

Щуря блестящие глаза, по привычке оглядываясь на учителей, Карл зажигает пахитоску и, надув губы, выпускает дым.

Никто отныне не делает ему замечаний.

Концертная часть вечера закончена. Гости разбрелись по комнатам. В ожидании ужина и танцев молодежь теснится на террасе вокруг берлинского студента, умелого рассказчика-весельчака. Изогнувшись и отставив назад тонкую ногу, он говорит о своем путешествии по железной дороге от Нюрнберга до Фюрта.

Затем беседа перескакивает на новое «Немецкое обозрение», которым зачитывается столица.

— Я предлагаю игру в жмурки, — прерывает его кто-то.

Ночь прохладная, но это не помеха. Прикрывая на бегу оголенные плечи шарфами, косынками, пелеринами, девушки спускаются в сад, чуть освещенный унылым фонарем.

Игра возбуждает. Все продолжительнее, ненатуральнее смех, все бессвязнее болтовня. Приходит очередь Карла выйти из круга. Тюлевым, надушенным розовой эссенцией платком завязывают ему глаза. Он нерасторопен и неумел; по-медвежьи растопырив ноги, шлепая по воздуху руками, неуклюже стоит на месте.

— Двигайся, ищи ее, лови! — кричат ему вокруг. Сделав несколько кривых шагов, он вдруг с неожиданной ловкостью

бежит, шаря в темноте руками.

Женни, придерживая край платья, кружится перед ним, дразня смехом, ударяя батистовым платком по напряженным, готовым схватить ее пальцам. Девушку нелегко настичь. Она прорывает цепь рук и бежит по саду, Карл — за ней. Сердясь из-за неудачи, он сдвигает повязку с глаз на голову. Шарф, как чалма, лежит на его черных, зачесанных вверх буйных волосах.

Они останавливаются у фонаря.

— Вы действительно уже взрослый, — отвечает своим мыслям Женни, пытливо глядя на колючие усики, на смуглое, худое лицо с необыкновенными, насмешливо-грустными глазами.

Они возвращаются к дому, позабыв об игре, обсуждая предстоящий отъезд в Бонн.

Карл обозревает будущее, университет, книги, как полководец — земли, которые хочет покорить.

— Я никогда не бываю удовлетворен. Чем больше читаешь, тем острее недовольство, тем ощутимее собственное незнание. Наука бездонна, неисчерпаема. Не власть, не внешний блеск придают смысл жизни, а стремление к совершенству, дающее не только эгоистическое удовлетворение, но обеспечивающее и благо человечества.

Юноша облекает в слова сокровеннейшие свои мысли.

— С вашими способностями вы, конечно, добьетесь всего, чего захотите, — говорит Женни.

Дойдя до террасы, они садятся на холодные ступеньки, продолжая говорить. Сад пуст. В доме танцуют, спорят, шумят.

— Я думаю, человек должен выбрать деятельность, основанную на идеях, в истинности которых он абсолютно убежден. Деятельность, которая дает больше всего возможностей работать для человечества, которая приближает к общей цели. Для достижения совершенства всякая деятельность — всего только средство.

Сила, которую Женни угадывает в своем собеседнике, вызывает в ней нежность.

— Я, — говорит девушка внезапно, положив руку на его плечо, — ваш верный, преданный друг, на которого всегда и во всем вы можете положиться. Я хочу видеть вас большим, необыкновенным человеком.

Карл счастлив.

По дороге домой, на углу Брюккенгассе, юстиции советник спросил сына, в чем секрет его неожиданного веселья.

— Ты даже пел сейчас, — добавил старик хитро.

Карл передал ему разговор на ступеньках террасы — то, что он нашел себе неожиданно первого настоящего друга.

— Тебе досталось, милый Карл, — сказал отец очень серьезно и раздумчиво, — счастье, которое приходится на долю немногим юношам твоих лет. Ты нашел достойного друга, старше и опытнее тебя. Умей ценить это счастье. Дружба в истинном, классическом смысле является прекраснейшей драгоценностью в жизни. Если ты сохранишь своего друга и останешься достойным его, это будет лучшим испытанием твоего характера, духа, сердца, даже нравственности.

В середине октября Карл уезжал в Бонн.

Проводы были короткими. Женни пришла к Софи в разгар сборов.

Из кухни в эти дни по всему дому разносился приторный запах печеного теста, корицы и лимона. Генриетта, снаряжая сына, пекла коржики. Меньшие дети, спотыкаясь о чемоданы, бегали следом за братом.

Карл не успел сказать Женни ни одного из собранных сотен слов о своей готовности защищать ее и помогать ей, о гордом сознании того, что она считает его достойным своего доверия, о святости дружбы.

Женни за истекшие недели тоже не говорила с ним больше так искренне и просто, как после игры в жмурки. Ей было стыдно своего порыва по отношению к семнадцатилетнему «ребенку», как она мысленно называла Маркса, чтоб охранить себя от иного чувства, кроме нежной преданности старшей сестры, старшего друга.

На прощанье, не ограничившись поклоном, она подала Карлу руку, как на выпускном акте в гимназии.

— Будьте счастливы, мой друг, — сказала она спокойно и ласково, уступая место Софи и Генриетте, наперебой забрасывавшим уезжающего бесчисленными хозяйственными советами.

Генрих Маркс долго безмолвно обнимал сына.

Наконец дилижанс, отвозивший Карла к речному причалу, тронулся.

Промелькнула вывеска книготорговли Монтиньи-якобинца, где столько часов провел Карл, тщетно выравнивая почерк под неумолчный монолог учителя.

«Какой больной вид у отца», — подумалось вдруг Карлу. Нахлынула грусть: он почувствовал, что кончилось детство.

Лодка, которая шла вниз по Мозелю, доставила Карла в Кобленц. Там он пересел на пароход и 17 октября 1835 года прибыл в Бонн.

Дерзкие песни студентов нередко принуждают разбуженных

ночью обывателей натягивать на уши перины.

Довольно грезить, жизнь не ждет, —
Должны ли мы покорно ждать?
Пришла пора царям сказать,
Что жаждет вольности народ.
Вперед же, юноши, вперед!

Пусть славный цех профессоров
Бумажной мудростью живет.
Нам в путь пора, корабль готов,
Рубите цепи — воля ждет.
Вперед же, юноши, вперед!

Песня буравит стены, рвется из старых готических домов на улицу, пронизывает осенний острый воздух.

Студенты молоды, хмельны, уверены в будущем.

По приезде в Бонн Карл поспешил осуществить давнишнее желание — увидеть и послушать одного из вожаков романтической школы. Август Вильгельм Шлегель читал о Гомере. Карл пришел на лекцию незадолго до начала. Его уязвила пустота необжитого холодного зала. Разве Шлегель пережил свою славу?

Следом за слугой, несущим графин с водой, в лекционный зал входит Шлегель. Немногочисленные слушатели откидывают парты. Карл жадно разглядывает его Так вот каков знаменитый переводчик Шекспира! Вместо степенного старца на кафедре щеголь неопределенного возраста. Под яркой кудлатой шевелюрой густо напудренное бритое лицо с большим носом. На всем облике старика — отпечаток французских влияний и моды.

Надломленным, жидким голоском Шлегель обращается к слушателям с приветствием. Карл напряженно вслушивается. Шлегель говорит по-латыни.

В полупустом зале стелется гладкая латинская речь. Старик читает «Одиссею», даег ей восторженную оценку и сопровождает все это историческими пояснениями.

Маркс начал ходить на лекции Шлегеля и, воспользовавшись рекомендацией, нашел случай посетить его однажды вместе со своим товарищем Грюном.

Горничная ввела молодых людей в профессорский кабинет. Карл растерянно отступил к двери, увидев перед собой лысого, дряблого старичка, согбенное тельце которого глубоко ушло в подушки кресла.

За столом, покрытым плюшевой скатертью, перелистывая

старые альбомы, сидел профессор д'Альтон, лекции которого по истории искусства студенты посещали с большой охотой Главной удачей жизни пожилой искусствовед считал дружбу, которой удостоил его Гёте. Он не забыл подчеркнуть это, чем напомнил Карлу Виттенбаха. Позабыв о молодых гостях, Шлегель и д'Альтон — многолетние приятели — продолжали разговор, по привычке переходя с одного языка на другой, перемешивая немецкие, греческие и французские фразы.

— Не говорите мне, что «Люцинда» моего брата заслуживает внимания. Это слабое произведение, бесплотное, хотя и посвященное плоти.

Д'Альтон не спорил, стараясь вспомнить, что говорит о «Люцинде» Гёте.

Чувства Карла раздваивались. Он с досадой и состраданием наблюдал напыщенных бюргеров.

Отжившие люди, мертвые темы.

Студенческое землячество уроженцев Трира было ничуть не менее отважным, нежели другие, тайно существовавшие в Бонне корпорации. Трирцы слыли щеголями, мотами, неукротимыми спорщиками и драчунами. Между ними особым почетом пользовалось несколько буянов с искалеченными рапирами физиономиями.

Хотя университетский курс длился 3–4 года, последыши студенческой вольницы проводили в Бонне по 7–8 лет.

На первом семестре Карл был зачислен ими в разряд «щенков», подобно всем начинающим студентам. Он не мог похвалиться ни одним шрамом, ни одним увечьем.

Несмотря на неустанную слежку педелей, которых при университете было великое множество, трирцы чтили дуэль. Маркс узнал, что меткий удар рапиры ценится не ниже словесного отпора в долгих литературных спорах, не меньше, чем удача в картежной игре и уменье, не морщась, сорить деньгами или лихо пить не пьянея. Ему ли бояться доносчиков, шпиков-педелей, всей этой горе-гвардии старого ханжи, судьи фон Саломона, прозванного Саламандрой! Отсидка в карцере — почет для студента, признание его удальства, орден за бесстрашие.

Чтобы подучиться и подготовить себя к неизбежным дуэлям, Карл начал посещать поединки. «Щенки» допускались на место схватки лишь в награду за выполнение разных услуг. Они относили рапиры, принадлежащие всему землячеству, к точильщику и с большими предосторожностями доставляли их обратно.

Дуэли были строжайше воспрещены, и педеля охотились за нарушителями закона с неистовством загонщиков. Саламандра,

юркий, веснушчатый человек, посылал шпиков в кабачки и ресторации. Но студенты распознавали их, жестоко подтрунивали над ними, спаивали их и прогоняли.

В бильярдной пучеглазого Бернарда поединки совершались беспрепятственно. Карл легко завоевал доверие старших товарищей и был допущен, наконец, в качестве зрителя на дуэль. В большой комнате было людно. Бильярдный стол, отодвинутый к стене, служил скамьей. Поединок не обманул ожиданий. Это было жуткое, но увлекательное зрелище — демонстрация силы, изворотливости и отваги.

Пары сменяли друг друга. Два «щенка» неумело дрались на рапирах. Энергично отступая, один из них под громкий смех умудрился, пятясь задом, сбежать по лестнице на улицу.

Карл спросил о причинах схватки.

— Честь! — сказали ему многозначительно. — Честь и общественное мнение.

Он узнал, что бывают дуэли в защиту интересов и чести всей корпорации. Тогда дуэлянты отбираются старшинами.

— Тебе мы дадим парня небольшого роста, — ободрили его.

К концу турнира подошла очередь двух местных знаменитостей, студентов-филологов, «обучавшихся» в университете в продолжение четырнадцати семестров.

Маркс пристально наблюдал за происходящим.

Обменявшись рукопожатием, дуэлянты заняли указанные позиции в двух противоположных концах комнаты.

Два картинных прыжка — и они скрестили оружие.

В декабре здоровье Карла сдало: начались бессонница, головные боли, вялость.

Отец и мать в частых письмах посылали сыну всю углубленную разлукой нежность. Карл отвечал им редко, кратко.

Почтовые дилижансы привозили из Трира упреки и жалобы. Карл забывал письма на столе, на подоконнике, меж страниц штудируемой книги. Белые тонкие листки укоризненно шелестели, требуя выполнения сыновнего долга.

Мать беспокоилась, пьет ли Карл кофе. Когда Карл перечитывал записочки Генриетты Маркс, ему казалось, что она тут, рядом, в неизбежном фартуке и чепце. Он как будто слышал ее голос:

«Ты не должен считать слабостью нашего пола, что я интересуюсь тем, как организовано твое маленькое хозяйство…»

«Экономия, милый Карл, необходима в больших и маленьких делах. Какой беспорядок вокруг тебя! Книги, книги и книги… От них пыльно. Следи, чтобы комнаты твои чаще убирались, назначь

для этого определенное время…»

«Моешься ли ты губкой и мылом? Надеюсь, забота матери не обижает любезную музу милого сына…»

Генриетте вторил юстиции советник:

«Прошло уже более трех недель, как нет известий. Какая безграничная небрежность!.. Боюсь, что эгоизм преобладает в твоем сердце. Ты знаешь, что я не настаиваю педантически на своем авторитете и сознаюсь даже детям своим, если не прав. Я просил тебя написать, когда осмотришься вокруг, но, так как прошло столько времени, ты мог бы понять мои слова менее буквально. Добрая мать озабочена и встревожена…»

Спустя два месяца после приезда в Бонн Карл, уступив уговорам родителей, отправился отдохнуть к голландским родственникам, в Нимвеген. Добравшись до Кёльна на лошадях и переночевав в почтовом подворье, он занял место на пароходе, спускавшемся вниз по Рейну.

До Дюссельдорфа небольшой белый пароход «Франкфурт» шел около пяти часов. Зима опоздала, и ничто не препятствовало навигации.

Подняв ворот пальто, 17-летний студент бродил по палубе. Моросил холодный дождь. Войлочный туман стлался по холмам. Карл примостился на сырой скамье. Над кормой набухал брезент. Обычно приветливый рейнский ландшафт казался теперь угрюмым и скучным.

Карл повторял «Песнь о Нибелунгах», воскрешал старые преданья, отдавался мечтам и фантазии. Тысячи слов прибоем шумели в голове.

«Может быть, буду поэтом!..» — многолетнее заветное желание. Вспомнил любимые стихи Гейне.

В темноте «Франкфурт» пристал к дюссельдорфской пристани. Шел дождь. Город на берегу выглядел озябшим, закутанным в старый сырой плащ. С крыш на грязные мостовые уныло стекала вода. Едва светили фонари. За собором начались кривые улицы, дома, близко наклонившиеся друг к другу. XIV, XV, XVI века притаились здесь, как призраки.

Маркс долго бродил по спящему городу, встречая смешных, нетрезвых чудаков и жалких бродяг. Ему вспомнился Гофман и его герои, странные люди мансард, немецких закоулков, кабаков. Думалось о старых, годных лишь на слом городах, о спящей Германии, о будущем. И, как всегда, Карл мучился неудовлетворенным желанием найти разгадку всего, заглянуть в глубину причин, открыть истину.

Утром на переполненном пассажирском грузовом пароходе нидерландской компании Карл поплыл за границу.

Голландцы, прославленные мореходы, исполненные презрения к тихим рекам, пускают по Рейну неповоротливые грязные пароходики. Впрочем, Карла вовсе не интересовали условия переезда. Он не оценил преимуществ кёльнского пароходного общества перед нидерландским.

Среди многочисленных пассажиров боннский студент нашел сверстников-филологов, едущих на каникулы в приграничные города. Заговорили о литературе и тотчас же коснулись указа бундестага, запретившего по всей стране сочинения пяти писателей: Генриха Гейне, Карла Гуцкова, Генриха Лаубе, Рудольфа Винбарга и Теодора Мундта — членов «Молодой Германии».

Втайне надеясь посвятить себя поэзии и литературе, Карл следил за каждой новой книгой, алчно набрасывался на каждый новый сборник стихов, не пропускал ни одного литературного события.

В полдень пароход миновал крепость Везель и, обогнув крепостной вал, причалил к пограничному Эммериху. Начался таможенный досмотр.

Голландские таможенные чиновники учтивы, недоверчивы, медлительны. Неторопливо пломбируют трюм, открывают сундуки и чемоданы пассажиров и, приложив к форменным фуражкам два пальца, исчезают.

Издалека виден Нимвеген. Красивые, светлые дома тянутся вдоль берега. Густую приречную рощу сторожит старинная башня.

Прямо со сходней Карл попадает в объятия поджидающих его теток, дядей и кузин.

Большой зажиточный дом Пресборков живет размеренной, однообразной, раскармливающей жизнью. Первые дни Карл подолгу спит, мало движется. Силы быстро возвращаются к нему. Вместе с выздоровлением подступает пресыщение провинциальным бытом. За обедом ведутся неисчерпаемые беседы о ценах и сбыте голландских товаров, о дерзости Бельгии, о пороках прусского монарха и добродетелях голландской королевы. Карл бежит от этих бесед на одинокие прогулки.

На каждом шагу, даже в скромном Нимвегене, — напоминание о былом величии страны победоносных мореплавателей.

В большом зале ратуши, украшенном потертыми драгоценными коврами-трофеями и бюстами императоров, был заключен некогда почетный мир между Людовиком XIV и республикой Соединенных Нидерландов.

Карл залпом прочитывает историю павшей республики. Венеция, Португалия, Голландия — как сходны их исторические

судьбы! Карл настойчиво думает об этом странном сходстве. Но не только история, его увлекают и легенды и пески. Кузины переводят на немецкий язык унылые напевы рыбаков.

Несколько недель безделья проносятся мигом. Отдохнув, опять веселый и сильный физически, Карл покидает гостеприимный Нимвеген и возвращается в Бонн.

Пусть каркают вороны, пусть квакают боннские осатаневшие лягушки в чиновничьих мундирах, в купеческих фартуках — студенты гуляют, поют, неприличествуют, справляя поминки авторитету церкви и семьи.

Поздней ночью, чаще уже на рассвете, из подвального кабачка, шатаясь, припадая на каменные ступени, выходят, горланя песни, юноши. Взявшись под руки, идут, загораживая улицу. У темных столбов потухших фонарей останавливаются и, образуя круг, водят хороводы, неистово горланя «Гаудеамус». На первокурсников нет управы. Они, как вино, должны отбродить. Так водится издавна. Их удаль не находит применения. По пустякам возникают споры и дуэли.

Карл Маркс не отступает от правил. Он поит товарищей вином, спорит до рассвета, бьет по ночам окна в знак протеста против засилья филистеров, богатырски дерется на шпагах по малейшему поводу и успешно ухаживает за молоденькими дочками ремесленников.

Карл Грюн не нахвалится товарищем. Уже на втором семестре Маркс — один из пяти членов президиума трирского землячества.

Когда за ночной дебош Марксу присужден непогрешимым Саламандрой карцер, Грюн во главе процессии студентов провожает отважного дуэлянта отбывать заслуженное с честью наказание.

В Бонне, как и в Трире, весною воздух пропитан ароматом рощ и цветников.

В 1836 году студенты не изменили обычаю, салютуя весне переполненными кубками пунша. Участились дуэли, драки и поцелуи.

Карл был по-прежнему горяч в спорах, ловок в фехтовании, неутомим в шалостях и выпивках. Кант и рапира, грог и философия права отлично уживались вместе.

Юстиции советник регулярно отправлял в Бонн осуждающие письма и необходимые талеры. Но денег Карлу постоянно не хватает.

«Первый курс имеет свои традиции, молодость требует

безумств. Чем скорее мальчик отдаст ей дань, тем спокойнее будет его зрелость», — думает Генрих Маркс, посылая сыну осторожные эпистолярные поучения.

Во втором, как и в первом полугодии, Карл занимался главным образом классической литературой и юриспруденцией. Он без пропусков посещал лекции Шлегеля и д'Альтона. Мифологией, преподаваемой Велькером, Карл пресытился на первом семестре настолько, что не стал продолжать ее изучение после пасхальных каникул. Предмет был ему слишком знаком.

Гораздо больше, чем болтливый Велькер, нравился Карлу профессор Фердинанд Вальтер, которого особенно рекомендовал ему отец.

Карл, тяготившийся беспочвенными путаными идеями и страстями других профессоров, уважал в Вальтере его своеобразный, слегка циничный реализм.

В 1836 году юрист Вальтер был уже не молод. Гимнастика, которой он увлекался в юности, закалила его тело. Он был стойкий и упорный католик и считался лучшим оратором среди профессоров Бонна, обладая завидной зоркостью и чутьем по отношению к слушателям. Во время его лекций аудитория бывала переполненной. Студенты, слушающие плавную, чуть игривую речь, подпадали под абсолютное влияние статного, красивого импровизатора. Наиболее сухой предмет становился в его устах нарядной поэмой. Говоря о Риме, он достигал такой изобразительной силы, что переносил слушателей на скамьи сената, заставляя их принимать или отклонять законопроекты Катона и спорить с императорами. Мысль Вальтера не была глубокой, зато фраза его была отточена и облечена в эффектнейшую форму.

Противоположностью Вальтеру являлся Эдуард Бёкинг, читавший в Боннском университете курс римского права. Карл учился у него без увлечения, привлеченный главным образом огромной его эрудицией. 34-летний ученый был так же поглощен раскопками юридических древностей, как дряхлый Велькер — воскрешением мертвых мифов. Но в то время как эллинист стремился к обобщениям, Бёкинг объявлял себя их лютым врагом.

Карл долго не мог распознать особняком державшегося преподавателя права Пугге, крайне мнительного, всегда чем-то обиженного человека с неподвижным, пепельным лицом.

Профессор согласно городской молве был стеснен в деньгах и слаб здоровьем.

Карты составляли основной интерес жизни Пугге. В игре ему не везло. Таясь от всех, пробирался он в игорные притоны Бонна,

проводя ночи в обществе отборнейших пропойц и отребья студенческого мирка.

Однажды Карл застал его за карточным столом. Пугге проиграл почти все.

Маркс, которого не влекла игра, с удивлением, подобным испытанному в бильярдной, когда он впервые изучал приемы дуэлянтов, наблюдал борьбу обезумевшего Пугге с облезлой колодой карт.

Как дрожали его руки, как выпятилась нижняя губа!.. Последний талер вернул профессору проигрыш. Потрясение было настолько велико, что у Пугге началась рвота. Студенты поспешили выйти из игорной залы в ресторацию, чтоб не смущать профессора.

Жалость, вызываемая Пугге, создала ему своеобразную популярность. Студенты любили его за пороки, безволие, доброту.

Дни летели с предельной быстротой. Карл готов был жаловаться на то, что в сутках всего 24 часа, а в часе — только 60 жалких в своей поспешной суетливости минут.

«Веночек», поэтический кружок, к которому принадлежали, кроме Маркса, озорной путаник Карл Грюн и сентиментальный плодовитый стихоплет Эммануил Гейбель, с начала года состязался с поэтами Геттингена. Однако первенство все еще не было присуждено. В ответ на поэтические громыхания и нежные трели боннцев Мориц Каррьер и Теодор Крайцнах присылали сонеты и длиннейшие стихи — возвышенный пафос — в корзинке из-под сосисок.

Весной любовники, дуэлянты, пьяницы и спорщики выползают из погребов и подворотен на лужайки и лесные опушки. Тянет странствовать и бродяжничать.

До Годесберга недалеко — несколько часов ходьбы по прямой тенистой дороге. В Годесберге под чинным дубом превосходнейший трактир «Белый конь», в котором на протяжении столетий пьют и шалят боннские студенты.

Почти все они курят. Пахитоска, сигара, витой кальян или тупоносая трубка — такая же принадлежность учащегося, как сабля и рапира. Маркс, впитавший с колыбели запах посеревших от курева отцовских усов, курит со школьной скамьи. На прогулках, на лекциях пахитоска или трубка — постоянные его спутники.

В одинокое утро после пирушки, когда мысль неповоротлива и уныла, чашка черного, наспех сваренного кофе да теплый искрящийся табак — друзья, приходящие на помощь в беде.

В трактире «Белый конь», дымя пахитосками и осушая кубки,

студенты щедро растрачивают время на споры о боге, о смысле жизни.

— Признавая предвиденье божье, мы тем самым ограничиваем человеческую свободу, — говорит Шмальгаузен.

— Именно так. Человек не в состоянии ни уничтожить свои природой данные способности, ни изменить их, он может только облагородить себя. Мы не в силах переступить положенную свыше грань, не можем усовершенствовать и расширить отпущенное нам.

— Бюффон считал, что все абсолютно неизмеримое оказывается также абсолютно непонятным.

— Друзья! — возглашает Карл Грюн. — Вечер спускается на землю, звезды, как маяки в тихом море, зовут наши заблудшие в пучинах знания души. Продолжим споры, достойные Сократа и Платона, лишь после того, как осушим кубки. До дна!

Молодой Маркс — как свидетельствует участник тогдашних попоек на постоялом дворе «Белый конь» — смотрел на происходившее перед ним зрелище с мрачным видом романтического гения. Его лицо с высоким лбом, с властным, пронизывающим взглядом под темными бровями, с резко очерченным, несколько жестким ртом говорило об уже сильно выраженном, серьезном, твердом и смелом характере.

С сумерками ватага студентов покидала Годесберг и направлялась в город.

По пути заходили передохнуть в «подземелье» Дубница, прозванного Хромым палачом.

Кабачок был всего-навсего низким погребком, где с трудом помещались два стола, окруженные пнями вместо табуретов, да несколько винных бочек. На полу не просыхали винные лужи.

Студенты называли погребок камерой пыток, пни — плахами, садовый нож, висевший на стене, — секирой. Хромой скаред Дубниц был глух и стар. Ходили слухи, что в молодости он будто был пиратом, поджег дом врага.

На самом деле винодел прожил жизнь, не покидая боннской округи и зажигая только трубку да дрова в очаге. На частых исповедях Дубниц каялся лишь в том, что подмешивал в вино чистейшую рейнскую воду. Но, не желая лишать себя клиентов, он притворялся злодеем.

Усевшись на бочках, столах и «плахах», студенты требовали вина.

Карл предпочел сырой духоте подвала ночную свежесть. Вместе с Кевенигом и Шмальгаузеном он поднялся наверх.

— Я все-таки не вполне уяснил себе, в чем разногласия кружка Виндишманса с гермесианцами. Не заняться ли стариком

Гермесом? — заметил Карл.

— Чепуха! — сказал Грюн. — Георг Гермес и Виндишманс оба ведут в католическую церковь. Та же бурда, только в иной посуде.

— Однако наши правоверные католики не устают предавать их анафеме. Не значит ли это, что небесный спор касается в действительности земных вещей? Иногда задать вопрос — значит начать нащупывать ответ… — отозвался Маркс.

Лето в Бонне проходило для Карла шумно, бестолково, деятельно. Он писал стихи, реабилитировал в спорах якобинцев, путал филистеров и настойчиво учился.

Покончив с Гомером, он изучал Проперция под руководством Шлегеля, деля по-прежнему учебное время между юриспруденцией и филологией. Элегии великого римского лирика увлекали юношу не меньше, чем эпос Гомера. Они отвечали неосознанной, упорной потребности любви. Сердце Карла созрело.

В августе 1836 года он был вызван на дуэль одним студентом из корпуса «Боруссия». Трирцы приняли вызов Марксу как выпад против всего землячества. Оба студента дрались отважно и ловко. Два раза подряд сильным ударом Карл выбивал рапиру из рук противника, но оба раза разрешил ему продолжать поединок. Наконец трирцу надоело затянувшееся фехтование, и он шутки ради взмахнул рапирой, как палкой. В тот же момент противник, воспользовавшись озорством врага в столь серьезном деле, как дуэль, немедленно сделал ловкий выпад и сильным ударом ранил Маркса в правый глаз.

Земляки-студенты любовно выхаживали больного товарища, дежурили у его постели, причислили Карла к «лику героев».

Карл вскоре оправился, сдал зачеты и, нанеся прощальные визиты, собрался в Трир. В экипаже, запряженном цугом, вместе с неизменными Шмальгаузеном и Кевенигом он подкатил к остановке дилижансов, отходивших в полдень в Кёльн. В парадных четырехместных экипажах подъехали провожающие поэты «Веночка» во главе с Карлом Грюном. Под песни и прощальные приветствия друзей трирцы отправились домой.

Карл по-иному смотрел теперь на город своего детства. Уныло-провинциальным, затерянным между лесистыми холмами, опутанным паутиной суеверных предрассудков показался ему Трир.

Как много, однако, в Трире монахов и монахинь! Одни похожи на черных летучих мышей, другие — на жаб.

Зажиточные горожане, чиновники, купцы набожны, чванливы,

лицемерны. Прошел почти год, о многом иначе думает Карл, но неизменен Трир.

С первых же дней по возвращении домой он ощутил городскую духоту. Только отец и Людвиг Вестфален остались для него прежними.

Юстиции советник значительно постарел; реже смеялись его черные глаза.

Кашель отца стал более протяжным. Между бровями пролегла страдальческая морщинка, а на висках вздулись склеротические синие жилки.

Дела Генриха Маркса во время отсутствия Карла были нехороши, как и его здоровье. Кашель мешал выступать в суде. Ослабел голос.

Была ночь. Пахли корицей левкои. Блуждая по траве, Карл натыкался на кусты георгинов. Отец шел рядом, жаловался: клиенты начали считать адвоката старомодным.

Собираясь закурить, юстиции советник зажег спичку (их поставлял ему сторонник новшеств Монтиньи). Луч скользнул по узким смуглым щекам, по черной гриве волос Карла, отразился в карих глазах и пересек квадратный гигантский лоб — самое удивительное в лице юноши. Помолчав, он сказал раздумчиво Карлу:

— Я хочу повторить, сын мой, то, о чем писал тебе в Бонн и неоднократно повторял уже раньше. Я желал бы увидеть в тебе то, чего, возможно, сам бы достиг, если бы вступил в мир при таких же благоприятных условиях, как ты теперь. Ты можешь осуществить и разрушить мои прекраснейшие надежды.

Дружба Карла и Женни перешла в любовь. В памятный вечер в актовом зале гимназии Фридриха Вильгельма перед Женни впервые появился Карл-юноша.

В саду дома Вестфаленов они заключили дружеский союз. Но такой союз между свободными от иных привязанностей девушкой и юношей был только попыткой избежать любви. Теперь, после жизни в Бонне, робость, которую внушали женщины Карлу, исчезла. Первое рукопожатие подсказало это Женни. Перед ней был юный мужчина, не суетливый и не отступающий. Обаяние сильного, созревающего ума подчиняло Карлу людей. Со школьной скамьи он не вызывал в хорошо знавших его людях средних чувств: он внушал либо преклонение, либо завистливую враждебность.

Женни словно сидела на берегу реки. Жизнь проплывала мимо. Дни исчезали листками скучного календаря.

Карл привез из Бонна новые мысли, уверенность в себе,

ожидание завтрашнего дня. Он шел вперед, воодушевленный множеством поставленных перед собой целей. Его бодрость, энергия, трезвость и вместе взлет мыслей поразили чуткую, рвущуюся к содержательной жизни девушку. Женни безошибочно отличала подделку от настоящего. Она решительно отклоняла многочисленные брачные предложения. Но робость овладела ею, когда перед ней оказался Карл.

Женни чувствовала себя слабее его. Она приняла его любовь. Как это было? Женни не хочет говорить. Можно ли объяснить, почему именно он?

Произошло, как это бывает всегда. Слова и поцелуи.

Пусть слова любви стары — они были новыми для Женни и Карла.

Для Карла любовь священна. Слово «люблю» имеет для него особый смысл: оно значит также и «навсегда». С детства он видел, как бережно любил Генриетту Пресборк юстиции советник. Генрих Маркс — однолюб. Он учил сыновей уважать женщину. Карл помнил мать беременной, истомленной родами. Он видел, как малейшей заботой и радостью делился с ней отец. Жена, соратник, друг — разве эти три слова не синонимы? Они должны быть синонимами.

Любовь казалась Карлу неисчерпаемой, как знание, движущейся, труднодостижимой, как истина. Разве не меняется любовь, как жизнь, как люди?

Предстоящие годы разлуки не пугали Карла. Главное, что они с Женни нашли друг друга.

Карл любил смену времен года. Весну олицетворяли для него зацветающий платан и темный плющ.

Плющ вился по гимназической часовне, плющ окутывал террасу дома Вестфаленов, платан рос на углу Римской улицы. До угла, до платана, Женни разрешала Карлу провожать ее. Они подолгу стояли, разговаривая, на перекрестке улиц. Любуясь невестой, Карл дотягивался рукой до тяжелой ветки, обрывал большие мягкие листья с косыми прожилками. Платановые листья устилали улицу, приминали пыль.

Карл любил траву. В жаркие неподвижные дни лета он купался в Мозеле. Берег был зеленый, густо поросший мятой и ромашками. Птицы, казалось, дремали в воздухе. Звенели стрекозы. Карл плавал, нырял, резвился в воде или неподвижно лежал, обсыхая под солнцем. Мать, отпуская сына на реку, наказывала сидеть в тени, прятаться от лучей. Но Карл предпочитал ракитнику траву, а тени — солнце.

Прижавшись к траве, он слышал отчетливо биение легковозбудимого сердца, которое казалось ему теперь пульсом

земли. Жизнь была вся впереди, вдали, за горой Святого Марка. Карл мечтал. Знание мира было книжным. Мятежники, сражающиеся за справедливость, звали его в свои ряды. Иногда он брал с собой на берег Мозеля «Дон Кихота» и, перелистывая, страдал вместе с благородным идальго и смеялся.

С цветами и травой юности долетали к Марксу лоскутки образов и обрывки слов. Чудесные ассоциации минувшего.

Карл иногда приносил цветы Женни. Из букета она всегда выбирала самый яркий, чтоб приколоть к корсажу. Цветы и трава украшали их любовь.

Осень таилась в радужных гроздьях вестфаленских виноградников, алела в кустах красной смородины. Виноградники. Фруктовые сады. На их желтой согретой земле промелькнули отроческие годы Карла.

Карл приехал в Берлин. Карета выбралась на Старо-Лейпцигскую улицу и остановилась у крайнего дома.

В Трире, перед отъездом, родители несколько дней сряду выбирали пансион, где мог бы жить в Берлине юный студент. Предпочтение было отдано гостинице на Старо-Лейпцигской улице. Еще бы, сам Лессинг некогда имел обыкновение, посещая прусскую столицу, останавливаться именно в этом пансионе.

Берлин встретил Карла дождем. На Унтер-ден-Линден копошились в непролазной грязи каменщики. Кое-где на пустырях строились квадратные дома.

Возле ратуши возница попридержал вымокшую лошадь и кнутом показал седоку главную достопримечательность города — асфальтовый тротуар. Карл выглянул и не нашел ничего интересного в черной гладкой блестящей массе. С непривычки люди ходили по ней осторожно, глядя себе под ноги, как бы боясь поскользнуться.

Король был в Потсдаме, и дворцы, мимо которых наемная карета везла студента и его небольшой багаж, казались безлюдными.

После наполеоновского урагана, превратившего нарядный город Фридриха II в запущенную провинциальную чиновничью резиденцию, Берлин снова пытался вернуть себе былое внешнее величие. Это давалось нелегко.

В годы, когда там учился Маркс, столица Пруссии насчитывала более 300 тысяч жителей. В торговле и промышленности преобладала средняя и мелкая буржуазия, но тон в столице задавали только дворяне, офицеры и высокопоставленные чиновники. В Берлине не было еще тогда ни крупных предпринимателей-миллионеров, как в Кёльне, ни

пролетариата, как в Руре. Первые современные заводы появились в прусской столице только в 40-е годы. Здесь в 1841 году на заводе «Борзиг» был построен первый локомотив. Но в 30-е годы еще преобладали массы ремесленников с их кустарным и полукустарным производством.

Средняя и мелкая буржуазия, составлявшая основную часть населения, не имела никаких политических прав; выходившие в Берлине две газеты не решались заниматься политическими вопросами, они интересовались главным образом театром и литературой.

По сравнению с беспечным Триром, с замечтавшимся на холмах Бонном прусский город показался Карлу каменным истуканом, обряженным в мундир. Чиновники и военные — все на один покрой, на одно лицо — проходили степенно по тротуарам. Выражение старательности, напряженного самодовольства застыло на их лицах.

Мундиры. Карл никогда не думал, не предполагал, что их можно выдумать в таком большом количестве и разнообразии. Лацканы, эполеты, пуговицы — золотые, синие, красные, — узкие шпаги разной величины.

Интенданты, офицеры, даже студенты — все исчезали под сукном и позолотой мундиров. Жители Трира были всего лишь скромными неисправимыми провинциалами по сравнению с франтоватым столичным чиновничеством.

Карл с унынием наблюдал этот парад костюмов, улиц, домов, различимых лишь по количеству этажей и вывескам бесчисленных управлений и интендантств.

Прославленный на всю Германию философом Гегелем и теологом Шлейермахером университет оказался с виду таким же серым и безличным, как дворцы, кирхи и казармы. Скука, чинная, благонамеренная, облепила старые стены, как копоть.

Берлин, столь контрастировавший с настроением Карла, пришелся ему, однако, по сердцу. Солнцем согреты были воспоминания. Он был счастлив и хотел быть один. Чужие люди, каменная пещера, выдолбленная в квадрате скалы-дома, не мешали ему отдаваться своим мечтам о будущем, своим планам борьбы за него.

Необычайная сконцентрированность чувства освобождала его от любовных поисков, от опустошающих «примериваний», от суррогатов влечения. Если он приглядывался к женщинам, то лишь для того, чтобы еще раз отдать предпочтение своей невесте. В Берлине, как и во всей вселенной, не было для него девушки привлекательнее и желаннее. В Женни он отгадал женщину единственную, совершеннейшую. Перед нею меркли самые

красивые, самые умные женщины мира. Перед нею отступали во тьму героини излюбленных книг. Все они, не заслуживая сравнения, лишь оттеняли ее превосходство.

Отец снабдил его, отправляя в Берлин, рекомендательными письмами к знакомым, которые, по его мнению, должны были помочь Карлу «стать на ноги». Генрих Маркс адресовал сына к деловым людям и видным чиновникам. Он хотел, чтобы Карл бывал в богатых, «солидных» домах, завязал «нужные» знакомства.

Но Карл поступил иначе. Прибыв в Берлин, он сразу же прекратил тот разгульный образ жизни, который вел в Бонне, порвал старые, связанные с этим периодом знакомства, но в то же время не пожелал искать покровительства у тех людей, к которым его направлял отец.

«Приехав в Берлин, — писал позже Карл своему отцу, — я порвал все прежние знакомства, неохотно сделал несколько визитов и попытался погрузиться в науку и искусство».

Генрих Маркс упорно продолжал наставлять юношу на свой лад:

«Благоразумие требует, — а ты не можешь пренебрегать им, так как ты больше не один, — создания себе некоторых опор, само собой разумеется, честным, достойным способом. Люди почтенные или считающие себя такими нелегко прощают небрежность, тем более что не всегда они склонны находить для объяснения ее только самые честные мотивы; особенно они этого не прощают в тех случаях, когда они несколько снизошли. Господа Ениген и Эссер, например, не только достойные, но и очень нужные для тебя люди, и было бы весьма неразумно и действительно невежливо пренебрегать ими, так как они тебя очень прилично принимают. В твоем возрасте и в твоем положении ты не можешь требовать взаимности…»

Впервые поучения юстиции советника злят юношу. Карла снова корят за нелюдимость и нерасчетливость.

«Нет, отец, — думает он, читая письма отца, — мы разные люди».

«Не говоря о том, что общество дает большие преимущества, — читает нехотя Карл в новом родительском послании из Трира, — с точки зрения развлечения, отдыха и образования…»

«Общество… Развлечения!..» — он готов смеяться, но из любви, детской любви к отцу, преодолевает досаду.

«Нет, — говорит Карл, закуривая сигару, — мне это не подходит».

Он думает о том, как все отдаляется от него Трир, как все

дальше, все наивнее, беспомощнее кажется ему столь любимый отец, ограниченнее — мать.

Никогда он не будет юстиции советником, адвокатом, как Генрих Маркс. А бывало, он видел себя преемником старика отца, восседающим в кабинете где-нибудь на Брюккенгассе или Симеонштрассе. Генрих передал сыну своих клиентов, свою вывеску…

— Мы люди иного времени, — шепчет Карл. — Мы…

Ему приятно произнести слово «мы». Под его сенью двое: он и Женни.

«Пусть убираются к сатане эти дряхлые подленькие людишки в орденах, в почете, в так называемое силе!»

Карл ловит себя на том, что почти полдня не думал о Женни. Ощущение невольной вины охватывает его. Поджав ноги, он садится на скрипучее новое кресло, обитое мышиного цвета репсом, и отдается мечтам, самым безудержным и страстным. Не в его привычках долго оставаться бездеятельным. Мечты, воспоминания — все это только рычаги, только стимулы. Поэзия. Стихи. Песни. С ранних лет Карл хотел быть поэтом. В родительском доме верили в его талант. Никто не умел сочинять таких сказок. Ничья фантазия не была столь блистательной.

— Ханзи, — говорил юстиции советник жене в присутствии сына, — в колыбель нашего Карла добрые феи положили лавровый венок стихотворца.

Его родители им особенно гордились. Они называли его своим «сыном счастья» и, поскольку остальные дети были менее одарены, возлагали на него все свои надежды.

В дни семейных празднеств Карл неумело подбирал рифмы и получал в награду рукоплескания.

Поэзия. Карл знал наизусть сотни поэм, баллад и стихов. Он повторял напыщенные строфы романтиков, он подражал им, увлеченный звучностью слов, неистовством холодной лиры.

Мир, люди. Он знал о них еще так немного. Те, кого он знал, внушали ему отвращение. Юноша пытался бежать, укрыться от них в царство эльфов, сирен, демонов. Сказка была милее действительности, которую студент лишь начал познавать в свои 17–18 лет. Женни любила баллады и народные сказания. Она тоже знала их очень много. В них воспевались небывалые существа, таинственные средневековые чародеи, волшебницы и колдуны. Для барышни Вестфален собирал Карл, выискивая в книгах, старинные народные песни. Их суровый и неистовый склад, их то мрачный, то пенящийся, как пиво, грубоватый сюжет влияли так же на молодого поэта, как стили Брентано и загадочная проза Гофмана.

— Женнихен! — шепчет Карл. «Женнихен, дорогая невеста, — думает он, — обещанная жизнью как дар за победу… Победу над чем? Над учебниками. Какая чепуха! Над собой. Но тут нет борьбы…»

Генрих со страхом спрашивал себя, не одержим ли Карл каким-нибудь злым демоном, который испепеляет мозг и сушит сердце.

Отец верил в сына, считал его «светлой головой», но проявления его гениальности, выявившиеся уже в поисках нового мировоззрения, воспринимал как неспособность Карла «жить по-человечески» и часто упрекал его в том, что вместо делового подхода к учению он погружается в абстрактное философствование, тоскует о письмах от Женни и т. д.

«Эта растерзанность противна мне, и я меньше всего ожидал ее от тебя. Какие у тебя для этого основания? Разве тебе не все улыбалось с самой колыбели? Разве природа тебя не щедро одарила? И разве ты не одержал самым непостижимым образом победу над сердцем девушки, за что тебе тысячи завидуют? И первая же неудача, первое неисполненное желание заставляют тебя терзаться! Разве это сила? Разве это мужской характер?» — писал Генрих, сетуя на сына за его переживания из-за отсутствия писем от невесты.

Отец не мог представить себе, что письмо от девушки, пусть и такой прекрасной, как Женни, может иметь для Карла большее значение, чем успех в каком-нибудь преуспевающем буржуазном или чиновничьем доме. Любовь к Женни, думал он, должна быть действенной. Карл должен завязать в Берлине хорошие, нужные деловые связи, а ведь именно в «приличных» домах только и можно завести знакомства с влиятельными людьми, которые сумеют распознать талант в его сыне, оценят его «светлую голову» и предоставят ему выгодное место. Но Карл вместо сообщений о новых знакомствах прислал восторженное послание, осчастливленный письмом своей невесты:

«Передай, пожалуйста, привет моей любимой, чудесной Женни, — писал он отцу. — Я уже двенадцать раз перечел ее письмо и всякий раз нахожу в нем новую прелесть. Оно во всех отношениях — также и в стилистическом — прекраснейшее письмо, какое только может написать женщина».

Образ отдаленной расстоянием девушки в неспокойном, обожженном страстью и тоской мозгу молодого студента становится небывало прекрасным.

Студенты Берлинского университета занимались значительно прилежнее, чем в других университетах. Выпивки и особенно дуэли были здесь большой редкостью. Студенты прусской

столицы стремились овладеть науками, жили в мире возвышенных устремлений.

Берлинский университет был в то время центром гегельянства. Если прежние философские течения принимали вселенную как раз и навсегда данное и неизменное творение бога, то Гегель строил свою систему развития мира, как развитие идеи. Таким образом человеческая мысль или идея, по Гегелю, имела возможность принимать участие в совершенствовании мира. Это была одна из прогрессивных составных частей его учения.

В 30-е годы XIX столетия все науки строили свои выводы на открытиях гегелевской философии; тогда полагали, что знаменитая его всепроникающая диалектика дает окончательный ответ на все волнующие людей вопросы.

В то же время прусский король и прусское правительство в немалой степени чувствовали себя в безопасности оттого, что Гегель обосновал их право на существование своими философскими выкладками и утверждениями, будто все существующее разумно. Гегелевская философия стала официальной доктриной прусских государственных учреждений.

Лекции в университете не были единственным и основным источником духовного роста Карла. Он работал главным образом самостоятельно и к тому же с чудовищной интенсивностью: Маркс в это время стремился познать мир, чтобы прежде всего ясно разобраться в самом себе и выработать мировоззрение, которое отвечало бы его внутренним влечениям. В 1837 году он писал отцу: «Я должен был изучать юриспруденцию и прежде всего почувствовал желание испытать свои силы в философии».

Одновременно с изучением философских трудов Карл углубился в произведения по истории и теории искусства. По ночам он писал стихи, баллады, песни, а днем, после короткого сна, читал «Лаокоон» Лессинга, «Эрвина» Зольгера, «Историю искусства древности» Винкельмана, «Историю немецкого народа» Людена, «Германию» Тацита. Он еще не увлечен Гегелем, считает себя противником его титанической, но пока таинственной философии.

Разногласия с отцом, отказ Женни писать ему письма, пока помолвка не перестанет быть тайной для ее родственников, напряженная нечеловеческая работа родили строки, которые Карл вложил в уста разочарованного героя одного из своих неоконченных произведений:

Ха! Казнимый на огненном колесе,
Я должен весело плясать в круге вечности…

Плохой и хороший поэты одинаково полно отдают себя поискам слова и рифмы. В миг рождения стиха Карл не судья своего творения. Оно дорого ему затраченной энергией, пережитой радостью, отраженным светом мысли. К тому же лирические строки приближают к нему Женни и дают выход большим противоречивым чувствам. На секунду мелькает улыбка, иронически прищуриваются глаза. Но только на мгновение.

Стихи дописаны и окрещены «Поэзией», Они — его сегодняшнее я, его настоящее:

Образ твой звучал, как песнь Эола,
Крыльями любви касаясь дола.
С грозным шумом, с ярким блеском
Улетал он к небесам,
Опускался к перелескам,
Подымался к облакам.

И когда борьба в груди стихала,
Боль и радость в песне расцветала.
Формы нежной красотою
Дух навеки покорен,
Светлых образов толпою
Я внезапно окружен.
И, от пут земных освобожденный,
Я вступаю в творческое лоно[1].

Карл перечитывает написанное, перечеркивает, правит.

Чувство неопределенного недовольства вдруг приходит на смену глубокому удовлетворению.

— Кому я подражаю? — спрашивает он себя.

Старый, беззубый Шлегель иронически посматривает на своего ученика. Виттенбах кивает неодобрительно головой.

— Простоты, простоты нет. Все это вычурно, — заявляет он. — Учитесь у Гёте, молодой человек!

Карл снова читает свои стихи. Эти мятежные, смелые строки нравятся ему больше других.

Не могу я жить в покое,
Если вся душа в огне,
Не могу я жить без боя
И без бури, в полусне.

Я хочу познать искусство —
Самый лучший дар богов,
Силой разума и чувства
Охватить весь мир готов.

Так давайте в многотрудный
И в далекий путь пойдем,
Чтоб не жить нам жизнью скудной
В прозябании пустом.

Под ярмом постыдной лени
Не влачить нам жалкий век.
В дерзновенье и в стремленье
Полновластен человек[2].

Проходят дни. Возвращаясь из университета, Карл снова пишет. Ночь. Коптит керосиновая лампа. На потолке кольцами вьется дым. Скупая хозяйка не топила печи. Поверх мундира Маркс набрасывает шинель и подбирает крепкие ноги. Чем холоднее рукам, тем безудержнее ткет мысль свой пылающий узор.

«Это будет необычная баллада, — надеется он, теряя свойственные ему трезвость и ощущение смешного. — Мрачная, как «Лесной царь» Гёте».

На рассвете, вконец изнеможенный, он, шатаясь, добирается до кровати и засыпает так спокойно и крепко, как и надлежит в 18 лет. Утром, набрасываясь на кофе и булочки с маслом, перебирая записи лекций, юноша не скоро вспоминает о ночных творческих муках. Иные мысли заняли его. Но по пути в университет он в кармане шинели находит скомканный лист и осторожно, нежно распрямляет его.

Перед ним мрачная баллада — «Ночная любовь».

Он пошлет ее Женни и отцу. Они оценят. Может быть, эти стихи и хороши. Карл не уверен. Его острый, чуткий слух улавливает снова чужой ритм. Но как проверить? Нелегко открыть себя как поэта! Чем больше он перечитывает «Ночную

любовь», тем больше находит в ней совершенства. Так идет он по Фридрихсштрассе, неучтиво толкая прохожих и декламируя про себя свои стихи.

Вечером Карл отправляется на улицу Доротеи, в ресторанчик «Дядюшка», где предстоит встреча с только что приехавшим из Трира Эдгаром Вестфаленом.

Марксу не терпится поскорее получить вести о Женни, послушать новости из родного города. Но Эдгар опаздывает. Чтоб скоротать время, юноша курит и пьет черное баварское пиво, закусывая пирожками, до которых сызмальства был большой охотник.

В зале душно, толпу кружит вальс.

Карлу жарко и неудобно в штатском костюме, но так как посещение «Дядюшки» строжайше запрещено студентам, Карлу пришлось переодеться. Иначе какой-нибудь педель, опознав, занесет его имя на черную доску. Придется вести длинный спор с университетским начальством о благопристойности ресторана, куда после сумерек сходится мелкий служилый люд, подрабатывающие на проституции служанки и продавщицы модных лавок.

Коричневый сюртук слишком широк в плечах, длинные брюки ниспадают складками на щиколотки. Карл кажется самому себе крайне неуклюжим. Он решает не смотреть в зеркала, развешанные по стенам, но не может удержаться. Ну конечно, бант повязан криво, небрежно свисают концы вдоль бортов сюртука. Привыкший к воротнику студенческого мундира, Карл все больше тяготится своим необычным костюмом и решает впредь не одеваться подобным образом.

Перед его столом — оркестр. Музыканты изо всех сил наигрывают вальсы и полонезы, непрерывно ускоряя темп. Слишком пестро и вычурно одетые женщины кружатся без отдыха со своими шумными, бесцеремонными кавалерами.

Приметив Карла, одна из особенно развязных танцовщиц оставляет своего артиллериста. Это перчаточница из маленькой лавки подле университета. Она обращается к Марксу по-латыни со стихами Горация и просит утолить ее жажду пивом.

Карл угрюмо помалкивает, готовый броситься наутек, но на помощь ему приходит Эдгар. Присутствие женщины стесняет обоих. Они нерешительно обнимаются. Эдгар неуверенно садится.

Многое рассказано, много выпито, прежде чем Карл решается заговорить о своих стихах с Эдгаром, поэтический вкус которого он издавна ценил. Но в авторстве признаться так и не решается.

Карл читает одно за другим свои произведения. Песни гномов, сирен, бледной девы сменяются балладами о рыцаре,

которому изменила возлюбленная.

Эдгар слушает, хмуря брови, иногда просит повторить. Но вот Маркс кончил.

— В общем, — говорит Эдгар раздумчиво, — стили эти не лишены искренности. Но после Платена, после «Книги песен» Гейне быть поэтом стало трудно. Стихи эти уступают в мастерстве даже Давиду Штраусу и Альберту Ланге.

Вестфален строг и придирчив. Карл кусает губы. Чувство обиды внезапно наполняет его.

Карл не хочет начинать спор. Ему вдруг становится как-то безразлично — хороши, плохи ли стихи.

Беседа возвращается к Триру. Далеко за полночь юноши основательно навеселе покидают «Дядюшку» и, крепко расцеловавшись, расстаются на углу Старо-Лейпцигской улицы.

Наслышавшись много похвального об Эдуарде Гансе, видном берлинском юристе, Маркс поспешил записаться на курс его лекций. Ганс с первого взгляда понравился второкурснику. Он был молод — редкое и приятное свойство для профессора. Он был насквозь современен. Ни унылая тога, ни пыльная средневековая традиция, которой обвит был Берлинский университет, не были в силах лишить индивидуальности этого крепкого, приветливого с виду человека. Сосед по парте восторженно шепнул Карлу, едва Ганс взошел на кафедру:

— Он был учеником и другом самого Гегеля.

Маркс отнесся к этому равнодушно. Гегеля он читал в отрывках, знал лишь отчасти его учение, а уважать более понаслышке, чем по собственному убеждению, было и вовсе чуждо его характеру. Он подумал о том, что следует, не откладывая, включить в план занятий по философии труды Гегеля и основательно продумать их.

Как-то раз после лекции по уголовному праву, лекции, мастерски составленной и преподнесенной, Карл догнал Ганса в коридоре. Ему хотелось высказать профессору свое восхищение прослушанным. Смело, неотразимо гегельянец Ганс только что нанес удар застывшей, забронировавшейся науке о праве в лице прославленного Савиньи.

— Мир движется, меняется круг идей, но от нас требуют незыблемых древних истин. Сановные мудрецы нас запугивают словами «история», «историческая школа». Я убежден, что мы должны, наконец, восстать против ограниченности и закостенелости этой школы. Пусть не смутит наши умы важничанье, прикрывающее, как рубище когда-то богатой одежды, уродство и убожество. Юриспруденция должна быть освобождена

от рабских цепей омертвелых истин, сегодня звучащих как ложь, должна быть возвращена в братский круг исторических и философских дисциплин. Право всех народов развивается во взаимной связи. Пора это понять раз и навсегда. Логическое развитие общих правовых начал принимает у каждого народа специфические черты, — говорил Ганс. Карлу это казалось бесспорным.

— Юриспруденция не мертва, как латынь или греческий, это наука для людей, — сказал он убежденно и заслужил одобрительный кивок Ганса.

Они остановились у большого окна. Ганс милостиво расспрашивал студента и давал ему советы. Легкая улыбка уверенного в себе человека, не знающего больших житейских трудностей, улыбка, одинаково чарующая женщин и мужчин, пробегала по его живым глазам и терялась в больших мужественных губах.

— Я рад, — сказал Маркс, — случаю, давшему мне возможность узнать последователя Гегеля.

— Спасибо. Но будьте осторожны с последователями. Незадолго до смерти гениального учителя я восстал против него, да простится мне это.

Ганс имел в виду свое выступление против Гегеля, когда тот пренебрежительно и враждебно отозвался об Июльской революции и английском билле о реформе. Карл еще не знал об этом.

— Вы не из Рейнландии? — спросил он между прочим Карла и прочел четверостишие Гейне, посвященное Рейну.

И то, что Ганс вспомнил стихи и, видимо, хорошо знал любимого им поэта, очень понравилось Карлу.

— Рейнландия — порог Франции, — заметил Ганс далее. — Мы увидим с вами еще много интересного. Наша эпоха требует больших голов и смелых сердец, я бы сказал — французских.

— Как определили бы вы нашу эпоху? — спросил, заинтересовавшись, Карл.

— Эпохой революций.

— Эпохой революций?! — фамильярно дернув Ганса за полу тоги, позабывая дистанцию между студентом и профессором, почти закричал Маркс. — Вы правы. Вспоминая свое детство и отрочество, я вижу мир всегда только в состоянии напряженного ожидания. Чего? Схватки. Кого с кем?

— Кого? — улыбнулся Ганс. — Бедняка с богатым, плебея и аристократа-плутократа. До свидания, молодой человек! Мы еще поговорим при случае.

Карл вернулся в аудиторию в глубоком раздумье. Слова Ганса

отвечали каким-то уже мелькнувшим у него самого мыслям.

Эпоха революций…

Вначале Карл с увлечением записывался на лекции по самым различным научным дисциплинам. Его специальностью должна была стать Юриспруденция. Одновременно он хотел работать по философии и истории. Заинтересованный другими малознакомыми предметами, он брался за них независимо от того, в какой связи они находились между собой. Его одинаково увлекали и шекспировская комедия, и лекция Риттера по географии, и пандекты напыщенного, маститого профессора Савиньи. Но, аккуратно посещая некоторое время лекции по церковному праву, логике, судопроизводству, теологии и филологии, Карл быстро пришел к выводу, что, за исключением Ганса да еще двух-трех профессоров, преподавание в Берлинском, как и в Боннском, университете поручено скучным, трусливым людям, раз навсегда вызубрившим и из года в год все более высушивающим свой предмет.

Он не мог довольствоваться этой плоской передачей мыслей, найденных умами более сильными и оригинальными, чем их случайные толкователи. Посещение лекций теряло для него свой первоначальный смысл. Он перестал писать конспекты. Старые профессора очень скоро были разгаданы им: большинство тянуло лямку науки, как хомут. Одни были бы гораздо более на месте на церковной кафедре, другие — в канцелярии интендантства. Худшие отличались цепкой наглостью, пронырливым невежеством и беспредельным ханжеством.

О том, каким мог и должен был бы стать университет, говорили молодые смелые ученые вроде профессора Ганса и доцента Бруно Бауэра. К последнему Карл присматривался с особенным вниманием.

Оба считались гегельянцами, оба многое переняли у своего великого учителя. Карл твердо решил также заняться Гегелем. Начал он подумывать и об университетской карьере.

«Если я не стану поэтом и писателем, то, может быть, надену профессорскую тогу, — думал Карл. — Мы совершили бы переворот в немецкой науке». Он думал о себе, Бруно Бауэре, Гансе и им подобных. Будущее принадлежало новым людям, его, Карла, поколению. Чем больше он думал, тем больше склонялся к приятному выводу, что университетская карьера не помешает литературной. Этим устранялись все препятствия.

Нередко, придя домой из университета, Карл доставал потрепанные тетради своих стихов. На первом листке необычайно разборчивым почерком он вывел посвящение: «Моей дорогой, вечно любимой Женни фон Вестфален».

Перелистав страницы, он нетерпеливо вскакивал из-за стола. Долго сидеть на одном месте он вообще не умел, не мог. Принимался без конца шагать по комнате, не замечая пространства. Мысль его распрямлялась, как тело. Он переделывал на ходу отдельные строки своих творений. Стихов было уже немало. Он по-прежнему колебался в их оценке. Кроме стихов, Карл принялся за прозу. Восемнадцать главок уже написано…

Забывая о только что прочитанном пункте уголовного судопроизводства и изучаемых принципах прусского гражданского права, он возвращается к столу, чтоб продолжать начатую повесть. В предстоящей главе по замыслу нужно описать «ее» глаза — глаза героини. Будут ли это глаза Женни? Он волнуется, как будто пишет письмо с адресом Вестфаленов, которое он не имеет права согласно уговору с невестой писать.

«Милая, она может думать, что, не имея возможности ей писать, ее видеть, я охладею, я забуду! Как мало она знает меня!»

Его одолевает неистовство страсти и тоски. Это похоже на вдохновение. Нет, героиней его книги будет не Женни, она будет ее противоположностью. Так будет разумнее.

«Глаза девятнадцатая…» — выводит он неуверенными, беспокойными буквами и продолжает:

«И были у нее большие голубые глаза, а голубые глаза обыкновенно — как вода Шпрее.

Глупая алчущая невинность заявляет о себе в них невинность, жалеющая самое себя, водянистая невинность; при приближении огня она испаряется серой дымкой; и далее нет уже ничего за этими глазами, весь их мир голубой, их душа — синильщик. Карие же глаза — идеальное царство; бесконечный одухотворенный мир ночи дремлет в них; вспыхивают в них молнии души, и взоры их звучат, как песни Миньон, как далекая, полная неги, знойная страна, где живет божество, обладающее изобилием, что упивается своей собственной глубиною и, погрузившись во всеобъемлемость своего бытия, излучает бесконечность и терпит бесконечность. Мы чувствуем себя как бы скованными чарами, хотели бы прижать к груди мелодичное, глубокое, полное чувств существо и пить душу из его глаз и слагать песни из его взоров».

Глаза Женни светло-карие, переменчивые, глубокие. О них пишет Карл.

Женни фон Вестфален — красавица. Он любит ее с неистовством неугомонного Роланда. Нет, проза тривиальна, как вода реки Шпрее. Он отбрасывает начатую главу ради новых стихов к невесте.

Карл принялся за изучение Гегеля. В университете он бывал все реже. Посещал по-прежнему прилежно только лекции Ганса и Бауэра. Он решил лично познакомиться с Бауэром, но покуда еще медлил. Хотел встретить молодого гегельянца, когда будет во всеоружии, ибо поставил своей задачей овладеть основами учения его учителя. И всю эту зиму он держался вдали от берлинцев, вел жизнь по-прежнему уединенную. Книги, впрочем, заменяли ему людей, когда дело шло о познании той или иной философской системы. Он умел подбирать и изучать книги, как никто.

Медленно Карл перебирает письма родных. Он снова в Трире. Снова отец делится с ним своими честолюбивыми надеждами:

«Я надеюсь, мой сын, дожить до дня, когда твое имя прогремит и слава увенчает тебя».

«Я знаю, честолюбие мое — признак слабости, эгоизма, пустого тщеславия. Но я верю в тебя и в твое будущее. С такой ясной головой ты не заблудишься в мире и, — старик вздыхает, — добьешься карьеры легче, чем твой отец».

В этот раз письма из Трира посвящены Женни. Генрих Маркс перенес и на нее любовь, которую он питает к сыну. Карл трепетно, подолгу перечитывает каждую строчку, относящуюся к невесте. Как приняла Женни посланные ей стихи? «Она заплакала», — пишет Софи.

«Женни любит тебя, — успокаивает его сестра. — Если разница лет причиняет ей горе, то это только из-за ее родителей. Она будет теперь постоянно подготавливать их; затем напиши им сам; они ведь тебя очень ценят. Женни часто нас навещает. Еще вчера она была и, получив твои стихи, плакала слезами счастья и боли. Наши родители и братья любят ее сверх всякой меры; раньше десяти часов ей не позволяют уходить от нас, — как это тебе нравится? До свидания, милый, добрый Карл, прими мои самые сердечные пожелания, исполнения твоих самых сердечных желаний…»

Наступила весна 1837 года. На Старо-Лейпцигскои улице, где жил Карл, стало непроходимо грязно. С крыш на дурно выложенную плитами мостовую стекала по трубам серая жижа, пахнущая птичьими гнездами, сырой соломой, котятами. Домохозяйки неистовствовали во дворах, выколачивая ковры и гардины. Пыль плотной массой врывалась в открытые окна.

В Тиргартене, куда забрел Карл, несмело распускались рахитичные, уже пыльные почки на низких деревцах. Липы стояли еще оголенные. Ветер гнал по аллеям песок, ловко делясь и запуская его в глаза прохожим. Молодой студент разочарованно оглядел этот жалкий оазис и свернул на Унтер-ден-Линден,

намереваясь зайти в ресторацию выпить кофе с хрустящими прославленными безе и просмотреть газеты.

Счастливое совпадение столкнуло его с молодым профессором Гансом. Профессор, как всегда, блистал изяществом, довольством, улыбкой. Карл присоединился к нему, и они пошли на Жандармский рынок в ресторан Штехели.

— Там будут наши, — сказал Ганс.

Маркс догадался, что профессор имел в виду также и Бруно Бауэра.

— Отличный случай узнать Бауэра поближе.

— Рекомендую. Это один из интереснейших людей, выдвигаемых нашим временем. Он идет походом на бога. С увлечением и мужеством он борется с теологами и наносит им все новые удары, раскрывает один за другим все их секреты, уничтожает предрассудки.

— Противопоставляя богу бога?

— Богом станет человек.

— Лестно для нас. Раньше бога пытались очеловечить, теперь обожествляют человека.

— Ого! У вас недоверчивый, острый, неспокойный ум, мой юный друг. Со временем вы можете стать очень сильным в диалектике, — говорит Ганс раздумчиво. — У Бауэра много оригинальности, но, по правде говоря, я юрист, и небесные дела занимают меня сейчас в последнюю очередь. Читаете ли вы Гегеля?

— Да. Читал «Феноменологию духа», но говорить об этом еще рано. Признаюсь, меня отпугивает это нагромождение мыслей величественных, но не всегда удобоваримых.

Едва Ганс появился на пороге, опередив Карла, несколько человек в бархатных блузах с огромными бантами a la Латинский квартал подняли в его честь кубки.

— Это актеры из соседнего театра, — сказал Ганс и ответил им античным приветствием и низким поклоном.

Ганс — истый берлинец — помогал Карлу ориентироваться среди новой обстановки и людей:

— Это Мейен, Эдуард Мейен, которому Берлин кажется центром мира и бытия. Я знаю его давно и насквозь. Ему присущ налет особой берлинской пресыщенности. Нельзя отказать ему в некотором багаже эстетических знаний. С недавних пор он воображает, что живет в гуще социального и политического движения. Боюсь, что это больше ему кажется. Он тоже вышел из гегелевской школы и прошел все фазы, начиная от той поры, когда нас возносили, до того момента, когда к нам, молодым, начинают относиться с некоторым подозрением. Как

большинство, он сильнее в критике, чем в творчестве… Сейчас он мечтает о журналистике. Не далее как вчера он объяснял мне, что только в ней начало нового мира… Все же это не худший из молодых. Он меньше иных витает в абстрактном мышлении, и ему близки живые порывы.

Ганс терпеливо отвечал на вопросы.

— Это Людвиг Буль. В его слабом тельце живет неукротимый, сильный дух.

— Насколько мне известно, Буль — человек больших знаний. Образование доставило ему одно из первых мест на столбцах северогерманской прессы. Я читал его статьи. Нужно, однако, учесть, что прусская публицистика не вышла еще из детского возраста: спеленатая, она совершенно беспомощна и растет калекой. Как прав был Берне, когда, высмеивая мероприятия Союзного сейма, терроризирующие нашу печать, говорил: «Где нет ничего, там и король теряет свои права!» — заметил Карл.

— Вы судите смело и верно, — согласился Ганс, снова удивленный знаниями и отважными суждениями юноши.

Так началась дружба между молодым профессором Эдуардом Гансом и студентом Марксом.

Все, что писал в Берлине 19-летний Маркс, исходило не из какой-либо уже сложившейся политической и социальной идеологии. Напротив, никакого цельного мировоззрения у молодого студента в то время еще не было. Он писал свои сочинения, движимый порывами общечеловеческой любви, охваченный добрыми чувствами абстрактного гуманизма и идеализма.

Карл очень скоро понял, что поэзия не его призвание. После года пребывания в Берлине он писал отцу: «…внезапно, как бы по удару волшебного жезла… передо мной блеснуло, словно далекий дворец фей, царство подлинной поэзии, и все, что было создано мной, рассыпалось в прах».

Тоска по Женни, бессонные ночи, несколько курсов лекций по различным дисциплинам, которые одновременно слушал Карл в университете, подорвали его здоровье, и он тяжело заболел.

Жизнь Женни в Трире в это время также была трудной. Она отвечала отказом на все брачные предложения, исходившие из аристократических кругов, чем вызвала неприязненное к себе отношение в семье. Ее глубокая любовь к Карлу придавала ей силы в борьбе с чувством страха и уныния, которые иногда охватывали ее. Но она смеялась втайне над ухаживавшими за ней чванливыми высокопоставленными чиновниками и самовлюбленными, недалекими прусскими офицерами. Она любила Карла за его преданность идеям свободы, за его

решимость бороться с тиранией, за широкое поле его мыслей, за поэтичность его души и любовь к народу. Она доверила свою жизнь и счастье молодому и, в сущности, бедному студенту, веря в то, что его ждет большое будущее.

В октябре 1837 года Карл, чтобы покончить, наконец, с создавшимся мучительным для него и Женни положением, сделал официальное предложение и попросил ее руки. Несмотря на противодействие сводного брата Женни, юнкера и реакционера Фердинанда фон Вестфалена, ставшего впоследствии, после революции 1848 года, министром внутренних дел Пруссии, Карл получил согласие отца и матери Женни на помолвку. Однако Женни все еще не решалась писать письма своему жениху, и это действовало на него удручающе. Подрывало здоровье молодого студента также разочарование в своем поэтическом творчестве. «От огорчения по поводу болезни Женни и моей напрасной, бесплодной духовной работы, от грызущей досады на то, что приходится сотворить себе кумира из ненавистного мне воззрения, я заболел… Оправившись, я сжег все стихи и наброски новелл и пр…».

Так писал Карл своему отцу в обширном письме, в котором рассказывал, что происходило с ним в первый год пребывания в Берлине.

Врачи посоветовали Карлу отдохнуть некоторое время в деревне. Маркс уехал в Штралов, берлинское предместье, и прожил там несколько недель, изучая Гегеля.

«Всемирный дух никогда не стоит на одном месте. Он постоянно идет вперед, потому что в этом движении состоит его природа. Иногда кажется, что он останавливается, что он утрачивает свое вечное стремление к самопознанию. Но это только кажется; на самом деле в нем совершается глубокая внутренняя работа, незаметная до тех пор, пока не обнаружатся достигнутые результаты, пока не разлетится в прах кора устарелых взглядов и сам он, помолодев, не двинется вперед семимильными шагами. Гамлет восклицает, обращаясь к духу своего отца: «Надземный крот, ты роешь славно!» То же можно сказать о всемирном духе: он «роет славно».

Карл несколько раз перечитал пленивший его глубиной мысли абзац. Так поэта волнует откровение чужих стихов. Он решительно отчертил текст и, не удовольствовавшись этим показателем внимания, восхищения гегелевским гением, тщательно списал абзац в тетрадку, предназначавшуюся для лекционных конспектов и оставшуюся девственно чистой. Буквы бежали с пера Маркса на бумагу в невообразимом беспорядке.

Никто, кроме него самого, не мог бы разобраться в этом сложном переплетении черточек и чернильных пятен.

— «Все движется, все меняется, мир, вещи, люди», — Карл твердил эту ясную истину, довольный, как Коперник, открывший вращение Земли. — Великая, простая правда.

Маркс перелистал исчерченную пометками, вынесшую не одну битву с противоречивым юношеским духом книгу и задержался на гравированном портрете автора. Прозрачные глаза старого Гегеля смотрели вперед упрямо, проникновенно с большого, точно высеченного из гранита лица. Растрепанные волосы выбивались из-под бюргерского колпака.

— И такой мозг погиб, разъеденный холерными бациллами! — пожалел Маркс.

— Он умер вовремя, если даже не слишком поздно, — сказал как-то Ганс, осуждая политические воззрения последних лет жизни учителя.

«Его идея развития раздвинула рамки мира, — думал Карл. — Это лампа чудесного Аладдина, озаряющая подземелья мысли и все закоулки земного бытия. Гегель похитил ее у неба и был испуган сам яркостью света. Он хотел прикрутить фитиль, но тщетно».

Отложив книгу, юноша принялся шагать из угла в угол, как всегда, когда мысль его работала особенно напряженно и быстро. Он шагал все быстрее, как бы в ритм несущимся думам, все по одной и той же линии, наискось, от умывальника к столу.

В открытое окно деревенского дома врывались фиолетовые цветущие ветки сирени. Пели вдалеке птицы. Им вторила шумящая убаюкивающе-ровно водяная мельница.

Больше месяца жил уже в Штралове Карл. Больше месяца, пользуясь болезнью как поводом редко выходить из дому, он продумывал страницу за страницей Гегеля. Он встретил новое учение как враг, готовый к бою, но почувствовал себя пленным. Готовый защищать предшественников Гегеля от его разрушительной теории, он сдался. Возможность отыскать смысл бытия в самой действительности была слишком притягательна для ума деятельного, необычного, воинственного. Карл разрушил без сострадания свой Олимп, низверг богов, требуя, чтоб они сочувствовали его исканиям здесь, на земле. Кант, Шеллинг, Фихте, еще недавно чтимые, лежали поверженными в прах. Гегель открывал Карлу мир, помогая познать историю человечества, законы, по которым строятся отношения между людьми.

И сейчас сановный нелюдим Гегель стал Марксу понятен. Прежнее раздражение перед его учением исчезло. Карл научился блуждать, не теряя дороги, среди гранитных валунов, острых скал

его мыслей. «Феноменология духа» казалась молодому студенту книгой бури. Столько воздуха, открывающихся для мыслей просторов было в ней! Идея диалектического развития, как ураган, опрокидывала несокрушимые столбы, на которых доныне бюргеры строили свой мир.

Маркс продолжал читать. Вошел Адольф Рутенберг, преподаватель в кадетской школе, журналист.

— Какая странная, неистовая мелодия в этих книгах! — сказал Карл в изнеможении. — Сколько бесценных и сколько фальшивых жемчужин в этой сокровищнице!

— Фальшивых? — переспросил его Адольф. — О неверующий Фома! Поклоняясь, ты тут же низвергаешь. Твой мозг, что буравчик, точит и во всем сомневается.

— В первую очередь — в том, чему готов поклоняться. Объясни, если на то пошло, такое отчетливое противоречие: если знание есть исторически развивающийся процесс, ведущей силой которого является все та же борьба знания и природы, то почему старый великан ставит сам себе предел, объявляя, что предметом познания является абсолютное знание?

Рутенберг беспомощно пыхтит и лезет за трубкой в оттопыренный карман широкой неподпоясанной блузы.

— В такой день, когда за окном солнце, когда хорошенькие девушки нежно смеются вдали, неохота пускаться в эти сырые дебри. Спроси Бруно.

Но Карла не уймешь.

— Я пытался обойти эти путаные нагромождения, в первый момент обманывающие диалектической простотой. Но проклятый мой дух не знает покоя. Роет, гонит от книги к книге, от мысли к мысли. Так пришел я к философии и приду, видимо, еще ко многому. Неуловимыми нитями связаны все виды знания. Юриспруденция немыслима без философии и истории. Абстракция есть только путь к конкретному. Но и познание конкретного беспредельно. Млечный Путь, кажущийся нам дымкой, — сотни тысяч осязаемых звезд. И вот я разрушаю то, что создал накануне, чтоб из развалин возводить новое здание. Надолго ли? Но иначе нельзя. Я отрицал Гегеля — и принялся изучать его, чтоб осмеять, низвергнуть, растоптать. На моем щите были имена Канта и Фихте — и вот я побежден и примкнул к теперешней мировой философии. Так выглядит идея развития, учит меня на мне самом. После стольких отрицаний я вооружаюсь Гегелем, как Зигфрид — мечом героя, и хочу сражаться дальше. Как знать, не пронзит ли меч со временем и старого прусского гения!

— Не удивлюсь. Ты головастик, Карл. А разум — наиболее

смертоносное оружие. Я на десять лет старше тебя, но вот никогда не додумывался и до сотой части того, что тревожит тебя между прочими вопросами, этак по пути, как камешек, прилипший к башмаку. В твои же годы, как ты, безусый, я обкрадывал книги, щеголяя словами и мыслями их авторов без всякого стыда. Сам я думал мало, почитал два-три авторитета, признанных и непризнанных, лихо пел, танцевал и верил, что библия писана бессмертными. А я был не из худших. Я жил, как щенок, увидевший мир. Ты совсем из другой глины. Не дилетант, как большинство худших, и не педант, завязший на всю жизнь в двух-трех проблемах. Ты мятежник. Но я боюсь, не засушишь ли ты свое сердце.

С недавних пор 30-летний учитель кадетского корпуса и юный студент из Трира с едва пробивающимися черными волосками над короткой, пухлой верхней губой, стали закадычными друзьями. Рутенберг познакомил Карла и с другим учителем — Карлом Фридрихом Кеппеном. В сумерки они часто катались на лодке. Нигде на суше не говорилось так свободно. Устраивали причал на песчаном берегу, разжигали костры, пили, пели, спорили.

После нескольких недель в Штралове Маркс опять выглядел силачом.

Карл ценил своих новых приятелей. Рутенберга он больше любил, Кеппена — уважал.

Позже других узнал Маркс самого Бруно Бауэра. Знакомство произошло на лодке, в сумерки.

Бруно Бауэр курил, глядя на берег. Карл разглядывал его лицо, повернутое в профиль: три острые линии, образующие лоб, нос и подбородок. Было что-то отталкивающее в рисунке узкого носа, что-то фанатически упрямое в треугольном подбородке.

«Способен ли он на широкие обобщения?» — пронеслось в мозгу, но сейчас же исчезло.

Маркс был высокого мнения о революционном штурме неба, которое предпринимал молодой доцент.

— Кстати, Маркс, я рад сообщить, что вы приняты в члены нашего клуба, — сказал Бруно. — В филистерском ядовитом мирке, который наступает на нас со всех сторон, этот клуб единственное противоядие. Не рассчитывайте увидеть там каких-нибудь сиятельных господ. Кроме здесь присутствующих, вы найдете также Альтгауза, изучающего теологию и потому отъявленного атеиста, моего брата Эдгара да еще нескольких, способных мыслить и потому неспокойных.

Лодка причалила к песчаному берегу. Бруно и Фридрих Кеппен быстро насобирали сухих веток и разожгли костер. Карл

тщетно призывал Адольфа к благоразумию, но тот, не дожидаясь начала трапезы, ловко выбил пробку ударом по донышку и наполнил кружки. Быстро хмелея, он становился назойливо нежным, грустным и болтливым.

Бруно не был расположен на этот раз к шуткам и каламбурам. Он подсел к Марксу, о котором уже был наслышан, и осторожно вовлекал его в разговор. Поглощенный одной темой, он обычно сводил беседу к евангелию и богу.

— Я работаю над евангелием все последние годы и могу сказать без колебаний, что в первых трех томах уверен. Что касается четвертого, то доказательства еще не все собраны, поэтому будем говорить о первых трех. В евангелии нет ни атома исторической правды. Этот напыщенный петух Штраус возвел здание на песке и напустил дыма, застилающего глаза даже зрячим. Нет ничего хуже современного апостола…

— Которого усмиряет министр народного просвещения, — подхватил Карл.

— Господин Альтенштейн вовсе не похож на нынешних филистеров в орденах и с раскормленными задами, — высокомерно заметил Бауэр. — Обычно мы перестаем верить внезапно, без долгих колебаний, теряем религию, как невинность, в раннем возрасте. Нередко мы мстим неверием богу за то, что провалились на экзамене, хотя перед тем усердно молились и давали обеты. Это самый ненадежный способ перестать верить. Атеистом можно стать так же, как ученым, лишь многое продумав и, если хотите, даже перестрадав. Настоящие безбожники пришли к истине через веру, через борьбу с ней.

Карл внимательно слушал Бауэра. Обращаясь к прожитым 19 годам, он не находил там того, о чем говорили Кеппен и Бауэр. Он не мог вспомнить, был ли когда-нибудь, как его отец, последователем деиста Руссо, произнес ли хоть раз слово «всевышний», придавая ему то значение, которое оно имело для юстиции советника. Он вырос между несколькими богами: суровым иудейским, которого чтил дядя-раввин Самуил, благодушным лютеранским, которому усердно молилась в кирхе Софи и с некоторых пор Генриетта Маркс, и античными богами, которых прославлял Виттенбах, рассказывая о неповторимом расцвете Трира. В этот мир богов Карл поселил и героев из «Песни о Нибелунгах» и рейнских сирен из баллад и сказаний. Сказка добивала религию. Он не штурмовал неба, которое никогда не казалось ему обитаемым.

— Увы, — воскликнул Карл с комическим пафосом, — я еретик с детства!.. Вы говорите, — добавил он, становясь серьезным, — что христианство не было навязано в качестве

мировой религии древнему греко-римскому миру, а вышло из его недр? Это верно. Но чему, кому оно служило и служит? Вольтер говорил, что если бога нет, его следует выдумать. Почему? Не небо, а земля интересует меня. Я ищу идею в самой действительности. Если прежде боги жили над землей, то теперь они стали центром ее.

Время в рыбачьей деревне проходило быстро — в чтении, спорах, мыслях о будущем. Карл решил не перечить отцу и, следуя его воле, не ездить на каникулы в Трир.

Когда в огородах Штралова отцвели тыквы, Рутенберг объявил, что пора возвращаться в столицу.

Бруно Бауэр и Кеппен тоже торопили с возвращением в Берлин. Начинался театральный сезон. Следуя советам членов докторского клуба, Карл намеревался изменить образ жизни.

«Ученый нашей эпохи должен быть всесторонне образован, знать толк в искусстве, направлять ход политической стрелки. Знание стоглазо и тысячеруко…» — думалось Карлу, и, не жалея себя, он взвалил на свои неокрепшие, юношески сутулые плечи тяжелую ношу.

Ему же первому пришел на ум план издания журнала театральной критики, встреченный восторженно всем бауэровским кружком. Это должно было быть чем-то совершенно невиданным в германской прессе. Маркс сызнова перечитывал Шекспира, Кальдерона, Лопе де Вега. Спор затягивался обычно до самого утра. Стада, идущие на водопой, возвращали будущих театральных критиков к действительности, и они расходились с песнями, веселые и охмелевшие от бессонницы и шума.

— Если театр — зеркало эпохи, то наш предполагаемый журнал сможет отразить не одно уродство прусского режима! — кричал Карл в окно вслед уходящим братьям Бауэрам.

Вернувшись в Берлин, Маркс решил не прятаться в берлоге, как прозвал его комнату Бауэр, и присмотреться к столичной жизни, главным образом театральной. Мысль об издании журнала была отброшена не сразу. В погребке Гиппеля на Фридрихс-штрассе члены докторского клуба были не только завсегдатаями, но и заправилами. Отсюда после стакана вина молодые доценты, учителя и немногочисленные студенты отправлялись в театр либо в Певческую академию.

Карл, впервые познавший волнения и радости театра, стал неистовым приверженцем и судьей кулис. После любительских спектаклей в трирском казино, где завывал нестерпимо патетически Хамахер и путали реплики актрисы, после Бонна, куда изредка забредала на гастроли какая-нибудь посредственная, неумелая актерская труппа, берлинские театры

производили особенно сильное впечатление на юного провинциала. Шекспир не был в чести на берлинской сцене, и Карл с досадой отмечал это, но Кальдерон и Лопе де Вега, но Мольер и Шиллер не сходили с репертуара вместе со Скрибом и Кернером.

Впрочем, главным поставщиком берлинской сцены являлся неутомимо плодовитый Эрнст Раупах. Его 75 пьес, одна другой сентиментальнее, ненатуральнее, мелодраматичнее, обрушивались на театры, как оспенное поветрие.

Но Карл терпеливо смотрел даже пьесы скучного водолея Раупаха и принужден был после спектакля в погребке Гиппеля отстаивать Софокла перед этим любимцем публики.

Вместе с Рутенбергом и Кеппеном Карл не пропускал ни одного спектакля «Фауста», он знал наизусть весь текст. Не только величие гётевской мысли, но и игра непревзойденной Шарлотты фон Хаген и ее дочерей привлекала в Королевский театр университетскую молодежь, так же как и придворных.

Образ Маргариты неотделим был для Карла от образа хрупкой Шарлотты. Одержимый неизменной любовью к Женни, Карл отыскивал и находил сходство между своей невестой и этой избалованной поклонением и удачами актрисой.

Симпатией молодых членов докторского клуба пользовалась также и Генриетта Зонтаг. Чтоб попасть на ее концерт, ни один из них не отказывался заложить в ломбарде часы или скучнейшие тома учебника Неандера по истории церкви, ни один не останавливался перед тем, чтоб в дождь и в холод простоять в толпе с рассвета до полдня у кассы, ни один не жалел рук и глотки, чтоб выразить свой восторг и благодарность. Горе тем, кто отдаст предпочтение толстой итальянке Каталани перед обаятельной любимицей, уроженкой Берлина! Такой спор мог решаться поединком.

Вне спора — скрипка Паганини. Карл нередко бывал очарован магическим смычком.

Уже давно окончен концерт. Уже заперты тяжелые дубовые двери Певческой академии. Бруно Бауэр молчаливо играет в углу гиппелевского погребка в неизменный крейц, Рутенберг допивает вторую бутылку вина, Кеппен зубрит, окружив себя дымной завесой, индусские наречия, Альтгауз превозносит современных драматургов, а Карл все еще отдается звукам и видит перед собой длинноволосого изможденного Паганини. Его скрипка пробуждает поэта. Рифмы снова зовут к себе юношу.

Осень 1837 года на исходе. Первый год пребывания в Берлине прошел. Есть особая скрытая сила в датах. Год. Карл думает о

минувших сроках. Более двенадцати месяцев не видел он Женни, не гладил руки отца, не слышал незлобивого ворчания матери и не играл в прятки с младшими сестрами, не мастерил игрушек больному брату. Что сделано за это время? Не растранжирил ли он время, не потерял ли его?

Днем некогда писать в Трир, некогда подводить итоги. Ночи в Берлине такие тихие… С вершины завтрашнего дня смотрит Карл на отошедшее вчера. Как полководец после боя, обходит он поле битвы. Да, год был для него непрерывной борьбой. Кому адресовать разговор с самим собой? Кому исповедаться? Кто поймет? Беспорядочные думы требуют формы. Мысль хочет стать словом.

Отец. С детства Карл был с ним откровенным. Может быть, потому юстиции советник первый понял незаурядную даровитость сына, может, потому много ждал от него. Отец был всегда его другом, его поверенным. Прилив нежности и благодарности помогает Карлу начать письмо, которое, однако, более всего он обращает к самому себе. Он говорит сам с собой, механически торопливо записывая этот длинный монолог, выношенный, созданный целым годом одинокой жизни, размышлений, тоски по Женни.

«Бывают в жизни моменты, — пишет Карл, — которые являются как бы пограничной чертой для истекшего периода времени, но которые, вместе с тем, с определенностью указывают на новое направление жизни.

В подобные переходные моменты мы чувствуем себя вынужденными обозреть орлиным взором мысли прошедшее и настоящее, чтобы таким образом осознать свое действительное положение. Да и сама всемирная история любит устремлять свой взор в прошлое, она оглядывается на себя, а это часто придает ей видимость попятного движения и застоя; между тем она, словно откинувшись в кресле, призадумалась только, желая понять себя, духовно проникнуть в свое собственное деяние — деяние духа.

Отдельная личность настраивается в такие моменты лирически, ибо каждая метаморфоза есть отчасти лебединая песнь, отчасти увертюра к новой большой поэме, которая стремится придать сверкающему богатству еще расплывающихся красок прочные формы. И тем не менее, мы хотели бы воздвигнуть памятник тому, что уже однажды пережито, дабы оно вновь завоевало в нашем чувстве место, утраченное им для действия. Но есть ли для пережитого более священное хранилище, чем сердце родителей, этот самый милосердный судья, самый участливый друг, это солнце любви, пламя которого согревает сокровеннейшее средоточие наших стремлений! Да и

как могло бы многое дурное, достойное порицания, быть столь успешно выправлено и заслужить прощение, если бы оно не обнаружилось как проявление существенного, необходимого состояния? И как, по крайней мере, могла бы злополучная подчас игра случая и блужданий духа быть свободной от упрека в порочности сердца?

Следовательно, когда я теперь, в конце прожитого здесь года, оглядываюсь назад, на весь ход событий, чтобы ответить тебе, мой дорогой отец, на твое бесконечно. дорогое для меня письмо из Эмса, — да будет мне позволено обозреть мои дела так, как я рассматриваю жизнь вообще, а именно как выражение духовного деяния, проявляющего себя всесторонне — в науке, искусстве, частной жизни…

Мое небо, мое искусство стали чем-то столь же далеким и потусторонним, как и моя любовь. Все действительное расплылось, а все расплывающееся лишено каких-либо границ. Нападки на современность, неопределенные, бесформенные чувства, отсутствие естественности, сплошное сочинительство из головы, полная противоположность между тем, что есть, и тем, что должно быть, риторические размышления вместо поэтических мыслей, но, может быть, также некоторая теплота чувства и жажда смелого полета — вот чем отмечены все стихи в первых моих трех тетрадях, посланных Женни. Вся ширь стремления, не знающего никаких границ, прорывается здесь в разных формах, и стихи теряют необходимую сжатость и превращаются в нечто расплывчатое…»

Карл отрывается от письма. Разбрасывая по столу, сыплет на долго не просыхающие буквы янтарный песок из песочницы. Вспоминает Эдгара Вестфалена и удивляется тому, что испытал чувство досады и обиды, когда тот осторожно критиковал его творчество.

«Нужно дойти самому, нужно понять, вскрыть себя своим собственным хирургическим ножом».

Часы на кирхе отбивают два часа пополуночи. А Карл только начал обход минувшего года, только прикоснулся к тому, что сам определяет ныне как прах времени и мыслей. И снова начинается беспощадная критика самого себя. Он пишет, как мятежник, идущий приступом на тайну, обороняющуюся с помощью догм и схоластического знания. Карл обращается к отцу как к знатоку юристу и старается привлечь его на сторону принципов, которые отстаивает молодой Ганс против мертвой схемы Савиньи. Он пишет о прочитанных книгах, о продуманных идеях, о Гегеле, о своей борьбе с ним и о своем поражении.

Четыре часа ночи. Глаза Карла помутнели. И без того

неразборчивый почерк становится жуткой карикатурой на самого себя.

«Привет моей милой, чудной Женни!»

Хлопает входная дверь в доме Генриха Маркса. Это Софи возвращается с почты. Сбросив отсыревшие под теплым осенним дождем пелерину и капор, она врывается в комнату, держа перед собой толстый конверт, долгожданный серый конверт с берлинским штемпелем, с адресом, выведенным знакомым мелким почерком.

— Письмо от Карла, и какое письмо — целый том!

Софи посылает сестренку на Римскую улицу за Женни.

Женни приходит раньше, чем успели накрыть стол к ужину. Матовые щеки ее розовеют. Склонившись над свечой, начинает она чтение доверенного ей письма с приписки.

— Он просит разрешения приехать в Трир, — шепчет она нерешительно.

Но Генрих Маркс угрюм.

— Вот, — говорит он в тревожном раздумье, — вот письмо, отражающее все недостатки моего сына. Бессвязное, бурное творчество, бессмысленное перебегание от одной науки к другой, бесконечные размышления при коптящей лампе, созидание и разрушение. Растрата дарования, бессонные ночи, родящие чудовищ. Мы лишены невинной радости, доставляемой разумной корреспонденцией. Если мы получаем сегодня извещение о завязавшемся новом знакомстве, то затем оно снова навеки исчезает. Едва мелькнет рапсодическая фраза о том, что, собственно, делает, думает, творит наш милый сын, как регистр этот снова закрывается, будто заколдованный. В Берлине, по слухам, холера. Мать и я в непрестанной тревоге, а Карл в это время, умалчивая о самом главном, доказывает мне, что вред идеализма в противоположении действительного и должного. То, что он пишет, как всегда, умно, но ведь это опасный тупик. Он идет по стопам новых демонов. Он плутает, он отрывается от жизни, не заботится о будущем, о своей карьере.

Приступ кашля мешает старику говорить. Женни подает ему чашку с водой, отсчитывает капли микстуры.

— О Женнихен, на вас мы возлагаем столько надежд! Вы лучше отца и матери сумеете заставить Карла стать достойным мужем и отцом семейства, — продолжает Генрих едва слышно, когда кашель прекратился. — Я не могу больше состязаться с Карлом в искусстве абстрактных рассуждений, он тут силен, как молодой бог, но в науке простой жизни мальчик беспомощен, и его будущее — значит, и ваше — теперь не кажется мне

безоблачным…

Но Женни больше не слушала жалоб старика. Жадно, увлеченно впитывала она в себя строку за строкой, страничку за страничкой письмо молодого студента. Лицо ее постепенно успокаивалось, бледнело, и в опущенных глазах мелькали удовлетворение, восхищение и радость.

— Это исповедь большого ума и большого человеческого сердца. Я горжусь Карлом, — сказала она твердо.

Карл приближался к Триру подавленный, печальный. Не с этим тягостным чувством предполагал он навестить город, оставленный более полутора лет тому назад, город, где жили и ждали его Женни и отец, два наиболее любимых им на земле существа.

Какая тревога в каждой строке короткой, зачитанной до пятен записки матери! Всегда многословная, Генриетта Маркс на этот раз вовсе изменила своим правилам. Добрый отец уже более двух месяцев не покидает постели. Кашель уменьшился, но какой-то иной недуг сводит его в могилу.

На почтовой станции не встретит сына, суетясь от радости и волнения, Генрих Маркс, в первую ночь после долгой разлуки не услышит Карл шороха бархатных домашних туфель отца, в шлафроке и сбившемся на затылок колпаке пробирающегося в его комнату, чтоб говорить до пробуждения петухов «по душам» обо всем самом важном для обоих.

Эти задушевные ночные беседы — лучшие в отроческой жизни Карла.

Но Генрих Маркс не встает более. Он устрашающе изнурен. Желтизна его щек — желтизна разложения и смерти. Глаза его потускнели, и пересохшие губы лежат на лице вялым пепельным листом.

Женни сидит в уголке дивана. Радость при виде входящего юноши, смешанная с беспокойством и состраданием, вызывает слезы на ее огромных прекрасных темно-карих глазах.

Карл бросается к невесте, прижимается губами, лбом, щекой к ее рукам, но голос отца, еле слышимый и прозвучавший как бы издалека, прерывает долгожданное свидание.

В комнате полутемно и душно. Карлу в этом сумраке, пропахшем лекарствами, испарениями тела, непроветриваемыми перинами, становится не по себе. Он опускается на колени у подушек отца и, с трудом удерживая крик испуга при виде его лица, начинает что-то поспешно рассказывать о дорожных впечатлениях и Берлине.

10 мая 1838 года тихо умирает Генрих Маркс.

Утром по Триру разносится весть о смерти юстиции советника.

После похорон отца Карл старался поменьше бывать дома. День отъезда приближался. Надвигалась новая длительная разлука с Женни. Оба страдали от ее приближения.

В доме Вестфаленов Карл нашел отныне то, что навсегда потерял со смертью отца. Он ближе сошелся с отцом Женни Людвигом Вестфаленом и проводил в доме невесты большую часть времени. Вскоре, однако, Карлу пришлось возвратиться в Берлин, чтобы продолжать занятия в университете.

Прошел год.

5 мая Карл проснулся особенно поздно. Он до рассвета по обыкновению читал, потом возился с конспектами и лег в постель, когда по улице, громыхая, прокатила тележка молочницы, запряженная неповоротливым козлом. Карл не сразу вспомнил, что это день его рождения, хотя еще накануне получил несколько поздравительных писем из Трира.

Двадцать один год. Совершеннолетие. Карл подумал об отце. На столе подле чернильницы стоял в бархатной рамке слегка пожелтелый дагерротипный портрет покойного Генриха Маркса. Тонко очерченное лицо, окаймленное непослушными волосами. Отец был красивее сына. Тонкий нос, правильный овал и небольшой приятный рот. Карл не унаследовал этих черт лица. Но глаза, лоб были те же у обоих.

Портрета Женни в комнате студента не было. Она упорно отказывала Карлу в этом подарке. Ничто не должно было, по ее мнению, преднамеренно возвращать мысль жениха к ней.

Совершеннолетие… Но Марксу не хочется подводить итоги. Он живет, как сам того хочет. Он ничего не боится в жизни и ни о чем не сожалеет. Жизнь превосходна, полна увлекательных задач и целей.

После смерти отца Карл почти все свое время посвящал изучению философии. Он редко бывал в университете, центром его духовной деятельности стал докторский клуб. Карл был почти на 10 лет моложе других членов клуба, но его ярко выраженная индивидуальность сделала его вскоре одним из идейных руководителей младогегельянцев.

40-е годы отличались быстрым хозяйственным и общественным развитием, ростом промышленности, возникновением рабочего класса, укреплением сил буржуазии. Кроме того, происходил значительный прогресс естественнонаучных знаний. Германия шла навстречу буржуазной революции. Борьба против феодального мира обострилась, а так

как христианство было духовным оплотом феодализма, то эта борьба проявлялась прежде всего в наступлении на религию.

Экономический подъем вызвал к жизни критику реакционной политической системы Гегеля, согласно которой прусское государство и христианская религия представляли собой… воплощение абсолютного духа, абсолютной идеи, или, иначе говоря, прусское государство, по Гегелю, и было как раз царством божиим.

В то же время в противоположность этой реакционной политической системе диалектический метод Гегеля был прогрессивным революционным началом, так как рассматривал все в безграничном непрерывном движении и развитии.

Это противоречие между прогрессивной диалектикой и реакционной политической системой привело к расколу последователей Гегеля на старогегельянцев и младогегельянцев.

Если ко времени, когда Карл начал учиться в Берлинском университете, гегелевская философия представлялась сторонникам великого философа прочно слаженной системой, то к концу 30-х годов раскол его школы становился все более и более заметным.

Гегель считал, что религия, бог есть сама вечная истина: философия — это религия и религия — философия.

Давид Штраус своей сразу ставшей знаменитой книгой «Жизнь Иисуса» разрушил гегелевскую гармонию между религией и философией. Он доказывал, что библейские и евангельские рассказы есть мифы древних евреев.

Полемика вокруг книги Штрауса привела к объединению сил младогегельянцев. Критикуя реакционную политическую систему Гегеля, они в то же время ставили себе целью развить его идею непрерывного развития.

Человеческую деятельность Гегель понимал только как мышление. Младогегельянцы противопоставили этому практику, философию действия и критику. Они считали, что достаточно вскрыть неразумное в государстве и обществе, чтобы немедленно короли, правительства, церковь, стремясь к разумному устройству государства, принялись тотчас же все исправлять. Философия действия и критики стала политическим оружием младогегельянцев.

Людвиг Фейербах в 1839 году выступил с критикой гегелевской философии, рассматривая в качестве мирового принципа уже не дух, а природу. Не мышление является первичным элементом, а бытие, чувственная живая материя, конкретная действительность обусловливают наше мышление. Эта материалистическая философия Фейербаха помогла

младогегельянцам полностью освободиться от системы Гегеля и наряду с критической философией оказала значительное влияние на формирование мировоззрения молодого Маркса.

До Фейербаха все последователи Гегеля, естественно, были идеалистами, считали бога всемирной идеей, всеобщим началом, способным творить материю, создавшим всю вселенную и человека. Божественное происхождение королевской власти считалось неоспоримой истиной. Младогегельянцы верили, что прусское государство есть лучшая форма организации общества, и были убеждены в том, что мышление, идеи способны привести к либеральным изменениям в государстве.

Так было до вступления на престол короля Фридриха IV в июне 1840 года. От него младогегельянцы с нетерпением ждали всяких реформ и разумных преобразований, которые он должен был предпринять, как они надеялись, под воздействием их критики и их идей. Шли недели и месяцы. В Берлине, как и по всей немецкой земле, ждали конституции. Новый правитель молчал и принимал петиции с ничего не говорящей вельможной улыбкой.

Но вот, наконец, в речи к дворянам он ответил на все чаяния доверчивых и терпеливых либералов.

— Я твердо помню, — начал молодой король и поправил корону на густо смазанной розовым маслом голове, — что перед всевышним господом ответствен за каждый день и каждый час своего правления. И кто требует от меня гарантий на будущее, тому я адресую эти слова. Господь дал мне корону. Лучшей гарантии ни я и никакой другой человек дать не могут. И эта гарантия прочнее, чем все обещания, закрепленные на пергаменте, ибо она вытекает из самой жизни и коренится в ней. И кто хочет довольствоваться простым, отеческим, древнехристианским правлением, тот пусть с доверием взирает на меня.

Дворяне и буржуа поклялись в верности и, взирая на короля, пятясь задом, покинули тронный зал. Так под лучами монарших слов растаяла их давнишняя мечта — конституция с королевского соизволения.

Речь монарха Карл прочел в погребке Гиппеля между двумя кружками черного пива. Никакой иллюзии он не утратил, так как иных королевских слов и не ожидал.

Карусель истории двигалась по заранее обведенному кругу. Короли, впрочем, не казались Марксу решающей силой реакции либо прогресса. Его забавляло и радовало, что крикливые либералы получили заслуженный щелчок. Думая о неизбежных разочарованиях, которые принесет Германии царствование еще

одного Фридриха Вильгельма и его клики, Карл курил одну за другой толстые сигары. Но вскоре мысли молодого человека перескочили на другое. Забот было немало в этом году.

С осени Бруно Бауэр находился в Бонне, куда нетерпеливо звал и Карла. Но Маркс оттягивал приезд. Причиной задержки была выпускная университетская диссертация, работа над которой, однако, уже близилась к концу.

Впереди перед Карлом все отчетливее вырисовывалась университетская кафедра. Он стоял на ней в пыльном почтенном парике, в темной тоге, которой предстояло выгореть от времени.

Еще при жизни отца Маркс решил посвятить себя ученой карьере. Он мечтал взорвать реакционные системы философии и права новой истиной, гораздо более дерзкой, чем поход Бауэра на евангелие.

Но старый либеральный вельможа Альтенштейн, министр просвещения, умер. Бруно, а с ним и все юные дерзатели науки потеряли своего покровителя. Письма из Бонна становились все раздраженнее. Бауэра травили, и новый министр, убоявшийся еретической хулы евангелия, отгораживался, ничем не хотел помочь ученому. Боннские богословы только того и ждали, чтобы с позором изгнать антихриста из своей среды. Маркс на примере своего друга смог увидеть истинное положение. Независимости прусского профессора в области научных исследований не существовало.

Бруно злобно жаловался своему юному товарищу. Письма приходили, пропитанные желчью. Ученый был беспомощен и тонул в болоте под восторженное кваканье старых университетских жаб.

Но Бауэр не хотел сдаваться. Он знал, каким мужественным бойцом со всякой пошлостью являлся Карл. Он знал, какое острое оружие — его разум.

«Приезжай, приезжай скорее, разделайся с несчастным экзаменом», — умолял Бауэр.

Невеселые откровения. Читая письма из Бонна, Маркс невольно вспоминал Пугге, сытую дрему Шлегеля, томление преследуемого властями Велькера, пошлость студенческих дней.

«Назначенные мною лекции — критика евангелия — уже вызвали у местных профессоров священный ужас; особенно скандальной они считают критику, — сообщал Бруно. — Многие студенты высказывались в том смысле, что в качестве будущих духовных лиц они не могут посещать моих лекций, так как я гегельянец… Но я ударю в критический набат так, что от одного страха им придется прибежать.

Тебя еще здесь нет, но я должен написать тебе заранее, чтоб

больше потом к этому не возвращаться: по приезде сюда ты не должен говорить ни с кем ни о чем ином, кроме погоды и т. п., до нашей с тобой беседы.

Я придерживаюсь следующего принципа: высказываться вполне только на кафедре! Я проводил его этой зимой и буду придерживаться его впредь, так как это именно то единственное место, где можно в таком положении говорить от всей души. Кроме того, конечно: да здравствует перо! Но только не рассуждать с этими людьми о более серьезных вопросах: они их не понимают! Или же они ограниченны и предубежденны…

Здесь, как и в других местах, нам придется играть некоторое время оппозиционную роль, и скоро это должно еще углубиться в сравнении с тем, как дело обстоит теперь…

Здесь мне стало также ясно и то, что я в Берлине не хотел еще окончательно признать или в чем признался себе лишь в результате борьбы, — именно сколько всего должно пасть. Катастрофа будет ужасна и должна принять большие размеры. Я готов почти утверждать, что она будет больше и сильнее той, с которой в мир вступило христианство…

Когда ты приедешь в Бонн, это гнездо привлечет, может быть, всеобщее внимание. Приезжай, торопись!»

Покончить с Берлинским университетом, разделаться с последними экзаменами восьмого семестра уговаривал Бруно Маркса.

Настаивать, однако, было нечего. Карл и сам хотел поскорее снять студенческий мундир и получить докторскую степень. Он готовил диссертацию, рассчитывая защитить ее в Иене, а не в прусском университете, на который быстро спускались сумерки реакции, и добиться права читать лекции вначале лишь в качестве приват-доцента.

Но не в правилах юноши было, взявшись за какое-нибудь научное дело, выполнить его кое-как. Велики, неиссякаемы были его потребности в знании, зорким глазом наградила его природа.

В свои 22 года он не боялся никаких препятствий и никогда не отступал.

Наука, предмет, заинтересовавшие Карла, поглощали все его внимание. Он, как великие астрономы, углубившиеся в изучение небесного свода, в погоне за одной звездой открывал тысячи мелких светил.

Но это внезапное обилие открытий убеждало его не в том, что он все постиг, а в том, что он нашел одну из бесконечно малых величин всей истины. Работоспособность Карла возрастала с каждым годом его жизни, и вместе с ней росли его любознательность, желание все охватить и понять. Для своей

диссертации он избрал тему о различиях между натурфилософией Демокрита и Эпикура. Он предполагал, начав с этого, разработать впоследствии весь цикл философии стоиков, эпикурейцев и скептиков. Античный мир с первых дней работы Карла в Берлинском университете заинтересовал его. Маркс поклонялся Эсхилу и превозносил вольнодумца Эпикура.

Кеппен, который, как и Рутенберг, со времени отъезда Бауэра по-прежнему почти ежевечерне распивал бутылочку рейнвейна в обществе дорогого Карла Генриха из Трира, был немало удивлен, найдя однажды на столе приятеля несколько итальянских грамматик.

— Ты ненасытен, как акула. Зная столько древних и новых языков, можно было бы сделать передышку. Право, трудно понять, сколько вмещает одна человеческая голова.

— Без знания языков трудно знание вообще, — ответил Маркс, поморщившись. — Без знания языков я не могу уловить подлинный дух культуры, дыхание нации, историю народа. Зная латынь, я решил узнать эволюцию античного языка, умирание его и рождение нового. Язык Данте, Петрарки не менее великолепен, чем язык Цицерона, Брута и братьев Гракхов. И разве Дидро, Руссо, Бальзак не кастрированы в немецком переводе?

— С твоей памятью и терпением ты легко усваиваешь чужую речь, — с обычной, чуть уловимой завистью сказал Адольф, которому трудно давались иностранные языки.

— Каждый последующий изучаемый язык дается мне легче предыдущего. Но самое главное — разобраться во внутренней языковой сущности, в его происхождении, развитии и структуре. Я люблю с малолетства филологию. Немецкая грамматика Гримма, право, не менее занимательна, чем книги Кювье о мамонтах и ихтиозаврах. Тут, как и там, по косточке воспроизводится диковинный скелет.

— Но, одолев уже с полдюжины языков, ты так-таки не можешь избавиться от рейнского диалекта и говоришь с нами все еще, как добрый мозельский винодел, — добродушно подзуживал Кеппен.

Карл порозовел от смеха. Он сам знал про этот свой, по мнению истых берлинцев, недопустимый порок.

— И более того, — досказал тут же Рутенберг, — Карл, как Демосфен в одиночестве, читает вслух монологи Гёте и с их помощью пытается отучиться от неправильных ударений.

— Не глотать слов и не шепелявить, — весело признался Карл. — Но, право, даже китайские иероглифы дались бы мне легче, чем это. Однако я добьюсь удачи, дайте срок.

Зимой в Берлине начался долгожданный карнавал,

длившийся с Нового года почти до самой пасхи. Карл любил посещать в это время публичные народные балы, где до рассвета продолжались пляски и оглушительная сутолока. Сам он не танцевал; забравшись на хоры, он курил, пил с друзьями и наблюдал разнообразную толпу.

Но в катанье на санях, затеваемом студентами, он принимал самое деятельное участие. Зима в Берлине — веселая пора.

И снова чередуются: занятия итальянским языком, диссертация. И еще вот что: мысль написать книгу о гермесианизме — учении хитроумного доцента Гермеса, которое ловко переплело мистическую церковную догму с кантовской философией.

Во время пребывания в Бонне Карл внимательно следил за угодливым ученым и рвался в теологической схватке обезоружить его. Соблазн все усиливался. Ко времени окончания Берлинского университета план книги созрел, тема была давно выношена, перо отточено.

Лето этого года случилось душное, Карл предпочитал писать по ночам. Днем, в жару, валялся на постели, читая, а под вечер шел в докторский клуб либо на свидание с Фридрихом и Адольфом куда-нибудь в подвальный кабачок, на террасу ресторации или пивной.

Кеппен, с которым Карл был с некоторых пор особенно дружен, читал ему там вполголоса отрывки дерзкого памфлета, который готовил к годовщине рождения «старого Фрица» — короля Фридриха Прусского. Книга эта должна была быть посвящена Марксу.

Не обращая внимания на гудящую толпу, на грохот посуды и музыку, Кеппен читал, все более увлекаясь, и, как обычно, все настороженнее становился Карл. Вопросы его кололи автора.

— О черт! — воскликнул Карл, не удержавшись. — Уверен ли ты в том, что старый развратник из Сан-Суси, унизивший великих французских энциклопедистов до роли своих шутов, достоин такой апологии? Мне трудно оспаривать тебя, история покуда не впустила меня в свои катакомбы, но короли всегда кажутся не столько философами, сколько в лучшем случае опытными прохвостами. Иное дело — философия восемнадцатого века; ей, конечно, мы обязаны многими прекрасными мыслями.

Но Кеппен был убежден в своей правоте и потому несговорчив.

— Великий Фридрих — великое исключение. В нем король никогда не отставал от философа.

— Проверим, — сказал Карл. Это суровое обещание означало для него бесконечно много: десятки прочитанных книг, бессонные

ночи, выписки, конспекты, сопоставления, новые мысли, новые открытия.

«Проверим!»

Карл любил беседы с многознающим Кеппеном. Одаренный историк из реального училища в Доротеенштадте с одинаковой страстностью рассказывал о Будде, цитировал священные книги Ведд и патетически декламировал наизусть великолепные речи Робеспьера, Мирабо и Демулена.

Он распевал грубовато-шутливые песни французской революции и, подражая неутомимому раскачиванию баядерок, гнусаво читал нараспев монотонные ритмичные молитвы браминов.

Нередко он принимался рассказывать северные мифы, приводя Карла в неописуемый восторг прекрасными образами и мудростью народных изречений.

— Вот она, колыбель прекрасного! — говорил Маркс. — Язык родился в пещере, в землянке, в деревне. Эпос не может быть превзойден.

Но Фридрих Кеппен был не столько ученый, сколько артист. Слишком поверхностный, он запоминал лишь факты, не умея делать выводов и обобщений. Карл же стремился узнать историю — науку. Он принялся изучать прошлое народов и стран.

Как несколько лет тому назад в Нимвегене перед ним стройным рядом кладбищенских плит встали минувшие годы соединенного Нидерландского государства, так теперь Европа античная, средневековая, современная, десятки погибших и возрожденных цивилизаций рассказывали ему последовательно о своих мятежных судьбах. Египет, Македония, Византия и вольная Испания одинаково приковывали к себе его неутомимые глаза. И снова открытие за открытием.

Прошлое планеты, которая с некоторых пор перестала Марксу казаться необъятной, необозримо большой, лежало, как труп на столе анатома. Карл скальпелем вскрывал покровы и мускулы.

Давно миновало то время, когда Карл, самый юный из членов докторского клуба, чувствовал себя менее опытным в вопросах, которыми жили окружающие молодые ученые, юристы, доценты. Ни вожак кружка Бауэр, ни Кеппен, ни даже самонадеянный ревнивый Альтгауз не только не считали уже Карла младшим, но даже открыто признавали его превосходство. Рутенберг иногда пытался восставать, в особенности когда бывал навеселе, но в конце концов присоединялся к каждой мысли, высказанной «трирским чертенком».

Диссертация, которую Карл показал Бруно в черновике, не получила одобрения. Бауэр ожесточенно раскритиковал даже

извечные стихи Эсхила в предисловии. Что-то в работе Маркса мгновенно и глубоко уязвило профессора теологии.

— Прометей, опять Прометей! Самый благородный святой и мученик в философии, сказано у тебя. Зачем этот вызов?

— Но какие это неповторимые строки, — прервал Карл, — какие слова! Они звучат, как гром! Голос грома бессменен в веках…

Знай хорошо, что я б не променял
Моих скорбей на рабское служенье…
Я ненавижу всех богов: они
Мне за добро мучением воздали…

Разве я не прав, когда говорю вместе с Эпикуром: нечестив не тот, кто отвергает богов толпы, а тот, кто присоединяется к мнению толпы о богах?

Карл стоял, откинув назад большую гордую голову. Бруно почувствовал невольно его силу, его правоту, но не уступил.

— Нет и нет! Зачем дразнить гусей теперь, когда ты не знаешь, как устроится твое будущее? Ты не должен выходить за пределы чисто философского развития. Следует поступиться кое-чем ради кафедры, ради возможности, наконец, жениться и устроиться профессором.

— Что?

Бауэр не был знаком с Марксом-громовержцем, он никогда доселе не видал припадков его гнева и неодолимой вспыльчивости. Бруно растерялся.

— Что?! Ты предлагаешь мне угодничество, выслуживание? Да это человеческий недостаток, внушающий мне наибольшее отвращение. Пресмыкаться, лгать, раболепствовать ни в частной, ни в общественной жизни я не буду. Я не хочу прятать свои взгляды под плотной философской формой, загадочной, впрочем, только для глупцов.

— Ты еще не знаешь всей боли комариных укусов. Когда я предостерегаю, во мне говорит осторожность и снова осторожность. Займи кафедру и затем бросайся в бой.

— Чем вооруженный? Графином и тряпкой от грифельной доски? Нет. И цитировать библию я не стану в угоду филистерам и трусам. В Эсхиле я полюбил не только величавого поэта, но и борца за человечество. Его Прометей — неповторимый символ.

— Как бы тебе самому не стать Прометеем, прикованным к скале.

— Ты мне чрезмерно льстишь.

— Я вижу, Карл, практическая деятельность отвлекает тебя в

сторону от больших идей все дальше. Бессмыслица! Ты прирожденный ученый. Теория к тому же является в настоящее время сильнейшей практикой, и мы еще не можем знать, в какой мере мошь ее будет расти.

Маркс считал, что со смертью Альтенштейна исчезло самое заманчивое в профессорской деятельности, искупавшее немало теневых ее сторон. Не стало свободы в изложении философских взглядов. К тому же министром был назначен Эйхгорн, о котором говорили, что он силен задом, а не головой.

Тщетно Бруно уговаривал его остаться на кафедре, отдаться чистой науке. Карл мечтал издавать газету, считая ее лучшей трибуной для вольнодумцев. Он рвался в бой. Их споры с Бауэром становились все острее. Маркс доказывал, что философия должна стать средством преобразования действительности, должна направить свое острие против прусского государства. Впервые после нескольких лет тесной дружбы каждый из них почувствовал, что не только равнодушие, но и вражда могут в будущем разъединить их навсегда.

«Был ли он когда-нибудь полностью с нами? — спрашивал себя самолюбивый Бруно. — Такого не обуздаешь: ретивый и властный ум».

«Он не прав и путает, как всегда. Нет, это не боец», — выносил приговор Бауэру Карл, оставшись один.

Но размолвка их на этот раз была все же непродолжительной. Слишком много оставалось общих целей и планов.

Бруно вернулся в Бонн, Карл заканчивал диссертацию и сдавал последние экзамены. Будущее казалось ему теперь более отчетливым, чем когда-либо до этого. Докторское звание обещало самостоятельный заработок. Наконец-то кончится затянувшееся жениховство, все более гнетущая разлука с любимой. Отсрочка брака с Женни порождала непрерывные недоразумения с окружающими. Не щадила невесты сына и Генриетта Маркс; трирские кумушки и ханжи наперебой измышляли истории, тревожащие семью Вестфаленов. И любовь молодых людей подвергалась все большим испытаниям, пробе на огне человеческого злословия и клеветы.

«Скорее увезти Женни подальше от гнусного болотца — Трира!» — мечтал Карл. Препятствия лишь горячили его, укрепляли волю. Он влюблялся все неудержимей, изнемогал от ожидания, ревновал, сомневался и снова верил и ждал, покорный обстоятельствам, но готовый бороться до конца, до победы.

Мог ли он обречь ее, Женни, на нищету, на студенческие лишения? Нет. Но покупать ценой подлости, уступки сытое

профессорское место он не мог даже ради нее. Этого не допустила бы и сама Женни. Она требовала от него силы воли и верности не только ей, но и себе самому. Карл метался, но, как всегда, сомнения только подстегивали его работу.

В дни разъедающего душу кризиса он кончает Берлинский университет и отсылает диссертацию декану философского факультета в Иену. Он смело штурмует жизнь и выходит победителем. Гимназия, студенческая скамья — унылая неизбежность — позади. Карл не хочет быть ни жалким Пугге, ни беспомощно брюзжащим Велькером, ни даже академическим повстанцем Гансом.

На прусской университетской кафедре нет места для неукротимого ума и дерзкой речи доцента Маркса. Лишь газета — подходящий барьер для поединков с реакцией. Перо не худшее оружие. Карл мечтает поскорее начать сражение. Время приспело. Ничто не удерживает Маркса более в Берлине. Но прежде чем броситься в первую схватку и тем самым во многом определить свою дальнейшую дорогу, он хочет повидать Женни, получить ее напутствие.

В этот раз он отправляется в Трир не прямым путем, а с остановкой во Франкфурте-на-Майне. Там тетка Бабетта — добрейшее существо, нежно любящее детей покойного брата, — готовит ему родственный прием. Но не встреча с родными привлекает Карла. Он давно по достоинству оценил условное значение родства.

Ему хочется снова увидеть старую столицу аристократов и денежных магнатов, средневековый город, взрастивший гений Гёте и сарказм Берне, родину нескольких Ротшильдов и десятков тысяч жалких нищих.

Карлу не сидится в зажиточно-уютном домике Бабетты, и под разными предлогами он старается улизнуть от ее неустанного гостеприимства и забот. Он убегает на улицы города и проводит дни и вечера в толпе. Франкфурт — необычайный город. Во всем он разный. Рядом с широкими мощеными площадями лежат в столетнем сне средневековые лачуги, деревянные логовища давно сгнивших несчастливых алхимиков и безрадостных мудрецов. В больших ресторациях, в танцевальных залах по вечерам пляшут кадриль и сводящий с ума всю Европу бесшабашный канкан. Купцы, банкиры с отвислыми животами и подбородками веселятся вовсю.

Навстречу Карлу попадается пахнущий просмоленными бочками пристани человек в рваной самодельной обуви и в шапке, от которой остались один околышек да просаленный ободок. За пару грошей на табак и пиво он предлагает перевезти

Маркса на первой попавшейся, привязанной к столбу лодке на другой берег Майна, готов поступить к нему слугою, даже спеть ему гессенскую песню или что-нибудь проплясать. Он был пьян вчера и мучится тем, что не может опохмелиться. Но сегодня он трезв. Сатана тому свидетель, он слишком трезв!

Карл отказывается от всех предложений безработного бродяги, но не хочет обижать его милостыней.

Спутник Карла поет о черте, подкупившем сейм.

Наконец они сворачивают в темный переулок и останавливаются у стеклянной замусоленной двери.

— Вот, — говорит бродяга, — лучшего кабака, чем этот, нет во всем Франкфурте. Ну что же вы размышляете? Тут, право, недорого.

Не желая разочаровывать своего провожатого, Карл, ничего не объясняя, толкнул дверь. Задребезжал колокольчик.

В удушливом табачном дыму едва различимы были люди: извозчики, мастеровые, сторожа, грузчики, бродяги.

Все столы были заняты. Карлу удалось присесть на кончик скамьи подле волосатого старика, который немедленно представился новому соседу, горделиво объявив, что по профессии он щетинщик. В доказательство он показал всем свои насквозь исколотые, обезображенные багровые руки в шишках и неизлечимых волдырях, поясняя, что выдергивать щетину из свиных туш дело трудное и он желает такой работы черту, попам, банкирам и всякой иной сволочи в орденах и при капиталах. Другой сосед Маркса оказался трубочистом. Уроженец Швейцарии, он всего лишь месяц как перешел немецкую границу. От него Карл узнал подробнее о Вейтлинге, имя которого уже слышал в Берлине. Трубочист был занятным собеседником. Это был весельчак, балагур и крепкий пьяница, фатовато одетый в желтую рубаху с красными пуговицами и шнуром. Он с первого слова понравился Марксу. Было только нечто странное в его лице, благообразном и чистом. Не сразу можно было объяснить себе причину. Лицо трубочиста оказалось лишенным какой бы то ни было растительности: отсутствовали не только усы, но и ресницы, даже брови. На голове же вились красно-рыжие кудри. Он походил на каноника, и что-то послушнически настороженное было в его глазах. Всматриваясь внимательнее, Карл заметил следы глубоких ожогов на лице рабочего. Он постеснялся расспрашивать, но догадался, что во время странствия по трубам бедняга стал жертвой пламени и хоть спас зрение, но лишился ресниц, отчего глаза и лицо приобрели столь странное выражение.

В пивной пели. Карл с трудом разобрал слова.

Когда песня смолкла, трубочист начал настойчиво проповедовать.

— Ребятки! — говорил он, смачно жуя хлеб и запивая его пивом. — Правду на земле установим мы, оборванцы, нищие… Кто захочет умереть за свободу и наше благо? Те, кто испил горькой водицы, кто наголодался, у кого живот пуст, а голова горяча. Кто сыт, тот терпелив.

— Твоя правда, — согласились вокруг, — фабричный рабочий не пойдет в тюрьму.

Разговор продолжался в том же духе и звучал для Маркса как откровение.

Хозяин и трубочист, видимо, издавна были коротко знакомы. Карл заметил, как они перемигивались и, склонившись друг к другу, как два опытных заговорщика, совещались за спинами посетителей.

До поздней ночи просидел Маркс в пивной, приглядываясь и прислушиваясь к окружающему.

На прощание Карл шутками и расспросами сумел так расположить к себе сметливого трактирщика, что получил от него в полутьме у двери тщательно сложенный, зачитанный грязный листок.

«Призыв о помощи

Мы, немецкие рабочие, хотим вступить в ряды борющихся за прогресс. Мы хотим получить право голоса при общественном обсуждении вопросов о благе человечества, ибо мы, народ, в блузах, куртках и картузах, мы самые полезные и самые сильные люди на всей божьей земле…»

Карл с трудом разобрал эти фразы. Отыскав уличный фонарь, льющий мертвенно-синий свет, поднял листок и, прижавшись к столбу, продолжал разбирать засаленные, кое-где прорванные строчки.

«Мы хотим поднять свой голос во имя нашего блага и блага всего человечества, и пусть убедятся тогда все, что мы отлично понимаем свои интересы, я хотя не умеем выражаться по-латыни и по-гречески и не знаем мудреных слов, но на чистейшем немецком языке мы сумеем вам прекрасно рассказать, где жмет нам сапог».

Карл давно дочитал. «Какая уверенность в этих словах! — думал он. — Эти люди труда заслуживают внимания».

Он стоял, нахмурив брови, вбирая воздух широкой струей, раздувая, как только что в кабаке, ноздри удивительного, властного носа, некрасивого сильного носа, такого же, какой был на лице Сократа. Мир лежал перед ним, как загадочный объект на

столе ученого. Холодно и смело он изучал строение объекта, смутно желая найти подтверждение своим научным догадкам.

Не задерживаясь более во Франкфурте, Карл поехал дальше.

Снова Трир, опостылевший Трир, куда он хотел бы не возвращаться более, если б можно было поскорее увезти с собой Женни прочь из маленького городка, душного и плодящего гадов.

В смрадной атмосфере дома Генриетты вспыхивают ежедневно споры и пререкания.

Женни уехала — отдохнуть и поправить здоровье — к подруге. С ней уехал и добрый Вестфален. Болен Монтиньи. Глухие ставни спущены на окнах книготорговли.

Карл решает до переезда в Бонн к Бауэру некоторое время провести в бродяжничестве. Он устал от дрязг и хочет вновь одиночества и свободных наблюдений. С дорожным мешком странствующего студента пускается Карл в путь по тропинкам вдоль Мозеля к Рейну.

Солнце и леса обещают ему много светлых, радостных дней. Насвистывая песенку франкфуртского подмастерья, раскуривая одну за другой горькие сигары, он на рассвете оставляет Трир.

Благословенна Рейнландия! Махровые маки устилают берега рек. Виноградные лозы ползут по холмам, в долинах лежит «золотое руно» — река. Тих Мозель, но переменчив и резв Рейн. Воды его зелены, дно каменистое, изрытое. Нет другой реки, взрастившей столько легенд, реки веселой и мрачной одновременно, как река Нибелунгов и Лорелеи.

Среди низких и густых лесов стоят барские усадьбы. Высокими, крутыми заборами обнесены поместья, не желающие дряхлеть замки, феодальные сторожевые башни на горных вершинах. Позади псарен, овинов, хлевов, где-нибудь на склоне, примостились деревеньки. Барские коровы с колокольчиками на гладких шеях откормленны и лоснятся; барские лошади проказливы, избалованны, выхоленны; свиньи из помещичьего свинарника чванливы и мясисты.

Крестьяне — арендаторы барских земель, мелкие виноделы, платящие трудные оброки, угрюмы, грязны, худы и голодны.

Неповторимы прирейнские песни. Незабываемы пляски в праздник урожая и виноградных сборов. Печальны и тягучи деревенские причитания-напевы в зимние вечера.

Благословенный край Рейнландии! Долговечны тут люди, которым принадлежат необъятные земли, сады и замки, но бог не шлет долгой жизни крестьянам.

Кровь жителя теплой и золотоносной равнины горяча. Помещики рейнские гостеприимны, болтливы и несдержанны в поступках. Охота, рыбная ловля, скачки по лесам и обрывистым

холмам — их любимое развлечение.

И горе крестьянину, которого застигнет феодал в запретном лесу за недозволенной порубкой или даже сбором хвороста. Расправа коротка. Тщетны просьбы. Сапогом и острой шпорой бьет господин своего раба. Потом виновного стегают отобранным хворостом, а случается — привязывают к дереву или вешают на суку.

Помещики Рейнландии — вспыльчивые люди, и собственность их охраняют все германские законы испокон века.

Много в мире печали. Печальны прирейнские деревни. Старчески грустны крестьянские дети, играющие на опушках лесов, возле реки на драгоценном песке. Природа вокруг них так щедра, так мотовски расточительна. Но обойден счастьем тут жалкий арендатор, опутанный долгами мелкий крестьянин, умирающий от голода и холода в стране хлеба, вина и лесов, где помещик стережет даже связку хвороста — топливо бедных.

В середине октября 1842 года Карл прибыл в Кёльн — центр рейнской экономической жизни. Город насчитывал тогда около ста тысяч жителей. Совсем недавно, в 1841 году, была пущена в эксплуатацию железнодорожная линия Кёльн — Аахен. Несколько раньше здесь была создана также рейнская компания буксирных пароходов. Развитие транспорта и металлургической промышленности, активизация предпринимательства в Кёльне и всей Рейнской провинции способствовали дальнейшему бурному росту деловой жизни.

Кёльнские буржуа Кампгаузен, Дагоберт, Оппенгейм, Левиссен, адвокат Юнг и другие основали акционерное общество с капиталом в 30 тысяч талеров, чтобы создать новую газету. Маркса пригласили в Кёльн для переговоров о сотрудничестве в новом органе рейнских промышленников и банкиров. Интересы тамошней буржуазии, которые должна была защищать «Рейнская газета», носили скорее экономический, чем политический характер. Речь шла прежде всего о требовании экономических реформ.

Карл, приехавший из Бонна, с утра гулял по городу вместе с Бауэром. Маркс любил осматривать малознакомые города, находя в каждом нечто индивидуальное — своеобразную мету истории. Проходя мимо прославленного собора, товарищи не могли удержаться от атеистических, полных умерщвляющего яда замечаний. Но Карл отдавал дань великолепной готической архитектуре, чем рассердил непримиримого Бруно.

Неподалеку от главного моста через Рейн расположилась ярмарка — бурливая, многоцветная, грубая, как средневековье.

Карл — большой любитель народных развлечений, уличной сутолоки и пестроты — ни за что не согласился уступить Бауэру и пойти осматривать дом, где родился Рубенс. Звуки дребезжащей, как телеги на кёльнских улицах, шарманки привели молодых ученых к карусели. Маркс взобрался на пегую лошаденку из картона и глины и понесся рысцой под визг и гиканье других пассажиров.

Уже на третьем круге Бруно не утерпел и тоже взгромоздился на ярко-рыжего теленка. Но его укачало. Он жалобно требовал остановки.

Накатавшись всласть, слегка пошатываясь от приятного головокружения, Карл потащил приятеля в тир. Там они тщетно десять раз подряд целились в кентавра и черта, не попадая. Отличные бойцы на шпагах, они были плохими стрелками.

Потом пили пиво в балагане; кормили ручного медведя медовыми пряниками; скакали вперегонки на ослах, дергая их за хвосты, чтоб сдвинуть с места; танцевали вальс друг с другом, наступая на ноги молодым местным жительницам; и, наконец, после двух сеансов акробатического представления выбрались из толпы восхищенных и весьма снисходительных зрителей и бросились к Сенному рынку. Они непозволительно опаздывали.

Первым человеком, который с распростертыми объятиями бросился к входящим, оказался агент предпринимателей, субсидирующих новый печатный орган — «Рейнскую газету».

Вскоре пришел и Арнольд Руге, знакомый Маркса. Он долго, горячо и значительно пожимал руку Карла.

— Мы не хотим, — сказал собравшимся доверенный сильнейших рейнских промышленников и делегат акционерного общества, — доводить дело до крупных столкновений с прусскими властями. Отнюдь нет, господа. Таково всеобщее желание. Наша газета должна внушать читателям, влиятельным и невлиятельным, принципы бережливости в управлении финансами, необходимость развития железнодорожной сети, — тут он победно оглядел всех присутствующих и особо нежно улыбнулся Мозесу Гессу, которого уважал за купеческое происхождение. — Понижение судебных пошлин и почтового тарифа, общий флаг и общие консулы для государств, входящих в состав таможенного союза, ну и все прочее, что сами вы знаете лучше нас. Немножко вольности, немножко политической остроты, соблюдая все же осторожность. Я сам, господа, склонен, как и вы, к бунтарству, к якобинству. Каждый промышленник немного революционер. — Раздался смех, но агент был не из смущающихся. — Земля, по-моему, дана человеку, чтоб он рвал с нее лучшие цветы и наслаждался.

«Да он рассуждает почти как наш лобастый Штирнер!» — подумал Карл.

— Какая, однако, досада, — сказал Руге, подсаживаясь к Карлу, — что волна жизни относит тебя все дальше от чистой философии. Ты ринешься в костер политической борьбы, и «Рейнская газета» в этом отношении может оказаться поджигающим факелом. Смотри не сожги себя.

— Моя статья о цензурном уставе — дебют, покуда не вполне счастливый, правда, — думая о своем, начал Карл.

— Будь спокоен: рано или поздно я напечатаю ее, хотя бы за границей, — пообещал твердо Руге. — Но скажи, друг, с Боннским университетом и войной за кафедру все покончено?

— Я сражался бы хоть с самим чертом, если бы было за что. Но немецкая кафедра — гроб для воинствующего духа. Об университете я могу лишь сказать, как Терсит: ничего, кроме драки и распутства, и если нельзя обвинить его в военных действиях, то уж в распутстве нет недостатка. Вонь и скука.

К разговаривающим подошли Бауэр, Юнг и Гесс.

— Мы поднимем в газете такой дебош против бога, — сказал Бруно, — что все ангелы сдадутся и бросятся стремглав на землю, моля о пощаде.

— Нелегко будет, пожалуй, отвоевывать свободу, — сказал Карл, — однако предлагаю штурм.

— Да, именно штурм, — подхватил обрадованный Гесс.

— Штурм небес! — вскричал Бруно.

— Штурм земли, — поправил Маркс.

— Пойдем по стопам Якоби.

— У короля, говорят, разлилась желчь от негодования, когда он прочел его «Четыре вопроса».

— Отважный малый, этот житель Восточной Пруссии. Я сразу отгадал, кто прячется под этим псевдонимом. Он — Якоби — наш старый воин, — вставил снова Гесс.

— Сомнительно, однако, чтоб гнет цензуры ослабел… Но не будем отступать, — прибавил Карл.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Маркс начал новую главу своей жизни. «Рейнская газета» поглотила его мысли, вызвала никогда доныне не поднимавшиеся вопросы, вызвала и новые сомнения.

Руге продолжал откровенно восторгаться гибким и бездонным умом своего юного приятеля. Статьи, которые Карл печатал с весны, светили небывалым светом, блистали, как скрестившиеся мечи.

— Свобода печати — первый подкоп под громаду реакции, — заявил Маркс.

Обещание снять цензуру нисколько не помешало правительству и королю продолжать свирепое преследование каждого проповедовавшего право свободы слова.

Маркс поднял меч. Свобода печати — путь к конституции.

Но свобода печати не предпринимательство. Интеллектуальная деятельность не должна подчиняться интересам прибыли. Позор раболепным продажным газетным писакам.

«Главнейшая свобода печати состоит в том, чтобы не быть промыслом. Писатель, который низводит печать до простого материального средства, в наказание за эту внутреннюю несвободу заслуживает внешней несвободы — цензуры; впрочем, и самое его существование является уже для него наказанием».

«…равнодушие по отношению к государству является основной ошибкой, из которой проистекают все остальные, — писал Маркс. — Отсюда возникает эгоизм, ограниченность собственными или частными интересами. Чем шире связь государства с обществом, чем дальше и глубже распространится в обществе государственный интерес, тем более редким явлением станут эгоизм, аморальность и ограниченность».

«Законы не являются репрессивными мерами против свободы… Напротив, законы — это положительные, ясные, всеобщие нормы, в которых свобода приобретает безличное, теоретическое, независимое от произвола отдельного индивида существование. Свод законов есть библия свободы народа».

«Действительным *радикальным излечением цензуры* было бы ее *уничтожение»,* — заявил Маркс.

В эту пору Карл часто разъезжал. Из гулкого Кёльна он направлялся в тихий Бонн, оставлял Бонн для Трира, где умирал друг — Людвиг Вестфален — и покорно скорбела Женни. Потом снова стремглав бросался в Кёльн: редакционные дела уже не терпели его отсутствия. Так шли месяцы — в деловой суете,

радостях и огорчениях, в постоянных сражениях с сонмом чудовищ прусской монархии. Незабываемые, по-своему счастливые дни.

Осень. Нежная, розово-синяя умиротворенная пора на прирейнской земле.

Возы с виноградом, персиками и яблоками по утрам въезжают в город, громыхая и будя Карла: он поселился неподалеку от заставы.

Сердито шлепая босыми ногами, разбуженный шумом улицы, Карл плотнее закрывает жалюзи, но спать не может. Столько новых дум и забот! Стол его, как всегда, завален книгами и густо исписанными листами бумаг. Гегель давно одиноко похоронен в дальнем ящике. Похоронен, но не забыт. Другие люди заинтересовали Карла. Французы полонили его досуг. Прудон с его размышлениями о собственности, Дезами, Кабе, Леру, Консидеран. Французский язык то и дело врывается в его немецкую торопливую речь. Новые вопросы — свобода торговли, протекционизм — прочно приковали его внимание.

С маленькой мансарды на тихой окраине Кёльна прищуренными, черными, зоркими, как у орла, глазами обозревает он мир, ищет, строптивый, неугомонный, ответа на все возрастающие земные противоречия.

Юный полководец, еще не нашедший своей армии, еще не определивший цели грядущих походов и боев.

Прежде чем отправиться в редакцию, на которой теперь главным образом сосредоточены все помыслы молодого доктора юридических наук, он идет в ресторанчик, что в переулке близ собора.

Иногда к Марксу в ресторации подсаживается Рутенберг.

Прежней беззаботности, дружелюбия нет более между недавними друзьями. Оба они не те. Карл с раздражением посматривает искоса на отекшее лицо Адольфа.

«Проживает умственный капитал, живет на проценты былых мыслей и дерзаний, не растет, а значит, идет вспять, — сурово думает он, прислушиваясь к многократно слышанным брюзгливым замечаниям собеседника. — Как меняется жизнь и как трудно выдерживать проверку временем! Умственно обрюзг, отстал. Радикал и добрый парень, товарищ в проказах, гуляка, Рутенберг на первом же испытании в редакторском кресле «Рейнской газеты» обнаружил, что не боец он, а растерявшийся учителишка, к тому же и лентяй».

Карл беспощаден.

— Ты — Зигфрид, ты — воин, — возбужденно говорит Адольф, — твое перо — надо отдать ему должное — как

волшебный меч Нибелунгов, но твой задор и желчные выпады все же вовсе неуместны. Ты то действуешь наскоком, то вдруг уходишь под прикрытие. Я этого не понимаю. То или другое. Вот Бауэр — он последователен. Отрицать так отрицать. Право, эти берлинские «свободные» — большие, истые революционеры. Как тебе нравится мысль Бруно о том, что семью, собственность, государство попросту следует упразднить как понятие?

— Это еще что за водолейство?! Ну, а что будет в действительности?

— Неважно. Достаточно упразднить в понятии.

— О неисправимые скоморохи! — возмущается Маркс. — Вредные болтуны, жонглирующие словами, пустыми, как иные головы. Скоро даже пугливые филистеры распознают в грохоте ваших понятий… звук шутовских бубенцов и барабанов.

Карл смолкает.

«И с такими людьми я думал идти в бой!» — продолжает он думать про себя.

— Кто бы мог предположить, что храбрый доктор Маркс окажется столь осторожным, когда придет время действовать! Ты притупишь свое перо, свое могучее оружие, ратуя за мелочи вроде отмены цензуры либо за справедливые законы для каких-то крестьян, даже не всех крестьян мира, а только рейнландцев… Я и наши берлинские единомышленники отказываемся понимать твои поступки. Штурмовать ландтаг, когда следует идти походом на небо, на все понятия, устаревшие и вредные! Ты консервативен, — продолжал Адольф, весьма довольный своим монологом, — ты не постиг сердцем коммунистического мировоззрения, вот в чем твоя беда.

— Ах, вот оно что! — Карл внезапно совершенно успокоился и заулыбался. — Верно, я считаю безнравственным контрабандное подсовывание новых мировоззрений в поверхностной болтовне о театральной постановке и последних дамских модах. Нет ничего опаснее, чем невежество. Социализм и коммунизм! — Карл говорил все более отрывисто. — Да знаешь ли ты, что значат эти слова, какие клады для человечества, какой порох спрятан в этих словах? Я отвечу тебе теми же словами, что и старой нахальной кумушке — «Аугсбургской газете»…

— Знаю, знаю их наизусть! Это насчет того, что на практические попытки коммунизма можно ответить пушками, но идеи, овладевающие нашим умом, покорившие наши убеждения, сковавшие нашу совесть, — вот цепи, которых не сорвешь, не разорвав сердца: это демоны, которых человек побеждает, лишь подчинившись им. Не так ли?

— Браво! Однако нет Кеппена, чтоб назвать тебя начиненной

колбасой. На этот раз ты почти не переврал моих мыслей. Но сейчас я имел в виду другое. Коммунизм нельзя ни признать, ни отринуть на основании салонной болтовни. Ни одно мировоззрение не живет более землей, нежели это, а ты знаешь, — я не раз доказывал тебе, — что, даже критикуя религию, мы обязаны критиковать политические условия. Что касается цензуры, то это удушающий спрут, который надо разрубить: с ним погибнет многое. Кстати, послушался ты меня — прочитал Прудона, подумал о Консидеране?

Не отвечая, Рутенберг посмотрел на часы и встал.

— Без новых французских учений об обществе нельзя существовать, не только что двигаться в политике, да и в газете, — сухо добавил Карл.

— Кстати, — сказал Рутенберг покорно, — как тебе известно, со вчерашнего дня я более не редактор «Рейнской газеты». Говорят о тебе… Что ж! Желаю успеха!

Карл проводил глазами сутулую фигуру Адольфа. Было что-то жалкое, неуверенно-развинченное в его походке. Кончено! С Рутенбергом уходило прошлое.

Еще одна дружба рассыпалась в прах. Умерла.

Карл не печалился. Тот, кто не мог быть его соратником, не был для него и другом.

«Этот слабовольный, суетный и несчастливо честолюбивый человек мог прослыть опасным вольнодумцем, демагогом крайних взглядов во мнении ослов из правительственных сфер!.. Да и я был недальновиден, рекомендуя столь бездарное и поверхностное существо на пост редактора. Хорошего выбрал полководца!»

Карл не умел прощать людям слабости ни в чем. Шарлоттенбург, Бауэры остались для него отныне навсегда позади, в прошлом, стали чужды, как Трир.

Так перерастал он идеи и недавних товарищей.

И — без уныния, сильный, одинокий, ищущий — шел вперед, вперед, навстречу новым людям и мыслям…

Когда за Рутенбергом захлопнулась дверь, Маркс подумал о том, что сам теперь, быть может, возглавит газету.

Отмена цензуры, проповедь свободы — Якоби правильно нащупывал слабое место. Правительство, король запутались сами в противоречиях и собственной болтовне. Это удобная первая позиция для борьбы газеты. Как знать, не удастся ли собрать вокруг газеты лучших, отважнейших людей? Из них создать штаб движения. Кого? Кеппен… Гервег… Карл вспоминает красавца поэта, которого встретил мельком. Руге не плохой союзник, Гесс будет хорошим помощником. Мало, мало людей. Но выбора нет.

Нужно укрепиться. Нужно наладить и уметь сохранить газету.

Рутенберг обвинял его, Карла, в осторожности, странно перемежающейся с необъяснимой удалью и внезапным наскоком. Но разве не таковы законы стратегии? На войне как на войне. Исподволь собирать войско, подготовить тыл и в должную минуту броситься в атаку. Враги везде. Король, помещики, ландтаг, цензурное управление — виселица живых мыслей — и буржуа, тысячи плодящихся, жиреющих буржуа.

Карл припомнил воззвание Вейтлинга. Не там ли, не в стане ли рабочих те люди, которых ему так не хватает? Об этом надо было подумать. Он покуда не хотел дать себя увлечь соблазну крайностей.

Карл с трудом оторвался от обступивших его мыслей. Пора в редакцию.

По крутой лестнице, грязной и узкой, по которой дважды в день ползает, помахивая мокрой тряпкой, уборщица с оголенными икрами вполне рубенсовских масштабов, редактор взбирался на верхний этаж. В его кабинете, низкой и неуклюжей комнате со сводчатым потолком, с утра уже сутолока и шум. Доктор Оппенгейм либо Юнг, а иногда представитель акционеров сидят на глубоком подоконнике. Цензор Сен-Поль, элегантнейший молодой человек с превосходными бакенбардами, ежедневно завиваемыми, выправка и отменные манеры которого говорят о долгой военной школе, осторожно шагает из угла в угол. Он старается не испачкать щеголеватого костюма, но дурно оштукатуренные стены бессовестно марают длиннополый сюртук.

— Доброго здоровья, лейтенант, — входя, поздоровался с цензором Маркс. — Надеюсь, Гегель и наши комментарии к его учению еще не отняли у прусской короны ее лучшее украшение? Удалось ли вам подебоширить вчера в кабачке на Новом рынке?

— Ваш ум и характер, господин Маркс, знаете сами, покорили меня. Отдаю должное вашему редакторскому гению… Вынужден сознаться, я не скучаю в Кёльне, тем более что вы не слишком балуете меня досугом. Но предупреждаю как друг, как поклонник наконец — газета того и гляди подведет вас всех своей небывалой дерзостью. Уловки не помогут… Однако благодарю вас за лестный отзыв, доктор Маркс.

Сен-Поль, фамильярно и многозначительно погрозив пальцем, наконец удалился.

— И у тебя хватает терпения развращать это солдатское бревно гегельянской философией, тратить время на этого гнусного палача и кутилу! — сказал Оппенгейм, позабыв, как сам недавно заискивал перед цензором.

— Сен-Поль — продукт нашизх уродливых нравов, подлинное

творение цензурного управления, и к тому же не худшее, поверь. Достаточно сравнить его с послушным дураком фон Герляхом, который обнюхивает газету, как голодный боров. Нелегко иметь дело с этой подлой породой шпионов. С каждым днем осада нашего бастиона усиливается. Цензурные придирки, министерские марания, иски, жалобы, ландтаги, вой акционеров с утра до ночи.

— Ты не на шутку раздражен, Карл.

— Еще бы! Если я остаюсь на своем посту, то только чтоб по мере сил помешать реакции в осуществлении ее замыслов. Наш разгром — победа реакционеров. Трудно все-таки сражаться иголками вместо штыков. Еще менее возможно для меня оказывать ради чего бы то ни было холопские услуги. Надоели лицемерие, глупость, грубость, изворачивание и словесное крохоборство даже ради свободы.

— Ого, Карл опять готовит нечто губительное! Что это будет? Статья о бедственном положении крестьян-виноделов? Предчувствую, он снова готов переменить веру. Более того: не скатывается ли наш редактор к крайним взглядам? Я трепещу за тебя, доктор Маркс!

— Нет, все это не то. Но я напоролся головой на гвоздь. Кто разрешит боевой конфликт эпохи — право и государство? Прощайте, друзья, гранки ждут меня! Я утопаю! Из Берлина снова бочка воды — три статьи от Мейена. Грохот, пустословие, истерические проклятия, которые, однако, не способны устрашить и ребенка. Что ни слово, то мыльный пузырь. О нахальство невежества! Оно поистине безгранично!

Кабинет редактора опустел. Мальчонка в клетчатых брючках приволок мешок с корреспонденцией. Карл потрепал сбившиеся тонкие льняные волосы и, покуда курьер разгружал свою ношу, из куска бумаги соорудил ему в подарок стрелу и кораблик.

Старик наборщик принес кипу свежих, пахнущих сосной гранок. Но недолго доктор Маркс смог заниматься чтением и правкой номера.

Без стука отворилась дверь. Вошел молодой человек, весьма тщательно одетый, с дорогой тростью и высокой модной шляпой в руке. Глаза его дружелюбно улыбались, морщился в переносье задорный, вздернутый нос.

Без всякого стеснения вошедший направился к столу, положил перчатки и широким добрым жестом протянул Карлу большую руку.

— Я давно ждал этой встречи. Моя фамилия — Энгельс. По пути в Англию заехал к вам.

Маркс, привстав, указал ему на стул. Энгельс… Он знал это

имя.

— Я приехал в Берлин после вашего отъезда и наслышался там немало о неукротимом докторе Марксе. Вас чтят в нашем «Кружке свободы». Да и в ресторане Гиппеля память о «черном Карле» прочна и незыблема.

— В мое время еще не было «Кружка свободы», — сухо поправил Карл.

Глаза Энгельса посерели, и разгладилась переносица. Он насторожился.

— Мейен, — ответил он без прежнего радушия в голосе, — поручил мне выразить недоумение и даже недовольство поведением редакции газеты в отношении берлинских сотрудников.

— Вот как! — вспылил мгновенно Карл. — Узнаю Мейена! — Он насмешливо сощурил глаза.

— Я совершенно не согласен с вашей оценкой членов кружка! — гневно повторил Энгельс, взял свою трость и нетерпеливо помахал ею.

— Вы едете в Англию? — переменил тему разговора Маркс. — Мы бы очень хотели получить от вас подробные сообщения о происходящем в стране, о рабочих волнениях, о новых измышлениях парламентских кретинов. Преинтересный остров! Не правда ли? Значит, договорились?

Глаза Энгельса слегка подобрели.

— Охотно. Я ваш сотрудник. До свидания, доктор Маркс.

— Счастливого пути, господин Энгельс.

«Так вот он какой, неистовый трирец, надменный, злой. Нет, нам с ним не по пути…» — в крайнем, необъяснимом раздражении думал Фридрих, спускаясь по лестнице. Не зная, как поправить разом испортившееся настроение и растворить досаду, он согнул дорогую отцовскую трость с такой силой, что, хрустнув, она сломалась надвое.

Это было 22 года назад. Была поздняя осень 1820 года. Давно облетели листья с могучих деревьев вдоль дорог в долине реки Вуппер. Унылыми и темными стали луга. В парках Бармена и Эльберфельда, расположенных вблизи друг от друга, ветер гнал ломкие, хрустящие листья. Приближалась зима. Узкие трубы над готическими крышами выбрасывали угольный перегар. Дули холодные ветры, но снег еще не выпал.

28 ноября в Бармене госпожа Луиза Энгельс, жена богатого фабриканта, родила сына.

Рождение первенца особенно обрадовало отца — сурового, энергичного человека, деспотически управлявшего не только

своими предприятиями, но и всей семьей. До сих пор Луиза рожала ему только дочерей, и он мечтал о наследнике, продолжателе фирмы Энгельса. С тем большим жаром благодарил он бога, в которого фанатически верил.

От детей своих он с раннего их детства требовал беспрекословного повиновения себе и лютеранской церкви, заставляя зубрить молитвы, петь псалмы и учиться лишь тому, что было необходимо для приумножения достатка.

Фридрих был здоровым, краснощеким, весьма сообразительным, любознательным и живым ребенком. Это внушало сызмала беспокойство его родным. Он особенно любил свою мать, слабохарактерную, нежную женщину, которая не могла никогда ни в чем противостоять воле деспотического мужа. С ранних лет Фридрих видел чудовищные противоречия в Вуппертале. Богатство и нищета, изнурительный труд и полное безделье, ханжество необычайно поражали впечатлительный детский ум.

Вупперталь не только крупный промышленный город, но и оплот религиозного протестантского мракобесия. Юный гимназист отдавал себе во всем отчет и переименовал Вупперталь в «Мукерталь» («Ханжеская долина».) Пьянство и религиозное неистовство, библия и пиво — вот пища для души, которой питались жители Бармена.

Сначала Фридрих Энгельс посещал городскую школу в Бармене, а затем гимназию в Эльберфельде. Учителя в гимназии отличались тем же непреодолимым ханжеством. Они преследовали учеников, читавших романы и газеты. Преподаватель словесности на вопрос Энгельса, кто такой Гёте, ответил кратко: «Безбожник».

Лютеранское учение, рожденное некогда в борьбе против злоупотреблений феодализма, превратилось давно в труп, заражающий консерватизмом все, что с ним соприкасалось. Такова была среда, где рос даровитый мальчик, рано проявивший свой острый ум и самостоятельность мышления. Отец с негодованием и тревогой наблюдал за сыном и, когда ему минуло 15 лет, как-то писал о нем жене, когда она уехала к больному отцу: «…Сегодня он опять огорчил меня: я нашел в его ящике какую-то грязную книгу, взятую из библиотеки, повесть из жизни рыцарей XIII столетия… Пусть бог охранит его душу, часто мне становится страшно за этого в общем прекрасного мальчика».

В школе на редкость способный юноша писал стихи, удачно рисовал карикатуры, отличался не только способностями к науке, ко всем видам искусства, но и превосходно фехтовал, плавал и ездил верхом.

В 1837 году отец заставил Фридриха оставить гимназию всего за год до выпускных экзаменов. Энгельс-старший готовил себе помощника и хотел сделать из сына опытного коммерсанта. После года работы в конторе отца Фридрих был отправлен учиться торговать в крупную фирму в Бремен. Этот торговый порт, куда заходили корабли со всех стран света, дал возможность Фридриху присмотреться к людям разных национальностей и читать английские, голландские, французские и многие другие газеты. Фридрих с детства отличался удивительной способностью овладевать иноземными языками и легко общаться с разными людьми. Кроме тото, уже с юности он поражал всех небывалой работоспособностью, уменьем организовать свой труд и время. 19-летний Фридрих читал множество книг по разным вопросам. Уже тогда он писал сестре Марии и друзьям «многоязычные» письма, шутливо замечая, что читает на 25 языках.

В Бремене Энгельс занимается поэзией. Он хорошо знаком с талантливым поэтом Веертом, тоже служащим торговой фирмы. Оба они восхищаются поэтическим творчеством Фердинанда Фрейлиграта, приказчика торговой фирмы, ставшего известным поэтом.

Но ни поэзия, ни музыка, особенно симфонии Бетховена, которые так любит Энгельс, не мешают его зоркому глазу видеть «плебс, который ничего не — имеет, но который представляет собой лучшее из того, что может иметь король в своем государстве».

Все это время Фридрих живет, по воле отца, под крышей пасторского дома. Но не преданность религии, а разочарование в ней испытывает он, глядя на ханжескую жизнь одного из наибольших лицемеров — пастора Тревенариуса. В довершение к религиозным сомнениям он читает «Жизнь Иисуса» Штрауса, и эта книга окончательно обращает его к атеизму.

В 1839 году неуемный Фридрих печатает в «Германском телеграфе» свои «Письма из Вуппераля». Сын фабриканта беспощадно раскрывает картину истинного положения тунеядцев и рабочих. Гнев прорывается сквозь каждую строчку написанных им статей. Фридрих Энгельс выступает как страстный революционный демократ.

Он громит сословный строй и предвидит, что гнев обездоленного народа обрушится на дворянское сословие и опирающуюся на это сословие монархию.

Вызов брошен!

Его статьи, скрытые от родных псевдонимом «Фридрих Освальд», приводят в содрогание друзей его школьной поры

Фридриха и Вильгельма Герберов — сыновей пастора, от которых Энгельс не скрывает своих воззрений.

Редактор «Германского телеграфа», один из вожаков «Молодой Германии», писатель Гуцков никак не мог предполагать, что под именем Ф. Освальда скрывается 20-летний юноша, а не умудренный опытом почтенный ученый.

Свой псевдоним Энгельсу приходилось сохранять в тайне не только для того, чтобы спастись от взрыва гнева в родной семье, но и по другой причине. Он стал военным.

В 1841 году, после путешествия по Швейцарии и Северной Италии, Фридрих приехал в Берлин и поступил вольноопределяющимся в артиллерийскую бригаду. Как сын богатого фабриканта, он мог бы откупиться от воинской повинности, но решительно отказался сделать это.

Не по душе Энгельсу прусская муштра, но любознательный юноша охотно изучает все, что касается военного дела, и вот он бомбардир. Военная наука стала впоследствии одной из любимых на всю жизнь.

Одновременно с военной службой Фридрих поступает в Берлинский университет. Он особенно увлекается лекциями по философии и сближается с кружком младогегельянцев. Туда входят красноречивые братья Бруно и Эдгар Бауэры, большелобый Макс Штирнер и другие. Прошло немногим более полугода, как из Берлина уехал Карл Маркс. То и дело Фридрих слышит об этом необычайном человеке восторженные отзывы.

В декабре 1841 года и в начале следующего Энгельс то анонимно, то под псевдонимом «Ф. Освальд» публикует статьи и брошюры. Он критикует реакционные, идеалистические взгляды Шеллинга. В этом маститом профессоре, служащем «нуждам прусского короля», молодой артиллерист, студент, недавний бременский конторщик Энгельс видел олицетворение реакции, покушавшейся на свободную философию, и решил сразиться с нею. Он разбивает попытку Шеллинга примирить религию с наукой, веру со знанием.

Первым из младогегельянцев Энгельс открыто проповедует атеизм. Он очень близок к литераторам «Молодой Германии».

Печатные работы Освальда привлекали все большее внимание и вызывали множество предположений об авторе, весьма далеких от истины. Некоторые утверждали, что это псевдоним самого Гуцкова. Тем большее удивление встретила статья Ф. Освальда, в которой он осуждал представителей «Молодой Германии» за их недостаточно четкие взгляды, путаницу в философских понятиях, слабость идейных позиций в литературных произведениях.

Фридрих Энгельс порвал с «Молодой Германией», которую перерос и значительно обогнал.

Осенью 1842 года он закончил военную службу и вернулся в отчий дом.

Отец, желая удалить сына из предреволюционной Германии, где Фридрих завязал немало казавшихся в Бармене опасными знакомств, предложил ему поехать в Манчестер. Там на бумагопрядильне «Эрмен и Энгельс» Фридриху надлежало заняться коммерцией.

Фридрих Энгельс приехал в Манчестер в конце 1842 года.

Он не впервые переплывал волнующийся пролив и почувствовал себя почти прирожденным англичанином, когда таможенный чиновник, бегло осмотрев саквояжи, пропустил его на набережную.

Энгельс знал английский в совершенстве. Взобравшись в фиакр, он обратился к рыжему вознице с приветствием шотландских горцев, и тот, не колеблясь, признал земляка. Приезжий принялся пытливо расспрашивать о житье-бытье кучеров. Шотландец оказался болтливым. Он многословно жаловался на дороговизну, причины которой не понимал.

— Добро бы хоть война, а то и той нет.

В ожидании почтового дилижанса Фридрих просмотрел кипу английских газет. Он заключил, что, по мнению самих англичан, мало изменений произошло у них за те два года, которые для него были так бурны и богаты событиями.

Он был раздосадован. С немецких берегов Англия казалась охваченной социальной лихорадкой и рвущейся навстречу революции. Патетический Гесс в берлинских ресторанах, где собирался «Союз свободных», столько раз вдохновенно пророчествовал и обещал, что социальный переворот начнется на Британских островах и лишь потом перебросится на континент.

Удивительная страна! Привычка подменила в ней страсть. Странный мир упорных, невозмутимых и, однако, столь могущественных улиток.

Фридрих заметил, что в моде были все те же неприятно полосатые, сборчатые в талии брюки, просторные рединготы и черные цилиндры. Франты носили тросточки и белили щеки. Головки дам выглядывали из больших, без меры украшенных лентами шляп-корзин, напоминая то какие-то овощи, то причудливые фрукты. И нередко продолговатые, острые, невыгодно окрашенные ноябрьской непогодой лица походили всего более на огурцы или морковь.

Молодой барменский купец был достаточно красив, наряден

и статен, чтоб тотчас же привлечь внимание провинциалок. Годы военной службы выпрямили его спину. Молодого человека легко можно было принять не за скромного бомбардира, каким он был недавно, а по крайней мере за гвардейского офицера, слегка неуклюжего в непривычном штатском платье.

В почтовой карете он легко заводил знакомства, умело пробивая вежливую замкнутость англичан. Девицы посылали ему заманивающие улыбки, на которые он отвечал не без удовольствия.

Пожилые люди незаметно для себя переходили с этим юношей на тон равных и, насколько это допускалось их правилами, оживлялись в беседе. Они говорили, расправляя толстые пледы на коленях и пыхтя сигарами, о том, что положение Англии тяжелое, что кризис — божья кара — как град выбил нивы промышленности.

— Но, — кончали они убежденно, — никогда материальные интересы не порождали революций. Дух, а не материя толкает к безумствам, и — хвала небу! — в этом смысле нация здорова.

В Лондоне Фридрих остановился в знакомом отеле. Его встретили приветливо и без всякого изумления, точно не более нескольких часов тому назад он вышел на очередную прогулку. Хозяин в тех же выражениях, что и в 1840 году, осведомился о погоде, о самочувствии постояльца, и тот же слуга без двух передних зубов подал ему острый томатный суп и рыбу, пахнущую болотом. Пудинг был черств и пресен, и подливка отдавала перцем.

Поутру у порога отеля та же нетрезвая и ободранная старуха клянчила свой очередной пенни. И она узнала Фридриха и не удивилась ему. На бирже худой швейцар, преисполненный сознания своей великой миссии, взял у Энгельса пальто и шепнул ему с тем же заговорщицким видом о катастрофе с новыми железнодорожными акциями.

Один из знакомых зазвал молодого купца к себе. Справлялась серебряная свадьба. И снова неизменность быта, как режущий монотонный скрип, как тягостное зрелище паралича, задела Энгельса. Бал в английской почтенной буржуазной семье был копией таких же балов где-нибудь в Бармене, Бремене. Веселье было регламентировано и вымерено, как порции куриной печенки и пирожного за ужином.

Коммерческий дух господствовал и здесь. В зале танцев шла отчаянная, азартная купля и продажа.

Фридриху казалось, что жить бездумными интересами этих людей, молиться их святыням — значит добровольно дать опутать себя паутиной, как пойманную муху, осудить себя на

постепенное, медленное умирание. Он любил своего отца, деда — людей, жизнь которых казалась ему столь ядовитой и засасывающей. Но это была любовь снисхождения, любовь отмирающая, как традиция. Их веру, их идеалы он разрушил и, переболев, осмеял.

Из гостиниц зажиточных буржуа, из грязных залов биржи Фридрих бросился на лондонские окраины, где ютились в бедности деятельные немецкие изгнанники. Иосиф Молль, Карл Шаппер, Генрих Бауэр встретили его дружелюбно. Энгельс впервые видел подлинных пролетариев-вождей. Их умственный уровень поразил его. Правда, они остались равнодушными к философскому докладу, который молодой человек попробовал им преподнести. Ни ересь Шеллимга, ни откровения Бруно Бауэра не произвели здесь особого впечатления, зато о заработной плате, о быте немецких текстильщиков и ремесленников они хотели знать все. Коммунизм этих рабочих казался Энгельсу несколько ограниченным и слишком уж практическим. Но как хорошо чувствовал себя Фридрих среди этих новых людей! Насколько низкая конура, где сапожничал весельчак Генрих Бауэр, была приветливее любого купеческого дома! Эти люди, потерявшие родину из-за покуда не осуществленных идей и принципов, казались ему идеально простыми, целеустремленными.

Вернувшись из Лондона в Манчестер, Фридрих решил испытать таинственное и волнующее ощущение езды по железной дороге.

Поезда между Манчестером и Ливерпулем ходили дважды в день. Энгельс подъехал к низкому деревянному навесу вокзала задолго до отхода поезда.

Локомотив! Фридрих встретил его, как давнишнего знакомого, которого знал, однако, не лично, а по рассказам. Эта машина оказалась и похожей и не похожей на тот образ, который юноша представлял себе. Локомотив вовсе не напоминал чайник, которому был обязан возникновением. Фридрих не нашел ему сравнения. Он был чем-то совсем новым, особенным, открывающим собой новые представления и образы.

Как многоопытный знаток, Фридрих под железными боками локомотива видел его металлические ребра, трубы-вены, все его сложные внутренние органы, похожие на небывалые легкие и желудок. Фридрих, увлекавшийся техникой, давно изучил его строение.

Трезвон оттащил Фридриха от локомотива. Перебросив через руку плед, юноша бросился, как и все откуда-то взявшиеся пассажиры, к вагонам.

Поезд, тяжело вздыхая, сопя, понесся в Ливерпуль. Дым

стлался над вагонами без крыш, оседая на капорах и шляпах пассажиров. Шум колес и локомотива заглушал голоса. Энгельс любил быструю езду. Он предоставил ветру трепать его мягкие светло-каштановые кудри. Привыкнув сызмальства к лихой верховой езде, он не был поражен бегом поезда. Он задавал себе вопрос о том значении, которое приобретет для человечества и истории изобретение Стефенсона. Страстно любя географию, Фридрих видел перед собой карту земли и прокладывал мысленно одну за другой железные дороги.

Поезд начисто менял понятие о времени и расстоянии.

Недавний артиллерист предвидел, как в случае войны локомотив потащит вагоны с пушками и людьми, вооруженными не зонтиками, как его теперешние соседи, а ружьями и штыками. Энгельс, размышлял о том, какова была бы судьба Наполеона, если б полководцу служили поезда.

В таких размышлениях быстро пробежали часы. Поезд, устало кряхтя, подъехал к Ливерпулю.

Город этот показался молодому человеку таким же страшным, безжалостным, как и Манчестер, как и Лондон. На набережной женщины с просящими глазами, голодными глазами волчиц преследовали его, предлагая единственное, что им еще принадлежало, — тело. Маленькая девочка дернула Фридриха за руку, и когда он бросился от нее прочь, закричала:

— Дайте же мне пенни на хлеб, если не хотите пойти со мной в доки!

Энгельс остановился и дал ей монету. Но не только женщины попрошайничали в порту. Мужчины-нищие молча протягивали руку.

В доках Фридрих спотыкался о пьяные тела. У дверей дымного кабака плакал ребенок.

Социалистическая литература, с которой он отчасти познакомился на родине в последние годы, подготовила его ко многому, и, однако, действительность превосходила все, что могло нарисовать самое мрачное воображение.

Ему казалось, что он впервые по-настоящему, во всю величину увидел этот иной мир и его обитателей. Их было много, этих людей; и здесь, в Англии, самой прогрессивной стране земли, они были еще более несчастны, чем где-либо, чем в Бармене, Бремене — в городах, о которых Фридрих думал как об отсталых окраинах передовой Европы.

Что же это означает? Прогресс, несущий счастье и богатство людям, подобным семье Энгельсов, лишней цепью обвивает тело пролетария? Какое же социальное проклятие тяготеет над этим людом, познавшим ад при жизни?

«Человечество распалось на монады. Везде — и может быть, в нас, во мне — варварское безразличие, эгоистическая жестокость. Везде социальная война… везде взаимный грабеж под защитой закона», — думал Фридрих.

Порешив ночевать в Ливерпуле, он нанял комнату в отеле. Ему захотелось быть совсем одному в чужом городе, в чужом доме. Он был слишком окружен мыслями, чтоб не искать одиночества. Так поэт или ученый, обремененный созревшей думой или открытием, упрямо ищет уединения и покоя, чтоб освободить себя от ноши. В такие минуты хорошо быть в чужом месте, чтоб ничто не мешало думать, чтоб ни одно вторжение не разрывало густого напряжения.

Вспоминая прошлогодние битвы, Фридрих старательно перебирал прожитое. Он снова рылся в дорогом, мертвом уже, хламе, в старых письмах, пахнущих мышами и завядшими травами, находил драгоценные, совсем нетронутые реликвии, фотографии, мундир в чернильных пятнах и блестящую ненужную шпагу.

На рассвете Фридрих лег, наконец, в постель. Машинально он взял приготовленную заботливым хозяином отеля библию. Нашел «Песнь песней» и прочел нараспев, как читал поэмы.

Библия лежала перед ним старой детской игрушкой. Как поэт, он отдавал должное эпическому таланту безвестных художников, ее сотворивших. Что ж, «Песнь песней» походила на «Песнь о Нибелунгах»; псалмы были грубоваты и мелодичны, как старые саги.

Перелистывая «священное писание», Фридрих вспомнил им написанное «Библии чудесное избавление от дерзкого покушения, или торжество веры». Эти веселые рифмы когда-то казались ему удачными. Но как далеко отошла в прошлое пора младогегельянских дуэлей и дурачеств!

Стихи заволакивали настоящее. Ливерпуль становился Берлином, и из-за портьеры опять доносился тенорок Бруно Бауэра.

Фридрих достал свою поэму из жилетного кармана. Расправил. Тоненькая книжечка без имени автора на обложке.

Как долго, скрытно, упорно он мечтал стать поэтом!

«Может быть это было неизбежностью для юношей моего поколения, как корь и дуэлянтское бахвальство…»

Еще год назад он верил, что богато одарен поэтической музой, но он не был в этом убежден сегодня. Впервые Фридрих думал о том, что не будет поэтом, без боли и уныния.

Однако шутливые стихи и пародии удавались ему.

Перелистывая свою поэму, он с удовольствием заметил, что

не стыдится ее, не досадует. Морщась от смеха, снова признав достойным себя свое творение, вспоминал он свои вирши.

«Услышь, господь, услышь! Внемли моленью верных,
Не дай погибнуть им в страданиях безмерных!
Терпенью твоему когда конец придет,
Когда ты казнь пошлешь на богохульный род?
Доколе процветать ты дашь в земной юдоли
Безбожным наглецам? Скажи, господь, доколе
Философ будет мнить, что «я» его есть «я»,
А не от твоего зависит бытия?
Все громче и наглей неверующих речи…
Приблизь же день суда над скверной человечьей».
Господь на то в ответ: «Не пробил час для труб,
Еще не так смердит от разложенья труп,
К тому ж и воинство мое — от вас не скрою —
Не подготовлено к решительному бою.
Богоискателями полон град Берлин,
Но гордый ум для них верховный господин;
Меня хотят постичь при помощи понятий,
Чтоб выйти я не мог из их стальных объятий.
И *Бруно Бауэр* сам — в душе мне верный раб —
Все размышляет: плоть послушна, дух же слаб…»[3]

Утром Энгельс вернулся в Манчестер.

Однажды случайно он встретил в этом городе краснощекую молоденькую работницу, ирландку по происхождению. Ее звали Мэри Бернс. Молодые люди полюбили друг друга.

Фридрих решительно изменил образ жизни. Пренебрегая мнением приятелей отца, он отвергал приглашения на обеды, ужины, танцы. Он исчез с брачных ярмарок, и расчетливые ланкаширские буржуазные маменьки вычеркнули его из списков надежных женихов.

В свободные от дел в конторе часы Фридрих уходил в рабочие дома, на собрания чартистов, в харчевни, что у шлагбаума, отмечающего городские границы. По ночам он зачитывался Годвином и декламировал Шелли, которого полюбил страстно. Он добыл синие, малоизвестные, почти не знавшие прикосновения человеческих рук отчетные брошюры фабричных инспекторов, и за мертвыми, жесткими и трагическими, как металлические, почерневшие от дождя венки, фразами перед ним открывалась иная жизнь.

Он чувствовал себя Колумбом, ступившим на чужую землю и увидевшим людей с другим цветом кожи, быт и мысль которых

были ему не знакомы.

Но с каждой новой цифрой тайна теряла свое надуманное обаяние, обнажалась.

Цифры, острые, как молнии, открывали Фридриху загадку происхождения и путь этого иного народа, настойчиво требовавшего к себе внимания всего мира, народа, заселяющего всю планету, называемого — Пролетариат.

История рабочего класса, которую он воссоздавал, была мрачна, но последовательна. Фридрих видел, как нищали крестьяне, как нужда заставляла их продавать свой труд и как потом рабство ковало из них новых людей.

Молодой исследователь решил писать книгу о рабочих Англии. Разве не опередили они — и в невзгодах и в борьбе — всех своих собратьев на земном шаре?

Нередко Фридрих хладнокровно и деловито думал о том недоверии, которое так часто проскальзывало в отношении рабочих к нему.

«Они чувствуют во мне чужака. Между нами легла вывеска торговой фирмы «Эрмен и Энгельс».

Нет оснований покуда доверять ему, сыну фабриканта, еще недавно вычурному поэту, философу, парящему над землей в густой мгле всяких абстракций.

В пролетарии живет здоровый инстинкт настороженности и недоверия к слову».

С полудня началась забастовка. Ее негромко провозгласили часы, десятки часов на заводских корпусах. Вместе с еле заметной заминкой послушной часовой стрелки остановилась работа. Стрелка ребенком, играющим в «классы», поскакала дальше — рабочие беспорядочно высыпали с заводов, из мастерских на безлюдные улицы. В полдень город ожил и зашумел так, как шумел только на рассвете или в сумерки.

Во всех церквах, на всех площадях митинговали. И чем тише, мертвенней становились дома и дворы фабрик, тем взволнованнее говорили город, улицы.

Фридрих вышел в прихожую конторы. На вешалках, как висельники, неестественно выпрямившись или скорчившись, застыли серые шинели, плащи, полукафтаны. Их никто не стерег. На деревянной скамье лежала забытая сторожем железная табакерка. Сторож забастовал.

В груде шляп и цилиндров Энгельс отыскал картуз и, закутав шею фланелевым шарфом, вышел на улицу. Мимо него продолжали идти рабочие. Он свернул с моста в глубь заводских улиц. Растерянно поскрипывали настежь отпертые ворота.

Забастовки не ожидали. Какие-то люди пробирались к конторам по найму. Унюхав добычу, они торопились предложить себя вместо протестующих собратьев. Озираясь, они проникли на пустые, брошенные фабрики еще раньше, чем их принялись искать.

Фридрих ощутил острое желание избить их. Не часто чувство опережало в нем рассудок.

«Рабские душонки, подлые и жалкие! Рабочие сами скоро расправятся с предателями».

Минуту спустя он уже думал о другом:

«Следует поставить рабочие пикеты у фабричных ворот, чтобы останавливать измену на пороге».

Но об этом уже позаботились. Ворота захлопывались, и рабочие присоединялись к страже.

«Революция приближается!» — надеялся Энгельс, но вместе с тем росло в нем беспокойство.

Не было ли снова провокации, которая опутала рабочих летом, во время первой забастовки? Не хотят ли промышленники руками пролетариев добыть уступки от правительства?

Но через все сомнения пробивалось одно полное нарастающее чувство — гордая радость.

Фридрих видел впервые рабочий класс в организованном действии. Забастовка была прекрасна, как революционный бой, как массовое восстание. Какой магический пароль, пробежав через многотысячный город, остановил наперекор всему десятки заводов, сотни машин, тысячи станков? Разве не было беспорядочное шествие рабочих мирным и небывалым доныне парадом их мощи и сознания солидарности?

«Так воспитывается революция, — думал Фридрих, — социальная революция, за которой следует не коронование новой династии, а свержение режима». И он радовался замечательному уроку, который давала ему история.

Через несколько дней забастовка кончилась.

Город, как река, вошедшая после разлива в берега, снова обезлюдел и затих.

Монотонно стучали паровые станки на текстильных фабриках. Закрылись заводские ворота. Ткачи и пряхи согнулись над работой.

Фридрих Энгельс окончательно решил писать книгу о рабочих Англии. Он хотел посвятить ее миллионам Смитов, всем тем, чья история, чья жизнь, безличная, как статистическая цифра, и трагическая, как цифра на безыменном трупе в городском морге, послужит основой этой книги.

Старый сторож Джон был одним из вдохновителей Фридриха,

красноречивым, как синие книги инспекторских обследований, как Манчестер, Ливерпуль и Лондон, как всеобщая забастовка, как газеты и пророчества немецких социалистов, как Иосиф Молль, как смелый чартист Гарни и рассудительный, холодный Оуэн.

Во вступлении к своей книге Фридрих сказал то, чем столько раз хотел рассеять недоверие старого конторского сторожа:

«Рабочие! — в толпе английских ткачей, металлургов, углекопов он узнавал Джона, сосредоточенно жующего ус. — Вам я посвящаю свой труд, в котором я попытался нарисовать перед своими немецкими соотечественниками верную картину вашего положения, ваших страданий и борьбы, ваших чаяний и устремлений».

Фридрих отвечал Джону, недоумевающему, спрашивающему, кому нужна книга о рабочих («У нас на табак гроша не остается, зачем нам книга о своей беде?»):

«Можно по-разному жить богато, но нужда однолика…»

«Я достаточно долго жил среди вас, чтобы ознакомиться с вашим положением», — писал далее Фридрих. Улыбка медленно сходила с его лица, вместе с ней уходили воспоминания.

«Я искал большего, чем одно абстрактное значение предмета, я хотел видеть вас в ваших жилищах, наблюдать вашу повседневную жизнь, беседовать с вами о вашем положении и ваших нуждах и быть свидетелем вашей борьбы против социальной и политической власти ваших угнетателей… Я оставил общество и званые обеды, портвейн и шампанское буржуазии и посвятил свои часы досуга почти исключительно общению с настоящими рабочими…

…Я убедился в том, что вы больше чем просто *английские* люди, члены одной обособленной нации, вы — *люди,* члены одной великой общей семьи, сознающие, что ваши интересы совпадают с интересами всего человечества. И, видя в вас членов этой семьи, «единого и неделимого» человечества, людей в самом возвышенном смысле этого слова, я, как и многие другие на континенте, всячески приветствую ваше движение и желаю вам скорейшего успеха».

Пять месяцев длилась упорная борьба в «Рейнской газете». Маркс не знал ни в чем равнодушия. С тех пор как он стал редактором этой газеты, он не только отдавал ей все силы, время, но и пытался охватить на ее узких столбцах все волнующие темы современности. В течение лета 1842 года газета опубликовала несколько статей о социальных вопросах. Карл Маркс заинтересовался талантливым коммунистом, портным

Вейтлингом и напечатал его статью о жилищах берлинской бедноты, ютящейся в нечеловеческих условиях.

Все интересовало «Рейнскую газету», и она отражала каждое движение маятника истории, особенно в немецких княжествах.

Как-то, сообщая о съезде ученых в Страсбурге, «Рейнская газета» в примечании добавила, что если неимущие в Германии домогаются богатства, которым владеет только среднее сословие и крупная буржуазия, то это приводит на память борьбу третьего сословия против дворянства в начале Великой буржуазной французской революции.

Однако этого замечания было достаточно, чтобы «аугсбургская ведьма» — «Всеобщая газета» обвинила «Рейнскую газету» в заигрывании с коммунизмом.

Маркс со свойственной ему быстротой реакции дал отпор нападкам «Всеобщей газеты», которая сама не раз печатала принадлежащие перу Гейне статьи, восхвалявшие французский социализм и коммунизм. Воевать с «Всеобщей газетой» было тем более нелегко, что она, единственная в ту пору в Германии, имела национальное и даже международное значение. Но это не могло остановить Маркса. В то время ему было еще трудно говорить, что-либо по существу коммунизма. Не в правилах Маркса было пользоваться оружием, которое он еще не изучил и не усовершенствовал. Он писал, что «Рейнская газета» будет решать все эти вопросы «после упорного и углубленного изучения». Труды Леру, Консидерана, Прудона и другие требуют глубокого изучения и не могут быть разобраны в порядке случайной фантазии.

Карл мечтает о том, чтобы взяться снова за книги. Столько еще вопросов не нашли в его сознании ответа. Время не терпит. Он хочет еще раз и еще глубже продумать идеи социализма и особенно коммунизма до конца, до полной ясности, поработать над политической экономией.

Он ищет новых путей. Но редакторская деятельность кажется ему не менее важной, и оставить ее не дезертирство ли с поля боя? Не ради ли возможности говорить с этой высокой трибуны он порвал с мыслью о профессуре, разошелся со многими товарищами?!

Работа в «Рейнской газете» между тем становилась все более затруднительной. Маркс надеялся на друзей в Берлине, обещавших сотрудничать в его печатном органе.

В это время берлинские «Свободные» разыгрывали из себя богему. Их скандалы, бесчинства, глупые выходки в кабаках, притонах, на улицах вызывали презрение и недоумение не только у робких филистеров, но и тех, кто раньше готов был

присоединиться к ним. Бруно Бауэр не стеснялся участвовать в бессмысленных шествиях нищих, устраиваемых «Свободными», и стал не меньше скоморохом, нежели они. Только строгий Кеппен держался в стороне от этих шумных дебошей, кончавшихся нередко в полицейских участках.

Все эти странные бесчинства пагубно отражались на духовной и творческой деятельности «Свободных», Карл Маркс получал от них для газеты большей частью никчемную продукцию, подолгу отбирал и переделывал полученное.

Окончательный разрыв со «Свободными» совершился в ноябре 1842 года. В это время Гервег и Руге побывали в Берлине. До этого в Кёльне Гервег познакомился и крепко подружился с Марксом. В клубе «Свободных» Гервег и Руге выслушали Бруно Бауэра, который выступил с нелепыми требованиями упразднить, не считаясь с реальной действительностью, понятия государства, собственности и семьи.

Гервег попробовал призвать Бауэра и его друзей к разумным мыслям взамен пустозвонной болтовни. В ответ они принялись оскорблять его и высмеивать стихи Гервега. В результате спор между Руге, Гервегом и «Свободными» дошел до «Рейнской газеты». Маркс поддержал взгляды Руге и Гервега, и «Свободные», в частности Мейен, начали сочинять пасквили о газете.

В это же время Маркс претерпевал, как сам говорил, «ужасные цензурные мучительства», вел огромную переписку с министерством, выслушивал обер-президентские жалобы и обвинения в ландтаге, а также спорил с акционерами, субсидирующими газету, крайне раздраженными ее «левым» направлением.

Осенью 1842 года правительство стало еще больше придираться к газете и ее редактору, надеясь, что она умрет естественной смертью. Но число подписчиков все возрастало: с 885 оно поднялось до 1820. Король негодовал. Статьи в газете становились все более дерзкими и враждебными правительству. Рутенберг был выслан из Кёльна.

30 ноября Маркс писал Руге: «Рутенберг, у которого уже отняли ведение немецкого отдела (где деятельность его состояла главным образом в расстановке знаков препинания)… Рутенберг благодаря чудовищной глупости нашего государственного провидения имел счастье прослыть опасным…»

Корреспонденции из Бернкастеля о невыносимом положении мозельских крестьян, помещенные в «Рейнской газете», вызвали подлинный рев со стороны обер-президента Шаппера, который только искал повода избавиться от Маркса. 19 января 1843 года совет министров в присутствии короля постановил закрыть

«Рейнскую газету».

Формальным поводом для этого послужило то, что у газеты будто бы нет разрешения на издание. Фактической же причиной было ее противоправительственное направление.

В интересах пайщиков после их хлопот газете разрешили выходить еще три месяца.

«В течение этого времени, до казни, — писал Маркс Руге, — газета подвергается двойной цензуре».

Число подписчиков в это время возросло до 3200, и в Берлин направлялись петиции с большим количеством подписей. Читатели просили не закрывать «Рейнскую газету».

Пайщики, желая спасти деньги, вложенные в издание, потребовали в это же время от Маркса, чтобы он совершенно изменил тон и характер газеты. Это и заставило Карла Маркса 17 марта сложить с себя обязанности редактора.

Карл поехал к Женни. Ему было 18 лет, когда она стала его невестой. Семь лет ждали они друг друга, ни мыслью, ни поступком не изменяя своей любви. 19 июня 1843 года доктор Карл Маркс обвенчался, наконец, с Женни фон Вестфален. Они прожили несколько счастливейших недель в красивом городке Крейцнахе у Каролины фон Вестфален, матери Женни, одиноко жившей в глубоком трауре после недавней смерти Людвига Вестфалена.

Арнольд Руге звал Маркса в Париж. Он предлагал ему основать там немецкий журнал. Осенью 1843 года Карл и Женни покидают Германию, направляясь во Францию.

Женни и Карл, плечом к плечу, рука в руке, стоят у окна. Перед ними Париж. Как далеко отступил в их памяти Рейн, отошла родина! Они женаты всего несколько месяцев, но обоим кажется, что прошли для них годы. Так долго ждали друг друга. Семь бесконечных лет!

— Давно, а будто только вчера встретились, еще ни о чем не успели наговориться, — шепчет Женни ласково.

Сознание неразрывности, любви навсегда беспредельно расширяет ее чувство. Она думает о недавнем прошлом, заглядывает в счастливые месяцы, точно в сокровенный ларчик, полный до краев любовных слов, горячих признаний и мечты.

Франция. Отсюда, издалека, вместе с верными соратниками он сумеет пойти войной на самодержавие, на филистеров, на помещиков. Он не откладывал пера. Заглядывая в темную чащу философии, Карл повторял понравившуюся ему мысль Фейербаха, с которым был в переписке.

«Раз наука не разрешает загадки жизни, — что же делать?

Обратиться к вере? Но это значило бы броситься из огня да в полымя. Нет. Надо подойти вплотную к жизни, к практике. Сомнение, которое не разрешает теория, разрешит повседневность».

Каждый новый город, каждая новая страна — школа. Маркс наблюдателен, как никто. Его пытливый взор находит без труда несравненно большие противоречия, нежели в сонном немецком государстве, открывает глухую борьбу сытых и голодных. Везде все то же… Жгучая ненависть к торжествующим буржуа нависла над столицей. Разоренные крестьяне наполняют улицы, клянчат милостыню, тихо мрут в подворотнях, на порогах домов новой знати.

Зверски оскаленная пасть — вот оно, буржуазное государство. Маркс отшвыривает с презрением гегелевскую, такую наивную и лживую перед мордой буржуазного Парижа формулу о нравственном организме, величаво возвышающемся над борьбой общественных классов.

«Ошибался или предавал? — спрашивал тень Гегеля Карл. — Старик был слишком гениален, чтоб так ошибиться».

Стоя подле жены, ощущая ласку ее прелестной руки, он размышляет о самых больших вопросах мира. Париж из окна дома на улице Ванно кажется ему необъятным. Страшная борьба изо дня в день, от часа к часу, ежеминутно разыгрывается на безмятежных с виду улицах. Голодные и сытые. Богатые и бедные. Плебеи и патриции. Пролетариат и буржуазия…

Женни отходит в глубь комнаты и принимается убирать книги с маленького стола. Из амбразуры окна Карл следит за ее движениями. Стол, наконец, накрыт к ужину.

Стук в дверь. Входит, помахивая большой шляпой, нестарый господин в нарядном, снегом осыпанном пальто. Холодная, чуточку надменная улыбка, изысканный светский поклон.

— Вот вам и сам прославленный буян, еретик и безбожник Генрих Гейне, — объявляет редактор «Немецко-французских ежегодников» Руге, появившийся в дверях вместе с поэтом.

Генрих Гейне зачастил к Марксам. Он полюбил неровную улицу Ванно, маленькую квартирку с окнами, затемненными ветвистым каштаном, приветливую пополневшую Женни, смущенно кутающуюся в клетчатую шаль и неторопливо подшивающую края трогательно маленьких детских распашонок.

В доме Марксов все говорило о нетерпеливом ожидании нового человека. Маленькая ванночка в передней, затянутая кисеей колыбелька, забытый на комоде повивальник, особое беспокойное внимание Карла к жене. Приехала из Крейцнаха со строгим наказом беречь Женни ее сверстница, Елена Демут,

выросшая в людской дома Вестфаленов. Спокойно и умело взяла она на себя заботы о маленькой семье. И сразу стало как-то уютнее, наряднее вокруг. Появились какие-то чашечки, подносики. Пеклись булочки. Только с упрямой и вздорной госпожой Руге не поладила Ленхен. Зато Генрих Гейне может всегда рассчитывать на ее гостеприимство, на горячую чашку кофе или кружку остуженного пива. Он желанный гость и баловень всех. Взлохмаченный Карл из-за груды бумаг неизменно радостно приветствует входящего поэта. Женни откладывает книгу и шитье. Елена торопится с угощением. И нередко проводят они все вместе зимние вечера у неспокойно гудящего камина.

Генрих приносит стихи. Он читает их негромко, но хриплый голос его выразителен. Отрываясь от тетрадей, поэт нервно ищет на лице Карла похвалы, осуждения либо равнодушия: последнее для него было бы нестерпимо. Но Маркс никогда не бывает безразличен к лире издавна любимого поэта. Поэзия Гейне не бесстрастна, не бесцельна. Уже написано «Просветление».

Карл знает наизусть стихи нового друга.

Будь не флейтою безвредной,
Не мещанский славь уют —
Будь народу барабаном,
Будь и пушкой и тараном,
Бей, рази, греми победно![4]

В тихие вечера о чем только не говорят Женни, Карл и Генрих! О далекой Германии, о Париже, то бурливом, то самодовольном, о новых идеях, книгах и людях. О родине.

— Я верю в революцию и жду ее. Не сегодня, так завтра.

Гейне думает то же.

— На окраинах Парижа, — говорит он, — я видел людей в рубищах, с лицами, изувеченными голодом. Они читают памфлеты Марата и мрачные вещанья Буонаротти. Они хотят создать Икарию — эту страну, одновременно прекрасную и скучную для мне подобных скептических умов. Они пахнут кровью. И все же коммунисты — единственная партия, которая заслуживает почтительного внимания. Но хотя разум мой приветствует их, я боюсь этой разрушительной силы. Они, как гунны, уничтожат моих кумиров. Грубыми, мозолистыми руками они разобьют в порыве мести предметы тончайшего искусства, босыми ногами растопчут мои воображаемые цветы. Что будет с моей «Книгой песен». Кому нужны хрупкие мечты поэта? Навсегда развеются образы пажа и королевы. Нет, я боюсь этих мрачных фанатиков и их злобы. И все же они придут, они победят… Из

одного отвращения к защитникам немецкого национализма, я готов полюбить коммунистов. Им чужды лицемерие и ханжество. Главным догматом они объявили неограниченный космополитизм, всемерную любовь ко всем народам, братские отношения всех свободных людей на земле. Великие чувства! Я — за них.

Карл, добродушно улыбаясь, слушает Гейне. Он хочет верить, что рано или поздно мятущийся поэт сам разберется в охвативших его противоречиях.

«Разве я сам, — думает Маркс, — не ищу? Вихрь мыслей качает и меня. Это рост, это движение, это залог того, что мы найдем себя и свой путь».

Иногда Генрих приходит к Марксам болезненно бледный. Женни тотчас же распознает его настроение по неровной походке, гримасе губ, дрожанию рук.

— Обругали? — спрашивает она сочувственно, если Гейне приходит сумрачный и жалуется на недуги, на человеческую пошлость и дурной парижский климат.

Поэт молча лезет в задний карман щеголеватого фрака и достает измятые листы журнала.

Большие губы его вздрагивают, и лоб страдальчески перекошен. Как обиженный, рассерженный ребенок, он борется с двумя чувствами — желанием заплакать и подраться.

— Не принимайте так близко к сердцу завистливый и злобный вой ничтожеств. Будьте милостивы к насекомым. Они тоже хотят жить, — говорит Женни и с подчеркнутой брезгливостью откладывает в сторону журнальную статейку.

— О, эти насекомые ядовиты! Это мухи цеце. Вы только послушайте их крики. Это людоеды, пляшущие вокруг костра, на котором поджаривается человеческое мясо.

— Ваш язык и в поджаренном виде будет для них страшнее пушки, — смеется Женни. — Над этим растревоженным болотцем можно только смеяться.

— Воняет, — хмурится Гейне. Но раздражение его проходит, у госпожи Маркс особое умение врачевать раны и усмирять взбунтовавшееся самолюбие.

Под неяркой висячей лампой еще чернее, еще гуще кажется шевелюра Карла, в темно-коричневых пушистых волосах Гейне еще ярче просвечивает седина. Генрих на 20 лет старше Маркса. Но разница возраста неуловима. Саркастический необъятный ум Карла — камень, на котором оттачивается перо поэта.

Поздно ночью уходит Генрих Гейне из маленькой квартиры Марксов. Но гостеприимные хозяева еще не сразу успокаиваются, продолжают делиться впечатлениями о прекрасной поэзии Гейне

и о самом поэте.

До утра говорят молодые люди. Ночи так предательски коротки. Едва успевают наговориться влюбленные, а уже сквозь жалюзи проглядывает рассвет. Серое, скудное пятно неба.

Дописав свою новую статью, Карл торопится отдать ее на суд жене. Никто лучше не понимал его замыслов. Иногда Женни писала под диктовку мужа или терпеливо разбирала черновые записи. Это были счастливые минуты полного единения. Женни, как мать, окружала его заботой; Карл с сыновней доверчивостью отдавал ей свои мысли.

Случалось, до рассвета они работали вместе. Елена ворчала за стеной и, потеряв терпение, требовала, чтоб Женни. позаботилась если не о себе, то хоть о будущем ребенке. Карл шутливо хватался за голову, гнал жену в постель, гасил лампу, осуждал себя за невнимание, забывчивость. Но в следующую ночь повторялось то же, покуда решительный окрик Елены опять не прекращал разговоров и скрипа ломких перьев.

Окончив статью, Карл, как всегда, спешит к Женни. Давно спит дом. Лучшее время для размышлений. Женни не хочет ждать до утра. Маркс не заставляет себя уговаривать. Он рад тотчас же показать ей итог последних дней работы. В этом сочинении, названном «К критике гегелевской философии права. Введение», он впервые употребил новое слово — пролетариат. Внимательное ухо Женни тотчас же уловило его.

— До сих пор, — говорит она, прерывая чтение, — ты писал обычно о бедных классах, о страждущем человечестве, которое мыслит, и о мыслящем человечестве, которое угнетено. Не так ли? Пролетариат — о нем так прямо сказано впервые.

— Я не только упоминаю о нем — я жду от пролетариата выполнения его великой исторической миссии, коренного общественного переворота, — и добавляет: — Главная проблема настоящего — отношение промышленности и всего мира богатства к политическому миру.

— Читай, — требует снова Женни.

— «Оружие критики, — продолжает Карл, — не может, конечно, заменить критики оружием, материальная сила должна быть опрокинута материальной же силой; но теория становится материальной силой, как только она овладевает массами».

Женни сидит, опершись на подушку. Глаза искрятся гордостью, восхищением, как когда-то в Трире, когда покойный Генрих Маркс дал ей прочесть «мятежное» письмо сына.

— «Дело в том, что революции нуждаются *в пассивном* элементе, в *материальной* основе. Теория осуществляется в каждом народе всегда лишь постольку, поскольку она является

осуществлением его потребностей… Недостаточно, чтобы мысль стремилась к воплощению в действительность, сама действительность должна стремиться к мысли».

Карл читает все быстрее, слегка шепелявя, комкая слова, и Женни не раз призывает его к плавности и спокойствию. Неповторимо четко рисует Маркс величавое призвание пролетариата:

— «Подобно тому, как философия находит в пролетариате свое *материальное* оружие, так и пролетариат находит в философии свое *духовное* оружие, и как только молния мысли основательно ударит в эту нетронутую народную почву, совершится и эмансипация *немца* и *человека».*

— Браво, Карл! Это лучшая из истин, которую ты нашел. Продолжай.

Но в чепце, сползшем на ухо, в глухом шлафроке, угрожающе жестикулируя, на пороге комнаты появляется пухлая Ленхен.

— Полуночники! — гремит она. — Сейчас же спать! Я пожалуюсь госпоже Вестфален… А вы, господин Маркс, вы демон. И если Женни родит крикуна, он вам отомстит за мать: будет орать день и ночь. А у такого беспокойного отца обязательно родится буян!

Женни не дает Ленхен говорить и, поцелуем заглушив упреки, тушит лампу.

Первый номер долгожданного «Немецко-французского ежегодника» вышел в феврале 1844 года. Кого только не было в числе сотрудников! Сияющий разоблачитель Гейне, певучий Гервег, всенизвергающий Бакунин, отважный Якоби, нравоучительный Гесс, красноречивый Фейербах, могучий Энгельс и, наконец, сам рейнский Прометей — Карл Маркс.

DEUTSCH-FRANZOSISCHE

JAHRBÜCHER

herausgegeben

von

Arnold Ruge und Karl Marx.

1ste und 2te Lieferung.

PARIS,

IM BUREAU DER JAHRBÜCHER
AU BUREAU DES ANNALES
RUE VANNEAU, 22

1844

Обложка «Немецко-французского ежегодника».

В ресторане на Больших бульварах Руге устроил банкет. Редакторы надеялись, что журнал осуществит союз между революционерами Франции и Германии. С бокалом шампанского в руке Арнольд поклялся привлечь к сотрудничеству в дальнейшем самого Леру, Прудона и даже Луи Блана.

— Да здравствует интернациональный радикализм! —

провозгласил Руге.

— Социализм, — поправил Маркс.

— За это я не пью, — Арнольд мгновенно протрезвел.

Карл отставил полный бокал.

Руге не хотел ссоры. Желая опять сомкнуть ряды и рассеять наступившую тягостную тишину, Гейне предложил прочесть стихи. Но его едва слушали. У Женни как-то сразу заболела голова. Не досидев до конца пирушки, Марксы отправились домой.

Невеселый получился вечер. На следующий день размолвка продолжалась.

Широкая складка легла на неровном лбу Карла. Подбородок его дрожал. Женни знала этот симптом накапливающегося гнева.

— Я считал тебя надежным, уравновешенным демократом, — сказал Арнольд, — и в этом таилась моя ошибка. Ты отщепенец, перебежчик. Бруно знал тебя лучше. Как я и говорил, ты катишься в бездну коммунизма, твои статьи и мысли начинены порохом, который взорвется, и я не поручусь, что тогда он не уничтожит тебя раньше, чем ты направишь его против врагов. Одумайся, Карл!

— Ого, проповедь! Нужно ли все это? — сказала Женни, заметив, как мрачнеет Карл.

— Не мешайте мне говорить, госпожа Маркс, вы ослеплены любовью к нему, вы, конечно, не видите опасности. Остановись, Карл! Одумайся! Ты оставил кафедру профессора, чтобы стать влиятельным журналистом. Теперь ты хочешь стать вождем. Приветствую. Но кого хочешь ты повести за собою? Кого? Ремесленников и пролетариев. Темную массу, которая страшна, когда просыпается. Променять прозрачные идеи великой демократии на муть коммунистического учения?

— Я рад, что ты поставил точку над «и», — отрывисто и сухо ответил Карл. — Подобный разговор был неизбежен. Твое уклончивое отношение к мировоззрению, которое кажется мне достойным глубокого изучения, твои недомолвки ставят перед нами не одну проблему. Жалею, старина, но мы, очевидно, вскоре похороним дружбу. А жаль!

Короткая перестрелка с Руге взволновала Карла. Сколько раз приходилось ему терять навсегда друзей! Бауэры, Рутенберг… Кто виноват? Виноватых нет. Кто же прав? Об этом скажет время.

«Я боюсь, не иссушишь ли ты свое сердце, — вспоминалась Марксу давно отзвучавшая беседа. — Сердце бойца, сердце революционера — оно из стали. Оно умеет жалеть, но не прощать».

«Что такое дружба? — спрашивает себя Карл. — Это борьба

на одной баррикаде, это единая колонна, это руки, выковывающие меч, пишущие прокламации. Это глубокая убежденность и общее сомнение, это общее дело, жизнь и смерть». Обыкновенно, соскучившись, мысль Карла от маленьких, частных дел быстро переходила к большим вопросам мира. Сердце… сердце… Сердцем освобожденного человечества явится пролетариат, головою — философия.

Презрительная гримаса сжала губы Маркса. Насмешка, холодная и непримиримая, мелькнула в глазах. Странное чувство легкости, свободы овладело им.

«С этими людьми мне некуда идти».

Сколько раз решал он подобным образом и сворачивал восвояси! Руге остался где-то далеко позади него, где-то в подворотне, смрадной и пустой.

В библиотеке, в зале, чинном и покойном, горели свечи и лампы. Было тихо и торжественно. Храм мысли. Шуршали листы каталогов и книг. Точно вздохи. Карл глубоко втянул воздух, чуточку присомкнул веки. Он любил эту тишину, этот запах стареющей бумаги. Вокруг было столько знакомых. С полок они смотрели на него.

Карл читал невероятно быстро. В памяти оставались нужные, важные подробности недавнего прошлого. Иногда он выписывал что-то, отмечал страницы в принесенной тетрадке, условным значком обозначал прочитанное.

Ненасытное желание знаний все еще владело его умом. Великая потребность обобщить все политическое, социальное и культурное многообразие жизни, охота подчинить его одной, всеисчерпывающей точке зрения гнала его от идеи к идее, к синтезу.

Книги, окружающее, люди были для Маркса лишь послушными помощниками. Зодчий стремился воздвигнуть здание, они поставляли ему необходимые камни. Неисчислимые часы мог проводить Карл в величественном молчании читального зала. Он не избегал трудностей в научных изысканиях, не боялся строгой абстракции.

Пока Карл, позабыв обо всех заботах, склонившись над книгой, сидел в Национальной библиотеке, Женни и Елена занимались хозяйством. Роды близились. Женни была спокойна и счастлива. Как и Маркс, она нежно любила детей.

Женни родила 1 мая. Карл в комнатке Ленхен подле кухни ждал исхода родов. Он курил не переставая. Дым пропитал его тело и одежду. Беспокойство гнало в коридор, на лестницу. Он метался. Стоны за стеной становились сильнее, переходили в

крик. Ленхен, вся в белом, появлялась с ведрами, тазами и уходила вновь. Она не отвечала на расспросы.

Была чудесная весна. На улице Ванно зацветали каштаны, как в Трире. Бело-розовые тугие цветы засматривали в окна.

Женни так страдала.

Наконец на свет появилась девочка. Карл, измучившийся, но счастливый, нашел дочь красавицей и сказал важно.

— Ее имя будет Женни, лучшего человечество не создавало.

Вечером явился Гейне, неловко передал госпоже Маркс смятые под плащом цветы. Вскоре зашли и Гервеги. Эмма Гервег, трепеща, целовала ножки и ручки новорожденной. Карл откупорил бутылку рейнвейна и поднял бокал в честь двух Женни.

При виде мастеровых, пришедших с поздравлениями, Руге, на мгновение задержавшийся на площадке перед входной дверью, сказал шепелявя:

— Поздравляю Карла не только с дочерью, но и с толпой приверженцев. Полтора пролетария с тобой во главе, конечно, уничтожат реакцию и установят коммунизм. Надеюсь, вам это удастся не скоро.

Карл не удостоил недавнего союзника ответом. Изнуряющая вражда установилась в доме № 38 на улице Ванно, скромной улице, примыкающей к Сен-Жерменскому предместью.

В послеродовые дни Ленхен с утра выгоняет Карла из дому.

Дела много. Нужно ответить на письма. Для этого лучше всего зайти в маленькое кафе возле почты. На мраморном столике легко пишется. Юнг в Кёльне занят распространением ввозимых контрабандой «Немецко-французских ежегодников». Как идет дело? Порывшись в карманах, в поисках карандаша, Карл вспоминает о безденежье и материальных трудностях, на которые обречена его семья. Скоро ли Юнг пришлет ему денег? Маркс хмурится. Тяжелы эти поиски средств существования! Бедная Женни, как старается она экономить, не досаждать ему! Он чувствует свою ответственность перед ней и ребенком, страдает от невозможности дать им самое необходимое.

Упрямое, решительное «отобьемся!» срывается с его уст.

К делу, к делу!.. Обер-президиум в Кобленце разослал пограничным властям приказ об аресте Маркса. Итак, год в Париже, статьи и выступления в клубах не прошли даром. Прочитав об угрозе немецких властей, Карл ощущает удовлетворение, приток новых сил. Значит, то, что он делает, нужно, важно, существенно. Значит, выпущенные снаряды попали в цель. Пусть на угрюмой громаде прусской монархии его перо

образовало лишь одну видимую трещину. Пусть. Разве не из трещин образуется впоследствии пропасть?

«Мы не сдадимся!»

Карл вспоминает о дневном собрании немецких ремесленников на улице Венсен у Барьер-дю-Трон, о своем намерении побывать там.

После бурных споров, еще разгоряченный, он идет оттуда в Национальную библиотеку. Там ждут его книги. Горбатый дряхлый библиотекарь почтительно встречает Маркса. Этот немец не обычный читатель. И библиотекарь благоговейно приносит ему книги. Он несет их впереди себя, и кажется, что горб его переместился. Адам Смит, Рикардо, Джемс Милль, Сэй, Шульц… Француз кладет книги на стол так осторожно, как только может, и спешит за второй партией. Тут иные имена. Библиотекарь прижимает к сердцу памфлеты Марата, речи Робеспьера, Мирабо, Бриссо, отчеты Конвента, разрозненные номера газеты Демулена, мемуары мадам Роллан и Левассера.

— Какие это люди, какое время! Увидим ли мы таких героев, услышим ли мы подобное непревзойденное красноречие? — шепчет горбун.

Маркс вытирает перья.

Не таких еще героев и не такое красноречие узнает мир!

Библиотекарь стар, Карл молод. Перед ним десятилетия жизни.

Каких-нибудь 50 лет, чуть больше, отделяют его от французской революции. Не затихла с тех пор Европа. Неугомонная Европа.

Все может быть, и все будет. Кризисы, войны, революции.

Библиотекарь не верит. Настоящее кажется ему таким прочным…

Карл перелистывает книги. Он отмечает ошибки якобинских стратегов, и, однако, не это, по его мнению, определило тот, а не иной путь революции. Что же? И Рикардо и Адам Смит приходят на смену Робеспьеру. Но и экономическая наука не исчерпывает поставленного вопроса. Карл читает, конспектирует, ищет причины. История как военная карта на столе полководца. Даты как поля битв.

Тени великой революции окружают Маркса. Шаг за шагом он идет по ее следам. Он спорит с мадам Роллан, он обвиняет ее в слепоте и узости. Жирондисты говорят с трибуны Конвента.

— Чьи интересы вы защищаете? — допрашивает их Карл. — Вы, настойчивые предки нынешних буржуа у власти…

Марат, больной и раздраженный, принимает Маркса.

Он в ванне, покрытой простыней. Он громит врагов народа.

Революция в опасности, реакция наступает из всех щелей республики. Справа и слева.

— Слева? — переспрашивает Маркс.

Жак Ру, Леклерк, Роза Лакомб — люди предместий. Их тоже преследует язвительный Друг народа, которого завтра пронзит кинжал монархистки-дворянки…

Карл идет мимо дома Марата на улице Кордельеров. Он торопится в Конвент. Но не пышные слова ораторов интересуют его. В комнате подле зала лежат списки верховного органа революции.

— Покажите мне их, — требует Карл. Тонконогий писец в голубом кафтане подает ему нарядную тетрадь. Маркс смотрит в графу о профессии. Юристы, торговцы, солдаты. Он уже готов отложить списки.

— Неужели ни одного?

— Кого ищет гражданин?

— Рабочих.

Писец в затруднении.

— Есть, — говорит он, ударив себя по лбу, — есть один член Конвента рабочий из Реймса. Есть и еще один. А вот это ремесленник…

Карл благодарит и уходит, едва заглянув в списки.

9 термидора — в ратуше. Вместе с Филиппом Леба выглядывает он на площадь. Не колебания Робеспьера волнуют его, не болтовня делегатов из секций, не смерть якобинцев. Безлюдная площадь кажется ему приговором. Равнодушие окраин страшно, как гильотина.

Карл опускает голову в большом раздумье. Быстро бежит перо по узким листам. Дата за датой. Тетрадь за тетрадью.

Смеркается, когда Маркс отрывается, наконец, от книг и конспектов. Улицы вокруг библиотеки темны, узки, невеселы, как в дни, когда тележка бравого палача Сансона провозила по ним на Гревскую площадь дань «народной битве» — гильотине. На углу старик, помнящий Наполеона, продает газеты. На последней странице, между подробным описанием убийства из ревности и советами хозяйкам, — краткое сообщение о восстании ткачей в Силезии. Незыблемая европейская почва снова колеблется. Карл сорвал шляпу и помахал ею в воздухе. То был немой клич, бодрое приветствие. От Бреславля до Майнца, от Регенсбурга до Штеттина, над всей Германией шквалом пронеслись бунты и восстания. Силезцы не одиноки.

На улице Ванно Марксы читают стихи Гейне.

Угрюмые взоры слезой не заблещут!

Сидят у станков и зубами скрежещут:
«Германия, саван тебе мы ткем.
Вовеки проклятье тройное на нем!
Мы ткем тебе саван.

Будь проклят бог! Нас мучает холод,
Нас губят нищета и голод,
Мы ждали, чтоб нам этот идол помог,
Но лгал, издевался, дурачил нас бог.
Мы ткем тебе саван.

Будь проклят король и его законы!
Король богачей, он презрел наши стоны,
Он последний кусок у нас вырвать готов
И нас перестрелять, как псов!
Мы ткем тебе саван.

Будь проклята родина, лживое царство
Насилья, злобы и коварства,
Где гибнут цветы, где падаль и смрад
Червей прожорливых плодят!
Мы ткем тебе саван.

Мы вечно ткем, скрипит станок,
Летает нить, снует челнок,
Германия, саван тебе мы ткем!
Вовеки проклятье тройное на нем!
Мы ткем тебе саван»[5].

Бывшие друзья, узнав от Руге, что шалый Маркс сошелся с немецкими подмастерьями-коммунистами в Париже, злобно напали на него. Неистовство политической вражды безгранично. Ненависть дезертиров и перебежчиков ядовита и зловонна.

Женни не всегда остается равнодушна к пасквилям, но Карл веселится от всей души, перечитывая смесь лжи и бессильной злобы.

— На войне как на войне, — говорит он. — Классовая борьба беспощадна. Это борьба не на жизнь, а на смерть.

Маркс постоянно изучал жизнь простого народа, ему хотелось как можно глубже узнать быт, нравы, интересы, суждения, страдания и радости, как он сам писал, бедной, политически и социально обездоленной массы. Его особенно

интересовали законы, ущемляющие неимущих людей, он исследовал положение мозельских крестьян, выступал против духовного, политического и социального гнета, царившего в Пруссии и во всей Германии. Именно в годы своего сотрудничества в «Рейнской газете» Маркс подошел вплотную к выяснению классовой структуры немецкого общества, к пониманию социализма. Постепенно молодой ученый и журналист перестал отделять вопросы чистой политики от экономических отношений.

К различным утопическим коммунистическим учениям Маркс относился критически, однако считал свои знания еще совершенно недостаточными для того, чтобы высказать окончательное суждение. Чрезвычайно требовательный к самому себе, Маркс досконально изучал каждый предмет, прежде чем судить о нем окончательно. Он писал в «Рейнской газете», не давая еще развернутого анализа, что коммунизм — это важный современный вопрос, выдвигаемый самой жизнью, борьбой того сословия, которое в настоящее время не владеет ничем, иными словами — пролетариатом.

В то же время, когда Маркс из революционного демократа становится коммунистом, изменялось одновременно и его мировоззрение, совершался переход от идеализма к материализму. Так на мировом небосклоне появился новый большой философ, которому предстояло стать основателем науки о социализме и современном материализме.

Незаконченная обширная рукопись Маркса «К критике гегелевской философии права» явилась весьма важной вехой в возникновении нового философского учения. Исследования Гегеля привели Маркса к выводу, что «анатомию гражданского общества следует искать в политической экономии».

Переход от идеализма к материализму и от революционного демократизма к коммунизму окончательно совершился в статьях и письмах Маркса, опубликованных в «Немецко-французском ежегоднике». В них он наметил программу журнала и усмотрел его задачу в «беспощадной. критике всего существующего». Маркс выступил против догматизма, который был свойствен всей прежней философии и утопическому коммунизму. Он обрушился на схематиков, проповедующих раз и навсегда сформулированные решения, якобы годные для всех грядущих времен. Решительно отвергая оторванные от жизни, от практической борьбы масс умозрительные теории, Маркс выдвинул задачу — связать теоретическую критику старого общества с практикой, с политикой, «*с действительной* борьбой».

В статье «К еврейскому вопросу», осуждая Б. Бауэра за

идеалистическую, теологическую постановку национального вопроса, Маркс развил глубокую мысль о коренном различии между буржуазной и социалистической революцией, которая должна освободить человечество от всякого социального и политического гнета. В работе «К критике гегелевской философии права. Введение», опубликованной в «Немецко-французском ежегоднике», Маркс впервые указал на пролетариат как на общественную силу, способную осуществить социалистическую революцию.

Итак, Маркс выступил уже как революционер, обратившийся к труженикам с призывом начать беспощадную борьбу против существующего строя, против феодальных и буржуазных правительств, против социального неравенства.

Был август 1844 года. Сен-Жерменское предместье опустело. Новая, безмерно богатая финансовая знать и укрепившиеся после Реставрации аристократы выехали в свои поместья в Бретань, в сумрачные замки, у медлительной Луары и на Пиренеи.

Карл Маркс сбрасывал редингот и жилет и целыми днями работал. Книги по экономике, философии, мемуары деятелей французской буржуазной революции, статистические таблицы, «синие» парламентские книги Англии, мрачные, как кладбищенский регистрационный перечень, — все привлекало его внимание. Желая отдохнуть, он перелистывал Шекспира, из которого многое знал наизусть, смеялся над проделками хитроумного Жиля Блаза, зачитывался Бальзаком. Ни одна новая книга Гейне, Жорж Санд, Мюссе, Гюго, Мериме не ускользала от его внимания.

Маркс сильнее ощущал свое одиночество в огромном городе, особенно в неистовой уличной толпе. Прошло уже несколько месяцев, как Женни уехала в Трир к матери и увезла туда тяжело болевшую дочурку. Нетерпеливо ждал Карл возвращения жены и ребенка, побеждая тоску напряженной работой.

Фридрих Энгельс решил не позднее сентября 1844 года побывать в Париже, чтобы снова повидаться с Марксом. Их первая встреча в 1842 году была холодной. Под влиянием писем братьев Бауэров, крайне раздосадованных тем, что Маркс навсегда резко порвал с «Кружком свободных», Фридрих отнесся с некоторым недоброжелательством к редактору «Рейнской газеты». Маркс, заподозрив в Энгельсе единомышленника берлинских «Свободных», ответил ему тем же.

С тех пор прошло почти два года, и Энгельс понял, что ко времени первой встречи с «неистовым трирцем» он не достиг еще

той ясности, глубины мысли и анализа, которые были уже у Карла. Давно оценил Энгельс по достоинству заблуждения и напыщенные разглагольствования «Свободных», разглядел истинную сущность краснобаев Бауэров.

Мысль Фридриха была отныне прочно прикована к экономике, этой пружине, столь отчетливо выпирающей из-под всех покрывал, набрасываемых на нее буржуазным обществом. Перед внимательным взором Фридриха прошли чартистские восстания, сотрясавшие буржуазную Англию, забастовки голодающих рабочих, бунты луддитов против машин.

Когда Фридрих начал изучать положение рабочего класса в Англии, он был потрясен, как первооткрыватель, вступивший на новую землю. Энгельс писал обо всем Марксу, и между ними, вначале незаметно, протягивались нити полного доверия и понимания, из которых ткется дружба, не разрушаемая ни временем, ни опасностями.

Свое сотрудничество в «Немецко-французском ежегоднике» Энгельс начал с критики политической экономии, подобно тому как Маркс штурмовал и низвергал гегелевскую философию права. Полная задора и блеска статья «Наброски к критике политической экономии» привела в восхищение требовательного Карла. Он назвал эту статью Энгельса «гениальным наброском». В ней 24-летний автор прощупал аналитической мыслью, точно хирургическим зондом, многие коренные вопросы экономики и вскрыл самые глубокие противоречия буржуазного общества. Он добрался до ядра всех бед — до частной собственности.

Фридрих заглянул в самые недра общества, в котором жил. Он увидел страшные последствия капиталистической конкуренции, кризисов и смертельную борьбу классов. Он задумался над тем, что даже достижения науки при господстве частной собственности вместо освобождения несут человечеству ад и рабство.

Познакомившись поближе с Фридрихом по его письмам и статьям, Карл Маркс безошибочно понял, что это человек могучего ума и дарования.

Через хмурый, зелено-серый Ла-Манш, отделяющий Англию от Франции, Маркс и Энгельс мысленно протянули друг другу руки.

В конце августа 1844 года Фридрих выехал из Манчестера в Лондон. Как всегда, его поразило чудовищное однообразие во внешнем облике этого города. Покуда громоздкий кеб вез его по улицам, он думал, что лондонский «юг» едва ли отличим от «севера» и «юго-востока». Всюду выстроились в ряд совершенно одинаковые гладко-серые дома. Между ними, как во рту с

испорченными зубами, чернеют щели — уличные тупики. На замызганных рундуках торгуют рыбой, перезревшими овощами и фруктами, несвежими яйцами, изношенным тряпьем.

Фридрих невольно сравнивал нарядную толпу, прогуливающуюся по Пиккадилли, с худосочными детьми, которых вели жалкие женщины, кутающиеся в полинявшие шали. Кеб свернул в близлежащий квартал Сохо, заселенный безработными, чужеземцами, ремесленниками, затем выбрался на набережную Темзы. Вдали был виден порт, за ним начинались доки.

В конце августа Энгельс был уже в Париже. Он располагал всего десятью днями свободного времени, так как его настойчиво звали в Германию родные. Ему очень хотелось скорее увидеть прохладную долину Вуппера, где расположены вблизи друг от друга родной Бармен и Эльберфельд. Но он решил, хотя бы проездом, повидать Маркса, познакомиться с ним поближе.

Вечерело, когда в квартире на улице Ванно раздался резкий звонок. Карл сам открыл дверь.

Перед ним, держа в руках цилиндр и трость, стоял очень молодой человек с большими, широко расставленными серыми глазами, смотрящими прямо, испытующе и смело.

Карл сразу же охватил взглядом вошедшего. Это бывает не всегда. Иногда люди долго не запоминаются, и впечатление от них меняется со временем. Лицо гостя отражало волю и ум, добродушие и наблюдательность. Карл как-то по-новому увидел и чистоту светлой кожи, и нос с широкими подвижными ноздрями, и большой добрый рот. У гостя была маленькая, тщательно подстриженная каштановая бородка. Густые русые волосы были расчесаны на пробор и переходили в узкую полоску бакенбардов, обрамлявших овальное лицо.

Он был высок, широкоплеч, худощав и щегольски одет.

— Входите, Энгельс, я рад, очень рад вас видеть, — сказал Карл.

— Вы узнали меня, Маркс? Я проездом в Париже, еду из Англии в Германию. Хотел бы…

— Да входите же, — прервал приветливо Маркс. Через несколько минут Фридрих и Карл сидели за маленьким столом, и казалось им, что они давным-давно дружны.

— Ваши наброски к критике политической экономии превосходны. Вы сказали то, что не было еще открыто никем: все противоречия буржуазной экономики порождены частной собственностью. Вы далеко опередили Прудона, который борется с частной собственностью, погрязнув в ней сам. Я тщательно изучил вашу статью, — сказал Маркс. Фридрих покраснел, сильно

смутился.

— Вы переоцениваете мои заслуги, доктор Маркс. Это только первые шаги. Все, что я сделал, вы открыли бы давно, если бы не занимались здесь другими вопросами.

Карл налил две рюмки вина и предложил выпить на брудершафт.

— Мы давно уже воюем рядом. Каждый из нас напечатал в «Немецко-французском ежегоднике» по две статьи. Итак, милый Фридрих, я для тебя просто Карл, — сказал он, улыбаясь.

— Отлично, я очень рад.

Энгельс смотрел с чувством нарастающей симпатии на широкоплечего, коренастого собеседника. Черные волосы грозными волнами обрамляли великолепный лоб. Неотразимо привлекал прямой веселый взгляд глубоких черных глаз Карла. Столько мыслей было выражено в них, столько силы они излучали!

— Оба мы пришли к одним и тем же выводам, — говорил между тем Маркс. Он встал, закурил сигару и начал ходить по комнате.

— Мы убеждены в том, что именно пролетариат несет в себе великую миссию преобразования мира и человечества. Победа его неизбежна!

— Я тоже не сомневаюсь в этом! — воскликнул Энгельс.

— Если у тебя есть терпение, Фридрих, я прочту тебе кое-что, о чем неустанно думаю все последнее время. Многое из написанного, кстати, найдено мною после чтения твоей статьи.

Они стояли друг против друга, один высокий, другой пониже, оба широкоплечие, сильные, молодые.

— Видишь ли, — сказал Маркс, — для уничтожения идеи частной собственности вполне достаточно идеи коммунизма. Для уничтожения же частной собственности в реальной действительности требуется коммунистическое действие.

Маркс открыл тетрадь и, перелистав несколько страниц, стал читать:

— «Когда между собой объединяются коммунистические рабочие, то целью для них является прежде всего учение, пропаганда и т. д. Но в то же время у них возникает благодаря этому новая потребность, потребность в общении, и то, что выступает как средство, становится целью. К каким блестящим результатам приводит это практическое движение, можно видеть, наблюдая собрания французских социалистических рабочих. Курение, питье, еда и т. д. не служат уже там средствами соединения людей, не служат уже связующими средствами. Для них достаточно общения, объединения в союз, беседы, имеющей

своей целью опять-таки общение; человеческое братство в их устах не фраза, а истина, и с их загрубелых от труда лиц на нас сияет человеческое благородство».

Энгельс внимательно вслушивался в каждое слово. Он вспомнил свои разговоры с рабочими Вупперталя, Бремена, Манчестера и Лондона.

— Все это верно, — сказал он убежденно.

— Но вернемся к философии, — продолжал Маркс, — нам с тобой неизбежно придется проверить свою философскую совесть. Мы ведь шли одними дорогами.

Энгельс наклонил голову в знак согласия, но добавил:

— Я плутал в этой чаще дольше тебя, Карл.

— Все же и ты выбрался из нее вовремя, — снова заговорил Карл, тяжело шагая по комнате и продолжая курить. — Антропология — наука о человеке. Очень важная и все еще путаная область знания. Нельзя отказать Фейербаху в том, что он решительно покончил со всеми религиями, как бы они ни назывались. Помнишь его вопрос и ответ? «Что есть бог?» Немецкая философия разрешила его так: «Бог — это человек». Вот оно — ядро новой религии, культ абстрактного фейербаховского человека. Где же действительные люди в их историческом развитии? Несмотря на свою гениальность, Фейербах их не видит. Его человек есть сущность всего, но это неверно; человек — совокупность общественных отношений, плод общественного развития. — Маркс остановился возле Фридриха и положил руку на его плечо.

Табачный дым давно уже плыл по комнате густым облаком. Заметив это и вспомнив наказ жены курить меньше, Карл широко раскрыл створки окна. С шутливой печалью он погасил окурок сигары, отложил коробок со спичками, затем подошел к письменному столу и достал еще несколько густо исписанных неровным почерком тетрадей. Карл снова начал читать. Это были думы, самые дорогие и важные для него, итоги многих лет, воплощенные в слово, будто вновь открытый материк, будто победа в долгой борьбе.

Маркс спорил с Гегелем. Слова его обрушивались, точно скалы, расплющивая противника. Ему хотелось курить, но он превозмогал себя.

— Не думаешь ли ты, Фред, что иногда мысли у Гегеля будто какие-то застывшие духи, обитающие вне природы и вне человека. Он, подобно Пандоре, собрал их воедино и запер в своей «Логике».

Энгельс кивнул утвердительно головой и живо заметил:

— Все семейство Бауэров не перестает нападать на нас в

своей газете, заклиная этих самых духов и высокомерно обрушиваясь на все живое. Пора дать сокрушительный отпор и опровергнуть их бредни. Они не перестают твердить, что лучшее поле битвы — это чистая философия.

— Блестящая мысль. Мое давнишнее желание — сразиться с ними, Фридрих. Мы не станем откладывать этого дела ни на один день, — ответил Маркс.

— Кстати, до какой нелепости дошли Бауэры и какое пренебрежение у них к народу, к массе, видно по их последнему кредо. Я помню его наизусть: «Все великие дела прежней истории были ошибочны с самого начала и не имели успеха, потому что ими интересовалась и восторгалась масса».

— Да, Фридрих. Противопоставление духа массе проходит через все изречения Бруно Бауэра в его «Всеобщей литературной газете». Я рад, что Кеппен не поддался на эту удочку и не доводит философию Гегеля до отвратительной абстракции.

— Братья Бауэры видят не дальше своих, правда довольно длинных, носов. Но самомнение их при этом безгранично. Заметь, они все еще тщетно пытаются вознестись за облака на пуховике из философских лоскутов. Они критикуют все подряд, особенно то, что пугает их днем и ночью, — все массовые движения, будь то социализм, французская революция, христианство, англиканство, противоречия и борьба в промышленности. Еще бы, ведь все это тесно связано с массами, с людьми, — горячо говорил Энгельс. — Итак, вызов Бауэров мы принимаем! В течение тех немногих дней, которые я проведу в Париже, мы не только начнем нашу брошюру, но и определим, кому что писать дальше.

— Это будет наша первая совместная работа. Отлично, Фред.

В этот погожий вечер Энгельс поздно ушел из квартиры на гористой тихой улице Ванно. Он был счастлив. «Быть может, — думал он, — я нашел то, о чем мечтал, — друга на всю жизнь».

Друг, друзья… Как часто произносятся эти слова, но, подводя итоги, человек подчас с тоской уясняет, что не имел их в своей жизни. Друг тот, с кем идешь бок о бок через всю жизнь, деля невзгоды и радости, кому доверяешь все сокровенное и никогда в этом не раскаиваешься. Дружба… Древние сложили миф об Оресте и Пиладе, которые готовы были отдать жизнь друг за друга. Испытания, борьба, искания сплачивали их все сильнее, все крепче и приносили им победу.

Фридрих шел, все ускоряя шаги. Он видел перед собой огненный взгляд Карла, слышал его раскатистый смех, он гордился похвалой, радовался ободряющим словам. Эта встреча обещала так много обоим. Энгельс улыбнулся. Все вокруг

казалось ему прекрасным.

Во время своего краткого пребывания в Париже Фридрих написал семь разделов брошюры, критикующей братьев Бауэров.

В эти дни ему казалось, что сутки необычайно коротки и главное, чего не хватает человеку, это времени.

Через несколько дней он выехал в Бармен, где в чинном патриархальном доме ждали его придирчивый, деспотический, поучающий отец, нежно любимая, чуткая и ласковая мать и еще семеро деятельных, румяных и жизнерадостных братьев и сестер! Все они резко отличались своими устремлениями от Фридриха. Они не предавались никаким сомнениям и размышлениям и твердо верили, что быть фабрикантами или их женами самый завидный удел на земле.

Вскоре после отъезда Энгельса вернулась из Трира в Париж с выздоровевшим ребенком Женни Маркс. В квартире на улице Ванно жизнь пошла по-обычному.

Летом и осенью 1844 года Карл часто бывал на окраинах Парижа, где встречался с рабочими и ремесленниками.

Приходя к рабочим, он внимательно вслушивался в их речи. В самой просторной комнатке какого-либо дома собирались портные, столяры, кузнецы, печатники, прядильщики. Разговор шел о невыносимо длинном рабочем дне, о дороговизне и высокой квартирной плате за лачуги. Как-то заговорили о Гизо и короле, которые исказили все и без того мизерные конституционные законы, о событиях во французском Таити. Там англичане с помощью своих миссионеров вызвали волнения туземцев.

— Из-за интриг королей погибли французские матросы, — сказал кто-то.

— Уста короля болтают о благе французского народа, — ответил бородатый столяр, намекая на Гизо, которого Луи Филипп называл «мои уста», — да только под народом понимают банкиров, спекулянтов и пройдох.

— Я рос в деревне, так там крестьянин свою лошадь бережет, чтоб больше служила, а фабрикант не чает, как своего кормильца в могилу загнать, — сказал молодой рабочий с металлургического завода. — Своей же выгоды не понимает.

— Это мы давно знаем, — раздались голоса. Хозяйка внесла на подносе кувшин с водой и кружки. Было жарко, и многих мучила жажда.

Разговор снова вернулся к Гизо и самоуправству Луи Филиппа.

— В тюрьме Огюст Бланки и Барбес. Некому свернуть шею монархии. Много говорим, мало делаем, — сказал типографский

рабочий, член тайного Общества времен года.

— Нет смысла лезть в драку, заранее зная, что побьют. Хватит, нас довольно били. Выступать, так уж чтоб победить. Я сам дрался на лионских баррикадах и был ранен, сражаясь рядом с Барбесом и Бланки, — возразил кто-то из немецких изгнанников-революционеров.

— Терпение лопнуло от правления Гизо. Он только и делает, что душит свободу, — возразил французский наборщик.

— Ничего, время не стоит на месте. Нас много, и с каждым днем становится все больше. Мы не разбросаны, не слабы, как были. Каждая новая фабрика — а их не перечесть в Париже — новая армия тружеников. Теперь нас голыми руками не возьмешь.

Маркс одобряюще взглянул на говорившего. Поздно вечером Карл возвращался домой. С ним шли рабочие.

— Прав, пожалуй, Ламартин, когда говорит о Гизо, что, заняв положение благодаря случайности и революции 1830 года, он поставил себе целью оставаться неподвижным, отвергая малейшие улучшения, — заметил кто-то. — Но раз так, его вполне можно заменить просто тумбой.

Маркс рассмеялся.

— На этот раз сладкоголосый фразер господин Ламартин сказал не плохо. Но не Гизо, который в течение пяти лет тормозит все, определяет движение истории.

Неподалеку от Сен-Жерменского предместья Маркс остался один.

После многих жарких дней небо Парижа обложили тучи, но дождя не было. Где-то вдали, разрезая темный покров, вспыхивали и гасли голубые зигзаги.

«Приближается гроза», — подумал он, вглядываясь в даль и радуясь тому, что освежится, наконец, воздух.

С января 1844 года в Париже начала выходить два раза в неделю немецкая газета «Вперед». Она предназначалась не только для немцев, живущих во Франции, но также для читателей в Пруссии и других немецких королевствах и княжествах. Газета искала опору в германском юнкерском реакционном патриотизме.

Первым редактором газеты был Адальберт фон Борнштедт, отставной прусский офицер.

Знавший несколько языков, слывший патриотом, фон Борнштедт не позволял мускулам и нервам бескровного лица и тусклым глазам как-либо отзываться на внешние впечатления. Он достиг в этом величайшего совершенства. Казалось, лицо его было вытесано из камня. Со времени службы в прусской армии

сохранил он выправку, передвигал ноги, не сгибая, говорил голосом, лишенным каких бы то ни было оттенков; вообще он предпочитал слушать, а не говорить и быть незаметным. Это создавало ему репутацию скромности.

Заведенный раз навсегда, невозмутимый, фон Борнштедт был оценен высшими чинами полиции Австрии. Его безукоризненный автоматизм, светские манеры, кой-какие знания и молчаливость привели в восхищение и внушили полное доверие даже такому знатоку людей, как Меттерних. Князь не раз принимал Адальберта по условному письму, в ночное время, в одном из потайных залов своего замка Иоганнесберг.

Будучи старательным шпионом Меттерниха, фон Борнштедт, немец по происхождению, не довольствовался только этой службой. По совместительству фон Борнштедт был также шпионом и прусского правительства. Оно весьма дорого оплачивало его услуги. Частичка «фон» — принадлежность к дворянству — придавала этому тайному агенту особую цену. Он любил Париж, из всех женщин отдавал предпочтение француженкам, а из вин — французским и скучал в казарменной атмосфере Берлина.

Продавая то Пруссию Австрии, то Австрию Пруссии, а иной раз и обе эти страны России, Адальберт внимательно следил в Париже за эмигрантскими кружками. Пост редактора пришелся ему весьма кстати — как удобное прикрытие.

Фон Борнштедт промахнулся, начав борьбу с «Молодой Германией». Он рассердил берлинских филистеров — зажиточных горожан, которые изображали из себя сторонников реформ и прогресса. Между двумя кружками пива, после сытных сосисок они охотно занимались критикой своего правительства, не приносившей, впрочем, никому вреда и способствовавшей пищеварению. Курс, взятый газетой «Вперед», их сначала разочаровал, а затем и возмутил.

Еще раньше своих соотечественников отвернулись от газеты парижские эмигранты.

Тщетно помещал фон Борнштедт статьи, в которых обещал, что газета откажется от всяких крайних взглядов, как реакционных, так и революционных. Он был готов на все, лишь бы сохранить добрые отношения с немецкими эмигрантами и не отпугнуть их от газеты. Ведь это была та дичь, за которой его послало охотиться прусское правительство, щедро вознаграждая его за каждое донесение.

Но, прочитав и эти лояльные высказывания, эмигранты не поверили редактору и издателю. Тираж газеты резко упал.

В это время фон Борнштедт, поссорившись с прусской

полицией, выполнял указания Австрии. Заметив резкое изменение курса газеты, департамент тайной полиции в Берлине доложил правительству о возмутительной пропаганде газеты и добился запрещения ввоза ее в Пруссию. Остальные немецкие правительства последовали этому примеру. Адальберт фон Борнштедт, ожидая головомойки, поехал в Берлин с покаянием. На посту редактора его сменил молодой, чрезвычайно болтливый, легковерный, но пылкий журналист, юрист по образованию, Бернайс. И тотчас же к газете примкнули многие немецкие эмигранты, живущие в Париже.

Маркс, искавший трибуну для продолжения борьбы, начатой в «Рейнской газете», решил воспользоваться приглашением сотрудничать в газете «Вперед».

В помещении редакции всегда было накурено, шумно и многолюдно. Несколько раз в неделю там собирались сотрудники: стремительный Маркс, болтливый, изнемогающий от груза новостей, сплетен и домашних неурядиц Бернайс, больной Гейне, щеголеватый Гервег, краснобай Бакунин, трудолюбивый Вебер и тщеславный Руге.

Иногда в редакции поднимался словесный ураган, в котором трудно было что-либо разобрать, а порою затевалась праздная беседа. Бернайс, прерывая монологи Руге и Бакунина, таинственно сообщал о последних событиях в высшем обществе и за кулисами театров.

Маркс терпеть не мог празднословия. Истребляя одну за другой сигары, он нередко властно прекращал разглагольствования и призывал всех к делу. Ему не перечили. Маркс скоро стал душой газеты. Уверенно и вместе с тем скромно он подсказывал нужные для следующего номера темы статей, неотступно следил за тем, чтобы газета сохраняла прогрессивное направление. Карл фактически редактировал ее и писал иногда передовые статьи, а также лапидарные заметки без подписи.

Врач Вебер не обладал специальными познаниями в области политической экономии, но был образованным и способным популяризатором. Маркс, оценив это, со всей присущей ему щедростью делился с Вебером своими мыслями. Он дал ему свои рукописи, из которых тот почерпнул важнейшие теоретические положения и цитаты для своих статей. Вебер в доходчивой форме повторял многие выводы Маркса о значении денег в буржуазном обществе.

Руге как-то напечатал в газете несколько заметок и статей о прусской политике, которые снабдил всевозможными сплетнями о нелестных чертах характера прусского короля-пьяницы, привычках хромой королевы. Одну заметку он закончил

предположением, что прусская королевская чета состоит только в «духовном» браке. Всю эту пошлость Арнольд Руге подписал не своей фамилией, а псевдонимом «Пруссак».

«Кто же это такой?» — недоумевали читатели. Сам Руге был некогда гласным городской думы Дрездена и числился в списках саксонского посольства во Франции.

Женни Маркс, прочитав подленькие статьи, подписанные «Пруссак», заволновалась. Она знала о провокационных слухах, будто под этим псевдонимом скрывается Маркс.

— Кто такой «Пруссак»? Читателя явно наводят на ложный след, — сказала она гневно, протягивая газету мужу. — Ведь иные подумают, что «Пруссак» — это ты, Карл. Неужели ты думаешь оставить без ответа пущенную в тебя отравленную стрелу?

— Нет, конечно. Я выведу Руге на чистую воду, но не его методом. Помнишь, как смеялся он над моими новыми соратниками: «Полтора пролетария — вот армия Маркса»? К тому же — и это главное — в его статьях есть с чем полемизировать.

Карл прошелся по комнате. Он любил схватки и предвкушал победу, как всякий человек, убежденный в своей правоте.

— Отвечать надо так, чтобы не уподобиться Руге, который стремительно опускается на самое дно беспринципности. Он жалок и труслив. Есть своя логика у человека, когда он становится предателем: сказав «а» в алфавите отступничества, он неизбежно произносит все буквы до последней… Руге очень скоро доползет на брюхе до прусского министерства иностранных дел, будет каяться и вымаливать прощение, сваливая на бывших товарищей свои грехи.

Маркс, не откладывая, принялся за статью, которая достойным образом должна была отвести от него подозрения в авторстве подлой стряпни.

Внимательно делая пометки на полях и подчеркивая отдельные фразы, Карл снова прочел все подписанное псевдонимом «Пруссак».

В одной из заметок Руге, пытаясь умалить значение происшедшего недавно восстания силезских ткачей, доказывал, что у рабочих не было политических целей, без чего нет и социальной революции. Это дало Марксу повод всесторонне осветить вопрос о восстании в Силезии и о рабочем движении как таковом.

Восстание силезских ткачей вызвало волну филантропической жалости у немецких буржуа. Классовая борьба в Германии еще была слабой, протекала вяло, и имущие охотно проливали крокодиловы слезы над участью бедных тружеников.

Особенно старалась «Кёльнская газета», открывшая сбор

пожертвований в пользу семей убитых или арестованных ткачей.

Но Карлу было ясно, что, как только рабочее движение в Германии окрепнет, оно тотчас же встретит кровавый отпор фабрикантов и банкиров. Начнется социальный бой, и баррикады разделят навсегда два непримиримых класса.

Сострадание немецкой буржуазии к угнетенным ею же рабочим являлось пока лишь подтверждением слабости борьбы и того, что богачи переоценивают свое могущество, не боясь своих рабов.

Восстание силезских ткачей было первой угрозой частной собственности, и в нем Маркс открыл особенности, каких еще не знала летопись плебейских социальных взрывов.

«Прежде всего, — писал Карл, — вспомните *песню ткачей,* этот смелый *клич* борьбы, где нет даже упоминания об очаге, фабрике, округе, но где зато пролетариат сразу же с разительной определенностью, резко, без церемоний и властно заявляет во всеуслышанье, что он противостоит обществу частной собственности. Силезское восстание *начинает* как раз тем, чем французские и английские рабочие восстания *кончают,* — тем именно, что осознается сущность пролетариата… В то время как все другие движения были направлены прежде всего только против *хозяев промышленных предприятий,* против видимого врага, это движение направлено вместе с тем и против банкиров, против скрытого врага».

Буржуазия заигрывала с восставшими ткачами, как бы развлекалась игрой, и в то время как непосредственные хозяева силезских ткачей добивали их голодом и лишениями, другие немецкие буржуа жертвовали на гроб погибшим и бросали куски хлеба оставшимся без кормильца рабочим семьям.

Обращаясь к прошлому, анализируя историю революций, чартистских и лионских восстаний, Маркс искал всему этому научное историческое объяснение.

Он предпочитал обычно работать по ночам, когда в доме наступала тишина.

На столе были разбросаны таблицы, справочники, заметки. Карл черпал из них самое необходимое. Все это вплеталось в ткань статьи, перо неслось неровно, точно лодка по разбушевавшемуся потоку возникающих мыслей.

Маркс был истинным поэтом в творчестве. Он отдавался вдохновению, подчинялся его зову. Работая без устали несколько недель подряд, случалось, потом он долго предавался безделью, лежал на диване и перелистывал случайные книги, чаще всего романы или стихи. Столь же внезапно и прекращался этот духовный отдых. Маркс рьяно, запойно предавался снова работе,

не щадя себя, отдаваясь весь мышлению и творчеству. Если его отвлекали, он страдал. Творя, он становился к себе придирчив и без конца чеканил слог, фразу, строку, как самый кропотливый из гранильщиков, шлифующих алмазы.

Оценивая значение силезского восстания, он вспомнил поразительное по теоретической глубине сочинение Вильгельма Вейтлинга, немало бродившего по Франции, Германии и другим странам.

— Конечно, — сказал Карл, когда Женни присела возле него на ручке кресла, прежде чем уйти спать, — изложение самоучки немца Вейтлинга уступает по форме блестящим формулировкам француза Прудона, но зато мысли и выводы его глубже. Оба пролетария — Прудон и Вейтлинг, — несомненно, самородки. В будущем именно рабочий класс даст миру величайшие умы.

Маркс перелистывал книгу Вейтлинга «Гарантии гармонии и свободы» и продолжал:

— Как ты знаешь, Вейтлинг — один из создателей «Союза справедливых». Он выступил ранее Кабе, Луи Блана и Прудона и стал социалистом. То, что «Союз справедливых» был разгромлен в тридцать девятом году, фактически только укрепило тех, кто действительно хочет борьбы и кто мыслит. Лучшие из членов этого союза снова принялись за дело и сплачиваются. Я вижусь со многими из них, перебравшимися в Париж. Вейтлинг руководит коммунистическим движением в Швейцарии. В Англии, где свобода союзов и собраний облегчает общение, находятся замечательные люди, полные революционной решимости, которой так не хватает многим из наших парижских союзников.

— Это те настоящие люди, о которых с таким увлечением вспоминал Энгельс? — спросила Женни.

— Именно. Судя по внушительному впечатлению, которое они произвели на Фреда, я жду от них многого. Итак, пролетариат уже дает нам сильные умы. Я этого ждал. Вейтлинг, как и Прудон, разбивает клевету буржуа насчет ничтожества плебса. Эти люди прокладывают дорогу своему классу. Великая миссия!

Карл снова принялся за работу. Перо его с необычайной быстротой следовало за мыслью и энергично покрывало строчками вкривь и вкось один за другим листы снежно-белой бумаги.

«Где у буржуазии, — писал Маркс, — вместе с ее философами и учеными, найдется такое произведение об эмансипации буржуазии — о *политической* эмансипации, — которое, было бы подобно книге Вейтлинга «Гарантии гармонии и свободы»? Стоит сравнить банальную и трусливую посредственность немецкой

политической литературы с этим *беспримерным* и блестящим литературным дебютом немецких рабочих, стоит сравнить эти гигантские *детские башмаки* пролетариата с карликовыми стоптанными политическими башмаками немецкой буржуазии, чтобы предсказать *немецкой* Золушке в будущем *фигуру атлета*».

И, завершая это приветствие восходящему классу, Карл назвал немецкий пролетариат теоретиком европейского пролетариата, английских рабочих — его экономистом, а французских — его политиком.

Долго еще писал Маркс. Под утро, закончив статью, он снова засел за начатый раньше ответ Бруно Бауэру по плану, разработанному вместе с Энгельсом во время недавней их встречи. Фред уже закончил свои главы брошюры. Карл предполагал, что работа над его частью займет очень немного времени, но, вникая по своему обыкновению все глубже и глубже в тему, увлекся. Одно положение рождало последующее, и книга разрасталась вширь и вглубь, как все, над чем работала необъятная мысль Маркса.

Кроме того, первоначальный план обоих авторов написать небольшую брошюру нарушался и другими соображениями. Только книги более чем в 20 печатных листов, считаясь научными, не подвергались строгой цензуре. Издатель Левенталь из Франкфурта-на-Майне согласился печатать труд Маркса и Энгельса только при условии, если они обойдут все цензурные преграды.

Учитывая это, Маркс решил написать около 20 листов. С полутора, сделанными Энгельсом, должна была получиться вместо брошюры большая книга. Страницы ее были проникнуты юмором, разили смехом, навсегда развенчивая богемствующих болтунов Бауэров и их приверженцев.

В Париже Маркс несколько раз встречался с Бакуниным.

Члены Певческого общества: рабочие и ремесленники — итальянцы, поляки и французы, решили провести с немцами праздничный рождественский вечер.

С улицы Вожирар в зал «Валентино», расположенный неподалеку от центра Парижа, также прибыли приглашенные. Оркестр уже играл бравурный вальс, когда в зал вошли несколько рабочих с семьями и Карл с Женни. К ним бросился Бернайс. Его подвижное вдохновенное лицо отражало крайнее беспокойство.

— Я получил важные и вполне достоверные сведения, — сказал он Карлу. — Как хорошо, что я могу поговорить об этом с вами. Наша газета накануне полного разгрома. Дорогой Маркс, обсудим, как мы будем держаться. Ведь судьба газеты — наша с

вами судьба.

Попросив Женни обождать его в соседнем зале, Карл с Бернайсом прошли из вестибюля в буфет.

Все второе полугодие газета «Вперед» выступала со статьями против королевской власти в Берлине, не щадя самого Фридриха Вильгельма IV. Король этот, занявший четыре года назад престол, открыто покровительствовал теперь юнкерству — опасной и тупой силе, стремившейся объединить все германские княжества под эгидой реакционной прусской империи.

Бернайс в своих статьях жестоко громил приверженцев правительства, этих, по его мнению, христианско-германских простаков в Берлине, которые, поддерживая короля, предрешали исход наступления, начатого мракобесами-дворянами. Вместе с Бернайсом на немецкие порядки ополчился и Генрих Гейне. Его полные сарказма стихи в газете зло высмеивали «нового Александра Македонского», как прозвал он Фридриха Вильгельма.

Бессильное что-либо сделать в чужой стране с немцами-смутьянами, королевское правительство грозило им тем не менее всякими карами.

Королевское министерство требовало от французского премьера Гизо расправы с сотрудниками газеты «Вперед». Гизо пытался отмолчаться. Он был весьма умелым и осторожным политиком. У него было твердое правило — не торопиться и выжидать.

А газета «Вперед» продолжала наступать на реакцию, подняв забрало. Король и королева прусские все чаще приходили в ярость. Стрелы газеты попадали в цель.

Между прусским правительством и Гизо усилилась секретная переписка.

Маркс и Бернайс договорились о том, что не отступят от взятой линии и не пойдут на попятную, как бы им ни угрожали.

Проходя по залу, Карл увидел Бакунина, который пылко и громко спорил о чем-то с несколькими русскими. Одним из них был Яков Николаевич Толстой. Заметив Маркса, он тотчас же направился к нему вместе с Бакуниным.

— Я восхищен глубиной вашего ума, — говорил Толстой басом. — Статья «К критике гегелевской философии права» превосходно корчует старые пни. Да-с, кто из нас, русских, не болел гегельянским умопомрачением! И вы, немецкий ученый, революционер, вслед за Фейербахом приходите, чтобы вернуть людям их головы.

— Послушайте, Маркс, — сказал Бакунин и порывисто взял Карла за руку, — я хочу сказать, что считаю вас совершенно

правым в споре с Руге. Честность суждений прежде всего. И хотя ваш противник не раз защищал меня в словесных и газетных схватках, я не могу кривить душой. Вы правы. Вы, а не он.

— Рад, очень рад, — живо отозвался Карл.

Уже не впервые встречал он этого человека. Карл знал, что Бакунин продолжал начатые на родине философские поиски истины и пришел к мысли, что «страсть к разрушению — творческая страсть».

Выступления Бакунина и связь его с революционерами привлекли к себе внимание тайных агентов царского правительства в Париже.

Русское правительство предложило Бакунину вернуться в Россию, а когда он отказался выполнить это, его лишили дворянского звания и заочно приговорили к каторге.

Политические взгляды и планы Бакунина не отличались постоянством. Он видел главную задачу европейской революции в освобождении Польши, разрушении австрийской монархии, объединении славян во всеславянскую республиканскую федерацию и в то же время считал возможным создание всеславянского государства во главе с русским царем.

Маркс был всегда внимателен и терпелив к Бакунину. Он помог ему разобраться в самом себе, а это подчас важнее всего в жизни. Определив свой путь, Бакунин лучше понял окружающее.

Но тщетно пытался Бакунин работать планомерно и упорно, как советовал ему Маркс. Всегда что-то ему мешало и отвлекало от дела. Успокаивая себя, он называл трудолюбие и прилежание педантизмом. В работе, любви и дружбе Бакунин быстро загорался и быстро остывал.

Бернайс вернулся в главный зал и с эстрады попросил всех собравшихся усесться. Без особой сутолоки и шума на добротных старых стульях разместились почти все пришедшие.

Вслед за Бернайсом на эстраду вышел Прудон. Он выглядел моложе своих 35 лет. Светлые, очень мягкие волосы беспорядочно падали на его гладкий большой лоб. Маленькие очки в металлической оправе не скрывали небольших близоруких глаз, как-то рассеянно смотревших на мир. Бакенбарды обрамляли овальное тонкое лицо с четко вырисованным, упрямо сжатым ртом и небольшим носом. Чистокровный бургундец, он внешне очень походил на немца, и только порывистые движения, жестикуляция и торопливая темпераментная речь обнаруживали в нем француза.

Прудон говорил горячо, но неясно об экономических противоречиях, о грядущей революции, о коммунизме. Слова его, многочисленные цитаты, которыми он обильно пересыпал речь,

казались убедительными в тот момент, когда произносились, но тут же рассеивались, исчезали.

Женни внимательно вслушивалась в речь Прудона. Вдруг она почувствовала, как у нее дрогнуло сердце. Это бывало всегда, когда на трибуне появлялся Карл. Как ни была она уверена в каждом слове, которое он скажет, ей не удавалось преодолеть волнение.

Маркс заговорил. В зале наступила тишина ожидания.

За год пребывания в Париже Маркс стал одним безмерно дорог, другим — страшен. Единственно, чего он не внушал к себе, это безразличия.

Едва Карл, сменив на трибуне Прудона, произнес несколько фраз, Женни — вся внимание, напряжение. Она сразу поняла, о чем он решил говорить. Это был рассказ о новых выводах, сделанных им в последние месяцы и которыми он жил и тогда, когда писал статью против Руге, и все последующее время. Он как бы дорабатывал и проверял снова и снова то, что так волновало его, рождая новые думы.

Маркс раскрыл различие между освободительным движением буржуазии и пролетариата. Он не раз задумывался над тем, кто же возглавил революцию 1789 года во Франции. Лионские фабриканты, к которым примкнули зажиточные интеллигенты и ученые — Бриссо, Кондорсе, великий физик Лавуазье, инспектор мануфактур Роллан и его жена, дочь ювелира, — все они были бесправны, несмотря на богатство, образование, и рвались к политической власти не вследствие нужды.

Богачам из третьего сословия стало невыносимо презрение аристократической Франции, преграждавшей им дорогу к власти.

Но движущей силой революции всегда был народ, голодавший и лишенный всяких прав. Он постоянно боролся за кусок хлеба, за топливо, за работу.

Буржуазия корыстно использовала восстания масс в своей борьбе с феодалами и дворянами. Революционная энергия народа принесла ей политическое могущество. Но всегда, захватив власть, буржуазия предавала своих союзников — трудовой люд и, присвоив себе все плоды победы, начинала борьбу против ремесленников, рабочих, крестьян. Труженики, рабочие воздвигали баррикады, сражались, низвергали троны и династии. Победа или поражение народа определяли судьбы революции. Перед взором Карла проходили хорошо знакомые ему картины нищеты и лишений лионских текстильщиков, английских рабочих, не имевших права на человеческую жизнь. Вот что толкало обездоленных плебеев на восстание, на бунт. Глубоко различны причины и цели революций буржуазных и

пролетарских.

Таков был вывод, сделанный Марксом. Он говорил о том, какая жестокая борьба ждет бойца-пролетария, и все же предрекал ему неизбежную полную победу.

Когда Маркс сошел с трибуны, к нему протянулось несколько рук. И эти руки и особенно глаза, смотревшие с любовью и доверием, были самым большим вознаграждением за его труд.

Карлу жали руку революционеры, рабочие из Италии, Польши и Франции. Морщился Прудон, но и он понимал значение речи Маркса.

Маркс, не отрываясь, работал над книгой «Святое семейство, или Критика критической критики». Случалось, он не ложился спать по нескольку ночей. Это был подлинный творческий полет. Лицо Карла желтело, но он не чувствовал усталости. Огромное перенапряжение проявлялось только в большей вспыльчивости, которую, впрочем, легко гасила Женни.

Он вел не только горячий теоретический спор и опровергал Бруно Бауэра и его единомышленников. Карл как бы вернулся мыслью назад. Разве не был он сам некогда гегельянцем, не шел в одном строю с Бруно в поисках философской истины? Как далеко ушел он вперед с тех пор, когда в день смерти профессора Ганса в гостеприимном домике Бауэров в Шарлоттенбурге усомнился в том, чему ранее верил!

Как и всегда, Карл, разрушая, творил и, низвергая, создавал. Глубокие, прекрасные по изложению откровения заполняли страницы. Болтовне Бруно Бауэра о французском материализме и французской революции Маркс противопоставил блестящий анализ этих исторических явлений. Бруно Бауэр доказывал противоположность между духом и массой, различие между идеей и интересом.

«…*«Идея»* неизменно посрамляла себя, как только она отделялась от *«интереса»,* — возражал Маркс. — …*Интерес* буржуазии в революции 1789 г., далекий от того, чтобы быть *«неудачным»,* все *«выиграл»* и имел *«действительный успех»,* как бы впоследствии ни рассеялся дым *«пафоса»* и как бы ни увяли *«энтузиастические»* цветы, которыми он украсил свою колыбель. Этот *интерес* был так могущественен, что победоносно преодолел перо Марата, гильотину террористов, шпагу Наполеона, равно как и католицизм и чистокровность рода Бурбонов».

Бруно Бауэр заявлял, что государство соединяет воедино «атомы» гражданского общества. Маркс опроверг и это положение.

«Только *политическое суеверие* способно еще воображать в наше время, что государство должно скреплять гражданскую

жизнь, между тем как в действительности, наоборот, гражданская жизнь скрепляет государство».

В ответ на презрительные замечания Бруно о значении промышленности и природы для исторического познания Маркс спрашивал: полагает ли «критическая критика», что она подошла хотя бы к самому началу познания, исключая из исторического движения теоретическое и практическое отношение человека к природе, промышленности, естествознанию?

«Подобно тому, — писал Карл о «критической критике», — как она отделяет мышление от чувств, душу от тела, себя самое от мира, точно так же она отрывает историю от естествознания и промышленности, усматривая материнское лоно истории не в грубо материальном производстве на земле, а в туманных облачных образованиях на небе».

Поздней ночью Маркс завершил первый совместный с Энгельсом труд.

Закончив чтение рукописи, Карл написал имена авторов. На первое место он поставил имя друга, на второе — свое.

Затем свернул сигаретку из легкого табака и закурил с явным удовольствием. Карл отдыхал, испытывая приятное сознание доведенного до конца дела. Впереди было столько непочатой работы, столько новых замыслов и целей…

В эти дни Гизо исполнил обещание, данное прусскому правительству. 16 января 1845 года Карл Маркс получил предписание покинуть пределы Франции. Арнольд Руге остался в Париже после того, как упросил саксонского посланника вступиться за него и доказал свою лояльность к Пруссии. Генриха Гейне спасло покровительство Гизо, поклонявшегося его таланту.

Вечером, накануне отъезда, в квартире Маркса собрались наиболее близкие его друзья. Жена Гервега пришла первой. На другой день Женни должна была с ребенком переселиться к ней на несколько дней до своего отъезда вслед за мужем в Брюссель.

В квартире было уже неуютно и неустроенно. Исчезли вазы с цветами, салфеточки, добротные, привезенные из Трира гардины.

Пришел Георг и затем Гейне.

Генрих Гейне резко изменился за последнее время. Он с трудом передвигал не сгибающиеся в коленях ноги. Болезнь медленно подтачивала его. Лицо Гейне было зеленовато-бледным и слегка перекошенным. Веки то и дело непроизвольно смыкались, закрывая глубоко запавшие темные глаза. Седая борода удлиняла исхудавшее страдальческое лицо. Он едва владел бессильно свисающей левой рукой. Трудно было поверить, что всего несколько лет назад Гейне, как и Гервег, обладал

привлекательной наружностью и славился своей стремительной живостью.

Одет был Гейне по последней моде, щеголевато. Он всячески стремился скрыть свою немощь и физические муки. Отъезд Маркса глубоко огорчал поэта, и он, всегда любивший шутки, на этот раз был молчалив и печален.

Вскоре вернулся и Карл. Он принес билет на поезд в Брюссель. Разговор долго шел вокруг предстоящего путешествия.

— До Брюсселя четырнадцать часов езды, — сказал Карл. Он обвязывал веревкой корзину с уложенными вещами.

— Это в лучшем случае, а то проедете и все двадцать часов, — вмешался Гервег, мрачно взиравший на опустошенную комнату, на сборы в дорогу.

Он закурил сигару, уселся в кресло и казался еще бледнее и подавленнее, чем обычно.

Генрих Гейне раскупорил бутылку дорогого вина и предложил распить его за здоровье присутствующих и за счастливое будущее.

Когда все выпили, Гейне, сощурив и без того узкие глаза и улыбаясь одним пухлым женственным ртом, снова наполнил бокалы и сказал:

— Да сгинут тираны, филистеры, отщепенцы!

— Предлагаю тост за то, чтобы мечта стала действительностью! — провозгласил Гервег. Он вскочил с кресла и с неожиданной горячностью принялся чокаться.

Когда вино было распито, Генрих Гейне прошел в другую комнату, приблизился к кроватке маленькой Женни и наклонился над ней. Ленхен, обычно отгонявшая от колыбельки посторонних, чтобы девочку не заразили чем-либо, милостиво ему улыбнулась. Это была привилегия Гейне. Однажды, когда у малютки Женни начались сильные судороги, угрожавшие ее жизни, поэт, случайно пришедший к Марксу, спас ее, приготовив ей ванну. Растерявшиеся, полные отчаяния родители были поражены той быстротой и ловкостью, с какой выкупал, а затем нянчил Генрих Гейне их дочурку. Ванна прекратила судороги и вернула маленькой Женни здоровье.

После прощального ужина у Георга разболелась голова, и жена стала уговаривать его уйти пораньше домой.

Гервег крепко обнял Карла.

— Я приеду к тебе, если иначе мы не сможем свидеться, — сказал он.

Проводив Гервегов, Карл, Женни и Гейне уселись за стол. Речь зашла о Руге.

— Я могу перефразировать Солона, — сказал Гейне. —

Мудрец говорит: «Пока человек живет, остерегайтесь называть его счастливым». Покуда жив Арнольд, остерегайтесь называть его честным человеком. Обождите, ему остается еще достаточно времени для гадостей. Он уже пробует упражняться в них ради последующего совершенства.

Все рассмеялись.

Поздно в этот последний вечер простились Женни и Карл с Гейне.

— Из всех, с кем мне приходится расстаться, разлука с вами, Генрих, для меня тяжелее всего. Я охотно увез бы вас с собой, — сказал Маркс, обняв в последний раз поэта.

3 февраля на рассвете Маркс уехал в Брюссель. Женни осталась у Гервегов, чтобы продать мебель и часть белья, полученного в приданое. Нужны были деньги на переезд и устройство в незнакомом городе. Желая поскорее выехать из Парижа к мужу, Женни продала все за бесценок, и средств у нее оказалось совсем мало. К тому же она захворала. Не оправившись окончательно от болезни, несмотря на уговоры Эммы Гервег остаться, Женни покинула ставший ей чужим и неприятным город.

Вскоре после приезда Женни в Брюссель Маркса вызвали в ведомство общественной безопасности, где встретили самым учтивым образом. Разговор был коротким:

— Если вы, господин Карл Маркс, желаете с семьей проживать в королевской столице Бельгии, будьте любезны дать нам письменное обязательство не печатать ни единой строки о текущей бельгийской политике.

Маркс невольно облегченно вздохнул и добродушно улыбнулся. Такого рода обязательство он мог дать, не кривя душой. У него не было ни малейшего намерения заниматься бельгийскими делами. «Охотно подпишу и ручаюсь, что выполню обязательство», — сказал он и быстро поставил свою подпись на заготовленном к его приходу документе.

Так открылась следующая страница его жизни.

В Брюсселе Женни познакомилась с поэтом Фрейлигратом. Он пришел к Марксу в морозный февральский день, тотчас же после ее приезда из Парижа.

Маленькая Женнихен громко смеялась, сидя на высоком, огороженном со всех сторон деревянными перекладинами стуле. Девочка была очень мила в новом платьице, украшенном оборочками и кружевцами. Чепчик на темной головке заканчивался лентами, подвязанными под круглым, с ямочкой подбородком. Ленхен разложила на столах и этажерках

накрахмаленные салфеточки, расставила безделушки, и скромные меблированные комнаты отеля «Буа Соваж» преобразились.

Услышав голос вернувшегося домой Карла, Женни вышла в соседнюю комнату.

Карл был не один. Он представил жене пришедшего с ним невысокого мужчину.

— Вот это Фердинанд Фрейлиграт, поэт, демократ, неукротимый обличитель мракобесия и обвинитель реакционного пруссачества.

— Автор «Свободы» и «Памятника». Отличные стихотворения, — заметила Женни, всматриваясь в усталое незнакомое лицо.

Фрейлиграту было уже под сорок. Скитания последних лет, разочарование в прежних идеалах чистого романтизма, возмущение господствующей в мире несправедливостью наложили отпечаток горечи и недоверия не только на его душу, но и на бледное, слегка припухшее лицо с широкой бородой. Беспорядочно рассыпавшиеся волосы падали на плечи.

Период политического нейтралитета кончился для Фрейлиграта. Мечтатель, презиравший тенденцию в литературе, тосковавший по отвлеченному искусству, он столкнулся с суровой и бурной действительностью и содрогнулся, видя, как страдали люди, как беспросветна была жизнь большинства из них.

Стихи о прошлом, неясные и туманные, преклонение перед легендой и песней, которые дали ему королевскую пенсию в триста талеров, поэт считал теперь презренным отступничеством. Изгнание Гервега, репрессии против живой мысли и слова усилили его возмущение. Он отказался от подачки короля, покинул Германию, издал новый цикл революционных стихов — свой «Символ веры».

Знакомство с Фрейлигратом было очень приятно Карлу. Ему нравилась его открытая, простая и мужественная душа.

К концу февраля еще одно событие оживило и обрадовало Маркса. Вышла в свет его и Энгельса книга против Бруно и Бауэра.

В мае Карл поселился в маленьком домике на улице Альянс, № 5–7, недалеко от ворот Сен-Лувен.

Однажды раздался энергичный стук молотком по входной двери.

— Могу ли я видеть Карла Маркса? — спросил молодой человек с улыбающимся, удивительно располагающим лицом. — Я Энгельс.

Женни Маркс живо протянула ему руку.

— Прошу вас, мы очень рады, Карл и я.

— Значит, вы жена доктора Маркса? Я так много слышал о вас лестного. К сожалению, когда я встречался с Карлом в Париже, вы были в отъезде.

— Да, я была тогда в Трире.

Молодые люди улыбнулись и сразу почувствовали взаимную симпатию.

— Карл, Карл, приехал, наконец, наш друг! Иди скорее сюда!

Карл и Фридрих горячо обнялись. После обеда Женни, разливая кофе, спросила Энгельса:

— Скажите, как могло случиться, что, не зная лично Карла, вы в ранней юности написали стихи о себе и о нем, как о двух соратниках. Они звучат как предвидение. Не правда ли?

— Да, я всегда искал такого друга, как Карл…

— Мне хотелось бы услышать вновь стихи Освальда — Фридриха, в которых он чудесным образом предвосхитил наш сегодняшний день, — настойчиво повторила Женни.

— Прочти, пожалуйста, — присоединился к жене Карл.

И Фридрих, смеясь, начал вспоминать свое стихотворение, написанное несколько лет назад:

Тот, что всех левей, чьи брюки цвета перца
И в чьей груди насквозь проперченное сердце,
Тот длинноногий кто? То *Освальд*-монтаньяр!
Всегда он и везде непримирим и яр
Он виртуоз в *одном:* в игре на гильотине,
И лишь к *единственной* привержен каватине,
К той именно, где есть всего один рефрен:
«Formez vos bataillons! Aux armes citoyens»[6]
Кто мчится вслед за ним, как ураган степной?
То *Трира* черный сын с *неистовой* душой.
Он не идет, — бежит, нет, катится лавиной,
Отвагой дерзостной сверкает взор орлиный,
А руки он простер взволнованно вперед,
Как бы желая вниз обрушить неба свод[7].

— Отлично! — зааплодировала Женни.

— Нет, — тихо ответил Фридрих, — эти вирши я писал давно, когда был еще очень молод.

— Но вам теперь только двадцать пять, — весело рассмеялась Женни.

— А Марксу — двадцать семь, — сказал Энгельс.

— Вы и по годам идете рядом!

Фридрих приехал в Брюссель чрезвычайно увлеченный Людвигом Фейербахом и много рассказывал о нем Карлу.

— Как я тебе уже писал, — говорил Фридрих, — Фейербах ответил на наше общее письмо к нему. Я уверен, он неизбежно придет вскоре к коммунизму и станет нашим соратником.

Карл с сомнением покачал головой.

— Фейербах неоспоримо прав, когда объявляет абсолютный дух отжившим духом теологии. Верно и то, что «Сущность христианства» осветила многие головы и спасла их от путаницы и мрака. Мы от всей души приветствовали его в феврале прошлого года, хотя не все у него приемлемо. Ты знаешь, я писал об этом в «Немецко-французском ежегоднике»… Но будет ли он борцом? Это ведь созерцательный ум, к тому же жизнь в глуши делает его все более вялым, безразличным. Увы, Фейербах не хочет понять, что человек существо общественное и всегда зависит от данной среды и условий. Он воспринимает человека исключительно биологически. В этом его великое заблуждение. Природа природой, но не уйти нам в этом мире от политики. Рядом с энтузиастами природы должны стать энтузиасты государства,

хочет или не хочет этого Фейербах.

Помолчав и подумав, Энгельс ответил:

— Фейербах подверг жестокой проверке гегелевскую философию природы и религии, ты вскрываешь и исследуешь философию права и государства.

— Чего же ты хочешь? Чтобы я досказал то, о чем умалчивает этот смелый и могучий мыслитель? — иронически спросил Маркс.

— Да, тебе это по плечу, — ответил Фридрих. — Но потому, что у Фейербаха согласно его же словам есть движение, порыв, кровь, я все же верю, что он станет рано или поздно в наши ряды. Пока же в своем письме он говорит, что еще не покончил с религией, а без этого не может прийти к коммунизму. И все же по натуре он коммунист. Будем надеяться, что летом он, несмотря на свое отвращение к городу и столичной сутолоке, приедет из своей баварской Аркадии к нам в Брюссель, и мы поможем ему преодолеть сомнения.

— Конечно, конечно, — подтвердил Карл…

Людвиг Фейербах много лет подряд жил в Брукберге, в красивейшем уголке Баварии. Угрюмый, замкнутый, он любил сельское уединение, созерцание природы, одинокие прогулки по безлюдным долинам и холмам. Природа, утверждал он, обогащает ум и душу, открывает тайны жизни и подсказывает ответы на кажущиеся неразрешимыми вопросы. «Город — это тюрьма для мыслителя», — любил повторять Фейербах слова Галилея и спорил с теми, кто звал его к людям. Он объявлял, что в одиночестве и тишине черпает силы для борьбы. Но борцом он не был и уклонялся от действия. Пассивный характер Фейербаха отражался и на его книгах. Он любил размышлять, но не призывал к борьбе и протесту.

В мае 1845 года вышла книга Энгельса «Положение рабочего класса в Англии».

Карл весь отдался чтению книги друга. И чем глубже, поразительнее было то, что он находил, читая, тем радостнее, счастливее становилось выражение его лица. Все в книге значительно, ново, неоспоримо. Страшные картины непосильного труда и нужды людей, вся жизнь которых вращение по кругам Дантова ада, — это внешнее, говорил молодой ученый. Это следствие. И затем Энгельс с проницательностью мудреца постиг глубинную сущность бедствия — капиталистический способ производства. Он открыл закон не только возвышения, но и неизбежного падения буржуазии. Нищете сегодняшнего дня он научно противопоставил неизбежное грядущее возвышение

тружеников. Он бросал грозное обвинение капиталистам и буржуазии, рассказывал, как крупная промышленность угнетает огромную массу своих рабов — пролетариев, и далее доказывал, что по суровым законам исторической диалектики рабочие неизбежно поднимутся и ниспровергнут ту силу, которая их порабощает. Слияние рабочего движения с социализмом — вот дорога к господству пролетариата.

— Твоя книга замечательна, — сказал Карл Энгельсу.

Той же весной Маркс сформулировал свои тезисы о Фейербахе. Они сложились в часы глубокого раздумья, когда он медленно прохаживался по комнате, сосредоточенно глядя перед собой, или сидел за рабочим столом, выкуривая одну сигару за другой. Снова и снова тогда обдумывал он философские взгляды Фейербаха.

Быть может, Маркс и нашел гениальный зародыш нового мировоззрения именно в часы этих ночных раздумий.

Он записал краткие итоги творческого анализа и размышлений в первую попавшуюся ему под руку тетрадь, в которой Женни отмечала расходы по хозяйству и количество белья, отдаваемого в стирку.

«Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его», — написал Маркс.

Это был 11-й тезис, имеющий прямое отношение к Фейербаху. Карл подчеркнул слова «объясняли» и «изменить» чертой, похожей на летящую стрелу.

Чрезвычайно сложный, трудночитаемый почерк Маркса отражал уверенность и волю. Кажется, что не по хрупкой бумаге, а по мрамору, резцом выведена его удивительная вязь. Лаконический слог, полный глубокого значения, напоминает изречения древних мудрецов, что высекались на камне для последующих поколений.

Фридрих уговорил Маркса отправиться в Англию месяца на полтора, чтобы ознакомиться с самой мощной капиталистической державой Европы.

В первый же день пребывания в Лондоне Энгельс и Маркс отправились посмотреть парламент.

— Сколько крови пролили англичане, чтобы добиться парламентаризма, считая, что в этом гарантия справедливости, благоденствия, счастья народа, — сказал Карл, рассматривая Вестминстерское аббатство.

Здесь рядом с суровой усыпальницей королей и героев, как многовековой храм, высится серый, мрачный парламент.

Почерневшие, как весь Лондон, от угольного чада миллионов каминов стены, шпили, укрытые сводами оконца, готические

башни — таково здание парламента, современника хмурого средневековья, отстроенного после пожара в начале XIX века.

Маркс и Энгельс медленно входят внутрь.

Зал заседаний парламента вмещает не более половины всех депутатов. В большие «парламентские дни», когда випы (загонщики) в поисках голосующих без устали снуют, сзывая и свозя депутатов, немало парламентариев толпится в проходах и дверях или занимает места на галереях, предназначенных для посторонних и прессы.

Архитектор поставил депутатские трибуны вдоль длинных готических стен, чтобы депутаты правительственной партии и оппозиции сидели лицом друг к другу.

Партийные организаторы иной раз, пользуясь неудобствами зала, подготовляют коварные замыслы, могущие решить участь кабинета. Перед голосованием по незначительному поводу, когда правительственная партия беспечно отсутствует, не предвидя для себя опасностей и подвохов, *ловкие* загонщики под строжайшей тайной мобилизуют силы оппозиции. Заслышав красноречивый гонг, к месту боя — в зал — в неожиданно большом числе сходятся спрятанные до того по квартирам, кабинетам, соседним ресторанам депутаты-оппозиционеры. В панике мечутся, отыскивая своих, загонщики правящей партии; если в течение четверти часа они не противопоставят вражескому натиску свои голоса, кабинету грозит падение.

В затянутых коврами и портьерами залах палаты лордов особенная тишина и дорогостоящий комфорт аристократических лондонских клубов. В мягких креслах дремлют древние старцы. Мимо представителей «голубой крови» бесшумно скользят лакеи. На застекленных полках многоэтажных шкафов прекрасной библиотеки в сафьяновых гробах-переплетах — бумажный прах сотен тысяч протоколов, отчетов, речей давно исчезнувших людей. Тут же в читальне грозное предупреждение истории — свиток, скрепленный сотнями разнообразных подписей, — смертный приговор Карлу I.

За окнами бьется бурливая в часы прилива Темза. На противоположном берегу, вдали, как бастионы крепости, стоят доки, и в них океанские пароходы.

Парламент, добытый в многолетней борьбе против произвола королей, герцогов, аристократов, обагренный кровью вольнолюбцев, погибавших за свободу и истинную веру, когда-то опасный и жестокий соперник монархов, все еще арена, где без устали повторяется одна и та же, всем давно известная, изрядно надоевшая пьеса.

Фридрих торопился в Манчестер, и скоро Карл понял, в чем была причина. Там ждала Энгельса миловидная ирландка, которую звали Мэри Бернс. Молодые люди любили друг друга уже несколько лет. Мэри была долгое время работницей и познала смолоду много горя и унижений. Тем больше дорожил ею Энгельс. Она была общительна, непосредственна, от природы умна и наблюдательна. Мэри всей душой и навсегда привязалась к Энгельсу с того самого дня, когда он встретил ее случайно на одной из убогих и жалких улиц Манчестера.

Марксу многое понравилось в текстильной столице. Но особенно пристрастился он к большой общедоступной библиотеке, одной из старейших в Европе, носящей имя крупного манчестерского мануфактуриста — Хэмфри Чэтама. Здание библиотеки — одно из древнейших в городе. В XII веке это был замок, превращенный затем в монастырь. В годы английской революции в нем размещались арсенал, тюрьма и казарма. Маркс подолгу любовался архитектурой библиотеки, причудливо сплетавшей стили ранней и поздней готики. Книгохранилище было размещено в бывших кельях монастыря и даже в пределах часовни. До середины XVII века книги согласно завещанию Чэтама были прикованы к полкам цепями, чтобы их не расхищали. Позже библиотекари запирали читателей за деревянными решетками в небольших нишах, навешивая огромные висячие замки.

Введя в первый раз Маркса в библиотеку, Энгельс сказал ему:

— Особенно много здесь изданий шестнадцатого, семнадцатого и восемнадцатого веков и, представь, есть девяносто книг — инкунабул, напечатанных до тысяча пятисотого года по методу, изобретенному еще Гутенбергом!

В читальне убранство оставалось неизменным уже два столетия. Вокруг дубового темного стола посредине комнаты с низким сводом стояли стулья — современники Кромвеля. Резные аллегории над камином изображали факел знания, лежащий на книге учения, змею и петуха — символы мудрости и бдительности. Пеликан, кормящий птенцов, должен был олицетворять христианское милосердие.

Маркс выбрал себе место за квадратным бюро в башенном выступе читальни. Сквозь разноцветные стекла высокого окна падал нежный желтый, синий, зеленый и красный свет.

В Чэтамской библиотеке Маркс смог впервые ознакомиться в оригинале с трудами представителей английской классической политической экономии, которые до сих пор знал лишь в переводе.

В Манчестере Фридрих познакомил Карла с тремя

настоящими, как он выразился, людьми. Часовщик Иосиф Молль, превосходный оратор, умевший быть также и превосходным слушателем, сапожник Генрих Бауэр, суровый на вид и сердечнейший человек, и Карл Шаппер, упорный и бесстрашный студент, то наборщик, то учитель. Они произвели на Маркса сильное впечатление.

Эти три немца были закалены самой жизнью, испытавшей их на постоянной борьбе, в тайных рабочих обществах. После разгрома «Союза справедливых» они бежали в Англию и тотчас же принялись восстанавливать разрушенное. Очень скоро они объединили немцев-изгнанников. Большое влияние на немецких рабочих в Англии имели книги Вейтлинга и выступления чартистов.

Фридрих Энгельс многократно бывал в Англии. Его охотно принимали в самых различных кругах. Он нравился равно деловым людям и женщинам своим умом, обходительностью и внешностью. Его легко можно было принять из-за его чисто военной выправки не только за скромного бомбардира, каким он был недавно, но и за гвардейского офицера, несколько неуклюжего в непривычном штатском платье. Лицо Фридриха все еще оставалось юношески пухлым, и только глаза отражали немалый жизненный опыт и зрелость мысли. Он не только хорошо знал английский язык, но и превосходно знал историю, экономику, политическое положение и быт Великобритании, где ему недавно пришлось безвыездно провести около двух лет. Тогда-то он сотрудничал в чартистской газете «Северная звезда» и в газете социалистов-утопистов «Новый нравственный мир». Энгельс не преминул познакомить Маркса с несколькими видными руководителями чартистского движения.

Джордж Юлиан Гарни, потомственный пролетарий, человек с суровым лицом, всегда нахмуренными мохнатыми бровями, уже несколько лет был коротко знаком с Энгельсом. Встретившись впервые с Марксом, он долго испытующе всматривался в него, затем внезапно просто, широко улыбнулся и протянул ему большую шершавую ладонь. Что-то располагающее, неожиданно ласковое почудилось Карлу в его крепком рукопожатии.

В таверне «У ангела», расположенной на Уэббер-стрит, в августе состоялось совещание демократов разных стран. Там был также и Маркс. Согласно принятым в Англии правилам ведения собрания с Энгельсом заранее договорились, что он выступит в защиту подготовленной резолюции.

Председательствовал Чарльз Кин, несколько медлительный, всеми уважаемый пожилой человек, много лет и сил отдавший борьбе за Народную хартию. Ораторы говорили пространно.

Когда все высказались, председатель отыскал глазами Энгельса.

— Слово предоставляется гражданину Фридриху Энгельсу, — объявил Кин. Назвав его гражданином, он подчеркнул, что выступать будет политический эмигрант.

Энгельс говорил, как прирожденный англичанин. Тот, кто знал, что он немец, недоумевал и сомневался, так ли это. Фридрих поддержал резолюцию, которая предлагала собрать проживающих в Лондоне демократов всех национальностей для обсуждения вопроса о создании общества, имеющего целью взаимное ознакомление — посредством периодических собраний — с движением за общее дело, протекающим в каждой отдельной стране.

В конце августа Карл Маркс покинул Англию и вернулся в Брюссель. В сентябре Женни родила дочь. Карл просил назвать ее одним из двух наиболее любимых им женских имен. Первое всегда было Женни, второе — Лаура.

На семейном совете, где полным правом голоса пользовались также Фридрих Энгельс и Ленхен, это имя, воспетое некогда Петраркой в его сонетах, было утверждено без возражений.

В Брюсселе Маркс и Энгельс приступили к совместной работе над новым произведением. Они решили назвать его «Немецкая идеология. Критика новейшей немецкой философии в лице ее представителей Фейербаха, Бруно Бауэра и Штирнера и немецкого социализма в лице различных пророков».

Пока Карл и Фридрих разрабатывали эту тему, прусское правительство продолжало беспокоиться о судьбе своего подданного. Оно боялось Маркса и потребовало от бельгийских властей немедленной его высылки.

Все чаще стали вызывать Карла в ведомство общественной безопасности, и, когда ему стало ясно, что длинная лапа Пруссии не даст ему и впредь покоя, он вышел из прусского подданства.

Маркс осуществил это решение 1 декабря 1845 года. В этот день на улице Альянс собрались его друзья.

— Итак, Карл, ты теперь вне подданства, — сказал Фрейлигрaт.

— Думаю, я никогда уже не приму ничьего подданства.

— Латинская поговорка гласит, — отозвался Фридрих: — «Там, где свобода, там мой дом». Это было любимым изречением Франклина. Где же теперь твой дом, Маркс?

— Англичанин Томас Пэйн, приехавший в Англию после американской кампании, где он воевал против англичан за свободу Америки, сказал Франклину: «Там, где нет свободы, там моя родина», — ответил Карл.

— Эти слова Пэйна впоследствии повторил Байрон, когда ехал сражаться за свободу греков, — напомнила Женни.

Вильгельм Вейтлинг приехал в Брюссель из Лондона. Пребывание в Англии принесло ему лишь разочарования. Карл Шаппер, Иосиф Молль и Генрих Бауэр — руководители «Союза справедливых» — встретили его дружески, но очень скоро отшатнулись от новоявленного пророка, которым Вейтлинг возомнил себя.

В то время как в Англии все выше и выше поднимались волны чартистского движения, когда труженики бастовали, собирались, несмотря на преследования, требуя 10-часового рабочего дня, повышения оплаты труда и освобождения заключенных в тюрьмы своих вождей, Вильгельм Вейтлинг ораторствовал среди немецких изгнанников, предлагал создать единый всемирный язык, без которого будто бы немыслимо объединиться рабочему классу. Он разрабатывал для этого особую систему.

— Единый язык рабочих, — удивленно или досадливо спрашивали его, — разве в этом дело? На каком бы языке ни говорил пролетарий, его ждет везде одна и та же эксплуатация, голод, непосильный труд.

Вейтлинг упрямо пытался также доказать, что христианство на заре его возникновения и было подлинным коммунизмом. И это в то время, когда по всей Англии собирали подписи под петициями рабочих парламенту. Было собрано уже свыше миллиона. Теоретические расхождения между ним и другими руководителями Лондонского просветительного общества постепенно углублялись. Вейтлинг с видом оскорбленного гения отходил от своих недавних единомышленников и все больше отрывался от рабочего класса и его борьбы.

Он покинул остров и прибыл в столицу Бельгии как раз тогда, когда закончил свою новую книгу, в которой пытался придать коммунизму религиозное обоснование.

В один из вечеров на улице Альянс в рабочей комнате Маркса собралось небольшое общество. Кроме Энгельса, пришли Фрейлигрaт, отставной военный Вейдемейер, друг детства Карла, брат его жены Эдгар Вестфален, приехавший недавно из России в Брюссель Анненков и Вейтлинг. На Вейтлинге были длиннополый сюртук и узкие брючки.

Карл сидел с карандашом в руке, записывая что-то на листе бумаги. Энгельс, высокий, прямой, серьезный, стоя говорил собравшимся о необходимости для всех тех, кто посвятил себя делу освобождения людей труда, найти единую точку зрения на происходящие события. Надо установить общность взглядов и

действий, создать доктрину, которая была бы понятна и принята теми, у кого нет времени или возможности заниматься теоретической разработкой каждого вопроса в отдельности.

Энгельс говорил с все нарастающим увлечением, разволновался и начал слегка заикаться. Он старался доказать Вейтлингу, что не проповедями, а научной пропагандой можно привлечь к себе тружеников.

На этом собрании решался вопрос о том, какие именно коммунистические книги следует издавать в первую очередь. Вейтлинг заявил, что его произведения наиболее нужны. Он требовал немедленного их издания.

Вдруг Маркс встал и подошел к Вейтлингу вплотную. Глаза его смотрели строго.

— Скажите, Вейтлинг, каковы ваши теоретические взгляды сегодня и как вы думаете их отстаивать, увязывая христианский догматизм с идеями коммунистов? Ведь именно это вы предлагаете в своей последней книге?

Вейтлинг растерялся. Он окинул неуверенным взглядом собравшихся и принялся объяснять, в чем его цель.

— Нужно не созидать новые теории, а принять уже проверенные опытом и временем, — сказал он, — надо открыть рабочим глаза на их положение, на несправедливость, унижения, которые они встречают повсюду. Пусть рабочий не верит обещаниям сильных мира сего, пусть надеется только на свои силы, пусть создает демократические и коммунистические общины.

Вейтлинг говорил в этом духе долго, речь его становилась все менее содержательной и подчас бессвязной.

Маркс все больше мрачнел, слушая его, и постукивал карандашом по столу. Брови его нахмурились, глаза заблестели. Внезапно он приподнялся, посмотрел прямо в лицо Вейтлингу и прервал его:

— Возбуждать народ, не давая ему никаких твердых положений и лозунгов, — значит обманывать его! А знаете ли вы, Вейтлинг, что обращаться к рабочим без строго научной идеи, без проверенного учения — это то же, что разыгрывать в наши дни из себя бесчестного и пустого пророка, который к тому же считает простых людей доверчивыми ослами… Вы не правы, да, не правы! Люди, не имеющие политической доктрины, причинили много бед рабочим и грозят гибелью самому делу, за которое берутся, не понимая своей ответственности.

Вейтлинг вспыхнул, поднялся и заговорил неожиданно гладко и уверенно:

— Меня называют пустым и праздным говоруном! Меня,

которого знают все труженики Европы! Я собрал под одно знамя сотни людей во имя идей справедливости, солидарности и братства. Но вы не можете задеть меня, Маркс, своими нападками. Я вспоминаю сотни писем, полные благодарности, которые получаю из разных стран. Те, кто пишет их, а не вы, далекие от нужд народа, будут моими судьями, если понадобится. Моя работа среди понимающих меня тружеников значительно важнее всяческих кабинетных учений и критики, которые порождены незнанием бедствий народа и его нужды. Вы живете вдали от тех, кого хотите учить. Что вы знаете? Чем вы можете помочь народу?

При последних словах, произнесенных повышенным тоном, Вейтлинг закинул назад голову, взглянул на всех сверху вниз. Но вдруг он попятился и поспешно сел. Окончательно разгневанный его словами, Карл с такой силой ударил кулаком по столу, что замигала покачнувшаяся лампа.

— Никогда еще невежество никому не помогло!

Затем он встал, оттолкнув стул.

Тотчас же вслед за ним все поднялись со своих мест. На этом собрание закончилось, присутствовавшие на нем начали расходиться.

Павел Анненков задержался в Брюсселе и зачастил в уютный домик на улице Альянс.

Многократно, с чувством облегчения он покидал родину и странствовал по Европе. Душно было во всем мире, но совсем непереносимой казалась ему атмосфера в России. Анненков любил поговорить, не приглушая голоса и не оборачиваясь воровато по сторонам. Он стыдился страха, мелькавшего в душе опасения, что за высказанное либеральное слово его может ждать жестокая расплата, как то случилось уже со многими его друзьями.

Небогато одаренный творчески, он, однако, умел думать и отличать среди людей и идей самое высокое и передовое. Все поражало его в Марксе. Часами он готов был слушать его непреклонные высказывания, которые казались русскому свободомыслящему помещику радикальными, неоспоримыми приговорами над лицами и предметами. В Марксе и Энгельсе он нашел то, чего не было в нем самом и во многих его друзьях, оставленных в Петербурге и Москве, — единство слова и дела.

«Есть люди, — думал он, — которые чем ближе их узнаешь, тем кажутся они мельче и время, проведенное с ними, — потерянным. А Маркс как гора. Издалека не определить ее величины, а подойдешь — и видишь, что вершина уперлась в

самое небо».

Удивляла Анненкова и непосредственность, простота Карла. Случалось, придя к нему, русский литератор находил его резвящимся с детьми, похожим на шалуна мальчишку или увлеченно играющим в шахматы с Ленхен. Как радовался Карл, выигрывая партию!

— Поистине: великое просто, — говорил тогда Анненков.

Часто после очень скромного ужина Карл приглашал его в кабинет, где, куря сигары, они беседовали далеко за полночь.

Маркс не уставал спрашивать и слушать о далекой и загадочной России, стране рабовладельцев и самоотверженных революционеров, невежд и гениальных писателей.

— Я могу удостоверить, — рассказывал как-то Анненков Марксу, — что друг мой Белинский, о котором вы много уже слыхали, знает о вас и Энгельсе. «Немецко-французский ежегодник» тотчас же по выходе штудировался им с большой тщательностью. Причем, помнится, именно ваша статья «К критике гегелевской философии права» особенно заинтересовала Белинского и, я в этом уверен, придала ему бодрости и душевного веселья, открыв глаза на многое. Да и кто мыслящий может равнодушно пройти мимо таких изречений, как ваши. Я ведь многие знаю наизусть.

«Религия — это вздох угнетенной твари, сердце бессердечного мира, подобно тому как она — дух бездушных порядков. Религия есть *опиум* народа».

Цитируя Маркса, Павел Васильевич незаметно для себя придал голосу патетические интонации. Карл попытался перевести разговор на другую тему. Анненков продолжал спокойнее:

— Столь богато одаренный человек, как Белинский, не мог не понять всю значительность вашей статьи о гегелевских взглядах на мир. К несчастью, наши русские в пору правления Николая Палкина, и даже Белинский, не могут печатно сказать все то, что они думают. По мнению Белинского, которое он высказывал не раз друзьям своим, и мне в том числе, истина, если нельзя ее обнародовать и популяризировать, всего лишь мертвый капитал. В одном я уверен, если мучительная болезнь, подтачивающая Белинского, не убьет его вскорости, этот познавший столько бед и нищеты, безупречный, гениальный человек должен прийти к коммунизму…

Подолгу разговаривали Маркс и Анненков также о судьбах славянских народов.

1846 год был трудным В Ирландии множество людей умирало от голода из-за гибели картофеля от какой-го

диковинной болезни. Ирландцы питались мхом и травой, бросали обжитые места и бежали в города, где подбирали отбросы и рылись на мусорных свалках. Свыше 100 тысяч ирландцев отправились в Канаду и Соединенные Штаты на первых подвернувшихся кораблях.

Газеты сообщали, что войска русского царя Николая I ведут кровавые упорные бои с мусульманским вождем Шамилем в горах Кавказа, что в английский парламент подано 149 петиций. Полтора миллиона человек поставили под ними свои подписи. Народ требовал освобождения томящихся в тюрьмах чартистов..

В арендуемом зале, позади дешевого кафе, должно было состояться очередное собрание немецких коммунистов. Обычно там читались лекции по истории Германии или по политической экономии. Случалось, обсуждали статьи из газет и журналов, и нередко разгорались шумные споры.

Несколько десятков портных и их подмастерьев, в большинстве пылких приверженцев Вейтлинга, ножовщики, каретники, краснодеревщики и плотники, а также часовщики посещали эти собрания. В своих мастерских и на городских окраинах они, в свою очередь, объясняли простым людям, с которыми сводили их обстоятельства или случай, то, что сами узнали от своих земляков. Так непрерывно расширялись связи, прибывали новые силы.

Утописты, вроде дряхлого Кабе, обещавшие райскую жизнь в фаланстерах сказочной Икарии, давно потеряли власть над этими людьми, разуверившимися в легендах, какими бы упоительными они ни казались.

Рабочие, кто инстинктивно, вслепую, кто уже прозрев, искали выхода из западни, которой стала для них жизнь. Каждый день означал новые тяготы, а будущее казалось еще более угрюмым и безрадостным. Идеи коммунизма захватывали их сердца, недоверчивые, усталые, нередко изведавшие разочарования.

Иногда на собрания являлись полицейские и угрюмо выстраивались у входных дверей Но придраться им было решительно не к чему, и, тщетно пытаясь понять, о чем спорят эти ремесленники — в большинстве своем иноземцы, — полицейский комиссар разочарованно уводил блюстителей порядка. Случалось, что собрания проходили вяло и даже скучно, если ораторы повторяли общие слова о человечности, о терпимости, о смирении. Подобные речи напоминали церковные проповеди и усыпляюще действовали на слушателей, уставших после долгого рабочего дня.

В этот вечер Маркс и Вейтлинг вошли в зал собрания

одновременно.

Между тем в зале кто-то призывал к тишине. Сначала все шло по-обычному, спокойно и мирно. Оратор, портной, близкий друг Вильгельма Вейтлинга, говорил собравшимся о тяжелом положении своих собратьев по профессии.

— Хозяева открывают большие мастерские готового платья, и нам угрожает безработица. На машинах быстро шьют одежду. Я всю жизнь учился шить, а теперь любой неуч может сделать брюки. А как быть нам, умелым портным-одиночкам? Скоро у нас не останется заказчиков.

— Только и работы будет, что закройщикам! — закричали из рядов, где сидели портные и портняжьи подмастерья.

Вейтлинг, как всегда напомаженный и одетый в чрезмерно обтягивающий сюртучок, нетерпеливо мял в руках листок бумаги.

Беспокойство среди портных нарастало.

— Что же помалкивает доктор Маркс? — крикнул Вейтлинг, пряча карандаш. — Ведь он великий теоретик!

И прежде чем кто-либо успел опомниться, он вскочил на шаткую трибуну и закричал, багровея и дрожа, как всегда, когда он волновался:

— Карл Маркс, как средневековый алхимик, хочет обогатить рабочий класс и уничтожить власть денег и буржуазии. Он занимается всем: историей людей, историей революций, историей денег. Отлично! Похвально! Он ненавидит невежество. Конечно, где уж нам, пролетариям, знать пути обогащения и революций! Но пусть скажет мне доктор Маркс, почему сейчас, когда Вейдемейер нашел в Вестфалии издателей не только для Маркса и Энгельса, но и для целой библиотеки иных социалистических авторов, зачем он отбросил меня, Вейтлинга, рабочего, портного, от этого денежного источника? Разве мое учение не приносит пользы моим собратьям? Я рабочий и знаю, как помочь пролетариату. Почему я отвергнут?

Лицо Маркса потемнело, брови сошлись на переносице. Энгельс, чья выдержка и умение владеть собой поражали даже невозмутимых англичан, прикоснулся к его плечу большой сильной рукой и сказал по-английски:

— Спокойствие, друг.

Однако спор разгорался и захватил весь зал. Претензии Вейтлинга не встретили сочувствия. Собрание высмеяло его за игру в новоявленного пророка. Выступавшие обзывали его кто павлином, кто индюком, а кто апостолом Вильгельмом.

Через несколько дней Вейтлинг сидел в квартире Маркса, и Женни наливала ему третью чашку кофе.

Когда Карл, вернувшись домой, увидел Вейтлинга и узнал,

что тот крайне бедствует, он не закрыл перед ним ни двери своего дома, ни своего очень тощего кошелька.

Но вскоре, однако, наступил окончательный разрыв между Марксом и Вейтлингом. Карл простил ему личные нападки, но окончательно порвал с ним, когда Вейтлинг посягнул на общее дело коммунистов и нарушил единство.

Один из объявивших себя коммунистом, ученик Фейербаха, немецкий эмигрант Герман Криге, поселившийся в Нью-Йорке, стал издавать там еженедельник «Народный трибун». Все статьи в журнале и особенно статьи самого Криге вскоре начали позорить своей пошлостью и ничтожеством идею коммунизма. Он на все лады склонял слово «любовь», заменяя им слово «борьба».

Герман Криге, выдавая себя за литературного представителя немецкого коммунизма, одновременно ловко устраивал в Америке свои делишки. Он выпрашивал без всякого стыда у американских богачей деньги, писал немецким купцам жалобные прошения, обильно цитируя псалмы и проповеди о любви к ближнему. Купцы, впрочем, ему не отвечали. Они предпочитали квакеров этому любвеобильному и подражавшему сектантам «коммунисту».

В своем журнале «Народный трибун» Криге обращался к женщинам, обещая им любовью исцелить все социальные недуги и быстро осчастливить все человечество. Он писал, не смущаясь никакими слащавыми оборотами: «Женщины, вы — жрицы любви», — и объявлял любовь основой отношений между людьми.

Но возмутительней всего было обещание, которое «Народный трибун» давал в одной из своих статей: «Мы не хотим нарушать ничьей частной собственности; то, что ростовщик уже имеет, он может сохранить…»

11 мая у Маркса собрались коммунисты. Чтение статей из «Народного трибуна» заняло немного времени.

Затем Эдгар Вестфален сказал:

— Нам с Криге не по пути. Все высокопарные разглагольствования его напоминают религиозные проповеди. Он хочет быть пророком и превратить коммунизм в какую-то новую религию.

Эдгар под общее одобрение присутствующих прочел полный критический разбор материалов «Народного трибуна» и огласил документ, названный «Циркуляром против Криге».

Лишь Вейтлинг промолчал.

— Прошу еще внимания, — сказал резко Маркс. — Слушайте проект постановления…

«1) Тенденция, проводимая в «Народном трибуне» ее редактором Германом Криге, не является коммунистической.

2) Детски напыщенный способ, при помощи которого Криге проводит эту тенденцию, в высшей степени компрометирует коммунистическую партию как в Европе, так и в Америке, поскольку Криге считается литературным представителем немецкого коммунизма в Нью-Йорке.

3) Фантастические сентиментальные бредни, которые Криге проповедует в Нью-Йорке под именем «коммунизма», оказали бы в высшей степени деморализующее влияние на рабочих, если бы они были ими приняты.

4) Настоящее постановление вместе с его обоснованием будет сообщено коммунистам в Германии, во Франции и в Англии.

5) Один экземпляр посылается редакции «Народного трибуна» с требованием напечатать это постановление вместе с его обоснованием в ближайших номерах этой газеты».

Едва Карл закончил чтение, Энгельс решительно взял лист с резолюцией и подписался под ней первым. За ним последовали остальные. Один только Вейтлинг продолжал стоять у окна, то сдвигая, то раздвигая тяжелую полосатую штору.

— Очередь за вами, Вейтлинг, — сказал Вестфален, — ваша подпись будет девятой.

— Я не собираюсь подписывать эту резолюцию, — вызывающе бросил Вейтлинг. — Криге — искренний человек. Он добр к людям, он борется под лозунгом «Да здравствует любовь!». А вы все насмешники, неверующие, все разрушающие. Я повторяю его слова: «Мы принадлежим человечеству». Прощайте, наши дороги расходятся. Я еду в Америку, к тому, кого вы считаете моим единомышленником, к Герману Криге. Время скоро покажет, кто из нас настоящие коммунисты — вы или я, сын рабочего и подлинный рабочий.

Он поклонился на манер трагика из мелодрамы и вышел, неестественно подняв плечи и откинув светлые растрепавшиеся волосы.

— Мы сделали все за эти полгода, чтобы найти с ним общий язык, и не нашли, — тихо сказал Маркс. — Несмотря на природную одаренность и некоторую проницательность, он не смог подняться настолько высоко, чтобы увидеть завтрашний день и понять суть противоречий и борьбы.

Разрыв с Вейтлингом тягостно отразился на настроении Маркса. Наедине с собой он, как всегда в юности, беспощадно рылся в самом себе, проверяя, не сделал ли ошибки, не поддался ли мелкому чувству раздражения, которое должен был бы подавить. Он вспомнил о том, с каким радушием встретил Вейтлинга, как хотел помочь ему разобраться во всем, как

уговаривал подумать и понять свои заблуждения.

— Во мне, по-видимому, — сказал Карл Женни, — жило неосознанное до конца представление, что люди рабочего класса не должны ошибаться в силу условий, в которые они поставлены были с детства. Но это неверно. Они все тоже только люди и, как каждый из нас, могут заблуждаться. Вейтлинг — типичный сектант, а это никак не совместимо с коммунизмом. Идея коммунизма объемлет целые народы, а вокруг разных «пророков» будут всегда только одиночки.

Пролетарий, которого Карл хотел вооружить столь труднодобытым оружием, не только не взял его, но и пытался мешать ему. Это было еще одно предостережение, и Карл не без душевной боли вынужден был сделать из случившегося суровые выводы.

— Ты ведь любишь, Карл, повторять поговорку древних: «Подвергай все сомнению, прежде чем сделать окончательный вывод», — после долгого молчания сказала Женни. Как всегда, она поняла сразу все, что он пережил в этот вечер.

— Следует добавить: «Не делай исключения также и для самого себя», — улыбнулся Карл.

Кроме забот, связанных с революционной деятельностью, Маркса охватывало беспокойство из-за нарастающей нужды, в которой жила его семья.

Редкий день за обеденным столом Маркса не было нескольких нуждающихся рабочих и единомышленников. Они все знали, что последним грошом и куском хлеба всегда поделятся с ними Карл и Женни.

Вейтлинг не угомонился и принялся распространять всевозможную клевету об «отъявленных интриганах», как называл он тех, кто выступал против Германа Криге. Вейтлинг отправлял за океан редактору «Народного трибуна» в толстых конвертах самые гнусные обвинения и злостную ложь на недавних соратников. Его старания угодить противникам Маркса и Энгельса принесли ему приглашение в Нью-Йорк на пост редактора еженедельника «Народный трибун» Германа Криге.

Вейтлинг отбыл в Америку после того, как получил оттуда изрядную сумму денег на дорогу.

В эти дни осложнились отношения Маркса и с Прудоном.

Карл, Фридрих и их единомышленники создали коммунистические корреспондентские комитеты в Лондоне и Брюсселе. Такова была организация, объединявшая коммунистов. Только из Парижа не было еще регулярной информации. Карл написал Прудону письмо, в котором просил его взять на себя это

дело. Ответ пришел скоро. Прудон соглашался изредка писать обо всем происходящем в коммунистическом движении столицы, но поучал свысока Маркса.

«Я, — сообщал Прудон в своем заносчивом письме, — исповедую теперь почти абсолютный антидогматизм в экономических вопросах. Не нужно создавать хлопот человеческому роду идейной путаницей: дадим миру образец мудрой и дальновидной терпимости; не будем разыгрывать из себя апостолов новой религии, хотя бы это была религия логики и разума. Я предпочитаю лучше сжечь институт частной собственности на медленном огне, чем дать ему новую силу, устроив Варфоломеевскую ночь для собственников… Попутно я должен сказать вам, что намерения французского рабочего класса, по-видимому, вполне совпадают с моими взглядами…»

Итак, Прудон отрекался от идеи насильственной революции и превозносил теоретическую путаницу, которую Маркс считал наибольшей опасностью в борьбе за коммунизм. Прудон объявлял себя носителем каких-то всеобщих идей пролетариата, но жестоко ошибался. Французские рабочие хотели революции и шли к ней. Это видел Маркс, но не понимал Прудон, желавший сгладить все противоречия и договориться с теми, кого он называл «собственниками».

Карл, хотя и не раз сомневался в Прудоне, был ошеломлен ответом знаменитого теоретика. Неужели и этот рабочий не мог подняться выше уровня бунтующего ремесленника, выше пышноречивого мелкого труса? Что из того, что Прудон пролетарий, если он уводит своих братьев в трясину, из которой нелегко будет выбраться?

В своем письме Прудон сообщил также, что в книге, которую пишет, поведает миру, как разрешить проблему собственности. Когда его произведение, будет напечатано, он позволит Марксу обрушить на него «огонь и скалы». Он готов отразить любое нападение.

Карл, дочитав письмо до этого места, почувствовал, что в нем улеглась ярость. Как средневековый рыцарь, он поднял брошенную перчатку и стал готовиться к открытому бою, ожидая, когда будет издана книга Прудона.

Женни Маркс переживала тяжелые дни. Нужда в семье достигла таких размеров, что не было денег даже для уплаты Елене Демут за ее услуги. Мизерного заработка Маркса едва хватало на пропитание семьи.

— Что ж, — сказала Женни мужу, когда, уложив детей и уговорив Ленхен отдохнуть, осталась с ним наедине, — отныне я

сама буду нянчить детей, вести хозяйство и готовить пищу. В этом, милый Карл, нет ничего особенно трудного. Вот только меня тревожит, не отразится ли это на моей работе по переписке твоих сочинений, а также на корреспонденции с нашими друзьями по партии. Секретарских обязанностей становится все больше с каждым днем, и отказаться от них мне было бы тягостно.

На другой день Карл заговорил с Еленой о том, что они не хотят пользоваться ее трудом безвозмездно, а платить не имеют возможности и поэтому, несмотря на всю их привязанность, вынуждены с ней расстаться. Но Елена решительно отказалась покинуть своих друзей.

Никогда больше не поднимался вопрос о разлуке этих трех преданных друг другу людей.

Ожидаемая Карлом книга Прудона прибыла из Парижа. Она называлась «Система экономических противоречий», или «Философия нищеты».

Карл читал ее до поздней ночи, не отрываясь, жадно вникая в сущность высказываемых Прудоном мыслей и положений. Часто он нетерпеливо обводил карандашом целые абзацы, исписывал поля книги; случалось, он звал Женни, чтобы прочесть ей то, что казалось ему наиболее уязвимым, противоречивым и неправильным. Когда он дочитал, книга была подобна полю сражения.

— Книги — мои рабы и должны служить мне, как я хочу, — шутил нередко Карл и с глубоким убеждением в своей правоте подчеркивал на страницах фразы, отмечал то или другое слово. Как и во всем ином в жизни, Карл в чтении никогда не оставался равнодушным. Мысль его всегда была в движении и откликалась на все окружающее, на каждое печатное слово. Особенно не мог он оставаться безучастным к книге, пытавшейся утверждать политические и социальные взгляды, которые он считал ложными.

28 декабря 1846 года Карл писал Анненкову: «Вы уже давно получили бы мой ответ на Ваше письмо от 1 ноября, если бы мой книгопродавец не задержал присылку мне книги г. Прудона «Философия нищеты» до прошлой недели. Я пробежал ее в два дня… Признаюсь откровенно, что я нахожу в общем книгу плохой, очень плохой… Г-н Прудон не потому дает нам ложную критику политической экономии, что является обладателем смехотворной философии, но преподносит нам смехотворную философию потому, что не понял современного общественного строя в его сцеплении (engzénement), если употребить слово,

которое г. Прудон, как и многое другое, заимствует у Фурье».

Разобрав подробно сущность излагаемых Прудоном взглядов, Маркс писал о нем в заключение:

«Он, как святой, как папа, предает анафеме бедных грешников и поет славу мелкой буржуазии и жалким любовным и патриархальным иллюзиям домашнего очага. И это не случайно. Г-н Прудон — с головы до ног философ, экономист мелкой буржуазии».

Маркс намеревался принять вызов Прудона и вступить с ним в теоретический бой. Писать он решил на французском языке, чтобы Прудон мог в подлиннике прочитать эту работу, а главное — стремился помочь французским коммунистам в их борьбе с Прудоном. До сих пор, изучая Гегеля и Фейербаха, а также статьи Маркса и Энгельса, Прудону приходилось привлекать в качестве переводчиков Грюна и Эвербека. Маркс избавил его от этой необходимости. В своей книге о «Философии нищеты» Прудона он решил показать всю ограниченность его взглядов и опровергнуть доводы Прудона против коммунистической идеи.

— Пожалуй, следует назвать мою книгу «Нищета философии», — сказал Маркс. — Что ты скажешь об этом названии, милая Женни?

— Я нахожу это название очень метким, — подумав, ответила она. Женни всегда была советчицей мужа в подборе заголовков к его произведениям. На этот раз заглавие нашлось быстро.

«Труд г-на Прудона, — начинал свою книгу Маркс, — не просто какой-нибудь политико-экономический трактат, не какая-нибудь обыкновенная книга, это — своего рода библия; там есть все: «тайны», «секреты», исторгнутые из недр «божества», «откровения». Но так как в наше время пророков судят строже, чем обыкновенных авторов, то читателю придется безропотно пройти вместе с нами область бесплодной и туманной эрудиции «Книги бытия», чтобы потом уже подняться вместе с г-ном Прудоном в эфирные и плодоносные сферы *сверхсоциализма».*

Карл выступил хорошо вооруженный знанием политической экономии. Он внимательно перечитал сочинения Рикардо, который во многом ему в эту пору нравился. Но Маркс, изучая законы развития капиталистического общества, видел его неизбежный взрыв, в то время как для Рикардо капитализм был незыблемым и вечным строем.

В разделах своей книги, посвященных философии, Карл доказал, что история не бесформенный хаос.

Прудон в своем путаном и высокомерном произведении предлагал для преобразования общественного строя множество рецептов, перепевая английских социалистов. Прудон верил в

вечную справедливость и гармонию в современном буржуазном обществе. В действительности же мир походил на аквариум, куда бросили одновременно щук и карасей.

Карл утверждал, что положение Прудона о возможности обмена между людьми без всяких классовых противоречий выгодно только для буржуазии. Это иллюзия ослепляющая, а тем самым вредная для рабочих.

Охваченный высоким порывом, позабыв обо всем ином, Маркс весь отдался мышлению и творчеству.

«С самого начала цивилизации производство начинает базироваться на антагонизме рангов, сословий, классов, наконец, на антагонизме труда накопленного и труда непосредственного. Без антагонизма нет прогресса. Таков закон, которому цивилизация подчинялась до наших дней. До настоящего времени производительные силы развивались благодаря этому режиму антагонизма классов».

Одно открытие влекло за собой другое.

В конце концов, думал Маркс, подыскивая простые, понятные образы для своей книги, первоначально различие между носильщиком и философом было менее значительно, чем между дворняжкой и борзой. Пропасть между ними вырыта разделением труда.

Подойдя к книжной полке, Маркс отыскал томик Фергюсона, учителя Адама Смита. Перелистав давно знакомые страницы, Карл остановился на следующей фразе: «В такой период, когда все функции отделены друг от друга, само искусство мышления может превратиться в отдельное ремесло».

В памяти Маркса вставала вся история формирования человеческого общества. Тысячелетия назад не было на земле богатых и бедных, господ и рабов. Человек каменного века, живущий в пещере, первобытный скотовод, построивший первый шалаш, были равны между собой. Безыменные таланты изобретали и совершенствовали орудия труда. Шли века, и все менялось вместе со способом производства. Некогда не существовало различия между философом и человеком физического труда, но, думал Маркс, придет время, и черта, отделяющая труд физический от труда умственного, вновь сотрется.

Маркс далее писал, что разделение труда создало касты и принизило судьбу рабочего.

«Труд, — писал Маркс, — организуется и разделяется различно, в зависимости от того, какими орудиями он располагает. Ручная мельница предполагает иное разделение труда, чем паровая…

Машина столь же мало является экономической категорией, как и бык, который тащит плуг. Машина — это только производительная сила. Современная же фабрика, основанная на употреблении машин, есть общественное отношение производства…»

Прудон в наивном невежестве утверждал, что металлы золото и серебро были избраны как деньги по воле государей.

Маркс опровергал это ясными выводами своей всепроницающей аналитической мысли. «Деньги — не вещь, а общественное отношение», — заявлял он.

О коммунистической, конечной цели думал Маркс, когда доказывал, что правильная пропорция между предложением и спросом, о которой писал Прудон, станет возможной только в будущем. Буржуазия, ни с чем не считаясь, хищно стремится к прибылям. Она вслепую кидается навстречу сменяющимся непрерывно процветанию, депрессии, кризисам и подъемам и снова застою.

Ненаучной, мелкой, даже жалкой была та часть книги Прудона, где он выступал как философ. Эта область знания была наиболее изучена Марксом. Если к экономической науке он вплотную подошел недавно, хоть и отдался ей с присущей ему безудержной страстью и проник в самые недра, то философии он посвятил много лет, не одну бессонную ночь и неизмеримое количество умственной энергии.

Сначала подчинившись, потом преодолевая и поднявшись над Гегелем и затем над Фейербахом, этим «материалистом снизу и идеалистом сверху», Маркс определил, куда и как надо идти в теории и практике. Прудон же беспомощно барахтался в философских учениях и повторял с обычной самоуверенностью идеалистический постулат, что мир действительности является следствием мира идей.

Рядом с Марксом, который, подобно орлу, поднимающемуся в поднебесье, мог единым взором обозреть огромные пространства, Прудон, человек, стоявший по своему развитию выше многих людей своего времени, выглядел тем не менее лишь петухом, не имевшим крыльев — той силы, которая дала бы ему возможность взлететь.

Это был неравный бой. Маркс шутя сбивал спесь с важного и самоуверенного Прудона.

Глубокая убежденность, опиравшаяся на знания, анализ, кругозор делали Маркса скромным. Прудон вынужден был пыжиться, заранее защищая положения, которые, не имея достаточных научных обоснований, возводил на песке. Он мнил себя стоящим выше и буржуазных экономистов, которые

старались замазать все дурное в современном им обществе, и социалистов, обвинявших в несправедливости и неравенстве правящую буржуазию.

Карл, безукоризненно владевший диалектическим методом, понимал, что во всяком зле в какой-то мере может быть добро и в добре — зло. В каждой странице истории Карл без труда находил положительные и отрицательные стороны.

Карл тщательно следил за всеми процессами становления и постепенного укрепления буржуазии. В рамках одних и тех же отношений одновременно воспроизводятся и богатство и нищета. По тем же законам внутри буржуазного общества появляется и новый класс — пролетариат, а вслед за этим развивается неизбежная борьба между этими двумя классами. Экономисты являются в эти годы теоретиками буржуазии, коммунисты и социалисты — теоретиками пролетариата.

«…Но по мере того как движется вперед история, — отвечает Маркс Прудону, — а вместе с тем и яснее обрисовывается борьба пролетариата, для них становится излишним искать научную истину в своих собственных головах; им нужно только отдать себе отчет в том, что совершается перед их глазами, и стать сознательными выразителями этого. До тех пор, пока они ищут науку и только создают системы, до тех пор, пока они находятся лишь в начале борьбы, они видят в нищете только нищету, не замечая ее революционной, разрушительной стороны, которая и ниспровергнет старое общество. Но раз замечена эта сторона, наука, порожденная историческим движением и принимающая в нем участие с полным знанием дела, перестает быть доктринерской и делается революционной…».

Маркс писал «Нищету философии» на одном дыхании, весь охваченный нахлынувшими мыслями.

Женни называла это творческой, лихорадкой. Так оно и было на самом деле. Карл пожелтел от напряжения и долгих часов работы без свежего воздуха. И все-таки писал он необыкновенно быстро, поражая этим Энгельса. Обычно придирчивый к себе, он опять и опять переписывал и откладывал уже сделанное, а неудовлетворенная мысль его проникала все глубже и глубже в суть вопроса.

В смысле требовательности к себе Карл походил на средневекового поэта, о котором рассказывали, что он писал за столом, имевшим сто ящиков. Каждый раз, дополнив или исправив сонет, он перекладывал его дальше и считал оконченным лишь тогда, когда вынимал его из сотого ящика.

В этот период Маркс часто работал до глубокой ночи.

Давно уже спал Брюссель. На ратуше часы пробили три раза.

Маркс все еще сидел за письменным столом. Женни поднималась с постели, на цыпочках входила в кабинет мужа и садилась подле него. Свет лампы падал на склоненное лицо Карла, на его усталые веки. Женни вглядывалась в каждую новую морщинку на его лбу, вспоминая, когда она появилась впервые. Ей казалось, что в суете, в повседневных заботах она недостаточно уделяет ему внимания.

Нередко Карл работал до рассвета.

Еще раз определил он сущность земельной ренты и доказал, что это всего лишь та же феодальная собственность, перенесенная в условия буржуазного производства. В то время как Прудон с присущей ему самоуверенностью заявлял, что фабрика впервые возникла в результате простого сговора тружеников средневековых цехов, Карл, опровергнув это, доказал, что не цеховой мастер, а предприниматель-купец стал ее хозяином.

Карл высмеял также мнение, высказанное Прудоном, что конкуренция порождена человеческим характером и потому неизбежна, и заявил, что, появившись в XVIII веке, она может навсегда исчезнуть в последующие столетия, как только изменятся исторические потребности.

Пышное здание, построенное Прудоном, вся его беспомощная теория распалась на жалкие куски под ураганной силой мысли Маркса.

В самом конце своей книги Карл коснулся исторического значения протеста рабочих против гнета, который выражался в стачках и объединениях для совместной борьбы. Прудон не придавал стачкам и союзам рабочих никакого серьезного значения, оставаясь глухим к грому все более часто повторяющихся восстаний. Признав, что борьба за работу и кусок хлеба частично разделяет тружеников, порождая конкуренцию, Маркс доказывал, что у них всегда останется общая цель — заработная плата на сколько-нибудь приемлемом уровне. Необходимость сопротивления толкает рабочих к объединению в союзы, где выковывается теоретическое и практическое оружие для грядущих боев. Когда-то давно и буржуазия начинала с объединения против гнета феодалов. Так рождается класс, который потом, свергнув поработителей, сам становится у власти и создает новый строй.

Нарастающие противоречия между пролетариатом и буржуазией должны неизбежно привести к революции. Таков закон истории.

Всякое общественное движение не исключает политического, потому что нет политического движения, которое не было бы общественным. Только в бесклассовом обществе этого уже не

будет.

Так, подвергнув разрушительной критике идеалистический и метафизический метод Прудона, Маркс защитил и развил новое, научное, пролетарское мировоззрение. Он заложил основы новой политической экономии.

Закончил Маркс свое замечательное произведение словами Жорж Санд:

«Битва или смерть; кровавая борьба или небытие. Такова неумолимая постановка вопроса».

Адальберт фон Борнштедт переселился в Брюссель. Менее всего хотелось ему жить на родине, в Пруссии. Отношения его с прусской полицией после неудачного редактирования газеты «Вперед» испортились. Борнштедт все же непрестанно стремился иметь в своем распоряжении печатный орган. Этот с виду совершенно безучастный ко всему светский человек любил власть, которую дает живое слово прессы. Его прельщал непрерывный поток новостей, проносящийся через газету. Прусское и австрийское правительства высоко ценили его незаурядные способности. Как всякий одаренный шпион, он был также и актером, обладал даром перевоплощения. Взяв на себя какую-либо роль, он начинал верить сам, что это и есть его подлинная сущность.

Наконец ему удалось осуществить свое желание, и он начал выпускать два раза в неделю «Немецкую Брюссельскую газету». То, что Борнштедт резко изменил свои взгляды по сравнению с теми, которые он отстаивал раньше, никого не удивляло. Адальберт не пятился назад, не отступал, как филистеры вроде Руге, и Маркс охотно протянул руку тому, кто объявлял себя его единомышленником.

Борнштедт же по самому роду двойственной жизни хорошо разбирался в людях и был тонким психологом. Это было главным правилом игры, которая стала его жизнью. Знать людей не всегда для того, чтобы точно обрисовать их в секретных донесениях, но чтобы укрыться, не быть разоблаченным, — чрезвычайно важное свойство для тех, чьим вдохновителем становится Иуда. И это искусство маскировки в совершенстве постиг Борнштедт.

Он сумел обмануть даже Меттерниха и прусских профессионалов тайной полиции. Ему удавалось вводить в заблуждение всех, с кем он встречался, и уж особенно тех, на кого он старался произвести наилучшее впечатление.

Не люди, а одни секретные бумаги, которые он писал и отправлял в Австрию и Пруссию, могли раскрыть его истинное лицо.

Издатель «Немецкой Брюссельской газеты» понял, каким неоценимым кладом знаний и мыслей являются два молодых друга — Карл Маркс и Фридрих Энгельс.

Он не мог не оценить их политический темперамент, необычайный интеллект. Среди многих других Адальберт выделил Маркса и сделал все возможное, чтобы понравиться ему и привлечь к работе в газете. Перо такого человека, как Карл Маркс, подобно мощному крылу, высоко поднимало любое издание. И Борнштедт, ближе узнав Маркса, не только стал гордиться своим сотрудником, но и предоставил в его распоряжение всю газету.

Уже давно о Борнштедте говорили, что он провокатор. Но никаких фактических подтверждений не было. Многих политических деятелей противники пытались очернить такими наветами, поэтому Маркс и Энгельс не придали слухам о Борнштедте никакого значения. Они считали его честным человеком, хотя и непостоянным в своих политических убеждениях. А поскольку газета была им необходима, они охотно согласились принять в ней участие.

Маркс получил хорошую трибуну, откуда он и его единомышленники начали борьбу за свои взгляды. С помощью газеты они могли вмешиваться и направлять общественную жизнь не только немецких изгнанников, но также социалистов и коммунистов иных национальностей в Бельгии и других странах. Это дало им преимущество в спорах с «истинными социалистами» и буржуазными демократами.

Маркс с увлечением начал сотрудничать в «Немецкой Брюссельской газете». Многие статьи он писал вместе с Энгельсом, воюя с другими немецкими газетами, особенно с «Рейнским обозревателем», издававшимся в Кёльне. Этот город был дорог обоим. Карл провел в нем несколько лет и оставил там немало друзей, с которыми не терял живой связи и поныне. Он любил вспоминать кабачок возле сумрачного собора, где спорил до рассвета с Рутенбергом и Гессом. Да, Кёльн — веселый город, там живет крепкий народ, любящий песни и шутки.

В Кёльне теперь жил асессор консистории из Магдебурга, по имени Герман Вагенер, молодой человек с гладко прилизанными волосами и мыслями, усерднейший автор подстрекательских и витиеватых статей в «Рейнском обозревателе». Эта газета была реакционной и проповедовала феодальный, христианский социализм. Прусский мракобес Вагенер писал в «Рейнском обозревателе», что буржуазия доказала свое безразличие к нуждам простого народа, считая его не более чем пушечным мясом, годным для борьбы заводчиков против законной власти.

Иное дело юнкерство, дворянство. Вагенер пытался сделать рабочих оплотом прусского реакционного правительства.

А Маркс и Энгельс утверждали, что пролетариат не заблуждается ни относительно намерений буржуазии, ни юнкерского прусского правительства. Власть тех или других для рабочих — угнетение.

Не пощадили Карл и Фридрих и рассуждения Вагенера о преимуществах, христианства перед коммунизмом.

«Социальные принципы христианства, — писали они, — располагали сроком в 1800 лет для своего развития и ни в каком дальнейшем развитии со стороны прусских консисторских советников не нуждаются.

…Социальные принципы христианства проповедуют необходимость существования классов — господствующего и угнетенного, и для последнего у них находится лишь благочестивое пожелание, дабы первый ему благодетельствовал.

…Социальные принципы христианства превозносят трусость, презрение к самому себе, самоунижение, смирение, покорность, словом — все качества черни, но для пролетариата, который не желает, чтобы с ним обращались, как с чернью, для пролетариата смелость, сознание собственного достоинства, чувство гордости и независимости — важнее хлеба».

Дни в Брюсселе казались Женни слишком короткими — так много у нее было в то время дел. Переписка рукописей Карла, непрерывно возраставшая корреспонденция с единомышленниками в разных странах, деятельное участие в «Немецком рабочем обществе», членом которого она была, требовали много времени. Женни доставала книги для рабочих библиотек. Она помогала в устройстве общеобразовательных занятий для немецких изгнанников. И в то же время ей приходилось работать по подбору необходимых Карлу материалов, выписывать статистические таблицы по разным вопросам экономики. На столе Женни лежали вперемежку книги по философии, истории, стопки газет на нескольких языках и всегда много беллетристических книг, которые она читала вслух Карлу. Она иногда выписывала цитаты, которые затем использовал в своих работах Карл. Шамиссо и Жорж Санд, Гейне и Бальзак, Гёте и Шекспир не исчезали с рабочего столика Женни.

Женни много приходилось возиться с детьми, делить с Ленхен заботы о хозяйстве. Это было нелегким делом: денег не хватало на самое необходимое для возросшей семьи.

В течение дня гостеприимную квартиру обязательно посещал кто-либо из проживающих в Брюсселе или приезжих

единомышленников Маркса. И тогда Женни должна была принимать, а иногда и выслушивать гостя, так как Карл часто бывал занят срочной статьей, ответом на важное письмо или подготовкой к выступлению.

Нередко в этот год он болел из-за крайнего умственного переутомления. Тогда Женни неотступно была возле него. Она ждала третьего ребенка и старалась мужественно переносить недомогание, работала без устали. Превосходно владея собой, Женни всегда оставалась ровной, приветливой и веселой. В доме было как-то особенно уютно и царила атмосфера доброжелательства и спокойствия, столь необходимая Карлу, который уставал подчас так, что становился раздражительным.

Однажды Карл почувствовал себя столь плохо, что пришлось пустить ему кровь. Как всегда, когда Карл заболевал, Ленхен отправилась за доктором Брейером, хозяином домика, где они жили. Он явился немедленно и вытащил из кармана фуляровый платок, в котором лежал скальпель.

— Вот и снова, — сказал Брейер, — усиленная работа мозга привела к порче крови. Это, знаете ли, неизбежно.

Ученость лекаря не мешала ему совершать иной раз весьма тяжелые для пациента оплошности. Увлекшись рассуждениями о пользе кровопускания, он по ошибке вскрыл у Карла вену не на левой руке, как следовало, а на правой. Чтобы не тревожить рану, крайне сконфуженный эскулап запретил Карлу писать. Рана начала гноиться, и, к ужасу Женни, появился озноб. В течение нескольких дней положение Маркса внушало серьезные опасения, пока не наступило улучшение.

В это время в Брюссель приехал из сонного Нимвегена родственник Карла — жизнерадостный, розовощекий крепыш Лион Филипс. В семье Карла все любили этого молодого голландца. Для него же после монотонного быта родного города деятельная, насыщенная мыслями и спорами трудная жизнь Маркса была откровением, бурей, которая очищала воздух и обновляла душу.

Из-за мучительно ноющей руки Карл в течение нескольких дней был лишен возможности писать. Он стремился побольше читать, но Филипсу иногда удавалось все-таки уговорить его отдохнуть. Если дочери не гуляли или не спали, Карл возился с ними на ковре, изображая лошадку. Лион Филипс подсаживал трехлетнюю смуглянку Женни на спину Карла, и она принималась, заливаясь смехом, подталкивать его ножонками, требуя, чтобы он бежал быстрее. Малютка Лаура хотела тоже, чтобы ее развлекали. Она что-то лепетала и старалась догнать веселую кавалькаду. Лион Филипс подхватывал ее на руки и

подбрасывал кверху. В детской поднимался тогда веселый шум. По всему дому разносились мужские голоса. Женни тоже не могла оставаться равнодушной.

Из кухни прибегала Ленхен, чтобы посмотреть на взрослых, шаливших, как дети. В эти счастливые минуты совсем забывались все житейские трудности.

Когда Маркс возвращался в свою рабочую комнату, Филипс, прежде чем Карл возьмет какую-нибудь книгу и углубится в чтение, завязывал разговор. Все в мире казалось спокойному уроженцу Нимвегена крайне запутанным и сложным. Он не успевал освоить одну систему взглядов, как натыкался на что-нибудь новое.

Лиону Филипсу казалось, что вокруг него чудовищный, первозданный мир. «Где же кончается, — думал он — библейский хаос и появляется свет?»

— Видно, вся сумятица в философии порождена немцами! О какое счастье, что я голландец!

Вокруг Маркса в Брюсселе собралось немало коммунистов. К постоянному сотрудничеству в «Немецкой Брюссельской газете» Карл привлек Мозеса Гесса и Вильгельма Вольфа.

Прозванный Казематным Вольфом, Вильгельм Вольф недавно бежал из Германии за границу. Тюремное заключение в Силезии в течение более четырех лет подорвало его здоровье.

Вильгельм был бесстрашен, умен, великодушен. Жизнь его прошла в сплошной борьбе. Сначала нищета силезской деревни, где он родился, грозила навсегда впрячь его в подневольное ярмо. Но он решил бороться за право знать как можно больше. Откуда в маленьком пастушке, в босоногом крестьянском пареньке зародилась такая тяга к свету? Где взял он силы, чтобы, помогая с утра до ночи родителям в тяжелом деревенском труде, одновременно учиться грамоте? Не боясь ничего, без гроша в кармане пошел он в город.

Несомненно, Вильгельм был самородком. Воля его победила все препятствия, и он добрался до университета. Там он жадно взялся за изучение античных языков, трудов мыслителей и поэзии. История древних революций потрясла его. Он увидел окружающее иным и вознегодовал. С тем же несокрушимым упорством, с каким с детства боролся он с судьбой за возможность учиться, решил силезский крестьянин отстаивать права народа.

Вольф не застал уже в живых Бюхнера, не существовало и созданное им тайное Общество человеческих прав. Вильгельм отыскал бюхнеровское «Воззвание к крестьянам», а вскоре прочел и статьи Маркса и Энгельса. Всюду, где представлялась

возможность, Вольф выступал, резко критикуя деспотизм, бюрократию, жестокие законы цензуры, издевательство над рабочими и крестьянами родной Силезии. Правительство объявило его опасным демагогом и заточило в крепость; там он провел многие годы, хирея физически, но нисколько не ослабевая неукротимым духом. Выйдя на свободу, Вольф поселился в Бреславле и давал частные уроки. Одновременно он устным и печатным словом боролся за идеи свободы и революции. Против него снова создали дело по обвинению в призыве к подрыву существующего строя. Впереди снова встал призрак тюрьмы.

«Стоит ли ложиться живым в могилу, обрекать себя на тягостное и, главное, бесцельное умирание?» — думал Вольф и решил последовать совету друзей. С их помощью он тайно оставил родину.

Вольфу было 35 лет, когда в Брюсселе он встретился с Марксом.

К Марксу потянулся и однофамилец Вильгельма Вольфа, молодой Фердинанд Вольф, весьма способный и деятельный журналист.

Вскоре приехал из Англии и сблизился тотчас же с Карлом 25-летний Георг Веерт.

В отрочестве Веерт, родившийся в небогатой семье пастора, был отдан учеником к купцу. Торговый дом, куда поступил он, находился неподалеку от Эльберфельда — родного города Энгельса. Судьба свела Фридриха и Георга в Англии, где молодой Веерт служил комиссионером немецкой торговой фирмы в Бредфорде, в то время как Энгельс находился в соседнем Манчестере. Они встречались по воскресеньям и не могли наговориться. Тогда же они оба познакомились с чартистами, у которых многому научились.

В юности, посещая вольнослушателем Боннский университет, Георг познакомился с литераторами и поэтами. Сначала робко, затем все увереннее брался он за перо и нашел себя. Много переживший и передумавший, он не поддался ничьим влияниям; без труда отбросив приторные, лицемерные поэтические упражнения «истинных социалистов» и напыщенные, путаные литературные искания «Молодой Германии», Веерт легко, уверенно, самобытно писал стихами и прозой. Он был рожден для литературного творчества, имел свой, особенный голос.

Кроме этих людей, прошедших суровые испытания и отлично выдержавших их, у Карла в редакции и на дому постоянно бывали рабочие: наборщики «Немецкой Брюссельской газеты» Карл Валлау и Стефан Борн, портные, каретники, столяры, кузнецы. Не только немцы, но и участники революции 1830 года — бельгийцы

часто приходили и засиживались в уютной квартире Карла и Женин. Сблизились с Марксом бельгийские революционеры Жиго и архивариус городской библиотеки Тодеско. Маркс, Энгельс и Жиго возглавили первый Брюссельский коммунистический корреспондентский комитет.

Через коммунистические корреспондентские комитеты и друзей в эту пору непрерывно расширялись и завязывались новые связи с социалистами разных стран. По существу, это были первые звенья будущей партии.

В Германии находилось немало старых и новых единомышленников Маркса. Они сообщали обо всем, что печаталось в газетах и журналах, о событиях общественной и политической жизни и передавали полученные из Брюсселя ответы рабочим кружкам и сочувствующим интеллигентам разных городов.

Все больше возникало рабочих обществ среди ремесленников и пролетариев. Часто они собирались под видом певческих, музыкальных и общеобразовательных кружков. Но после хорового пения народных и патриотических песен собравшиеся принимались за обсуждение вопросов, гораздо более их волнующих, чем популярная песня «Заря, о заря» или романсы Шуберта и Шумана.

Подробно писал Карлу обо всем злободневном, о спорах и борьбе за единство среди коммунистов Кёльна его старый друг и соратник по битвам в «Рейнской газете» Георг Юнг.

Молодые начинающие врачи Роланд Даниельс и Карл Людвиг д'Эстер, жившие в Кёльне, разделяли взгляды Маркса. Оба они постоянно сообщали все самое важное в Брюссельский коммунистический корреспондентский комитет, но открыто коммунистической группы не создавали. Чрезвычайно осторожный, физически хрупкий, но волевой Даниельс сохранял полную конспирацию. Д'Эстера в Кёльне считали демократом, и он также не разглашал своих коммунистических воззрений. Маркс знал это и одобрял эту тактику, так как считал необходимым не отталкивать мелкую городскую буржуазию, к которой д'Эстер имел доступ.

В конце года, узнав о большом разброде среди социалистов в Париже, Маркс и его товарищи по комитету пришли к заключению, что в столицу Франции нужно поехать Энгельсу. Через несколько дней Фридрих уехал в Париж. Для него начались горячие дни. Он выступал с лекциями на различные темы перед немецкими тружениками в общинах «Союза справедливых», горячо отстаивая коммунистические идеи против извращений

вейтлингианцев и «истинных социалистов» — Карла Грюна и «папаши Эйзермана».

Особенно привержены к Вейтлингу были портные и их подмастерья. Они же отличались необычайной говорливостью и готовностью спорить до рассвета. Как-то Энгельсу пришлось присутствовать на их обсуждении будущего коммунистического общества.

Старик портной с седыми волосами бурого оттенка и длинным морщинистым лицом, говорил:

— Хотел бы я знать, как же будут при коммунизме устроены столовые? Вот, скажем, прихожу я обедать. Еды навалено всяческой сколько хочешь. Бери и жри. А что же насчет посуды? Ведь официантов не будет. И ложки, ножи, вилки все серебряные, лежат себе, бери кто хочет. Человек от рождения вор. Значит, он ложку эту и нож, поевши, в карман да и домой. Так, что ли?

— Правильно, — согласились присутствующие. Кто-то крикнул:

— Нужно страх божий иметь, иначе чем человека напугаешь!

— Вот я и думаю — вилки и ложки при коммунизме, — продолжал старый портной, — надо прикреплять к столам цепочками, а то иначе государству только и дела будет, что производить столовую посуду.

Столяры-краснодеревщики, ювелиры и кожевники отличались от портных значительно большей широтой понятий и охотно критиковали вейтлингианцев.

Обычно, возвращаясь домой после проведенного в кругу единомышленников или в споре с противниками вечера, Энгельс принимался за письма — сообщения Брюссельскому коммунистическому корреспондентскому комитету. На столе, где он писал, господствовал всегда образцовый порядок: стопками лежали книги и бумаги, которые следовало прочесть, и материалы для начатой статьи. Усаживаясь за письма в Брюссель, Фридрих радовался тому, что он как бы мысленно преодолевает расстояние и приближается к самым близким ему людям. Он все больше и больше привязывался к Марксу. У него вошло в привычку в частных письмах делиться с ним мыслями, планами и всем, что происходило в его личной жизни.

Брюссельские коммунисты были тесно связаны с революционной фракцией чартистов. Редактором чартистской газеты «Северная звезда» в Лондоне был радикальный демократ Джордж Юлиан Гарни, называвший себя Маратом. Он, а также Эрнест Джонс, долгое время живший в Германии и свободно владевший немецким языком, оказывали заметное влияние на революционную борьбу.

На заседаниях Брюссельского коммунистического корреспондентского комитета обсуждались вопросы социалистического движения не только Германии, но и Франции и Англии. В июле в связи с победой на выборах в палату общин любимца английских рабочих О'Коннора Маркс и Энгельс приветствовали его и всех чартистов с замечательным успехом.

В Англии в международную организацию «Братских демократов» входил также «Союз справедливых» во главе с Карлом Шаппером и Моллем, давнишними знакомыми Энгельса и Маркса.

Зимой 1847 года Иосиф Молль, человек среднего роста, но атлетической внешности, врожденный дипломат, знавший людей не хуже, чем каждую мельчайшую деталь часов, которые чинил с удивительным терпением, пересек Ла-Манш и прибыл в Брюссель. В первый же вечер после приезда он встретился с тремя членами Брюссельского комитета — Марксом, Вольфом и Жиго.

— Мы раздумывали, — медленно, степенно говорил им Иосиф Молль, — откуда могут доктора наук, белоручки, никогда не знавшие нашей нужды, почувствовать, какая мозоль болит у рабочего? Да и вы ведь тоже относились к нам с недоверием. Не отрицайте. Мы огрубели, но и толстая кожа чувствительна, и в кости зуба есть живой нерв. Мы казались кое-кому только бродячими подмастерьями. Верно, мы бродили в поисках хлеба насущного и истины. Англия и борьба чартистов многому учит рабочего, кто бы он ни был, хоть немец, хоть американец. Мы читаем то, что рассылает Коммунистический корреспондентский комитет, изучаем ваши статьи, многому научились у вас и предлагаем вам вступить в наш союз, так как разделяем все ваши научные взгляды. Мы хотим отныне работать и бороться за коммунизм вместе. Я говорю не от себя, а от членов нашего союза в Англии. Вот моя доверенность.

Молль подал лист добротной бумаги, на котором красивым четким почерком Карл Шаппер писал:

«Коммунистическому корреспондентскому комитету в Брюсселе. Подписавшиеся члены Лондонского корреспондентского комитета предоставляют Иосифу Моллю полномочия и поручения от их имени вступить в переговоры с Коммунистическим корреспондентским комитетом в Брюсселе и дать устный отчет о положении наших дел. Одновременно просим Брюссельский комитет доверить гражданину Моллю, который является членом здешнего комитета, переговоры по вопросам любой серьезности и сообщить все, что касается Лондонского комитета».

Документ был датирован 20 января 1847 года и подписан,

кроме Шаппера, еще четырьмя членами союза.

В последующих переговорах с Марксом все сомнения Молля окончательно рассеялись, и он продолжал настойчиво уговаривать членов Брюссельского комитета вступить в «Союз справедливых». При этом он рассказал, что Центральный комитет союза решил созвать конгресс, на котором будет оглашен особый манифест. В нем взгляды, отстаиваемые Марксом и Энгельсом, должны быть провозглашены как учение всего союза. Но ведь могут быть и возражения у наиболее отсталых и косных людей, и именно поэтому необходимы союзу такие опытные и хорошо вооруженные теорией бойцы, как Карл и Фридрих.

— Без вас нам трудно будет положить некоторых наших старых путаников на обе лопатки и заставить их задуматься. Мы отошли от утопических учений и будем строго придерживаться научного коммунизма, — сказал Молль. — Вы и Энгельс поможете нам. Есть у нас неплохие парни, бойцы, настоящие пролетарии, но за прошлые годы нагромоздилось столько всяких теорий, что у них в голове хаос. А терять их, отбрасывать нельзя. Если в союзе будут такие, как вы, мы сомневающихся парней легко выведем на прямую коммунистическую дорогу.

Из Брюсселя Молль поехал в Париж к Энгельсу.

Вскоре Маркс, Энгельс, Вольф и многие другие их единомышленники приняли предложение «Союза справедливых» и стали его членами.

Летом 1847 года в Лондоне состоялся конгресс «Союза справедливых». Карл не смог поехать из-за отсутствия денег. От Брюссельского комитета в Англию отправился Вольф, от Парижского — Энгельс.

На конгрессе был принят временный устав, переданный затем на обсуждение отдельных комитетов для окончательного утверждения. «Союз справедливых» по предложению Маркса и Энгельса переименовали в Союз коммунистов.

Он ставил перед собой великую цель — свержение власти буржуазии, установление господства пролетариата, образование нового общества — без классов и без частной собственности.

Прежний лозунг «Все люди — братья» был заменен. Новый призыв впервые появился ранней весной в первом номере «Коммунистического журнала». Он гласил: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Заседания конгресса проходили бурно. Среди лондонских коммунистов были приверженцы французского утописта Кабе, мечтавшие уехать в Америку и основать там сказочную страну Икарию.

Этьен Кабе писал: «Здесь нас преследуют и правительство, и духовенство, и буржуазия, и даже революционные республиканцы. Здесь нас поносят и клевещут на нас и всячески стараются уничтожить нас и физически и морально. Поэтому давайте покинем Францию и уедем отсюда в Икарию». Он предлагал устроить коммунистическую колонию за океаном и приехал в Англию, чтобы выступить в Лондонском просветительном обществе. Проект его был отклонен.

Карл зорко вглядывался во все происходящее в Европе и подмечал признаки быстро приближающейся революционной бури. По всей Западной Европе углублялся торгово-промышленный кризис. Он особенно тяжко отразился на жизни рабочих и ремесленников Англии, Германии и Франции. Мелкие и средние предприниматели вынуждены были закрывать свои предприятия и увольнять рабочих. Безработица увеличивалась с каждым днем. Год 1847-й был неурожайным в Европе, и нищета душила бедняков. Начался голод и с ним — болезни. От тифа вымирали целые селения в Германии и Франции. Цены росли. Наживались купцы и капиталисты, погибали неимущие. Вспыхивали голодные бунты. Народ громил булочные.

В больших промышленных городах происходили стачки, чреватые восстаниями.

Маркс и Энгельс не сомневались в близости демократической революции в Западной Европе. Они старались скорее и крепче сколотить революционную партию рабочего класса.

Союз коммунистов основал много просветительных кружков. Они должны были вести пропаганду политических идей, вовлекать новых членов, а также расширять знания рабочих, учить малограмотных чтению и письму, устраивать библиотеки.

«Немецкое рабочее общество», секретарем которого был Вольф, собиралось вечерами по средам и воскресеньям. В среду занимались обычно вопросами повседневных нужд рабочих и членов союза в частности. По воскресеньям бывали еженедельные обзоры политических событий, после которых члены общества пели, декламировали стихи и развлекались играми.

Рабочее общество нанимало для своих собраний большой светлый зал на первом этаже гостиницы «Лебедь». Кроме мужчин, членов общества, которых было не менее ста человек, в зале находилось обычно почти столько же женщин. Все чувствовали себя совершенно непринужденно.

Председатель общества Карл Валлау занимал место за столом на возвышении и призывал к началу собрания звонком в колокольчик.

Стихали говор, шутки, смех, и заседание начиналось.

В зале были люди разных национальностей. Кроме немцев, французов, итальянцев и бельгийцев, приходили поляки. В Брюсселе жил Иоахим Лелевель, один из самых смелых революционеров демократического крыла польской эмиграции.

Еще во время восстания 1830 года этот зрелый, тогда 45-летний человек выделялся среди тех, кто поднял знамя борьбы. Его боялись аристократы сейма. Лелевель критиковал узость взглядов шляхты и понимал, что восстание не было ни национальной, ни социальной революцией. Оно ничего не несло народу.

Лелевель призывал к оружию всех поляков без исключения, он требовал прав для всех национальностей, населяющих Польшу, добивался наделения крестьян землею. Он хотел превратить борьбу за независимость в войну за свободу, которая охватит всю мрачную, консервативную Европу. Нужды всех народов интересовали его не меньше, нежели народа польского. И, приближаясь к 60 годам, живя в изгнании в Брюсселе, Лелевель нисколько не постарел духом.

Часто на собрания приходил Энгельс. Как-то с ним вошла в зал молодая светловолосая женщина. Глаза ее искрились, она с нескрываемым любопытством смотрела на окружающих, громко смеялась и несколько раз непринужденно прижималась к Фридриху. Это была Мэри Бернс, переплывшая Ла-Манш, чтобы повидаться со своим будущим мужем.

Обычно выступая с речью, Вильгельм Вольф занимал место за деревянной конторкой с правой стороны возвышения. Он говорил ровным, несколько приглушенным голосом. Несмотря на то, что Вильгельм не прибегал ни к каким ораторским ухищрениям, не жестикулировал и не старался чеканной фразой, внезапной паузой привлечь к себе внимание, его речи увлекали слушателей. Не только простота изложения заставляла столь многолюдное и различное по составу собрание слушать его с неослабевающим вниманием. Вольф обогащал слушателей знаниями, фактами. Иногда он улыбался, и тогда лицо его молодело, становилось каким-то просветленным. Разглаживались морщинки на лбу, сияли глаза, и вся его душа, жаждущая добра и счастья для всех в мире, открывалась в улыбке.

Вольф рассказывал о том, что происходит в эти дни в Ирландии, помогал разобраться, в чем состоят социальные противоречия во Франции и в чем двуличие германского правительства; зачем пытается прусский король столкнуть рабочих с богачами; он объяснял собравшимся, что дал английским работницам и подросткам закон о 10-часовом

рабочем дне, принятый парламентом в результате многолетней упорной борьбы.

Вскоре после окончания первого конгресса Союза коммунистов Энгельс приехал в Брюссель. Совместно с Карлом он организовал местную общину союза, председателем которой был избран Маркс.

В конце сентября, когда воздух Брюсселя особенно прозрачен и на аллее Луизы ветер срывает и кружит листья лип, кленов и каштанов, таких же золотисто-красных, как покатые черепичные крыши строгих и узких домов, Карл уехал в Голландию. Здесь он должен был получить свою долю наследства после смерти одного из родственников матери.

Фридрих остался в Брюсселе. Как-то утром он неожиданно получил приглашение на банкет. Чтобы отвлечь подозрения полиции, революционеры собирались для деловых встреч и пропаганды под предлогом банкетов в специально нанятых залах гостиниц или трактиров. Однако Энгельс тотчас же понял, что на этот раз встреча предстоит иная. Его приглашал Борнштедт.

Адальберт фон Борнштедт не скрывал больше своего недовольства «Рабочим обществом» и особенно деятельностью в нем Маркса и Энгельса. Предоставив Карлу газету, он не предвидел, что из этого получится. Маркс и Энгельс с его помощью разожгли неугасимый огонь действенного коммунизма!

Адальберт и кое-кто из немецкой колонии — зажиточные люди и умеренные демократы Зейлер, Гейльберг и другие, обиженные тем, что на них не раз обрушивались Маркс и Энгельс за их политическое непостоянство и колебания, — решили подвести подкоп под «Рабочее общество», создав другое, благонамеренное и чинное, и тем самым ослабить влияние Маркса.

В эти дни Борнштедт впал в уныние, и бесстрастное лицо его,

похожее на гипсовую маску, еще более вытянулось. Впервые не удалось ему обвести вокруг пальца нужных людей. Не только издаваемая им «Немецкая Брюссельская газета» ушла из-под его надзора, но и в «Рабочем обществе» он не сумел приобрести никакого влияния. Тщетно желая заручиться доверием и стать своим, он подарил «Немецкому рабочему обществу» 26 книг для библиотеки и 27 географических карт. Рабочие приняли дары с благодарностью, но и только. Они не избрали его за это в почетные члены, не сделали руководителем союза, не поставили его бюст, как это было принято.

Наоборот, чем больше старался нравиться рабочим Борнштедт, тем сильнее вызывал он у них недоверие и настороженность. Здоровое природное чутье подсказывало им, что этот прикидывающийся другом человек относится к ним крайне высокомерно.

Кандидатура Борнштедта при вступлении в общество должна была обсуждаться по докладу наборщика издаваемой им газеты Карла Валлау точно так же, как и любого столяра, каретника или другого ремесленника. Адальберт бесился и, объединив недовольных, решил нанести удар в спину общества. Он выждал время, когда Маркс уехал в Голландию, и начал действовать.

Вскоре стало известно, что Борнштедт устраивает интернациональный банкет.

Обдумывая все, чем мог быть вызван этот банкет, Энгельс окончательно утвердился в своих подозрениях относительно интриг Борнштедта и поспешил к Вильгельму Вольфу. Туда же пришел и Карл Валлау.

Председатель и секретарь общества вместе с Фридрихом решили, что пойти на банкет необходимо не только им, но и еще нескольким рабочим. Нужно было быть готовыми ко всему и поддержать бельгийцев против буржуазных демократов. Тридцать человек из «Немецкого рабочего общества» изъявили желание быть ради этой цели на банкете.

В понедельник, 27 сентября, Вольфу удалось узнать, что задумал Борнштедт. Устроители предполагали организовать международную «Демократическую ассоциацию». Почетным председателем должен был быть избран столь же престарелый, сколь и прославленный участник бельгийской революции 79-летний генерал Меллине. Действительным же главой ассоциации намечался Жотран, красноречивый, влиятельный бельгийский адвокат. Из двух вице-председателей один должен быть немцем и желательно рабочим.

Энгельс тотчас же предложил Карла Валлау, но кандидатура его отпала, так как наборщик не говорил по-французски, что было

обязательным условием избрания в руководство международной ассоциации. Сколько ни уговаривал Фридрих Вольфа заменить Валлау ради пользы общего дела, тот решительно отказался.

— Вице-председателем должен быть ты, Энгельс, — настаивал Вильгельм.

— У меня, увы, слишком моложавый вид.

— Это не довод. Мы можем подвергнуться разным случайностям. Дело придется иметь с такими ловкими интриганами, как Борнштедт и его клика, ты справишься.

Энгельс согласился.

Зал для банкета был нанят в трактире «Льежец» на узкой длинной площади Дворца юстиции.

Фон Борнштедт, главный устроитель и хозяин вечера, пришел задолго до назначенного часа и с необычайным для него оживлением принялся распоряжаться кельнерами, расставлявшими по его указанию вазы с цветами и фруктами и вина на длинных столах, образующих букву «П». Наконец появились и приглашенные: поляки, итальянцы, бельгийцы, немцы. При виде Энгельса и его друзей фон Борнштедт едва смог замаскировать свою тревогу.

— Посмотри на Борнштедта, — сказал Фридрих Вольфу, — как он хлопочет, подбегает то к одному, то к другому из присутствующих, явно интригует.

Наконец все 120 гостей уселись за стол, и начались тосты. Пили стоя за мучеников свободы, за братство и равенство. Единственный присутствующий на банкете русский предложил тост за революцию и гибель деспотизма.

Энгельс, вскинув красивую голову, поднял бокал в память Великой французской революции. Языки развязались, становилось все шумнее и шумнее.

Швейцарцы чокались с итальянцами, немцы — с поляками, французы пылко обнимали бельгийцев. Ораторы говорили по-фламандски, по-французски, по-немецки, по-польски, обращались к народам Англии, России, Бельгии и Германии, призывали их объединиться и установить справедливость и свободу.

Когда речи закончились и собравшиеся принялись за десерт и кофе, фон Борнштедт заявил, что следует начать выборы членов организационного комитета, и выдвинул вице-председателем от немцев Карла Валлау. Вильгельм Вольф тотчас же поднялся и предложил кандидатуру Энгельса. Имя это присутствующие встретили шумными аплодисментами. Взбешенному фон Борнштедту ничего не оставалось, как притворно улыбаться.

Дальше выборы пошли гладко.

По случайному стечению обстоятельств на другой день после

банкета фон Борнштедт должен был быть принят в члены «Рабочего общества». Вот что рассказал об этом Энгельс 30 сентября в письме Марксу:

«…Речь зашла о приеме Борнштедта… Первым встал Гесс и предложил Борнштедту два вопроса относительно собрания в понедельник. Борнштедт в ответ на эти вопросы отделался ложью, а Гесс был настолько слаб, что объявил себя satisfait[8]. Юнге напал на Борнштедта лично по поводу его выступления в обществе… Выступали еще многие другие. Одним словом, упоенному победой господину фон Борнштедту пришлось пройти сквозь строй. С ним рабочие обращались очень плохо, и он был так потрясен, — он, который своими книжными дарами считал себя от всего огражденным, — что он мог отвечать только слабо, уклончиво, сдержанно… Тогда выступил и я, разоблачив всю интригу… опроверг все увертки Борнштедта одну за другой и, наконец, заявил: Борнштедт вел против нас интриги, хотел составить нам конкуренцию, но мы победили и поэтому можем теперь допустить его в общество. Во время речи, — это была самая лучшая, какую я когда-либо произносил, — меня часто прерывали аплодисментами, особенно, когда я сказал: «эти господа думали, что победа уже на их стороне, потому что я, их вице-председатель, ухожу, но они не подумали о том, что между нами есть еще один, которому это место принадлежит по праву, — единственный, который может здесь в Брюсселе быть представителем немецких демократов, это — Маркс», — тут раздались громкие аплодисменты… Наши рабочие во всей этой истории вели себя прекрасно… они отнеслись к Борнштедту с величайшей холодностью и беспощадностью, и когда я закончил свою речь, то в моей власти было провалить его огромным большинством… Но мы поступили с ним хуже, мы приняли его с позором. На общество эта история произвела прекрасное впечатление; в первый раз наши рабочие сыграли роль, овладели митингом, несмотря на все интриги, и призвали к порядку человека, который хотел перед ними важничать. Только несколько приказчиков и т. д. и т. д. были недовольны, масса полна энтузиазма по отношению к нам. Они почувствовали, какую они представляют силу, когда они объединены».

Одновременно Энгельс написал письмо Жотрану с отказом ввиду скорого его отъезда от поста вице-председателя организационного комитета ассоциации.

Через полтора месяца после организации «Демократической ассоциации» Маркс и Эмбер были избраны ее вице-председателями. Устав этого общества подписали около 60 бельгийских, польских, французских и немецких демократов.

Кроме Маркса, из немцев его подписали Георг Веерт, Мозес Гесс, Вильгельм Вольф, Фердинанд Вольф, Стефан Борн и Адальберт фон Борнштедт.

В сумрачный осенний вечер Карл по дороге в Лондон остановился в Остенде. У самого вокзала, против бассейна, находился отель «Корона», где его ждал Энгельс. На другой день оба друга отправились в Дувр. Вместе с Фридрихом он готовился к участию в работах второго конгресса Союза коммунистов. На нем предстояло утвердить устав и обсудить новую программу.

Кроме того, Карл должен был как специальный представитель «Демократической ассоциации» выступить с приветствием на митинге, посвященном годовщине польского восстания 1830 года.

Митинг происходил в зале собрания «Лондонского просветительного общества немецких рабочих», основателями которого 7 лет назад были учитель Шаппер, сапожник Бауэр и часовщик Молль, недавно побывавший в Брюсселе.

Собравшиеся узнали Маркса и встретили его бурными возгласами и громкими аплодисментами.

— Старая Польша, несомненно, погибла, — сказал Карл, поднявшись на трибуну. Его мощный голос разносился по всему залу. Смуглое лицо и блестящие глаза оратора приковывали к себе внимание присутствующих. — И мы меньше чем кто-либо хотели бы ее восстановления. Но погибла не только старая Польша. Старая Германия, старая Франция, старая Англия — все старое общество отжило свой век. Гибель старого общества не является потерей для тех, кому нечего терять в этом обществе, а во всех современных странах в таком положении находится огромное большинство.

Затем Карл объяснил, что освобождение угнетенных трудящихся связано с победой пролетариата над буржуазией, и в какой бы стране ни победил рабочий класс, он поможет всем порабощенным народам. Если бы в Англии чартисты взяли власть, это было бы началом освобождения всех других пролетариев, где бы они ни находились, всех народов вообще.

Закончив свою речь, Карл под возгласы одобрения вручил адрес от «Демократической ассоциации» «Братским демократам».

Затем на трибуну вышел Энгельс. И когда он четко и громко сказал: «Никакая нация не может стать свободной, продолжая в то же время угнетать другие нации», — англичане, поляки, французы, бельгийцы, немцы, итальянцы встретили его слова шумным одобрением. Полное сердечное согласие утвердилось между представителями многих наций на этом собрании. В знак единства Гарни и Энгельс предложили приветствовать демократические газеты — английскую «Северную звезду»,

французскую «Реформу» и «Немецкую Брюссельскую газету», и тогда трижды ураганом разразились аплодисменты. Все присутствующие, встав и обнажив головы, начали петь «Марсельезу». Голоса сливались, как сердца всех присутствующих здесь простых людей.

Сразу же после митинга в том же помещении начался второй конгресс Союза коммунистов.

Горячие споры об уставе и программе длились более десяти дней. В завершение дебатов Марксу и Энгельсу поручено было изложить принципы коммунизма в форме манифеста.

Первоначальные названия его — «Исповедание веры» и «Катехизис» — были отброшены. Энгельс предложил назвать важнейший документ «Манифестом Коммунистической партии», Карл поддержал его.

Перед тем как отправиться в Брюссель, два друга побывали в Манчестере. Пока Фридрих выполнял поручения отца, Маркс проводил многие часы в библиотеке.

Он и на этот раз перечитал множество книг, просмотрел и «Политическую справедливость» Годвина, под влиянием которой сложились взгляды Оуэна. Очень образованный, дерзко мыслящий, Годвин большую часть жизни был обречен идти одиночкой, своим особым путем.

«Бытие определяет сознание и формирует человеческий характер», — писал в своей нашумевшей книге ученик Гольбаха и Локка. «Добродетель и грех — не следствие врожденных свойств, а следствие обстоятельств…»; «Инстинкты и наследственность едва ли существуют и уж, во всяком случае, не играют решающей роли в формировании человека…»; «Вещи должны принадлежать тем, в чьих руках они наиболее продуктивны…»

Эти замечательные мысли Годвина нравились Марксу.

Маркс пытливо присматривался к быту и нравам англичан.

Англия — колыбель предельного, крайне суженного бытового индивидуализма. Поблекшее, воинственное слово «независимость» воспринято гражданами ее величества как возможность не знать своего соседа. Мистер Браун гордится тем, что после сорока лет жизни стена к стене, коттедж к коттеджу не знаком с мистером Смитом.

Маркс и Энгельс были люди веселые, приветливые, простые в обращении с окружающими. Перед ними открывались даже самые замкнутые души. Их приглашали в самые чопорные дома мелких буржуа. Им говорили:

— Мы, хвала небу, не нуждались в соседских услугах, будучи людьми достаточно обеспеченными для независимости. В наших

домах есть все, чтобы не одалживаться и не мешать друг другу.

Гораздо чаще, чем у буржуа, Карл и Фридрих бывали на окраинах Манчестера и Лондона в жилищах рабочих. Здесь они увидели много горя я неописуемую нищету. И все же здесь дышалось легче и люди не прятались друг от друга, как трусливые улитки.

Однако не быт англичан, а главным образом экономика передовой промышленной и колониальной страны, глубокие классовые противоречия и поднимающееся рабочее движение привлекали внимание Маркса. Но пребывание в Англии и на этот раз было очень недолгим. Вскоре Маркс возвратился в Брюссель, а Фридрих направился в столицу Франции.

Энгельс пробыл в Париже месяц. Во всех слоях населения страны росло недовольство. Заводчиков и фабрикантов стиснули со всех сторон банкиры, опиравшиеся на короля и его правительство. Народ изнемогал от нищенской зарплаты при 12–14-часовом рабочем дне. Всесильный любимец короля Гизо стал ненавистен очень многим. Но он был убежден, что с помощью оружия удержит Францию в повиновении королю, забыв слова ловчайшего из политиков — Талейрана, что штыками можно добиться всего, но сидеть на них нельзя.

Многие вечера в зиму 1847 года Фридрих провел на собраниях рабочих и ремесленников. Он рассказывал о том, что происходило на Лондонском конгрессе; иногда ему приходилось жестоко спорить с противниками коммунизма.

Как по шелесту листьев в кроне деревьев опытный лесничий определяет приближение бури, Энгельс предвидел по многим приметам в политическом жизни и экономике, что близок новый подъем революционного движения.

Встретить новый, 1848 год Энгельс решил на банкете немецких революционных эмигрантов в Париже. Банкеты тогда вошли в моду во всех слоях общества.

Революционная пропаганда Энгельса давно уже беспокоила французские власти. В конце января он получил предписание под угрозой выдачи его Пруссии в течение суток покинуть Париж. Поздней ночью полиция ворвалась к нему на квартиру и потребовала немедленного выезда из страны. Одновременно были арестованы многие немецкие рабочие-эмигранты. Всем им предъявили обвинение в пропаганде коммунизма. 31 января Фридрих приехал в Брюссель.

Тем временем Маркс заканчивал «Манифест Коммунистической партии», работал вдохновенно и самозабвенно. Каждое положение этого документа было

выношено им давно. Но он отчеканил заново многие мысли.

Среди заметок о заработной плате в тетрадке, помеченной декабрем 1847 года, которой он пользовался как конспектом при чтении популярных лекций, у Маркса было записано:

«…все так называемые высшие роды труда — умственный, художественный и т. д. — превратились в предметы торговли и лишились, таким образом, своего прежнего ореола. Каким огромным прогрессом явилось то, что все функции священников, врачей, юристов и т. д., следовательно, религия, юриспруденция и т. д., стали определяться лишь преимущественно по их коммерческой стоимости!»

Это чудесное сырье дум и выводов превратилось в чеканную фразу «Манифеста». Маркс писал о современной буржуазной власти, что «…врача, юриста, священника, поэта, человека науки она превратила в своих платных наемных работников».

Карл работал медленно, без конца переделывая фразы и отбрасывая то, что казалось ему излишним. Каждую мысль, слово он подолгу отбирал, испытывал и шлифовал, как самый терпеливый и придирчивый из гранильщиков драгоценных камней. Он создавал непревзойденный по образности, точности и яркости документ, как произведение искусства, из одного целого.

Женни снова и снова переписывала его рукопись и то дивилась, то принималась роптать:

— Сколько же раз можно заново оттачивать, уточнять смысл, заменять то или иное слово? Когда же ты будешь, наконец, доволен сделанным? Я переписываю весь текст уже третий раз, а отдельные страницы — без счета.

Время шло. В Лондоне, в Союзе коммунистов начали уже сомневаться, выполнят ли Маркс и Энгельс свое обещание.

И, наконец, настал незабываемый час, когда Женни кончила переписывать рукопись. Первые слова ее звучали как вдохновенная поэтическая строфа:

«Призрак бродит по Европе — призрак коммунизма, — произнесла Женни вслух первые слова «Манифеста». — Все силы старой Европы объединились для священной травли этого призрака: папа и царь, Меттерних и Гизо, французские радикалы и немецкие полицейские».

«Манифест Коммунистической партии», законченный в последние дни января 1848 года, был направлен в рукописи в Лондон, в распоряжение Центрального комитета Союза коммунистов.

Недавний знакомый Маркса и Энгельса портной Фридрих Лесснер, деятельный коммунист, по прибытии рукописи тотчас же отнес ее в одну из лондонских типографий.

«Манифест Коммунистической партии» вышел из печати в конце февраля 1848 года. В книге было 23 страницы. Имена авторов — Маркса и Энгельса — в этом издании не были указаны.

Manifest

der

Kommuniſtiſchen Partei.

Veröffentlicht im Februar 1848.

Proletarier aller Länder vereinigt euch.

London.

Gedruckt in der Office der „Bildungs-Gesellschaft für Arbeiter"

von J. E. Burghard.

46, Liverpool Street, Bishopsgate.

Обложка первого издания «Манифеста Коммунистической партии».

«Манифест» явился первым программным документом

марксизма. В нем в сжатой и яркой форме изложены основные идеи научного коммунизма, открыто провозглашены конечные цели борьбы пролетариата. С гениальной ясностью, вдохновенным, звучащим, как стихи, словом Маркс и Энгельс обрисовали в этом произведении новое миросозерцание, последовательный материализм, охватывающий также и область социальной жизни; диалектику, как наиболее всестороннее и глубокое учение о развитии; теорию классовой борьбы и историческую революционную роль пролетариата.

В первой главе «Манифеста», озаглавленной «Буржуа и пролетарии», рассказывается о сути капиталистического способа производства, эксплуатации, обнажены язвы и непримиримые противоречия капитализма, научно обоснована неизбежность его гибели, указан путь к новому общественному строю — социализму. Маркс и Энгельс писали, что вся история общества, за исключением первобытно-общинного строя, была историей борьбы классов. Буржуазное общество расколото на два враждебных друг другу основных класса — буржуазию и пролетариат.

За сравнительно короткий срок капитализм ценой грабежа, разбоя, безудержной эксплуатации пролетариев развил мощные производительные силы, создал более совершенную, чем при феодализме, технику; возникло крупное машинное производство, образовался мировой рынок. Деревня была подчинена буржуазией господству города. Капиталисты устремились в самые отдаленные страны. Экономически господствующий класс захватил также и политическое господство и сделал государственную власть орудием для осуществления корыстных классовых интересов буржуазии, для подавления трудящихся.

Но капиталистическое общество, как это научно показали Маркс и Энгельс в «Манифесте», в себе самом таит непримиримые внутренние противоречия, которые делают неизбежным его гибель. Буржуазные производственные отношения стали узкими для дальнейшего развития производительных сил, они превратились в тормоз, в препятствие дальнейшему росту производства. Об этом свидетельствуют экономические кризисы, неизбежно возникающие в результате основного противоречия капитализма, вскрытого Марксом, — противоречия между общественным характером производства и частной формой присвоения.

Буржуазия стала реакционным классом, задерживающим прогресс общества. Но сам капиталистический строй уже породил людей, которые направят свое оружие против буржуазии — современных рабочих, пролетариев.

В «Манифесте Коммунистической партии» раскрыта и всесторонне обоснована роль рабочего класса, как могильщика капитализма и создателя коммунистического общества, как единственного до конца последовательного революционного класса.

«Из всех классов, которые противостоят теперь буржуазии, только пролетариат представляет собой действительно революционный класс. Все прочие классы приходят в упадок и уничтожаются с развитием крупной промышленности, пролетариат же есть ее собственный продукт».

Первая глава заканчивается гениальным научным предвидением о неизбежности ниспровержения капитализма и торжестве пролетариата. Гибель буржуазии и победа рабочего класса, писали Маркс и Энгельс, одинаково неизбежны.

В главе «Пролетарии и коммунисты» говорится о том, что у коммунистов, являющихся беззаветными, самоотверженными борцами за дело пролетариата, нет никаких интересов, отдельных от интересов всего пролетариата в целом. На практике они являются самой решительной, всегда побуждающей к движению вперед частью рабочих партий всех стран, а в теоретическом отношении у них перед остальной массой пролетариата преимущество в понимании условий, хода и общих результатов пролетарского движения.

Одна из центральных идей «Манифеста» — это идея диктатуры пролетариата, являющаяся главной в марксизме. Маркс и Энгельс указывают: «первым шагом в рабочей революции является превращение пролетариата в господствующий класс, завоевание демократии.

Пролетариат использует свое политическое господство для того, чтобы вырвать у буржуазии шаг за шагом весь капитал, централизовать все орудия производства в руках государства, т. е. пролетариата, организованного как господствующий класс, и возможно более быстро увеличить сумму производительных сил».

В «Манифесте» Маркс и Энгельс подвергли уничтожающей критике современные им реакционные буржуазные и мелкобуржуазные течения, а также различные формы реакционного социализма: феодальный социализм, мелкобуржуазный социализм, так называемый немецкий, или «истинный», социализм. В «Манифесте» разоблачен консервативный, или буржуазный, социализм Прудона. Маркс и Энгельс высказали свое отношение также и к различным системам утопического социализма, показали их нереальность и в то же время вскрыли то рациональное, что содержалось во взглядах социалистов-утопистов — Сен-Симона, Ш. Фурье, Р.

Оуэна.

«Манифест Коммунистической партии» охватил все области политической и социальной жизни мира.

Гордым призывом к пролетарской революции заканчивается этот гениальный исторический документ:

«Пусть господствующие классы содрогаются перед Коммунистической Революцией. Пролетариям нечего в ней терять кроме своих цепей. Приобретут же они весь мир».

Каждая высказанная в «Манифесте» мысль Маркса и Энгельса о будущем счастливом бесклассовом коммунистическом обществе принадлежит вечности.

Очень скоро после выхода в свет «Манифеста» рабочие узнали и оценили его. Они зачитывались маленькой книжечкой в зеленой обложке. Ее читали вслух для тех, кто не был еще достаточно грамотен. Каждое слово «Манифеста» звучало для всех как откровение:

«…Общество все более и более раскалывается на два большие враждебные лагеря, на два большие, стоящие друг против друга, класса — буржуазию и пролетариат…

…Современная государственная власть — это только комитет, управляющий общими делами всего класса буржуазии…

…В ледяной воде эгоистического расчета потопила она священный трепет религиозного экстаза, рыцарского энтузиазма, мещанской сентиментальности. Она превратила личное достоинство человека в меновую стоимость и поставила на место бесчисленных пожалованных и благоприобретенных свобод *одну* бессовестную свободу торговли.

…буржуазия не только выковала оружие, несущее ей смерть; она породила и людей, которые направят против нее это оружие, — современных рабочих, *пролетариев».*

«Манифест Коммунистической партии» учил борьбе и победе.

И, — улыбаясь, как улыбаются узники, когда, наконец, перед ними открываются ворота тюрьмы, рабочие повторяли:

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

В те же дни мир обошла весть о начавшемся восстании в Париже. Пал трон Луи Филиппа. Революция смела буржуазно-королевскую власть и, как огонь по сухой траве, перекинулась в Бельгию. Король Леопольд I сумел хитростью и, главное, уступчивостью предотвратить свое падение. Он созвал либерально настроенных министров, депутатов парламента и мэров городов страны и заявил, что немедленно подчинится и отречется сам от престола, если такова будет воля народа. Леопольд I говорил все это, опустив глаза, вздыхая столь драматически, изъявлял такую покорность, что присутствующие в

тронном зале парламентарии-буржуа умилились и поспешили успокоить короля заявлениями о том, что не имеют никаких замыслов ни против него лично, ни против королевской власти в Бельгии.

Едва кончилась эта чувствительная сцена, как Леопольд I приказал войскам разгонять народные собрания, стихийно начавшиеся на площадях города. Одновременно полиция получила приказание вести усиленную слежку за революционерами-изгнанниками из других стран. Власти опасались народных масс и особенно рабочих.

Как только весть о революции в Париже дошла до домика Маркса, возбуждение и радость охватили всех. Наконец-то!

До поздней ночи не спали в семье Маркса. В детской стояли теперь уже три кроватки. Женни родила сына. Маленький Эдгар, названный в честь брата Женни, любимого друга детства Карла, сосредоточивал на себе любовь всей семьи. Ребенок поражал всех осмысленным взглядом темных больших глаз и красивым выпуклым лбом.

В этот полный треволнений день Карл решил, что его место отныне в Париже. Он послал туда письмо, в котором просил отменить приказ о его высылке, и начал готовиться к отъезду. Очень долго сидели у него друзья, с которыми он делился мыслями о революции, о том, как действовать коммунистам.

Незадолго до этого Карл получил небольшое наследство. Он тотчас же передал свои деньги для покупки оружия. Остальные члены «Рабочего союза» давали также кто сколько мог. На собранные деньги были куплены револьверы, ружья, кинжалы.

Через несколько дней, в субботний вечер, совершенно неожиданно, Маркс получил с нарочным королевский приказ в течение 24 часов покинуть Бельгию. Это не огорчило его. Карл, Женни и Ленхен принялись укладывать чемоданы и готовиться в путь. Им помогали в этих поспешных сборах несколько случайно забредших друзей.

Когда далеко за полночь все разошлись, Карл по обыкновению вместе с Женни прошел в детскую, чтобы взглянуть на спящих детей. Но вдруг раздался резкий стук во входную дверь. Ленхен, домывавшая посуду на кухне, поспешила открыть. Карл в это время снова занялся укладыванием своих чемоданов. Вопреки бельгийскому закону, запрещающему нарушать неприкосновенность жилищ граждан между заходом и восходом солнца, десять вооруженных полицейских агентов во главе с полицейским комиссаром ворвались в квартиру Маркса и предложили ему следовать в тюрьму городской ратуши. Никаких оснований для ареста предъявлено не было. Ему сказали лишь,

что его паспорт якобы не в порядке.

Все в доме всполошились. Только Маркс сохранял невозмутимость и старался успокоить разволновавшуюся жену.

Женни ходила следом за Карлом, точно этим могла удержать его. Мысль, что сейчас она останется без мужа в этой квартире одна, приводила ее в полное отчаяние.

— По какому праву смеют арестовывать тебя? Это произвол. Я сейчас же пойду к магистру общественной безопасности, подниму на ноги всех, в ком есть еще совесть и честь. Я все скажу, что думаю об их порядках, — говорила она.

Полицейские торопили Маркса. Не желая усиливать отчаяние жены и беспокойство, охватившее дом, Карл поцеловал детей, ободряюще коснулся рукой плеча Ленхен и, крепко обняв Женни, вышел на улицу со своими конвоирами.

Но Женни, несмотря на его просьбу остаться до утра дома, выбежала на улицу, на ходу застегивая шубку и завязывая капор.

— Карл, я не могу остаться без тебя! — повторяла она, отталкивая полицейского. Никакие уговоры Маркса не действовали. У подъезда полицейского управления стража грубо оттеснила Женни от Карла.

Маркса ввели внутрь дома, и дверь за ним глухо захлопнулась. Женни осталась одна на темной, сырой улице. Часовой потребовал, чтобы она отошла от ворот. Это были страшные для нее минуты. Вернуться домой и ждать рассвета казалось ей невозможным. Дом без Карла?! Дрожь прошла по ее телу, когда она представила себе, что входит в его кабинет, где книги и вещи еще хранят на себе его тепло, его прикосновение… А вдруг его искалечат, убьют?

Сердце Женни забилось так сильно, что причинило ей острую боль.

«Надо что-то делать, вырвать его из лап полиции», — думала она, стучась в разные дома малознакомых, казавшихся ей влиятельными людей. Ее встречали то с удивлением, то с досадой за прерванный сон, то с желанием помочь люди в шлафроках, с заспанными лицами и взлохмаченными волосами и бакенбардами. Слуги видных чиновников со свечами провожали Женни до подъезда, сомневаясь в ее рассудке.

Подле собора Святой Гудулы она встретила своего друга — Жиго. Крайне взволнованный арестом Карла, он пошел с ней по пустынной улице.

Внезапно к Женни подошли двое полицейских.

— Госпожа Маркс? — спросил один из них. — Отлично! Вас нам как раз и надо.

— Где мой муж?

— Следуйте за нами, и мы покажем вам, где он находится.

Ее отвели в полицию и заточили в тюремную камеру вместе с воровками и проститутками.

Утром Женни поднялась на нары и выглянула за железную решетку. Каковы же были ее удивление и радость, когда она увидела у противоположного окна усталое лицо друга — бельгийского архивариуса Жиго. Он узнал ее и стал жестами показывать ей на тюремный двор.

Взглянув вниз, Женни не могла сдержать крика. Она увидела Карла, которого вели куда-то под конвоем.

Вскоре жену Маркса перевели в другое помещение, совершенно нетопленное. Там она оставалась в течение нескольких часов, дрожа от холода, после чего ее вызвали к следователю. Довольно учтиво у нее пытались получить подтверждение того, что Карл не был лоялен в отношении бельгийского правительства. Однако, ничего не добившись, следователь дал распоряжение отпустить Женни на свободу.

А Маркс тем временем находился в камере с буйно помешанным, от которого ему ежеминутно приходилось обороняться.

К вечеру Карл получил предписание немедленно покинуть Брюссель и вернулся домой. Там его ждал ответ Временного французского правительства, которое в самых вежливых выражениях отменяло приказ о его высылке. Письмо было подписано Фердинандом Флоконом, знакомым Энгельса и Маркса, редактором газеты «Реформа».

Париж снова был открыт Карлу. Вместе с Женни он выехал туда, где не смолкала «Марсельеза», где торжествовала победу революция.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Был март 1848 года, когда Карл и Женни снова оказались в столице Франции. В Париж продолжали съезжаться изгнанники-революционеры из многих стран — немцы, поляки, ирландцы, итальянцы. Временное правительство Второй республики гостеприимно открыло им двери столицы.

Маркс любил Париж. Он знал его улицы, площади, окраины, его лучшие книгохранилища, памятники, музеи, театры. Здесь безмерно обогатилась его мысль. Маркс почерпнул в бурной истории Франции многое из того, что помогло ему понять законы, неумолимо двигающие вперед человеческое общество. У него было много друзей среди вожаков французских рабочих тайных обществ. Но Париж первых дней революции показался Карлу иным, новым.

С улиц исчезли скучающие франты, надменно размахивающие тонкими тросточками с золотыми набалдашниками. Не стало тучных господ, презрительно посматривающих через лорнет, и брюзгливых барынь в светлых ротондах, восседавших на мягких сиденьях кабриолетов. Не видно было и самих экипажей с рослыми кучерами на козлах и ливрейными лакеями на запятках. Кое-где еще остались баррикады, возникшие стихийно, как горы в минуту землетрясения. Распевая песни, их торопливо разбирали рабочие в пестрых блузах, с засученными рукавами, с красными шарфами на шеях. Работа спорилась, сопровождалась смехом и шутками.

С каждым часом город становился наряднее и чище. Мостили улицы, восстанавливали пострадавшие от пожаров и снарядов дома и памятники. Опустели тюрьмы. Отменена была смертная казнь. Никто не помешал герцогине Орлеанской и Гизо отправиться вслед за низверженным королем в Англию.

Революция всегда кажется чудом для тех, кто, как узник, благодаря ей выходит на свет из тьмы. Ощущение легкости, когда с истерзанного тела сняли кандалы, беспредельное раздолье поднимают в человеческой душе все самое чистое и светлое.

Блаженство победы охватило пролетариев Парижа. Казалось, что все преграды отныне рухнули, что зло, нищета, несчастья навсегда уничтожены. Незнакомые друг другу люди разных национальностей чувствовали себя братьями. История перевернула еще одну страницу.

Город пел и радовал слух, улицы были украшены знаменами, лозунгами, и каждое слово волновало, как свершение желаний.

Свобода собираться под небом или в богатейших замках

столицы, чтобы публично обсуждать насущные жизненные вопросы. Право объединяться в союзы, голосовать и отстаивать то, что несет счастье обездоленным. Возможность участвовать в шествиях, провозглашать те идеалы, за которые еще так недавно рабочие проливали кровь и жертвовали жизнью. Никогда заря над Парижем не казалась Женни такой нежной, свежей и прекрасной.

Кая-то ранним утром Карл и Женни вышли на улицу.

Каждый миг в эти дни стоил всей человеческой жизни. Карл и Женни почувствовали себя участниками величайших событий истории, ради которых стоило жить и терпеть любые испытания.

На площади Согласия, куда в полдень пришли Карл и Женни, толпился народ. Среди множества картузов изредка мелькали мягкие шляпы. На гладко зачесанные волосы женщины накинули скромные косынки. Царила удивительная в столь многолюдном сборище тишина. Все благоговейно ловили каждое слово человека, говорившего стоя с сиденья наемного фиакра.

— Да это же Огюст Бланки, — сказал Карл жене, протискиваясь поближе к оратору, чтобы рассмотреть его.

Он никогда раньше не видел Бланки, но отлично знал по дагерротипам это худое, преждевременно изборожденное глубокими морщинами лицо, эти острые глаза с фанатическим блеском, узкий рот аскета. Маркс знал всю историю его жизни и борьбы.

— Как он сед, как изможден! — прошептала Женни.

— Что же удивительного, много раз уже он сидел в тюрьме, больше семнадцати лет в общей сложности его держали в суровом заключении.

Сын жирондиста, Огюст Бланки, руководитель Общества времен года, был приговорен к смертной казни после неудавшегося восстания 1839 года. Борьбе за республику он посвятил свою жизнь. В крепости Мон-Сен-Мишель, в каменном гробу, о стены которого постоянно разбивались морские волны, отбывал он пожизненное заключение взамен смертной казни. Теперь он снова был на свободе.

Вырвавшись из тюрьмы, он не нашел более жены и ребенка. Но долгие годы заключения и невозвратимые потери закалили его. Никто не видел слез отважного борца. Они как бы высыхали в пламени его глаз. С еще большей фанатической страстностью бросился он в стихию революции.

— Будьте бдительны, граждане! — призывал Бланки. — Революция — праздник для бедных тружеников, но катастрофа для богачей и деспотов. Не верьте тиграм, даже если они ползают на брюхе. Долой знамена короля, поднимем алые стяги республики! Вспомните июльские дни тысяча восемьсот

тридцатого года. Мы сражались тогда на баррикадах не за монархию, а за республику, за свободу, равенство и братство. Сколько крови было пролито французским народом! И что же? Вместо Карла Десятого мы получили Луи Филиппа. Один хищник сменил другого. Ротшильды и другие финансисты и банкиры создали свою монархию. Восемнадцать лет мы боролись, чтобы вернуть то, что должны были сберечь в тридцатом году…

Карл и Женни, как и вся толпа, жадно вслушивались в слова Огюста Бланки. Он наэлектризовывал слушателей своей внутренней силой, своей убежденностью.

Маркс взял Женни под руку, и они пересекли площадь.

— Железный человек этот ветеран революции, — сказал Маркс.

— Какая цельная душа! Он выстрадал эти тревожные мысли. Вся его жизнь — подвиг. Бедная госпожа Бланки, у нее не хватило сил дожить до этих дней…

Народ под крики «Да здравствует навеки республика!» во главе с Бланки двинулся к ратуше. Появились красные знамена и бюст Свободы — пышнокудрой женщины в фригийском колпаке. Кто-то окликнул Карла и Женни. Обернувшись, они увидели Бакунина. Блаженно улыбаясь, он неуклюже обнял Маркса, поклонился низко Женни.

— Мы все пьяны, не правда ли? Одни от безумного восторга и надежд, а те, — Бакунин указал на особняки финансовой знати с угрюмо прикрытыми ставнями, — от безумного страха. Это пир нашим душам без начала и конца. Уже колеблются все троны Европы. В Берлине паника. Меттерних скрылся. Австрия прогонит Габсбургов, в Мадриде раскрыт республиканский заговор. Итальянцы обретут свободу. Революция охватит Польшу и докатится до России.

Бакунин, охмеленный радостью, схватился за голову. Он задыхался от счастья.

— Да, вы правы, Бакунин. Революции — это праздники истории, — сказала Женни радостно. — Какое ликование!..

Маркс взял Бакунина под руку, и все трое пошли по бульварам.

— Кто бы мог подумать, что вы, русские, еще более темпераментны, чем французы, и мы, рейнландцы, — сказал Маркс. — Казалось бы, снега и льды охлаждают ваши порывы. А в действительности у вас пылкие сердца и горячие головы. Сегодня у нас поистине русский день. Мы виделись уже с Павлом Анненковым. Всегда столь сдержанный, он стал теперь неистов и красноречив, как Сен-Жюст.

— Разверзлось небо! — вскричал Бакунин. — Никто не может

остаться теперь равнодушным. И что всего удивительнее, с первого дня достигнута кульминационная точка. Кто бы мог думать! Стихийная революция, почти что мгновенно увенчавшаяся республикой. Французские рабочие точно на сказочных крыльях взлетели на вершину самых недосягаемых желаний. Прощайте, друзья, спешу в Клуб якобинцев. Есть уже и такой. Он находится на улице Сены. В Париже свыше семидесяти клубов. Имеются и женские, — обратился Бакунин особо к Женни. — Советую записаться. Революция победила и движется на восток.

— Вы неисправимый мечтатель! Революция не веселый карнавал, она, увы, противоречива и начинена порохом, — сказал Карл раздумчиво.

Бакунин нахмурился.

— Ваш скепсис, Маркс, убийствен.

Попрощавшись, Бакунин быстро двинулся по улице. Маркс, улыбаясь, смотрел ему вслед.

— Гражданин Маркс! — обернувшись, крикнул Бакунин. — Я надеюсь свидеться с вами у Гервега.

— Обязательно, гражданин Бакунин, — помахав шляпой, весело ответил Маркс.

Карл с раннего утра до поздней ночи был на ногах. Он отыскал немало прежних друзей, побывал на улице Вожирар, посетил рабочий клуб и присоединился к демонстрации, шедшей к зданию Временного правительства с петицией о немедленном повышении заработной платы и борьбе с безработицей. Его закружил вихрь свободы. Невероятное действительно стало обыденным. «Но что будет дальше? — задал себе вопрос Карл. — Как развернутся события?»

После бурных февральских дней армия труда, выходя из конур и подвалов, усваивала свой великий смотр. Как в эпоху средневековья, воскресли в Париже своеобразные цеховые корпорации. Столяры, водолазы, каретники, портные и их подмастерья, кучера почтовых карет, извозчики, мастера седельные, брючные, ткачи, железнодорожники, рабочие сахарных, химических заводов и газовых компаний объединялись в союзы. После бурных заседаний они нередко шествовали с приветствиями и требованиями туда, где заседало Временное правительство.

Они шли с песнями, которые рвались из переполненных ликованием сердец и сопровождали отныне каждый шаг, каждое действие революции. Яркие знамена и ленты, белые статуи Свободы, фригийские колпаки, вздернутые на острия пик, символические фигуры санкюлотов первой революции придавали

особый колорит этим шествиям. Могучее четвертое сословие грозно заявляло о себе, внушая трепет буржуазии.

Монархия Луи Филиппа не имела своей черной Вандеи — опоры во французской провинции. Революция победоносно продвигалась по всей стране. В Лионе — рабочей столице Франции — впервые после кровавых восстаний 30-х годов развевались снова красные знамена. Рабочие навсегда разрушили в этом прославленном героическом городе ткачей крепостную стену, с которой их столько раз расстреливали королевские пушки. Ратушу, где когда-то их подло обманул, прикинувшись другом, префект Бувье Дюмуляр, и улицы города охраняли рабочие патрули. Порядок был восстановлен, и рабочие принялись за организацию мастерских, чтобы уничтожить безработицу. Тем, кто не имел еще заработка, выдавались бесплатные боны на хлеб. Так было в марте во всех даже самых отдаленных уголках Франции.

По всей стране, как и в Париже, происходили праздничные народные банкеты. Духовенство служило панихиды по расстрелянным на бульваре Капуцинов в первые дни революции, и священнослужители вместе с прихожанами, заканчивая службу, пели в храмах «Марсельезу».

Солнечная весна. Разливались реки, неслись с гор ручьи. По всей Франции народ сажал деревья Свободы, украшая их красными лентами. Это стало традицией революционной поры.

«Народы для нас братья, тираны — враги», — раздавался на парижских улицах припев новой, полюбившейся народу песенки.

Маркс изучил все революции, которые когда бы то ни было сотрясали Европу. Греция, Рим дали ему бесчисленные примеры того, как боролся угнетенный человек в рабовладельческом обществе. Он изучал восстания и революции в Англии. История для него была ключом к будущему.

События первой великой революции во Франции были известны Марксу до мельчайших подробностей, и то, что казалось Марату, Робеспьеру загадкой или неодолимой силой судьбы, для Маркса было исторической необходимостью. Он знал, в чем причина падения якобинцев и как случилось, что Луи Филипп Орлеанский стал монархом.

Как и Энгельс, Карл не удивился революции во Франции. Они предвидели ее, как астроном предвидит появление кометы. Маркс понимал, что эти дни накладывают на каждого революционера небывалую ответственность. Нельзя было терять ни одного часа.

Карл и Женни отправились к Гервегам. В квартире поэта, которую его жена, дочь банкира, обставила с показной роскошью, в эти дни господствовал хаос.

Ранее вялый Георг совершенно преобразился. Он стал говорлив. Былого сплина и томного выражения глаз как не бывало.

— Рабочий, — любил повторять он восторженно, — отверженный и нищий, — вот герой, вот истинный суверен Франции сегодня. Долой шляпу перед картузом, как поют на улицах, на колени перед пролетарием. Он истинно храбр в битве и великодумен, когда побеждает.

Зачастил в дом Гервега и подружился с ним приехавший из Брюсселя Адальберт фон Борнштедт. Он еще более высох и посерел. Скрытый недуг подтачивал этого безукоризненно выдрессированного человека.

Борнштедт, Бакунин и Гервег обсуждали положение в разных странах Европы. Они решили сделать все возможное, чтобы ускорить революцию в Пруссии и Польше.

Насколько искренни были Гервег и Бакунин, настолько скрытен был Борнштедт. Несколько лет назад этот опытный провокатор рассорился с прусской тайной полицией и остался на службе только у австрийцев. Однако когда началась революция, он порвал и с Веной. С этого времени Борнштедт потерял навсегда покой, так как считал, что революционный поток разольется по всей Европе, тайное станет явным и его ждет суровое возмездие. В поисках спасения он решил совершить какой-нибудь героический подвиг, рассчитывая таким образом привлечь к себе симпатии и заслужить доверие немецких революционеров. Воинственный план Гервега как нельзя более соответствовал его расчетам.

— Итак, решено, — заявил Борнштедт, — соберем в кулак всех немецких изгнанников-революционеров, создадим мощный легион, вооружимся и двинемся на германскую границу. И монархия падет!

— Французские братья нам помогут! — вскричал Гервег. — Мы с вами, Адальберт, поведем легион. Победа или смерть!

— Превосходно, — поддерживал Гервега Бакунин, — ты не только великий поэт, но и настоящий революционер. Ваш план поможет и мне, наконец, осуществить заветную мечту. Революция должна начаться также и в Польше. Восстание тысяча восемьсот тридцать первого года научило поляков борьбе за независимость и свободу. В Париже находятся тысячи польских повстанцев. Я уже установил связь с их организацией. Впрочем, если они будут медлить, я сам выеду в Прагу и в Познань. Я отдам все силы тому, чтобы поднять восстание в Польше. А к польской революции присоединятся все славяне. И, обрастая как снежный ком, превращаясь в грозную лавину, славянские революционные

войска двинутся на Николая Романова. Это единственная возможность навсегда разделаться с кровавым русским самодержавием. Все славянские племена и народы создадут тогда единую республику, подобно тому как галлы осуществляют теперь мечты великого Брута. Но славянская революция должна быть свершена руками славян! — Бакунин повысил голос. — Я вижу, друзья, также вольную Италию, Испанию. Не удивлюсь, если и на небе господь бог объявит вскоре вселенскую республику.

— Браво! — зааплодировал Борнштедт. — За вами, несомненно, пойдут народы. Я полностью разделяю вашу тактику. Пришел последний час тиранов!

— Да будет так! — обрадовался Георг.

— Осанна! — сказал Бакунин и сложил комически пальцы крестом.

Он взглянул на часы и стал прощаться. Уже стоя у двери, Бакунин вдруг хлопнул себя по лбу.

— Кстати, чуть не запамятовал. Нынче видел Маркса и сговорился встретиться с ним здесь. Мне кажется, немецкий философ все еще не понимает, что главное сейчас — это разрушение. А созиданием пусть занимаются потомки. Слов нет, он многое постиг в материалистических науках, а вот не понял до сих пор, что главное — это стихия… Пожалуй, мне лучше уйти. Не по сердцу мне этот немец. Побегу в студенческий клуб. Там Ламартин, отлично прозванный кем-то Большой шарманкой революции, будет удивлять народ фейерверком красноречия.

— Да, Ламартин — оратор искусный, — заметил Гервег, — на днях начал речь так: «Мы творим сегодня высшую поэзию…» Сей певец жирондистов, католицизма, Луи Филиппа и, наконец, — кто мог бы подумать! — республики взлетит высоко.

— Власть заманчива, и на ее огне сгорают, как в аду, души честолюбцев, — скрипучим, глуховатым голосом без малейшей улыбки на мертвенном лице сказал Борнштедт.

Вскоре после ухода Бакунина раздался удар молоточка по входной двери. Вошли Карл и Женни. Их радостно встретили хозяева и несколько немецких изгнанников, недавно прибывших в революционный Париж. Завязалась шумная беседа.

В это время Борнштедт в самых изысканных выражениях пригласил обеих женщин, а затем Гервега и Маркса поехать вместе с ним в театр. Он достал ложу в «Комеди франсез». Сама Рашель, лучшая актриса Франции, должна была выступать в этот вечер.

Вскоре все пятеро вышли из дому. Стемнело. Зажглись фонари. Будничный вечер казался праздником. Никогда так

громко и весело не смеялись на улицах Парижа. Смех, беспечный, безудержный, счастливый, вызывающий, дерзкий, несся над толпой. Исчезли накрахмаленные банты и тугие цилиндры. Появились простые шляпы и свободно повязанные галстуки. Продавцы газет заглушали уличный шум, выкрикивая последние известия.

— Заговоры в Вене — Меттерних исчез из замка Иоганнесберг!

— Луи Филипп высадился в Дувре!

— Всеобщая революция приближается!

Маркс и Гервег остановились у киоска и купили вечерние выпуски газет.

— Земля минирована, пороховой шнур прокладывает себе дорогу под царские дворцы, — сказал Гервег. — Наше дело — поднести огонь.

В газетах перечислялись делегации иностранцев, побывавшие в этот день на заседании Временного правительства.

— Вот это уже подлинный церемониальный марш демократов Европы, — заметил Гервег. — Прочти сообщение, как через своих сынов, живущих в Париже, приветствовали победу революции норвежцы, англичане, греки, болгары, итальянцы, румыны, ирландцы, поляки.

У самого здания театра улицу запрудило шествие пожарных. Вслед за ними со знаменами и песнями прошли, возвращаясь с торжественного заседания, рабочие сахарного завода.

Наконец можно было снова продолжать путь.

Георг и Карл шли поодаль и тихо разговаривали.

— Борнштедт разработал удивительный план, который поддерживаю я и Бакунин, — начал Георг. Но по мере того как он рассказывал о затее с вторжением в Германию вооруженного отряда, лицо Маркса мрачнело.

Поэт заметил это и вспыхнул.

— Ты не согласен с тем, что это единственный способ вызвать революционный взрыв в Германии? — спросил он запальчиво.

— Здесь не место и не время для такого разговора, — сумрачно ответил Карл. Они подходили к зданию «Комеди франсез», переименованной теперь в театр Республики.

— Нет, скажи мне сейчас же, что ты думаешь об этом, — настаивал поэт.

— Ваш план в корне порочен. Нельзя импортировать революцию. Вы с Борнштедтом обрекаете людей на бессмысленную гибель. Что могут сделать несколько сот человек, даже если они хорошо вооружены, против регулярных армий германских королевств и княжеств?

— Ты всегда боялся риска, Карл. Нельзя жить только головой, иногда надо слушать голос сердца, — твердил Георг, задерживая Маркса у входа.

— Сердце — плохой советчик, если нет головы, — пытался отшутиться Карл.

Они вошли в фойе.

Театр был переполнен. Сощурив утомленные от постоянной ночной работы глаза, Маркс с интересом разглядывал зрителей. Рабочие в широких блузах и их жены в дешевых шалях поверх простых платьев восхищенно и вместе с едва уловимой робостью оглядывали нарядный театр. Женщины прятали натруженные руки и смущенно улыбались. Мужчины нарочитой развязностью старались прикрыть неуверенность. Рядом с пролетариями сидели люди, одетые в такие же блузы из хлопковой или грубой шерстяной ткани. Из-под воротников, из широких манжет предательски вылезало тончайшее нижнее шелковое белье, а из грубых башмаков — пестрый дорогой чулок. Еще разительнее выглядели богатые женщины. Исчезли великолепные прически и накладные локоны, украшения, меха и кружева. Не только одежда, но и манеры изменились у переодетых богачей. В то время как рабочие переговаривались шепотом, буржуа старались шуметь и бесцеремонно толкаться в проходах, щеголяя растрепанными головами и давно не бритыми лицами, стремились замаскироваться в этой разнородной толпе, сойти за тех, кто, поднявшись с житейского дна, с поражающей легкостью опрокинул королевский трон, изменил образ правления в стране и создал республику.

На большой сцене, убранной красным бархатом, стояла огромная гипсовая статуя Свободы. Ее охраняли Спартак, Брут и несколько статистов в костюмах солдат революционной армии 1789 года.

На сцене появилась знаменитая актриса Франции Рашель. Аплодисменты заглушили барабанный бой в оркестре. Задрапированная в складки трехцветного знамени, простирая вверх руки, Рашель начала декламировать. Ее голос то падал, напоминая на самых низких нотах виолончель, то взлетал вверх и становился певучим, как флейта.

Рашель металась по сцене. Ее тонко очерченный профиль напоминал камею. Локоны, собранные узлом, рассыпались.

Вступая в битву мировую,
Мы памятью отцов горды.
Они уже не существуют,
Пред нами славы их следы.

Сиротской доли нам не надо,
Одна лишь нам знакома страсть.
Отмстить за них иль рядом пасть —
Вот наша высшая награда.

И вслед за Рашелью весь театр повторял, точно клятву перед боем:

К оружью, граждане! Равняй военный строй!
Вперед, вперед, чтоб вражья кровь
Была в земле сырой[9].

Простирая руки перед собой, как сомнамбула, Рашель подошла к рампе. Ее замечательный голос теперь был полон металла. Звуки его заполняли зал, проникали в человеческие сердца.

Марксу предстоял поединок с тем, кого много лет он считал другом. Сколько раз черпал Георг Гервег из щедро открытой для него сокровищницы ума и сердца; как часто легко терявший уверенность в своих силах поэт опирался на непреклонную, последовательную волю Карла!

Нервный, взбалмошный Гервег был способен на любое безрассудство. Воля его, точно парус, то выпрямлялась и крепла, то никла.

Вскоре после возвращения из Бельгии Маркс был приглашен на собрание немецких эмигрантов, где Гервег и Борнштедт собирались огласить свой план создания вооруженного вольного легиона, чтобы вторгнуться в Германию.

«Борнштедт — личность сомнительная, — думал Маркс, направляясь к месту собрания, — от него можно ждать любой подлости. Но Георг…»

Карл остановился, чтобы достать коробок спичек и зажечь сигару. Ему стало тяжело и вместе с тем досадно. Перед собранием он еще раз, в разговоре с глазу на глаз, попытался образумить поэта. Однако тот оскорбил его, обвинив в зависти. Георг похвалялся своей отвагой. Он жаждал воинской славы, потому что с детства всегда слышал о себе, что женствен и слаб.

В день собрания в Париж из Германии пришли волнующие вести. В Мюнхене восстали рабочие. К ним присоединились студенты, художники, скульпторы, которых много было з этой «германской Флоренции» — городе величественных памятников, богатейших музеев, просторных дворцов, превращенных в

картинные галереи. На улицах Нассау шли революционные бои. Король Фридрих Вильгельм IV, храбрый, когда не было опасности, и откровенно трусливый, когда она появлялась, ежечасно менял решения. Прусскую столицу охватила растерянность. В Западной Германии правительство, предвидя народные волнения, поспешило объявить свободу печати и сбор отрядов Национальной гвардии.

Когда Карл вошел в зал собрания, Борнштедт уже выступал с речью, стоя у деревянной кафедры, принесенной из церкви. В черном сюртуке, в белом тугом воротничке, подпиравшем голову, худой, с лицом, будто густо посыпанным пылью, он напоминал протестантского проповедника. Тщетно старался Борнштедт усилить свой похожий на шипение змеи голос.

— Французское Временное правительство, — говорил он в тот момент, когда Карл вошел, — не только горячо поддерживает наш план установления республики в Германии, но и жертвует вольному легиону, кроме оружия и снаряжения, деньги и предоставляет этапное помещение. Каждый легионер будет получать по пятидесяти сантимов в сутки до тех пор, покуда мы не покинем гостеприимную Францию. Это превосходно. Мы уничтожим германский деспотизм.

Возмущение Карла нарастало. Итак, чудовищная и бессмысленная кровавая затея осуществлялась. Подходя к кафедре после пылкой и бессвязной речи Гервега, Маркс едва подавлял в себе чувство гнева и негодования. Он знал, что ему нужно взять себя в руки и преодолеть раздражение, иначе ему не уверить слушателей. Только полное спокойствие на трибуне может убедить аудиторию. Он остановился, чтобы окончательно овладеть собой, и невольно бросил уничтожающий взгляд на сидевших перед ним Гервега и Борнштедта. Поэт передернул узкими плечами, нервно пригладил изнеженной, в перстнях рукой волосы. Оливковые щеки его внезапно стали багровыми, и на лице на мгновение появилось выражение испугавшегося своей проказливости ребенка. Он резко откинулся на спинку стула и постарался принять вызывающую позу. «Что ж, история скоро скажет, что я прав», — хотелось ему крикнуть.

Карл все это заметил и с облегчением ощутил полное безразличие к бывшему другу. Георг Гервег больше не существовал в его сердце.

Судьба сотен немецких революционеров, находившихся сейчас в этом зале, наполняла тревогой сердце Карла. Надо было предупредить их об опасности. Он принял вызов Борнштедта и Гервега и вступил в бой.

Голос Карла гремел и наполнял собой зал. Он шел и от

разума и от большого, доброго сердца. Карл лишился еще одного дорогого ему друга ради того, чтобы не дать смутить и подвергнуть бессмысленной гибели своих соотечественников-революционеров. Немало дней провел Маркс с Гервегом. Много раз в семье поэта Карл и Женни чувствовали себя, как в родном доме. В стихах, мыслях, поступках Гервега было много частиц души Маркса. Но дело борьбы за революцию решало. Гервег вольно или невольно вредил этому делу. И дружба обернулась враждой.

— Борнштедт и Гервег призывают к тому, чтобы импортировать революцию из Франции в Германию. Революция не парфюмерия, не предметы роскоши! — гневно заявлял Маркс.

Маркс объяснил, почему министры французского Временного правительства, особенно такие, как Ламартин, весьма рады избавиться от многих тысяч немецких ремесленников и рабочих. Во Франции свирепствовала жестокая безработица. Избавиться от конкурентов-тружеников и одновременно от бесстрашных и опытных революционеров — мечта многих буржуа в Париже. Это стоит не пятьдесят сантимов.

— Но главное не в этом, — продолжал Маркс. — Что сможет противопоставить один легион, состоящий из самых мужественных борцов-революционеров, регулярной армии тридцати с лишним немецких королевств и княжеств? Геройство и смерть. Авантюристическая игра в революцию будет стоить жизни лучшим нашим людям. В угоду чему пойдут они на гибель? Интригам одних, — Карл отыскал глазами Борнштедта, — и мальчишескому тщеславию и эгоизму других… — Он вытянул руку в сторону Гервега.

Бывший агент прусского и австрийского правительств дрожащими пальцами протирал очки. «Если б я мог его убить!» — думал Борнштедт.

— Как я ненавижу его! — шептал Георг, ерзая на стуле.

— Революция во всей Германии наступит очень скоро. В этом не может быть сомнения, — продолжал Маркс.

— Гадаете на кофейной гуще! Пророчествуете! — взвизгнул Гервег.

— Нет. Это историческая неизбежность, — строго ответил Маркс.

Его волнение давно улеглось. Спокойно, убежденно, просто, как недавно в Брюсселе, когда он читал лекции в «Рабочем просветительном обществе», Карл объяснял собравшимся то, что происходило изо дня в день в экономической и политической жизни их родины.

Борнштедт зорко вглядывался в притихший зал. Слова

Маркса разрушали чары, которыми пытались околдовать слушателей он и Гервег. «Маркс сорвет все, что мне удалось сколотить с немалым трудом», — бесился Борнштедт. Не поворачивая головы и лишь скосив глаза, он взглянул на лицо Гервега и уловил на нем плаксивую гримасу. «Этот славолюбивый болван, пожалуй, сейчас бросится просить у Маркса прощения». Нельзя было медлить. Игра, так ловко придуманная им, грозила проигрышем.

— Братья немцы!.. — воскликнул Борнштедт.

Видя, что слова его не слышны, он замахал протестующе руками. Такая необычная вспышка человека, известного своей невозмутимостью, произвела некоторое впечатление. Мгновенно очнулся и Гервег, которого охватили было сомнения и нечто похожее на угрызения совести.

— Не слушайте Маркса. Никогда еще отвага и героизм не вредили революции! — звонко крикнул поэт, сорвался с места и стал рядом с Марксом. — Пусть не пугает нас, пусть лучше скажет, что же противопоставляет он вольному легиону немецких республиканцев! — кричал Гервег, пытаясь заглушить поднявшийся шум.

Борнштедт поспешно вышел из зала.

— Маркс, говори! Не мешайте нам слушать Карла Маркса! — раздавалось со всех сторон.

— Мы должны, мы обязаны вернуться в Германию, — продолжал Маркс. — И мы сделаем это поодиночке, а не в отряде, который будет разгромлен и уничтожен, едва переступит границу.

— А льготы? — несмело возразил ктэ-то.

— Льготы? — слегка насмешливо переспросил Карл. — Временное правительство из тех же соображений окажет помощь и тем, кто отправится один на родину.

В это время в зал под бой барабана вошел снова Борнштедт. Вытянувшись по-военному, маршевым шагом двигался он к трибуне, держа в руках перед собой древко с черно-красно-золотым знаменем.

Нервически дрожа, Гервег снова закричал:

— Вызываю добровольцев! Да здравствует Германская республика и вольный легион, который ее установит!

В зале все зашумели, задвигали стульями. Кто-то вытащил стол и предложил записываться в отряд.

«Какой, однако, прохвост этот Борнштедт, да и Гервег не лучше», — думал Маркс. Через несколько дней Борнштедт был исключен из Союза коммунистов.

Генрих Гейне был обречен. Врачи установили прогрессивный

паралич. Исход болезни был предопределен, и не было средств облегчить страдания умирающего поэта. Агония, по мнению друга Гейне, весьма опытного врача Ротрие, могла продолжаться еще несколько лет.

Свет ясного солнечного дня, яркой лампы, стук молота, шуршание рубанков в руках рабочих, восстанавливающих послереволюционный Париж, причиняли поэту острые физические страдания. И все-таки, когда вдали на улице гремел барабан и раздавались звуки воинственного революционного гимна, сн собирал последние силы и, опираясь о стены, если никого не было рядом, пробираясь от кресла к креслу, плелся к окну. Его полуослепшие глаза жадно искали пестрые знамена, трясущиеся руки посылали приветствия демонстрантам.

— Несчастье в такое время быть совершенно бессильным. Все сознавать и не участвовать в революции, которую я воспевал всю жизнь. Лучше смерть, нежели прозябание, — шептал поэт, и слезы катились по его худому лицу.

Вот уже год как ценой неслыханной жертвы Генрих Гейне добыл себе постоянный кусок хлеба — ежегодную ренту в 4800 франков. Ради этого он по требованию богатого хитрого родственника-банкира согласился уничтожить четыре тома неизданных «Мемуаров». Брат поэта собственноручно уничтожал рукописи. Лежа в «матрасной могиле», как называл Генрих Гейне опостылевшую ему кровать, — а в ней он провел почти недвижимым уже несколько лет, — смотрел он из-под непроизвольно опускавшихся полупарализованных век, как догорали лучшие и самые дорогие страницы истории всей его жизни, духовного роста, падений и возвышений, дум.

Отныне гамбургские банкиры были спокойны. Убийственное перо, разоблачавшее перед всем миром их скаредность, пошлость и лицемерие, было, наконец, сломано, а «Мемуары» исчезли в огне.

Однако в неподвижном теле Генриха Гейне заключена была неутомимая, дерзкая душа. Ясное сознание его не меркло.

Часто по узкой крутой лестнице дома, где он жил, поднималась тучная женщина под густой вуалью, в высокой шляпе — верный друг поэта, Аврора Дюдеван, издавшая много книг под псевдонимом Жорж Санд. Гейне оживал, когда она появлялась в его квартирке, заставленной старой мебелью, заваленной книгами и пропахшей микстурами.

Встречаясь с Авророй Дюдеван, которую Гейне знал в годы своего здоровья и творческого половодья, он как бы снова возвращался к жизни.

В прихожей раздался громкий мужской голос, и следом за

улыбчивой нарядной женой Гейне в комнату, где лежал больной, вошел Маркс.

Он несколько смутился, увидев незнакомую пожилую женщину в дорогом, но скромном платье. Карл узнал Жорж Санд и поклонился ей сердечно и почтительно.

— Карл, дорогой друг, как я рад тебе! — Гейне хотел приподняться, но едва смог оторвать голову от подушек.

Карл знал от Энгельса о безнадежном положении поэта. Однако вид Гейне, которого несколько лет назад Маркс оставил сравнительно бодрым, потрясал. Он не представлял себе, как далеко зашли разрушения в этом хрупком теле. Глубокое сострадание охватило чуткое, впечатлительное сердце Маркса, и, пока поэта усаживали в постели, он отошел к окну, чтобы скрыть свое волнение.

— Я ждал тебя, Карл, вместе с женой. Мне хотелось прочесть ей кое-что. Признаюсь, тонкой иронии этой чудесной женщины я немного побаиваюсь. Такого сочетания ума и совершенной красоты, как в ней, я не встречал никогда. Жаль, что, создав Женни, природа тотчас же разбила уникальную форму, как скульптор, который хочет, чтобы его произведение не повторялось больше. И все же сегодня у меня истинно праздник, — продолжал Гейне оживленно. — Возле меня два лучших друга. Хорошо с вами. Но, быть может, еще одна особа — смерть — уже идет ко мне.

— Читайте Дюма, — нахмурилась Аврора Дюдеван. — Его книги лечат нервы лучше всех лекарств. Я это испытала на себе. Если же не подействует, я привезу вам доброго Ламенне. Он тоже лекарство.

— О нет, прошу вас, избавьте меня от этого попа. Я предпочитаю атеизм доктора Маркса — по крайней мере хоть на том свете мне не будут угрожать черти. Да, кстати, знаете ли вы, дорогая Аврора, что свою книгу о Прудоне Маркс заканчивает вашими словами: «Битва или смерть, кровавая борьба или небытие. Такова неумолимая постановка вопроса».

— Я много слышала о «Нищете философии» доктора Маркса, но еще не видала этой книги. Мне очень хотелось бы ее прочесть, тем более что Прудон и его теории кажутся мне неубедительными, — сказала Аврора.

— Я с удовольствием преподнесу вам свою новую книгу. Но боюсь, что она утомит вас…

Гейне живо прервал Маркса:

— Нет, нет, не верьте ему, Аврора: это блестящее сочинение не только по мыслям, но и по стилю. Никогда не следует ничего откладывать. У меня две твои книги, Карл. Располагай одной из

них.

Карл с готовностью встал, подошел к рабочему столу Гейне, надписал книгу и подал ее писательнице.

Аврора Дюдеван, дружески улыбаясь автору, прочла скромную надпись: «Госпоже Жорж Санд. Карл Маркс. 1848 г.».

Есть в истории дни, значение которых неизмеримо во времени. Любое мгновение тогда полно новизны и несет в себе перемены для многих тысяч людей. Такие великие дни щедро дарят революции.

Париж жил напряженно и деятельно. Дни и ночи подле городской ратуши, где заседало Временное правительство, толпился народ. Окно, через которое 9 термидора, узнав о поражении якобинцев, выбросился на мостовую Робеспьер-младший, было затянуто траурным крепом. Народ забросал нечистотами памятник деспотичнейшему из королей — Людовику XIV. На голову статуи этого дорого стоившего Франции монарха кто-то нацепил шутовской колпак.

Каждый день у ратуши выстраивались безработные. Им выдавали там вдоволь хлеба, сыра, мяса. Правительство торопилось устраивать всевозможные мастерские, надеясь, что они станут его оплотом, подобно мобильной гвардии.

В дни сияющего апреля Гервег и Борнштедт закончили сборы немецкого легиона. Ранним утром легионеры выстроились с ружьями на плече и двинулись по пыльным улицам Парижа к вокзалу. Отряд был немногочислен; сотни немецких революционеров отказались от этой авантюристической затеи и остались с Марксом и вернувшимся из Бельгии Энгельсом, чтобы вскоре поодиночке перейти границу родины.

Жена Гервега сопровождала мужа, который был выбран начальником легиона. Она заказала себе для похода военную амазонку из трех национальных цветов: черного, красного и золотого — и водрузила на свою мужеподобную голову берет с большой кокардой тех же цветов. Прежнего беспокойства о судьбе мужа у нее как не бывало.

За исключением Гервега, который вдохновенно предрекал себе и своему «войску» победу, и нескольких молодых людей, жаждущих славы и сильных ощущений, все легионеры чувствовали себя растерянными. Каждого терзали сомнения. Многие осудили план кампании, повторяя здравые слова Маркса и Энгельса. Не было единства в отряде, и оттого насупились брови, пригнулись плечи тех, кто поддался уговорам Гервега и Борнштедта. Горсточка вооруженных людей с национальными и красными флагами двигалась с песнями по улицам французской столицы. Рабочие-парижане, недавно проводившие поляков,

итальянцев, бельгийцев, поклонявшиеся всякому проявлению храбрости, громко приветствовали их и желали победы. Женщины кидали воинам весенние цветы. Немцы отвечали им, размахивая мягкими шляпами, украшенными птичьими перьями, и салютовали ружьями. Особенно возбужденно вел себя Гервег. Он кланялся прохожим, читал стихи и выкрикивал призывы на немецком и французском языках, прижимая к груди букет алых роз, привезенных из Ниццы, — их поднесли ему на прощание.

Адальберт фон Борнштедт, еще более похудевший, тонконосый, похожий на стервятника, шел важно, оборачиваясь, зорко и злобно вглядываясь в тех, чьи хмурые лица отражали обуревавшие их сомнения. Борнштедт отлично понимал колебания этих смелых людей. Но Гервег был ему нестерпимо мерзок.

«Самонадеянность — дочь глупости», — цедил сквозь зубы Борнштедт, ускоряя шаг и стараясь не слушать больше Георга, вызывавшего восхищение французов, особенно женщин. Наконец отряд дошел до вокзала, разместился в приготовленные французским правительством вагоны и отбыл к границе.

В те же дни три вооруженных польских отряда оставили Париж и по Страсбургской дороге двинулись к Рейну, чтобы затем идти к берегам Вислы.

Тем временем готовились в путь на родину также Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Женни уже уехала с детьми в Трир к матери.

Энгельс, как и Маркс, вернувшись из Брюсселя, был поглощен работой в Центральном комитете Союза коммунистов, куда его избрали заочно.

Оба друга решили, что, перебравшись на родину, они первым делом займутся там созданием ежедневной революционной газеты. Перед отъездом в течение одной недели они подготовили политическую платформу Союза коммунистов в германской революции и издали ее в виде листовки. Ее вручали вместе с «Манифестом Коммунистической партии» всем едущим в Германию революционерам. Платформа называлась: «Требования Коммунистической партии в Германии». Она начиналась последними словами «Манифеста»: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

И дальше:

«1. Вся Германия объявляется единой, неделимой республикой.

2. Каждый немец, достигший 21 года, имеет право избирать и быть избранным, если только он не подвергался уголовному наказанию.

3. Народные представители получают вознаграждение, для

того чтобы и немецкий рабочий имел возможность заседать в парламенте немецкого народа.

4. Всеобщее вооружение народа. В будущем армии должны быть одновременно и рабочими армиями, чтобы войско не только потребляло, как это было прежде, но и производило бы больше, чем составляют расходы на его содержание. Это является, кроме того, одним из способов организации труда.

5. Судопроизводство является бесплатным.

6. Все феодальные повинности, все барщины, оброки, десятины и т. д., до сих пор тяготевшие на сельском населении, отменяются без всякого выкупа.

7. Земельные владения государей и прочие феодальные имения, все рудники, шахты и т. д. обращаются в собственность государства. На этих землях земледелие ведется в интересах всего общества в крупном масштабе и при помощи самых современных научных способов…»

Требования предусматривали далее национализацию банков, передачу в руки государства всех средств транспорта, отделение церкви от государства, всеобщее бесплатное народное образование и другие мероприятия.

Легион Гервега и Борнштедта был наголову разбит нюрнбергскими регулярными войсками на территории Бадена возле селения Нидердоссенбах. Легионеры попали в ловушку, подстроенную немецким и французским правительствами, для которых было весьма выгодно уничтожить их всех одним ударом. Гервег и весь отряд волонтеров мужественно сражались, но исход боя был предрешен.

В трудные часы жена Гервега проявила необычайное хладнокровие и находчивость. Вместе с мужем она укрылась в деревне, где упросила крестьянина спрятать неудачливого полководца в бочку и прикрыть его там соломой. Переодевшись в мужское платье, она вывезла бочку, в которой сидел Гервег, на крестьянской телеге снова во Францию.

Адальберту фон Борнштедту так и не удалось загладить свое прошлое победой в бою и доказать, что он революционер. Он едва спасся после битвы при Нидердоссенбахе. Появляться там, где шумели революционные волны, ему больше было нельзя. Даже в Берлине и Вене Борнштедт боялся, что его может призвать к ответу суд народа. К тому же давнишняя болезнь, которую в течение многих лет он тщетно пытался излечить серными водами и ртутными втираниями, начала быстро развиваться. Борнштедта охватила мания преследования. Изнуренный постоянной бессонницей и ожиданием возмездия, он переезжал из города в город.

Опасения Борнштедта сбылись: он был арестован. В тюрьме Адальберт бесновался как одержимый, и однажды, когда он особенно бушевал в камере, то отдавая воинскую команду, то вопя о пощаде, то грозя кому-то, его связали и силой увезли в тюремную психиатрическую больницу Илленау. Там в отделении для буйных Борнштедт скончался.

По дороге в Кёльн Маркс и Энгельс ненадолго задержались в Майнце, городе, прославленном осадами и героической борьбой с врагами во времена средневековья. Оба друга встретились там с членами Союза коммунистов и обсудили, как совместно вести революционную работу и теснее объединить рабочих.

Карл снова вступил на немецкую землю и слышал вокруг родную речь. Еще несколько месяцев назад возвращение в Германию означало бы для него тюремное заключение и, может быть, казнь. Но он знал, что придет время и все будет по-иному, что увидит свою родину.

Германия, как и Франция, была охвачена народными восстаниями. В марте в Берлине после двухдневной уличной борьбы повстанцы одержали победу над королевскими войсками.

В Пруссии и других германских королевствах и княжествах были образованы буржуазно-либеральные правительства. Они, однако, ограничили свою деятельность проведением половинчатых реформ. Ничего не было сделано для освобождения крестьян от феодального гнета. Положение трудового народа оставалось все таким же тяжелым. У власти находились те же лица, происходившие из дворянских родов. Буржуазные правительства оказались неспособными осуществить и объединение раздробленной на 36 частей — государств Германии.

Около 400 рабочих-немцев, большинство членов Союза коммунистов, уже переправились поодиночке через границу и прибыли в разные города Германии. Все они сразу же включились в революционную борьбу. Снова действительность доказала правоту тактики Маркса и Энгельса. Союз коммунистов выковал из революционных передовых рабочих и интеллигентов непоколебимых борцов.

Из Майнца в Кёльн Карл и Фридрих добирались в дилижансе. Была теплая весенняя ночь. Пассажиры пугливо озирались. Худой чиновник в застегнутом на все пуговицы мундире и теплом шарфе на шее, похожий на болотную птицу, мрачно рассказывал пассажирам:

— Крестьяне, эти дикари в образе человеческом, как в проклятом тысяча пятьсот двадцать пятом году, вооружились

косами, вилами и топорами. Они нападают на усадьбы и жгут их, как хворост, который отныне таскают безнаказанно из помещичьих лесов.

Женщины охали, мужчины поспешно закуривали, чтобы преодолеть страх и осветить хоть немного темноту весенней ночи.

— То, что мы переживаем, предсказано библейскими пророками, — изрек сидевший в углу пастор и достал корзину с провизией. — Когда страх гложет душу, обгладывай гуся, — добавил он, желая развеселить паству.

— Крестьяне не только жгут кабальные бумаги, конторы и дома землевладельцев, они грозятся вскоре приняться за своих господ, — продолжал чиновник.

Вдруг кучер резко сдержал лошадей. От толчка на головы пассажиров повалились свертки и баулы. Раздался женский визг.

— Вот они, вот! — крикнул кто-то.

Карл и Фридрих прильнули к окнам. На черном небе полыхало зарево, яркое, как солнечный восход.

— Горит чье-то поместье! — закричали со всех сторон.

— Скоро в Германии не останется больше ни одного замка. А потом мужичье примется за нас. Вот она, анархия!

Но никто не остановил дилижанс…

11 апреля Карл и Фридрих приехали в Кёльн.

Город внешне мало изменился с той поры, когда Маркс покинул его.

Так же возвышался над готическими крышами домов громоздкий ларь — собор. На улицах степенно прохаживались рослые светловолосые рейнландцы, похожие на героев из «Песни о Нибелунгах». Превосходную колбасу подавали в трактирах вокруг Сенного рынка, где когда-то Маркс и Рутенберг спорили за кружкой пива или рейнского вина о грядущих судьбах разрозненной Германии.

Едва прибыв в Кёльн, Маркс и Энгельс сразу же принялись за работу. Еще до революции они не раз обсуждали возможность создания в Германии самостоятельной партии пролетариата. Но время для этого еще не приспело.

Положение в Пруссии и во всех немецких королевствах и княжествах становилось все более сложным. После пронесшихся по всей Германии кровопролитных восстаний рабочих в марте 1848 года, поддержанных крестьянами в деревнях, владельцами маленьких мастерских и лавок, прусский король и многочисленные князья вынуждены были пойти на некоторые уступки. Удар по феодально-самодержавному строю был нанесен. Однако плоды нелегко добытой победы стали собирать богачи —

промышленники, банкиры, хозяева больших магазинов. В Берлине растерявшийся прусский король призвал на помощь в новое правительство богатейших магнатов — Кампгаузена и Ганземана. Эти ловкие дельцы больше всего боялись пролетариев и предпочли сговор с помещиками и князьями. В результате предательства буржуазии в полиции, армии и государственных учреждениях остались люди, верно служившие монархии.

Во всем этом, еще находясь во Франции, отлично разобрались Маркс и Энгельс. Не случайно именно Кёльн, город передовой рейнской провинции, где пролетариат уже пробудился к политической жизни и осознал свои возможности, избрали они местом жительства и работы. Кроме того, в Кёльне были более благоприятные условия для издания революционной газеты. Там все еще действовал кодекс Наполеона, дававший несколько большие гражданские свободы, нежели прусское право, прочно утвердившееся в Берлине.

Карл не мог оставаться долго без Женни. Хотя он был очень занят, сознание, что семья недосягаемо далеко, угнетало его. Как ни сложно, ни неясно было будущее, он все же решил вызвать Женни с детьми. Вскоре вместе с Ленхен они приехали в Кёльн.

Создать новую газету было нелегко. Не хватало денег. Маркс занялся вербовкой акционеров в Кельне. Энгельс поспешил в родной Бармен, тщетно надеясь уговорить отца, хотя бы ради его коммерческой выгоды, помочь в этом трудном деле. На родине его ожидало много хлопот и разочарований. Многие из тех, кого некогда Фридрих считал коммунистами, стали настоящими буржуа с тех пор, как обзавелись собственными предприятиями. Эти люди боялись, как чумы, обсуждения общественных вопросов; они называли это подстрекательством.

Только необычайная энергия Фридриха, его ум и убедительные доводы преодолели препятствия. Он объездил много городов вокруг Бармена и весьма дипломатично уговаривал сочувствующих коммунистам состоятельных граждан вступить акционерами-пайщиками в дело издания газеты. В конце концов в придачу к тем, которых удалось уговорить в Кёльне Марксу, он нашел еще 14 акционеров.

И вот уже 1 июня вышел в свет долгожданный номер ежедневной «Новой Рейнской газеты». Главным редактором ее был Маркс. В состав редакции вошли Энгельс, Г. Веерт, Г. Бюргерс, Э. Дронке, Вильгельм и Фердинанд Вольфы. В подзаголовке значилось: «Орган демократии».

Маркс и Энгельс вынуждены были считаться с положением, которое создалось в каждом из больших или малых немецких княжеств, а также в королевской Пруссии. Немецкий трудовой

народ состоял в большинстве своем из ремесленников. Промышленность значительно отстала от французской и особенно английской.

В политически раздробленной Германии не было еще условий для создания массовой пролетарской партии. Несколько сот членов Союза коммунистов, прибывших, как Маркс и Энгельс, на родину, работали не покладая рук. Однако и они не могли сразу привести в движение массу тружеников, полных предрассудков, подчас доверявших хозяевам.

Акционеры «Новой Рейнской газеты», давая деньги на ее издание, настаивали на том, чтобы основой политики газеты было пленившее и успокаивавшее их слово «демократия». Учитывая все это, Маркс, Энгельс и их сторонники вошли в «Кёльнское демократическое общество».

За несколько месяцев, прошедших после мартовских революционных схваток в Берлине и Вене, бурлящая река снова вошла в берега. У кормила власти всюду оказались люди, отличавшиеся от своих феодальных предшественников только умением произносить напыщенные речи о свободе, справедливости и необходимости улучшения жизни рабочих. Чем больше было слов, тем меньше дела.

18 мая 1848 года во Франкфурте-на-Майне открылось общегерманское собрание, на которое все демократы возлагали немалые надежды. Национальное собрание во Франкфурте призвано было внести значительные изменения в законодательство и объединить Германию.

Депутатам предстояло выработать конституцию будущего единого германского государства. Но очень скоро стало ясно, что Франкфуртское собрание лишено какой бы то ни было политической власти и не стремится приобрести ее.

Не только либералы, которых было большинство, но и депутаты, представлявшие мелкую буржуазию, отличались чрезвычайной говорливостью. Словами они прикрывали трусость, безволие и явное нежелание возглавить народное движение против быстрорастущей контрреволюции.

Первый номер «Новой Рейнской газеты» произвел впечатление разорвавшейся бомбы. Статьи о франкфуртском парламенте-говорильне, объяснявшие, как обманут пролетариат, одержавший в Берлине победу во время мартовской революции 1848 года, испугали прежде всего господ акционеров. Они осаждали в эти дни скромный кабинет Маркса в редакции и выражали свое возмущение.

— Позвольте, — горячился один из купивших акции газеты буржуа, — вы подкладываете под мой матрац адскую машину! И

это за мои же деньги! Какая тут, к дьяволу, линия добропорядочной демократической политики? Это же чистейший коммунизм! Я не хочу сидеть вместе с вами на скамье подсудимых.

Маркс сдержанно успокаивал акционеров, не давая им, впрочем, никаких обещаний изменить курс газеты.

«Новая Рейнская газета» стала единственным подлинно революционным рупором пролетариата Германии.

Редакция газеты, выполняя функции Центрального комитета Союза коммунистов, направляла деятельность членов союза, которые в эту пору возглавляли многие германские рабочие союзы. Маркс и Энгельс создали революционный боевой штаб коммунистов, где работали лучшие, даровитейшие журналисты, писатели, поэты. С сумерек и до глубокой ночи не закрывались двери кабинета Маркса. Веерт то и дело врывался, чтобы поделиться с главным редактором блеснувшей у него мыслью или прочесть своим глуховатым голосом новые, пылающие, как его глаза, стихи.

Именно здесь, в накуренной шумной комнате с узким диванчиком, на котором часта проводил короткие часы ночного сна Маркс, Веерт — чувствовал себя наиболее счастливым. И не он один. Отсюда, с этой командной высоты, открывалась не только вся Германия, но и весь мир. Из этой простой комнатки с несколькими столами и стульями, с множеством окурков вокруг чернильниц, на папках и на полу гремел набат.

Каждый пробывший хоть немного времени среди этих вдохновенных, необыкновенных, излучающих искры ума, добра, знаний, целеустремленных, веселых людей точно восходил на самую высокую вершину и, ошеломленный, взирал на открывшуюся ему панораму.

Ежедневная газета, казалось, была начинена порохом. Слова стали гранатами. Энгельс оказался превосходным воином в газете. Его перо стоило многих батарей и неизменно обеспечивало победу. Болезненный, но неутомимый Веерт, сдержанный Фрейлигрaт, весельчак и балагур Фердинанд Вольф, торопливый, горячий Дронке, прозванный Малышом; трудолюбивый, самоотверженный Вильгельм Вольф — никто не мог состязаться с многогранным Энгельсом, хотя каждый из них тоже хорошо работал, писал очерки, статьи, фельетоны.

Никто не мог превзойти Энгельса в блеске и неповторимости, ясности и глубине его публицистических выступлений. Не было темы, которую подчас в последнюю минуту, перед самой отправкой газеты в набор, он не превратил бы в полную глубочайшего ума и знаний или уничтожающей иронии статью.

Для газеты он был сущий клад и не раз помогал Марксу, который нес всю тяжесть общего политического руководства и множества организационных дел.

Во всем Маркс и Энгельс превосходно дополняли друг друга.

«Новая Рейнская газета» жестоко бичевала измену буржуазии, предавшей рабочих и крестьян. В своих статьях ее авторы-коммунисты разрушали ложное представление, утвердившееся в народе, что мартовские бои 1848 года завершили революцию и несут с собой будущие блага.

Сражаясь против реакционных сил, Маркс и Энгельс в своей газете стремились утвердить самосознание рабочих, так же как и забитых немецких крестьян, расковать их энергию, призвать к завершению буржуазной демократической революции. Тогда, по их мнению, откроется широкая дорога к последующей борьбе за резолюцию социалистическую. Это давалось нелегко. Приходилось преодолевать сопротивление не только одной государственной власти. Стефан Борн, член Союза коммунистов, давнишний знакомый Карла и Фридриха, создал в Берлине организацию, назвав ее «Братством рабочих». Он попытался, приспособляясь к самым отсталым ремесленникам, убедить их в том, что важны не общеполитические задачи всего германского народа, а чисто экономические интересы самих рабочих. Борн сводил революционную борьбу к вопросам продолжительности рабочего дня и заработку. «А об этом, — говорил он, — можно сговориться с предпринимателями».

Руководитель кёльнского «Рабочего союза» врач Андреас Готшальк и вернувшийся в Германию из Америки Вейтлинг, не понимая чисто буржуазного характера революции, наоборот, требовали немедленного развязывания гражданской войны и провозглашения рабочей республики. Вейтлинг на собраниях нападал на «Новую Рейнскую газету», обвиняя ее в стремлении объединить все демократические силы в ущерб рабочим.

Невежественные, крайне самонадеянные сектанты соединили в себе демагогическую фразеологию с трусостью, когда доходили до дела. Их выступления вносили путаницу в умы. Это беспокоило Маркса и Энгельса, так как нельзя было допустить раскола в опаснейший момент наступления германской и мировой контрреволюции. Как никогда, нужно было сохранять единство и волю к победе, чтобы спасти то немногое, что оставалось у рабочих и крестьян от мартовских побед.

Вспыльчивый, горячий, Маркс умел быть хладнокровным в минуты наибольшего напряжения и опасности. Таким он был в редакторском кресле «Новой Рейнской газеты», на трибуне собрания коммунистов, «Демократического общества» и «Рабочего

союза». Самообладание его не знало тогда предела. Твердостью, смелостью, уверенностью и ясностью мысли побеждал он противников.

Ничто важное для судеб человечества, происходившее в мире, не ускользало от внимания «Новой Рейнской газеты». События в Польше находили отражение на ее страницах в такой же степени, как и вопросы необходимости революционного объединения Германии. Энгельс в статье «Новый раздел Польши» горячо поддерживал национально-освободительное движение польского народа. Он неопровержимо доказывал, что создание демократической Польши является непременным условием создания демократической Германии. Все страны мира — звенья одной цепи.

27 июня 1848 года «Новая Рейнская газета» сообщала:

«…Известия, только что полученные из Парижа, занимают так много места, что мы вынуждены опустить все статьи комментирующего характера.

Поэтому всего несколько слов нашим читателям. *Ледрю-Роллен и Ламартин,* а также их министры — *в отставке; военная диктатура Кавеньяка* перенесена из Алжира в Париж… *Париж залит кровью*…»

Печать германской буржуазии прославляла палачей генерала Кавеньяка. Клевета и ложь обрушивались на героев, которые четыре дня сражались на баррикадах французской столицы с превосходящими их во много раз силами противника.

Маркс и Энгельс, зорко следя за маневрами реакции, давно ожидали неизбежного столкновения между пролетариатом и буржуазией Парижа. И все же кровопролитная гражданская война глубоко потрясла их души.

Они ждали депеш из Франции по семафорному телеграфу и, главное, курьеров из залитого кровью города. За столом Маркса обсуждали привозимые известия, нетерпеливой рукой вскрывали пакеты и просматривали документы и последние французские газеты.

Маркс и Энгельс работали неустанно. Дело, за которое сражались французские пролетарии, было их кровным делом. Каждый из них мысленно сражался на баррикадах Парижа.

Июньская революция парижских рабочих потерпела поражение. Снова торжествовала международная реакция. Карл Маркс, следивший за всеми перипетиями борьбы, в своей статье «Июньская революция» подвел итоги чудовищным событиям, происшедшим в столице Франции.

Карл писал о страшных парижских событиях. Он не покидал редакции. Иногда он вставал из-за стола и подходил к окну. Небо

было зловещим, предгрозовым, пунцово-серым. Город изнемогал от зноя и духоты. Солнца не было, не было и дождя. Ночь не приносила облегчения. Воздух казался неподвижным и окутывал, как густая пыль.

На рассвете в кабинет Карла зашел Энгельс. Маркс протянул ему исписанные листы.

— Уже готово? Это так не похоже на тебя, Карл! И ты не задержишь своей статьи и, как обычно, не захочешь что-то дополнить, выправить, изменить в написанном?

— Время не терпит, Фридрих, — ответил Маркс, все еще во власти мыслей, которые излагал в своей статье. — Обрати внимание — ни одного известного республиканца, будь то из «Национальной газеты» или из «Реформы», не было на стороне народа! Не имея других вождей, других средств, кроме самого восстания, народ оказывал сопротивление объединенным силам буржуазии и военщины дольше, чем какая-либо французская династия… Питомцы медицинского факультета отказывали раненым плебеям в помощи науки. Наука не для плебея, который совершил неслыханное, небывалое преступление — вступил на этот раз в бой за свое собственное существование, вместо того чтобы проливать кровь за Луи Филиппа… Итак, фейерверк Ламартина превратился в зажигательные ракеты Кавеньяка. Вот оно, fraternité[10] противостоящих друг другу классов, из которых один эксплуатирует другой. Братство, возвещенное в феврале, огромными буквами начертанное на фронтонах Парижа, на каждой тюрьме, на каждой казарме. Его истинным, неподдельным, его прозаическим выражением является гражданская война в своем самом страшном обличии — война труда и капитала. Это братство пылало перед всеми окнами Парижа два дня тому назад, когда Париж буржуазии устроил иллюминацию, и какую, в то время как Париж пролетариата сгорал в огне, истекал кровью, оглашался стонами. Все это я изложил в статье.

29 июня в «Новой Рейнской газете» появилась статья Маркса.

«Парижские рабочие *подавлены* превосходящими силами врагов, но не *сдались* им, — говорилось в ней. — Они *разбиты,* но их враги *побеждены.* Минутный триумф грубой силы куплен ценой крушения всех обольщений и иллюзий февральской революции… ценой раскола французской нации на две нации — нацию имущих и нацию рабочих. Трехцветная республика отныне носит только *один цвет* — цвет побежденных, *цвет крови.* Она стала *красной республикой*…»

«Новая Рейнская газета» была во всем мире первым печатным органом, поднявшим залитое кровью знамя парижских рабочих.

Зажигательные статьи, связанные с июньским восстанием, привели в бешенство и панический страх немногих из оставшихся акционеров газеты. Они решительно отказались иметь какое бы то ни было к ней отношение. Но Маркс и Энгельс, выслушав их негодующие либо испуганные речи на собрании акционеров, не отступили ни на шаг от взятой линии. Ничто не могло уже прекратить в то время существование известной всей Германии и полюбившейся труженикам газеты. «Новая Рейнская газета» смело приняла бой, который ей открыто объявила окрепшая после разгрома рабочих во Франции международная реакция.

Улица Шапочников — одна из многих улиц Кёльна. Ничем не отличался внешне от сотен других и дом № 17. В нем находились издательство Дица и редакция «Новой Рейнской газеты». За простым столом, в комнате без особых примет, обычно работал редактор Вильгельм Вольф, прозванный Люпусом. Казалось, он никогда не оставлял этого места, разве только чтобы побывать в типографии. Настойчивый, трудолюбивый, он отдавал газете всего себя, свое время и досуг.

За исключением Люпуса, все редакторы «Новой Рейнской газеты» не достигли еще и 35 лет. Они были молоды, жизнерадостны, любили развлечения, шутки, стакан вина в доброй веселой компании.

Стояло яркое лето. В окна дома редакции врывались волнующие запахи свежего сена и цветущих лип. Веерт и Энгельс нередко приходили в редакцию с берега Рейна после купания или гребли, оживленные и радостные. Ночью в редакции к ароматам, доносившимся извне, примешивался едкий, горький запах сигар и нежной «Кёльнской воды» — духов, прославивших во всем мире имя их создателя, уроженца Кёльна — дистиллятора Жана Марии Фарина.

Энгельс тщательно изучал в это время особенности июньских событий в Париже. Он пришел к выводу, что перевес сил в правительственных войсках в значительной степени предрешал поражение рабочих. Разбирая уличные сражения с военной точки зрения, Энгельс указал на серьезную ошибку, совершенную восставшими: они были слишком великодушны; на ракеты и гаубицы правительственных войск Кавеньяка восставшим следовало ответить массовыми поджогами зданий. Они этого не сделали.

Энгельса давно уже интересовали военные проблемы. Июньская трагедия учила тактике и стратегии классовых войн и вооруженного восстания.

«Новая Рейнская газета» была многогранна. Маркс и Энгельс

знали, какой несокрушимой силой обладает сарказм и веселый смех. Голос газеты был то очень серьезен, то презрителен, то насмешлив. Сатирические фельетоны в стихах и прозе перемежались с глубоким научным разбором происходящих во всем мире, и особенно в Германии, событий. Стихи Фрейлиграта и Веерта украшали «Новую Рейнскую газету», как и глубокие статьи Маркса, Энгельса, Вольфа, других сотрудников и многочисленных корреспондентов из разных городов.

Георг Веерт написал для газеты сатирическую поэму об аристократическом врале и карьеристе фон Шнапганском, приключения которого потешали читателей. Веерт без промаха разил исконных врагов революции: юнкеров, националистов, либеральствующих буржуа и реакционных филистеров. В герое поэмы читатели скоро узнали князя Лихновского, правого депутата Франкфуртского собрания.

Как-то Веерт прочел, примостившись по обыкновению на подоконнике, стихи, которые всем понравились и тут же пошли в очередной номер:

Сегодня ехал я в Дюссельдорф.
Сосед мой — советник почтенный,
О «Новой Рейнской» начав разговор,
Бранился весьма откровенно:
«Редакторы этой газеты дрянной —
Чертей опасная свора:
Совсем не боятся ни бога они,
Ни Цвейфеля-прокурора!
Как средство от всех неурядиц земных
Хотят они первым делом
Республику красную провозгласить
С имущества полным разделом.
На части мельчайшие разделен
Весь мир будет ими вскоре:
На горсти земли и песку — вся твердь,
На малые волны — море.
Получит каждый на радость себе
Кусочек нашей планеты:
Достанется лучшее — редакторам
Из «Новой Рейнской газеты»…

…

Но тут господин советник умолк.
И полон я был раздумья:

Каким вы мудрым казались мне
В наш век сплошного безумья.
Меня ваша речь в восторг привела,
А если нужны ответы,
Скажу, что я-то редактор и есть
Из «Новой Рейнской газеты»…[11]

«Новая Рейнская газета» казалась властям столь опасной революционной крепостью, что уже в июле против нее возбудили судебное преследование. Прошло менее полутора месяцев со времени выхода первого номера. В Кёльне начались аресты. Газета тотчас же оповестила об этом своих читателей. Полиция ответила обыском в здании редакции. Жандармы вскрыли все шкафы и ящики столов. Тысячи бумажных листков, как снежный буран, завертелись по комнатам.

В ворохе запечатленных мыслей, отчетов, стихов, передовиц полицейские отрыли статью «Аресты», которая показалась им оскорбительной. Она была без подписи, и следователи силились, сопоставляя почерки, найти ее автора. Были допрошены Маркс, Энгельс, Дронке, а также издатель газеты Корф. Все они наотрез отказались назвать автора статьи. Тогда в качестве свидетелей были вызваны в полицию одиннадцать наборщиков.

Через несколько дней, выступая со статьей о судебном следствии против «Новой Рейнской газеты», Маркс писал: «… обращаем внимание читателей на то, что *одни и те же* преследования начались одновременно в разных местах — в Кёльне, в Дюссельдорфе, в Кобленце. Странная цепь случайностей!»

Спустя несколько дней Маркса снова допрашивали по поводу статьи «Аресты».

Однажды в Кёльне к Марксу подошел высокий красивый молодой человек с маленькими холеными усиками на чисто выбритом лице.

— Я давно ждал счастливой возможности пожать вам руку, доктор Маркс, — начал он, заметно любуясь собой и своей четкой дикцией. — Вы, вероятно, слыхали обо мне. Я руковожу «Дюссельдорфским демократическим союзом». Меня зовут Фердинанд Лассаль.

Карл не скрыл своей заинтересованности и ответил крепким рукопожатием.

— Вы еще очень молоды, — сказал он удивленно.

— Мне двадцать три года.

— Что ж, прекрасный возраст для борца. Рад познакомиться.

Насколько я осведомлен, в Дюссельдорфе вы не теряете времени даром. И хорошо делаете, что опираетесь в революционно-демократической деятельности на рабочих, а не на буржуазию. Она была бы плохой опорой. Вспомните Париж!

Лассалю не терпелось рассказать Марксу о том, как много времени он тратит на бракоразводную тяжбу графини Гацфельд.

— В «Новой Рейнской газете» мы писали о том, с какой настойчивостью вы ведете это дело, — отозвался Маркс.

— Деятельность моя весьма разностороння. Помимо общественных и социальных дел, а также юриспруденции, я намерен в ближайшие годы писать также книгу о Гераклите. Моя работа только начата, но не в моих привычках останавливаться на полпути в чем бы то ни было. Я хочу написать о мыслителе древности, который сумел первым высказать революционную мысль о том, что все в мире постоянно подвержено изменениям.

Маркс прищурился и бросил на Лассаля испытующий взгляд.

— Что ж, все это очень похвально. Подобная тема требует мужества.

Откинув красивым жестом завитые волосы, Лассаль принялся в цветистых выражениях превозносить духовную мощь Маркса. Лицо Маркса изменилось. Две морщинки, отражающие суровую волю и проницательность, четко обозначившиеся за последние годы на переносице Карла, углубились, и глаза досадливо сощурились. Маркс не любил похвал, подозревая в них примесь лести и неискренности — свойств, которые он считал особо отвратительными. Лассаль тотчас же уловил недовольство Карла и умно перевел разговор на дела демократического общества в Дюссельдорфе.

В течение нескольких дней, которые Фердинанд Лассаль провел в Кёльне, он постоянно искал возможности видеться с Марксом, но у Карла, однако, все время оставалось возникшее с первого дня знакомства двойственное чувство к нему — расположение и вместе с тем острая антипатия.

Чрезвычайно подвижной, разговорчивый, заражающе деятельный, образованный, остроумный, Лассаль производил впечатление весьма недюжинного человека. Он был хорошо известен в Германии из-за нашумевшего бракоразводного процесса графини Софи фон Гацфельд, который успешно вел вот уже 2 года.

Лассаль встретил графиню в Берлине, когда она была в отчаянном положении. Оставленная почти без средств деспотом мужем, забравшим у нее ребенка, она тщетно искала помощи. Обращение в суд женщины в среде феодального дворянства означало безусловный проигрыш. Судьба одинокой,

оскорбляемой всеми Софи фон Гацфельд поразила юношу, едва достигшего двадцати одного года. Он не был юристом, но мысль сразиться с кастой, которую ненавидел с детства, увлекла его воображение. В его глазах графиня являлась жертвой не только мужа, но и всей придворной аристократии, хотя она и принадлежала к ней по рождению. Процесс добивавшейся свободы и материнских прав графини должен был стать политическим событием.

Часто Лассаль приезжал в Кёльн. Он сумел сблизиться с Карлом, старался оказывать всяческие услуги и, проникнувшись к нему глубоким почтением, добился, что они перешли на «ты». Но друзьями в подлинном, большом смысле этого слова они не стали, да и не могли быть.

Маркс при виде Лассаля невольно настораживался и старался держать его на неуловимой внешне, но значительной дистанции. Ему претили в молодом человеке отсутствие скромности, хвастливость, мелкое, подчас недостойное честолюбие и неразборчивость в средствах для достижения цели. Карл вспоминал оценку, которую дал Лассалю как-то Гейне. Она казалась ему очень меткой. «Основательнейшую ученость, обширнейшие знания и величайшее остроумие, какое я когда-либо встречал, — писал поэт, — он соединяет с такой силой воли, такой практической ловкостью, что я невольно изумляюсь ему… Лассаль является истым сыном нового времени, которое ничего не хочет знать о том самоотречении и скромности, какими мы в свое время, с большей или меньшей искренностью, пробавлялись и щеголяли. Это новое поколение людей хочет наслаждаться, оно хочет въявь заявить о себе».

В конце августа Маркс решил побывать в Берлине и в Вене. Необходимо было укрепить связи с демократическими и рабочими обществами и добиться от их руководителей решительной борьбы с крепнущей контрреволюцией.

Берлин произвел на Карла, как и много лет назад, отталкивающее, мрачное впечатление. По улицам, высоко вскидывая ноги, шагали исполненные самодовольства вооруженные отряды реакционеров. Серые, однообразные, как спички, дома вызывали непреодолимую скуку.

В ресторане Спарганапани, знакомом Марксу с университетских лет, за чашкой кофе со сливками он просмотрел прессу, особое внимание уделил «Новой Прусской газете».

Незадолго до приезда Карла в Берлин здесь происходил съезд крупнейших землевладельцев. В течение нескольких дней они произносили речи в защиту интересов дворянства. «Новая Прусская газета» стала органом этого «юнкерского парламента»,

который, не жалея средств, поддерживали и лютеранская церковь, и королевская чета, и даже царское правительство России, видевшие в нем желанный оплот контрреволюции.

На первой странице газеты Маркс прочел статью, призывавшую начать крестовый поход против революционных идей и революционеров. Автором ее был молодой преуспевающий военный, по фамилии Бисмарк, один из влиятельнейших членов «Прусского кружка» — могущественной партии, имевшей в своем распоряжении основные контрреволюционные организации.

Маркс знал, что вождь старопрусской придворной группы, сам генерал Герлах, и предприимчивая хитрая королева Елизавета благоволили к светловолосому гиганту, представителю старинного богатого дворянского дома. Он во всем высказывал преданность прусской короне и юнкерству, ненависть ко всякого рода реформам, бычье упорство. К тому же он имел истинно тевтонскую представительную внешность. В своих статьях и речах обычно Бисмарк не только призывал к крестовым походам, но и поучал, как надобно создавать новые организации прусских юнкеров, опоры монархии и порядка.

Такие взгляды были угодны и королю Фридриху Вильгельму, отличавшемуся вообще крайней неуравновешенностью, но твердо стремившемуся не уступать ни в чем народу. Он оказался вынужденным после мартовской революции поступиться некоторыми привилегиями и потом делал все, чтобы их вернуть. Король мечтал о государственном перевороте и возлагал отныне все свои надежды на прусское юнкерство.

Во время пребывания в Берлине Маркс перевидал много нужных ему людей, выясняя, в частности, возможности получения денег для «Новой Рейнской газеты».

Со времени панического и предательского бегства акционеров газета жила за счет тиража. Однако этого дохода не всегда было достаточно. Маркс вложил в издание все свои личные сбережения.

В Берлине Карл встретился с Бакуниным. Они разговорились.

— Кстати, — помрачнев, сказал вдруг Бакунин, — царское правительство продолжает оговаривать меня. Опровержение вашей газеты не всех убедило.

Бакунин имел в виду провокационную клевету, пущенную о нем царским послом в Париже Киселевым.

Однажды в «Новую Рейнскую газету» поступили сообщения, вызвавшие бурное возмущение. Информационное бюро Гавас, а за ним и парижский корреспондент газеты Эвербек сообщали о полученных ими данных, будто Михаил Бакунин является тайным агентом царского правительства. Ссылка на то, что у Жорж Санд

имеются подтверждающие документы, придала известию правдоподобность. Однако уже через несколько дней «Новая Рейнская газета», получив письмо писательницы, отвергшей этот подлый вымысел, напечатала опровержение.

— Я вам разъясню некоторые детали этой истории, — продолжал Бакунин. — Мне хорошо известно, что единственным источником клеветы является русское правительство. После того как пять лет назад я был заочно приговорен к каторжным работам в сибирских рудниках, меня ни на час не оставляли в покое; дошло до того, что принялись распространять слух, будто я бежал из Петербурга не по политическим причинам, а потому, что украл значительную сумму денег. Но и этого было мало. Меня обвиняли в намерении убить Николая Первого. Для этой цели я будто бы отправил в Россию двух мятежных поляков. А теперь вот эта клевета… Фантазия русского правительства работает неутомимо, и я не могу даже предвидеть, какая еще падет на меня вина.

— Вы сильно досадили русскому самодержавию. Вот оно и пытается вам мстить жалким и подлым образом, — подтвердил Карл.

— Да, я действительно стараюсь разрушить упорно создаваемую легенду об единении царя с русским народом. В публичных речах я не раз говорил о творящихся в России беззакониях и одновременно бессилии правительства улучшить жизнь народа. Я обнаружил пропасть, отделяющую власть от народа, и доказал, что царское правительство скоро рухнет со всеми своими низостями и ложью. Я предсказал Николаю близкую гибель и возрождение освобожденной русской нации из-под обломков Русского государства. Я предложил от имени революционных партий России, от всех волнующихся сил народных, стремящихся к свету и свободе, революционный союз с польским народом против императора Николая и его злодеяний. Конечно, царскому правительству не за что быть мне благодарным!

— Но что это за революционные партии в России и кто в них состоит? Вы уже много лет как оттуда. Имеете ли вы связь с кем-либо на родине? Меня чрезвычайно интересует Россия.

— В России много пороха в крестьянстве. Оно и есть тот народ, который надо поднять на свержение самодержавия. Фабричных работников у нас мало. Это бедняки, они оторваны от земли, и не в них сила. К сожалению, Европа почти ничего не знает о русском народе. Николай и его клика пытаются окружить Россию китайской стеной так, чтобы оттуда не доносился ни единый звук: будь то стон страдания или вопль возмущения.

— Этого никакой царь больше не добьется! Время наше

несется быстро, революции ломают преграды между государствами, — заметил Маркс.

— Европа должна думать, что русский народ глуп, что он любит и боготворит царя! — воскликнул Бакунин. — И царь и его правительство все делают, чтобы убедить мир в своей силе и единении с народом.

Сидя за столом друг против друга, Маркс и Бакунин напоминали двух бойцов на коротком привале в трудном походе.

Бакунин, ошеломленный, но не растерявшийся после июньского поражения французских рабочих, вернулся недавно из Бреславля. До этого он побывал в Праге на славянском конгрессе и все еще надеялся на единение всех славян в борьбе с русским самодержавием. Он высказал это в беседе с Карлом. Маркс пробовал доказать, что славяне покуда стоят по обеим сторонам баррикад.

— Многие славяне в Австрийской империи, — говорил он, — помогают врагам, и не принадлежность к тому или иному племени, а к классу решает все в революции.

Споря и не чувствуя полного единства, они не хотели, однако, раздоров. Каждый невольно думал о том, когда и как придется встретиться опять. Их ждали жестокие бои и опасности. В данное время для обоих цель жизни была в защите революционных завоеваний. Это сближало Маркса с Бакуниным, хотя они шли разными путями к осуществлению своих идеалов.

27 августа Карл приехал в кипучую столицу Австрии. Насколько отталкивающе бездушен, безлик был чопорный Берлин, настолько обаятельной казалась Вена, прославленный город музыки, зеленых лужаек, общительных людей. Венгры, чехи, хорваты, итальянцы, поляки, подпавшие под власть феодальной империи Габсбургов, передавали австрийцам многое из своей культуры и национальных особенностей. Издавна в Вену являлись художники и музыканты. Из бесчисленных кофеен, невзирая на политические события или войны, доносились игра — венгерских и румынских оркестров, пение, смех, спорящие голоса.

Но за внешней беспечностью невозможно все же было не увидеть, что положение в городе очень тревожное. С мартовских дней, когда народ избавился от ига Меттерниха и потребовал от короля уничтожения феодальных повинностей, многое изменилось. В порабощенных Австрией многочисленных странах начались восстания за независимость и свободу.

Всего за четыре дня до приезда Маркса на улицах самой Вены произошли кровопролитные бои. После июньского выступления

парижских рабочих напуганная австрийская буржуазия предпочла монархию республике. Это и вызвало возмущение демократических слоев населения Вены.

Ширились национальные движения словаков, сербов, хорватов, трансильванских румын. Они усложняли и без того тяжелое положение в Венгрии, где не затихала революционная буря.

На первом же заседании «Венского демократического союза», где обсуждался вопрос о положении в столице Австрии после недавних уличных боев, Маркс говорил о том, что события эти не следствие смены кабинета и распрей в правительстве, а, как и восстание рабочих в Париже, порождены классовой борьбой между буржуазией и пролетариатом.

Знакомясь с чрезвычайно сложными перипетиями борьбы народов, входивших в состав Австрийского государства, Карл встречался в Вене с рабочими, студентами, посещал клубы, вел переговоры с руководителями демократических обществ.

В то время основной целью германской революции было объединение, а в Австрии демократы, наоборот, стремились к разрушению разноплеменной империи Габсбургов. Многонациональная страна походила на огромное полотнище из разноцветных лоскутьев.

В среде рабочих-единомышленников Маркс отдыхал. Его не знавшая страха душа вбирала в себя тепло благодарности, любви, полного доверия. Не дрогнув, он повел бы их на бой. Но время еще не пришло, и Карл знал это. Он рассказывал труженикам о неумолимом законе возникновения и гибели класса угнетателей, о социальных отношениях в Европе и о значении пролетариата в революционной борьбе.

Политическая обстановка в Пруссии обострялась с каждым днем, и Маркс вынужден был поторопиться с отъездом из Вены. По дороге в Кёльн он снова остановился в Берлине. Здесь в течение нескольких дней он сумел довести до конца переговоры с руководителями демократического движения и побывать на заседании прусского Национального собрания.

Все в Берлине знали, что король и его клика хотят вернуть в Берлин войска и с их помощью расправиться с буржуазной оппозицией. Маркс был на заседании Национального собрания, — когда депутаты потребовали от военного министра приказа, который вменял бы офицерам в долг чести отставку, если их политические взгляды не совпадают с конституционным правлением. Это была жалкая попытка предотвратить надвигающийся разгром.

Карл внимательно слушал прения. «Новая Рейнская газета»

давно уже предсказала гибель «мудрствующего, брюзжащего, неспособного к решениям» берлинского Национального собрания, если оно не изменит своей увертливой и трусливой соглашательской политики.

Перед самым отъездом Карл, наконец, добыл некоторые средства для «Новой Рейнской газеты». Польские демократы согласились дать для дальнейшего издания газеты, наиболее последовательно защищавшей дело освобождения польского народа, две тысячи талеров. Маркс поспешил в Кёльн.

Прирейнские провинции особенно беспокоили короля и его ставленников. Чтобы предотвратить там восстание, почти треть прусской армии была расквартирована в районах, где находилась наиболее мощная индустрия и был сильный рабочий класс. Действительно, в Рейнландии в последние годы ширилось революционное движение. Кроме «Демократического общества», во главе которого стоял Маркс, в Кёльне действовал также «Рабочий союз», руководимый коммунистами, бывшими эмигрантами Иосифом Моллем и Карлом Шаппером.

Имя главного редактора «Новой Рейнской газеты» было известно далеко за пределами Германии. Оно становилось все более и более опасным для прусского правительства. Не только среди рабочих, ремесленников, интеллигенции, но и в армии «Новая Рейнская газета» пользовалась любовью и уважением.

Однажды в редакцию боевого кёльнского органа пришло письмо, обращенное к редакторам газеты и руководителям «Рабочего союза»:

«Мы, солдаты 34-го пехотного полка, не можем не выразить многоуважаемой редакции «Новой Рейнской газеты» нашу искреннюю и глубокую благодарность… Поверьте, что имена Маркса, Шаппера, Энгельса, Вольфа никогда не изгладятся из нашей памяти. Более того, мы надеемся, что придет время, когда мы сможем выразить этим господам нашу благодарность».

Под этим письмом стояло 1700 подписей.

В те же дни на жалобу Маркса по поводу отказа принять его в германское подданство министр внутренних дел ответил, что считает вполне законным и окончательным решение кёльнских властей, отказавшихся вернуть Карлу право быть прусским гражданином. Так Маркс остался вне гражданства.

27 сентября «Новая Рейнская газета» крупным шрифтом вместо передовицы поместила следующее сообщение из Кёльна:

«Осадное положение в Кёльне. Сегодня мы снова печатаем номер без оглавления. Мы спешим выпустить газету. Из достоверных источников нам стало известно, что в ближайшие

часы город будет объявлен на осадном положении… учреждены военные суды и ликвидированы все завоеванные в марте права. Ходят слухи, что гражданское ополчение не намерено допустить чтобы его разоружили».

За день до этого кёльнская прокуратура возбудила судебное следствие против Энгельса и Вильгельма Вольфа. Их обвинили в заговоре против существующего строя.

В это время произошло восстание во Франкфурте-на-Майне.

В городе вспыхнули уличные бои. Один из реакционных членов Франкфуртского собрания, князь Лихновский, стрелял в толпу и был растерзан ею. Рабочих и ремесленников поддержали крестьяне окрестных деревень. «Новая Рейнская газета» писала по этому поводу: «И все же, признаться, у нас мало надежды на победу храбрых повстанцев. Франкфурт слишком небольшой город, а несоразмерная сила войск и всем известные контрреволюционные симпатии франкфуртских мещан создают слишком большой перевес, чтобы мы могли питать преувеличенные надежды».

Во Франкфурте было объявлено осадное положение, и каждый захваченный с оружием в руках немедленно предавался военному суду. Железная дорога была во многих местах разобрана, и почтовая связь нарушена. Кёльн ответил на поражение тружеников Франкфурта массовыми народными собраниями.

Прирейнская провинция бурлила. Каждый день в Кёльне, то в манеже, то на площадях, то в больших, похожих на лабазы, помещениях, предназначенных для народных празднеств, собирались рабочие и ремесленники.

— Почему, — спрашивали они оратора, — наше правое революционное дело терпит поражение? Мы только и читаем, только и слышим что о разгроме рабочих в Неаполе, Праге, Париже, Вене. Вот то же произошло во Франкфурте.

На это с обычной исчерпывающей полнотой ответил им Энгельс.

«Объясняется это тем, — писал он, — что все партии знают, насколько борьба, подготовляющаяся во всех цивилизованных странах, имеет совершенно иной, неизмеримо более значительный характер, чем все происходившие до сих пор революции. Ибо в Вене как и в Париже, в Берлине как и во Франкфурте, в Лондоне как и в Милане дело идет о *свержении политического господства буржуазии,* о таком перевороте, даже ближайшие последствия которого наполняют ужасом всех солидных и занимающихся спекуляцией буржуа.

Разве есть еще в мире какой-нибудь революционный центр,

где бы в течение последних пяти месяцев не развевалось на баррикадах красное знамя, боевой символ связанного братскими узами европейского пролетариата?

И во Франкфурте борьба против парламента объединенных юнкеров и буржуа велась под красным знаменем.

Именно потому, что каждое происходящее сейчас восстание прямо угрожает политическому положению буржуазии и косвенно — ее общественному положению, именно поэтому происходят все эти поражения. Безоружный в большинстве своем народ должен бороться не только против перешедшей в руки буржуазии силы организованного чиновничьего и военного государства, — он должен также бороться против самой вооруженной буржуазии. Против неорганизованного и плохо вооруженного народа стоят все остальные классы общества, хорошо организованные и хорошо вооруженные. Вот чем объясняется, что народ до сих пор терпел поражения и будет терпеть поражения до тех пор, пока его противники не будут ослаблены либо вследствие участия армии в войне, либо вследствие раскола в их рядах, или же пока какое-нибудь крупное событие не толкнет народ на отчаянную борьбу и не деморализует его противников».

Желая вызвать провокациями восстание в Кёльне, чтобы затем зверски расправиться с его участниками, полиция начала аресты руководителей кёльнских рабочих союзов и демократических обществ. В тюрьме оказались Шаппер и Беккер. Угроза заключения нависла над особо чтимым рабочим людом Иосифом Моллем. Атмосфера в городе накалилась. Возмущенные бесчинством властей, рабочие вышли на улицы и принялись строить баррикады.

Маркс на митинге «Рабочего союза», стихийно возникшем на Старом рынке утром 25 сентября, выступил с настойчивым призывом не поддаваться провокации. Он уговаривал возбужденных до крайности, рвавшихся в бой тружеников помнить о коварстве противника и беречь силы для великих назревающих событий.

— Преждевременное восстание бесцельно и пагубно, — говорил Маркс. — Королевско-юнкерская власть повсеместно начинает наступление. Нужно помнить об этом и не ослаблять свои силы. Буржуа, как везде в последнее время, поддержат контрреволюцию…

Каждый раз, когда с губ Маркса срывалось слово «буржуа», голос его приобретал презрительные интонации.

После окончания собрания на Старом рынке, понимая, что время не терпит и победа за теми, у кого больше мужества и выдержки, Маркс и его многочисленные сторонники отправились

на совместное заседание «Демократического общества» и «Рабочего союза» в огромный зал Эйзера. Обычно там давались великолепные симфонические концерты и звучала, потрясая сердца слушателей, музыка Глюка, Бетховена, Баха. Там же нередко устраивались богатые балы.

Было всего три часа пополудни, и нежные осенние лучи солнца врывались в многочисленные окна, скользили по разгоряченным лицам собравшихся в зале людей. Возбуждение и гнев народа грозили восстанием.

Но снова раздался мощный голос Маркса, предостерегающий собравшихся от преждевременных, обреченных на неудачу уличных выступлений. Здравый смысл полководца революции одержал верх, рабочие убедились, что строить баррикады пока что не следует, что нужны спокойствие, выдержка и сплоченность.

Однако комендант Кёльна ввел осадное положение, запретил «Новую Рейнскую газету», издал приказ об аресте Энгельса и других членов редакции. Не желая оказаться в лапах прусской военщины, Энгельс, Дронке и оба Вольфа покинули город.

В Бармене, куда направился Энгельс, он прятался в пустом старинном особняке деда. Тщетно полиция искала его.

Потом Фридрих бежал в Бельгию. Там его ждали арест и тюрьма. В арестантском фургоне, как «бродяга без должных документов», Энгельс был препровожден на французскую границу. Оттуда добрался он, наконец, до Парижа.

Маркс оставался в Кёльне. Он решил добиться возобновления выхода «Новой Рейнской газеты». Однако денег на издание больше не было. Тогда, желая во что бы то ни стало возобновить выпуск газеты, Маркс решился на крайнее средство. В Трире у матери хранились принадлежащие ему несколько тысяч талеров из наследства отца. Это было все, что оставалось на случай, который всегда подстерегает бойца и его семью. И, однако, Карл решился израсходовать последние свои деньги на издание газеты. Он сказал об этом Женни, вопросительно взглянув в ее не умевшие ни хитрить, ни лгать глаза. Была ночь. В соседней, очень скромно обставленной комнате спали трое их детей. Они оба подумали о них в эту минуту. Но в глазах Женни, прямо ответившей на взгляд мужа, не промелькнуло ни малейшего удивления, сомнения или сожаления.

— Революция — дело нашей жизни, — сказала Женни просто. — Хорошо, что деньги найдут себе правильное применение. — И положила руку на крепкое плечо Карла.

Итак, Маркс снова не сдался. Он продолжал воевать.

В октябре издание «Новой Рейнской газеты» возобновилось.

Редакционный комитет пополнился Фердинандом Фрейлигратом. Вскоре вернулся Вольф.

Не было только Энгельса. Он направился в Швейцарию. Денег у него было немного, и пришлось идти пешком… В эту пору Маркс посылал ему средства на жизнь и категорически настаивал, чтобы он не возвращался в Кёльн, где его ждала тюрьма.

Когда гонения на «Новую Рейнскую газету» немного ослабели, вернулся Веерт и тотчас же вооружился пером. В одном из первых номеров, вышедших после временного запрещения газеты, было напечатано его лирико-сатирическое стихотворение:

«Я радости большей не знал никогда,
Чем больно врага ужалить
Да парня нескладного шуткой задеть
И весело позубоскалить».

Так думал я, лиру настроив мою,
Но струн прекратил движенье:
Забавам конец! Кёльн святой угодил
В осадное положенье…

Весь город покрылся щетиной штыков
И сходен стал с дикобразом.
Архангелов прусских рать заняла
Все рынки и площади разом…

К нам в дверь с патрулем заглянул лейтенант
И грозно изрек при этом
Под бой барабана смертный вердикт:
Запрет «Новой Рейнской газеты»[12].

Вскоре Веерт был привлечен к суду за обличительный роман о рыцаре Шнапганском. За свою поэму, будто бы явившуюся подстрекательством к убийству реакционера князя Лихновского во время Франкфуртского восстания, Веерт был приговорен к тюремному заключению.

Осень несла с собой дожди и холод. Золотая листва деревьев, которых так много в Кёльне, потемнела и осыпалась. Помрачнел веселый Рейн. В редакции «Новой Рейнской газеты» круглые сутки не прекращались гул голосов, топот ног, сутолока. Типографские рабочие, наборщики, курьеры работали самоотверженно наряду с членами редакции и корреспондентами. По ярко-красным якобинским колпакам горожане узнавали типографских рабочих «Новой Рейнской газеты». Ничто не могло

повергнуть их в уныние. Это были неустрашимые, умеющие без устали трудиться и от души посмеяться люди, готовые, если нужно, с оружием в руках отстаивать газету. Их не смущали тревожные вести со всех концов Европы…

Второй демократический конгресс в Берлине — а на него возлагали столько надежд германские революционеры — вместо действенных мер против контрреволюции занялся пререканиями и придумыванием никчемных резолюций.

Рабочие Вены, которых во время восстания поддержали только студенты и предали крестьяне и буржуазия, после долгого сопротивления вынуждены были сдаться штурмующим войскам. Черно-желтые знамена габсбургской династии снова раскачивал суровый ноябрьский ветер в примолкшей, оробевшей австрийской столице.

В Берлине прусский король объявил о роспуске Национального собрания.

Европейская революция завершала свой круговорот. Начавшись в Париже, она приняла европейский характер.

Контрреволюция нанесла свой первый удар в Париже в июньские дни и также стала всеевропейской.

Фердинанд Лассаль вступил в гражданскую милицию Дюссельдорфа и принялся готовить вооруженное сопротивление контрреволюции. Он послал в Берлин членам агонизирующего Национального собрания адрес от имени ополченцев Дюссельдорфского округа:

«Пассивное сопротивление уже исчерпано. Мы заклинаем Национальное собрание: призывайте к оружию, призывайте к делу!»

Одновременно Лассаль, повторяя слова статьи Маркса, агитировал народ не платить налогов в знак протеста.

На собрании в Нейсе, близ Дюссельдорфа, один из его друзей-рабочих крикнул: «Смерть королю!»

Лассаль был арестован. «Новая Рейнская газета» немедленно выступила со статьями в его защиту.

Маркс нередко оставлял редакционный стол, чтобы вести рабочее собрание, произнести речь, но поздно ночью снова возвращался просмотреть очередной номер и прочесть поступившую информацию. Огромным напором воли он преодолевал нечеловеческую усталость. В его иссиня-черных волосах появились белые нити. Суровым стало его смуглое лицо. А работы становилось все больше и больше.

На одном из многолюдных собраний Маркса избрали в члены Народного комитета Кёльна. Эта организация призвана была попытаться спасти завоевания революции.

Все это время не оставлял в покое Маркса и судебный следователь. Полицейские придирки становились все назойливее. Газету и ее редактора обвиняли в подстрекательстве к восстанию, в оскорблении полиции и чиновников, в призыве к низвержению королевской власти. Однажды, когда Маркс вышел из здания суда, его встретила встревоженная толпа. Народ собрался, чтобы в случае надобности защитить своего вождя.

Фридрих Энгельс в дорожном костюме и крепких сапогах, с палкой в руке, не чувствуя усталости, шел горными тропами к франко-швейцарской границе. На вершинах Альп, переливаясь всеми цветами радуги, сиял снег. От ледников веяло прохладой. Воздух был пропитан пряным ароматом вянущих трав и поздних цветов. Горы вокруг казались опрокинутыми наискось и напоминали геометрические фигуры.

На альпийских лугах пастухи на глиняных окаринах наигрывали заунывные мелодии. Им вторили колокольчики, подвязанные к ошейникам потучневших за лето коров. Вдоль извилистых, то взбирающихся вверх, то круто срывающихся в ущелье, дорог редко встречались трактиры. Сыр, кусок хлеба и фляга с водой вполне устраивали путника.

Швейцария показалась Фридриху невыносимой. После бурных событий в недавнем прошлом, разыгравшихся в этой стране, она превратилась в сытое, покойное болото, где самодовольные буржуа чувствовали себя превосходно, будто жабы под дождем. Кальвинизм — лицемернейшая из религий — железной паутиной оплел сознание мещан. Наслаждаясь покоем, они скорее смогли бы стать палачами революции любой страны, нежели вступиться за права какого-нибудь народа.

Прогуливаясь по набережной чистенькой, приглаженной Женевы, глядя на вяло катящее свои ясные волны озеро Леман, Энгельс томился изгнанием. Его все больше раздражала невозмутимость этой окруженной горами страны, где в кантонах всем заправляли владельцы сыроварен, часовых заводов и шоколадных фабрик.

Во время вынужденного пребывания в Швейцарии Энгельс не терял связи с «Новой Рейнской газетой» и посылал Марксу статьи и корреспонденции.

Только в середине января 1849 года, когда обстановка в Рейнской Пруссии несколько изменилась и опасность ареста отпала, он снова очутился среди друзей и единомышленников в Кёльне.

В обычный час за столом Маркса собрались все редакторы «Новой Рейнской газеты». Энгельс, взволнованный и счастливый,

вглядывался в дорогие ему лица. Точно прошли десятилетия, так много изменений произошло в мире за короткие несколько месяцев.

В Париже президентом республики был избран Луи Наполеон Бонапарт. Он и его клика энергично расчищали путь к империи. В тисках контрреволюции оказались Вена и Берлин. Последней крепостью, над которой все еще гордо реяло красное знамя, был Кёльн, но и этому свободолюбивому городу угрожала осада.

Несколько новых, ранее неведомых Энгельсу морщин, как рубцы от ран, пролегли на выпуклом, могучем лбу Маркса. Еще ярче и проницательнее стал взгляд его черных глаз с голубыми белками. Похудел и возмужал Веерт, и иное выражение появилось в его небольших, крепко сомкнутых губах; более суровым казалось всегда немного печальное лицо Вильгельма Вольфа. Невозмутимым, хотя и заметно утомленным, выглядел Фрейлигрaт. Еще подвижнее и хлопотливее были Дронке и Фердинанд Вольф.

Но ни малейшей растерянности и тем более уныния не было среди редакторов «Новой Рейнской газеты». Наоборот. Приближающиеся бои как-то воодушевляли их, придавали торжественность их словам и действиям.

Дронке сообщил Энгельсу, что в редакции имеется восемь ружей и несколько сот патронов.

— Наш гарнизон в боевой готовности, — пошутил он при этом.

— Ты имеешь в виду типографских и редакционных работников? — спросил Энгельс.

— Конечно, но нам не хватало командира! Теперь ты вернулся, отлично. Будешь командовать!

В феврале Маркс и Энгельс предстали перед судом присяжных. Их обвинили в оскорблении властей. Но какое жалкое зрелище являл собой прокурор, когда заговорили обвиняемые! Каждое слово Маркса и Энгельса чудодейственно превращало мнивших себя великанами судейских чиновников в крошечных лилипутов. Обвинители превратились в обвиняемых.

Присяжные оправдали Маркса и Энгельса. Спустя два месяца «Рабочий союз» и его руководители порвали с мелкобуржуазными демократами. Колебания и предательство этих недавних союзников были слишком опасны в дни революционных боев.

Когда из Берлина пришел указ ввести в Кёльне осадное положение, комендант крепости, зная, что это грозит бунтом, не решился его выполнить. Тогда начались сложные закулисные интриги полицейского управления, ищущего средства избавиться от Маркса и выслать его из Кёльна. Директор полиции обратился

за помощью в Берлин, к министру внутренних дел. Он сообщал, что меры принуждения против главного редактора «Новой Рейнской газеты» повлекут за собой опасное возмущение всех революционеров свободолюбивого города.

Министр, в свою очередь, не решился действовать сам и запросил совета у обер-президента Рейнской провинции.

Около двух месяцев в министерстве внутренних дел раздумывали, как разделаться с Марксом и газетой, которая согласно полицейским донесениям разрушает все устои, подстрекает к ниспровержению существующих государственных учреждений, издевается и высмеивает все, что король считает священным. А тираж газеты между тем все возрастал!

10 мая Карл Маркс был в маленьком городке Гамме и вел переговоры с отставным лейтенантом Генце, преследуемым за революционные взгляды, об основании большого коммунистического издательства. Вернувшись в Кёльн, Маркс получил предписание покинуть пределы Германии. Одновременно была решена и участь «Новой Рейнской газеты».

19 мая вышел последний, отпечатанный алой краской, пылающий, как факел, номер. Под багряным названием газеты были напечатаны стихи Фрейлиграта:

ПРОЩАЛЬНОЕ СЛОВО «НОВОЙ РЕЙНСКОЙ ГАЗЕТЫ»

Не удар открытый в открытом бою,
А лукавые козни, коварство, —
Сломило, подкравшись, силу мою
Варваров западных царство!
И выстрел из мрака меня сразил.
Умертвить мятежницу рады,
И вот лежу я в расцвете сил,
Убитая из засады!
В усмешке презренье к врагам затая
И крепко сжимая шпагу,
«Восстанье!» — кричала пред смертью я,
Не сломили мою отвагу.
Охотно бы царь и прусский король
Могилу мне солью покрыли,
Но венгры и пфальцы, затая в себе боль,
Салютуют моей могиле!
И в одежде рваной рабочий-бедняк
В могилу меня провожает

И мне на гроб, как участия знак,
Прощальные комья бросает.
Из березовых листьев и майских цветов
Принес он, полон печали,
Венок, который после трудов
Жена и дочь сплетали.
Так прощай же, прощай, грохочущий бой!
Так прощайте, ряды боевые,
И поле в копоти пороховой,
И мечи, и копья стальные!
Так прощайте! Но только не навсегда!
Не убьют они дух наш, о братья!
И час пробьет, и, воскреснув, тогда
Вернусь к вам живая опять я!
И когда последний трон упадет
И когда беспощадное слово
На суде — «виновны» — скажет народ, —
Тогда я вернусь к вам снова.
На Дунае, на Рейне словом, мечом
Народу восставшему всюду
Соратницей верной в строю боевом,
Бунтовщица гонимая, буду![13]

После этих волнующих пророческих стихов Фрейлиграта следовало обращение редакторов газеты к кёльнским рабочим:

«На прощание мы предостерегаем вас против какого бы то ни было путча в Кёльне. При военном положении в Кёльне вы потерпели бы жестокое поражение. На примере Эльберфельда вы видели, как буржуазия посылает рабочих в огонь, а потом самым подлым образом предает их. Осадное положение в Кёльне деморализовало бы всю Рейнскую провинцию, а осадное положение явилось бы необходимым следствием всякого восстания с вашей стороны в данный момент. Ваше спокойствие приведет пруссаков в отчаяние.

Редакторы «Новой Рейнской газеты», прощаясь с вами, благодарят вас за выраженное им участие. Их последним словом всегда и повсюду будет: **освобождение рабочего класса!**

Редакция «Новой Рейнской газеты»

Карл Маркс последним сошел с боевого корабля.

У него не было ни гроша денег. Женни отправила в ломбард единственное ценное, что у нее оставалось, — серебряную посуду с гербом Вестфаленов. На вырученные деньги можно было

тронуться в путь.

Карл и Фридрих направились в Баден.

В эту же пору Бакунин метался в поисках действия. Один план сменялся в его разгоряченном мозгу другим. Он бросался от одной крайности в другую.

В Праге, куда Бакунин прибыл, чтобы возглавить богемскую революцию, у него не было знакомых. В тайное общество, которое он мысленно подготовил и начал организовывать, не вступил никто, кроме двух чехов.

Хаос в голове Бакунина, противоречивость его взглядов дошли до абсурда. Сперва видя, как пруссаки и австрийцы поработили многие славянские племена, он разразился гневным «Воззванием к славянам», направленным против русского царизма и Николая I, затем вдруг решил написать письмо русскому самодержцу, призывая его самого возглавить славянские народы и стать их царем! В своем письме он пытался убедить русского царя поднять общеславянское знамя.

Так он колебался между идеей панславизма и братства всех рас и народов, отрицал всякую теорию, мечтал о всеобщем разрушении, об отмене всех законов и вдруг жаждал власти, диктатуры сильной личности.

Оставаясь наедине с самим собой, он ощущал свое полное бессилие и, впадая в крайности, снова писал письма царю Николаю, чтобы затем порвать их. Письма получались многословные, похожие на исповедь, необдуманные. Но писались они с жаром, искренне и всегда отражали душевный беспорядок и бесчисленные противоречия его ума.

Наконец мятущаяся, страстная натура привела Бакунина на баррикады Дрездена во время майского восстания.

Храбрость и хладнокровие Бакунина сделали его во время самых тяжелых и безнадежных боев подлинным предводителем восстания. Его полнейшее презрение к опасности и смерти, забота о соратниках снискали ему, наконец, любовь, уважение и признательность революционеров. Львиная растрепанная голова, могучая атлетическая фигура Бакунина, возвышавшаяся на баррикадах, зычный голос, неустрашимость ободряли сражавшихся повстанцев. Он один возглавлял до последней минуты отряды защитников баррикад, когда уже все официальные руководители Временного правительства и восстания позорно бежали. Бакунин, конечно, был бессилен спасти обреченную революцию. Но он боролся до конца, не спал, не ел, не пил, даже не курил, чего с ним не бывало уже много лет.

Когда поражение стало неизбежным, Бакунин предложил оставшимся в живых повстанцам взорвать ратушу и самим

погибнуть в ней, чтобы не сдаваться врагу. Он сохранил для этого достаточное количество пороха. Но члены Временного правительства отказались. Тогда, собрав самых смелых защитников баррикад, Бакунин вывел их из горящего Дрездена. Отряд повстанцев направился к Фрейбургу. Бакунин не оставлял мечты ввести этот отряд в Богемию и начать там давно желанное восстание. Но его соратники были сильно утомлены, измучены, подавлены поражением, плохо вооружены. В Хемнице вместо помощи их ждало предательство. Реакционные бюргеры встретили отряд крайне враждебно, ночью они схватили повстанцев и передали прусским властям. Бакунин был так подавлен и измучен нравственно, что хотя и мог бежать, но остался безучастным к своей судьбе. Он надеялся, что его расстреляют на месте, и боялся только одного — выдачи русскому правительству. Прусское военное командование заточило его в старинную крепость Кенигштейн. Вскоре его дважды судили, сначала прусским, затем австрийским военным судом, и приговорили к смертной казни.

Затем случилось то, чего Бакунин боялся превыше всего: его выдали русскому царю.

В главном городе Бадена Мангейме, куда приехали Маркс и Энгельс, готовилось восстание.

— Прежде всего, — советовал Фридрих руководителям восстания, — следует не допустить частных мятежей в крепостях и гарнизонных городах. Это лишь бессмысленная трата сил. Но совершенно необходимы диверсии в маленьких городах, в фабричных районах и сельских местностях, которые задерживали бы продвижение правительственных войск. А все свободные силы нужно собрать в хорошо защищенном, наиболее удобном округе и создать там ядро революционной армии.

Баденские вожди восстания не имели ни достаточного мужества, ни способности предвидения. Они пришли в ужас от плана столь смелых действий и отвергли советы Маркса и Энгельса. И это вскоре привело к разгрому восстания.

Карл, понимавший, что в Германии при создавшейся обстановке нечего ждать новых значительных революционных событий, поехал прямо в Париж.

Энгельс вернулся в Кайзерслаутерн, чтобы помочь повстанческим отрядам в их отступлении. По его вполне оправдавшемуся предсказанию самые решительные коммунисты были также и самыми решительными солдатами. Энгельс — один из них — вступил в добровольческий отряд, которым командовал отставной прусский лейтенант Виллих.

Отряд этот успешно блокировал прусскую крепость Ландау. Она легко могла бы быть взята повстанцами, если бы у них была артиллерия. Энгельс с присущим ему темпераментом и волей участвовал в боях и одновременно осаждал штаб восстания в Кайзерслаутерне, требуя гаубиц для Виллиха. Руководителям Временного правительства Бадена не понравилась критика Энгельса, и он был арестован в одном из пограничных пфальцских городков.

Со связанными руками пешком его погнали в Кайзерслаутерн и затем посадили в тюрьму. Узнав об этом, рейнские рабочие и солдаты добровольческого отряда заявили, что покинут позиции, если Энгельс не будет немедленно освобожден. Протест и возмущение среди повстанческих частей были так грозны, что распоряжением Временного правительства Энгельс через двадцать четыре часа был освобожден со всевозможными извинениями.

Вскоре разведчики доставили известие, что на провинцию наступают контрреволюционные прусские войска. Фридрих снова взялся за оружие.

До момента интернирования пфальцско-баденской армии в Швейцарии он принимал участие во всех походах и боях добровольческого, прославившегося своей дисциплиной и отвагой отряда Виллиха. Солдатам этой части пришлось принять на себя удары баденской армии.

В середине июля 1849 года восстание в Южной и Западной Германии было окончательно подавлено, чем и определился исход германской революции. Все было кончено! Энгельс с оставшимися в живых бойцами перешел на швейцарскую территорию.

Около двух месяцев Фридрих и Карл ничего не знали друг о друге.

Только 23 августа Энгельс получил от Маркса письмо.

«Дорогой Энгельс!

Меня высылают в департамент Морбиган, в Понтийские болота Бретани. Ты понимаешь, что я не соглашусь на эту замаскированную попытку убийства. Я поэтому покидаю Францию.

В Швейцарии мне не дают паспорта, я должен, таким образом, ехать в Лондон, и не позже, чем завтра. Швейцария и без того скоро будет герметически закупорена, и мыши будут пойманы одним ударом.

Кроме того: в Лондоне у меня имеются *положительные* виды на создание немецкого журнала. Часть денег мне *обеспечена.*

Ты должен поэтому немедленно отправиться в Лондон. Этого требует твоя безопасность. Пруссаки тебя дважды расстреляли бы: 1) за Баден; 2) за Эльберфельд. И зачем тебе эта Швейцария, где ты ничего не можешь делать? У тебя нет никаких затруднений к приезду в Лондон…

Я *положительно* рассчитываю на это. Ты *не можешь* оставаться в Швейцарии…

Моя жена остается пока здесь…

Твой К. М.»

В Париже Маркс стал свидетелем все более и более яростных нападок наглеющей реакции на революционную демократию.

В первый же день по приезде, когда он шел по улице Пуатье, его остановила старушка с четками в руке и, осенив себя крестным знамением, прошептала «Аве Мария» и подала маленькую книжечку. Это была одна из тридцати брошюр, изданных «партией порядка» для народа, чтобы вызвать страх и отвращение к социализму. Карл знал о группе контрреволюционеров, называвшей себя «партией порядка». Она состояла из орлеанистов, бонапартистов, легитимистов, католиков и даже нескольких республиканцев, объявивших экономические реформы порождением сатаны. Продажные борзописцы без совести и сердца за большие деньги составляли для издания гнусные проповеди, которые богатые старушки навязывали прохожим бесплатно, если те не соглашались заплатить за них пять сантимов.

Карл наугад раскрыл поданную ему брошюрку. Тираж ее достигал полумиллиона Маркс прочел:

«Красный — это не человек, это красный… Лицо у него забитое, огрубевшее, без выражения; мутные бегающие глаза, никогда не смотрящие в лицо, избегающие взгляда, как глаза свиньи; грубые негармоничные черты лица; низкий, холодный, сдавленный и плоский лоб; немой, невыразительный, как у осла, рот; крупные выдающиеся губы — признак низких страстей; толстый, широкий, неподвижный, без тонкости очертаний и крепко посаженный нос; — вот общие характерные черты, которые вы найдете у большинства коммунистов. На их лицах начертана глупость учений и идей, которыми они живут».

Маркс швырнул брошюру в мусорный ящик возле бакалейной лавки.

«Как, однако, распух желчный пузырь у господ контрреволюционеров, — внутренне улыбаясь, подумал он. — Здорово их пугает народ, хоть и мнят они себя победителями».

В реакционных писаниях особенно изощрялись Валлон и

Теодор Мюрэ, известные своими кутежами и продажностью купеческие сынки, и крючконосый наглый полицейский агент Шеню. Они писали и издавали многотысячным тиражом ядовитые пасквили, изобличавшие, впрочем, самую мерзостную сущность душ самих авторов. На обложке брошюрок для приманки они изображали сельского священника, проповедующего детям, или голубей среди цветов. Названия их тоже должны были вводить в заблуждение. Например, были брошюры, названные: «Катехизис рабочего или слово трудящегося», «Как крестьянину быть счастливым», «Вечера в вандейской хижине», «Работы и хлеба».

Тьер также появился снова на политической арене. Не обладая никакими экономическими познаниями, бывший министр короля Луи Филиппа написал книгу «О коммунизме», при котором, по его словам, «работать, радоваться и жить придется сообща».

Благодарная буржуазия, усмотрев в его брошюре защиту ее собственности, снабдила Тьера большими деньгами на борьбу с французской плебейской революцией. Тьер создал на средства банкиров и фабрикантов издательство, которое стало выпускать очень дешевые, а подчас и раздаваемые бесплатно книжки. Они назывались «Мелкие сочинения Академии моральных и политических наук».

Впрочем, народ чаще пользовался бумагой тьеровских изданий для совсем других, весьма прозаических целей.

В городе свирепствовала холера, врачи не знали, как и чем лечить смертоносную болезнь. Народ, охваченный отчаянием, становился все более бесстрашным. Знойное лето, пыль, окутавшая дома, деревья, самое небо, внезапные вспышки ярости усталого трудового люда, угрозы победителей создавали особо тягостную атмосферу неопределенности и беспокойства в столице.

Французские войска вопреки статье 5 конституции, гласившей, что республика никогда не употребляет своей силы на подавление национальных интересов народа и не вмешивается в дела чужих государств, подошли к Риму и осадили Вечный город.

Тысячи и тысячи впечатлительных, легко загорающихся французов, узнав об этом, до утра не покидали площади и бульвары. Они требовали, чтобы правительство и президент Бонапарт действовали согласно конституции и призвали армию к исполнению законов. Но на петиции и требования, вынесенные на многолюдных собраниях, ответа не было. Народ был безоружен, ослаблен после июньской бойни, руководители-революционеры погибли, сидели в тюрьмах или скрывались.

Правительство искало повода для повторения прошлогодней

кровавой расправы. Оно считало, что армия и полиция обеспечат контрреволюции победу над трудящимися.

В то время как все враги трудящихся объединились, народ не имел подлинно революционного руководства.

Партия Горы подвергалась преследованиям со стороны правительственной «партии порядка», исподволь готовившей заговор против республики.

Маркс познакомился с Горой — монтаньярами — ближе и понял, что они ничего не могут серьезно противопоставить силам контрреволюции. Многоречивые и напыщенные в стенах Национального собрания, монтаньяры 1848 года становились жалкими болтунами, когда оказывались среди народа.

Монтаньяры призывали к гражданскому миру, в то время как спасение революции было только в оружии.

Тотчас же после июньской трагедии Национальное собрание начало расследование происшедших событий. Оно создало следственную комиссию, во главе которой стал полулиберал, полупалач, всегда ничтожный и расчетливый карьерист Одилон Барро. Он был одним из тех, кто должен был помочь Луи Филиппу предотвратить февральскую революцию, но не сумел этого сделать. Он мечтал быть главой королевского правительства, но, так как монархия пала, приспособился к республике, чтобы ускорить ее падение. Комиссия Барро, имевшая чрезвычайные полномочия, оказалась на деле полицейским застенком. Она вылавливала всех, кто избежал июньской расправы и ареста, и передавала их в руки палача или посылала в тюрьму. Оговоры, случайное письмо, смелое поведение на допросах были для комиссии вполне достаточным поводом, чтобы вынести приговор. Даже народные представители, члены Национального собрания не были защищены от преследований комиссии. Такие уклончивые и безвольные депутаты, как Луи Блан и Коссидьер, оказались в конце концов под особым надзором.

Служивший «партии порядка» генерал Кавеньяк, чье слово имело решающее значение, откровенно заявил, что не будет препятствовать «ходу правосудия». На партию Горы обрушились непрерывные полицейские удары. Ее ряды редели день ото дня.

3 августа прокурор заявил Национальному собранию, что начинает судебное преследование против депутатов, членов Горы. Ответом ему были шум и сумятица. Все монтаньяры вскочили со своих мест и закричали:

— Доказательства! Представьте доказательства нашей вины!

Ледрю-Роллен и Луи Блан бросились к трибуне, опрокидывая скамьи. Председатель собрания заглушил их речи звонком.

Обвиняемым так и не дали возможности произнести ни одного слова.

Уже в июле министр внутренних дел Франции через префекта полиции предписал Карлу Марксу поселиться в департаменте Морбиган в Бретани. Климат этой малярийной местности был чрезвычайно вреден для здоровья.

— Это то же, что гильотина или Кайенна! Ехать туда невозможно, — сказала решительно Женни, узнав о предписании.

Она в то время была беременна и вскоре ждала четвертого ребенка. А семья находилась в жесточайшей нужде. «Новая Рейнская газета» поглотила все до последнего гроша. Марксу пришлось обратиться за помощью к Фрейлигграту и Лассалю, который вышел из тюрьмы после шестимесячного заключения.

Узнав из письма Маркса о его лишениях и материальных невзгодах, Лассаль обрадовался, что может выставить себя в наивыгоднейшем свете. Желание показать, что он помогает людям и особенно самому рейнскому громовержцу Карлу Марксу, превозмогло былые обиды за критику. Со свойственной ему живостью он стал обходить знакомых и незнакомых сограждан, рассказывая о положении изгнанника, и показывал его письмо. Так он собрал некоторую сумму денег. Совсем иначе поступил Фрейлигграт. С душевным тактом и деликатностью он поделился с другом всем, чем мог, хотя сам был в очень стесненных обстоятельствах.

Узнав о шумихе, поднятой вокруг его просьбы Лассалем, Маркс не смог скрыть своей обиды.

— Лучше злейшая нужда, нежели публичное попрошайничество, — сквозь зубы, скорбно и сердито хмуря брови, говорил он Женни. — Лассаль рад случаю, пользуясь моим доверием, похваляться своей отзывчивостью перед первым встречным. Зачем только обратился я к этому тщеславному дельцу? Право, эта история злит меня.

Женни не менее мужа была уязвлена гласностью, которой предал Лассаль их нужду и тяготы.

После долгих колебаний и сомнений Маркс отказался ехать в Бретань и решил переселиться с семьей в Лондон. Состояние здоровья Женни, ожидавшей вскоре родов, затрудняло переезд всей семьи. Карл должен был поехать один, чтобы найти жилье. Это было очень трудно. Средств на жизнь почти не было.

Зловеще и сурово начиналось третье изгнание Карла Маркса.

24 августа маленькое утлое суденышко отплыло от берегов неспокойной Франции. Опершись на перила палубы, Маркс пытливо смотрел вдаль. Бурливо катил свои темно-серые воды Ла-Манш.

Маркс напряженно думал о причинах поражения французской революции. Через несколько часов ему предстояло снова ступить на землю самой могущественной индустриальной державы мира. Богатейший из французских фабрикантов был всего лишь мелкий буржуа в сравнении с крупным английским промышленником. В Англии преобладает промышленность, во Франции — земледелие. Карл вынул записную книжку и набросал мысли, которые родились в этот час как итог пережитого и продуманного за последние месяцы. Он твердо решил по приезде в Лондон заняться исследованием причин, приведших к поражению революции. Ему уже становилось понятным, что Франция, как и полуфеодальная Германия, экономически еще не была достаточно подготовлена для победы рабочего класса.

С волнением и грустью вспоминал Маркс о том, как много коммунистов и рабочих пало в неравной борьбе с контрреволюцией во Франции и Германии.

Корабль приближался к порту. Показались неясные контуры прибрежных белых скал Дувра. Остров, на котором предстояло жить Карлу Марксу, был окутан густым туманом.

Марксу едва перевалило за 31 год, когда он высадился на берег Великобритании.

Прежде всего нужно было подыскать квартиру для беременной Женни, троих детей и Ленхен. Предстояло брать новый рубеж. Как все чрезвычайно сильные люди, он испытывал невозмутимое спокойствие и прилив энергии именно потому, что трудностей на жизненном пути стало больше.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

В один из первых дней после переезда в Англию Маркс направился в Монтег-хауз, где в то время помещался Британский музей, затерявшийся в сложном лабиринте столичных улиц. Это было ничем не интересное, весьма сумрачное здание. В холодных темных залах громоздились доставленные туда со всех концов земли трофеи Великобритании. Карл внимательно осматривал один отдел этого святилища за другим. По особому закону вещь, попавшая сюда, никогда не может быть изъята.

Размышляя о могуществе британского колониализма, Карл медленно шел из зала в зал, пока не оказался в огромном Египетском отделе. Справочные таблички перечисляли статуи, расставленные вдоль стен, словно в антикварной лавке. Собранные здесь бесчисленные реликвии древней цивилизации потрясли Маркса, но в то же время вызвали чувство досады. Напыщенные фараоны, свирепые священные быки, звероликие Изиды и Озирисы, испещренные иероглифами двери и фасады храмов, куски колонн лежали здесь немые, неинтересные вдали от породившей их нильской культуры, оторванные от африканской земли и солнца.

Расставшись с фараонами, Маркс прошел в Античный отдел музея. Лепные украшения, амфоры, надгробия должны были воссоздать быт римских патрициев и греческих деспотов. Среди изуродованных временем грустных обломков — останков далекого прошлого — Маркс искал то, что рассказало бы о жизни миллионов рабов, ремесленников и крестьян. Это большинство человечества нередко лишено было исторического воскрешения.

Не только храмом искусства, не только иллюстрацией истории казался ему музей, но и образцовой рекламой великобританского колониализма.

Церковь и школа с малолетства приучали каждого островитянина думать о возвеличении империи королевы Виктории. Не случайно ее корону украшали и величайшая жемчужина Индии и драгоценные камни, добытые в иных колониях. В Британском музее Карл видел, как ловко и лицемерно восхваляются благодеяния триттов в порабощенных землях.

Многое открыл Карлу Британский музей, знаменитый сообщник грабежей знатных путешественников, безжалостных солдат и решительных миссионеров, подобный сказочной пещере жадных разбойников, воспетых Шехерезадой.

Тут же в здании Монтег-хауза находилась библиотека-

читальня — мрачный длинный зал с неисчислимыми богатствами. Карл был удивлен неудобством помещения и потрясен обилием книг, перечисленных в сотне огромных каталогов. Библиотекарь заполнил карточку Маркса на право постоянного посещения читальни, предварительно, шепотом, выяснив фамилию, имя, возраст.

— Ваша профессия или звание? — спросил он, не поднимая головы.

— Доктор философии, — ответил Карл.

Передавая Марксу книги, библиотекарь сказал с гордостью, что Британский музей основан в 1753 году и открыт для публики в 1759-м; он не вмещает уже всех богатств своих, а новые великолепные исторические реликвии и книги непрестанно прибывают, но через несколько лет музей и вся библиотека, которыми так гордится Великобритания, будут находиться в новом, уже строящемся помещении.

В библиотеке Британского музея за миллионами книжных переплетов жили мысли, фантазии, научные догадки, гениальные открытия многих столетий.

Редко кто умел, подобно Карлу, чувствовать и понимать книгу. С ранних лет она была ему нужна, как хлеб, воздух, вода. Он не помнил себя без книги. Тысячи и тысячи их перебывали в его руках, будоражили мысли, смягчали горести, рождали негодование или улыбку С годами, узнавая все больше и больше, он становился требовательнее. Все труднее было найти желаемое, и тем больше радости приносили те книги, которые помогали работе и давали высокое наслаждение уму или хороший отдых.

Маркс, как верного друга, полюбил читальню Британского музея.

В первые дни по приезде в Лондон Маркс чувствовал себя одиноким. Во время Баденского восстания погиб Иосиф Молль. Не было в Англии ни Энгельса, ни Карла Шаппера, ни Вильгельма Вольфа. Вскоре приехал Георг Веерт, все такой же лихорадочно энергичный, легко загорающийся, насмешливый.

Карл ждал Женни. Она много странствовала в этом году, весной побывала во Франкфурте-на-Майне, где издавал газету Вейдемейер. Он и его домовитая жена Луиза встретили ее очень радушно. Там с их помощью она снова заложила в ломбард и превратила в деньги серебряную посуду с чеканными баронскими гербами. Сколько уже раз фамильное серебро Женни спасало от голода и холода ее детей и мужа! Совсем недавно Энгельс выкупил его из Брюссельского ломбарда, и вот оно снова оказалось сданным под залог во Франкфурте-на-Майне. Затем

Женни повезла детей в Париж, но и там семья осела ненадолго. Проводив мужа, больная, обеспокоенная неопределенным будущим в изгнании, ждала Женни переезда с детьми и Ленхен в Англию.

Был хмурый слякотный день, когда она сошла на незнакомый чужой берег. Лондон был окутан густым туманом.

Георг Веерт помог устроить Женни с детьми в крошечных меблированных комнатах у знакомого портного, проживавшего на Лейстер-сквере. Но так как Женни была накануне родов, пришлось искать более просторную квартиру. Карл снял ее в Челси в небольшом потускневшем кирпичном здании.

5 ноября — день «порохового заговора» — своеобразно отмечается в Лондоне.

Двести с лишним лет тому назад отчаявшийся в поисках справедливости смельчак Гай Фокс проник в Вестминстерское аббатство, в сырых темных ямах-погребах наполнил бочки порохом, мечтая взорвать продажный парламент. Выданный сообщником, он погиб на плахе Тауэра раньше, чем успел поджечь фитиль. С той поры призрак заговорщика пугает парламентариев. Каждый раз перед началом сессии традиционный обход всего здания парламента и его погребов служит как бы поминовением несчастливого мятежника XVII века.

В день, когда должен был произойти взрыв парламента, на улицах столицы появляется молодежь в масках, верхом на ослиных чучелах. Раздаются громкие выкрики: «Да здравствует Гай Фокс!», рвутся в воздухе сотни хлопушек.

5 ноября 1849 года под грохот и смех, раздававшиеся в Челси, Женни баюкала четвертого ребенка — Гвидо. В честь великого заговорщика ему дали прозвище — Фоксик. Скромная квартирка стала еще более шумной и суетной. Несмотря на все возрастающие материальные лишения, тесноту, не было, казалось, предела гостеприимству и радушию хозяев.

В Лондон прибывали эмигранты. Большей частью без денег, без прибежища и работы. Они встречали под осенним свинцовым небом Англии вначале одни только лишения и беды. Это было не легким испытанием. Худшие чувства, такие, как мелочная зависть, злоба, у самых слабых быстро пускали ростки и развивались, отравляя и без того трудное существование.

Карл деятельно принялся за организацию помощи политическим эмигрантам.

Карл и Женни, сами на краю нищеты, делились с немецкими изгнанниками всем, чем могли.

Маленький эмигрантский мирок, состоящий из разнородных,

часто глубоко чуждых и враждебных друг другу людей, в значительной мере раскололся.

Счастье, как пестрый ароматный цветок, привлекает и украшает человека, несчастье испытывает и срывает с него покровы, будто лютая пурга. Лишь подлинная любовь и дружба, только крепкие, чистые души выдерживают проверку бедой и лишениями.

Маркс тотчас же по приезде в Англию занялся делами Союза коммунистов. Время было трудное… Революционный ураган, пронесшийся над Европой, раскидал по разным странам многих членов союза. Слабые метались, теряли веру в будущее, сильные рвались к действию, к дальнейшей борьбе. Одни погибли, другие были в заточении. Больше чем когда бы то ни было передовому отряду требовался командир. Неутомимый, упорный, бодрый вопреки возникающим и нарастающим трудностям, Карл Маркс властно понес вперед коммунистическое знамя.

Необходимо было перестроить работу внутри союза. Реакционеры наступали. Переписка и связь с единомышленниками в других странах становились либо невозможными, либо крайне затрудненными. Письма перехватывались, вскрывались, адресаты преследовались.

Благодаря энергии и влиянию Маркса уже в сентябре 1849 года был реорганизован Центральный комитет союза. Энгельс обрадовался, когда встретил в числе членов ЦК Августа Виллиха, с которым проделал всю баденско-пфальцскую кампанию.

К началу нового года было разослано извещение о выходе в Лондоне «Новой Рейнской газеты. Политико-экономического обозрения» под редакцией Маркса.

Женни старалась скрыть от окружающих страх перед нараставшими невзгодами. Огромная сила воли требовалась, чтобы терпеть бедность, придирки злой и недобросовестной квартирной хозяйки, заниматься изнуряющей не только физически, но главным образом духовно домашней работой. Если бы не помощь Ленхен, она сломилась бы совсем под тяжестью быта.

Ее мучила мысль, что она отстает от того, чем живет Карл, и недостаточно читает. По ночам беспокойные думы отгоняли сон. Что делать, как найти выход из тупика? Женни страшилась уподобиться ворчливым, погрязшим в засасывающей тине житейских мелочей и дрязг женщинам, которых встречала в эмигрантских семьях. Нищета в чужой стране была великим испытанием.

Хозяйка квартиры, где жили Марксы, оказалась не менее

подлой, нежели мисс Мардстон из романа Диккенса, на которую была так похожа. Получая деньги от жильцов, она, однако, ничего не платила домовладельцу. События разыгрались с быстротой, обычной в Англии при выселении неплательщиков. В сырой, черный от тумана день Маркс со всей семьей оказался на улице.

Женни Маркс писала об этом за океан другу Вейдемейеру:

«…Мой муж ищет для нас помещение, но с четырьмя детьми никто не хочет нас пускать. Наконец, нам оказывает помощь один друг, мы уплачиваем за квартиру, и я быстро продаю все свои кровати, чтобы заплатить аптекарю, булочнику, мяснику и молочнику, напуганным скандалом с описью имущества и внезапно набросившимся на меня со своими счетами. Проданные кровати выносят из дома, погружают на тележку — и что же происходит? Было уже поздно, после захода солнца, вывозить вещи в такое время запрещается английскими законами, и вот появляется хозяин в сопровождении полицейских и заявляет, что среди моих вещей могут быть и его и что мы хотим сбежать за границу. Не прошло и пяти минут, как перед нашей квартирой собралось не менее двухсот-трехсот зевак, весь сброд из Челси. Кровати вносят обратно; отдать их покупателю можно было лишь на следующее утро после восхода солнца. Когда, наконец, продав все наши пожитки, мы оказались в состоянии уплатить все до копейки, я переехала со своими милыми малышами в наши теперешние две комнаты в немецкой гостинице на Лейстер-стрит, 1, Лейстер-сквер, где мы более или менее сносно устроились за 5½ фунтов стерлингов в неделю.

Простите, дорогой друг, что я так подробно и обстоятельно описала один лишь день нашей здешней жизни. Я знаю, это нескромно, но сегодня вечером сердце мое переполнено, руки дрожат и мне хочется хоть раз излить душу одному из наших старейших, лучших и вернейших друзей. Не думайте, что эти страдания из-за мелочей меня сломили. Я слишком хорошо знаю, что мы далеко не одиноки в нашей борьбе и что ко мне судьба еще милостива, я принадлежу к немногим счастливцам, потому что рядом со мной мой дорогой муж, опора моей жизни… Никогда, даже в самые ужасные минуты, он не терял веры в будущее, всегда сохранял самый живой юмор и был вполне доволен, когда видел веселой меня и наших милых детей, с нежностью ласкающихся к своей мамочке».

Пришлось ненадолго поселиться в немецком отеле на Лейстер-стрит, после чего Карл и Женни обосновались, прельщенные дешевизной, в двух маленьких комнатках на Дин-стрит — узкой и мрачной улице возле Сохо-сквера. Это был безрадостный квартал, расположенный неподалеку от

центральной площади Пиккадилли.

В Сохо жила иноземная голытьба: ирландцы, немцы, итальянцы. Они перебивались случайной работой и едва сводили концы с концами в огромной равнодушной столице. Приземистые здания с небольшими окнами, вычурные фонари с грязными стеклами не украшали узкую Дин-стрит, на которой не росло ни одного деревца. В осенние и зимние дни вид этой серой, как и небо, улицы производил удручающее впечатление. Ленхен выводила детей в сквер Сохо — угрюмое подобие садика с низко подстриженными чахлыми деревцами и густым газоном. Чад миллионов каминов спускался на низко расположенную Дин-стрит и черной траурной каймой обводил дома. Воздух в кривых закоулках Сохо не проветривался, и дышать здесь было всегда как-то особенно тяжело. Англичане охотно сдавали квартиры в этом проклятом мрачном квартале иностранцам, так как считали его небезопасным для своего здоровья.

Чума, появлявшаяся время от времени в эпоху позднего средневековья, в значительной мере избавляла город от бедняков.

Наиболее опустошаемым эпидемиями местом была припортовая часть английской столицы. Трупы чумных хоронили там, где теперь находилось Сохо. Они отравили воду квартала, и улица Дин-стрит считалась убийственным местом в Лондоне.

Карл и Женни не знали этого.

Под квартирой, которую снял Маркс с семьей, находилась прачечная, и тяжелые пары от лоханей, в которых намокало в мыле белье, проникали сквозь стены, поднимались наверх и отравляли и без того тяжелый воздух. Но Карл и Женни были рады дешево стоившему пристанищу и полны надежд на удачливое будущее.

В январе 1850 года Маркс начал работать над новой книгой о классовой борьбе во Франции последних двух лет. Это должна была быть, по его замыслу, летопись революции 1848–1849 годов.

В тиши читальни Британского музея Карл обдумывал и готовил каждый раздел этой книги.

«Нет, — думал он, — в этих поражениях погибла не революция. Погибли пережитки дореволюционных традиций, результаты общественных отношений, не заострившихся еще до степени резких классовых противоположностей, погибли лица, иллюзии, представления, проекты, от которых революционная партия не была свободна до февральской революции, от которых ее могла освободить не февральская победа, а только целый ряд поражений».

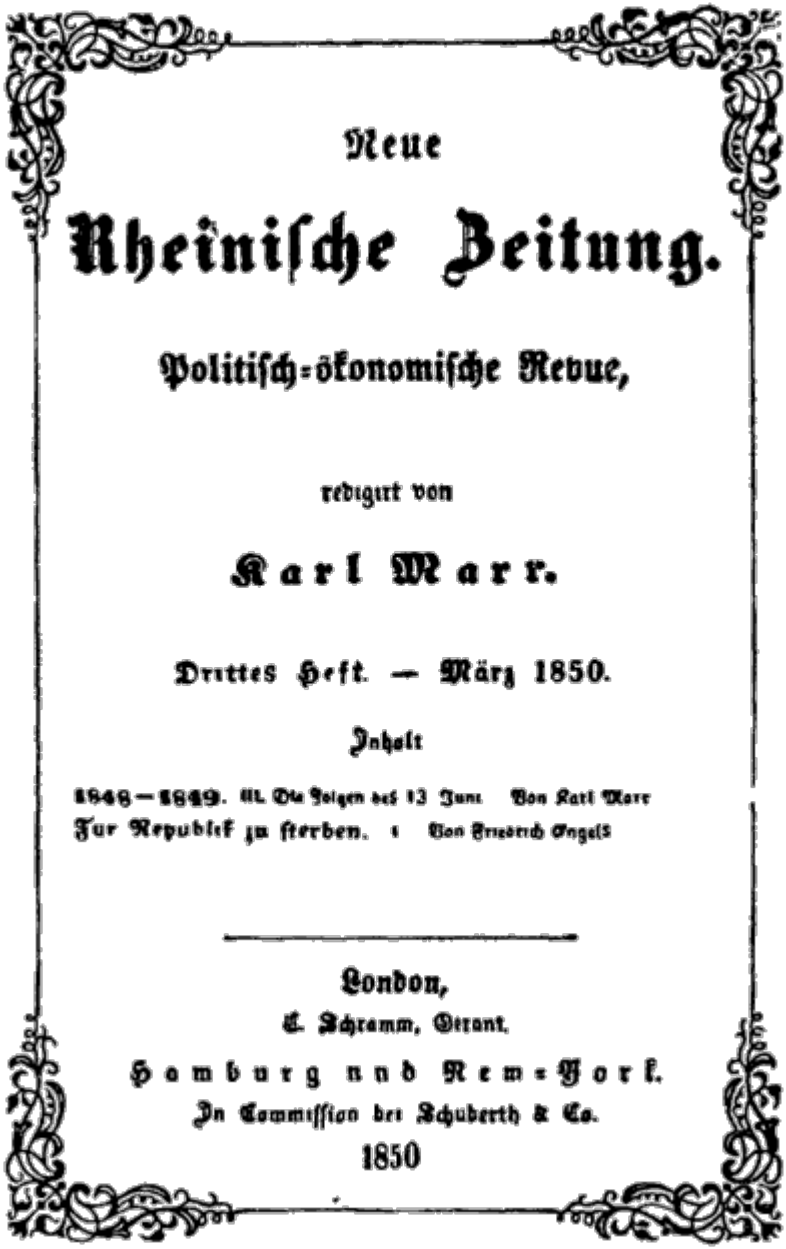
Эту мысль Кард решил изложить как вступление к новому труду. Записав ее на бумаге, он добавил:

«Одним словом, революция шла вперед и прокладывала себе дорогу не своими непосредственными трагикомическими завоеваниями, а, напротив, тем, что она порождала сплоченную и крепкую контрреволюцию, порождала врага, в борьбе с которым партия переворота только и вырастала в подлинно революционную партию».

В этом глубоком диалектическом выводе сказался революционный вождь, мыслитель, гигант, вызвавший на бой все злые силы мира и видевший даже в поражении верный путь к победе.

Маркс, доказывая необходимость завоевания рабочим классом политической власти, впервые употребляет выражение «диктатура пролетариата» и раскрывает политический и экономический смысл этого понятия. Говоря об отличии революционного социализма и коммунизма от обанкротившихся во время революции мелкобуржуазных утопических теорий, Маркс писал, что научный социализм есть объявление непрерывной революции, классовая диктатура пролетариата, как необходимая переходная ступень к уничтожению классовых различий вообще.

В это же время Маркс и Энгельс выпустили несколько номеров нового журнала. К сотрудничеству в нем они привлекли своих верных сторонников — Вейдемейера, Вильгельма Вольфа и других.


Neue

Rheinische Zeitung.

Politisch-ökonomische Revue,

redigirt von

Karl Marx.

Drittes Heft. — März 1850.

Inhalt

1848—1849. III. Die Folgen des 13 Juni. Von Karl Marx
Für Republik zu sterben. I. Von Friedrich Engels

London,
E. Schramm, Verant.
Hamburg und New-York.
In Commission bei Schuberth & Co.
1850

Обложка журнала «Новая Рейнская газета Политико-экономическое обозрение».

На ничем не примечательной обложке «Новой Рейнской газеты. Политико-экономического обозрения» наряду с Лондоном, где жили Маркс и Энгельс, значились в качестве места издания Гамбург и Нью-Йорк. Немало немцев — участников недавней революции эмигрировало в Америку. Издатели надеялись, что за

океаном журнал найдет большой спрос. Рассчитывая на новый подъем революционного движения, Маркс и Энгельс предполагали вскоре перейти к выпуску еженедельной и даже ежедневной газеты. Как всегда, Карл находил безмерное удовлетворение в многообразной работе, которой отдавался со всей присущей ему могучей страстью. Действие, как и мышление, несло для него всегда в себе то, что зовется на земле счастьем.

После мрачной зимы, изнуряющей туманами и дождями, в марте в Лондоне наступила весна, хрупкая, окрашенная в нежные полутона. Стало светлее и суше. Даже узкая Дин-стрит под блеклыми сиренево-розовыми лучами солнца казалась менее убогой и безрадостной.

В эти дни Маркс и Энгельс, желая возродить Союз коммунистов, работали над обращением к его членам.

Обычно заседания Центрального комитета Союза коммунистов происходили либо в помещении Просветительного общества немецких рабочих в Лондоне или в кабачках, малодоступных вниманию агентов тайной полиции, но в этот раз Маркс был не совсем здоров, и решено было собраться у него на квартире.

Энгельс зачитал обращение, которое начиналось словами:

«В течение обоих революционных лет, 1848–1849, Союз коммунистов вдвойне выдержал испытание: во-первых, тем, что его члены повсюду энергично участвовали в движении, что они и в печати, и на баррикадах, и на полях сражений стояли в первых рядах единственного решительно революционного класса, пролетариата. Союз, далее, выдержал испытание и в том смысле, что его воззрения на движение, как они были изложены в циркулярных письмах конгрессов и Центрального комитета в 1847 г. и в «Коммунистическом Манифесте», оказались единственно правильными и что высказанные в этих документах ожидания вполне оправдались, а понимание современного общественного положения — пропагандировавшееся раньше Союзом только тайно — теперь у всех на устах и публично проповедуется на площадях».

Карл, стараясь не шуметь, поднялся, вышел из комнаты и вернулся со стаканом сладкого чая, который заботливо подвинул Энгельсу.

— Мы говорили вам, братья, уже в 1848 году, — продолжал читать Энгельс своим ровным голосом, — что немецкие либеральные буржуа скоро придут к власти и тотчас же обратят свою только что приобретенную власть против рабочих. Вы видели, как это сбылось. В самом деле, именно буржуа после мартовского движения 1848 года немедленно захватили

государственную власть и тотчас использовали эту власть для того, чтобы заставить рабочих, своих союзников по борьбе, вернуться в их прежнее, угнетенное положение…

Далекие от мысли произвести переворот во всем обществе в интересах революционных пролетариев, демократические мелкие буржуа стремятся к такому изменению общественных порядков, которое сделало бы для них по возможности более сносным и удобным существующее общество…

Прочитав большой абзац о вреде объединения с мелкобуржуазными демократами, Фридрих повысил голос, окинул всех и особенно Виллиха строгим взглядом и продолжал:

— Наши задачи заключаются в том, чтобы сделать революцию непрерывной до тех пор, пока все более или менее имущие классы не будут устранены от господства, пока пролетариат не завоюет государственной власти.

Энгельс читал все громче, подчеркивая слова и делая внушительные паузы:

— Вместо того, чтобы еще раз опуститься до роли хора, одобрительно рукоплещущего буржуазным демократам, рабочие и прежде всего Союз должны добиваться того, чтобы наряду с официальными демократами создать самостоятельную тайную и открытую организацию рабочей партии и превратить каждую свою общину в центр и ядро рабочих союзов, в которых позиция и интересы пролетариата могли бы обсуждаться независимо от буржуазных влияний…

— Если немецкие рабочие и не смогут достигнуть господства и осуществления своих классовых интересов, не пройдя полностью более длительного пути революционного развития, то на этот раз у них есть, по крайней мере, уверенность, что первый акт этой приближающейся революционной драмы совпадает с прямой победой их собственного класса во Франции и тем самым будет сильно ускорен.

Но для своей конечной победы они сами больше всего сделают тем, что уяснят себе свои классовые интересы, займут как можно скорее свою самостоятельную партийную позицию…

Когда документ был одобрен, члены Центрального комитета Союза решили послать своим эмиссаром в Германию Генриха Бауэра. Обращение помогло ему с успехом выполнить трудную и оласную миссию. Три месяца спустя во втором письме к членам Союза Центральный комитет извещал, что созданы руководящие центры в Гамбурге, Шверине, Бреславле, Лейпциге, Нюрнберге и Кёльне.

Бауэру удалось восстановить связь с некоторыми прежними коммунистическими группами и приобрести большое влияние на

остатки пока еще уцелевших союзов рабочих, крестьян, батраков, а также гимназических организаций. К Союзу коммунистов примкнули некоторые члены «Рабочего братства». Объезжавший в это время Германию по поручению швейцарской организации немецких эмигрантов некий Карл Шурц, информируя Цюрих, писал, что Союз коммунистов «привлек к себе все пригодные силы».

Фридрих сообщил Марксу, что в Лондон приехал Бартелеми. Он бежал до суда из тюрьмы Бель-Иль-ан-Мер, где находился в камере рядом с Бланки.

— Бартелеми? Что же, этот мрачный парень снова бредит террором? Боюсь, если он не образумится, то бессмысленно сложит голову на плахе.

— Да, пожалуй. Бартелеми уже отсидел десять лет за никому не нужное убийство полицейского. Жаль, что у бланкистов он усвоил только их ошибки. Однако, как показали июньские дни, он превосходный, испытанный баррикадный боец.

— Скорее заговорщик по профессии. В организованном им «Клубе баррикад 24 февраля» этот парень показал полное невежество в какой бы то ни было теории и опасную путаницу в понимании революционного движения. Он легко может стать орудием любой провокации. Тем не менее он, видимо, честен в своих заблуждениях и отчаянно смел. Надо попытаться вернуть ему голову.

У Бартелеми были звучный, проникновенный голос и манеры светского человека, умеющего держать себя с достоинством в любом обществе. Односторонняя логика, упорство фанатика не могли не действовать на слушателей. Этот человек был совсем лишен гибкого мышления, но какая-то одержимость одной целью гипнотически заражала слабых. Спорить с ним было почти невозможно. Лицо синеватого оттенка, густые брови и мрачные темные глаза с желтыми белками, вспыхивавшие нездоровым блеском, — все это производило тяжелое впечатление.

— Мы должны сделать все, чтобы революция не была снова украдена из наших рук, — говорил он слушателям. — Враг среди нас, в нашей семье. Тем легче его обезглавить. Его надо искать повсюду — за прилавком, за конторкой. Он прикидывается другом. Будем бить друзей насмерть, если они подозрительны. Самый страшный враг — это тот, кто маскируется другом и бродит среди нас. Не верьте никому, никогда. Я клянусь уничтожить вот этими уже не раз наносившими смертельные удары по врагам руками диктатора буржуазии, предателя из предателей, одного из тех, кто объявлял себя другом нашим, —

Ледрю-Роллена.

Вскоре после приезда в Англию Бартелеми встретился с Марксом и Энгельсом.

— Я знаю наперед все, что вы оба мне скажете, — начал Бартелеми раздраженно. — Но мы никогда, как это ни жаль, не поймем, видимо, друг друга. Напрасный труд уговаривать меня. Мы с вами люди одной идеи, но разных методов ее осуществления.

Саркастические линии в уголках губ Маркса, четко обозначившиеся за последние годы, стали резче. Он слегка улыбнулся.

— Вам, Бартелеми, всегда были нужны революционные приключения, экспромты. Вы хотите жить и бороться вне времени и пространства, без понимания исторических и экономических условий. Вы неизбежно обанкротитесь. Нельзя пренебрегать всем тем, что определяет исход борьбы и победу.

— Победу, — сказал Бартелеми, — определяют порох, вовремя взорвавшаяся бомба, пуля, пробившая насмерть преступную голову.

Карл грузно подался вперед и облокотился на стол рука-ми, пристально глядя в черные глаза говорившего.

— Феодализм и нынешний буржуазный строй — это тысячеглавые гидры, — произнес он сурово. — Уничтожьте одну голову, взамен тотчас же вырастут тысячи новых. Нужно быть умалишенным или одержимым, чтобы отрицать законы, движущие обществом. Вы чудовищно заблуждаетесь и тем вредите революции. Как средневековые алхимики, вы отрицаете теорию и обрекаете себя на бессмысленную гибель. Ваши заговоры, адские машины, пистолеты — это роковое недомыслие.

— Если идти за вами, то никогда не дойдешь до победной революции, — огрызнулся Бартелеми.

— Других дорог нет. Не мы их выдумали. Вы не остановите течения событий, — вмешался в разговор Энгельс. Его, как и Маркса, начало раздражать тупое упорство собеседника. — Вы много старше нас, Эмануэль, и петушиный задор вам не к лицу. Обуздайте свой опасный темперамент и примитесь за организацию революционных рабочих.

— Занимайтесь этим вы, мое дело повернуть течение истории так, как это нужно нам.

— Напрасные старания. История не рычаг, которым вы, механики, управляете в совершенстве. Она отбросит и раздавит вас без пощады, — сказал Маркс. Чувство досады и острого раздражения против казавшегося ему неумным пожилого человека улеглось, сменившись чем-то похожим на сострадание.

До позднего вечера то затихал, то разгорался спор Маркса и Энгельса с нетерпимым проповедником терроризма. Было совсем уже темно, когда все трое вышли на улицу. Энгельс проводил до омнибуса Карла и Бартелеми. Едва они вышли из дому, за ними увязалось несколько шпиков. Завидев плотного широкоплечего Маркса, по-военному прямого Энгельса, долговязого Бартелеми, они устремились за ними, словно рыбы-прилипалы, шныряющие подле могучих обитателей океана.

— Бартелеми, как я и думал, фразер, — сказал Карл жестко, когда остался наедине с Фридрихом. Слово «фразер» было одним из самых уничтожающих в его лексиконе. С людьми, которых Маркс считал празднословами, он не хотел иметь никакого дела.

В омнибусе, кафе, читальне Карл уже много раз замечал пухленького господина с плоским бледным лицом, покрытым веснушками. Запомнились не только его физиономия в крапинку, но и редингот, обтягивающий большой живот, и маленькая рыжая шляпа пирожком.

У Энгельса также был свой «хвост», как Виллих называл полицейских шпиков. И Маркс и Энгельс относились к полицейскому наблюдению с ироническим спокойствием.

Маркс заканчивал книгу о классовой борьбе во Франции. Энгельс работал над историей крестьянской войны в Германии. Он анализировал причины, ход и итоги великого антифеодального восстания крестьянства в 1525 году. Несмотря на то, что Фридрих воскрешал далекое прошлое своей родины, в книге его звучали громовые раскаты современности.

Энгельс объяснил значение крестьянства в классовой борьбе. Он доказал необходимость для революционного пролетариата добиваться руководства крестьянством. Причины поражения крестьянского восстания в Германии в 1525 году крылись, по его мнению, в предательстве бюргеров — предшественников современной буржуазии — и в политической раздробленности страны.

Воскрешая грозные характеры бойцов Великой крестьянской войны, Энгельс писал о том времени, когда Германия выдвигала выдающиеся личности, равные лучшим революционным деятелям истории всех веков.

Немецкий народ проявил в ту войну могучую выдержку, развил великую энергию, и у немецких крестьян и плебеев зародились тогда идеи, которые приводят и поныне в содрогание потомков бюргеров. На образах людей того времени и выводах о классовой борьбе XVI века Энгельс показал сущность революционных боев 1848 и 1849 годов.

Хэмптон-корт, расположенный неподалеку от Лондона, считается одним из живописнейших мест Англии. Негустые леса и луга примыкают к запущенному строгому парку угрюмого замка Генриха VIII, этого неукротимого, порочного человека и дальновидного политика, расцветившего историю Англии буйными празднествами, турнирами, религиозными и феодальными распрями, личными преступлениями и государственными завоеваниями.

Леса и холмы, просторы полей в Хэмптон-корте напоминали немцам-изгнанникам их родину. Быть может, именно поэтому Просветительное рабочее общество немецких рабочих часто избирало этот красивый уголок местом пикников.

Рано утром одного из летних воскресных дней 1850 года Карл с семьей отправились на загородную прогулку вместе с рабочими из Просветительного общества.

Был на редкость теплый, яркий день, и праздник, сопровождавшийся леснями, музыкой, играми и танцами на поляне Хэмптон-корта, удался на славу.

Вильгельм Либкнехт, недавно приехавший из Швейцарии, где напоследок просидел несколько месяцев в тюрьме, чувствовал себя как дома среди этих малознакомых ему людей.

Здесь, на солнечной поляне, среди празднично настроенных соотечественников отчетливо выявлялись обаяние, простота и вместе с тем какая-то особенность Карла.

Есть люди, перед которыми нельзя не подтянуться духовно, не собрать волю и мысль, не сделаться чище и правдивее. Таким был Маркс. В его присутствии беседа становилась содержательнее, мысли окрылялись и очищались души.

Либкнехту казалось, что не только по рассказам Энгельса и по сочинениям, но и лично давно знал Карла, хотя видел его впервые. Он заранее мысленно создал себе его живой образ. Обычно человек редко соответствует тому идеалу, который сложился в воображении другого. Маркс оказался еще более могучим, излучающим ум, веселье, волю, нежели о нем думал молодой и несколько восторженный Либкнехт.

«У него голова и могучая грива волос мифического небожителя. Какая бездна юмора и проницательности в каждом его слове», — думал Вильгельм, прислушиваясь к беседе, которую вел Маркс, шуткам и раскатистому, заражающему смеху.

«Отец Маркс», как его звали члены Просветительного общества, рассказывал с необычайным воодушевлением, что несколько дней назад осматривал на Риджент-стрит модель электрической машины, везущей железнодорожный состав.

— Я увидел в витрине, как проворный электрический локомотив тянет множество маленьких вагонов. Бездымно, бесшумно несся вперед этот великий вестник будущего. Отныне задача разрешена, но последствия открытия еще не поддаются учету. Технический прогресс поведет в дальнейшем к экономической революции, которая неизбежно окончится политической.

Царствование пара, перевернувшего мир в прошлом столетии, по мнению Карла, окончилось; его заменит неизмеримо более революционная сила — электрическая искра.

Речь зашла о естествознании, о достижениях в других науках. Маркс принялся высмеивать тупоумие европейских реакционеров, воображающих себя победителями.

— Нет, — говорил он, — революция не задушена насмерть, она воспрянет и победит. Наука, в частности естествознание, электрическая энергия исподволь готовят новый взрыв против мракобесов-реакционеров.

— Мне тоже казалось, когда я смотрел через стекло на модель электрического локомотива, что он похож на коня, который принес гибель священной Трое, — сказал Либкнехт.

У Маркса был проникновенный глубокий взор; он имел обыкновение смотреть прямо, неотрывно, как бы заглядывая и проверяя внутренний мир собеседника. Либкнехт легко выдержал это безмолвное испытание. Между ними завязалась оживленная дружеская беседа.

Маркс не допускал празднословия и пересудов. Он и в беседе всегда преследовал определенную цель: либо давать — и тогда он становился преподавателем, советчиком, либо брать — тогда он сам охотно выспрашивал и слушал того, с кем говорил. Либкнехт сразу ощутил эту особенность и понял, что встреча с Марксом обогащает его.

Карл любил людей и не уставал всматриваться, искать в них хорошее, самобытное, значительное.

— Вы, кажется, филолог? — поинтересовался он, когда Либкнехт окончил рассказ о своих злоключениях после Баденского восстания и о том, как с проходным свидетельством пробирался из заключения через Францию в Лондон.

— Я очень увлекаюсь языкознанием, — продолжал Карл. — И, представьте, старые языки интересуют меня не меньше новых. Кстати, знаете ли вы испанский?

Вильгельм не изучал этого языка.

— Жаль, знать его филологу обязательно нужно. Это ведь язык Сервантеса, Лопе де Вега, Кальдерона. Я помогу вам, приходите ко мне. Захватите дитцевскую сравнительную

грамматику романских языков и повторите основы и структуру слов.

На другой же день Либкнехт, живший неподалеку — на Черч-стрит, пришел к Марксу и стал с тех пор бывать у него почти ежедневно.

Он принес грамматику и с помощью Карла принялся изучать испанский язык. Каждый день Маркс проверял его и требовал прочесть новые отрывки из «Дон Кихота».

Всегда порывистый, легко вспыхивающий, Маркс был чрезвычайно выдержан, терпелив и спокоен, когда становился преподавателем, чем крайне удивил Либкнехта. Великолепная память, необозримая начитанность и внутренняя цельность познаний Маркса не могли не поражать всякого, кому он хотел помочь и делился сокровищами, которые вмещал его необычайный мозг. Он дополнял, по-новому видел, понимал и заставлял служить себе и тем самым людям прошлое и настоящее.

Как-то, зайдя на Дин-стрит, Либкнехт услышал, что в этот день к Марксу являлся Луи Блан. Женни, смеясь, рассказывала обо всех подробностях этого визита.

Дверь Блану открыла Ленхен и была чрезвычайно удивлена. Перед ней стоял франтоватый человечек, ростом не больше 12-летнего ребенка, в высоченном блестящем цилиндре и обуви на таких высоких каблуках, каких не надевала ни одна модница.

— Доложите обо мне, — сказал он важно, с неохотой снимая головной убор, делавший его на вид более высоким.

— Итак, сам «великий» историк и политик, крошечный Луи Блан, которого за женственное личико Карл зовет Белой Луизой, пожаловал к нам. Ленхен ввела его в наши апартаменты, — рассказывала Женни, обводя рукой пролетарскую квартирку, первая комната которой служила приемной, рабочим кабинетом, гостиной, столовой и спальней, а вторая — кухней и детской. — Оставшись один, Луи Блан отыскал в углу нашем маленькое плохонькое зеркало и подскочил к нему. В полуоткрытую дверь я увидела презабавную сцену. Господин Блан начал прихорашиваться, любуясь собой, принимая разные позы, проверял в зеркале жесты, стараясь придать себе наиболее внушительный вид. Мавр и я едва удержались от смеха, сделавшись невольными свидетелями столь необычного спектакля.

— Да, мне пришлось кашлянуть, чтобы этот актеришка перестал, наконец, кривляться у зеркала, — добавил Маркс. — Надо было видеть, с какой грацией, достойной разве что герцога Сен-Симона, представляющегося Людовику XIV, склонился этот

шут перед Женни. Однако я дал ему понять, что поза и фиглярство мне кажутся отвратительными, и Луи Блан вынужден был заговорить естественным тоном.

Маркс был хорошо известен среди эмигрантов Лондона, и Луи Блан рассчитывал свести с ним близкое знакомство. Он надеялся произвести благоприятное впечатление своей особой, многосторонними познаниями, краснословьем. Но Маркс слишком хорошо знал этого вертлявого, честолюбивого, непоследовательного в политике человека, принесшего немалый вред революции. Луи Блан быстро понял, что не найдет в Марксе союзника. Больше они уже не встречались.

Вскоре Либкнехт начал посещать курс лекций по политической экономии, которые читал Маркс, развивая в основных чертах цельную, совершенно новую систему.

Либкнехта все глубоко поражало в Марксе: манера необыкновенно ясно говорить, умение заинтересовать и донести до рабочего столь трудные понятия.

«Ясность языка, — думал Вильгельм, — конечно, результат ясного мышления. Ясная мысль всегда обусловит ясную форму».

Во время лекций Маркс пользовался грифельной доской, на которой писал мелом формулы. Точно так же делал он и в Брюсселе, когда впервые начал преподавать в рабочем обществе политическую экономию. В конце занятий он обычно задавал вопросы и отвечал на них, чтобы проверить не только слушателей, но и себя. Он был врожденным педагогом и умел говорить языком, доступным любой аудитории, какой бы она ни была по уровню знаний и подготовленности. Иногда после лекций на Грейт-Уиндмилл-стрит Маркс и Либкнехт отправлялись на Ратбонскую площадь. Там в одном из старых домов находились тир и зал для фехтования, снятые в аренду французскими эмигрантами. Обычно они встречали тут Бартелеми. Этот маниакальный террорист, не довольствуясь тем, что был отличным фехтовальщиком, подолгу упражнялся в стрельбе из пистолета.

— Когда-нибудь, — говорил Бартелеми, сумрачно сдвинув густые темные брови, — я пробью одну за другой головы всех тиранов и предателей, вроде Ледрю-Роллена.

— Бессмыслица, — раздражался Маркс. — Этот безумец дойдет до виселицы, воображая, что приносит себя в жертву революции. Какая ограниченность мышления! — Карл, досадливо тряхнув головой, шел из тира в фехтовальный зал.

Со времени счастливых дней в благословенном беспечном Бонне Карл увлекался фехтованием и метко наносил удары противнику. Много раз в университетские годы участвовал он в

лихих студенческих турнирах и всегда охотно выходил на поединок. Карл знал толк в отточенной шпаге и считал фехтование демонстрацией силы, ловкости и отваги.

После долгого перерыва он сначала чувствовал себя не совсем уверенным, состязаясь с французами, тем более что вначале не знал их приемов. Но, скоро освоясь, получил преимущество благодаря стремительной атаке и редкой находчивости. Карл припомнил приемы знаменитого в Бонне фехтовальщика Медведя и, подражая его манере, ловко отступал, заманивая противника, и с удивительной для его комплекции и возраста легкостью носился по залу, пока не добивался победы в горячей схватке.

Вильгельм, который был значительно моложе Маркса, фехтовал тоже хорошо, но уступал ему в мастерстве и часто после долгого состязания бывал вынужден сдаться, не выдерживая неукротимого натиска. Утомленные, возбужденные, в отличном настроении покидали они Ратбонскую площадь и выходили на расположенную рядом чинную Оксфорд-стрит.

Как-то, ввиду редкой в Англии прекрасной погоды, Либкнехт уговорил Маркса взобраться на открытый империал омнибуса и прокатиться в сторону живописного зеленого Хемстед-хиса, чтобы подышать немного свежим вечерним воздухом. На одной из остановок около пивной столпились люди и чей-то женский голос отчаянно вопил: «Помогите, убивают!»

Мгновенно Карл, а за ним и Вильгельм спрыгнули с омнибуса на мостовую и очутились в самой гуще народа. Какая-то пьяная женщина, визжа, отбивалась от мужа, который, не жалея тумаков, тащил ее прочь. Мужья, избивающие жен, были в Лондоне не в диковинку и всегда вызывали ярость Маркса. Услыхав женские вопли, он бросился вперед, желая защитить жертву. Либкнехт последовал за ним. Но пьяная женщина тотчас же встала на сторону своего супруга и, подняв кулаки, перешла в наступление, тесня своих защитников, которым пришлось ретироваться.

— Это могло кончиться хуже. Вот уж поистине, где двое дерутся, третий не суйся. Но, признаюсь, мужа, бьющего жену, я и впредь готов буду избить до полусмерти, — сказал, смеясь, Маркс.

— Да, но мы могли дорого заплатить за филантропическую попытку вмешательства. Ваш порывистый характер порой бывает опасен, — заметил Либкнехт.

Недолго длилась относительно беспечная пора в жизни Маркса. Есть странная закономерность в нашествии бедствий, когда для них открылись двери дома. Как змеи перед холодом,

ползут они полчищами. С нищеты начинаются болезни, смерть, мелкие дрязги, отравляющие душу, обнажается сущность людей, разрушаются иллюзии. Первыми жертвами бедности становятся самые слабые.

Нищета изнуряет мужчину, калечит женщину, убивает детей.

Женни металась, видя, как болеют сыновья.

Каждую неделю хозяйка дома приносила ей счет за квартиру. Одна комната и каморка, какой, по сути, была вторая, стоили больших денег, за которые в Трире можно было снимать огромный дом. Плата за жилье в столице королевы Виктории была невероятно высока. Забота о хлебе насущном для шести человек также мучила Карла и Женни своей трагической неразрешимостью. Пришлось просить Иосифа Вейдемейера продать последние ценности семьи — фамильное серебро, заложенное во Франкфурте-на-Майне. Так как не было денег для выкупа его из ломбарда, Карл предложил занять их с немедленной отдачей после продажи.

Все свои деньги Маркс израсходовал на нужды революции и остался к этому времени нищим. Энгельс не имел возможности помогать ему, так как сам нуждался. С отцом своим, текстильным фабрикантом, он был тогда в ссоре и поэтому не переезжал в Манчестер, ожидая, чтобы старик сам попросил его поступить на службу в свою контору.

Маркс заканчивал письмо к Вейдемейеру, когда в комнату ворвались с веселым смехом две девочки и тотчас же взобрались на колени отца. Ни лондонские туманы, ни мрачная Дин-стрит не были в состоянии стереть румянец и ослабить блеск глаз здоровых, жизнерадостных малюток. Они потребовали сказок, и Карл, чья воля в каждом деле поражала его друзей и врагов, покорно подчинился их требованиям. Не задумываясь, он принялся рассказывать о девочках, которые не слушались старших, чуть не попали из-за этого под омнибус, заболели, выпив воды без спросу из бочки в сквере, и в конце концов в наказание очутились у злого волшебника.

— Продолжение завтра, — сказал Карл и осторожно опустил Женнихен и Лауру на пол.

Девочки, все еще находившиеся во власти сказки, не решились спорить.

Хитро улыбнувшись, Карл сказал:

— Вы ведь не хотите попасть в мешок скверного колдуна?

Затем Маркс вернулся к письму, в котором попросил Вейдемейера продать все серебро, но сохранить маленькие нож, вилку, кубок и тарелочку — имущество шестилетней Женнихен.

В эти гнетущие дни Карл совместно с Фридрихом работал с

удвоенной энергией. Они писали рецензии на новые книги. Издавна обоих интересовал Томас Карлейль. Он был единственным английским писателем, на которого оказала значительное влияние немецкая литература.

— Что ж, — заметил Карл, — мы хотя бы в порядке вежливости должны обратить внимание на его памфлеты.

Томас Карлейль после февральской революции во Франции стал ярым ее врагом. Он попытался утвердить культ отдельных героев, противопоставляя их народу. С презрительным пренебрежением отрицал он роль массы. Эти-то высказывания Карлейля заставили Маркса и Энгельса вооружиться пером для резкой отповеди.

Мелкобуржуазные демократы, их историки и литераторы придавали чрезмерное значение роли отдельной личности. Кай Юлий Цезарь и Наполеон, римские папы и всевозможные законодатели заслоняли для них истинного творца человеческой истории — народ. Преклонение перед отдельными лицами было свойственно и некоторым приверженцам Вейтлинга.

Карл и Фридрих понимали, какая опасность таится в этом противопоставлении отдельной личности трудовому народу.

Прежде чем писать статью, Карл и Фридрих весь вечер проговорили о Карлейле.

— Каковы его идеи, таков и стиль. В прошлых своих работах он находил новые слова в английском языке и дерзко переплавлял устарелые обороты и образы. Его стиль был часто слишком высокопарен, но подчас блестящ и, уж во всяком случае, всегда оригинален. А вот теперь совсем не то. Послушай-ка, Фред, как плохо написаны его «Современные памфлеты». Это явный регресс, — сказал Маркс и прочел вслух несколько абзацев.

— Культ гения у Карлейля в его последних брошюрах покинут гением, остался один культ, — добавил насмешливо Энгельс. — Книга Карлейля начинается с заявления, что современность есть дочь прошлого и мать будущего. Это неплохо сказано, но в новой эре, начало которой Карлейль видит сегодня, первым значительным явлением отмечен — кто бы ты думал? — папа Пий Девятый, который с высоты Ватикана возвещает «Закон правды». Какой продуманный идиотизм! Какое сознательное недомыслие!

Культ одной личности. Как выгоден он тем, кто рассчитывает получать титулы и богатство! Но сколько неисчислимых бед несет он народу! Произвол, каприз постепенно узакониваются, и вот уже всех тех, кто творит историю, подменяет одна воля, одно имя, доброе или злое, кто может предугадать это? Народ вначале незаметно подталкивают к неведомой бездне, какой является

всегда характер человека, получившего бесконтрольную власть в государстве. Десятки случайных влияний, подозрительность и распущенность, усиливающиеся вместе с самовластьем, решают подчас судьбы не только отдельных зависимых людей, но и всего народа. Маркс и Энгельс вспомнили Кая Юлия Цезаря, Александра Македонского, папу Александра Борджиа, восточных деспотов и русских царей.

Работая над статьей о Карлейле, Карл и Фридрих отметили цитаты в рецензируемой книге, которые уточняли ту мысль, что обожествлением отдельных личностей и почитанием их Карлейль усугубляет все гнусности буржуазии, он видит в рабочих толпу, лишенную разума, которая должна подчиниться людям, самой природой наделенных силой власти. Карлейль узаконивает деление общества на рабов и господ. Напыщенными, восторженными фразами о героях он оправдывает угнетение народных масс, пытаясь лишить их великой исторической значимости.

Покончив с памфлетами Карлейля, Карл и Фридрих принялись за рецензию на печатную клевету — Шеню и Делаода — двух полицейских французских провокаторов.

Они снова коснулись волновавшей их мысли о характерах и значимости тех, кто стал вождями революции, тайных обществ и государств. «Было бы весьма желательно, чтобы люди, стоявшие во главе партии движения, — писали Маркс и Энгельс, — будь то перед революцией, в тайных обществах или в печати, будь то в период революции, в качестве официальных лиц, были, наконец, изображены суровыми рембрандтовскими красками во всей своей жизненной правде. Во всех существующих описаниях эти лица никогда не изображаются в их реальном, а лишь в официальном виде, с котурнами на ногах и с ореолом вокруг головы. В этих восторженно преображенных рафаэлевских портретах пропадает вся правдивость изображения».

Карл и Фридрих неистово сражались с представителями мелкобуржуазного эмигрантского болота. Зловонная клевета отравляла воздух, мешала их большому делу.

Женни не раз приходилось успокаивать крайне раздраженного мужа. Когда дрязги и ложь касались Энгельса, ярости Карла не было предела.

— Всякие мерзавцы распространяют в немецких газетках слух, что наш комитет помощи изгнанникам сам проедает эмигрантские деньги. Человеческие отбросы вроде Телеринга бесчестно клевещут при этом на Энгельса. Я вызвал бы кое-кого из них на дуэль, если бы они были достойны этого! — гремел Карл. — Однако я еще встречусь с ними на ином поле и сорву с

них маску революционной честности. Мир упорно отказывается замечать этих моллюсков, и они готовы с помощью грязной клеветы и травли тех, кого все уважают, привлечь и к своей особе внимание. Зависть, мелочность, ничтожество — вот что порождает всю их возню.

Он вскакивал с кресла и шагал из угла в угол маленькой комнаты, выкуривая одну за другой крепкие пахитоски.

— Этот Телеринг, — оказал он, — лебезил передо мной и пытался навязать мне роль демократического далай-ламы, этакого нового владыки будущего. А когда я наотрез отказался, высмеяв подобную нелепость, он проделал немало всяческих трюков, пока, наконец, не обрушился на Фридриха.

Узнав о мерзком ударе в спину и попытке опозорить комитет помощи, Энгельс писал Вейдемейеру:

«…импотентные «великие люди» мещанства оказались достаточно подлыми, чтобы распространять подобные гнусности. Наш комитет уже три раза давал отчет, и каждый раз мы просили посылавших деньги назначить уполномоченных для проверки книг и квитанций. Разве какой-нибудь другой комитет это делал? На каждый сантим у нас имеется квитанция. *Ни один* член комитета не получал никогда ни одного сантима…»

Стряхивая комки грязи с каблуков своих штиблет, Карл и Фридрих шли к цели. Но время и силы, нужные для больших дел, приходилось тратить подчас на разоблачение клеветников.

Что может принести отдохновение и творческий покой душе? Чем глубже духовный мир человека, тем шире простор для его мысли, тем легче поднимается он над мелочами, которые, как тина, грозят засосать его.

Вся противоречивая планета постоянно оставалась перед умственным взором Маркса и Энгельса, и по сравнению с этой громадой чуть видимыми пузырьками на болоте были дрязги Телеринга и его группки.

Промышленный кризис 1847 года, подготовивший февральское восстание, в это время в большинстве европейских стран прекратился и сменился бурным подъемом. Работая над отчетами, прессой, экономическими обзорами, Маркс и Энгельс пришли к выводу, что их былые надежды на скорую революцию не имеют под собой в данное время никакой почвы. Этот вывод потребовал новой боевой тактики.

«При таком всеобщем процветании, — писали Маркс и Энгельс, — когда производительные силы буржуазного общества развиваются настолько пышно, насколько это вообще возможно при буржуазных отношениях, о действительной революции не может быть и речи…»

Они утверждали, что подъем революционной волны будет следствием нового кризиса, который неизбежен, как и сама революция.

Совсем иными были настроения Виллиха и только что вернувшегося из Германии Карла Шаппера. Оба они увлекли за собой многих лондонских членов союза. Как узник, заточенный в тюрьме, теряя ощущение действительности, постоянно ждет и верит в освобождение и строит несбыточные планы, так обреченные на изгнание немецкие революционеры жаждали нового восстания и считали, что могут ускорить его по своей воле. Они рвались в бой, который неизбежно закончился бы поражением, и требовали действий, не считаясь с экономической и политической обстановкой. Это было опасное безумие, похожее на то, которое обуяло Гервега и обрекло затем на гибель горсточку храбрецов его отряда.

Тщетно Карл и Фридрих порознь и вместе со своими сторонниками пытались образумить Виллиха и Шаппера. Ничто не помогало. Доводы разума и логики только ожесточали их. Они не были ни достаточно образованны, ни предусмотрительны. Жизнь в эмиграции приводила их в отчаяние. Раскол среди членов Центрального комитета союза становился неотвратимым, осложняя и без того трудные дни изгнанников.

Конрад Шрамм пришел к Марксу, чтобы затем вместе с ним идти на заседание. Ничто в Конраде Шрамме не напоминало купца. Он скорее походил на романтического поэта. Худое лицо его было обрамлено вьющимися бакенбардами, и глаза, очень ясные и блестящие, смотрели дерзко и мечтательно. Вспыльчивый, прямолинейный, подверженный смене настроений, он был страстно предан идее коммунизма и самому Марксу. Женни и дети любили Шрамма, радовались его посещениям. В их квартирке молодой человек чувствовал себя непринужденно и легко.

Карл встречал его обычно шутливым приветствием:

— Салют, юный романтик коммунизма!

На заседание Центрального комитета явились девять человек, в том числе Энгельс, Генрих Бауэр, Эккариус, Шаппер и Виллих.

Маркс заговорил первым. Он предложил перевести Центральный комитет из Лондона в Кёльн, передав его полномочия тамошнему окружному комитету. Решение должно было быть сообщено немедленно членам союза в Париже, Бельгии, Швейцарии и Германии. Далее Маркс настаивал на выработке новым Центральным комитетом устава и создания в Лондоне двух округов Союза коммунистов, не поддерживающих отныне друг с другом никаких сношений и связанных только тем,

что оба принадлежали к одной партии.

— Мои мотивы, — сдерживая возрастающее возбуждение, продолжал говорить Маркс, — следующие: на место универсальных воззрений «Манифеста» ставится немецкое национальное воззрение, льстящее национальному чувству немецких ремесленников. Вместо материалистического воззрения «Манифеста» выдвигается идеалистическое. Вместо действительных отношений главным в революции изображается воля. В то время как мы говорим рабочим: вам, может быть, придется пережить пятнадцать, двадцать, пятьдесят лет гражданской войны для того, чтобы изменить существующие условия и чтобы сделать самих себя способными к господству, — им вместо этого говорят: мы должны тотчас достигнуть власти или же мы можем лечь спать. Подобно тому как лжедемократы употребляют слово «народ», так употребляется ныне слово «пролетариат» — как пустая фраза. Чтобы претворить эту фразу в жизнь, пришлось бы объявить всех мелких буржуа пролетариями, то есть представлять мелких буржуа, а не пролетариев. На место действительного революционного развития пришлось бы поставить революционную фразу.

— Вы не станете отрицать, Маркс, что без воли нет победы? Спросите любого военачальника. Все, право, так просто. Надо разойтись, нам не по пути! — зычно крикнул Виллих.

Маркс посмотрел на него уничтожающим взглядом и продолжал, повернувшись к Шапперу, который ерзал на стуле и лихорадочно записывал что-то.

— Эта дискуссия, наконец, показала, какие принципиальные разногласия составляют подоплеку личных раздоров, и теперь уже пришло время принять меры, — не отвечая Виллиху, говорил далее Маркс. — Именно эти противоположные утверждения и стали боевыми лозунгами обеих фракций: некоторые члены союза называли защитников «Манифеста» реакционерами, пытаясь таким путем сделать их непопулярными, что, впрочем, им совершенно безразлично, ибо они не стремятся к популярности. Однако ясно само собой, что оставаться вместе было бы просто вредной тратой времени. Шаппер часто говорил о разрыве, — что же, я отношусь к разрыву серьезно. Я думаю, что нашел путь, на котором мы разойдемся, не вызывая раскола партии.

— Ну, а если мы думаем по-иному? Как это называется — изменой рабочему делу или борьбой за него? Мы не боимся раскола, — прорычал Шаппер.

— Призываю вас к порядку, — властно вмешался председатель и поднял маленький колокольчик.

Морщинка на переносице Маркса углубилась, черные с

проседью волосы растрепались и, как грозный нимб, окружили голову. В это время заговорил Шаппер. От волнения он побледнел и непрерывно вытирал потный лоб фуляровым платком.

— Я полагаю, что новая революция выдвинет людей, которые будут вести себя лучше, чем те, кто пользовался известностью в 1848 году. Я высказал подвергшийся здесь нападкам взгляд потому, что вообще с энтузиазмом отношусь к этому делу. Речь идет о том, мы ли сами начнем рубить головы, или нам будут рубить головы. Во Франции настанет черед для рабочих, а тем самым и для нас в Германии. Не будь этого, я, конечно, отправился бы на покой, и тогда у меня было бы иное материальное положение. Если же мы этого достигнем, то сможем принять такие меры, которые обеспечат господство пролетариата. Я являюсь фанатическим сторонником этого взгляда. Но большинство Центрального комитета хочет противоположного. Однако если вы больше не хотите иметь с нами дела, что ж — тогда расстанемся. В предстоящей революции меня наверняка гильотинируют, но я, невзирая ни на что, поеду в Германию. Смерть так смерть! — Шаппер откашлялся и опустил глаза. — Я давнишний друг Маркса, но если придется идти на разрыв, что ж, тогда мы пойдем одни.

— Что касается энтузиазма, — снова заговорил Маркс, — то немного его требуется, чтобы принадлежать к партии, о которой думаешь, что она вот-вот придет к власти. Ныне пролетариат, если бы он пришел сейчас к власти, при существующих экономических условиях проводил бы не непосредственно пролетарские, а мелкобуржуазные меры. Наша партия может прийти к власти лишь тогда, когда условия позволят осуществлять ее взгляды.

Маркс привел в пример Луи Блана, его провал и, обведя зорким взглядом всех присутствующих, спросил, почему же не высказывается никто из остальных членов меньшинства.

Виллих демонстративно поднялся и молча покинул помещение. Спустя несколько дней на заседании ЦК Союза коммунистов Шаппер снова отстаивал свою точку зрения. Он призывал немедленно приняться за конспиративную работу и делать революцию.

— Безумцы! — закричал Конрад Шрамм, теряя терпение от пустозвонного многословия выступившего затем Виллиха. — Вы требуете немедленной революции или грозитесь уйти на покой. Вы призываете нас к немедленному вооруженному восстанию, лишь бы проливать кровь, заранее зная о поражении, только ради вашего нетерпения. Вы предлагаете игру в революцию и вредной болтовней вносите сумятицу в наши ряды вместо серьезного

революционного дела.

— С каких пор всякие купцы будут учить нас, истинных бойцов, тактике? — бросаясь вперед и грозя кулаками Шрамму, завопил тощий Виллих. — Я командовал революционной армией на фронте, а вы, Шрамм, наверно, прятались в это время под прилавком. Трусы, здесь собрались трусы!

— В погоне за успехом вы уже готовы выносить помойные ведра мелких буржуа, прикрываясь при этом громкой фразой, — раздался голос портного Эккариуса, сторонника большинства Центрального комитета.

Все вскочили со своих мест.

— Позор меньшинству, ведущему нас в такую трудную пору к расколу. Мы не позволим этого. Виллих, Шаппер и компания будут нести отныне ответственность за то, что нет более должного единства в Союзе коммунистов, а в нем — наша сила! — повысил голос Энгельс.

В это время, не жалея бранных слов и наступая друг на друга, в углу комнаты схватились в крайнем раздражении Конрад Шрамм и Август Виллих. К концу словесной перепалки Виллих заявил, что вызывает на дуэль самого Маркса, вождя партийного большинства. При этом он не поскупился на клеветнические выпады.

— Я требую немедленной сатисфакции за оскорбление Маркса и моих друзей. Вы раскольник и подлый лгун, к барьеру! — задыхаясь и кашляя, крикнул Шрамм.

— Если бы вы не потребовали этого первым, я вырвал бы у вас согласие на дуэль пощечиной. Мы будем стреляться на пистолетах! — заорал Виллих, который был превосходным стрелком и попадал на расстоянии двадцати шагов в любую мишень.

Несмотря на все попытки Маркса и Энгельса предотвратить дуэль, она состоялась вблизи Антверпена на берегу моря. Секундантом Виллиха был Бартелеми.

Накануне поединка Конрад Шрамм, человек весьма отважный и неунывающий, писал Марксу:

«Не бойся за меня, парень вроде меня не может уйти в мир молчания, как идиот».

На Дин-стрит, в семье Маркса, в дни предполагаемой дуэли царило большое волнение. Все боялись за жизнь Конрада Шрамма.

Неожиданно, когда Карла не было дома, раздался резкий стук во входную дверь, и перед Ленхен, бросившейся открывать, появился Бартелем и в черной пелерине и мягкой широкополой шляпе.

— Вы из Бельгии? Какие новости о Шрамме? — спросила Женни.

Низко поклонившись, Бартелеми ответил замогильным тоном:

— Пуля в голову!.. — и тотчас же удалился.

Женни, потрясенная столь трагической вестью, бросилась искать мужа, Либкнехта и всех остальных друзей Шрамма. Никто не сомневался в его гибели.

На другой день, когда на Дин-стрит все были безутешны, внезапно вошел сам мнимоумерший. Голова его была забинтована, настроение бодрое. Оказалось, что Шрамм был только контужен и потерял сознание. Не разобравшись, в чем дело, Виллих и Бартелеми распространили слух о смертельном исходе дуэли.

Большинство членов Центрального комитета с Марксом и Энгельсом во главе постановили перенести местопребывание ЦК Союза коммунистов в Кёльн. К сторонникам Виллиха и Шаппера вскоре присоединилось несколько французов, в том числе и Бартелеми.

Не в силах больше видеть лишения в семье Карла, Фридрих поступил конторщиком в фирму отца и переселился в Манчестер. Без его помощи шесть человек на Дин-стрит были бы обречены на медленную гибель, а Карл Маркс не мог бы довести до конца ни одного задуманного труда. Помимо текущей работы, он продолжал собирать материалы для книги по политической экономии.

В хмурый, серый, как пасть камина, день внезапно умер Фоксик. За несколько минут до смерти он смеялся и шалил. Вдруг личико его исказилось, по телу прошли конвульсии, которыми он страдал с рождения, и дыхание остановилось.

В одно мгновение в комнате, где играли дети, чинила белье Ленхен и писала письма Женни, все переменилось. Смерть впервые ворвалась в эту крепко спаянную любовью семью.

Нет большего горя, нежели смерть детей. Гвидо был тем более дорог матери, что она спасала его жизнь в самых тяжелых условиях, ценой величайших усилий. Ее терзала мысль, что ребенок пал жертвой материальных лишений, невзгод.

Женни впала в состояние нервного истощения и возбуждения, не спала, не ела и не хотела отдать мертвого ребенка, когда пришло время его хоронить.

Карл стойко скрывал свою печаль, стараясь утешить жену. Все пережитое, глубоко спрятанное в сердце, вскоре свалило его, и он серьезно заболел.

Виллих и Шаппер нашли сторонников главным образом в Просветительном обществе среди немецких ремесленников. Тогда Маркс, Энгельс и их друзья решили выйти из этой организации.

В ноябре 1850 года появился двойной, пятый-шестой, номер «Обозрения». Издание журнала отныне прекращалось. Реакция продолжала свой победный марш по Европе.

В последнем политико-экономическом обзоре за полугодие Маркс и Энгельс, говоря о причинах поражения революции, связывали их с экономическим подъемом главных европейских государств.

В это же время Мадзини, Ледрю-Роллен, Руге в своем воззвании писали, что революционные сумерки, опустившиеся на Европу, объясняются честолюбием и завистью отдельных вождей и их взаимной враждой. Свою программу они излагали, как веру в свободу равенство, братство, семью, общину, и видели спасение в общественном строе, вершиной которого являются бог и его законы, а основанием — народ.

В последнем номере «Обозрения» член союза Эккариус писал о состоянии портняжного дела в Лондоне. Он работал закройщиком в одной из городских мастерских и сумел увидеть, что вытеснение большими фабриками мелких ремесленных мастерских является положительным историческим признаком. Ученик Карла и Фридриха, он понял то, чего не могли постигнуть многие ученые-экономисты и «пророки» вроде портного Вейтлинга.

В развитии и процветании крупной буржуазии Эккариус увидел приближение пролетарской революции.

Материалистическое понимание современности скромным портным было большой радостью для Карла. Он восторженно приветствовал его.

— Прежде чем пролетариат победит на баррикадах и на боевых линиях, он возвещает о своем грядущем господстве рядом интеллектуальных побед, — заявил Маркс.

Со времени отъезда Энгельса в Манчестер между двумя друзьями завязался живой обмен в письмах мыслями, планами, оценками событий и людей.

В одном из писем о Луи Блане, которого в шутку, намекая на его женственность, Маркс называл Луизой, и о Ледрю-Роллене, ставших эмигрантами и живших в Англии, Маркс писал Энгельсу:

«Луиза никогда не импровизирует своих речей, он от слова до слова пишет свои речи и заучивает их *наизусть* перед зеркалом. Ледрю же, в свою очередь, всегда импровизирует, в *важных случаях* делает себе некоторые заметки matter of fact[14].

Совершенно оставляя в стороне их внешние различия, Луи уже по одному этому совершенно неспособен *рядом* с Ледрю произвести малейшее впечатление. Естественно, что он должен был ухватиться за всякий повод, который позволил бы ему избегнуть сравнения с опасным соперником. Что касается его исторических работ, то он делает их, как Александр Дюма свои фельетоны. Он всегда изучает материалы только для следующей главы. Таким образом, появляются книги вроде «Histoire de dix ans»[15]. С одной стороны, это придает его изложению известную свежесть, ибо то, что он сообщает, для него так же ново, как и для читателя, а с другой стороны, в целом — это слабо.

Это о Луи Блане».

Маркс и Энгельс были великими стилистами, хотя и отличались друг от друга в манере изложения.

В своих письмах Энгельс реже пользовался иноземными словами, в то время как в письмах Маркса их бывало очень много, и он любил перемешивать родной язык с английским и французским. Но особенно мастерски он владел немецким. Оба друга обладали тонким чувством юмора.

Величайшее правдолюбие, отвращение ко всему искусственному, предельное ощущение человеческого достоинства и внутренней честности особенно четко и явно выступают из их различного и вместе с тем тождественного стиля, всегда раскрывающего подлинную сущность человека.

Стиль всегда неповторим, как отпечатки пальцев человека, как его лицо и выражение глаз. Никогда на протяжении существования людей не появлялись на земле два одинаково мыслящих существа. Неисчерпаемы творческие силы природы. И так же многообразен и несхож с другими стиль человека, этот своеобразный отпечаток его души.

Язык Маркса более порывист, жгуч, нежели у Энгельса, чей слог поражает изяществом и логической непринужденностью. Оба друга полностью подчинили слово мысли. Сатирическая зарисовка, меткая характеристика, неожиданное сравнение, точный образ перемежаются в их произведениях и письмах с всесторонним анализом предмета и совершенными по форме и сути выводами.

Был теплый ветреный летний вечер. Фридрих после скучного рабочего дня в конторе бумагопрядильной фабрики «Эрмен и Энгельс» шел по улицам Манчестера. Старый промышленный город был грязен. Ветер поднимал и кружил тряпки, бумагу и мелкий сор, валявшийся в изобилии на мостовой.

По знакомым переулкам Энгельс направился на окраину и очутился на большой дороге, соединяющей Манчестер с

промышленными городами Бирмингемом и Шеффилдом, а также с пастушьим Йоркширом и далекой Шотландией.

Обычно по вечерам прогулка Фридриха длилась не более двух часов. Он возвращался домой легким шагом тренированного альпиниста мимо однообразных домов зажиточных горожан. Небольшие палисадники были обнесены добротными решетками, на овальных клумбах цвели цветы. Дорожки, посыпанные гравием, вели к нарядному крыльцу. Из-за густых занавесок пробивался на улицу мягкий свет.

Дом, где жил Фридрих, был обычным двухэтажным коттеджем, воспроизводящим в улучшенных формах жилище феодальных времен, с лестницей внутри, ведущей на мансарду. Там в новые времена располагались маленькие спальни. Дом этот, с узкой кирпичной трубой на черепичной покатой крыше, недавно построенный, являлся точной копией такого же, существовавшего сотни лет назад.

Мэри Бернс была в отъезде. Старуха — владелица домика — ежедневно убирала комнаты Энгельса и готовила ему пищу.

Вечером, как всегда, она подала ужин, растопила камин и, пожелав квартиранту приятных сновидений, ушла. К ночи заметно похолодало. Взяв газеты, Фридрих уселся подле небольшого камина. Изредка он подбрасывал поленья и раздувал с помощью особого приспособления, наподобие кузнечных мехов, затухающий огонь. Большие стенные часы завозились, заохали и с трудом отзвонили девять раз. Энгельс тотчас же поднялся и вошел в маленькую комнату, служившую ему кабинетом. Там уже горела лампа на письменном столе. Было очень тихо.

Совсем недавно Энгельс начал изучать русский и, как это всегда бывало с ним при изучении иностранных языков, достиг уже очень многого.

«Евгений Онегин» пленил его. Хотя он слыхал немало о поразительном богатстве современной русской литературы, о гении Пушкина, но был еще больше поражен, когда смог черпать из самого родника, не нуждаясь отныне в нередко умерщвляющих оригинал переводах.

С увлечением и редким прилежанием изучал Энгельс русский язык, откладывая грамматику для того, чтобы отдохнуть и насладиться неповторимыми строками пушкинского романа.

Обычно после часа этих занятий Энгельс принимался за военные науки, к которым с юности имел призвание. Он доставал военные карты, руководство по артиллерии Бема, военную историю Монтекукули и множество других немецких, французских и английских книг. Особенно усердно изучал он англичанина Непера, француза Жомини и немца Клаузевица.

Изучение военных наук, помимо пристрастия к ним, было вызвано также еще и тем, что Энгельс считал весьма значительной роль армии в предстоящих революциях. Пролетариату, по его мнению, не хватало опытных, знающих военачальников. О современных ему представителях офицерства он составил себе крайне отрицательное мнение.

— Этот сброд, — говорил Фридрих презрительно о прусских военных, — проникнут отвратительным сословным духом. Они смертельно ненавидят друг друга, завидуют один другому, как школьники по поводу малейшего отличия, но все заодно по отношению к штатским.

Рано утром, тщательно одевшись и скромно позавтракав, Фридрих отправился в контору. Дела текстильных фабрик шли успешно. В 1851 году английская хлопчатобумажная промышленность потребляла еженедельно 32 тысячи кип хлопка против 29 в 1850 году. Манчестер торговал особенно широко с Ост-Индией и Китаем.

С глубоким вздохом принялся Энгельс за конторские и фабричные книги и проработал до полудня, когда наступил час ленча.

После завтрака Энгельс вернулся к своему рабочему столу в конторе, он открыл записную книжку и увидел, что ему следует отправить Женни Маркс разноцветную бумажную пряжу для вязания, которую он обещал ей в последнюю встречу. Клубки были уже приготовлены и уложены в коробку. Оставалось сдать их на почту. Он позвал привратника и передал ему посылку для отправки в Лондон. Затем Фридрих принялся за отчеты, поступившие с текстильной фабрики.

К концу унылого рабочего дня за конторскими книгами Энгельс получил обширную почту. Письма были от Мэри из Ирландии, от Иосифа Вейдемейера, от Вольфа и Маркса из Лондона. Убедившись, что жена здорова, Фридрих, отложив письма остальных друзей, сорвал сургучную печать и принялся за чтение письма с обратным адресом «Дин-стрит, 28».

Письмо Маркса было тревожным и кратким. Он сообщал об аресте в Кёльне коммуниста врача Даниельса. Вейдемейер вынужден в связи с репрессиями скрываться в окрестностях Франкфурта. Далее Карл сообщал другу, что им обоим следует уничтожить или спрятать немедленно все письма ввиду возможного обыска.

«Ты тоже хорошо сделаешь, — писал он, — если менее важные письма сожжешь, а остальные, заключающие в себе какие-либо данные и тому подобное, поместишь в запечатанном пакете

у Мэри».

Сообщение о происходящих в Германии преследованиях коммунистов не застало Фридриха врасплох. Он постоянно читал немецкие газеты, в том числе и «Кёльнскую газету», которые сообщали о раскрытии коммунистического «заговора», готовившего акт государственной измены.

Энгельсу было известно, что 10 мая в Лейпциге был арестован эмиссар Союза коммунистов портной Нотьюнг. Полиция по отобранным у него бумагам узнала о существовании и действиях коммунистической партии.

Вскоре в Кёльне были арестованы члены Центрального комитета Союза коммунистов. Фрейлигрaт едва избежал ареста благодаря тому, что случайно, ничего еще не зная о подстерегающей его опасности, незадолго до этого уехал в Лондон.

С некоторых пор Фридрих заметил, что за ним усилилась слежка. Он не мог шагу ступить без того, чтобы шпионы не сопровождали его.

«Прусский посол в Лондоне, фон Бунзен, этот попик во фраке, — думал Энгельс, — не упустит случая представить английскому правительству какие-нибудь сногсшибательные враки обо мне и Карле, изображая нас чудовищами, способными подорвать благоденствие Великобритании».

В эти погожие летние дни 1851 года в Манчестер неожиданно приехал один из двух владельцев бумагопрядильной фабрики — Фридрих Энгельс-старший. Появление отца в Англии не слишком обрадовало сына, но безукоризненное воспитание и выдержка помогли ему ничем не выразить подлинных чувств.

Несмотря на то, что Фридриху-младшему было уже около тридцати одного года, отец держал себя с ним все еще как с вышедшим из повиновения подростком. Характер старика Энгельса никогда не отличался покладистостью, с годами же деспотизм и самонадеянность его значительно усилились. Сколь терпелива и чутка была мать Фридриха Элиза, столь же нетерпим, властен и ханжески религиозен отец. В этот приезд, однако, старик, упоенный победой реакции в Германии и возрастающими прибылями, был менее раздражительным и придирчивым.

— Итак, дорогой Фридрих, слава господу богу, я оказался прав! Стадо подчинилось пастырю своему. Революция потерпела крах, провалилась, как всякое исчадие ада, раз и навсегда. О, немцы не так глупы, чтобы поддаться болтовне недоучек, дураков и представителей «черноземной силы», — говорил Энгельс-

старший, прохаживаясь по гостиной. Из кармана его черного длинного сюртука высовывался переплет маленькой дорожной библии.

Слуга доложил с порога о Петере Эрмене, который был приглашен к обеду.

Старик Энгельс не доверял своим компаньонам Эрменам и потому послал Фридриха в Манчестер, чтобы тот контролировал их деятельность как коммерсантов. Но, в свою очередь, он беспокоился и за сына, зная его безбожие и приверженность революционным идеям, и в этом отношении хотел бы, чтобы кто-либо сообщал ему о поведении Фридриха.

Оба Энгельса, старший и младший, очень походили друг на друга. Высокие, стройные, широкоплечие. Только совсем разное было выражение их глаз: одушевленные, ясные, поражающие умом — у сына, мутные и жестоко-тупые — у отца.

За столом Энгельс-старший стоя прочитал молитву, и затем начался обед.

— В Германии выскребают остатки коммунистического сора, — хитро сощурив глаза, начал Энгельс-старший. — Никто из порядочных людей, впрочем, не боится больше красного призрака. С этим навсегда покончено. Король разделался с горсточкой мятежников и сумасшедших, как некогда господь бог с вавилонянами.

Энгельс-младший закусил губу, чтобы сдержаться и не поссориться с отцом, который открыто вызывал на спор. Но глаза его загорелись недобрым блеском. Старик поймал брошенный на него угрожающий взгляд сына. Энгельс-старший знал по опыту, каким даром речи, какой беспощадной находчивостью обладал его сын в словесном единоборстве.

Энгельс постоянно помогал деньгами Марксу в это тяжелое время. Он хотел дать возможность другу не отрываться от работы над новой книгой о политической экономии, считая, что Маркс является гениальным мозгом партии. И, как всегда в жизни, Энгельс решил так не только по велению сердца, горячо любившего Маркса и его семью, но и потому, что этого требовал его целеустремленный ум, все подчинявший интересам революционного дела.

Во имя победы пролетариата Энгельс готов был принести себя в жертву, превратившись в рядового конторщика, а Маркс, подчинившись силе его убеждения, принял это самоотречение. Оба друга доказали этим величие своего духа, ибо принимать жертву самого близкого человека бывает подчас для некоторых натур не менее трудно, нежели приносить ее.

После обеда подали кофе с ликерами и сигары. Ужин был

окончен. Фридрих Энгельс-старший встал, прошелся по комнате и начал играть на виолончели. Он сыграл с большим чувством мелодию Глюка и кое-что из Моцарта. Затем он заговорил с сыном:

— Сколько раз, Фридрихен, я предлагал тебе отправиться в Индию! В Калькутте компании «Эрмен и Энгельс» особенно необходимо иметь доверенного человека. Как ты смотришь на это предложение?

— Я снова отказываюсь наотрез и не поеду из Манчестера никуда.

— В таком случае не ропщи, что я плачу тебе жалованье, которое получает любой конторщик в этом городе. В твоем возрасте деньги только развращают человека. Впрочем, скорее господь и я простили бы тебе грехи, свойственные юности: чревоугодие, умеренный блуд и разные светские развлечения, нежели подрыв государственных и общественных устоев, подстрекательство к анархии, к господству дьявола на земле.

Через несколько дней Фридрих проводил отца в Германию.

В те же дни в Париже и по всей Франции крепко спаянная партия бонапартистов начала готовиться к государственному перевороту. Со всех важнейших постов в армии были устранены «африканские генералы», как звали в обществе ставленников Кавеньяка. Они были заменены приверженцами бонапартистов. К полному удовольствию Ватикана, школы были переданы в руки духовенства. Это черное дело подготовил неутомимый и ловкий враг демократии и социализма Адольф Тьер, председатель комиссии по пересмотру системы образования. Нисколько не маскируясь, Тьер доказывал, что обязательное образование — это коммунизм, а школа для народа — излишний предмет роскоши.

— Массы, — говорил он, — нуждаются в предустановленных свыше истинах, и их единственной философией должна быть религия.

Когда католическая церковь и филантропические религиозные организации стали хозяевами народных школ, многие сельские учителя были изгнаны. Их заменили черные сутаны. Гонениям подверглись также демократы — профессора университетов, чиновники, офицеры и унтер-офицеры. Многих перевели в Африку и другие колонии.

Правительство Луи Бонапарта прозвали «министерством приказчиков», хотя оно значительно больше походило на министерство полицейских. Страна задыхалась в жандармской петле, наброшенной на нее. Неустойчивые честолюбцы в среде чиновников и офицеров устремлялись в бонапартистский лагерь, чтобы из преследуемых стать преследователями. Исполнительная

власть Франции располагала полумиллионной армией чиновников. Государство надзирало над всеми гражданами, вторгаясь не только в самые значительные, но и в ничтожные проявления их повседневной жизни.

В то время как сельское хозяйство испытывало большие трудности, промышленность и торговля продолжали процветать.

В распоряжение главнокомандующего парижского гарнизона генерала Маньяна прибыли войска из Африки, на которые в случае переворота бонапартисты могли положиться. Сам Маньян, кутила и мот, был по уши опутан долгами. Ему грозила долговая тюрьма. Бонапарт спас его, одолжив миллион франков. В случае удачи переворота Маньян надеялся выбраться из трясины, в которой барахтался.

Заправилами предстоящего переворота были генерал Леруа, называвшийся также Сент-Арно, сводный брат Луи Бонапарта граф Морни, начальник полиции Мопа и другие. Они сумели создать в армии серьезную оппозицию Кавеньяку и его генералам. Хищник, картежник и бессовестный грабитель, обескровивший беззащитную африканскую колонию Константина, Леруа был достойным соперником властолюбивого палача Кавеньяка. Так же опутанный с головы до ног долгами, он мог осуществить свои планы только с помощью государственного переворота в пользу Бонапарта, обещавшего ему власть и деньги.

Еще одним среди многих других мотов, игроков, честолюбцев был префект парижской полиции Мопа. Ему было всего 32 года, когда он обратил на себя благосклонное внимание президента усердием, с которым преследовал и арестовывал в провинции республиканцев-социалистов. Правда, суды не оказывали ему желанной поддержки: он собирал недостаточно улик! Впоследствии Мопа усовершенствовал методы своей работы. С помощью провокаторов и хулиганов он начал подбрасывать в квартиры своих жертв оружие, бомбы, поддельные документы. Эти низкие действия Мопа и его префектуры были обнаружены, разыгрался скандал. Но Бонапарту такие люди были особенно нужны, и он перевел Мопа из провинции в столицу и повысил в чине. Таким образом, армия и полиция были полностью к услугам заговорщиков.

Луи Наполеон в ночь на 2 декабря старался казаться спокойным. Из потайного ящика он вынул пакет. На нем было написано только одно слово: «Рубикон». В конверте находились прокламации, декреты, воззвания, которые следовало сейчас же напечатать и распространить.

— Дорогой Жозеф, — заявил Бонапарт, повернувшись к Морни, — среди этих бумаг находится ваше назначение. Отныне

вы министр внутренних дел. Итак, друзья, мы начинаем выступление на рассвете. Когда-то мой гениальный дядя, Наполеон Первый, в незабываемый исторический день восемнадцатого брюмера встал на защиту свободы и гражданских прав и разогнал узурпаторов. Сейчас нам предстоит сделать то же. Ступайте и действуйте! Рубикон перейден!

Адъютант президента с ротой жандармов ночью занял типографию и предложил печатать документы бонапартистов. Чтобы не вызвать подозрений наборщиков, рукописи были разрезаны на мелкие полоски. Однако рабочие почуяли недоброе и отказались приступить к работе. Тогда около каждого из них поставили по два солдата с ружьями. Жандармы объявили, что будут убивать на месте каждого, кто попытается покинуть типографию. К трем часам утра все прокламации были готовы и под руководством Мопа розданы для расклейки особо доверенным лицам. Ночью же префект полиции приступил к излюбленному своему занятию — арестам. В проскрипционных списках, где были главным образом социалисты и видные республиканцы, оказались также Кавеньяк и Тьер.

Около полуночи генерал Маньян издал приказ войскам не показываться на улицах города. Таково было указание Жозефа Морни. Этот розовощекий лысый делец превзошел всю «елисейскую братию» в кровожадности и коварстве. Собрав заговорщиков, он сказал:

— Пусть бунтовщики соберут свои силы и понастроят баррикады, а мы потом одним ударом раздавим их. Мы ведь в тридцать, если не больше, раз сильнее! Не будем утомлять войска мелкими стычками. Надо, чтобы они были наготове в решительный момент. Нам нельзя растягивать борьбу, иначе успех может обернуться поражением.

4 декабря генерал Маньян дал приказ войскам выйти на улицы и палить картечью без всякого предупреждения не только по баррикадам, но и расстреливать толпы гуляющих на улицах. И зверское избиение парижан началось. Охмелевшие солдаты палили из пушек по бульварам, садам и домам, кавалеристы верхом врывались в кафе и рубили шашками случайных посетителей.

Когда все баррикады были разметаны в щепы артиллерийским огнем и оставшиеся случайно в живых их защитники застрелены на месте, Бонапарт решил проехаться по своей столице. Его сопровождал эскорт с факелами.

На бульварах в этот вечер были расставлены столы, и бочки с вином непрерывно доставлялись победившему войску. Горели костры.

Музыка военных оркестров заглушала залпы, доносившиеся с Марсова поля, — там все еще расстреливали рабочих. В полицейской префектуре, чтобы избежать шума, захваченных защитников баррикад убивали ударом толстой дубины по голове. Оправившись от страха, префект Мопа сам руководил экзекуцией и учил своих агентов бить насмерть.

Бонапарт со своей свитой долго разъезжал по Парижу. Всюду его встречало гробовое молчание. Только там, где неистовствовала пьяная солдатня, раздавались приветствия.

Переворот Луи Бонапарта в Париже, подобно землетрясению, вызвал своеобразное колебание почвы и на британских островах. Но на бирже было пока спокойно, акции почти не дрогнули, хотя при дворце королевы Виктории и в правительстве высказывалось недовольство — вспоминали, сколько тревог и бедствий принес некогда Великобритании Наполеон I. Только скрытный и дальновидный Пальмерстон потихоньку потирал руки от удовольствия и готовил приветствие Луи Бонапарту. Любопытство обывателей все возрастало, и у газетных киосков толпился народ.

Со времени, когда Луи Бонапарт с большим перевесом голосов был избран президентом, возможность захвата им всей власти в стране казалась Карлу и Фридриху вполне осуществимой. «Елисейская братия» постоянно прочила его в императоры Франции. И, однако, между предполагаемым и свершившимся — всегда большая дистанция.

Февраль — отвратительный месяц на острове. Желтый туман, зловонный и липкий, чередуется с черным.

Почти весь этот месяц Карл Маркс, не мог посещать библиотеку Британского музея и вообще покидать квартиру. Его сюртук и обувь были заложены в ломбарде. Денежный залог под его одежду, который пошел на уплату долга домохозяйке, спас всю семью от того, чтобы не очутиться на улице, под открытым небом. Давно уже Ленхен не готовила к обеду мяса и не покупала детям молока. Картофель, овсяная каша и хлеб составляли еду взрослых и детей. Зеленщик и бакалейщик грозили прекратить продажу в кредит, и призрак полного голода неустанно преследовал во сне и наяву измученную нищетой Женни. Нервы ее совсем расстроились, и она часто плакала. Это приводило Карла в отчаяние. Но снова и снова он собирал силы и с еще большим рвением отдавался работе.

В старых брюках, тщательно залатанных Ленхен, в теплой рубахе сидел он за своим письменным столом, поглощенный, несмотря на трагизм создавшегося положения, работой.

За окном был черный, непроницаемый туман. Стонала на руках Женни маленькая, болезненная от рождения Франциска, в доме было сыро, голодно и холодно, а мысль Маркса охватывала необъятные пространства, реяла над миром, заглядывала во все уголки и, как ураган, срывала завесы с будущего человечества. Ни бедность, ни кандалами сковывающий быт не могли ослабить могучую творческую энергию и яркое пламя мышления, неустанно горевшее в этом человеке.

После долгой изнурительной болезни, перенесенной в январе, Карл выглядел еще более смуглым и похудевшим. Он точно сошел с картины, изображавшей арабского шейха или неукротимого бедуина. За прекрасные сверкающие глаза, смолисто-черные, хотя уже с проседью волосы, за кожу оливкового цвета родные и друзья звали его Мавром. Это прозвище полюбилось маленьким Женнихен, Лаурочке и Мушу. Отныне они редко называли его иначе, заменив Мавром обычное «папа».

Но февраль 1852 года вместе с туманами, болезнями принес безысходную нужду. Несколько фунтов стерлингов, которыми щедро, отдавая большую часть заработанных денег, делился с семьей друга Энгельс, не могли существенно помочь. Заработка почти не было.

Несколько месяцев назад редактор «Нью-Йоркской трибуны» Дана прислал Марксу письменное приглашение сотрудничать в его большой газете.

В 1848 году предприимчивый Чарльз Дана приехал в Кёльн из Нью-Йорка с одним из корреспондентов издаваемой им газеты. Маркс произвел на американцев сильное впечатление. Они слушали его необыкновенно содержательные, ясные, воодушевляющие речи и поражались сочетанию крайней сдержанности и глубокой страстности в молодом редакторе «Новой Рейнской газеты», глубиной и многогранностью его души.

В Нью-Йорке Дана вспомнил о Марксе и, узнав его адрес в Лондоне, решил привлечь к сотрудничеству в своей газете. Получив письмо от Дана, Карл, поглощенный работой над книгой по политической экономии, обратился к Энгельсу в Манчестер, и тот за его подписью направил в газету просимые статьи.

Не раз сплетались воедино мышление и творчество двух друзей. Но то, что опасно для людей с маленьким или неравным интеллектом, когда сильный поглощает более слабого, не могло грозить таким титаническим умам и душам, как Маркс и Энгельс. Настолько безмерно богаты духовно и умственно были они оба, что, сливая знания, мысли, чувства, каждый из них сохранял свою полную независимость и цельность натуры. Среди совершенно

равных нет самолюбивых или мелочных счетов.

Скованный отсутствием одежды и обуви, Маркс дома неотрывно писал книгу о государственном перевороте, совершенном во Франции 2 декабря минувшего года.

Первую главу «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», как назывался новый труд Маркса, он послал другу Вейдемейеру в Америку, куда тот переселился незадолго до этого с женой и двумя детьми. Преследования полиции, готовившей провокационный процесс коммунистов в Германии, а также материальные лишения вынудили Иосифа Вейдемейера искать пристанища и удачи за океаном. Не сразу Карл и Фридрих одобрили это решение преданного и дорогого им обоим друга. Но другого выхода не было.

Осенью Вейдемейер с семьей выехал из Гавра в Нью-Йорк. Сорок суток трепали осенние штормы судно, идущее в далекую Америку. После многих мучений добрались немецкие эмигранты до Нового Света.

Едва устроившись на новом месте, Иосиф Вейдемейер энергично принялся за осуществление намеченного плана — издания политического еженедельника. Он попросил Маркса написать для этого предполагаемого журнала историю государственного переворота в Париже. Карл еженедельно писал для Вейдемейера статьи, которые озаглавил общим названием «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта». Он начал первую из них остроумными и меткими рассуждениями о недавних событиях:

«Гегель где-то отмечает, что все великие всемирно-исторические события и личности появляются, так сказать, дважды. Он забыл прибавить: первый раз в виде трагедии, во второй раз в виде фарса. Коссидьер вместо Дантона, Луи Блан вместо Робеспьера, Гора 1848–1851 гг. вместо Горы 1793–1795 гг., племянник вместо дяди. И та же самая карикатура в обстоятельствах, сопровождавших второе издание восемнадцатого брюмера!

Люди сами делают свою историю, но они ее делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого. Традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых. И как раз тогда, когда люди как будто только тем и заняты, чтобы переделывать себя и окружающее и создавать нечто еще небывалое, как раз в такие эпохи революционных кризисов они боязливо прибегают к заклинаниям, вызывая к себе на помощь духов прошлого, заимствуя у них имена, боевые лозунги, костюмы, чтобы в этом

освященном древностью наряде, на этом заимствованном языке разыгрывать новую сцену всемирной истории».

В течение зимы 1852 года Вейдемейеру ничего не удавалось. К весне, однако, дела его пошли лучше: он получил место землемера и одновременно приступил к изданию журнала «Революция». Первый выпуск должен был состоять из нового произведения Маркса, написанного под непосредственным впечатлением событий во Франции.

Все остающееся от домашних хлопот и неурядиц время и все силы Женни отдавала переписке «Восемнадцатого брюмера». Наиболее плодотворной для дела была ночь. Тогда спали дети и наступала, наконец, тишина. Часто Карл диктовал ей текст статей, прохаживаясь по комнате. Быстро записывая, Женни вслушивалась не только в слова, но и в чистый, глубокий голос, который так любила.

От долгой ночной работы у Маркса болели глаза. Он то и дело закрывал их ладонью. Женни подошла к нему и заглянула в его усталое лицо. Вокруг покрасневших глаз залегли фиолетовые тени.

— Ложись сейчас же спать, — потребовала Женни. — Пишешь уже более месяца, не разгибаясь, с раннего утра до вечера. Дай я приложу тебе примочки из крепкого чая на глаза. Они так воспалены.

Карл давно страдал от болезни глаз, но продолжал много работать, часто до самого рассвета.

С неохотой подчинившись жене, Карл лег в постель, и Женни, позабыв обо всех лишениях и бедах, снова горячо принялась за переписку.

Некоторые мысли в «Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта» так нравились ей, что она готова была вскочить с места, разбудить Карла и сказать ему, как великолепен его ум, как богат язык, необозрим духовный горизонт.

«Социальная революция XIX века может черпать свою поэзию только из будущего, а не из прошлого. Она не может начать осуществлять свою собственную задачу прежде, чем она не покончит со всяким суеверным почитанием старины. Прежние революции нуждались в воспоминаниях о всемирно-исторических событиях прошлого, чтобы обмануть себя насчет своего собственного содержания. Революция XIX века должна предоставить мертвецам хоронить своих мертвых, чтобы уяснить себе собственное содержание. Там фраза была выше содержания, здесь содержание выше фразы…

Буржуазные революции, как, например, революция XVIII века, стремительно несутся от успеха к успеху, в них драматические

эффекты один ослепительнее другого, люди и вещи как бы озарены бенгальским огнем, каждый день дышит экстазом, но они скоропреходящи, быстро достигают своего апогея, и общество охватывает длительное похмелье, прежде чем оно успеет трезво освоить результаты своего периода бури и натиска. Напротив, пролетарские революции, революции XIX века, постоянно критикуют сами себя, то и дело останавливаются в своем движении, возвращаются к тому, что кажется уже выполненным, чтобы еще раз начать это сызнова, с беспощадной основательностью высмеивают половинчатость, слабые стороны и негодность своих первых попыток, сваливают своего противника с ног как бы только для того, чтобы тот из земли впитал свежие силы и снова встал во весь рост еще более могущественный, чем прежде, все снова и снова отступают перед неопределенной громадностью своих собственных целей, пока не создается положение, отрезающее всякий путь к отступлению…»

Раздетый и разутый нищетой, Маркс, не покидавший дома, напряженно работал над «Восемнадцатым брюмера Луи Бонапарта». Как бы утомлена ни была Женни, живое слово со страниц, густо исписанных мелкими, сложными, рвущимися куда-то вперед буквами, мгновенно возвращало ей уверенность и внутреннее равновесие.

Женни переписывала одну из последних подглавок:

«Историческая традиция породила мистическую веру французских крестьян в то, что человек по имени Наполеон возвратит им все утраченные блага. И вот нашелся некто, выдающий себя за этого человека только потому, что он — на основании статьи Code Napoléon: «La recnerche de la paternité est interdite»[16] — носит имя Наполеон. После двадцатилетнего бродяжничества и целого ряда нелепых приключений сбывается предсказание и человек становится императором французов. Навязчивая идея племянника осуществилась, потому что она совпадала с навязчивой идеей самого многочисленного класса французского общества.

Но тут мне могут возразить: а крестьянские восстания в доброй половине Франции, а облавы, устраиваемые армией на крестьян, а массовые аресты, массовая ссылка крестьян?

…Династия Бонапарта является представительницей не революционного, а консервативного крестьянина, не того крестьянина, который стремится вырваться из своих социальных условий существования, определяемых парцеллой, а того крестьянина, который хочет укрепить эти условия и эту парцеллу, — не того сельского населения, которое стремится присоединиться к городам и силой своей собственной энергии

ниспровергнуть старый порядок, а того, которое, наоборот, тупо замыкается в этот старый порядок, и ждет от призрака империи, чтобы он спас его и его парцеллу и дал ему привилегированное положение. Династия Бонапартов является представительницей не просвещения крестьянина, а его суеверия, не его рассудка, а его предрассудка, не его будущего, а его прошлого…»

Несколько раз перечла Женни страницу, где буквы то сплетались, то рассыпались в виде острых значков и точек и напоминали нотопись. Нелегким делом было разобрать особый почерк Маркса. Наконец ей это удалось.

«У буржуазии теперь явно не было другого выбора, как голосовать за Бонапарта. Когда поборники строгости нравов на Констанцском соборе жаловались на порочную жизнь пап и вопили о необходимости реформы нравов, кардинал Пьер д'Айи прогремел им в ответ: «Только сам черт может еще спасти католическую церковь, а вы требуете ангелов!» Так и французская буржуазия кричала после государственного переворота: «Только шеф Общества 10 декабря может еще спасти буржуазное общество! Только воровство может еще спасти собственность, клятвопреотупление — религию, незаконнорожденность — семью, беспорядок — порядок!»

После долго вынужденного затворничества Карл, выкупив из ломбарда сюртук и штиблеты, вышел впервые на улицу. Он жмурился от яркого света и глубоко вдыхал влажный и дымный, как всегда в столице Англии, воздух. От многодневного пребывания в четырех стенах у Карла кружилась голова. Он приподнял шляпу с квадратной тульей и широкими полями, радуясь прикосновению свежего ветерка к густым волосам.

Было воскресенье — унылый конец английской недели, день, предназначенный не только Лютером, Кальвином, но и английским парламентом для чтения библии, размышлений о грехах и их искуплении. Более ста лет назад особым парламентским декретом в «божьи» дни были воспрещены под угрозой строгих кар всякие общественные увеселения, зрелища, музыка, танцы.

В праздники Лондон казался опустошенным, как в средневековье эпидемией оспы или великим пожаром. Театры, против которых беспощадно боролся Кромвель, ненавидящий их как потеху презренной аристократии, все еще несли на себе клеймо пуританского проклятия. Вышедшие из подполья в эпоху реставрации королевской власти, они, однако, никогда не смогли вернуть себе привилегии шекспировской поры и безропотно подчинялись в середине XIX века парламентским гонениям, имевшим почти двухсотлетнюю давность. В день отдыха закрыты

были не только все без исключения магазины, читальни, но и рестораны. Зато в этот день особенно бойко торговали пивные. Заглянув в одну из них, Маркс увидел за столом с кружкой пива в руке Эрнеста Джонса, с которым был дружен последние годы.

— Алло, Карл, очень рад вас видеть, садитесь, дружище, — на чистом немецком языке весело приветствовал его Джонс — один из вождей чартистов, известный поэт и замечательный оратор. — Кончили ли вы книгу, ради которой ведете столь отшельническую жизнь? Не желая нарушать вашего творческого уединения, я не заходил к вам довольно долго. Надеюсь, вы подвели хорошую мину под негодяя Бонапарта? Никому это не удастся лучше, нежели вам. Кстати, известна ли вам резолюция, вынесенная на нашем митинге в Национальном зале?

Джонс вынул из кармана печатный текст и прочел его не без пафоса. У него был чистый, громкий голос и энергическая жестикуляция:

— «Митинг с ужасом и отвращением встретил победоносное узурпаторство Луи Наполеона — узурпаторство, совершившееся с помощью целого ряда преступлений, измен, насилий и организованных убийств, не знающих себе равных во всей истории Европы. Мы глубоко сочувствуем великодушному французскому народу, видя, как национальные права и свободы, завоеванные им с такими тяжелыми усилиями, грубо попираются военной силой, и мы твердо надеемся вместе со всеми благомыслящими людьми, что Европа скоро увидит конец этой узурпаторской власти, конец, достойный его царствования, достойный его преступления и его неблагодарности по отношению к французскому народу».

— Что ж, резолюция резка, и это хорошо, — сказал Карл.

— За нее голосовало большинство присутствовавших. Между прочим, время оказалось хорошим учителем для господ вроде Карлейля. Второе декабря — великолепная иллюстрация к их теории о великих личностях, творящих историю. Если такое продажное и трусливое ничтожество смогло возглавить государство великих свободолюбцев, чего же стоят все разглагольствования о культе героев?

— На гребне исторической волны иногда может оказаться скорлупа от яйца или даже навоз, — саркастически улыбнулся Карл.

Свежее, приветливое лицо Джонса приняло чрезвычайно серьезное и даже несколько суровое выражение напряженно думающего человека. Рука англичанина поднялась, разжалась и точно схватила что-то.

— Я понял, Маркс, что вы, именно вы являетесь живым

опровержением тех, кто считает решающей силой роль личности в истории. У вас проникновенный нечеловеческий разум, ваша самоотверженность почти божественного свойства. Не мешайте мне говорить. Оттого, что вы пришли в этот мир тогда, когда согласно вами же найденной разгадке экономические, исторические предпосылки для осуществления самых благородных целей человечества еще отсутствуют в должной степени, вы, Маркс, еще не стали душой и мыслью масс, — вы, мудрый и сильнейший из сильных, не оценены пока по достоинству. Вы принадлежите будущему.

Маркс несколько раз пытался остановить пылкую речь Джонса, но ему удалось только задержать его руку, то и дело выбрасываемую вверх, как бы следом за словами.

Вскоре Маркс и Джонс вышли на безлюдную улицу.

Они медленно направились к Гайд-парку по широкому проспекту — Оксфорд-стрит. Джонс был ростом ниже Маркса, но так же широкоплеч и крепко скроен.

— Вы так-таки ничего еще мне не сказали о своей новой книге, — заговорил снова англичанин. — Слыхали ли вы о двух французских сочинениях, посвященных так же, как и ваше, перевороту второго декабря?

— Да, я их читал. Переворот «елисейской банды» волнует и будет еще долго будоражить умы всех демократов мира. Одна из книг называется «Наполеон малый». Автор — Виктор Гюго, другая — «Государственный переворот» небезызвестного вам Прудона. Гюго и я, как видите, эмигранты, и оба нашли прибежище на земле туманного Альбиона.

— Не хочу ставить вас, Маркс, в один ряд с другими. Нельзя не уважать таланта Гюго, он в конце концов смелый человек. Что же касается достопочтенного Прудона, то чем дальше, тем больше он становится похожим на свистульку, воображающую себя органом.

Карл принялся рассказывать Эрнесту Джонсу о книгах, посвященных столь волновавшей его теме.

— Для Гюго события второго декабря явились громом среди ясного неба. По его мнению, это чуть ли не рок. Он видит в случившемся лишь насильственное деяние одного человека и, пытаясь умалить личность политического прохвоста, каким, несомненно, является Луи Бонапарт, возвеличивает его, приписывая безмерную мощь его инициативе. Это неизбежно, раз не объяснены и попросту обойдены молчанием истинные исторические и политические причины такого стремительного возвышения. Поэтому книга Гюго, по-моему, несмотря на едкие и остроумные выпады, неубедительна и легковесна, как карточный

домик.

— А что получилось у Прудона? — поинтересовался Джонс.

— Прудон впадает в ошибку так называемых объективных историков. Незаметно для себя самого он хотя и стремится представить государственный переворот результатом предшествующего исторического развития, но фактически непрерывно возвеличивает Луи Бонапарта.

— Понятно, а вы, Маркс, как разрешили загадку трагикомических событий во Франции? Я обязательно прочту «Восемнадцатое брюмера».

Марксу и Энгельсу всегда недоставало друг друга. Переписка могла лишь отчасти заменить им личное общение. Встречаясь, они старались возместить время, прошедшее в разлуке.

В разговоре оба друга как бы ковали на огне мысли, те положения в политике, экономике, истории, которые не раз обдумывали и проверяли порознь, отделенные десятками миль. Обычно вначале беседа скользила лишь по поверхности. Они как бы отдыхали рядом. И домысливали в беседе все, что было ими не до конца уяснено. Взаимопонимание Карла и Фридриха было так велико, что часто едва один начинал говорить, другой мгновенно безошибочно мог продолжать его мысль. В этом отчетливо сказывались их совершенная близость и единство.

Оба они отлично знали все, что касалось развития английской экономики и важнейших политических событий империи. Маркс и Энгельс жили интересами всей планеты, и разговор их был подобен кругосветному путешествию. Индия, Америка, Китай и европейские страны — все это было в поле их зрения и мысли.

Когда Энгельс как-то приехал ненадолго в Лондон, оба друга тотчас же заговорили о волновавших их делах Союза коммунистов, Маркс, негодуя, рассказывал о подлом прусском провокаторе Гирше, втершемся в союз.

— По моему предложению, — говорил он, — этот юркий негодяй был исключен на очередном собрании коммунистов Лондонского округа. Пришлось изменить адрес и день еженедельных собраний, чтобы скрыться от полиции. Вместо Фаррингтон-стрит в Сити, где мы собирались по четвергам, отныне встречаться будем в таверне «Роза и корона» неподалеку отсюда, в Сохо, на Краун-стрит. Как видишь, Фред, мы окружены шпиками. Наши письма перлюстрируются. Необходима осторожность, чтобы ничем не подвести арестованных в Кёльне братьев по партии.

Борьба за соратников, которых привлекли к суду, обвиняя в

участии в так называемом немецко-французском заговоре, была кровным делом Маркса и Энгельса, и они долго обсуждали, как следует им вести ее. Было уже далеко за полночь, а они все еще говорили об американских друзьях Вейдемейере и Клуссе, который недавно сообщал в письме много важных сведений о деятельности за океаном мелкобуржуазных политических дельцов, таких, как Кинкель и Гейнце.

— Ну, а как ведут себя эмигрантские инфузории здесь, в Лондоне? — спросил насмешливо Энгельс.

— Копошатся. Чтобы различить их деятельность, требуется сильнейший микроскоп. Какой только вони не поднимают некоторые из них против коммунистов! Но переступим через них. Я уже знакомил тебя с тем, что установил для самого себя со всей ясностью в сложном вопросе понимания классов и классовой борьбы в истории. Существование классов связано лишь с определенными фазами развития производства — это первое, классовая борьба неизбежно ведет к диктатуре пролетариата — второе и, наконец, третье — эта диктатура сама собой составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к обществу без классов вообще.

На следующий день Фридрих пришел на Дин-стрит в холодные серые сумерки. Здоровье Франциски ухудшалось, и в квартире царило беспокойство. Женни и Ленхен не отходили от больного ребенка. То они принимались обогревать его, закутывая в теплую шаль, то, не добившись облегчения, бросались поднимать раму окна, чтобы освежить комнату притоком воздуха. Ничто не помогало.

Старшие дети, Карл и Фридрих перешли в соседнюю комнату. Камин чадил, и Карл принялся растапливать его.

Маленькая Франциска очень страдала. Она задыхалась.

— По моему разумению, надо искупать ее, — вмешалась решительно Ленхен. — Когда-то господин Гейне спас горячей ванной от смерти нашу крошку Женнихен.

— Что ты думаешь о ванне, Фред? — с надеждой в голосе спросил Маркс, взяв на руки хрипящую, потную Франциску.

Маленькие ноздри девочки раздувались. Иногда она открывала мутные тоскливые глазки, глядя в пространство. Впервые в жизни Карл вдруг почувствовал желание закричать о помощи. Он крепко закусил губы и отвернулся, чтобы скрыть слезы.

— Конечно, это не может причинить вреда малютке. Ванна, во всяком случае, совершенно безвредна, — ответил Энгельс и принялся деятельно помогать Ленхен готовить горячую воду.

После ванны Франциске стало лучше, и надежда — эта

злейшая и желаннейшая обманщица — снова внесла успокоение в семью Маркса.

13 апреля, после нескольких дней пребывания в столице, Фридрих уехал в Манчестер. А днем позже в тяжких страданиях умерла маленькая дочь Маркса.

Смерть вошла в дом, где господствовала нищета. В кошельке Маркса не нашлось ни гроша для покупки гробика Эрнест Джонс хотел достать денег, но и ему это не удалось. Мертвое дитя, у которого никогда не было при жизни колыбельки, лежало на столе, не имея последнего прибежища. Ночью вся семья укладывалась вместе в соседней комнате.

Будущее не предвещало им скорого спасения от страшных лишений. Закрыв глаза, без сна лежала Женни возле своих детей. Мысли, одна мрачнее другой, возникали в ее утомленном мозгу. Что будет с Мушем? Не по летам развитый, необыкновенно одаренный мальчик заметно слабел, прозрачно бледно было его личико, темные круги лежали вокруг прекрасных, глубоких, полных мыслей глаз.

Женни поднялась с постели, похожая на смелую прекрасную орлицу, готовую погибнуть, но спасти своих птенцов. Дети спали. Стараясь не разбудить мужа и Ленхен, со свечой в руке прошла она в соседнюю комнату, где лежала уже три дня мертвая Франциска.

— Карл, — сказала Женни вошедшему за ней следом мужу. — Мне трудно, невыносимо. Как нам быть дальше? Поддержи меня, я слабею. Сколько раз ты уже возвращал мне силы! Откуда только ты их черпаешь?

— Это и есть жизнь, Женни. Будем сильны в час испытаний. Рождение и смерть неизбежны, как ночь и день, покой и буря, прилив и отлив.

Немного успокоив и затем уложив жену, Маркс подошел к чуть тлеющему камину и закурил. Скоро горка окурков выросла в пепельнице. Он взволнованно зажигал и раскуривал одну за другой тонкие пахитоски. Мысли, тяжелые, как жизнь на Дин-стрит, давили его. Облокотясь головой на крепкую руку, Карл думал о том, имел ли он право обречь на столь тяжкие испытания Женни и детей. Может быть, следавало, избрав столь тернистый боевой путь, идти в жизни одному?

С юности Карл выбирал только трудные дороги, был верен одной цели — сделать наибольшее число людей счастливыми. Бесстрашно ради этого он спустился в ад, где жило большинство человечества. В философии, истории, экономической науке искал он упорно средства вывести людей к счастью. Нищета, потеря детей, голод, болезни — удел тех, кому он посвятил себя, —

стали и его судьбой. Иначе быть не могло. Вместе с Карлом терпели лишения Женни и их дети.

Мог ли Маркс с его чуткой душой, строгим, правдивым сердцем и титаническим умом избрать иную жизнь? Тогда это был бы другой человек.

Возле умершего ребенка Карл сурово допрашивал свою совесть, был ли он прав, не жесток ли к семье?

И совесть отвечала без колебаний: «Иди дальше той же тропой. Она ведет к тому, чтобы победить все несчастья. Эта потеря еще раз поможет тебе понять безмерность горестей на земле, твои слезы — едва зримая капля в море других».

Карл отошел от камина, глаза его были подернуты страданием и грустью. Вокруг все спали. На одной из кроватей лежали вместе Женнихен, Лаура и Муш. Склонившись над ними, едва сдерживая желание обнять их, Маркс вглядывался в спящих. Как горячо любил он детей! Не размышляя, пожертвовал бы отец ради них своей жизнью, но отступиться от своей совести, целей, идей не смог бы никогда.

Женнихен и Лаура спали, раскинувшись на постели, порозовевшие, как бы готовые улыбнуться, и тем более бледным казался маленький Муш. Мальчик видел, верно, тяжелый сон, и его умное, нежное, вдохновенное личико горестно кривилось. Подле олицетворявших здоровье сестер он казался хрупким стебельком, растущим без достаточного дневного света.

Нервы Карла были крайне напряжены, и он внезапно содрогнулся от тяжелого предчувствия и боязни за сына. Это длилось только мгновение. Отогнав страшную мысль, отец не сдержался, наклонился и осторожно ласково коснулся губами трех пушистых головок, пахнувших свежескошенной травой.

Настало утро.

Маленькую Франциску все еще не на что было похоронить.

Обезумев от отчаяния и смятения, Женни бросилась к одному французскому эмигранту, жившему в квартале Сохо, и попросила о помощи. Это был добрый, отзывчивый человек. Он тотчас же дал ей два фунта стерлингов. На эти деньги куплен был гробик. Годовалую Франциску похоронили на кладбище для бедных.

Неудачи преследовали Маркса, и, казалось, судьба удавом обвилась вокруг его дома. Из Америки шли вести одна печальнее другой. Издание брошюры «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» задерживалось, у Вейдемейера не было средств.

И только в конце апреля, прекраснейшего месяца на острове, до Дин-стрит дошел первый луч надежды. Благодаря помощи одного немецкого эмигранта, отдавшего все сорок долларов своих сбережений, можно было опубликовать книгу в виде выпуска

журнала «Революция».

Горе как бы отхлынуло на время от семьи Маркса. Издатель «Нью-Йоркской трибуны» Дана предложил Марксу написать для его газеты статьи о текущих английских делах, а Энгельс прислал другу денег и ободрил его сообщением, что, получив прибавку жалованья, сможет отныне несколько увеличить материальную помощь. В бессолнечной квартирке на Дин-стрит, 28 снова стало веселее. К обеду Ленхен жарила мясо и пекла детям сладкие пирожки. Женни смогла купить им новые платья, и Муш получил игрушки.

В эти дни Маркс часто уходил в Гайд-парк. Он не расставался и во время прогулок с записной книжкой, чтобы не потерять мелькнувшую мысль, подчас счастливую находку, подводившую итог многим часам работы за письменным столом или в читальне Британского музея. Его мозг работал неутомимо, с величайшей основательностью. Ночь или день не имели для него решающего значения. Все больше часов проводил он в это время без сна. Его организм, созданный для большого напряжения и творчества, настойчиво требовал также и физических упражнений. Карл уходил в далекие прогулки пешком. По длинной Оксфорд-стрит, одной из наряднейших улиц Лондона, расположенной неподалеку от Сохо, он шел до Марбл-Арч, где начинался просторный зеленый Гайд-парк.

В Лондоне, объединившем много отдельных городов, слившихся воедино в процессе роста, о былом раздельном существовании напоминают парки-луга.

Карл, у которого была необычайно живая фантазия, любил представлять себе, усаживаясь на взятом под залог стуле под древним дубом, как на светлой траве возле исчезнувших теперь колодцев танцевала в праздники молодежь средневековья, как бродячий зверинец выгружал тут свои клетки и медведь потешал публику кривлянием и фокусами.

Иногда, встречая на прогулке своего молодого ученика и друга Либкнехта, он охотно рассказывал ему о средневековом Гайд-парке, где в дни праздников ставились на лугу мистерии.

В парке почти нет фонтанов, нет клумб, нет дорог. Есть трава и проложенные по ней тропинки. Гайд-парк не пестрое городское украшение. Расположенный в самом центре Лондона, опоясанный наиболее людными улицами, он, однако, достаточно просторен и безыскусствен, чтобы тотчас же заставить позабыть о городе. Нет оград, нет запрещений. Трава доступна, как скамейка. Умело посаженные по краям парка тополя, ольхи, липы, дубы скрывают городские постройки, поглощают городские шумы.

Покидая Гайд-парк, один или с друзьями, Карл всегда

останавливался на углу маленькой площади Марбл-Арч, чтобы послушать ораторов.

В Англии, где парламент существовал более 600 лет, каждая деталь городского быта насчитывала века. Под бесстрастными ольхами представители социальных и богословских идей вербовали себе сторонников. Не было ни одного общественного течения, которое не заявило бы о себе на углу Гайд-парка. Дождь и туман не препятствовали ораторам и слушателям, запасавшимся огромными черными зонтами и калошами.

Карл наблюдал за высушенным старичком квакером, воодушевленно дирижировавшим хором из десяти-пятнадцати доисторических персонажей с лицами закоренелых грешников.

— Вечность, вечность, где мы проведем вечность? — надрывались певцы псалмов.

Двое безработных в рваной одежонке обратились к Марксу и, указывая на поющих, сказали презрительно:

— Черт с ней, с вечностью, хотели бы мы знать, где провести ночь сегодня на земле.

Маркс остановил их, и вскоре разговор стал таким интересным и важным для всех троих, что они пошли вместе прочь от квакеров, католического священника, дающего справки о чудесах, совершенных святым Сюльпицием, и охрипшей дамы неопределенного возраста, призывавшей вернуться к библейским заветам и презреть римского папу.

В конце мая Маркс приехал к Энгельсу в Манчестер. Оба друга собирались совместно писать памфлет о «великих мужах эмиграции», для которого собирали задолго до этого различные материалы.

Эрнест Джонс также находился в Манчестере, где в это время проходила конференция чартистской партии.

Ирландец Фиргус О'Коннор, вождь английских рабочих, был безнадежно болен и находился в больнице. Чернокудрый красавец доктор Тейлор умер, Гарни не пользовался больше популярностью: в погоне за успехом и карьерой он промотал доверие масс.

Хартия из шести пунктов, содержавших требование всеобщего избирательного права, все еще не была претворена в жизнь, и борьба за нее, несколько видоизменившись, продолжалась. Всеобщее избирательное право в Англии, где пролетариат составлял большинство населения, угрожало политическому господству правящих классов и встречало их бешеное сопротивление.

Эрнест Джонс был родом из Уэльса, но рос и получил образование в Германии. Он принадлежал к старинному

аристократическому роду. С детства Эрнест проявлял необычайное поэтическое дарование и, вернувшись в Англию, делил время между адвокатурой и литературой. Он вскоре стал известен как поэт, но в 1846 году, познакомившись с Фиргусом О'Коннором, вступил в ряды чартистов и отдался весь борьбе за права народа. Его необыкновенный дар, знания, ум высоко оценили рабочие. Народ поверил и полюбил его. Джонс был готов бесстрашно встретить и дать отпор любой враждебной атаке заступников старой Англии.

Всегда жизнерадостный, обходительный, исключительно выносливый, Джонс мог говорить с трибуны много часов подряд при невероятной жаре или под рев бури. Он умел, как никто, ладить с людьми, нравиться с первого взгляда, щедро делился всем, что имел, будь то материальные или духовные ценности. В то время как Гарни приступил к изданию «Звезды свободы» О'Коннора, Эрнест Джонс, преодолев многочисленные препятствия, создал «Народную газету». Первый номер ее вышел в мае 1852 года. Маркс стал деятельным сотрудником этого органа и помогал Джонсу не только в общем редактировании, но и по отделу сообщений из-за границы. Газета полюбилась народу, число подписчиков ее возрастало.

«Дорогой Энгельс! — писал Маркс 8 сентября 1852 года. — Твое письмо попало сегодня в весьма возбужденную атмосферу.

Жена моя больна, Женнихен больна, у Ленхен нечто вроде нервной горячки. Врача не могу и не мог позвать, не имею денег на лекарстза. В течение 8–10 дней моя семья кормилась хлебом и картофелем, и сегодня еще сомнительно, смогу ли я достать и это. Разумеется, при теперешних климатических условиях эта диета не была полезна.

Статью для Дана я не написал, так как не имел ни одного пенни на чтение газет…»

Карл откинулся на спинку стула. Он испытывал гнетущую усталость. Несколько папирос, выкуренных одна за другой, успокоили его. Карл думал о неудачах, преследовавших его в последнее время. Вейдемейер не выслал ему всего гонорара. В Германии, напуганный расправами с коммунистами, издатель Брокгауз в очень вежливом письме отверг статью Маркса. Тщетно пытался он с помощью знакомого англичанина добиться учета векселей на имя нью-йоркского издателя Дана. Круг бедствий замыкался.

«Самое лучшее и желательное, — писал Маркс Фридриху, и скачущие вкривь и вкось буквы отразили предельное нервное напряжение, — что могло бы случиться, это — если бы

домовладелица вышвырнула меня из квартиры. Тогда я расквитался бы, по крайней мере, на сумму в 22 фунта ст. Но такого большого одолжения от нее вряд ли можно ожидать. К тому же, еще булочник, молочник, чаеторговец, greengrocer[17], старый долг мяснику. Как я могу разделаться со всей этой дрянью? Наконец, в последние восемь-десять дней я занял несколько шиллингов и пенсов у каких-то обывателей; это мне неприятнее всего, но это было необходимо для того, чтобы не околеть».

Карл закончил письмо, с искаженным горечью лицом запечатал конверт и опять закурил.

Нищета — испытание на медленном огне, которое он избрал добровольно, изнуряла его.

Никто лучше Маркса не знал, как добываются и накапливаются богатства в буржуазном мире, но ни разу мысль о возможности сговора, уступке своей совести не промелькнула в его неукротимой голове. Жребий был брошен им раз и навсегда.

Карл не заметил, как, встав с постели, к нему подошла больная, исхудавшая жена. Глаза ее лихорадочно блестели, она ежилась от озноба, куталась в шаль. Тщетно Карл попытался уговорить ее снова лечь.

— Карл, мне кажется, ты в последние дни чем-то обеспокоен. Из-за болезни я не знаю твоих дел. Но думаю, что это не только проклятые долги и кредиторы. Прошу тебя, расскажи все сейчас же. Ты ведь знаешь, что неизвестность всегда гнетет.

Карл уступил.

— Что ты думаешь о венгерском эмигранте Бандья, который заходил к нам несколько раз?

— Ты как будто не особенно доверял ему?

— Да, мне внушала подозрение его близость с орлеанистами, бонапартистами и всякой иной нечистью. Однако он рассеял мои сомнения, представив подписанный самим Кошутом приказ о назначении его в пору венгерской революции шефом полиции. Это в корне меняло дело. Все же я усомнился в честности этого субъекта и, кажется, был прав. Все же ему удалось взять у меня для издания в Берлине наш с Фредериком памфлет «Великие мужи эмиграции». И что бы ты думала? Он попросту присвоил эту рукопись, направленную против «великолепных» Кинкеля, Руге, «рыцарственного» Виллиха и других жаб нашей эмиграции. Я подозреваю теперь, что он продал эту рукопись прусскому правительству.

Женни всплеснула руками:

— Значит, Бандья подослан к тебе прусской полицией? Карл, милый, как много шпионов уже было возле нас! Они, как змеи,

вьются вокруг тебя. Уверена, что и сейчас этот веснушчатый толстячок стоит под нашими окнами. Ты, видимо, чрезвычайно тревожишь полицию различных государств. Но ведь ваш памфлет никак невозможно приобщить к кёльнскому делу в качестве адской машины коммунистов?

— Да, Бандья просчитался, и очень скоро его хозяева обнаружат надувательство. В нашем памфлете нет никаких новых данных, ничего такого, что можно было бы использовать против членов нашей партии. Все характеристики и факты против «великих мужей» хорошо известны международным ищейкам. Я разоблачу Бандья в прессе, и Кошут откажется от услуг этого шпиона. Карьера Бандья в Лондоне отныне кончена, ему придется искать для своего «таланта» подмостки в других странах. Все обвинения против Бюргерса, Лесснера, Даниельса и остальных узников построены на подлогах. Их не посмеют осудить. Они будут оправданы. Никакой закон в мире не может дать основания называть Союз коммунистов заговорщической организацией, тайным сообществом.

Карл встал, резко отставил в сторону стул, заговорил возбужденно:

— Уже полтора года сидят в кёльнской тюрьме одиннадцать невиновных, весь механизм прусского государства, посольств в Лондоне и Париже работает без устали, чтобы сфабриковать обвинение, не имея при этом ничего, кроме собственных измышлений. Прусское посольство здесь, в Лондоне, превращено в настоящее отделение тайной полиции. Атташе посольства Грейф — матерый шпион и провокатор. Они идут на все. Кражи со взломом, подлоги, подделки стали их профессией. Прусские почтовые чиновники перехватывают наши письма и разоблачительные документы, которые мы посылаем в немецкие газеты и адвокатам обвиняемых. Нам предстоит сейчас очень много дела. Борьба в разгаре. Тем печальнее, что наша квартира превращена, по сути, в лазарет.

Как бы в подтверждение слов Карла жалобно попросила воды мятущаяся в жару Лаура и громко начала бредить тяжело заболевшая Ленхен.

Уложив жену в постель, Маркс принялся исполнять обязанности сиделки. Ему старательно помогал маленький Муш. Это был чрезвычайно сообразительный, отзывчивый мальчик. Не по летам развитой, он всячески старался помогать взрослым. Все в доме горячо любили ласкового и веселого мальчугана.

В этот день, утром, у наружной двери, ведущей с улицы на лестницу, раздался резкий звонок. Муш бросился открывать. Ему очень нравилось отодвигать засов — дело весьма трудное для

четырехлетнего мальчика. Когда дверь, наконец, была отперта, Муш увидел на пороге булочника с хмурым, злым лицом.

— Где твой отец? Он задолжал мне уже много денег, — сказал он грозно.

Муш вообразил, что перед ним сам людоед из сказки «Мальчик с пальчик», но не оробел и решил перехитрить его. Увидев в руках булочника корзину, он выхватил из нее несколько хлебцев и, крича на ходу: «Отца нет наверху!» — бросился бежать вверх по лестнице. Булочник рассмеялся, махнул рукой и пошел восвояси. Так в семье Маркса, не имевшей в этот день ни гроша, оказался хлеб.

На другой день пришли деньги от Энгельса, и можно было, наконец, уплатить самые неотложные долги, пригласить врача, которому пришлось лечить почти всех обитателей квартиры.

С тех пор как шпион прусской полиции Вильгельм Гирш, молодой приказчик из Гамбурга, в самом начале 1852 года был разоблачен и с позором изгнан из Союза коммунистов, он не находил себе более покоя. Агенты прусской тайной полиции в Лондоне издевались над разоблаченным шпионом, угрожали ему и требовали, чтобы он своим усердием возместил потери от неудавшейся игры. В то же время те, кто еще недавно считал его своим единомышленником-коммунистом, при виде Гирша шарахались в сторону, точно он был чумной бактерией. Гирш не мог ничего более разведать о том, что делалось в союзе. Он не знал, что тотчас же после его исключения собрания коммунистов, по предложению Маркса, были перенесены в Сохо на Краун-стрит, в таверну «Роза и корона», а день собраний — с четверга на среду.

Гирш между тем продолжал барахтаться в сетях, которые накинула на него полиция. Прямым его начальником был крупный немецкий агент-провокатор Флери, известный в лондонском Сити зажиточный купец. Жена-англичанка и тесть-квакер, сами того не зная, превосходно маскировали Флери, который прослыл почтеннейшим и весьма скромным человеком. Он вызвал Гирша к себе в контору в Сити и приказал ему срочно сфабриковать для предстоящего процесса в Кельне книгу протоколов собраний Союза коммунистов.

Гирш наотрез отказался, заявив, что эмигранты его избегают, а когда он недавно встретил на набережной Маркса и окликнул его, то чуть не сгорел от молнии, которую метнули его глаза.

— Смилуйтесь, господин Флери, — взмолился Гирш. — Я ведь не писатель, книга получится никуда не годной, а мне, как козлу отпущения, придется отвечать за все.

Флери продолжал настаивать.

— Приказание передано мне из Пруссии через лейтенанта Грейфа, — сказал мнимый английский купец. — Ты знаешь, что он шеф всех прусских полицейских агентов в Лондоне, прикомандирован к прусскому посольству в качестве атташе, и нам с тобой не поздоровится, если все не будет чисто сработано. Я тоже только исполнитель. Присяга королю требует от нас дела, а не слов.

— Но поймите, что Маркс юрист по образованию и не даст никому обвести себя вокруг пальца. Этот человек видит на три метра в землю. Будем откровенны, господин Флери, где уж ослам из Берлина и Кёльна тягаться с этим черногривым львом…

— Наше дело доказать, что партия Маркса готовила и готовит вооруженные восстания в Рейнской провинции и что обвиняемые в Кёльне его агенты. Приказы Маркса и сейчас проникают к бунтовщикам сквозь тюремные стены. Он будет пытаться влиять на судебный процесс. Наша пресса подняла такой шум на весь мир о коммунистическом заговоре, что отступать некуда. Нужны доказательства, что партия Маркса стоит за немедленное вооруженное восстание…

Гирш смело сказал, что Флери ничего в этом не смыслит. Партия Маркса категорически выступает против всяких авантюр. Маркс и его друзья, наоборот, считают такие действия исторически преждевременными.

— Забудьте, Гирш, об этом раз и навсегда! — сказал Флери. — Вы хотите, чтобы мы обязательно дождались, пока Маркс скажет, что уже пришло время всех нас уничтожить. Нам угрожает постоянная опасность из Лондона, а вы колеблетесь! Протоколы и письма, которые вам следует написать, должны быть такими, чтобы суд не решился усомниться в их подлинности. Нам нужно помочь присяжным осудить эту банду. Сам знаешь, — добавил Флери недвусмысленно, — что закон для таких, как мы с тобой, суров и беспощаден.

В течение восьми месяцев в рабочем кабинете Флери и под его надзором фабриковал Гирш свою подложную книгу. Для приказчика это было тягчайшим делом, но страх иногда подобен вдохновению. Кое-как книга мнимых протоколов была сфабрикована, переплетена в красный сафьян и отправлена прусской полиции.

Вскоре резидент прусской разведки в Лондоне Грейф и Флери вызвали Гирша и предложили ему выехать в Кёльн, чтобы подтвердить под присягой на процессе подлинность протоколов.

— Вам щедро заплатят. Затем вы получите пожизненную государственную пенсию, — уговаривал Флери.

Но полицейский инстинкт у Гирша был слишком развит. Он

понимал, что клятвопреступление осложнит его положение, если дело примет плохой оборот. Будь он прокурор или полицейский советник, вот тогда бы за него вступились. Но маленький винтик в прусской полицейской машине Гирш легко может быть заменен. Он сознавал это и наотрез отказался клясться в подлинности подложных документов. Рассорившись с Флери и Грейфом, всеми отвергнутый, Гирш потерял покой, сон, аппетит. Жизнь для него больше не имела смысла. Сначала совесть и страх едва не вогнали его в петлю, затем он бросился на Боу-стрит, в английский суд и там, поклявшись на библии, сознался, что под руководством Грейфа и Флери сфабриковал фигурирующую на Кёльнском процессе коммунистов книгу протоколов. В тот же день лейтенант Грейф упаковал свои чемоданы и бежал из Лондона.

К началу процесса коммунистов в Кёльне вокруг Маркса сгруппировались все его друзья и соратники.

В дни приближающегося суда все, кого называли марксианами, снова помолодели и стали плечом к плечу, чтобы отразить удары и спасти арестованных коммунистов. Карл совершенно позабыл о сне и отдыхе. Он ел на ходу, к большому огорчению Ленхен, и был весь поглощен делом. Под его руководством Женни, Дронке, Пипер и нанятые писцы непрерывно размножали, по шесть-восемь копий, различные документы, которые должны были разоблачить клевету, подлоги, лжесвидетельства полицейского процесса. Отправка корреспонденции из Англии в Германию была крайне сложной. Цензура неистовствовала, и письма Маркса вылавливались, вскрывались и похищались. Посылать почтой что-либо из Лондона стало невозможным.

Георг Веерт и Фридрих Энгельс, имевшие обширные знакомства среди английских купцов, принялись собирать адреса фирм, торгующих с Германией. Через Париж, Франкфурт и другие города отправлялись отныне вместе с грузом или прейскурантами документы, доказывающие невиновность обвиняемых, а также опровержения для немецких газет и адвокатов.

Женни, у которой от постоянной работы пером немели пальцы, писала в Вашингтон соратнику Арнольду Клуссу:

«Вы, конечно, понимаете, что «партия Маркса» работает день и ночь… Все утверждения полиции — чистейшая ложь. Она крадет, подделывает, взламывает письменные столы, дает ложные присяги, лжесвидетельствует и, вдобавок ко всему, считает, что находится в привилегированном положении по отношению к коммунистам, поскольку они поставлены вне общества».

Муш, Лаура и Женнихен особенно радовались, что их дом превратился в канцелярию. Карандаши и бумага были отныне в неограниченном количестве, и Ленхен, которой то и дело приходилось поить кого-нибудь из работающих чаем, не мешала детям играть на полу или пускать бумажные кораблики в бадье, где она стирала белье. Входная дверь дома на Дин-стрит 28 не запиралась. Дети радостно вертелись среди малознакомых людей, громко сообщавших о том, удалось ли достать деньги, отправить почту, узнать последние новости из Кёльна, проследить за действиями прусских агентов.

Много дней и ночей отдал Карл борьбе за кёльнских собратьев, коммунистов и, как всегда, сделал все возможное в столь неравных условиях; в изгнании, без гроша, травимый не только реакционерами, но и предателями-отщепенцами, он вложил в это дело всю свою энергию, страстность, знания юриста и опыт политического вождя.

Маркс и Энгельс фактически направляли ход судебного процесса в Кёльне: давали указания, как выступать подсудимым, руководили защитниками и неоднократно вынуждали прокуратуру отказываться от вымышленных материалов обвинения.

Пять недель длилось судебное разбирательство. Разоблаченные прусские правительство и полиция были опозорены. Но оскорбленная буржуазия и государство требовали искупительных жертв. Семь обвиняемых были осуждены.

Рейнское судилище продолжало волновать Маркса, и он написал книгу «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов».

«В лице обвиняемых перед господствующими классами, представленными судом присяжных, стоял безоружный революционный пролетариат; обвиняемые были, следовательно, заранее осуждены уже потому, что они предстали перед этим судом присяжных. Если что и могло на один момент поколебать буржуазную совесть присяжных, как оно поколебало общественное мнение, то это — обнаженная до конца правительственная интрига, растленность прусского правительства, которая раскрылась перед их глазами. Но если прусское правительство применяет по отношению к обвиняемым столь гнусные и одновременно столь рискованные методы, — сказали себе присяжные, — если оно, так сказать, поставило на карту свою европейскую репутацию, в таком случае, обвиняемые, как бы ни была мала их партия, должно быть, чертовски опасны, во всяком случае их учение, должно быть, представляет большую

силу. Правительство нарушило все законы уголовного кодекса, чтобы защитить нас от этого преступного чудовища…

…Рейнское дворянство и рейнская буржуазия своим вердиктом: «виновен», присоединили свои голоса к воплю, который издавала французская буржуазия после 2 декабря: «Только воровство может еще спасти собственность, клятвопреступление — религию, незаконнорожденность — семью, беспорядок — порядок!»

Весь государственный аппарат Франции проституировался. И все же ни одно учреждение не было так глубоко проституировано, как французские суды и присяжные. Превзойдем же французских присяжных и судей, — воскликнули присяжные и суд в Кёльне… Превзойдем же присяжных государственного переворота 2 декабря…»

В то же время, когда Маркс работал над «Разоблачениями о кёльнском процессе коммунистов», прусский министр внутренних дел с напряженным вниманием просматривал каждое новое донесение своих лондонских агентов.

Особая папка «Дело королевского полицейского управления в Берлине о литераторе докторе Карле Марксе, вожде коммунистов», непрерывно пополнялась и становилась все более громоздкой.

«Вчера вечером я был у Маркса, — сообщалось в одном из донесений от ноября 1853 года, — и застал его за работой над составлением очень подробного резюме дебатов кёльнского процесса: это своего рода критическое освещение с юридической и политической точек зрения; само собой разумеется, что при этом сильно достается правительству и полиции… Вам известно его гениальное перо, и мне нечего говорить вам, что этот памфлет будет шедевром и привлечет к себе в сильной мере внимание масс».

Как-то на Дин-стрит, несколько месяцев спустя после Кёльнского процесса, под вечер к Марксу пришел Либкнехт с молодой женой. У Маркса весь день адски болела голова, но, выпив чашку кофе, он почувствовал себя лучше и присел к общему столу.

Либкнехт сообщил, что Бартелеми вызвал на дуэль Ледрю-Роллена, но тот отказался стреляться. «Я заставлю вас принять вызов испытанными средствами — плевком в лицо, пощечиной, публичным оскорблением», — отвечал строптивый дуэлянт. Ледрю-Роллен собирается избить его палкой и обратиться в суд за защитой.

— Этот сумасброд, по-видимому, поставил себе целью стать

Ринальдо Ринальдини эмиграции. Бывает же и такого рода честолюбие, — заметил Карл.

Разговор перешел на Виллиха, который прибыл в Нью-Йорк, где его друг Вейтлинг устроил по этому случаю банкет.

— Я уже слыхал об этом, — оживился Карл. — Обвязав себя огромным красным шарфом, папаша Виллих закатил длиннейший спич о том, что хлеб дороже свободы, затем Вейтлинг поднес этому герою саблю и выступил с речью, в которой доказывал, что первым коммунистом был Иисус Христос, а его прямым преемником не кто иной, как он сам, знаменитейший Вильгельм Вейтлинг.

Все рассмеялись.

— Знаете ли вы, доктор Маркс, что Шаппер ищет к вам путей. Он понял, что ошибался и залез в грязь по уши, — сказал Либкнехт.

— Это хорошо, — обрадовался Карл, — это очень хорошо. Бедой многих эмигрантов являются иллюзии. Они, как мираж в пустыне, сбивают путников с пути и заводят в безводные пески. Мне всегда казалось, что Шаппер разберется во всем сам и найдет нас. Не случайно он был настоящим человеком, другом Иосифа Молля, Генриха Бауэра. В нем нет подлости, иногда его, впрочем, охватывало этакое смутное томление нетерпеливой души, свойственное и неплохим людям.

Приближались рождественские праздники. Их как никогда доныне радостно ждали в семье Маркса. Большую елку, спрятанную до времени от пытливых детских глаз, украшал с веселым рвением Малыш — Эрнст Дронке. Он взобрался на высокий табурет, чтобы водрузить на ветках бумажные флажки, звезды, яркие украшения и золоченые орехи, которые ему подавала Ленхен. Куклы, кухонная посуда, ружья, барабаны и трубы лежали под елкой среди пакетиков с фруктами и конфетами. Наконец все было готово и елка освещена разноцветными свечками. Карл торжественно позвонил в колокольчик и широко распахнул дверь, приглашая оторопевших от счастья малышей. Лаура стремительно бросилась вперед со свойственной ей решительностью, но Женни и Муш растерянно застыли на месте. То, что они увидели, казалось им сказочным. Они едва узнавали комнату, заставленную старой, пыльной мебелью. Сверкающая елка все в ней затмила.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Немало жестоких войн было в XIX столетии. К середине века Англия стала самой мощной индустриальной державой мира. Страх перед экономическими кризисами толкал английскую буржуазию к поискам новых рынков сбыта. Английские и французские промышленники, финансисты, купцы с вожделением посматривали на раскинувшиеся по берегам Черного и Средиземного морей владения одряхлевшей Оттоманской империи, а также на бескрайные просторы отсталой, крепостнической России. Они стремились как можно быстрее полностью подчинить себе султанскую Турцию и обратить ее в колонию, а Российскую империю вытеснить с берегов Черного моря и установить свой контроль над проливами.

Николай I также желал воспользоваться ослаблением некогда могущественного восточного соседа. Он стремился обеспечить выгодный для русских помещиков и купцов режим черноморских проливов и упрочить свое влияние среди славянского населения балканских провинций Турции. Победоносная война должна была помочь русскому царю укрепить внутри страны крепостнический режим.

Султан, находившийся под сильным воздействием западных держав и распаляемый ими, мечтал между тем захватить Крым и Кавказ. Так Османская империя и Балканы стали узлом острых противоречий между империалистическими державами и в то же время ареной напряженной борьбы балканских народов против иноземных поработителей.

После поражения февральской революции во Франции Николай I владычествовал в Средней Европе. Его сравнивали с Наполеоном I. Однако угроза николаевскому господству приближалась со стороны Англии и Франции. Под их нажимом Турция объявила войну России. Так сбылось давнишнее желание всесильного тогда английского премьера Пальмерстона. Синопский бой — последнее в истории крупное сражение военных парусников, — во время которого эскадра адмирала Нахимова потопила в течение нескольких часов весь турецкий флот, захватив в плен командующего флотом Осман-пашу и его штаб, явился предлогом для открытого вступления Англии и Франции в войну против России.

Правительство Пальмерстона хотело не только полностью подчинить себе Турецкую империю, но и захватить Крым, высадиться на Кавказе и отторгнуть Грузию. Император Франции решил воевать с Россией, так как он и его банкиры были связаны

с Турцией могучими узами финансовых отношений. Ненависть к Николаю, столпу всемирной реакции, была также очень сильна среди народов Франции и Англии.

Маркс и Энгельс во всех деталях вникали в сложнейшие перипетии затянувшейся военной схватки. Из «Русского инвалида» и петербургской «Северной звезды», из «Римской газеты» и «Бельгийских обозрений», из прессы Англии, Америки и Германии черпали они многообразную военную информацию, сопоставляя противоречивые подчас сообщения и сводки, изучали военные карты и следили за передвижением частей всех воюющих армий. Маркс и особенно Энгельс регулярно писали о ходе крымских операций статьи и обзоры для «Нью-Йоркской трибуны», которые издатель Дана помещал часто в качестве передовых своей газеты.

Сравнительно недалеко от Дин-стрит проживал Александр Иванович Герцен.

Несколько лет уже Маркс и Герцен жили на острове. Они никогда, однако, не встречались и враждебно судили друг о друге.

Во время Крымской войны Герцен доказывал, что завоевание Николаем I Константинополя приведет к падению самодержавно-крепостнического строя в России и объединит, наконец, всех славян. Магометанский стяг с полумесяцем и звездой будет сорван со святой Софии, и к столице Византии снова вернутся былое величие и слава. Тогда-то начнется новая эра — эра всеславянской демократической и социальной федерации.

— Время славянского мира настало… Где водрузит он знамя свое? Около какого центра соберется он? — восклицал Герцен. — Это средоточие не Вена, город рококо — немецкий, не Петербург — город новонемецкий, не Варшава — город католический, не Москва — город исключительно русский. Настоящая столица соединенных славян — Константинополь.

Маркс зло высмеял эти высокопарные панславистские фразы. Он не мог обойти молчанием ошибки Герцена, опасные для международного рабочего движения.

Частые идейные колебания Герцена, его близость и долгая связь с либералами дворянами, наивные, хоть и дерзко отважные письма к царю, предназначенные для того, чтобы показать ему вред российского самодержавия, настораживали и отпугивали от русского революционера лондонских коммунистов. К тому же Герцен не таил своей неприязни ко всей немецкой эмиграции, подозревал ее в шовинизме. Он не понимал, что, отвергая панславизм, Маркс не менее жестоко борется с немецким национализмом, прусской военщиной и всем, что охватывалось

понятием «прусский дух».

Идейные расхождения, как трещины, постепенно создали пропасть между двумя большими людьми, которые, как никто, по духовной сущности и широте мысли могли бы понять друг друга и сблизиться. Некритическое отношение Герцена к идеологам буржуазной демократии и мелкобуржуазного социализма, его народнические воззрения обострили враждебное чувство к нему Маркса.

Всего несколько городских улиц, полоска земли отделяла их, и никогда они не преодолели этого ничтожного препятствия. Неприязнь придавала им особую взаимную зоркость и обостряла критическое чутье.

В самом начале напряженного 1855 года у Женни Маркс родилась дочь — Элеонора. Младенец был настолько хил, что в первые месяцы смерть неотступно стояла подле его колыбельки. Однако маленькая Тусси, как прозвали Элеонору, окрепла и превратилась в упитанного, цветущего, жизнерадостного ребенка.

Остров, куда Маркс прибыл в изгнание, стал ему со временем второй родиной. Однако с роспуском Союза коммунистов не порывались нити, связывавшие Маркса с Германией. Революционер, каким прежде всего и всегда он был, не мог отдаться только научной деятельности, стать вынужденным отшельником. Без революционной борьбы для него не было жизни.

Душевные силы и удовлетворение он черпал также, работая без устали над книгой по политической экономии, начатой много лет назад. Средства к существованию, весьма незначительные, и главное — непостоянные, приносило сотрудничество в заокеанской газете «Нью-Йоркская трибуна».

Основной заботой и целью этих трудных лет для Маркса было, чтобы не погас над миром революционный огонь, вспыхнувший столь ярко в 40-е годы. И пламя это теплилось, подчас укрытое земными сводами.

Маркс руководил из Лондона ушедшими в подполье коммунистическими общинами в родной Германии и поддерживал каждого бойца, как и он, поневоле нашедшего приют в чужих землях. Расстояние не служило ему препятствием. Из-за океана, так же как и с родины, он получал непосредственно или через соратников сообщения обо всем, что делалось для грядущей революции. Знакомый Маркса, Энгельса, Вольфа, испытанный боец 1849 года, рабочий опиловщик по металлу Карл Вильгельм Клейн в большом письме сообщал лондонским руководителям коммунистического движения о подпольных

организациях в Золингене, Эльберфельде, Бармене и Дюссельдорфе. Он еще в 1850 году доставил туда и успешно распространил среди наиболее надежных рабочих революционное воззвание. Связиста выследила полиция. Но все обыски, произведенные на местах явок, где он бывал, не дали никаких результатов, и Клейн остался невредим. Его преследовали по пятам, и он вынужден был на время с фальшивым паспортом скрываться в Бельгии. На родине против него выдвинули грозное обвинение в государственной измене. Когда пребывание в Бельгии стало грозить ему разоблачением и выдачей рейнландским властям, он бежал в Америку.

Но огонь в глубоком германском подполье не угасал. Коммунистические рабочие тайные организации продолжали существовать, и связь их с Марксом, несмотря на огромные трудности пересылки документов и информации, не только не рвалась, но становилась все более прочной.

Ко всем трудностям и заботам, непрерывно обрушивавшимся на семью Маркса, присоединился спор с прусским министром внутренних дел Фердинандом фон Вестфаленом, сводным братом Женни, который не пожелал выделить своей сестре ничего значительного из присвоенного им наследства престарелого дяди, скончавшегося в Брауншвейге. Оно состояло из ценных книг и рукописей времен Семилетней войны, в которой деятельно участвовал дед Женни, тогдашний военный министр герцогства Брауншвейгского. В патриотическом рвении Фердинанд фон Вестфален присвоил их себе, чтобы подарить прусскому королевскому правительству. Из уважения к матери Женни не решалась на тяжбу и скандал. Она удовольствовалась несколькими талерами, которые получила от брата в уплату за ценнейший архив. А деньги были нужны ей больше чем когда бы то ни было.

Медленно угасал Муш. В марте болезнь обострилась. Карл ночи напролет проводил у постели удивительно кроткого и веселого ребенка.

Горе неотступно сторожило Карла и его семью. После изнурительной болезни, явившейся следствием плохого питания, пребывания в проклятой бессолнечной дыре на Дин-стрит, где даже воздух был ядовит, восьмилетний Эдгар-Муш скончался. Необыкновенно одаренный, красивый мальчик умер на руках своего отца.

Муш олицетворял счастье всей семьи. Не по летам развитый, очень веселый, общительный маленький «полковник», как прозвали его за пристрастье к военным забавам, Эдгар делил с родителями все их тяготы и заботы и радовался, как взрослый,

удачам, если такие бывали. Казалось, что с его смертью беды и отчаяние навсегда прочно утвердились в осиротевшем доме.

В той же полутемной комнате, на том же узком столе, где покоились так недавно тела маленьких Гвидо и Франциски, лежал бездыханный Эдгар. Снова в Лондон пришла весна, но Дин-стрит казалась мрачной и темной, как склеп. Восковое личико Муша покоилось среди желтых нарциссов и светлых тюльпанов.

Подкошенная отчаянием, Женни тяжело заболела. Собрав последние силы, Ленхен, полуслепая от слез, старалась оградить от болезней трех девочек, предоставленных полностью ее попечению. Малютке Тусси было всего три месяца от роду.

Маркс, крепко сжав обеими руками голову, сидел подле гроба сына.

«Никогда не найду я полного успокоения и не примирюсь до конца с утратой моего ребенка. Никогда! С каждым днем и годом его будет мне недоставать все больше», — проносилось в измученном, воспаленном мозгу. Карл страдал все сильнее. Еще несколько глубоких морщин-шрамов пролегло на могучем лбу, и в глазах появилось выражение скорби, сосредоточенности и отчуждения. Он заметно поседел.

«Дом, разумеется, совершенно опустел, — писал Маркс Энгельсу, — и осиротел со смертью дорогого мальчика, который оживлял его, был его душой. Нельзя выразить, как не хватает нам этого ребенка на каждом шагу. Я перенес уже много несчастий, но только теперь я знаю, что такое настоящее горе. Чувствую себя совершенно разбитым. К счастью, со дня похорон у меня такая безумная головная боль, что не могу ни думать, ни слушать, ни видеть.

При всех ужасных муках, пережитых за эти дни, меня всегда поддерживала мысль о тебе и твоей дружбе и надежда, что мы вдвоем сможем сделать еще на свете что-либо разумное».

Поздней осенью, после смерти сына, Карл побывал в Манчестере у Энгельса, где он всегда мог отдохнуть в благоприятных условиях налаженного, зажиточного быта в доме своего друга. Как всегда, утром он посещал Чэтамскую библиотеку и любовался ее старинной необычайной архитектурой, рассматривал книгохранилища, размещенные в бывших кельях и в строгой часовне Святой Мэри. Стеллажи, имевшие в XVII веке, по рассказам, всего три полки, поднялись до самого потолка.

Главный библиотекарь Томас Джонс, высокий сухощавый старик с покрасневшими глазами и неслышной легкой походкой, охотно помогал Карлу в подборе нужных ему книг. Джонс особенно гордился своими знаниями каталогов библиотеки и

литературы по истории Реформации.

По воскресным дням Карл ездил верхом, но хорошим наездником он не был, хотя и убеждал друзей, что в студенческие годы брал уроки верховой езды и овладел этим искусством.

Фридрих, беспокоясь за друга, предоставил ему смирную лошадь, которую назвал Росинантом.

Но лучшим временем были вечера, когда, вернувшись из конторы домой, Фридрих делился с другом новостями, заботами и творческими планами. После сытного позднего обеда, обильно запиваемого рейнским вином, после выкуренной толстой гаванской сигары они часто обсуждали политические события на разных материках. Индия и Америка, Малайские острова и славянские земли были так же знакомы им, как промозглый остров, ставший их вынужденной родиной.

В это посещение Карлом Манчестера там после долгого путешествия по Америке, Вест-Индии и Европе находился неугомонный странник Георг Веерт. Он снова рвался обратно за океан. После поражения революции он часто боролся с приступами меланхолии и нуждался в новых впечатлениях.

Вскоре, однако, Энгельс остался один в Манчестере. Георг уехал в Вест-Индию, а Карл вернулся в Лондон.

Настала зима. Черные и желтые туманы по-прежнему окутывали Лондон своей ядовитой пеленой. Карл хворал. Помимо болезни печени, его мучили нарывы. Один из них появился над верхней губой и вызывал острую физическую боль. Лицо распухло.

— Я похож на бедного Лазаря и на кривого черта в одно и то же время, — пошутил Карл, увидев себя в зеркале.

Врачи считали болезнь Карла очень серьезной. Карбункул на лице, сопровождавшийся лихорадкой, был опасен.

— Мой дорогой повелитель, — со свойственным ей юмором сказала Женни, — отныне вы находитесь под домашним арестом впредь до полного выздоровления. — И она спрятала пальто и шляпу Карла, чтобы он не мог совершить в ее отсутствие побег в библиотеку Британского музея.

Карл сдался:

— Я подчиняюсь, но только в том случае, если за мной останется право работать дома.

Однако множество повседневных мелочей и забот, как всегда на Дин-стрит, мешали ему сосредоточиться. Он тосковал и рвался в тихую, покойную общественную читальню в Монтег-хауз, где привык проводить время за работой с утра до позднего вечера.

Домашний рабочий стол Карла был завален книгами и рукописями. Карл много читал о России, так как Энгельс просил

присылать ему материалы об этой стране для статей о панславизме.

Крымская война еще больше усилила интерес Карла к северной могущественной державе и ее прошлому. По своему обыкновению, не довольствуясь поверхностным ознакомлением, он принялся глубже пробивать толщу избранного им для изучения предмета. Таков был Карл всегда и во всем. Труд был его стихией, радостью, отдохновением, и чем больше требовалось усилий, тем удовлетвореннее он себя чувствовал.

После многих французских и немецких книг о славянских странах и особо о России Маркс, углубляясь в малоисследованную чащу истории, добрался до истоков русской культуры. Его поразило «Слово о полку Игореве»; он нашел его в книге французского филолога Эйхгофа «История языка и литературы славян», где оно дано в подлиннике и в переводе на французский язык.

Безошибочный глаз и ухо поэта, каким всегда оставался Карл, мгновенно уловили великолепие стиха древнего сказителя:

Над широким берегом Дуная,
Над великой Галицкой землей
Плачет, из Путивля долетая,
Голос Ярославны молодой:
«Обернусь я, бедная, кукушкой,
По Дунаю-речке полечу
И рукав с бобровою опушкой,
Наклонясь, в Каяле омочу.
Улетят, развеются туманы,
Приоткроет очи Игорь-князь,
И утру кровавые я раны,
Над могучим телом наклонясь…»[18]

«Чудесная поэма, вся песня носит христианско-героический характер, хотя языческие элементы еще очень заметны», — думал он, снова и снова перечитывая плач Ярославны и призыв к единению князей перед нашествием монголов.

Карл наслаждался поэзией, воскресившей древнюю Русь, ее героику, удаль, скорбь и победы. Он вслух читал Женни наиболее пленившие его строфы и тотчас же сообщил Энгельсу об открытом им сокровище. Одновременно он жадно читал книги Гетце «Князь Владимир и его дружина», а также «Голоса русского народа».

Здоровье Карла несколько улучшилось, но он все еще не выходил из дому. В безнадежно сырой и трудный из-за черного

тумана, темный, будто над Лондоном спустился вечный мрак, день раздалось несколько громких ударов во входную дверь дома № 28 на Дин-стрит. Лаура, на ходу заплетая золотистую косу, быстро сбежала по лестнице вниз, чтобы открыть дверь. Подумав, что, верно, булочник или бакалейщик принесли свои товары, Карл продолжал работать, не обращая ни на что внимания. Однако Лаура вернулась не с кульками и пакетами. В убогую квартирку она ввела двоих пожилых людей. В одном Карл тотчас же узнал Эдгара Бауэра. Другой в длинном, по щиколотки, вышедшем из моды в Англии рединготе и лоснящемся цилиндре сначала показался ему незнакомым. Маркс с недоумением смотрел на неторопливо разматывавшего связанный из пунцовой шерсти шейный платок гостя, который принялся прилаживать раскрытый, мокрый, черный зонт над вешалкой и при этом говорил брюзгливым тоном:

— Проклятый остров! За всю свою жизнь я не видывал такой погоды. Только в Дантовом аду ею могли истязать грешников.

— Ба! Ты ли это, старый ворчун, Бруно? — воскликнул радостно Карл и торжественно представил Бауэра своей семье.

— Вот сам глава Святого семейства, друг моей юности столько же, сколько и лютый враг моих воззрений на философию и пути человечества. Прошу, однако, любить его и жаловать. Позволь, Бруно, представить тебе мою семью. Это моя дочь Женни, она же — Ди, она же Кви-Кви — император Китая.

— Женнихен вылитый твой портрет, Карл, — сказал Бруно, любуясь черноглазой румяной девочкой; затем он перевел взгляд на ее сестренку, встретившую его на пороге входной двери.

Карл, подталкивая Лауру, порозовевшую от смущения, представил и ее.

— А это наш милый Готтентот и мастер Какаду. Ты, верно, помнишь, что так же звали модного портного в одном из старинных немецких романов?

— Лаура — красавица в полном смысле слова, — сказал старый профессор.

— Фея из гофмановской сказки, — галантно добавил его брат Эдгар Бауэр.

— Ты, однако, разбогател, Карлхен. У тебя две прелестные дочки и царственно-прекрасная жена.

— У меня не две, а три дочурки. Тусси еще совсем мала и сейчас спит. А ты, Бруно, женат ли, обзавелся ли семьей?

— Нет, увы, я старый холостяк. Наука — вот моя верная возлюбленная и подруга. А помнишь, как мы прозвали тебя в счастливые годы наших теоретических битв, — «магазин идей»! Да, Карл, справедливость требует признать: многое мы

почерпнули у тебя.

— Мавр и для нас магазин сказок. Вы не можете себе представить, сколько он их знает, и не только одних сказок, — вторглась в беседу бойкая Лаура.

— Да, ты был неиссякаем и, видимо, немало пополнил запасы в своем складе, — Бруно показал на голову и, помолчав, достал большой портсигар. — Как много лет, однако, мы не виделись! Кури, великолепный немецкий табак. Он напомнит тебе нашу родину.

— Никогда не курил я таких сигар, как те, которыми угощала меня тетушка Бауэр, — сказал Карл. — Дни в вашем обвитом жимолостью домике так же живы в моей памяти, как воспоминания о Трире, где прошла моя юность. А где теперь краснобай Рутенберг, книжный червь Кеппен и крутоголовый Шмидт — Штирнер? — спросил Карл, с наслаждением затягиваясь сигарой.

— Кеппен пишет очередную книгу о буддизме. Он невозмутим, аскетичен, презирает все неиндийское, а Рутенберг тучен, самоуверен и все та же нафаршированная цитатами колбаса. К тому же сей почтенный буржуа издает газету, в которой удивляет трактирщиков и отставных канцелярских писарей своей копеечной ученостью. А наш философ Шмидт, обладатель лба, похожего на купол Святого Петра в Риме, при смерти. Жаль, он подавал блестящие надежды. Никто не умел так любить, так возносить свое «я», как он.

— Это «я» заслонило Штирнеру весь горизонт. Бедняга провел жизнь в бесцельном созерцании и обожании своего «я», точно йог в разглядывании собственного пупа, — досадливо морщась, произнес Маркс. — И вот на краю могилы это «я» может подвести унылый итог прошедшей попусту жизни.

Сквозь столб сигарного дыма, поднимавшегося к потолку, Карл внимательно разглядывал Бруно Бауэра. Ему было около пятидесяти лет, но он выглядел значительно старше. Резко очерченное лицо — три острые линии, образующие лоб, нос и подбородок, сухая пористая кожа, серые сморщенные веки и выцветшие глаза не отражали больше никакого внутреннего горения. Он казался навсегда потухшей пыльной сопкой. Особенно неприятен был огромный плоский лоб, лишенный выражения. Волосы на голове Бруно вылезли и оголили череп до самой макушки. В его лице не осталось больше сходства с фанатиком Лойолой, как это было в молодости.

— Да, после Берлина, этого величественного и светлого города, Лондон — мерзкая тюрьма, — говорил между тем Бруно, шепелявя и едва раскрывая губы. Ему мешали говорить

вставленные зубы зеленовато-желтого цвета.

— Правда, в Германии мы наблюдаем гибель городов и пышный расцвет деревень, но все же там истинная цивилизация. А здесь я живу в каком-то логовище. Люди на этом острове под стать всему окружающему уродству. Жалкие создания эти хваленые британцы. Это гомункулюсы-автоматы. Язык английский — да ведь это пародия на человеческую речь. Если бы не заимствованные галлицизмы, англичане не имели бы вообще человеческого языка и пользовались бы для общения друг с другом нечленораздельными звуками и междометиями. По сравнению с нами, германцами, бритты — дикари.

Маркс широко, лукаво улыбнулся.

— Дорогой профессор, — сказал он, весело блестя глазами, — в утешение вам должен сказать, что голландцы и датчане говорят то же самое о немецком языке и утверждают, что только исландцы являются единственными истинными германцами. Их язык будто бы не засорен иностранщиной.

Но Бруно возмущенно замахал руками.

— Ерунда, Карлхен. Поверь, я вовсе не узкий педант и вполне беспристрастен. Изучив множество языков за последние годы, могу смело отдать пальму первенства польскому. Великолепный по богатству и звучанию язык. Послушай, например, как красиво: «Нех жие пенькна польска мова».

Ленхен и Женни внесли подносы с чашками кофе и бутербродами с ветчиной и сыром.

— Нашу мамочку зовут Мэмэ, — пояснила все та же шустроглазая Лаура.

— Счастливец, Карл, ты окружен любящими тебя созданиями. Я же одинок, со мной только мысль, — с нескрываемой завистью признался Бруно.

— Мысль — раба жизни! — вдруг торжественно изрекла Лаура.

— А жизнь — шут времени! — продолжила Женнихен.

— Чудесно! — вскричал Бауэр. — Эти юные прелестные фрейлейн цитируют Макбета не хуже старого Шлегеля.

— Они унаследовали от отца и матери любовь к Шекспиру и знают превосходно его драмы, — произнесла с чуть заметной гордостью Женни Маркс.

После скромной трапезы, когда, по английскому обычаю, мужчины остались одни, Бруно Бауэр стал особенно разговорчив. Он объяснил, что в экономике предпочитает учение физиократов и верит в особо благодатные свойства земельной собственности. В военном искусстве его идеалом стал Бюлов.

— Это гений, истинный, божественный Марс в современной

военной науке.

Карл не мог поверить своим ушам.

«Как застоялась его мысль, как он отстал от времени, запутался!» — думал он, и чувство жалости смягчило раздражение. Бруно Бауэр походил на руины некогда интересного сооружения. Он изжил то немногое, что было в нем оригинального, и хотя казался по-прежнему самоуверенным, на лице старика помимо его волк появлялась иногда жалкая улыбка.

Карлу казалось, что этого педантичного, ссохшегося умом и сердцем человека продержали в глухом сейфе долгие годы. Он как бы и не заметил грозной революции и всех последующих событий и не сделал поэтому никаких выводов. Да мог ли он их сделать вообще?

— Рабочие — это чернь, которую отлично можно держать в повиновении с помощью хитрости и прямого насилия, — развалившись в кресле, говорил Бауэр. — Изредка следует, впрочем, кидать им кость со стола в виде грошовых прибавок к заработной плате, и они будут лизать хозяйскую руку. Меня все ваши иллюзии, называемые классовой борьбой, вовсе не интересуют. Я ведь чистый теоретик, мыслитель, а массой, этим полузверьем, пусть управляют те, у кого сильны не мозги, а мускулы. Я же достиг своей цели и нанес смертельный удар по научному богословию. В Германии оно перестало существовать. Вот колоссальная победа, да, ради нее стоило родиться… Моя сфера — чистая наука, проблемы вечные, а не суета сегодняшнего дня.

Карл не стал спорить. Это было бесполезно. Различие в мышлении обоих было таким значительным, что никакое слово Маркса не могло коснуться сознания Бруно Бауэра.

«Стоит ли переубеждать этот застывший камень, который некогда, прежде чем затвердеть, был живым существом. Но я рад нашей встрече. Нет ничего на свете, что не заслуживало бы внимания и размышления, раз оно существует. И этот старик тоже по-своему занимателен». Таковы были думы Карла, когда позднее он остался один за своим рабочим столом.

В те же дни радостные вести с родины привез Марксу уполномоченный от дюссельдорфских рабочих Леви. Он передал Карлу сведения о состоянии рабочего движения в Рейнской провинции, о продолжающемся общении рабочих Дюссельдорфа и Кёльна.

«Главная же пропаганда, — сообщал Маркс Энгельсу о своих беседах с Леви, — ведется теперь среди *фабричных рабочих в Золингене, Изерлоне и окрестностях, Эльберфельде* и во всем Гарц-Вестфальском округе. В железоделательных округах ребята хотят

восстать, и удерживают их только расчеты на французскую революцию и то, что лондонцы считают это пока несвоевременным… Люди эти, по-видимому, твердо уверены, что *мы и наши друзья немедленно же поспешим к ним.* Они чувствуют, разумеется, потребность в политических и военных вождях. За это, конечно, их нисколько нельзя осуждать. Но я боюсь, что при их весьма натуралистических планах они четыре раза погибнут, прежде чем мы сможем покинуть Англию. Во всяком случае нужно точно разъяснить им с военной точки зрения, что можно и чего нельзя делать. Я заявил, разумеется, что в случае, если *обстоятельства позволят,* мы явимся к рейнским рабочим; …что мы со своими друзьями серьезно обсудим, что могло бы сделать рабочее население в Рейнской провинции своими силами; я им сказал, чтобы они через некоторое время снова послали в Лондон, но *ничего* не предпринимали, не столковавшись предварительно с нами».

Личные горести в семье Маркса продолжались. Тяжело больная баронесса призвала летом 1856 года в Трир свою дочь. Женни поехала с девочками на родину и застала мать при смерти. После одиннадцатидневных страданий Каролины фон Вестфален не стало.

Когда умер Муш, Женни казалось, что ей нечем больше страдать. Душа ее изныла и как бы потеряла чувствительность. Однако смерть матери причинила ей снова мучительную боль. Женни удивлялась тому, как много может вытерпеть человек. В молодости болезни и горести проходят, как бы коснувшись только кожи и не оставив глубокого следа, в зрелые годы они потрясают, но не ломают волю, не ослабляют навсегда, в старости же несчастья разрушают и сокращают самую жизнь.

Покуда Женни была в Трире, Карл вместе с немецким эмигрантом Вильгельмом Пипером, желая лучше познакомиться с Англией, отправился в портовый город Гуль. Он повидал в пути много английских и шотландских городов, расположенных вдоль великого северного пути — Грейт-Норс.

Замки шотландских лордов мелькали за оградами, на пригорках, среди могучих дубов. Немногие встречные пограничные шотландские деревни были неприветливо серы, как шерсть овечьих стад на горах, как перевал, почти всегда тонущий в тумане. Вливаясь в города, великий северный путь обрастал ровными коттеджами, просыпающимися на рассвете и засыпающими в сумерки.

Эдинбург расположен на холмах и с моря кажется столицей феодального княжества. Уцелевшие сторожевые башни с

бойницами в стенах кремля все еще являют мощь и неприступность.

Эдинбург в равной мере жил средневековьем и современностью. XV век без ущерба уживался с XIX.

Безжалостен климат Шотландии. Всего 2–3 месяца пробивается сквозь плотные занавеси испарений лиловое солнце.

Карл часто перечитывал романы Вальтера Скотта, и сейчас ему казалось, что он раньше уже видел и хорошо знал природу, нравы и людей этого горного сумрачного края. Глядя на удивительный цвет волос местных жителей, позаимствовавших краски у пунцового северного солнца и золотого приморского песка, он вспомнил, что такие же волосы у маленькой дочери Лауры, унаследовавшей их оттенок от своей прабабушки шотландки Женни оф Питтароо.

Многое в Шотландии напоминало Карлу рассказы, слышанные в семье Вестфаленов, об их предках бунтарях Аргайлях и Кемпблах — героях многих книг Вальтера Скотта.

Карл приехал в Лондон отдохнувшим. Вскоре, закончив свои дела в Трире и получив небольшое наследство, вернулась домой также и Женни.

Летом того же года, после четырех с половиной лет тюремного заключения, в Англии очутился портной Фридрих Лесснер, один из обвиняемых по Кёльнскому процессу коммунистов. В тюрьме, как и на протяжении всей своей жизни, девизом коммуниста Лесснера было: мужество, выдержка и надежда. Он называл их своими верными спутниками.

В Лондоне Лесснер отыскал Фрейлиграта, служившего в одной из контор столицы. В беспорядочной шумной квартирке, где жил поэт, его жена и пятеро резвых детей, Лесснер встретил Вильгельма Либкнехта и с ним отправился на Дин-стрит, 28.

Ему обрадовались там, как долгожданному, родному человеку. Карл очень заботился о своих соратниках. Он тотчас же принялся помогать Лесснеру в поисках жилья и работы и успокоился только тогда, когда все это было устроено.

В первое же воскресенье портной был приглашен провести день вместе с семьей Маркса за городом.

Был жаркий день, и участники прогулки решили отправиться на холмистые луга между Хемстедом и Хай Гейтом.

С самого утра Ленхен занималась приготовлением еды для пикника. Она достала свою вместительную корзину, которую хорошо знали все домочадцы и друзья Маркса. Ленхен привезла ее некогда из Трира. Соломенная корзина сопровождала Женни и детей во всех их поездках и семейных прогулках. В ней лежали вкусно приготовленные кушанья: поджаренная телятина, пирог с

саговой начинкой, фрукты, сахар и чай в кульках.

К 11 часам пришли Лесснер и Вильгельм Либкнехт, частый попутчик в этих походах. Ленхен без долгих слов нагрузила его своей заманчивой кладью. Веселая компания двинулась в путь. До намеченного места из Сохо было добрых два часа ходу, но это никого не смущало. Все были большие любители пешего передвижения и рвались прочь из пропахшей пылью и угольным перегаром столицы.

Воскресный город томился от безысходной скуки. Людно было только у пивных и церквей. По улицам проезжали экипажи с нарядными господами и дамами, прячущими лица от солнечных лучей под широкими полями шляп и куполообразными разноцветными маленькими зонтиками. За Примроз-хилл город как бы отступал и начинались пустыри, рытвины, холмы, проселочная неровная дорога. Дети мгновенно преображались и принимались на встречных лужайках отплясывать негритянские танцы, сопровождая их смехом и пением. Взрослые подтягивали знакомые мелодии и хлопали в ладоши.

Пели шуточные, смешные своей чувствительностью и напыщенностью романсы, арии из модных опер, народные песни. С притворной важностью тянули медленные патриотические гимны. Особенно старались заглушить друг друга Карл и Вильгельм. У первого был густой баритон, а у второго — жидковатый тенор.

«О Страсбург, Страсбург, дивный город…» — запевали они дуэтом, и все хором подхватывали эту полюбившуюся им немецкую песню.

Девочки просили отца рассказать им какую-нибудь фантастическую историю. Никто не умел так искусно выдумывать чудесные, полные необычайно сложных приключений сказки, как Мавр. Они подразделялись не на главы, а на мили — по количеству пройденного пути.

— Расскажи еще одну милю, Мавр, пожалуйста, — просила Лаура, — мы к этому времени как раз доберемся до Хемстедских холмов.

Если отец отказывался, девочки обращались к матери:

— Мэмэ, Мэмхен, попроси Мавра. Тебе он не откажет.

Карл сдавался, и сказка продолжалась.

Дорога на Хемстед-хис пролегала по отлогим холмам и пустырям, поросшим густым дроком и низенькими рощицами. Множество горожан устраивали тут пикники, расположившись на жидкой траве.

С пустынного, незастроенного крутого холма Хемстед-хис хорошо был виден Лондон — могучий колониальный штаб, город

банков, роскошных магазинов, дворцов и особняков, мощной промышленности, черных лачуг и мрачных трущоб вокруг доков.

Вдали, над крышами домов поднимались строгое готическое Вестминстерское аббатство и круглый купол англиканского собора Святого Павла. Серой лентой вилась Темза.

Хороши окрестности британской столицы. До самого горизонта тянутся зеленые пологие холмы, пересеченные добротными проезжими дорогами. Даже в редкие солнечные дни прозрачная дымка испарений никогда не исчезает, не рассеивается над Англией.

После серости Дин-стрит, после нагромождения каменных домов все вокруг казалось прекрасным, хотя растительность была чахлой и неказистой. Веселясь и шаля, добирались путники до тенистой холмистой местности, где можно было расположиться и позавтракать.

Домовитая Ленхен мало интересовалась открывшимся пейзажем и принималась выкладывать на клетчатую скатерку, постланную под низким дубом, провизию из своей заветной корзинки. Карл и Женни слушали, усевшись на траву, волнующий рассказ Лесснера обо всем пережитом в заключении.

— Моя жизнь в тюрьме — это сплошная цепь несчастий и неприятностей, — говорил недавний заключенный, — но я благодарен и за это судьбе: я стал сильнее. Нужно всегда помнить, что доля рабочего от колыбели до гроба — это непрерывная борьба, без борьбы нет жизни.

— Видел ли ты в тюрьме Даниельса? Этот настоящий человек и борец не вынес заключения, заболел смертельной чахоткой, — заметил Маркс грустно.

— В этом нет ничего удивительного. Условия, в которых нас держали, были невыносимы. Голод, насекомые, холод. В камере, где я некоторое время находился с Даниельсом, было так холодно, что у меня возникло ощущение, что я никогда больше не смогу согреться. О том, что нам пришлось и физически и морально выстрадать, могут засвидетельствовать четыре голые и сырые стены тюрем. Если бы они могли говорить, что бы услышали тогда люди… В особенно нетерпимых условиях находились мы все, осужденные по процессу в Кёльне.

Подкрепившись едой и питьем, участники прогулки, выбрав поудобнее местечко, расположились кто подремать, кто почитать газеты. Женни и Лаура отыскали сверстников и принялись играть в прятки, перегонки и жмурки. Внезапно Карл увидел неподалеку дерево каштана со спелыми плодами.

— Посмотрим, кто собьет больше! — громко вызвал он всех на состязание.

С криками «ура» пошли на приступ Либкнехт и Лесснер, но Карл превзошел всех в ловкости. Он рьяно целился, бросая камешками, и, если не попадал в каштаны, неистовствовал. Когда под победные возгласы последний плод упал на землю, бомбардировка, наконец, прекратилась. Тут только Карл, изрядно вспотевший, почувствовал, что не может больше двинуть правой рукой. В пылу обстрела дерева он не заметил, как перенапряг мускулы.

В этот счастливый день выпало и другое чудесное развлечение — катание на осликах. Карл ликовал не менее своих детей. Взобравшись на осла, он изображал то Санчо Пансу, то самого Дон Кихота. Женни должна была быть Дульсинеей Тобосской.

У самой вершины холма находилась старая харчевня — «Замок Джека Строу», очень нравившаяся Марксу. Он обычно выбирал столик у низкого окна, выходящего на запад. Хозяин разносил посетителям кружки с имбирским пивом и тарелки с хлебом и сыром. Вдали из окон открывался вид на Хайгетскую возвышенность, поросшую деревьями и диким кустарником. На ней находилось кладбище. Белые памятники и надгробья четко вырисовывались среди свежей зелени. Карл подолгу смотрел на эту тихую обитель мертвых.

Женнихен и Лаура играли в лапту на густой траве. К ним присоединялись и бегали взапуски Мавр и его товарищи. Долго не умолкал тогда веселый смех.

Совсем уже стемнело, когда, насладившись в полной мере воскресным отдыхом, все отправились домой. Усталые девочки шли подле отца и матери. Легкая грусть о том, что все уже прошло, подкрадывалась к ним вместе с утомлением. Зажигались одна за другой на потемневшем чистом небе звезды. Женнихен запрокинула темноволосую головку. Не отрываясь, она смотрела вверх и вдруг начала говорить быстро, как бы в каком-то необъяснимом экстазе импровизации:

— Когда-то, давным-давно, звездные люди слетели на землю. Их крылья сломались. Тщетно рвались они назад в небо. С тех пор на звездах всегда по ночам мигают маяки. Зовут их и указывают обратный путь.

Глаза Женнихен расширились и блестели, она продолжала декламировать.

— Сокровище мое, — встревоженно прервала вдохновенные стихи Женни Маркс и провела дрожащей рукой по лбу девочки. — Не больна ли ты?

— Она не по годам развита. Таким же был наш дорогой Муш. Мы потеряли уже стольких детей, — продолжала испуганно мать,

обращаясь к мужу.

А Женнихен уже вприпрыжку бежала догонять сестру.

— Успокойся, дорогая. Наша пифия, как ты видишь, воплощенное здоровье, — взяв руку жены, ласково и твердо сказал Маркс.

Воскресенье проходило быстрее всех других дней недели.

В 1856 году несколько сот талеров, доставшихся по наследству после смерти Каролины фон Вестфален, дали возможность семье Маркса переехать из «старой дыры», как называл Карл Дин-стрит, в более здоровую, отдаленную от центра, расположенную в холмистой и зеленой части города местность и поселиться впервые за все годы пребывания в Лондоне в отдельном, удобном небольшом домике. Арендная плата за квартиру в районе Ридженс-парка, в северной части столицы, составляла 36 фунтов стерлингов в год. Это была дорогая цена, но Женни получила еще одно небольшое наследство от родственников в Шотландии, и вся семья смогла ненадолго передохнуть в более сносных условиях.

Добраться к миниатюрному домику, где поселился Маркс, было трудно. Графтон Террас Мэйтленд-парк совсем не походила на обычную улицу большого города. Это был пустырь, на котором среди нагромождения камня, глины, выкорчеванных пней и мусорных куч стояло несколько домов. Настоящей дороги к ним не было. Все вокруг находилось в процессе возникновения и стройки.

Если шел дождь, столь частый в Лондоне, пройти по глинистой, скользкой почве было сущим испытанием для жителей Графтон Террас. Грязь густо облепляла ноги, мешала двигаться. С сумерек улица погружалась в непроглядный мрак, так как ни одного газового фонаря на ней еще не было. Но Женни с добрым юмором относилась ко всем неудобствам нового местожительства и радовалась от всей души светлому домику, казавшемуся ей дворцом после темного жилища на Дин-стрит.

«Это поистине княжеская квартира, — писала Женни, — по сравнению с прежними дырами, в которых нам приходилось жить, хотя все ее устройство обошлось немногим более 40 фунтов стерлингов… Я казалась себе прямо-таки величественной в нашей уютной гостиной. Все белье и остатки прежнего величия были выкуплены из ломбарда, и я с удовольствием вновь пересчитала камчатные салфетки еще старинного шотландского происхождения. Впрочем, великолепие длилось недолго, пришлось снова снести одну вещь за другой в «поп-хаус» (так дети называют таинственный дом с тремя шарами): все же мы успели порадоваться окружающему нас житейскому уюту».

Покуда Женни Маркс относит снова в ломбард, вывеской которого служат три золоченых шара, вещи, Карл до поздней ночи пишет книгу по политической экономии, корреспонденции для газеты «Нью-Йоркская трибуна», письма в Манчестер Энгельсу и единомышленникам. Иногда статьи по разным вопросам за подписью Маркса посылает за океан Фридрих Энгельс. Больше трети всех статей, помещенных в «Нью-Йоркской трибуне», написаны этим бескорыстным и верным другом. Точно так же и Карл помогает Фридриху в его работе то советами, то тщательным подбором в Британском музее необходимых материалов по различным теоретическим вопросам. Оба они подчас целыми днями работают друг для друга. Каждый дополняет другого.

«Нью-Йоркская трибуна» — одна из наиболее читаемых в Соединенных Штатах газет, имела до 200 тысяч подписчиков. С 1851 года Маркс был ее постоянным сотрудником. Издатель газеты и один из ее редакторов, социалист Дана, безжалостно эксплуатировал его, зная, как Маркс нуждается в деньгах.

— Социализм Дана сводится часто к мерзкому мелкобуржуазному надувательству, — говаривал Энгельс.

Дана, случалось, платил Марксу только половину полагавшегося гонорара, хотя повсюду хвастался его участием в газете и сам отлично знал, какого необыкновенного автора приобрел. Имя Маркса увеличило спрос на газету. Он становился все более известен в Америке.

Тщетно Карл стремился к тому, чтобы получить возможность заниматься исключительно наукой. Он страдал и часто жаловался Энгельсу и Женни:

— Ух! Как надоело мне газетное бумагомарание! Оно отнимает много времени, рассеивает внимание и ничего не дает. Чисто научная работа — совсем другое дело. Оба мы с тобой, Фридрих, заняты не тем, чем следует. Каково тебе в конторе и на бирже! Представляю, как воешь ты между волками.

Ежедневно по утрам, после завтрака, выкурив сигару, Карл брал черный дождевой зонтик, без которого трудно обойтись в Лондоне, и отправлялся в читальный зал Британского музея. До остановки омнибуса его провожали старшие дочери. Они горячо любили отца, обращались с ним запросто, как с равным, и называли неизменно Мавром за оливковый цвет лица и иссиня-черную, с сединой гриву волос.

Только к вечеру возвращался Маркс домой. За обедом, когда собиралась вся семья, всегда бывало шумно. Усталый Карл ел очень мало, и это вызывало беспокойные расспросы Женни и заботливой Елены Демут. Болезнь печени, которой много лет уже

страдал Карл, требовала строгой диеты, но он предпочитал острую пищу, соленья, копченую рыбу, ветчину, пикули и пряности. Поднявшись из-за стола, Карл долго прохаживался из угла в угол маленькой гостиной. Каждую свободную минуту он посвящал детям, радуясь, как и они, наступающим воскресеньям. Если изредка в праздничный день в домике Маркса появлялся Фридрих Энгельс, все три девочки встречали его радостными возгласами. Не только Женни, но и Ленхен торопилась поделиться с Фридрихом всеми событиями последнего времени. И для каждого у него были ободряющее слово и шутка.

В июле 1857 года Женни родила седьмого ребенка, но лишь для того, чтобы тотчас же похоронить его. Он прожил всего несколько минут после рождения.

Из Америки вернулся в Лондон тяжело больной чахоткой Конрад Шрамм. Его появление столько же обрадовало, сколько и опечалило Карла и Женни. Их верный друг быстро приближался к могиле. Душный и пыльный Лондон был невыносим для умирающего, и друзья уговорили его поехать на цветущий остров Джерси, где находился в это время больной Фридрих Энгельс.

К осени Карл отправился проведать своих друзей. Он застал Энгельса окрепшим и деятельным, но Конрад доживал последние месяцы. Сжигаемый лихорадкой, крайне возбужденный, совсем еще молодой, пылкий, отзывчивый, искренний, он напоминал чем-то Георга Веерта, умершего немногим более года назад в Гаване.

Карл был еще весьма опечален преждевременной кончиной молодого поэта и считал его невозвратимой потерей для коммунистическрго движения, поэзии и литературы.

Тяжела была для него и вскоре наступившая кончина Конрада Шрамма.

Совершенно оправившись от затянувшейся болезни, Энгельс вернулся в Манчестер с острова Джерси. Была глубокая осень. Шли дожди. По настоянию врачей Энгельс проводил в конторе всего несколько часов в день. Он предался давнишней страсти — верховой езде и охоте. Слякоть и туманы не останавливали его. Он носился на крепком коне по особенно угрюмым в эту пору года полям и перелескам вокруг текстильной столицы, подстреливая лис и зайцев.

Редкий день не появлялся он на бирже. Тщательно одетый, подтянутый, он заметно выделялся среди снующей по залу возбужденной толпы биржевиков. Маклеры почтительно кланялись и расступались перед молодым купцом. Биржевые шакалы старались по настроению Энгельса определить, каков

балл разбушевавшейся стихии кризиса. Они сердито перешептывались, подметив его хорошее, бодрое настроение. Действительно, в эти дни биржа мгновенно разгоняла у Энгельса скуку. Он охотно поддразнивал и вызывал ярость у купцов и биржевых игроков, предсказывая мрачное будущее их акциям.

Энгельс, исполненный надежд, что кризис всколыхнет пролетариат, жадно изучал приметы экономического тупика, в который зашла буржуазия на обоих полушариях.

«Кризис так же полезен мне, как верховая езда и морские купания, — думал он весело, — за последние семь лет я, право, начал увязать в буржуазной тине. Нужно скорее и начисто смыть ее с себя».

Экономические потрясения несли Энгельсу, как промышленнику, значительные материальные потери, но безмерно радовали революционера и ученого-экономиста, каким он был прежде всего. Энгельс с удовольствием подмечал панику, растерянность и удрученные мины текстильных фабрикантов, когда приходил в замызганный каменный сарай, превращенный в святилище торговли — биржу. Он подолгу задерживался у огромной грифельной доски, исписанной белыми цифрами. Это были последние сводки с поля биржевых боев — цена акций. Каждая из цифр раскрывала Энгельсу тайну бесчисленных житейских драм. Именно она принесла банкротство почтенной старинной фирме Веннох. Это повлекло гибель пяти других фабрикантов в недавно столь богатом промышленном Ковентри.

Энгельс предвидел, как по всей стране вплоть до черного Глазго вследствие краха столь влиятельных фирм разорится множество средних и малых предпринимателей, чьи имена так незначительны, что не указаны в толстом справочнике промышленников и торговцев острова.

В Ливерпуле прядильщики лишились почти всех заказов. На фабриках Манчестера введена была неполная рабочая неделя.

Биржа отвечала на кризис, как водная гладь на паденье камня или поднявшийся ветер. Пошли круги по вспенившейся воде, закружились акции. Особенно трудно приходилось текстильным фабрикантам. Хлопок, который считался «белым золотом» века. упал в цене.

У биржи были свои законы и цели. Чиновники и рантье, вложившие свои сбережения в бумаги хлопковых и шелковых компаний в Европе и Америке, внезапно обеднели, прядильщики и ткачи находили закрытыми и безлюдными ворота фабрик.

Как-то возвратившись с биржи, Энгельс записал свои мысли и поделился ими с Марксом.

«…В четверг положение было отчаяннейшее, в пятницу… так

как хлопок снова поднялся на один пенни, то говорили: самое худшее миновало. Но ко вчерашнему дню всех снова охватило такое отчаяние, что душа моя возрадовалась. Таким образом, их радость оказалась чистейшей болтовней, и почти не было ни одного покупателя, так что состояние здешнего рынка осталось таким же скверным, каким оно было и раньше».

В 1857 году Британский музей обосновался в специально выстроенном для него огромном здании. Многочисленные колонны украсили вход в эту сокровищницу Великобритании.

Карлу очень понравился величественный читальный зал богатейшей из библиотек мира. Куполообразный потолок увенчивал круглый своеобразный храм, собравший в себе все то, что создано неповторимым произведением природы — человеческим мозгом.

Все постоянные посетители читальни имели определенные места, которые закреплялись за ними. Маркс выбрал пятый стол, находившийся направо от входа и примыкающий непосредственно к стендам со справочниками. Он был обозначен буквой «С» и № 7.

Могучая, черноволосая, с густой проседью голова Маркса, его крепкий, короткий нос, его глубокие, блестящие глаза привлекали внимание посетителей читальни Британского музея.

Но он не замечал в эти часы никого. Он был во власти дум и творческих порывов.

Всю свою сознательную жизнь Маркс испытывал наивысшее наслаждение, отдаваясь мышлению. Способность эта казалась ему вершиной человеческого духа. Нередко вспоминались ему слова Гегеля: «Даже преступная мысль злодея возвышеннее и значительнее, нежели все чудеса неба».

Но мысль Маркса всегда была началом действия, творчества. Маркс готовил книгу «К критике политической экономии». Он исследовал от самого возникновения капиталистический способ производства.

Решение написать труд по политической экономии возникло у Карла еще в 1843 году в Париже, и это стало делом всей его жизни. Маркс говорил, что готов даже отказаться от гонорара, хотя и крайне нуждался в деньгах, лишь бы издать труд.

В невозмутимой тишине читального зала Маркс просматривал десятки книг по истории политической экономии, перечитывая снова Адама Смита и Давида Рикардо, многочисленные новейшие исследования, статистические отчеты, книги о состоянии промышленности и техники, сообщения о недавнем открытии золотых приисков в Калифорнии и

Австралии.

Лондон был в ту пору отличным наблюдательным пунктом для изучения противоречий и кризисов в буржуазном обществе. С этой вершины Маркс снова и снова обозревал мысленно весь мир, с потрясающей проникновенностью вскрыл и объяснил законы развития и гибели капитализма.

Обычно до семи часов вечера просиживал Маркс за книгами в читальне Британского музея. Непреодолимая тяга к курению заставляла его часто подниматься с удобного кресла в прилегающий курительный зал. С наслаждением затягивался он плохонькой, дешевой сигарой и медленно выдыхал горьковатый дым.

Иногда после долгого, напряженного умственного труда Маркс отдыхал, перечитывая любимых поэтов. С юности помнил и любил он боевые гордые слова Архилоха:

> Сердце, сердце! Грозным строем встали беды пред тобой.
> Ободрись и встреть их грудью, и ударим на врагов!
> Пусть везде кругом засады — твердо стой, не трепещи!..
> [19]

Иногда его захватывали увлекательные, изобилующие невероятными приключениями романы Лесажа, Поль де Кока и Дюма-отца. Это всегда давало отдых его переутомленному мозгу.

Лето и осень 1858 года были тяжелы для Маркса. Он работал часто до 4 часов утра, и не раз острые приступы болезни печени укладывали его в постель. Долги росли: газетчик, мясник, зеленщик, доктор, взнос в ломбард, башмачник и угольщик преследовали семью, как неотступный кошмар.

Мировой экономический кризис начинается, как горный обвал. Грохоча и сотрясая вершины, отрывается могучая глыба и летит неудержимо, низвергая камни, поднимая столбы снежной пыли, кроша лед и гранит. Подпрыгивая по отвесным скалам, одолевая препятствия, лишь немного замедляющие бег, бесформенное чудовище облипает снегом, почвой. Один обвал влечет другие. Грохот глыб, падающих в долины на головы людей, скот, на дома, сильнее и протяжнее канонады. От обвалов некуда скрыться, они раскачивают горы и оглушают мир.

Когда в 1857 году потерпел банкротство один из крупнейших французских банков, а следом за ним несколько европейских торговых фирм, английский буржуа вынул сигару изо рта, поразмыслил и подбросил уголь во все отдаляющий камин уютного холла. Ложась спать, он пересчитал по пальцам

предпринимателей, потерявших все состояние и покончивших самоубийством, и повторил при этом: «Это мир, а это Англия, и в Англии — мир». Но неодолимая глыба первого в истории мирового экономического кризиса вовлекла в свой все ускоряющийся полет вниз и Великобританию.

Грозил упасть, как сваливается камешек, оторванный от скалы обвалом, золотой фунт — символ силы и надменности нации.

Поколебались цены на все товары. Буржуа вздрогнул, озираясь по сторонам в недоумении и страхе.

Разорилось много американских, английских и французских банкиров, владельцев магазинов, фабрик, плантаций. Началась безработица. Правители европейских государств искали, как предотвратить возможные восстания, спастись от краха. Никто не знал, откуда взялось эти стихийное бедствие.

Маркс воочию наблюдал и проверял то, к чему он пришел умозрительно, исследуя анатомию капиталистического общества.

Подобно тому как в прошлые столетия великие физики открывали законы возникновения грозы или вращения планет, так Карл открыл закон развития экономики капиталистического мира. Кризис не был для него ни загадкой, ни неожиданностью. Он и Энгельс его предвидели.

В половине июня 1859 года вышел первый выпуск книги Маркса «К критике политической экономии».

Карл часто и тяжело болел в это время. Однако он всеми силами стремился преодолеть естественную в связи с недомоганием слабость, мучаясь мыслью, что плод его пятнадцатилетних исследований и напряженного труда может быть в чем-либо несовершенен. Требовательность к себе возрастала непрерывно с годами, и он взыскательно и кропотливо отделывал каждую фразу. Сознание ответственности перед своей партией также не покидало его ни на один миг.

«Я надеюсь добиться научной победы для нашей партии, она должна быть вооружена так же неотразимо теоретически, как и практически», — думал он.

Сквозь густую пелену тумана, окутавшего мир после временной победы реакции, Маркс видел грядущее торжество труда в борьбе с капиталом.

Сейчас он старался сохранить тех борцов из Союза коммунистов, которые рассеялись по обеим сторонам Атлантики и вели трудную, полную лишений жизнь.

Книга «К критике политической экономии» в первую очередь предназначалась им. Она должна была выпестовать хорошо вооруженных теорией людей. Уже в самом предисловии Маркс

сформулировал мысли о материалистическом понимании истории и опрокинул при этом все прежние научные представления о развитии человечества.

«В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обусловливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание. На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что является только юридическим выражением последних — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции».

Материалистическое понимание истории явилось огромным торжеством научной мысли. Оно открыло путь к научному объяснению процессов общественного развития, которые до сих пор оставались вне рамок точного познания.

С помощью непреложного научного анализа Маркс вынес смертный приговор капиталистическому строю. Он не указывал дат и географических точек, где разыграются будущие решающие схватки между трудом и капиталом, но предрек победу рабочему люду. Капитализм, по его словам, представляет собой последнюю антагонистическую форму общественного производства, и в недрах буржуазного общества производительные силы создают материальные условия для разрешения этого антагонизма.

«Потому, — писал Маркс, — буржуазной общественной формацией завершается предыстория человеческого общества».

Берлинский издатель Дункер выпустил первые разделы книги «К критике политической экономии» тиражом только в 1000 экземпляров. Заключить договор на весь труд он отказался и поставил это в зависимость от спроса на первый выпуск.

Появление книги Маркса буржуазная пресса встретила нарочитым, гробовым молчанием. Это был испытанный маневр, более действенный, нежели злословие и клевета, могущие

встретить отпор, справедливые возражения или любопытство. Необыкновенные книги имеют нередко трудные и сложные судьбы.

В это же время Маркс неотрывно готовил целых 15 печатных листов текста статей для выходящей в Нью-Йорке американской энциклопедии.

Нет большей страсти, нежели одержимость творчества и труда. Ни жажда в раскаленных песках пустыни, ни власть инстинктов, ни многодневный голод не могут сравниться в своей изнуряющей силе с мучениями ученого, обремененного великим научным открытием, художника, отягощенного образами, мыслью, звуками и не имеющего возможности выявить их, воссоздать в зримой и слышимой форме. Так созревшее семя пробивает толщу почвы, чтобы вырваться к свету, расти, цвести.

Карл изнемогал. Он вступил в пору зрелого творчества. Все было выношено, внутренне проверено. Мысль его высоко парила над миром, постигла законы, двигавшие обществом, а жизнь, издеваясь, тащила его вниз, в смрадное болото мелочных забот.

Шли годы. Целое десятилетие уже он бился с нуждой. Это была худшая, изнурительнейшая из войн, в которой Маркс потерял четверых детей, здоровье и несчетное количество часов, необходимых для больших творческих свершений. Война эта не сулила ему побед, она убивала тех, кого он любил, калечила их, наполняла горечью его дни и ночи. Борьба за высокие идеи окрыляет, но безгранично тяжело, когда приходится ежечасно отбиваться от унижающих тебя кредиторов: булочника, мясника, зеленщика, бакалейщика. И при этом знать, что иной дорогой никогда не пойдешь. Она одна ведет к намеченной цели.

Как едва видимые москиты способны обескровить человека, так нужда, постоянное безденежье и лишения незримо подтачивали здоровье Карла именно тем, что мешали ему целиком отдаться научной работе, отрывали его от творчества, отдаваясь которому он вновь обретал силы. Женни, будучи постоянной помощницей мужа и захваченная одной с ним идеей, находила в его творческих радостях некоторое успокоение. Поддерживали и утешали ее дети, их успехи, их любовь.

Несмотря на все трудности, старшие девочки учились сначала в колледже в Саутгемптоне, затем в женской гимназии. Они неизменно переходили из класса в класс с наградами. Кроме школьных занятий, обе брали уроки итальянского и французского языков.

Женнихен хорошо декламировала и рисовала. На мольберте в гостиной подле палитры с красками стояла неоконченная

картина. Недавно Женнихен послала в Манчестер традиционные рождественские подарки. Энгельсу досталась талантливо исполненная копия Рафаэлевой Мадонны, а Вильгельму Вольфу — два раненых французских гренадера.

Лаура с детства была очень музыкальна. Заслышав пение дочери, Карл открывал дверь своего кабинета и, откинувшись в кресле, слушал с нескрываемым удовольствием романсы Шуберта, Бетховена, арии из опер Моцарта и протяжные волнующие народные напевы. Лицо его разглаживалось, светлело, в глазах появлялось выражение полного покоя и мечтательности. Он отдыхал, радуясь музыке, и, случалось, терпеливо переносил также и однообразие гамм, вокализы и сольфеджио, которыми подолгу занималась юная певица.

Карл перешагнул за сорок. В его смолисто-темных волосах появилось много седых прядей. Еще более проницательным стал взгляд легко загорающихся смехом или гневом темных глаз. Углубились саркастически скорбные складки над верхней губой. Все так же прекрасны и выразительны были его небольшие крепкие кисти рук с длинными гибкими пальцами. Несмотря на тяготы жизни, титанический умственный труд, болезни, бессонницы, горькие утраты последнего десятилетия, Маркс был из числа тех немногих людей, которые становятся красивее, внешне значительнее с возрастом. Так удивляют нас величавой красотой могучих стволов и кроны многолетние ливанские кедры. Во сколько раз великолепнее они, нежели неокрепшие молодые деревца! В пору своей зрелости Карл был похож в одно и то же время и на это несокрушимое гордое дерево и на смуглого араба, отдыхающего в его тени.

В доме на Графтон Террас бывало немного посетителей. Энгельс оставался в Манчестере. Там же находился и Вольф. Он считался отличным педагогом и давал уроки. В свободные часы Люпус предпочитал уединение в скромном домике, где о нем неусыпно заботилась молчаливая старуха экономка. Малыш Дронке служил в купеческой фирме в Ливерпуле, куда недавно перебрался из мрачного Глазго.

Карл в дни, когда не мог бывать в читальне Британского музея, большую часть времени проводил за книгами и бумагами в своем кабинете. Уже много лет он страдал отсутствием аппетита и в часы работы совершенно забывал о еде. Привычка писать по ночам породила жестокую бессонницу. Долгие годы лишений принесли всевозможные хвори.

— Что ж, — сказал он как-то полушутя, — я познал на самом себе многое из жизни пролетариев, в том числе и их болезни.

Обычно, не дождавшись Маркса в столовой, жена или кто-

либо из дочерей отправлялись за ним в кабинет. Маленькая Тусси особенно энергично и бесцеремонно оттаскивала отца от заваленного книгами бюро.

Карл послушно поднимал дочь и усаживал ее на свои плечи. Затем вприпрыжку он обегал кабинет несколько раз, подгоняемый маленькой ручонкой, и с протяжным ржанием врывался в столовую.

Так весело и беспечно начинался обед. Нередко разговор за едой касался злободневных политических вопросов, которыми постоянно интересовались Карл и его жена.

— Читал ли ты уже газеты, Чарли? Что нового?

— Самыми значительными событиями, несомненно, остаются движения чернокожих рабов в Америке и невольников в России. Заметь, милая Женни, что русское дворянство домогается конституции. Это будет толчком для тамошних крестьян. Тем более что царь Александр уже основательно испортил свои отношения с ними, объявив в своем последнем манифесте, что «коммунистический принцип» должен исчезнуть навсегда вместе с их освобождением. Все это чревато великими последствиями. Кстати, в Миссури снова восстали рабы.

— На чьей стороне победа, Мавр?

— Восстание жестоко подавлено. Но сигнал дан. Дело осложняется, и, несомненно, впереди предстоят кровопролитные схватки.

— Что-то будет с «Нью-Йоркской трибуной»? Вероятнее всего, в связи с возможной войной Севера с Югом ты окончательно лишишься корреспондентского заработка, — грустно заметила Женни и провела рукой по лбу, как бы снимая давящую мысль.

— В Индии все симптомы колоссального кризиса. Это, несомненно, отразится на манчестерской хлопчатобумажной промышленности. Контора «Эрмен и Энгельс» тесно связана с Калькуттой. Пряжа дорожает, а хлопок падает в цене.

— Мавр, — настойчиво домогалась между тем Тусси, — расскажи мне про американскую войну. А в Миссури много белых?

Маркс терпеливо принялся объяснять пытливой девочке то, что ее так интересовало.

— Авраам Линкольн — бывший дровосек. Это замечательный человек, не правда ли, — сказала между тем Лаура.

— Я хочу написать ему длинное-предлинное письмо, чтобы он скорее победил южан и все негры были свободны, — затараторила снова Тусси. — Ты отправишь его по почте, правда? — Девочка заглянула просительно в глаза отцу.

С совершенной серьезностью Карл обещал дочери послать за

океан ее советы и размышления президенту северных штатов.

— Но, надеюсь, ты разрешишь и мне ознакомиться с твоими письмами? — сказал он.

— Конечно, — ответила важно маленькая Элеонора и вдруг, вспомнив что-то, схватила отца за руку, стремясь скорее увести его из столовой.

— Мавр, ты обещал мне прочесть сказку про умную лисицу, — капризно потребовала Тусси.

— Ты права, слово надо держать. Я уже достал с полки книгу «Рейнеке-Лис».

— Как жаль, Мавр, что мы с Лаурой уже такие взрослые и ты не читаешь нам больше вслух ни Гомера, ни «Дон Кихота», ни «Песнь о Нибелунгах», — сказала Женнихен.

— Приглашаю вас, сеньориты, сегодня вечером в прерии. Мы прочтем вслух что-либо из Купера или Майн-Рида. Не забудьте взять с собой лассо. Может быть, нам удастся поохотиться на диких лошадей, — прищурив глаза, с нарочитой серьезностью объявил Маркс.

— Наконец-то мы снова покинем сумрачный Лондон, — обрадовались Женнихен и Лаура.

Но таких беспечных счастливых часов у Маркса бывало немного.

Новый, 1860 год был не лучше для Маркса и его семьи, нежели его трудный предшественник. В феврале туманы подолгу не рассеивались над Лондоном. Казалось, никогда не пробиться солнцу сквозь их многослойную разъедающую пелену. Уныло гудели гонги и колокольчики, чуть виднелся свет фонарей на облучках карет и в руках прохожих. В смрадной, влажной, клейкой жиже, как в мясном наваре, пышно взрастали бациллы таинственных болезней. Карл часто хворал и, угрюмо склонившись над столом, работал с утра до поздней ночи. Перед сном он сказал Женни:

— Эккариус очень болен. В доме у него, как ты сама понимаешь, нет ни одного пенни. Представь себе горе его жены и детей: бедняге не на что купить лекарств. Чем бы мы могли помочь ему, родная?

Женни задумалась. Все ценное давно уже было в закладе. Денег также не хватало. Вдруг взгляд ее упал на единственное добротное платье, одиноко висевшее на вешалке.

— Я нашла выход, Чарли, — сказала она живо. — Мы поможем старине Эккариусу.

На другой день было заложено последнее «свободное» платье Женни, чтобы оказать помощь нуждающемуся другу. Карл сам отправился навестить Эккариуса и с нескрываемым

удовольствием вручил ему полученные в ломбарде деньги.

Снова клевета — эта смертельным ядом пропитанная стрела, крапленая карта, порождение подлости и лжи, испытанное средство политической борьбы не на жизнь, а на смерть буржуазии с коммунизмом — подобно зловонному желтому туману окутала Маркса.

В декабре появилась брошюра Фогта против Маркса. Профессор зоологии, казалось, собрал под переплетом своего произведения, как в чудовищном террарии, все виды пресмыкающихся и бросил им на съедение ни в чем не повинных людей. Подтасовывая факты, широко пользуясь клеветой и ложью, он распространял злобный и грязный вымысел о деятельности Союза коммунистов, который будто бы преследует только корыстный расчет и преступные цели и с помощью шантажа вымогает деньги для личного обогащения. Как восемь лет назад прусская полиция фабриковала несуществующие преступления для коммунистического процесса в Кёльне, так ныне Фогт выступил, вооруженный клеветой.

В феврале Маркс, наконец, получил из Германии провокационную книгу. Даже столь закаленный боец, как он, содрогнулся. В книге Фогта Маркс изображен главой шайки вымогателей, которая существовала тем, что грозила выдачей полиции всем принимавшим участие в революционной борьбе.

«Не одно, сотни писем, — дословно писал Фогт, — посылались в Германию этими людьми… с открытой угрозой разоблачить их причастность к тому или иному акту революции, если к известному сроку по указанному адресу не будет доставлена определенная сумма денег».

Подобными измышлениями пестрила вся книга. Фогт дошел до того, что обвинял Маркса и его единомышленников в фальшивомонетничестве.

Карл Маркс сколько мог скрывал от жены брошюру Фогта, зная, как она чувствительна к подобной клевете, но в конце концов Женни прочла ее.

— Есть мера вещей, мера даже лжи, но в этой чудовищной басне нет меры подлости, — сказала Женни, едва владея собой. Она была ошеломлена. Лицо ее пылало, глаза болезненно блестели. Несмотря на всю очевидную лживость, как это всегда бывает в клевете, для вящей убедительности рассказывались кое-какие подробности быта лондонской эмиграции. Очевидно, Фогт был осведомлен о жизни немецких изгнанников и состряпал на этом основании ядовитейшее блюдо.

— Нет более сомнения, Блинд был прав. Фогт состоит на

службе у бонапартистской клики, — сказал Карл после долгого, тяжелого раздумья. — Так писать могут только оголтелые продажные души. В честной борьбе есть ожесточение, но нет необходимости уподобляться взбесившемуся зверю.

Отвращение и ужас попеременно сжимали сердце Женни.

— Ни слова правды, какая зоологическая ненависть!

— Не только ненависть, но и зоологическая совесть, — вставил Карл.

— Он мстит, — продолжала Женни, — он мстит за то, что ты и Энгельс осмеяли его в «Новой Рейнской газете» за бесславную деятельность во франкфуртской говорильне. Но как, какими средствами сводит он свои счеты? Во время Кёльнского процесса на коммунистов обрушилась вся прусская полиция, а тут один человек.

— Ты ошибаешься, он не один. За его спиной банда 10 декабря и вся «елисейская братия».

Германская буржуазная пресса восторженно приветствовала книгу Фогта.

Бедность объединилась с клеветой и провокацией, чтобы сломить Маркса и его единомышленников, Ему стало ясно, что отвечать Фогту необходимо, хотя обычно он не был склонен обращать внимание на самую отборную брань. Печати, по его мнению, нельзя возбранять нападать на писателей, актеров и политиков. Но опытный глаз Карла распознал в этот раз, что целью Фогта было оклеветать и опозорить все коммунистическое движение. Карл взялся за оружие. Он считал также своим долгом разоблачить клеветника и очистить свое имя от грязи.

Много времени, здоровья, творческих сил, энергии пришлось отдать Марксу, чтобы разбить еще одного видимого врага, за которым стояла могущественная тщательно скрытая сила — французский цезаризм. И снова, как в дни Кёльнского процесса, из нищенской квартирки, где часто не было гроша, чтобы оплатить почтовые расходы, полетели письма, документы по разным городам Европы.

— Объясни мне, Чарли, что такое «серная банда», к которой, по словам Фогта, принадлежал ты, Люпус и другие? Я впервые слышу это мерзкое название.

Карл рассказал жене, что так называлось общество молодых немецких эмигрантов, которые в 1849 году поселились в Женеве.

— Знал ли ты кого-нибудь из этой компании? — спросила встревоженно Женни.

— Никого. Все, что сейчас ты от меня слышала, я сам на днях узнал в подробностях благодаря любезности некоего инженера Боркхейма, главы одного крупного предприятия в Сити. Я

познакомился с ним после того, как выяснил, что он десять лет назад имел отношение к этому злополучному кружку. Вот послушай кое-что из того, что он пишет мне:

«В 1849 году, вскоре после того, как мы, повстанцы, покинули Баден, несколько молодых людей оказались в Женеве, — одни были направлены туда швейцарскими властями, другие — по собственному выбору. Все они — студенты, солдаты или купцы — были приятелями еще в Германии до 1848 года или познакомились друг с другом во время революции.

Настроение у эмигрантов было совсем не радужное. Так называемые политические вожаки взваливали друг на друга вину за неудачу. Военные руководители критиковали друг друга за отступательные наступления… При таких-то печальных обстоятельствах указанные молодые люди составили тесный кружок…

Мы весело бражничали и распевали…

«Филистеры» — из числа так называемых буржуазных республиканцев, а также из рядов так называемых коммунистических рабочих — прозвали нас *серной бандой.* Иногда мне кажется, что мы сами так окрестили себя. Во всяком случае, применялось это прозвище к нашему обществу исключительно в добродушном немецком смысле этого слова…

Это единственная *серная банда,* которую я знаю, Она существовала в Женеве в 1849–1859 годах…»

— Я обязательно присоединю это письмо к своему ответу Фогту. Каждому станет тогда ясно, как далеки мы были от этих молодых людей, — сказал Маркс, и Женни, несколько успокоившись, одобрила такое намерение мужа.

Большим огорчением для Карла являлся отход Фрейлиграта от коммунистов. Поэт сблизился с Кинкелем и другими представителями буржуазных кругов эмиграции, которые привлекли его вначале лестью и захваливанием. Глубокая трещина пролегла в старой дружбе Маркса и Фрейлиграта. Поэт был одним из первых, кому Фогт прислал свое сочинение.

Маркс обратился к Фрейлиграту с письмом и, указывая, какое важное значение имеет ответ Фогту для исторического оправдания партии и для ее будущего положения в Германии, просил включиться в борьбу с клеветником.

Фрейлиграт не замедлил с ответом. Он заявил, что давно не считает себя состоящим в партии, и категорически отказался присоединиться к тем, кто выступал против Фогта.

Письмо Фрейлиграта после многих размолвок последних лет не удивило Маркса. Каким пигмеем казался поэт по сравнению с другими соратниками Карла по партии! Он откровенно искал

покоя и поддержки богатых, преуспевающих людей. Карл вспомнил название одного из стихотворений Фрейлиграта — «Наперекор всему».

«Итак, наперекор всему автор прощального слова «Новой Рейнской газеты» отказался публично вместе с нами выступить против негодяя», — подумал он с горечью.

Когда на человека обрушивается беда, то ему открывается тогда же и истинная сущность отношения к нему тех, кого он считал друзьями.

Много раз испытывала сама жизнь душевные качества окружающих Маркса людей, Фрейлигрaт пришел к нему в бою, на подъеме, но не мог выдержать проверки поражением.

Еще раз Маркс написал Фрейлиграту. Карл терпеливо разъяснил ему, что под словом «партия» вовсе не значился ни Союз коммунистов, ни редакция газеты, давно уже не существовавшие. «Под партией, — разъяснял Маркс, — я понимал партию в великом историческом смысле».

Маркс привлек Фогта к ответственности за клевету и решил выступить с разоблачающей его брошюрой. Борьба с Фогтом была еще одним этапом многосторонней и постоянной войны Маркса с бонапартистской идеологией, которая из Франции перекинулась в другие страны и заражала мелкобуржуазных демократов.

Оценил он по достоинству и политический смысл выступления Фогта.

«Суть ведь в том, — писал Карл Энгельсу 28 января 1860 года, — что банда имперских мерзавцев… и, наконец, либеральная банда употребляют все усилия, чтобы морально уничтожить нас в глазах немецкого обывателя… Во всяком случае — международные отношения столь сложны, что для вульгарной демократии и либерализма чрезвычайно важно закрыть для нас уши немецкой обывательщины (т. е. публики) и доступ к ней. К case[20] с Фогтом нельзя относиться так же, как к какому-нибудь Телерингу, Гейнцу и tutti quanti[21]. Этот чревовещатель считается в Германии научным светилом, он был имперским регентом, его поддерживает Бонапарт».

Карл принялся за отповедь клеветнику Фогту. Из ученого, открывавшего людям неведомые до ныне незыблемые законы, он превратился в бесстрашного бойца, неотразимого полемиста. Сарказм несет в себе разрушительную силу, и он вооружился им. Карл сумел сделать свою брошюру увлекательной. Он без труда отыскал в необъятной памяти литературный прототип для своего противника. Тучный, самодовольный, наглый и хвастливый профессор зоологии более всего напоминал шекспировского сэра

Джона Фальстафа. Фогт, по словам Маркса, «нисколько не убавился в веществе, в своем новом зоологическом перевоплощении».

Спутники всей сознательной жизни Карла, его самые близкие друзья также явились на помощь в этой справедливой борьбе. Много претерпевший от вражьей клеветы Данте, великий человековед Шекспир, остроумный Рабле, проницательный Кальдерон, трагический Шиллер и многие другие подсказали ему меткие, колкие слова и образы.

Маркс снова отдался творческой и боевой страсти. Где бы он ни был — с рапирой в руке на фехтовальной арене, среди книг и мыслей с пером за рабочим столом, на трибуне, — он проявлял бесстрашие, знания, живость, натиск, пылкость и целеустремленность.

Шли дни, недели, а Маркс большею частью сидел над книгами и рукописями. Перед ним часто лежала испещренная пометками книжка Фогта. На отдельных листках были выписки, которые следовало внести в книгу для контратаки.

«…в Лондоне шайка изгнанников… Их глава — Маркс… их лозунг — социальная республика, диктатура рабочих, их занятие — организация союзов и заговоров».

Карл, желая отдохнуть, звал свою маленькую дочь, и Тусси вприпрыжку, волоча куклу, врывалась к отцу, властно требуя исполнения ее желаний. Маркс сдавался.

— Ты должен рассказать мне ту сказку, которую начал давным-давно.

— Не про Ганса ли Рекле? — покорно спрашивал Карл и сажал Тусси к себе на колени.

— Ты все еще пишешь про этого гадкого Фальстафа? — спрашивала она, указывая на ворох бумаг и книг, лежавших на столе и стульях.

— Да, пишу, а ты, кажется, не любишь «Виндзорских проказниц»?

— Мне нравится «Сон в летнюю ночь». Но мы снова забыли про плутишку Ганса.

— У бедняжки опять очень запутаны денежные дела, — сказал Карл, притворно вздыхая. — Я боюсь, что ему придется продать свою чудесную лавку, где живет столько веселых игрушек, и оставить их всех на произвол судьбы. У него нет больше денег, чтобы кормить и одевать игрушки.

— Сделай так, чтобы он смог заплатить свои долги. Ганс Рекле ведь колдун, он все может, — просила Тусси жалобно. — Ну, куда же денутся, если он попадет в долговую тюрьму, все его деревянные куклы, великаны и карлики, королевы и короли,

стулья и ящики!

— Ты права, мой маленький карлик Альберих[22], у Ганса в лавке находятся также собаки, кошки, львы, голуби и попугаи. Их не меньше, нежели у старого Ноя в его сказочном ковчеге. И все же, несмотря на то, что Ганс добрый волшебник, его преследуют зеленщик, бакалейщик и особенно мясник и булочник. Сегодня я расскажу тебе удивительное приключение Ганса Рекле, когда он отправился к дьяволу, чтобы тот ссудил ему немного денег.

Ежедневно по утрам маленькая Тусси вместе с двумя старшими сестрами занималась гимнастикой, которую англичане называли калисфеновской. Все три дочери Маркса любили трудные физические упражнения. Они с наслаждением бегали взапуски, играли в мяч и соревновались в прыжках и лазанье по деревьям. Но никто не мог превзойти в этих занятиях Женнихен. Чрезвычайно гибкая, она упорными занятиями достигла в гимнастике подлинного совершенства и удивляла близких своей ловкостью. В свободные вечера дети демонстрировали такой трюк: сестры тщательно привязывали Женнихен веревками к стулу. Эта процедура длилась не менее четверти часа и сопровождалась веселой суетой. Руки, ноги, шею, голову девушки прикрепляли к высокой спинке и ножкам. К всеобщему изумлению, Женнихен в течение одной минуты, ловко изгибаясь, освобождалась, сбросив с себя веревку, опутывавшую ее, как сеть. Тусси тщетно пыталась подражать в этом старшей сестре.

Женнихен, которую с детства звали копией Маркса, была не только внешне, но и по складу ума похожа на своего отца. Жизнерадостная, настойчивая в достижении цели, она удивляла обширностью знаний, сообразительностью, полетом мысли и фантазии. Хорошая художница, она была также одарена большим актерским дарованием и превосходно декламировала. Низкий, грудной голос Женни был создан для сцены, как и вся ее незаурядная внешность. Она легко изучала языки и любила заполнять памятные тетрадки поэмами и стихами, записывая их в оригинале: Гёте, Шиллера, Гейне — по-немецки, Корнеля, Вольтера, Беранже — по-французски, Шелли, Байрона, Мильтона — по-английски, Кальдерона — по-испански и Данте, Петрарку и Тассо — по-итальянски. Шекспир был ее самым любимым писателем, и она не уставала находить в его творениях все новые и новые сокровища. Так же пылко и нежно любила Женнихен цветы. Она сама их выращивала, радуясь каждому новому бутону и листку. Из Голландии родственники отца присылали ей луковицы и семена разноцветных тюльпанов, серебристых нарциссов и редких растений далекой Индонезии.

Золотистоволосая Лаура к 17 годам стала совершенной

красавицей. Как и у Женни, ее духовный мир был многогранен и глубок, и она не искала для себя в жизни исхоженных и легких дорог. Обе старшие дочери стремились помогать отцу в работе и поочередно заменяли ему секретаря.

В одном из писем к Энгельсу их мать с мягкой иронией заметила: «Я думаю, что мои дочери скоро оставят меня без службы, и меня можно будет внести в список имеющих право на обеспечение. Жаль, что нет никаких видов на пенсию за мою многолетнюю секретарскую службу».

Большой радостью для Лауры был день, когда она получила билет на право посещения читальни Британского музея. С тех пор она часто сопровождала туда отца.

Маркс напряженно работал над памфлетом против Фогта. Как-то он получил письмо из Парижа от своего давнишнего знакомого Сазонова. Взволнованные слова русского были настолько значительны, что Маркс решил включить это письмо в один из разделов своей работы о Фогте.

Сазонов писал из Парижа в мае 1860 года:

«Дорогой Маркс!

С глубочайшим негодованием я узнал о клеветнических вымыслах, которые распространяются на Ваш счет и о которых я прочитал в напечатанной в «Revue Contemporaine» статье Эдуарда Симона. В особенности меня удивило то, что Фогт, которого я не считал ни глупым, ни злым, мог так низко морально пасть, как это обнаруживает его брошюра. Мне не нужно было никаких доказательств, чтобы быть уверенным, что Вы не способны на низкие и грязные интриги, и мне было тем более тягостно читать эти клеветнические измышления, что как раз в то время, когда они печатались, Вы дали ученому миру первую часть прекрасного труда, который призван преобразовать экономическую науку и построить ее на новых, более солидных основах… Дорогой Маркс, не обращайте внимания на все эти низости; все серьезные, все добросовестные люди на Вашей стороне, и они ждут от Вас не бесплодной полемики, а совсем другого, — они хотели бы иметь возможность поскорее приступить к изучению продолжения Вашего прекрасного произведения. Вы пользуетесь огромным успехом среди мыслящих людей, и если Вам приятно узнать, какое распространение Ваше учение находит в России, то я могу Вам сообщить, что в начале этого года профессор Бабст прочел в Москве публичный курс политической экономии, первая лекция которого представляла не что иное как изложение Вашего последнего труда. Посылаю Вам номер «Gazette du Nord», из которого Вы увидите, каким уважением окружено Ваше имя в нашей стране. Прощайте, дорогой Маркс, берегите свое здоровье и работайте по-прежнему, просвещая мир и не обращая внимания на мелкие глупости и мелкие подлости. Верьте дружбе преданного Вам…»

Усиленно помогали Марксу в работе над разоблачением Фогта Вильгельм Вольф и Энгельс. Фридрих тщательно просматривал все имеющиеся документы за 1850–1852 годы. Но в конце марта в связи со смертью отца от тифа он вынужден был оставить все дела в Манчестере и спешно отправиться в Бармен.

Раскрытие подлинной сущности выпада Фогта требовало от Маркса кропотливой, чисто следственной и юридической работы. Так некогда разоблачал он кёльнскую судебную провокацию. Шаг за шагом прослеживал он идейный путь бонапартистского агента Фогта. Грязь, которой попытался сей зоологический ученый замарать коммунистов, падала на самого провокатора. Карл располагал неопровержимыми доказательствами своей правоты и не сомневался, что нанесет Фогту сокрушительное, непоправимое поражение. Политическая карьера Фогта должна быть навсегда

кончена. Клевета всегда убийственна для клеветников, когда их разоблачают. Карл был подобен льву, растаптывающему лапой змею.

Ему приходилось очень много трудиться в эти месяцы. Чтобы иметь хоть мизерный заработок, Маркс писал для «Нью-Йоркской трибуны» статьи на злободневные темы. А писать было о чем.

Снова широко и победно развернулось национально-освободительное движение на Апеннинском полуострове. Отряды Гарибальди с боями двигались по Италии.

В эти же месяцы французские и английские войска свирепствовали в почти безоружном Китае. Они осадили Пекин и зверски разграбили величайший памятник китайской архитектуры — Летний дворец. Командующий французской армией генерал Кузен-Монтоблан ворвался со своими офицерами в императорскую резиденцию и принялся грабить прославленные китайские драгоценности, как самый отъявленный мародер и бандит. Затем он распорядился сжечь Летний дворец, что и было исполнено с вандальской изощренной жестокостью. Никто не пытался определить количество жертв среди китайского населения, так много их было. В октябре китайское правительство вынуждено было подписать предложенные союзниками условия, обеспечивавшие, помимо огромной контрибуции, свободный доступ европейцев во все города Китая.

Когда усмиритель и вор генерал Кузен вернулся в Париж и отдал императору часть награбленных сокровищ, тот внес предложение в законодательные органы о присвоении ему титула графа и назначении огромной пожизненной пенсии. Однако разбойничьи подвиги генерала возбудили столь сильное негодование во французском народе, что даже палата отказалась исполнить пожелание императора.

— Генерал свое вознаграждение привез из Китая, — заявили депутаты.

Наполеон в отместку палате распорядился, чтобы к военным издержкам, которые надлежало уплатить китайскому правительству, приписали еще около 600 тысяч франков в пользу командующего французскими войсками.

Маркс пытливо заглядывал во все уголки планеты. Он не замечал переутомления, исподволь подтачивавшего его, и черпал силы в неумеренно напряженном, всепожирающем умственном труде, который всегда был его стихией.

Книга о Фогте подошла к концу. Как это бывало всегда, Карл попросил Фридриха и Женни помочь ему окрестить новое свое детище. Энгельс, не задумываясь, предложил назвать памфлет «Господин Фогт», и Маркс согласился с ним.

Спустя несколько дней после этого разговора внезапно слегла Женни. У нее появились лихорадка и общее недомогание, боль в горле и резь в глазах, как это бывало обычно во время инфлюэнцы, столь частой в ноябре, когда Лондон с его непрерывными дождями, сыростью и яркой вечнозеленой травой становится похожим на огромный аквариум.

Женни тщетно попыталась превозмочь болезнь.

Решили прибегнуть к испытанным при простуде средствам. Ленхен напоила Женни горячим грогом, растерла с материнской нежностью и усердием теплым оливковым маслом ее грудь и спину и заставила надеть домотканые шерстяные носки, насыпав туда горчичного порошка. Но Женни не стало лучше. Лицо ее распухло, пылающие глаза начали слезиться, кожа приобрела странный пунцовый оттенок. Она совершенно потеряла сон и аппетит и впала в крайне возбужденное состояние, громко жалуясь на боль в пояснице, голове и горле. Карл послал за врачом.

— Мне холодно, точно я лежу на льду, — задыхаясь и дрожа всем телом, твердила Женни, но, когда ее пытались обогреть металлическими грелками, она отбрасывала их в сторону. — Жарко, душно, нечем дышать. Погасите камин, откройте окна, тело мое горит, как на угольях. Опустите шторы, мои глаза видят все в багровом свете, точно вокруг пожар. Ах, Чарли, теперь я знаю, как больно бывает твоим глазам.

Доктор Аллен отнесся к болезни Женни чрезвычайно серьезно. Он потребовал, чтобы тотчас же дети покинули дом. Вызванный Ленхен Либкнехт предложил увести девочек к себе и обещал окружить их родственной заботой. Маркс знал о стесненном его положении, обещал ежедневно отправлять семье Либкнехта необходимые Женнихен, Лауре и Тусси съестные припасы. Заботу об этом взяла на себя Ленхен. Когда врач предложил, опасаясь заражения, и ей отправиться вместе с детьми, она возмегодовала.

Доктор Аллен внимательно посмотрел на Елену Демут. Он постоянно лечил всех членов семьи Маркса и хорошо знал обо всем, что в доме делалось. Ленхен всегда нравилась ему. Она выглядела значительно моложе своих сорока лет и была очень миловидна. Стройная, белокурая, с чудесным румянцем на лице, умная и находчивая в разговоре, она легко могла выйти замуж и зажить своей семьей, но решительно отклонила несколько брачных предложений. В Женни, Карле и их девочках сосредоточился весь смысл ее жизни. И Аллен знал, что не в его власти заставить верного друга жены Маркса покинуть этот дом, как бы ни была велика опасность заражения тяжелой болезнью.

Елена и Женни горячо любили друг друга.

— Если я умру, — сказала Женни, — то похороните меня так, чтобы рядом оставалось место также для Карла и для тебя, Ленхен. Мы были неразлучны в жизни, пусть же наши бренные останки будут вместе в земле.

Аллен согласился оставить Ленхен в помощь Карлу, который не отходил с этой минуты от больной и старался быть самой терпеливой и внимательной сиделкой.

Со слезами на глазах Женнихен и Лаура покидали родителей. Глубокая грусть охватила всех. Карл вышел на крыльцо, чтобы еще раз поцеловать дочерей. Только проказница Тусси не понимала постигшего дом несчастья.

— До свидания, старина. Я скоро вернусь, ты доскажешь мне тогда сказку о Гансе Рекле, — сказала она.

Когда доктор Аллен дал последние наставления Ленхен и вышел из комнаты больной, Карл с нервно бьющимся, встревоженным сердцем, крепко сжав руки, обратился к нему с просьбой не скрывать правды о состоянии больной.

Врач с глубоким сочувствием смотрел на осунувшееся, болезненно-бледное лицо Маркса.

— В одном отношении дело обстоит лучше, чем вы думаете, — ответил он, — это не нервная горячка и рассудку госпожи Маркс ничего не угрожает, но в другом — приготовьтесь к худшему из того, что могло вас постигнуть. Очевидно, тяжелые переживания последних лет истощили организм вашей жены и где-нибудь — в лавке, в омнибусе, в толпе — она заразилась болезнью, весьма частой в прошлые века… черной оспой…

Где-то далеко-далеко снова зазвучала для Карла монотонная речь врача:

— Я сделаю госпоже Маркс, вам и почтенной мисс Демут по две прививки, как учил нас великий Дженнер. Надо надеяться, что вы оба еще не заразились.

Образ Женни навсегда запечатлелся в любящем сердце Карла, и какой бы она ни стала, для него она навсегда была единственной, незаменимой, прекрасной. Настоящая любовь не исчезает оттого, что идут годы, чередуются болезни, наступает старость и стирает краски, сушит кожу, прокладывает морщины, искажает черты, обесцвечивает волосы. Это неизбежность, на которой закаляется чувство. Внешнее разрушение не охлаждает истинной привязанности. Любовь всегда мудра.

Женни и Карл стали как бы единым физическим существом. И обоим им показалось бы странным даже самое предположение, что они могут разлюбить друг друга из-за поседевших волос,

рябин на лице или рубцов от нарывов.

Болезнь развивалась. Лицо Женни напоминало багрово-синий кровоподтек. По всему телу разлилась темно-красная мелкопятнистая сыпь.

Женни с трудом дышала, глухо кашляла и почти лишилась голоса, а затем и зрения.

На девятый день температура достигла возможного предела. Кожа больной покрылась как бы чешуей из темно-бурых пустул. Сознание Женни затемнилось, она металась и вскрикивала. Глаза ее непрерывно слезились, веки отекли.

День и ночь напролет Карл старался успокоить зуд, обмахивая воспаленную кожу Женни веером. Это не помогало. Она звала смерть. Сознание ее было снова ясным и тем более усиливало мучения. Карл и Ленхен силой удерживали ее руки, чтобы она не расчесывала лицо и тело. Догадавшись, чем именно болеет, Женни испугалась, что заразит оспой мужа, и начала умолять его поостеречься и не прикасаться к ней. Но Карл никому не доверял ухода за женой. Несколько ночей были поистине страшны. Женни не засыпала ни на мгновение, и отек гортани не давал ей ни есть, ни пить. Одышка все усиливалась, пульс слабел.

Болезнь достигла своего чудовищного апогея. Бесстрашная душа Карла дрогнула. Он подумал, что Женни обречена и погибнет. Чувство душераздирающего бессилия и отчаяния, как тогда, когда на его руках умирал маленький Муш, охватило его. Карл заплакал. Искаженное, бесформенное, бураково-фиолетовое лицо, заплывшие, незрячие глаза Женни были ему дороже всего на земле. Вряд ли он любил жену больше, когда красота ее изумляла. Без Женни не было жизни для Карла. Но он чувствовал всю свою беспомощность, оказавшись свидетелем единоборства со смертью самого любимого им существа.

Что предпринять? Чем помочь? Все было напрасно. Болезнь неумолимо шла своим чередом. Карл едва держался на ногах. Многодневная бессонница, постоянные опасения грозили тяжелыми последствиями. В дни наибольшего напряжения судьба пришла ему на помощь. У него разболелись два зуба. Дантист вырвал их столь неудачно, что в десне остались корни. Щека Карла распухла. Он потерял способность думать, все исчезло и растворилось в невыносимой боли.

Это неожиданное переключение спасло его от опасного психического напряжения точно так же, как оспа, по мнению доктора Аллена, предотвратила для Женни тяжелое нервное заболевание.

Женни начала медленно поправляться. Карл и Ленхен были оба так переутомлены, что пришлось нанять для нее сиделку.

Дети все еще жили у Либкнехтов. Несколько раз родители предлагали им переселиться в учебный пансион, однако Женнихен и Лаура отказывались, так как обе были атеистками и не хотели лицемерно исполнять обязательные в учебных заведениях религиозные обряды.

Карл и Женни переживали счастье возрождения. Они не могли наглядеться друг на друга и не замечали вынужденной из-за болезни изоляции от всего мира. Их вечно молодая любовь, пройдя через испытание и опасность, еще больше спаяла их.

Карл, радуясь, что жена спит целебным сном выздоравливающих, сидя подле нее, находил отдохновение в высшей математике и подолгу решал мудреные, сложные задачи. Каждые два-три дня он писал письма в Манчестер, где Фридрих Энгельс и Вильгельм Вольф с волнением ждали известий о ходе болезни.

Дни на Графтон Террас потекли обычной чередой. Но потрясения последней поры не прошли для Карла бесследно, он тяжело заболел и слег в постель.

Большой радостью были для него похвалы книге «Господин Фогт», которая вышла из печати и раскупалась в разных странах. Каин был заклеймен: Фогт получил удар, от которого никогда уже не оправился как политический деятель.

В течение четырехнедельного карантина в связи с оспой Карл, когда опасность для жизни Женни миновала, прочитал множество книг. Особенно заинтересовал и понравился ему недавно изданный труд Чарлза Дарвина «Происхождение видов». Он не замедлил поделиться своим впечатлением об этом необыкновенном произведении с Женни, а затем и с Фридрихом.

«…Эта книга дает естественноисторическую основу нашим взглядам», — писал он между прочим.

Энгельс приветствовал труд Дарвина как первую грандиозную попытку успешно доказать историческое развитие в природе.

Почти всю зиму 1859/60 года Маркс болел. Сырой, пронизывающий воздух английской столицы вызывал у него неудержимый кашель и боли в груди. Не имея денег на оплату счетов доктора, он лечился сам, старался не курить, пил лимонад и снадобья, приготовленные Ленхен, не выходил в туман из дому. Болезнь развилась, однако, настолько, что он не мог более писать. Всякое движение причиняло ему физические страдания. И все же он бодрился и шутил.

— Я столь же многострадален, как Иов, но не столь богобоязнен, — смеясь, говорил он.

По вечерам, после изнурительного дня, Карл отдыхал, читая

«Гражданские войны» Аппиана в греческом оригинале.

В конце января работа для «Нью-Йоркской трибуны», которая была главным источником существования семьи Маркса, из-за экономического кризиса и назревавшей войны Севера с Югом временно прекратилась.

Приостановилось и издание американской энциклопедии. В ней особенно часто под именем Маркса печатался Энгельс, а гонорар за эти статьи шел на Графтон Террас. Денежные возможности Энгельса были несколько ограничены. Эрмен после смерти Энгельса-старшего никак не соглашался признать право его сына на определенную долю доходов всей фирмы, Фридрих все еще числился конторщиком и получал небольшое жалованье.

Весной Маркс нелегально, с паспортом на имя Бюринга, решил отправиться в Германию. Он решил предпринять еще одну попытку основать газету, кроме того, он хотел снова попытаться вернуть себе прусское подданство.

Энгельс смог дать Марксу на поездку 30 фунтов и обеспечил оплату векселя на 20 фунтов, которые удалось получить у других лиц. Оставив часть этой суммы семье, Карл уехал из Англии. Он рассчитывал, не без оснований, на денежную помощь дядюшки в Голландии, управляющего имуществом его матери.

Маркс отправился в Берлин, где встретился с Лассалем, предложившим ему издавать совместно газету.

Карл подробно уведомил Энгельса об этом разговоре с Лассалем в полном иронии письме:

«…В качестве доводов за то, что ему необходимо вместе с нами стоять во главе дела, он привел следующие мотивы: 1) что общественное мнение считает его ближестоящим к буржуазной партии и что поэтому он легче достанет денег; 2) что ему придется пожертвовать своими «теоретическими занятиями» и своим научным покоем и что за это ему ведь нужна какая-нибудь компенсация etc. «Впрочем, — прибавил он, — если вы и не согласитесь, я все же буду готов и впредь, как до сих пор, помогать газете материально и литературно; для меня такое положение было бы даже удобнее: я имел бы все выгоды от газеты, не неся за нее никакой ответственности» и т. д. Все это, конечно, сентиментальные фразы. Лассаль, ослепленный тем успехом, который ему в кругу некоторых ученых приобрела его книга о Гераклите, а в другом кругу — в кругу паразитов — дали его вино и кухня, не знает, разумеется, какой дурной славой он пользуется среди широкой публики. Кроме того, его мания считать себя всегда первым; его пребывание в мире «спекулятивных понятий» (парень мечтает даже о новой гегелевской философии в квадрате, которую он собирается

написать); его зараженность старым французским либерализмом; его фанфаронский стиль, навязчивость, отсутствие такта и т. д. Лассаль мог бы быть полезен, как один из редакторов, при условии строгой дисциплины. А иначе он бы нас только осрамил. Ты понимаешь, конечно, что мне было очень трудно высказать ему все это прямо, после того, как он выказал мне столько дружбы. Я поэтому держался в рамках общей неопределенности и сказал, что не могу ничего решить, не переговорив предварительно с тобой и с Люпусом…»

Энгельс вполне разделял колебания Маркса, и они отклонили предложение Лассаля.

Берлин поразил Карла своей казарменной атмосферой, чванливым самодовольством и преобладанием военных мундиров над штатским платьем. На заседании палаты депутатов Карл, сидя в ложе журналистов, думал о том, что окружающее напоминает канцелярию и школу одновременно.

В крохотном зале на деревянных скамьях сидели депутаты, на которых бесцеремонно покрикивал председатель. Угодливо пресмыкался он перед развалившимися тут же в мягких креслах лож министрами бравого короля Вильгельма. Карл поражался бессловесной жалкой роли, которую соглашались добровольно играть тут «избранники» народа. Поведение председателя, воплощавшее лакейское нахальство, по мнению Карла, заслуживало не только сопротивления, но и доброй оплеухи.

Приятельница Лассаля, графиня Софи фон Гацфельд, несколько раз чрезвычайно почтительно принимала у себя Карла и однажды уговорила его, желая поддразнить королевскую семью, поехать с нею в театр. Король Вильгельм и его свита сидели в соседней ложе, и Маркс мог вдоволь наглядеться на правителя Пруссии, который отличался от многочисленной смиренной чиновничьей массы, заполнившей зал, только тем, что еще выше, чем другие, поднимал узкую, большую голову и сидел прямо, будто проглотил палку. Несколько часов подряд на королевской сцене шел весьма посредственный балет, и Марксу все показалось весьма скучным. В антракте графиня Гацфельд веером указывала Карлу на наиболее видных деятелей столицы.

«Экий хлев пигмеев», — не мог не подумать Карл, прислушиваясь и присматриваясь ко всему вокруг.

Из бывших друзей далекой университетской поры Маркс повидал Фридриха Кеппена, который жил замкнуто, одиноко, в пыльной большой квартире. Его уже нельзя было, как в молодости, называть йогом. Полнота придала ему представительность и разгладила морщинки на лице. Только в опустившихся линиях узкого рта и в выражении глаз сквозила

иногда грустная ирония.

Встреча друзей юности была сердечной, и они отметили ее доброй выпивкой. Весь вечер, наслаждаясь отличным вином и сигарами, Маркс и Кеппен вспоминали прошлое, как бы перевоплощаясь во времени и молодея; обсуждали также настоящее и особенно подробно и долго делились мыслями об Индии, которой оба горячо интересовались.

— Ты все еще ищешь в буддизме решения всех проблем? — спросил между прочим Карл. — Буддизм зовет к нирване и этим ослабляет в нас желание бороться за счастье и радость при жизни. Живая современная Индия чрезвычайно интересует меня уже давно. Тебе, верно, неизвестны мои статьи о ней, написанные, правда, несколько лет назад.

— Нет, к сожалению. Я очень хотел бы услышать твои мысли об этой дорогой моему сердцу стране.

— Индия кажется мне замечательной и по величию своего прошлого и, несомненно, будущего. Но пока что Джон Буль изрядно грабит, разоряет и жестоко эксплуатирует свою богатейшую колонию. Однако и здесь диалектика может служить ключом к пониманию многих мнимых загадок, — Карл затянулся сигарой, — вот тебе пример. Английская промышленная буржуазия стремится покрыть Индию железными дорогами исключительно только ради своих хищных замыслов, для того, чтобы удешевить доставку хлопка и другого сырья на свои фабрики. Но раз ввезены машины в страну, обладающую железом и углем, никто не сможет помешать народу этой страны вскоре самому производить такие же машины, например локомотивы. Появление железной дороги вызовет необходимость доставки других машин, и мы скоро увидим, как локомотив явится предвестником современной промышленности в этом сказочном далеком краю. А жители Индии, по признанию самих англичан, отличаются редкими способностями. Они усваивают с необычайной легкостью знания и отлично применяются к современным новым условиям труда. Им нетрудно будет управлять любой машиной, а впоследствии и создавать ее.

— Мне никогда не приходило это в голову. В моем сердце живет старая Индия, страна чудес, священных Вегг, баядерок.

— Я недавно снова много работал, изучая финансы Индии, которые, кстати, сейчас англичане привели в большое расстройство. Во всяком случае я уверен, что можно ожидать в более или менее отдаленном будущем возрождения этой великой и интересной страны. Я читал в «Письмах об Индии» князя Салтыкова, хорошо знавшего индийцев, что они даже в самых низших классах отличаются большей утонченностью и любовью к

прекрасному, нежели итальянцы. Да, у Индии поразительная стать и культура. Жители ее даже свою покорность уравновешивают каким-то особым невозмутитым благородством. Несмотря на природное долготерпение, они необычайно храбры. Брамин напоминает мне и осанкой и внутренним складом древнего грека, а то, что я узнал о племени джат, кажется мне чрезвычайно похожим на древних германцев.

— Да, да, ты совершенно прав, дорогой Маркс, и, как в нашей молодости, поражаешь меня своим проникновением в самую сущность предмета. Когда и как постиг ты Индию? Ты сыплешь мыслями с щедростью тучи, разливающейся животворящим дождем. Я убежден, что буржуазный мир в отличие от древнего не способен создать никаких ценностей для человечества.

— Это неверно, — сказал Маркс. — Напротив. Повторю тебе сделанный мною применительно к Индии вывод по этому вопросу. Буржуазный период истории призван создать материальный базис нового мира: с одной стороны — развить мировые сношения, основанные на взаимной зависимости всех представителей рода человеческого, а также и средства сношений; с другой стороны — развить производительные силы человека и при помощи науки обусловить превращение материального производства в господство над силами природы.

— Я должен подумать над тем, что ты сказал, — прервал Кеппен. После недолгого раздумья он попросил Карла продолжать.

— Изволь. Буржуазная промышленность и торговля создают материальные условия нового мира подобно тому, как геологические революции, извержения вулканов, землетрясения, наступления льдов и смена эр создали поверхность земли. После того как великая социальная революция овладеет всеми достижениями буржуазной эпохи, производительными силами и мировым рынком и подчинит их общему контролю, наступит расцвет. Человеческий прогресс не будет подобен больше кровожадному Молоху, который за каждое благодеяние требовал жертвы…

Далеко за полночь засиделся Карл у товарища своей юности.

На следующий день Маркс узнал, что ему, вероятно, будет отказано в восстановлении прусского подданства и тем самым возвращении на родину.

В Берлине Маркс после многих неудач установил связь с венской газетой «Пресса». Редакция обещала ему оплачивать статьи значительными суммами. Из Америки «Нью-Йоркская трибуна» запросила снова его корреспонденции. Карл воспрянул духом, надеясь, что отныне его семья перестанет терпеть

непрерывные бедствия, а он сможет, наконец, отдаться работе над книгой о капитале и труде.

Из прусской столицы Карл проехал в Кёльн. Он рассчитывал забрать оттуда большую часть своих книг, которые вынужден был оставить у врача Даниельса в 1849 году. Но Даниельс, брошенный в тюрьму, заболел чахоткой и после освобождения умер. Книги Карла пошли по рукам, и большинство их пропало. Безвозвратно исчезли сочинения Фурье, Гёте, Гердера, Вольтера, очень ценимое Марксом издание «Экономисты XVIII века», книги Гегеля и много других.

Совершенно равнодушный ко всяким ценностям и вещам, Маркс всегда очень дорожил своей библиотекой и не смог скрыть своего огорчения.

Из Кёльна Карл отправился в Трир, чтобы повидаться с матерью. Снова очутился он на берегу Мозеля, усеянном красными маками и бледно-лиловым вереском, взбирался на вершину горы Святого Марка, гулял по Симеонштрассе. Родной ветер играл его густыми волосами. Но были они сейчас не черными, как когда-то, а совершенно белыми, с тем особенным голубоватым отливом, который свойствен седине брюнетов.

Трир был прекрасен в убранстве весенних цветов. В укрытом маленьком дворике при доме Генриетты Маркс росли лавровые деревья. Карл обрадовался им, как старым друзьям. Сызмала любил он их цельные, блестящие темно-зеленые листья, нравился ему их ни с чем не сравнимый сильный аромат.

Карл осторожно сорвал ветку, любуясь декоративной красотой растения. Благоухающий лавр Аполлона воспевали поэты и писатели, он стал эмблемой почета. Римские генералы венчались, лавровыми венками и как символ победы поднимали их перед собой. Существовало поверье, что лавр защищен от молнии и предохраняет от болезней. Больше всех других деревьев Карл любил упругий лавр.

В комнате матери было душно и мрачно. Генриетте Маркс минуло уже семьдесят четыре года. Боясь простуды, она запрещала проветривать комнату и считала, что болезни — следствие свежего воздуха.

Из-за воспаления глаз она нуждалась в полутьме, и окна были затянуты темно-зелеными шерстяными портьерами.

— Дитя мое, — сказала Генриетта Маркс глухо и ласково, — я так рада, что дожила до встречи с тобой. Софи обещала распорядиться, чтобы к обеду приготовили форель. Ты ведь так любишь рыбу.

Карл ощутил прилив волнующего чувства нежности к матери и взял ее опухшую руку. Но рука уже не пахла, как много лет

назад, корицей и мускатным орехом. Пальцы, изуродованные в суставах, походили на оплывшие желтые свечи.

Старушка начала пространно описывать свои немощи. Говорила она смиренно и не жалуясь. Не было в ней больше ни сварливости, ни горячности. Даже скупость, отличавшая ее в былые годы, заметно уменьшилась.

— Кое-какие твои векселя я решила немедленно порвать. На том свете мне они все равно не понадобятся, да и тебе ведь не легко живется. Когда-то я мечтала видеть тебя богатым, но ты был своеволен и хотел жить только своим умом. Может быть, ты и был прав, да и вообще, кто знает, что лучше на свете? Сколько знатных и обеспеченных людей после революций и войн обеднели. По правде сказать, я ничего больше не понимаю в том, что делается на свете. К счастью, у меня на родине, в Голландии, живут тихо и степенно, и мои гроши у Лиона Филипса будут целы. В Германии я могла бы остаться нищей. Но, слава богу, дочери уже замужем, и мы прожили жизнь, не прося милостыню. Все, впрочем, в божьей воле.

Карл вспомнил рассказы сестер о чрезвычайной набожности матери и ее частых посещениях протестантской кирхи. Но не вера, а старость изменила ее к концу жизни, пришло сознание бренности всего того, что казалось ей столь незыблемым и ценным.

Карл молчал, изредка поднимая глаза на дряхлую старуху, которая смотрела на него с нежностью.

Генриетта погрузилась в воспоминания. Эта женщина олицетворяла его детство, наблюдала пробуждение его. личности. Она одна сохраняла в своей памяти его словечки, проказы. И Карл остро почувствовал неразрушимую связь с матерью, выпестовавшей его и некогда проводившей в жизнь. Прежнего многолетнего недовольства и досады на нее более не оставалось. Генриетта была разрушена старостью. Глядя на ее изборожденное морщинами лицо и сгорбленную фигуру, Карл испытывал острую жалость и томящую грусть. Такое чувство рождается в душе человека перед руинами или на пепелище родного дома.

Пробыв в Трире всего два дня, Карл собрался в Голландию. Он бывал в этой стране многократно и знал хорошо ее быт, нравы, песни и эпос.

Амстердам, несмотря на весну, встретил Карла холодным проливным дождем и серым туманом. Со всех сторон непрерывно доносился до него трудный, цокающий голландский говор.

Исстари этот город прозван Северной Венецией. Тихие каналы рассекают Амстердам во всех направлениях. Медленно движутся по ним барки и лодки с рыжими парусами, крепко

вываренными в дубильной воде. Красивы и разнообразны мосты, соединяющие маленькие островки, застроенные хмурыми домами в три-четыре яруса. По удивительно чистым улицам степенно проходят женщины в тяжелых пышных платьях и белых негнущихся рогатых чепцах. Проезжают малыши в колясочках, запряженных козлами и собаками.

Погостив несколько дней у своего двоюродного брата, образованного адвоката, весьма интересующегося теоретической юриспруденцией, в его зажиточном, благоустроенном доме на нарядной улице Кайзерграфт возле Западного рынка, Карл отправился в Зальтбоммель к брату своей матери, богатому купцу Филипсу.

В Голландии нет больших расстояний, и путь был недолог. Поезд шел по равнине. Вокруг были бесконечные поля, засаженные цветами. На длинных поливных грядках росли разноцветные тюльпаны, дефидоли, гиацинты, нарциссы — весьма ходкий товар национального экспорта.

В доме дяди ничто не изменилось с той поры, когда Карл юношей приезжал к голландским родственникам в первый раз. За обильным обедом велись бесконечные беседы о сбыте голландских товаров, о колебании цен на табак, сыр и пряности, о наглости Бельгии.

Карл отдыхал в кругу своих родственников. Часто он отправлялся на прогулки вдоль живописно обсаженного деревьями канала или усаживался на скамье близ дома Филипсов под большими каштанами у самой воды и принимался за чтение. Его обычно сопровождала резвая ватага мальчуганов. Где бы Маркс ни бывал, к нему всегда льнули дети. Их влекли к этому седоголовому человеку с густой окладистой бородой его задушевность, простота и особенное, проникновенное знание детской души. Как никто, он умел держаться с детьми на равной дружеской ноге.

Гражданская война в Соединенных Штатах чрезвычайно интересовала Маркса и Энгельса. Тщательно изучили они причину ее возникновения. Симпатии их были, естественно, на стороне северян, о чем они писали в своих статьях и письмах друг другу.

Борьбу против рабства негров Маркс и Энгельс считали кровным делом трудящихся классов. Рабство в южных штатах препятствовало успешному развитию рабочего движения за океаном. Покуда труд черных несет на себе позорное невольничье клеймо, не может быть свободным и труд белых. По мнению Маркса, идеологи рабовладельческого строя старались доказать, что цвет кожи не имеет решающего значения и трудящиеся

классы вообще созданы для рабства.

Война в Америке приняла затяжной и трудный характер. В связи с этим Маркс окончательно лишился своего постоянного заработка в «Нью-Йоркской трибуне». Но эта личная неудача нисколько не повлияла на его все возрастающий интерес ко всему происходящему в Новом Свете. Он от всей души желал победы северянам и неотрывно следил за развитием военных действий. Считая себя не особенно сведущим в военном деле, Карл постоянно расспрашивал Энгельса о значении событий на далеких фронтах, и Фридрих с глубоким, чисто профессиональным знанием дела подробно сообщал ему свои выводы и предположения по поводу военных действий в Америке.

— Ты отличный тактик и стратег, — сказал как-то Карл, когда Фридрих объяснял ему и Женни сложность войны внутри одного государства. Было это летом, когда Энгельсу на несколько дней удалось вырваться в Лондон.

Окна домика на Графтон Террас были настежь открыты. В палисаднике цвели жимолость и желтые ирисы. На рабочем столе Карла лежала большая карта Америки, и над ней склонились три головы: седая — Карла, темно-русая — Фридриха и каштановая, как бы чуть посыпанная кое-где пеплом, — Женни.

— Северяне допускают непростительную ошибку, — чуть заикаясь от волнения, объяснял Энгельс, — они не освоили еще методов ведения гражданской войны. Смотрите, как оголены их фланги. Необходимо немедленно ввести в дело вновь образованные корпуса, а вместо этого они вот уже больше месяца держат их на расстоянии почти что пятисот миль от поля боя.

Как всегда, дни, проведенные друзьями вместе, промелькнули с досадной быстротой. Фридрих уехал. Помчались письма из Лондона в Манчестер и обратно.

Венская газета «Пресса», на которую Маркс возлагал столь большие надежды, подвела его. Вопреки обещаниям она не только редко печатала его статьи, но к тому же платила только за одну из пяти.

Несмотря на то, что Маркс и его семья уже не раз находились на краю бездонной нищеты, 1862 год грозил стать для них еще более катастрофическим, нежели все предыдущие.

«Если он будет походить на старый, то, по-моему, пусть идет к черту», — писал Карл в Манчестер в конце декабря.

Новый год оказался действительно хуже того, которому пришел на смену. Снова над домиком № 9 по Графтон Террас нависли унизительные лишения и угроза долговой тюрьмы. Прекращение сотрудничества в «Нью-Йоркской трибуне» тяжело сказалось на жалком бюджете Маркса. Долги росли. Семья из

шести человек требовала больших расходов. Энгельс посылал непрерывно, но небольшие суммы, так как сам был денежно все еще не устроен.

Вещи Карла, Женни, всех детей и даже Ленхен были давно заложены в ломбарде. Не было больше денег не только на то, чтобы оплачивать взятый в лучшие времена напрокат рояль, но и рассчитаться с мясником и булочником. Попытка расплатиться с одними долгами влекла новые. Нужно было изловчаться, хитрить, просить об отсрочках, чтобы предотвратить выселение из квартиры и накормить детей. Здоровье Карла было надорвано. Тело покрылось карбункулами, начались тяжелые недомогания, связанные с застарелой болезнью печени. Раздражительность возрастала тем больше, чем мучительнее тянуло его к работе над продолжением книги по политической экономии. Нищета порождала горестные вспышки.

Нередко день начинался с подсчета долгов, не терпящих отлагательств с оплатой.

Нервы Женни больше не могли выдержать непрерывного напряжения. Она часто плакала и теряла самообладание. Как-то в комнату родителей вошли Женнихен и Лаура. Лица девушек были необычно серьезными и решительными.

— Я достаточно взрослая, чтобы помогать своей семье, — сказала Женнихен. — Вы не захотели зимой, чтобы я поступила в театр. Это к тому же оказалось нелегко, да и не знаю, достаточно ли я талантлива, чтобы быть на сцене. Теперь мы обе — ведь Лаура всего на год моложе меня — решили искать место гувернанток.

— В этом нет ничего плохого, — вмешалась Лаура, — нам пора зарабатывать. Пожалуйста, Мавр и мамочка, не возражайте.

— Нет, нет, — в слезах ответила Женни, — вы обе еще так молоды, вам надо учиться. Я знаю, чем помочь. Разреши мне, Чарли, продать твою библиотеку.

Карл любил и привык к своим книгам. Они были всегда его послушными и верными помощниками, со многими из них он странствовал с юности. Не признавая фетишей и не привязываясь к вещам, Карл делал исключение только для книг. Книги были для него насущной необходимостью, такой же, как хлеб и вода. Как ни было ему тяжело, Карл согласился на то, чтобы жена продала библиотеку. Однако не нашлось покупателя.

Энгельс пришел на помощь другу и его семье, выслав деньги, и на короткое время обитателям дома № 9 на Графтон Террас стало легче жить.

В Лондоне было, как никогда, шумно в это лето. Позади Хрустального дворца вырос квартал наскоро построенных на

одном из пустырей павильонов. В июне там открылась Всемирная промышленная выставка. Вереницы карет, наемных кебов, толпы людей направлялись со всех сторон столицы посмотреть все то, что было привезено из разных стран напоказ, ради купли, продажи и рекламы.

В июльские дни на Графтон Террас прибыло коротенькое письмецо. Лассаль извещал о своем приезде в Лондон на Всемирную выставку и обещался быть в тот же вечер. Узнав об этом, Женни разволновалась и засуетилась. Ей не хотелось, чтобы Лассаль заметил, какая нужда господствовала в ее доме. Лаура и Женнихен побежали в цветочный магазин, и скоро маленькая столовая на Графтон Террас совершенно преобразилась. Женни достала из комода недавно выкупленные из ломбарда старинные скатерти шотландской работы и кое-что из посуды. Она внимательно осмотрела дочерей. Молодость и свежесть служили им великолепным украшением. Женни принарядилась, набросив материнскую кружевную шаль поверх старого поношенного платья. Лассаль вовсе не заметил следов бедности в этом гостеприимном, приветливом семействе.

С тех пор как в начале века лорд Дэнди посвятил всю свою жизнь возведению в культ мужского туалета и приобрел много последователей, Англия считается первой страной по искусству наряжать мужчин. Лассаль, и до этого щеголь, приехав в Лондон, отправился на Бонд-стрит, где приобрел все самое модное, начиная от зонта, превращающегося в трость, и кончая сюртуками и шляпами всех фасонов.

Надушенный эссенцией лаванды, блестящий, как его цилиндр, Лассаль обнял Карла, называя его «дорогим другом», затем красиво склонил перед Женни и ее старшими дочерьми густо смазанную душистым маслом голову.

— Ничего не поделаешь, нужно всегда выставлять себя богатым человеком, это все идет на пользу нашему общему делу. Деньги при всей мерзости, которую они порождают в руках буржуа, великая сила, когда они в кармане социалиста. На днях одно дельце обошлось мне в пять тысяч талеров. Что же, потери неизбежны, когда приходится быть также дельцом. Хорошо тебе, Карл. Ты занят только теоретической работой и поэтому свободен. Я же и теоретик и практик. Ну, подумайте сами: с одной стороны — моя внешняя форма…

— Да, ты похож на прирожденного барона, — сощурив глаза и не глядя на Женни, чтобы не рассмешить ее, сказал Карл.

— Кому, как не тебе, имеющему жену баронессу, знать это, — сказал весьма довольный Лассаль, так и не заметив насмешки в тоне Маркса. — Вы ведь знаете, — продолжал он, — что я посетил

Цюрих. Это была поистине триумфальная поездка. Рюстов, Гервег и много других замечательных людей приветствовали меня. Затем Италия. Я дал немало советов Гарибальди. Результаты тотчас же сказались. Кстати, вы, — надеюсь, уже прочитали моего «Юлиана Шмидта»? Мне не хочется повторять всего, что говорится в разных сферах об этой вещи. Не хочу показаться нескромным, но факт остается фактом. Я мог бы возгордиться, если бы не был от природы защищен от тщеславия мудростью. Но все-таки трудно удержаться, когда почтенные и вполне искренние люди постоянно трубят тебе, что ты великий ученый, мыслитель.

Лассаль встал, он был в упоении. Голос его звучал неестественно, он некрасиво размахивал руками, прохаживаясь по комнате. Всем стало неловко, но он этого не замечал.

Лассаль бесцеремонно отнимал у Карла его время, утомляя неуемными разглагольствованиями о себе, своих достоинствах и преуспеянии. Как-то он явился, когда Женни была одна дома, и тотчас же доверил ей под величайшим секретом свои сугубо важные дела мирового значения.

— Вам, мадам, как весьма незаурядному человеку, я могу признаться, что благодаря именно мне, моему неоспоримому убеждению Гарибальди не пошел на Рим, а отправился в Неаполь. Я убедил его стать там диктатором, но не затрагивать при этом интересов сардинского короля Виктора Эммануила. Затем по моему же совету старый полководец должен собрать народную армию, чтобы двинуть ее на Австрию. Вы понимаете, что это означает для Германии? Свободу. Я полагаю, что Гарибальди соберет без всякого труда не менее трехсот тысяч добровольцев. После этого особый корпус переправится на Адриатический берег, в Далмацию и поднимет восстание в Венгрии. Это будет грандиозно, уверяю вас.

Лассаль подробно описал Женни свой план, который, по его словам, он как представитель немецкого революционного рабочего класса представил не только Гарибальди на острове Капрера, но и в Лондоне теперь самому Мадзини.

— Вы, верно, очень устаете от столь больших и ответственных дел? — с едва уловимой иронией спросила Женни.

Лассаль не заметил насмешки в тоне собеседницы и ответил важно:

— Еще бы!

Женни поспешно отвернулась, чтобы гость не видел ее лица. Она беззвучно смеялась. Ей, как и Карлу, Лассаль стал смешон.

Ленхен презирала его не только за самоуверенность и самовлюбленность, но и за эгоизм и обжорство.

Целыми часами Лассаль просиживал на Графтон Террас,

часто к отчаянию всех обитателей маленького дома, которых он отрывал от занятий. Нередко Карл и Женни открыто высмеивали ни на чем не обоснованные политические прожекты Лассаля и его утомительную спесь.

— Я разработал до мелочей и предложил поход от Падуи на Вену с целью выбить оттуда Габсбургов. Гарибальдийский полковник Рюстов одобрил мой план и согласился с тем, что все это осуществимо. Мы освободим Германию таким же образом.

— В таком случае, — щурясь, заметил Маркс, — полковник Рюстов тоже выжил из ума.

— Ты хочешь сказать, что я настаиваю на нелепости, что я глуп? — рассвирепел Лассаль, вскочив со стула и побагровев. Затем он произнес с апломбом, взмахнув при этом кудлатой негритянской шевелюрой: — Я напрасно горячусь. Ты, Карл, живешь в мире абстракций, и я прощаю тебе, ты ничего не смыслишь в реальной политике.

— Однако то, что вы теперь постоянно проповедуете, весьма напоминает мне статьи некоторых просвещенных бонапартистов, — поддела гостя Женни.

Чем больше Маркс и его жена высмеивали «теории» Лассаля, тем сильнее было его бешенство и все меньше находил он защитных аргументов. Напористость и многословие не имели никакого успеха на Графтон Террас.

— Если бы мы не были в таком ужасном положении и этот субъект не забирал у меня так много времени и тем не мешал работе, он доставил бы мне истинно царское развлечение. Жаль, что Фридриха нет с нами. Послушав и повидав Лассаля, он запасся бы материалом для смеха по крайней мере на целый год, — сказал как-то Карл, когда поздно вечером остался, наконец, после многочасовой беседы с Лассалем наедине с женой.

— Я очень устаю от его постоянной похвальбы и противных манер откровенного карьериста, — ответила Женни.

Перед отъездом из Лондона Лассаль еще раз зашел к Марксу, чтобы поделиться очередным замыслом.

— Я, быть может, вскоре создам-таки свою газету, — сказал он, бесцеремонно рассевшись в единственном кресле за столом Маркса, в то время как тот расхаживал по комнате. — Я предлагаю тебе, Карл, быть участником этого грандиозного предприятия. Что ты думаешь об этом, дорогой друг?

Маркс мельком глянул на Лассаля и ответил равнодушно:

— Я охотно стану английским корреспондентом твоей газеты, не принимая на себя, однако, никакой ответственности. Политически, как я не раз тебе уже говорил, мы решительно ни в чем не сходимся, кроме некоторых весьма отдаленных конечных

целей.

На этом разговор оборвался.

Поглощенный самим собой, мотовски тративший на себя деньги, безотказно предоставляемые ему графиней Гацфельд, Лассаль долго не замечал нужды, в которой жили Маркс и его семья. Когда же он понял, что из-за американских событий Карл остался без всякого заработка и находится в критическом материальном положении, то с обычной напыщенностью предложил юной Женнихен место компаньонки у графини Гацфельд в Берлине. Маркс едва стерпел это проявление бестактности и наглости. Узнав, что Марксу грозит выселение из квартиры, Лассаль согласился ссудить его небольшой суммой под вексель при условии, если Энгельс даст поручительство. С горечью согласился на это Карл.

В конце лета Маркс получил постоянный пропуск корреспондента венской газеты на Всемирную промышленную выставку в Лондоне.

Наконец Карл, Женни и их дочери смогли отправиться туда, куда в эти дни устремлялись толпы людей всех сословий. Всемирная промышленная выставка привлекла к себе посетителей из всех стран Европы. Лондон был переполнен приезжими. Газеты посвящали целые полосы описанию павильонов, индустриальных товаров и знатных особ, прибывших на остров.

Дамы, затянутые в тугие корсеты, в пышных кринолинах на металлических обручах, с плоскими шляпками поверх локонов, напоминали большие опрокинутые цветные бокалы. Их юбки едва умещались в каретах, шарабанах и омнибусах, непрерывно подъезжавших к украшенной разноцветными флагами арке у входа на выставку. Из совершенной по акустике оркестровой раковины неслись по всей площади выставки звуки симфонической музыки.

— «Травиата»! — обрадовалась Лаура. — Не правда ли, нет ничего лучшего в мире звуков, чем Верди?

— Есть, — ласково ответила ей мать, — бессмертная музыка Рихарда Вагнера. Ничто не может сравниться с «Тристаном и Изольдой».

Карл предложил начать осмотр выставки с индустриального павильона. Он очень интересовался технологией металлов, посещал лекции, знакомился с практическим курсом машиностроения, делая множество выписок. Пытливо и внимательно объяснял жене и дочерям их назначение и историю. Его интересовала каждая деталь и особеннно технические новинки.

— Посмотрите на эти великолепные послушные орудия труда, — говорил он увлеченно. — Здесь можно воочию убедиться в том, что если оставить в стороне изобретение пороха, компаса и книгопечатания — то, что послужило предпосылкой современного буржуазного прогресса, — все в индустрии началось с изобретения часов и ветряной либо водяной мельницы.

— Как же так? — удивилась Женни. — Что общего у этих машин с часами?

— А откуда взялась водяная мельница? — спросила Лаура.

— Она попала в Рим из Малой Азии во времена Кай Юлия Цезаря, — ответил Карл. — Несомненно, что именно часы подсказали в восемнадцатом веке изобретение автоматов в производстве. Все в индустрии началось с заводных и пружинных механизмов и от мельницы с зубчатой передачей и прочими деталями. Взгляните на этот механический молот или на тот огромный пресс. Как и в мельнице, в этих удивительных машинах все процессы производятся без непосредственного человеческого труда. Другое дело — источники энергии. Но, я вижу, вам скучно, мои дорогие.

— Нет, что ты, Мавр, — возразила скорее из любви к мужу, чем из подлинного интереса к индустрии, Женни.

Карл с восхищением наблюдал за электрическим локомотивчиком, ведущим длинный состав, за неуклюжим двигателем и светильником, которые должны были прийти на смену газовым фонарям.

Посещения выставки были не часты. Семье Маркса не хватало самого необходимого. Карл мучительно искал способа, как бы вырваться из создавшегося безвыходного положения.

Он решил поступить служащим в железнодорожное общество. Голландский адвокат Филипс имел большие знакомства в Лондоне и взялся походатайствовать за своего двоюродного брата. В одно обыкновенное сырое сентябрьское утро, надев сюртук, шляпу, вооружившись большим дождевым зонтом, Карл пошел наниматься на работу. Он произвел хорошее впечатление на почтенного управляющего канцелярией.

— Видите ли, в нашем деле все решает почерк, — сказал тот важно. — Ваше дело — бумаги. Приходилось ли вам, мистер Маркс, писать?

Карл ответил, что случалось.

— Вот текст. Прошу вас переписать его с возможной тщательностью и четкостью.

Карл отошел к соседнему столу и принялся списывать документ. Он старался во много раз больше, нежели на уроках

чистописания в гимназии Фридриха Вильгельма, осторожно выводил буквы, пытаясь сделать их разборчивыми и красивыми. Ему показалось, когда он закончил это испытание, что никогда он не достигал такого каллиграфического совершенства. На лбу Карла выступил пот. И, однако, выражение презрения и негодования появилось на лице канцелярского начальника.

— Мистер Маркс, я грущу о вас. Человек с таким почерком обречен в Англии, если он не наследный лорд, на жалкое существование. О чем думали ваши родители и вы сами? Готов держать любое пари, что для того, чтобы разобрать хоть одно ваше слово, нужны ученые, расшифровывающие древние письмена на камнях. Сожалею, но мы не можем предоставить вам никакого дела.

Карл вернулся домой крайне удрученный. Но как бы ни было тяжело у него на душе, он отдавался весь работе и быстро находил в ней удовлетворение.

В эти поистине кошмарные дни, критически анализируя труды Рикардо, Маркс в «Теориях прибавочной стоимости» развивает свои выводы о капиталистическом накоплении и экономических кризисах. Ничто не могло помешать его мозгу творить и делать величайшие открытия.

Несмотря на все тяготы и заботы по дому, Женни постоянно выполняла секретарские обязанности. Нелегко было переписывать рукописи Маркса, почерк его был крайне неразборчив. А когда он диктовал, трудно было успевать записывать. Это было ответственным делом и требовало, как и ответы на письма, основательных знаний. Такт и деловитость Женни были поразительны. Она нередко вела вместо Карла различные переговоры с типографиями и издателями. Чтобы добиться в Париже издания на французском языке трудов Карла, Женни решила сама отправиться на континент, в страну, откуда ее когда-то выслали. Однако невезение, которое могло бы вызвать немало мистических страхов у суеверных людей, преследовало ее на всем протяжении этого короткого пути Сперва корабль попал в сильную бурю и случайно уцелел, в то время как другое судно поблизости пошло ко дну. Локомотив поезда, в котором находилась жена Маркса, испортился и долгое время простоял в пути. Свалился омнибус, в котором она ехала по улицам Парижа. Когда Женни пересела в наемный кеб, тот столкнулся с другим экипажем. Знакомого, ради которого она предприняла это путешествие, как раз перед ее приездом хватил удар.

В это же время Маркс в Лондоне пережил немало волнений. Младшая сестра Ленхен, Марианна, приехала погостить в семью Маркса и серьезно заболела. Целую неделю Карл и Ленхен

выхаживали ее попеременно. Но ничто не помогло. За два часа до возвращения Женни из злополучного и безрезультатного путешествия во Францию Марианна скончалась от разрыва сердца.

В дом, не видевший давно ни одного беспечного дня, вошло еще одно несчастье. Марксу пришлось влезть в новые долги, чтобы добыть необходимые деньги на погребение Марианны. Таковы были рождественские каникулы в доме № 9 на Графтон Террас.

Карл постоянно заботился о своих соратниках и готов был отказать своей семье в самом необходимом, лишь бы помочь нуждающемуся товарищу. В эти дни нагромождения неудач он писал Энгельсу о том, что у их соратника, коммуниста Эккариуса, от скарлатины умерли один за другим трое детей и сам Эккариус находится в нужде. «Собери немного денег среди знакомых и пошли ему», — просил друга Карл, хотя в это время в его доме не было ни угля, ни провизии и лавочники наотрез отказывали ему в кредите.

Лассаль настойчиво требовал выплаты ничтожно малой денежной суммы, которую дал Марксу под вексель. С большим трудом расплатился с ним Энгельс, снова спасши этим Карла от неминучей беды.

Мэри Бернс внезапно умерла. Вечером, в ночь смерти, она выглядела здоровой, цветущей, как в ранней молодости. Фридриха не было дома, и Мэри рано ушла в свою комнату, чтобы лечь спать. В полночь младшая сестра Лицци нашла ее уже мертвой. Энгельс узнал о случившемся только утром следующего дня. Помимо общей квартиры с Мэри, Фридрих снимал также отдельно две комнаты. Он принимал там по делам фирмы посторонних ему людей и своих немногочисленных, не всегда симпатичных ему родственников, часто наезжавших в Манчестер.

Смерть Мэри потрясла Энгельса. Он чувствовал, что с этой горячо любившей его женщиной хоронит последнюю частицу своей молодости. Мэри Бернс была добродушна, остроумна и на редкость приветлива. С ней Фридрих отдыхал и чувствовал себя освеженным и набравшимся сил. Она никогда ничего не требовала и ни о чем не расспрашивала.

С тех пор как судьба свела их в этом же Манчестере почти двадцать лет назад, Мэри привязалась к Фридриху всем своим простым, бесхитростным сердцем и через всю свою жизнь пронесла непрерывно возраставшее беспредельное чувство. Она нашла в Фридрихе свое счастье и благодарила случай, давший ей, маленькой скромной работнице из порабощенной Ирландии,

такого необыкновенного, доброго, чуткого мужа и друга. Энгельс понял возле ее гроба, что лишился огромной, совершенной по силе и чистоте любви. Мир для него, казалось, опустел. Сердцу стало холодно, одиноко.

Всегда мысль о ее огромном чувстве вызывала в Энгельсе нежность. Но, только потеряв жену, он понял, как она была ему дорога и сколь велика была и его привязанность к ней.

Огромная выдержка помогла Фридриху внешне не выразить своего смятения и отчаяния. В поисках душевной опоры он тотчас же написал Карлу. Тяжесть свалившегося неожиданно горя была так сильна, что нужно было плечо друга, чтобы устоять.

Письмо Энгельса, однако, попало в накаленную другими бедами атмосферу. Когда Карл, вскрыв конверт из Манчестера, сообщил о смерти Мэри, вся его семья была вначале потрясена этим неожиданным известием. Но в тот день до вечера в рабочей комнате Карла просидел судебный пристав, присланный домовладельцем. Перехватив на крыльце Женни, мясник представил ей опротестованный вексель. В нетопленной комнате верхнего этажа уже несколько дней лежала в постели больная Лаура. Женнихен и Тусси давно не выходили из дому, так как не имели ни одежды, ни обуви.

Оставшись только поздно вечером один, Карл взялся за перо.

«С моей стороны, — писал Карл в Манчестер после нескольких слов соболезнования по поводу смерти Мэри и описания подробностей своего критического положения, — ужасно эгоистично, что я в такой момент занимаю тебя такими horreurs…[23] у себя дома я играю роль молчаливого стоика, чтобы уравновесить бурные взрывы с другой стороны».

Прочитав письмо Карла, Фридрих почувствовал себя глубоко обиженным и огорченным. Мэри еще не была похоронена, а друг не нашел для него слов утешения и сочувствия. Впервые омрачилась светлая дружба этих людей.

Энгельсу было особенно больно оттого, что в эти тяжелые дни Карл не проявил к нему достаточного участия. Он высказал это в письме.

Глубоко огорченный Маркс поспешил объяснить, как сложившиеся неудачно обстоятельства привели их к тяжелому недоразумению, и просил извинить и понять его. Одновременно он сообщал о своем решении резко изменить образ жизни, объявив себя банкротом и несостоятельным плательщиком, чтобы избавиться от кредиторов и судебного преследования. Он намеревался также уговорить Ленхен Демут поступить на другое место и хотел подыскать места гувернанток старшим своим дочерям. Сам Карл с Женни и Тусси думал переселиться в один

из казарменных домов, построенных для бедняков столицы.

«В школу я на новую четверть послать детей не могу, так как я не уплатил еще по старому счету, да и кроме того, они в недостаточно презентабельном виде.

Благодаря изложенному плану я надеюсь, по крайней мере без всякого вмешательства третьих-лиц, вновь иметь покой», — писал Карл в своем исповедальном письме и, верный себе, своей постоянной жажде знаний и творчества даже в столь мрачных обстоятельствах, заканчивал:

«В заключение нечто с предыдущим не связанное. Подходя к главе своей книги, трактующей о машинах, я оказался в большом затруднении. Мне никогда не было ясно, в чем сельфакторы изменили процесс прядения, или, точнее, так как применение пара уже давно было известно, в чем выражается вмешательство движущей силы прядильщика, помимо силы пара? Был бы рад, если бы ты мне это разъяснил».

В другом письме по поводу размолвки Карл подробно объяснил, как могло возникнуть это тягостное недоразумение.

«Могу тебе теперь также прямо сказать, что, несмотря на весь тот гнет, под которым я жил все последние недели, ничто меня и в отдаленной степени так сильно не угнетало, как боязнь, что в нашей дружбе образовалась трещина…»

Письма Маркса полностью устранили то, что причинило боль обоим друзьям. Фридрих, однако, признался, что его мучила мысль о возможности потери вместе с Мэри также и самого лучшего своего друга.

Эта печальная размолвка была единственной во всей истории дружбы Карла и Фридриха.

С помощью сложной и необыкновенно рискованной деловой комбинации Энгельс собрал 100 фунтов и отправил их в помощь Марксу. Одновременно Эрнест Дронке, бывший член редакции «Новой Рейнской газеты» и многолетний друг Маркса, ставший ныне богатым купцом в Ливерпуле, согласился под поручительство Энгельса ссудить ему 250 фунтов стерлингов. Деньги эти впоследствии выплатил также Фридрих.

С 350 фунтами на руках Карл, наконец, смог расплатиться со всеми долгами, закупить для семьи необходимое и приняться за работу над «Капиталом».

В конце 1862 года прекратилась переписка между Лассалем и Марксом. Лассаль продолжал упорно внушать рабочим мысль о возможности мирного преобразования прусского юнкерского государства в свободную, управляемую народом Германию. Для этого он рассчитывал договориться с королем о всеобщем

избирательном праве и организации производственных товариществ.

Фердинанд Лассаль, как никогда, обольщался собственными успехами. В Берлине, в Ораниенбургском предместье, в квартале машиностроительных рабочих он выступил с речью, которую горячо одобрила графиня Софи фон Гацфельд, сидевшая в первом ряду в шляпе, утыканной разноцветными страусовыми перьями. Она не опускала лорнета, любуясь своим другом, защитником, своим «Буддой» — Фердинандом.

Лассаль прохаживаясь по маленьким подмосткам, отбрасывая рукой в перстнях мелкозавитые черные волосы, великолепно одетый, держался важно и самоуверенно.

— Рабочие, вы можете отдаться историческому развитию с личной страстью! Пусть же нравственная строгость охватит все ваше существо, пусть ваша жизнь станет достойной этой строгости. Пороки угнетенных, праздные развлечения людей не мыслящих, даже невинное легкомыслие ничтожных — все это теперь недостойно вас. Вы рабочее сословие. Вы скала, на которой зиждется церковь настоящего.

Все, что Лассаль говорил далее в лекции, названной им «Программой работников», было грубой вульгаризацией «Манифеста Коммунистической партии» и других произведений Маркса и Энгельса, ставших к этому времени широко известными. Погоня за красивостями речи была так велика у Лассаля, что ради цветистости фразы он, сам того не замечая, часто лишал ее смысла и говорил смешные и нелепые вещи.

Лассаль оглушал красноречием, лишенным вкуса и нередко — ума. Не мысль, а слова пленяли его. Он жаждал славы. Быть первым повсюду и во всем — таков был девиз этого не лишенного дарований и, главное, обладавшего великолепной памятью человека. Не будучи по рождению ни богатым, ни знатным, он должен был пробиваться в жизни без чьей-либо поддержки и делал это мастерски.

Бракоразводный процесс графини Гацфельд, который Лассаль, не будучи юристом, вел много лет с необычайной изворотливостью и упорством, принес ему знакомства в среде немецкой знати и репутацию неподкупного защитника слабых. Выиграв дело, он получил большие деньги и вечную преданность влиятельнейшей придворной дамы. Ловкий, пронырливый, болтливый, чрезвычайно суетливый, он возомнил себя способным возглавить германское рабочее движение, грозившее власть имущим. С азартом игрока бросился Лассаль к намеченной цели. Графиня Гацфельд помогала ему во всем и прощала ему многочисленные измены.

Лассаль оценивал людей часто только по тому, как они относятся к нему. Хорошими были те, кто восхищался им. Беспристрастье было ему чуждо. Он враждовал с каждым, кто его критиковал и осуждал.

Тщеславный тщеславен во всем. Успех ли это в деле, творчестве, у женщин или у случайных прохожих — ему все равно. Это низменное свойство обладает способностью смещать в человеческом сознании все масштабы. Честолюбец не различает степени успеха, он наслаждается и требует одобрения от достойных и недостойных, значительных и ничтожных.

Лассаль решил возглавить движение по организации Всеобщего германского рабочего союза. В мае 1863 года во Франкфурте-на-Майне он выступил на собрании членов и делегатов многочисленных рабочих союзов. Он использовал для своей речи громадный литературный и статистический материал и забросал слушателей бесчисленными цитатами. Речь его длилась более четырех часов и подавила слушателей.

Он подчеркнул, что не собирается основывать какой-либо особой классовой партии рабочих, но хочет развернуть знамя демократии, под которое одинаково призывает и буржуа и рабочих. Но рабочие в силу своего классового положения призваны быть главной опорой демократии.

Эти слова, сказанные Лассалем с большим жаром, привлекли на его сторону значительную часть тех слушателей, которые до этого не были его сторонниками.

Через три дня после этого в Лейпциге, в зале Пантеона, состоялось основание Общегерманского рабочего союза. Одиннадцать городов были представлены двенадцатью делегатами. Союз был организован на строго централистских началах. Произошло это отчасти потому, что немецкие законы не допускали сношений между политическими союзами. Руководство принадлежало председателю, каким на пять лет был избран Фердинанд Лассаль. Мечта его стала, наконец, явью. С Лассалем теперь нельзя было не считаться даже таким всесильным в Германии лицам, как сам «железный канцлер» Отто Бисмарк.

Благодаря связям графини Гацфельд он был представлен одним из генералов канцлеру Бисмарку, сумел понравиться, стал часто бывать в его доме, где они часами дружелюбно беседовали. Все это Лассаль держал в глубокой тайне, понимая крайнюю двусмысленность своего поведения. Он старался убедить Бисмарка, что, несмотря на все различия их точек зрения, оба они одинаково заинтересованы в том, чтобы заменить трехклассную избирательную систему всеобщим избирательным правом.

Но не столько Лассаль был нужен Бисмарку, который в любой момент мог сменить милость на гнев, сколько Бисмарк являлся основной надеждой честолюбца в его стремлении возвыситься.

Желание упрочить свое положение, сознание политической непорядочности, страх, что будет разоблачен, побудили Лассаля добиваться, чтобы союз был в безусловной зависимости от своего председателя. Он резко восставал против того, чтобы какое-либо из отделений союза решало вопросы без его позволения и указаний, переданных им лично через уполномоченных. Деспотически, единовластно вторгался он, несмотря на очень короткий срок пребывания на посту главы Рабочего союза, во все поступки его членов. Стоило кому-нибудь возразить ему, как Лассаль требовал его исключения и преследования.

Со времени вступления в тайный союз с Бисмарком Лассаль резко изменился. Он боялся, что связь эта станет известной, и уже подумывал о том, чтобы отойти от рабочего движения. Прежде всегда рвущийся к деятельности, он начал искать путей, чтобы отступить в сторону от опасной политической игры. В это время Лассаль встретил на курорте Елену фон Деннигес, в первый же вечер знакомства влюбился в нее и со своей обычной быстротой действий решил жениться.

У Елены был жених, богатый молодой аристократ фон Раковиц, но, увлекшись Лассалем, она согласилась стать его женой.

Однако брак так и не состоялся. Родители Елены были в высшей степени предубеждены против Лас-саля. Не только его политическая деятельность казалась им двусмысленной, но и личная репутация сомнительной. Елена убежала из дому и заявила Фердинанду, что отдает себя и свою судьбу в его руки и предлагает, не дожидаясь согласия родителей, обвенчаться или бежать за границу. Лассаль категорически отказался действовать таким образом. Его испуг, колебания поразили девушку. Быстро разочаровавшись в Лассале, она решительно порвала с ним.

Лассаль послал оскорбительное письмо и вызов отцу Елены. Старик фон Деннигес почел за лучшее скрыться, но Янко фон Раковиц заменил его на дуэли.

Лассаль был смертельно ранен пулей в живот и через три дня после тяжких страданий скончался.

В слякотный февральский день 1863 года в Варшаве вспыхнуло восстание. Маркс и Энгельс с горячим сочувствием отнеслись к повстанцам. Они придавали исключительное значение этому событию и решили выступить от имени Лондонского просветительного общества немецких рабочих с

воззванием. Подробно изложить свои взгляды они намеревались в брошюре «Германия и Польша». Маркс готовил политическую часть этого произведения, а Энгельс — военный разбор. Так как Фридрих знал лучше русский язык, то Карл просил его в связи с событиями в Польше следить за тем, что печатает орган русской революционной эмиграции в Лондоне — «Колокол».

Маркс писал в Манчестер:

«Теперь Герцену и К° представляется случай доказать свою революционную честность».

Еще в период подготовки восстания осенью 1862 года Герцен уже вел переговоры с представителями польских революционных организаций. Он требовал, чтобы поляки в своей программе оговорили право крестьян на землю и свободу каждого народа решать вопрос о своем государственном устройстве. «Колокол» напечатал обращение Центрального народного комитета в Варшаве к издателям газет и затем ответ на него.

«Да воздвигнется Польша, — писали Герцен и Огарев в этом заявлении, — независимая, искушенная в несчастьях, окрепшая в бою, да воздвигнется она бессословная, отбросив средневековые доспехи, без кольчуг и аристократического щита, пусть явится славянским познавшим атлетом, подающим одну руку — бедному холопу, а другую — равноправному соседу. Во имя их примите нашу дружескую руку… мы ее подаем вам, как русские, мы любим ваш народ, мы веруем в него и его будущность и именно потому подаем ее вам на дело справедливости и свободы».

Герцен постоянно защищал Польшу. Он не раз обращался к русскому войску, призывая его не поднимать оружия против поляков в защиту царского правительства, которое является несчастьем не только Польши, но и России. Герцена не смутило, что в связи с этим вся орава русских либералов отхлынула от «Колокола». Он до конца мужественно отстаивал свободу поляков и бичевал карателей, палачей и вешателей.

— Мы с Польшей оттого, что мы за Россию, — говорил Герцен. — Одна цель сковывает нас, и мы можем рука об руку идти одной дорогой к свободной жизни.

Маркс и Энгельс в это же время напряженно собирали необходимые сведения для предполагаемой брошюры. В подготовительных набросках Карл подробно прослеживал захватническую политику не только царской России, но и Пруссии по отношению к Польше. Работая, Карл забирался в глубь предмета все дальше и дальше. Ради самого незначительного факта или возникшего у него сомнения он мог перерыть десятки книг и провести в Британском музее без перерыва по десять часов в день. Ни один его противник не мог

обличить его в опрометчивости или искажении.

Научная совесть Карла была чрезвычайно сурова. Он никогда не позволял себе говорить о предмете, покуда досконально не изучил его, и не публиковал ничего до тех пор, пока не добивался ясности, точности, наибольшего совершенства формы изложения. Он не выносил на люди незаконченных произведений и, покуда не сверял всего до последней запятой и точки, прятал рукопись от постороннего ока.

«Лучше сжечь свой труд, нежели издать его недоделанным», — считал он. Добросовестный в мелочах, как и во всем значительном, Маркс обязательно тщательно вписывал в свои книги имена тех, чьими мыслями или цитатами воспользовался.

— Я воздаю каждому по его заслугам, — любил он повторять.

Постоянно неудовлетворенный тем, что сделал, и потому, заново отчеканивающий тексты, Карл летом 1863 года решает опять иначе изложить теоретическую часть своего экономического труда в более, как ему казалось, систематизированном виде и приступает к новому варианту. Так, в ходе работы, он постепенно создавал новую рукопись трех томов труда о капитале.

Маркс почти неотрывно проводит дни в тиши читального зала Британского музея либо в своей комнате, где работать, однако, ему труднее. То одна, то другая дочь отрывает его от занятий.

Маркс был кротким отцом и тщетно пытался иногда прибегнуть к отцовской власти.

— Тусси, милочка, сделай одолжение и дай мне дописать эту страницу, — упрашивал он дочь, примостившуюся на подлокотнике его кресла.

— Мавр, не ты ли говорил, что дети должны воспитывать своих родителей? — последовал ответ. — Посмотри, какой беспорядок на камине. Чего только там нет: какие-то свертки бумаг, книги, сигары, табак, пресс-папье и горы спичечных коробков. За всем этим совсем не видны наши фотографии. Ты, наверно, сам не можешь тут разобраться. Помочь тебе расставить все это в порядке?

— О нет! Вещи, что здесь, являются ко мне по первому слову, как по мановению волшебной палочки.

— Да ты колдун! — рассмеялась Тусси.

Старый мавр, старый мавр,
Мавр с пушистой бородой,
Мавр с пушистой бородой,

— запела она испанскую песенку, которой научил ее Энгельс, и вдруг, свистнув, через окно выскочила в палисадник.

— Вот уж действительно тебе следовало, как всегда говорит об этом наша мэмхен, родиться не девчонкой, а мальчишкой! — крикнул Маркс вдогонку дочери.

Война северных и южных штатов Америки, проходившая с переменным успехом, неудача польского восстания чрезвычайно волновали Маркса. По поручению Просветительного общества немецких рабочих он обратился с призывом собрать средства в пользу участников польского восстания. Маркс подчеркивал в этом документе, что без независимости Польши не может быть независимой и единой Германии. Воззвание, подписанное также Вильгельмом Вольфом, Лесснером, Эккариусом и другими, было издано отдельной листовкой и разослано в разные страны мира.

В 1863 году умерла престарелая Генриетта Маркс, и Карл поехал в Трир на похороны матери. Стояли холодные декабрьские дни. Город утонул в снегу. Маркс был болен карбункулезом и с трудом двигался из-за незажившей еще раны. Тем не менее он вопреки уговорам родных ежедневно выходил из дома и писал об этом в письмах к Женни:

«Каждый день хожу на поклонение святым местам — старому домику Вестфаленов (на Римской улице): этот домик влечет меня больше, чем все римские древности, потому что он напоминает мне счастливое время юности, он таил когда-то мое самое драгоценное сокровище. Кроме того, со всех сторон, изо дня в день, меня спрашивают, куда девалась первая красавица Трира и царица балов. Чертовски приятно мужу сознавать, что жена его в воображении целого города продолжает жить, как зачарованная принцесса».

На обратном пути из Трира в Лондон Карл заехал в Зальтбоммель к дяде и вынужден был задержаться там на два месяца ввиду резкого обострения болезни. Только в конце февраля очутился он, наконец, снова дома.

Получив небольшое наследство, Маркс решил переменить квартиру, где столько раз находился под угрозой долговой тюрьмы и пережил много горя.

Дом Модена-Вилла в Мэйтленд-парке был большой, вместительный, удобный и примыкал к тенистому парку. Рабочая комната Карла помещалась во втором этаже. В широкие окна врывался чистый воздух, напоенный ароматом деревьев и трав. Вдоль стен стояли шкафы, полные книг. До самого потолка лежали на них свертки газет, рукописей и стопки тетрадей в

черных клеенчатых переплетах. На камине Карл поставил в рамках под стеклом портреты дорогих ему людей: жены, дочерей, Энгельса и Вольфа. Посреди комнаты находились небольшой стол и деревянное кресло. Напротив окна был кожаный диван. С тех пор как Карл вот уже более года не переставал болеть, он вынужден был в течение дня ложиться, чтобы дать отдых истомленному телу и глазам.

В комнате повсюду лежали табак, трубки, сигары и десятки спичечных коробок.

— Мои книги не вернули мне даже тех денег, которые я прокурил, работая над ними, — посмеивался Маркс.

Ни одна вещь в его комнате не стояла без определенного назначения. Книги в шкафах он расставил отнюдь не в соответствии с их форматом или переплетом. Брошюра прижималась к тяжелому объемистому фолианту, если это определялось ее содержанием, маленькая книжка подпирала большую.

— Они мои рабы и служат мне так, как я этого хочу, — шутил Карл.

Память Маркса постоянно приходила ему на помощь, когда он искал ту или иную выписку в своих тетрадях или нужную страницу в книге. Он не напрасно изощрял ее всячески с самых юных лет, выучивая, как это делал Гегель, наизусть стихи на незнакомом ему языке. Читая книгу, Карл, чтобы вернуться к чему-либо снова, загибал углы страниц, покрывал поля карандашными пометками и подчеркивал строчки. Его вопросительные и восклицательные знаки бывали красноречивее всяких слов.

В большом светлом кабинете мужа Женни покрыла пол недорогим зеленым ковром, и вскоре на нем от дверей до окна пролегла узкая полоса. Это Карл, который, подобно Аристотелю, часто, прежде чем присесть к рабочему столу, в ходьбе обретал искомые мысли, вытоптал ее, двигаясь по комнате. И, как на Графтон Террас, из соседней гостиной, где стоял теперь хороший рояль, часто в рабочую комнату Карла доносился нежный голос поющей Лауры. Отец широко открывал дверь и слушал. Особенно большое удовольствие доставляли ему песни на слова поэта Бернса, которого он очень любил.

Женни-младшей исполнилось уже двадцать лет; более хрупкая, чем Лаура, она была очень хороша собой. Обе старшие дочери Маркса вступали в жизнь цельными, широко образованными, самоотверженными людьми. Как и их отец и мать, они были чужды эгоизму и всякой фальши, в чем бы она ни проявлялась. Смысл жизни обе девушки видели в духовном

совершенстве, в борьбе за счастье наибольшего числа людей. Вырастая в атмосфере большой любви родителей друг к другу, с детства вплетая в речь мысли и строки Шекспира, Данте, Шелли, Гейне, зачитываясь Бальзаком и Диккенсом, юные девушки мечтали о том времени, когда и в их жизнь войдет таинственное и вечное чувство.

Возле дома Женнихен устроила прекрасную оранжерею. Таким же страстным цветоводом, как и она, был Фридрих Энгельс. Нередко Женнихен посылала ему семена особо редких растений и давала советы, как следует их выращивать. Каждое утро спешила она в свой застекленный чудесный сад, волнуясь и радуясь. И всегда находила что-либо новое. То, наконец, расцвели долгожданные розовые азалии, то вьющиеся розы, то лиловый гелиотроп.

1864 год был омрачен для Маркса и Энгельса смертью их любимого друга Вильгельма Вольфа. Люпус умер, не достигнув и пятидесяти пяти лет, от кровоизлияния в мозг. Более месяца до этого страдал он бессонницей и тяжелейшими головными болями. Врачи не знали, чем ему помочь, и путались в определении болезни.

Энгельс не отходил от ложа больного и сообщил об опасном положении Карлу, который тотчас же приехал в Манчестер. Кончина Люпуса повергла обоих его друзей в глубокую печаль. Карл произнес на могиле Вольфа речь, вылившуюся из любящего сердца. Вместе с Фридрихом он задумал написать биографию покойного и решил посвятить его памяти самое значительное из своих произведений. Когда удрученный Карл вернулся в Лондон, он узнал, что Вольф завещал ему все свое небольшое, скопленное тяжелым трудом состояние.

Маркс смог отныне без помех отдаться работе. Главный труд его жизни — «Капитал», над которым он работал вот уже 20 лет, поглотил всю его душу и время. Он считал, что завершение этого произведения более важно именно для рабочих, нежели что-либо другое им совершенное. Все написанное прежде казалось ему всего только мелочью. Однако до окончания работы было еще далеко. Безжалостная придирчивость и необычайная добросовестность непрерывно толкали его к новым исследованиям, аналитическим проверкам, размышлениям. Увещевания Фридриха работать, не возводя столько барьеров и препятствий на своем творческом пути, не возымели никакого действия. Маркс был верен себе. Рукопись росла неимоверно и была далека от намеченной цели. То одна, то другая ее часть подвергались коренной переделке. Работоспособность Карла была поистине титанической. Чтобы написать одно какое-либо

теоретическое положение, он перечитывал десятки, а то и сотни книг, отчетов и углублялся в длиннейшие статистические справочники и таблицы. Цифры были для него нередко полны особого магического смысла, и за их простой изгородью он открывал картины целой эпохи в жизни людей или народа во всей неприглядности и значительности. Маркс творил. Эти периоды всегда были для его души, как оазисы в глухой пустыне.

Многолетняя убийственная каждодневная война с нищетой временно кончилась. Но ничто уже не могло вернуть ему потерянного, некогда могучего здоровья. Сопротивляемость организма была утрачена. Помимо хронической мучительной болезни печени, он часто простуживался и вынужден был лежать в постели. Даже в жаркие летние дни 1864 года его снова как-то свалила изнурительная инфлюэнца. Но и во время болезни вопреки указаниям врача и просьбам родных он не переставал читать. Что только не привлекало его пытливый умственный взор! Несмотря на головную боль, озноб, он зачитывался книгами по физиологии, увлекался учением о тканях и клетках, а также анатомией мозговой и нервной системы.

Когда Карл выздоровел, то часто в перерыве между работой, под вечер, уходил один гулять.

Вернувшись однажды с прогулки, он застал у себя гостей. Французы — чеканщик Толен, учитель Ле Любе и несколько незнакомых англичан-рабочих дожидались его в столовой, где Женни и Ленхен хлопотали, радушно угощая их чаем.

— Привет и братство, отец Маркс, — сказали они чинно.

— Очень, очень рад вам, друзья. Что привело вас ко мне?

Толен заговорил первым:

— Мы приехали по приглашению английских тружеников на переговоры с братски протянутой рукой, чтобы, наконец, объединиться.

— В добрый час. Давно пора, — ответил Маркс.

— Я Оджер, — сказал один из англичан — сапожник, секретарь Лондонского совета тред-юнионов, — и пришел, чтобы пригласить тебя, Маркс, выступить на митинге от имени Немецких рабочих. Мы сняли под собрание большой Сент-Мартинс-холл. Помимо войны в Северной Америке и дел в Италии, рабочие — англичане, французы, итальянцы и немцы — имеют много болячек, к которым давно следует совместными усилиями приложить лечебный пластырь. Дальше нам жить так на свете нельзя. Мы знаем тебя, Маркс, и ждем твоего слова.

Карл дал согласие прийти на митинг. Однако он решил, что с речью в этот раз выступит не он, а портной коммунист Эккариус.

28 сентября 1864 году в Сент-Мартинс-холле собрались

тысячи рабочих. Огромный светлый зал не смог вместить всех желающих. Духота была одуряющая, и у Карла кружилась голова. Он думал, глядя на волнующуюся, охваченную одним вдохновенным, добрым порывом толпу, о прошедших долгих годах затишья в борьбе.

«Разные мещанишки, мерящие мировую историю своим локтем и масштабом последних газетных сообщений, могут вообразить, что для огромных, исторических процессов десятилетие больше, нежели один миг. Они не в силах представить себе и того, что может снова наступить день, в котором сконцентрируется все прошедшее десятилетие».

Подперев голову кулаками, Маркс внимательно слушал Эккариуса. Лицо его просветлело. Портной чуть глуховатым, низким голосом толково, увлеченно говорил о том, как после мирового экономического кризиса обострились отношения между капиталистами и людьми труда. Рабочие защищались стачками. Фабриканты ответили на это ввозом иностранной рабочей силы.

— У нас, пролетариев, одни судьбы и страдания, кто бы мы ни были, к какой бы расе ни принадлежали, — продолжал Эккариус.

Он подошел к краю рампы. Свет круглых керосиновых ламп осветил худую сутулую фигуру оратора в поношенном костюме, простершего вперед большие, темные, исколотые руки.

— Во всех европейских странах рабочие стремятся к солидарности в борьбе за свои права.

— И в Америке тоже! — крикнул кто-то из зала.

— В этом наше спасение и сила, — продолжал Эккариус.

— Да здравствует интернациональное соединение! — ответили десятки голосов. — Продолжай, старина, ты говоришь дело.

— Английские рабочие прошли суровую, трудную школу чартизма. Они знают, где зарыта собака. Это они помешали старому ненасытному хищнику Пальмерстону ввязаться в войну на стороне рабовладельцев Юга и напасть с ними на северян, которые не хотят торговать людьми, как скотом, и дают неграм свободу. Борьба за освобождение, где бы она ни велась, вызывает горячий отклик и сочувствие в наших пролетарских сердцах. Слава отважным братьям — польским повстанцам, восемнадцать месяцев боровшимся за свободу! Мир меняет, наконец, свою шкуру. Французские рабочие вновь начали политическую борьбу. В Германии организовались профессиональные союзы. Участились забастовки. И наш великий, огневой призыв «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» снова призывно звучит над землей.

Полукруглый зал Сент-Мартинс-холла напоминал большой храм. Люди многих национальностей собрались в нем на торжество международного братства. Они ликовали, радовались, пели.

На митинге в Сент-Мартинс-холле было решено создать Международное Товарищество Рабочих. В организационный комитет вошли от немецких тружеников Карл Маркс и Эккариус.

Спустя некоторое время на дому у Карла собралась комиссия, чтобы составить Учредительный манифест и Временный устав Международного Товарищества. После долгих обсуждений Марксу было поручено составить их одному. В письме в американскую действующую армию подполковнику Иосифу Вейдемейеру Маркс сообщал:

«Только что созданный Международный рабочий комитет… не лишен значения. Его *английские* члены являются по большей части вождями здешних тред-юнионов, т. е. настоящими рабочими королями Лондона; это те самые люди, которые устроили грандиозную встречу Гарибальди и, организовав огромный митинг в Сент-Джемс-холле… помешали Пальмерстону объявить *войну Соединенным Штатам,* которую он готов уже был начать. Французские члены Комитета — незначительные фигуры, но они являются непосредственными представителями руководящих «рабочих» Парижа.

Существует связь также и с итальянскими обществами, Конгресс которых состоялся недавно в Неаполе. Хотя я систематически в течение ряда лет уклонялся от какого-либо участия во всяческих «организациях», тем не менее *на этот раз* я принял предложение, так как в данном случае дело идет о такой организации, в которой можно провести большую работу».

Революционер, каким всегда и прежде всего был Маркс, отдал все силы нелегкому делу укрепления Международного Товарищества Рабочих. Надо было объединить рабочее движение весьма разнородных по уровню развития стран, преодолевая при этом много неожиданных препятствий.

Всего шесть дней составлял Маркс Временный устав и Учредительный манифест интернационального товарищества.

Учредительный документ не был прямым продолжением «Коммунистического манифеста». Основные положения научного коммунизма были изложены в Учредительном манифесте Международного Товарищества Рабочих в самой общей, приемлемой для всех тружеников форме. Рассказывая Энгельсу о своей работе над Уставом новой международной рабочей организации, Маркс писал: «Было очень трудно изложить эту вещь так, чтобы наши воззрения приняли форму, приемлемую

для нынешней стадии рабочего движения. Необходимо время, чтобы вновь возродившееся движение сделало возможным прежний смелый язык».

Чрезмерно прямые и решительные формулировки были бы все равно отвергнуты представителями немарксистских течений Англии, Франции, Швейцарии, Бельгии, Германии, так как теоретическое развитие отдельных отрядов европейского рабочего движения находилось на различном уровне. Однако Учредительный манифест заканчивался призывным кличем «Коммунистического манифеста» — «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

Маркс писал в этом документе о глубокой пропасти, разделяющей рабочих и буржуазию, отмечал первые робкие успехи пролетарского движения, подчеркивал, что отныне великой обязанностью рабочего класса стало завоевание им политической власти.

«Не на словах, а на деле рабочие доказали, что производство в крупных размерах, и притом ведущееся в соответствии с требованием науки, осуществимо при отсутствии класса хозяев, пользующихся трудом класса наемных рабочих».

В конце Учредительного манифеста Маркс заклеймил преступный замысел и безумие господствующих классов, готовивших крестовый поход за океан и равнодушно взиравших на умерщвление польского восстания. Все это также указывало, гласил Манифест, «рабочему классу на его обязанность — самому овладеть тайнами международной политики, следить за дипломатической деятельностью своих правительств и в случае необходимости противодействовать ей всеми средствами, имеющимися в его распоряжении; в случае же невозможности предотвратить эту деятельность — объединиться для одновременного разоблачения ее и добиваться того, чтобы простые законы нравственности и справедливости, которыми должны руководствоваться в своих взаимоотношениях частные лица, стали высшими законами и в отношениях между народами.

Борьба за такую иностранную политику составляет часть общей борьбы за освобождение рабочего класса».

Так зародился Интернационал.

Избранный в Мартинс-холле Генеральный совет Международного Товарищества Рабочих состоял первое время из 40–50 человек разных национальностей. Преобладание англичан в нем было связано с тем, что к моменту объединения рабочих мира только в Англии существовали массовые пролетарские союзы — тред-юнионы.

С первых дней Интернационала Маркс посвящал ему много

сил. «Наряду с моей работой над книгой, — сообщал он Энгельсу, подразумевая «Капитал», — невероятно много времени отнимает у меня Международное Товарищество».

Маркс успешно и настойчиво добивался, чтобы Интернационалом руководили рабочие. Представители буржуазных партий постепенно отошли от Международного Товарищества, так как их испугали революционный политический размах и чисто пролетарский характер нового движения. Маркс добивался, чтобы Генеральный совет освободился от ненужного балласта: было запрещено почетное членство, введено обязательное посещение заседаний и предварительное обсуждение кандидатур новых членов.

Хотя ни для кого не было тайной, что Маркс является душой Интернационала, сам он старался держаться в тени, выдвигая вперед других. Он решительно пресекал всякие попытки создания его культа в Международном Товариществе Рабочих, вся деятельность этого союза строилась на строго демократических принципах. «Из неприязни ко всякому культу личности, — писал Маркс, — я во время существования Интернационала никогда не допускал до огласки многочисленные обращения, в которых признавались мои заслуги и которыми мне надоедали из разных стран, — я даже никогда не отвечал на них, разве только изредка за них отчитывал».

Маркс показывал пример точности и деловитости. В любую погоду он отправлялся на тихую и непримечательную Грин-стрит, где в двухэтажном доме № 18 находилось небольшое помещение, снятое Международным Товариществом. Только тяжелая болезнь могла задержать Маркса дома.

Заседания Генерального совета происходили еженедельно по вторникам в восемь часов вечера. Па субботам собирался подкомитет, членом которого также состоял Маркс.

В подкомитете сосредоточилась вскоре вся повседневная работа Интернационала, составлялись руководящие документы, отчеты и воззвания.

Деятельность членов Генерального совета и подкомитета была не только совершенно безвозмездной, но, напротив того, Маркс и все его товарищи отдавали свои деньги на оплату помещения, освещения, почты, печатных изданий.

— Чего не хватает нашей партии, так это денег, — говорил Карл.

Однако постепенно стали расти поступления от секций. Низкие, но обязательные членские взносы несколько пополнили кассу Товарищества.

Уже на второй год существования Интернационала в Англии

насчитывалось 14 тысяч членов. Примкнули к нему также большие союзы сапожников и каменщиков, а наиболее видные деятели из их числа вошли в Генеральный совет. Была основана и газета Интернационала в Англии: «Защитник рабочих». Генеральный совет основал многолюдное Общество борьбы за всеобщее избирательное право.

В разных городах Франции Интернационал насчитывал в эту пору несколько тысяч сторонников. Немало было членов Интернационала во многих других европейских странах.

Международное Товарищество постоянно оказывало помощь бастующим рабочим в разных странах.

Руководители Генерального совета были по преимуществу пролетарии. Они приходили на заседания прямо с фабрик или мастерских после 10–, а то и 14–часового рабочего дня.

Председатель Оджер, сапожник, весьма начитанный и умный, был немолодым, лысым человеком с круглым лицом и выпяченной нижней губой. Ко времени избрания в Генеральный совет он руководил одним из тред-юнионов и пользовался уважением среди английских рабочих. Заместителем Оджера был немецкий изгнанник Эккариус, друг Маркса, бородатый, болезненный, много переживший, не выходивший из материальной нужды портной. Это был самородок с умом глубоким, пытливым, склонным к философским обобщениям. Маркс всячески выдвигал Эккариуса, считая его очень одаренным человеком.

Генеральный секретарь Генерального совета плотник Кример также принадлежал к видным деятелям тред-юнионистского движения. Он был одним из основателей Объединенного общества плотников и столяров. Образованный, педантичный, деловой, он обладал красивым почерком и завидной памятью. Книга протоколов Генерального совета, которую он вел в течение нескольких лет, казалась ему священной, и он тратил немало часов на то, чтобы в ней царил безукоризненный порядок. Это была большая конторская книга в черном клеенчатом переплете. Обычно вначале каждого заседания Кример оглашал не торопясь протокол всего происходившего в предыдущий вторник и требовал, если не было поправок или возражений, подписи председателя. Затем он расписывался сам. Нередко Кример вклеивал в протокольную книгу вырезки из газет с различными сообщениями о заседаниях Генсовета и некоторые напечатанные документы.

Протоколы показывают, с каким напряжением трудился Генеральный совет уже в первый год своего существования. Он занимался организационными, политическими, теоретическими и

международными делами. Еженедельно делегации, состоявшие из членов совета, посещали различные рабочие общества, чтобы предложить им присоединиться к Международному Товариществу. Постепенно книга эта становилась летописью дней и трудов Международного Товарищества и запечатлела в себе нетленным исчезнувшее прошлое. Так застывшая лава хранит в себе отпечатки жизни.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Карл Маркс выглядел очень утомленным. Его изнуряли непрекращающиеся болезни; несмотря на строгие запрещения врачей и уговоры родных и Энгельса, он продолжал работать по ночам над «Капиталом». Дела в только что основанном Международном Товариществе Рабочих требовали от него отдачи огромной энергии и творческих сил.

Прекрасная шевелюра Карла стала снежно-белой, но в окладистой бороде и усах оставалось еще много иссиня-черных волос, оттенявших оливково-смуглую кожу на лице. Глубокие, продолговатые, необычайно блестящие глаза приковывали к себе каждого, на кого устремлялись, неповторимым выражением проникновенного ума, решительной воли и тонкой иронии.

Как часто глаза красивой формы и цвета ничего не отражают! Они кажутся лишенными мысли, и за ними ничего не кроется, как в глазах некоторых бездумных животных. Являясь окном разума и души, глаза человеческие обычно лучшее украшение лица. Прекрасную голову Маркса освещали его удивительные черные глаза, как бы приоткрывающие сложность и гениальность его внутреннего существа. Частые болезни век не отразились на них, и они сохраняли живость молодости и излучали волны внутреннего света и силы.

Зрение Маркса, однако, ослабело от непомерного труда, и он пользовался очками, а в обществе обычно моноклем, который на черной тесьме постоянно висел поверх его сюртука.

Однажды Марксу сообщили, что в Лондон приехал Бакунин. Карл не видел его 16 лет и решил навестить беглеца из Сибири.

— Я рад, очень рад снова видеть вас, — сказал Маркс с дружелюбным чувством, вглядываясь в большое лицо Бакунина. — Это чудо, что ни прусской, ни австрийской, ни русской монархии не удалось…

— Вздернуть меня на виселицу, — прервал, смеясь, Бакунин. — Я сделал все, чтобы помочь им в этом, но… — он широко раскинул руки, — судьба, очевидно. Были часы, когда я уже считал, что никогда не увижу ни свободы, ни вас, Маркс.

Бакунин принялся рассказывать ему о том, что назвал восхождением на Голгофу: о том, как выдали его царским властям, о Шлиссельбургской крепости, Сибири, побеге, о том, как скитался он, прежде чем через Японию и Америку в первый раз прибыл в Лондон.

Это было более 3 лет назад. Бакунин нашел тогда приют у

Герцена. От него он услышал, будто бы Маркс в английской прессе назвал его шпионом. В действительности статья с такими утверждениями появилась за подписью «Г. Маркс». Автором ее был не Карл Маркс, а неведомый ему однофамилец — Генрих Маркс. Недоразумение это, естественно, разъяснилось, но, видимо, в угоду Герцену Бакунин так и не повидался с Карлом. Вскоре из России приехала его жена Антония, и Бакунины решили переселиться в Италию, где не затихала революционная борьба, манило южное солнце и повседневная жизнь была очень дешева по сравнению с Англией. Незадолго до отъезда во Флоренцию Бакунин перевел на русский язык «Манифест Коммунистической партии» и напечатал его в «Колоколе» Герцена.

Во время второго пребывания Бакунина в Лондоне, в пору зарождения Интернационала, Маркс решил сам возобновить отношения с Бакуниным, в честность и мужество которого верил.

Он понравился в эту встречу Марксу значительно больше, чем когда бы то ни было раньше. Карлу даже показалось, что под влиянием великих испытаний русский революционер закалился морально и не только не отстал, не пошел назад, а, наоборот, значительно идейно обогатился.

— Теперь, — твердо заявил Бакунин Марксу, — после польского восстания, я буду участвовать исключительно в социалистическом движении.

Маркс не скрыл своего удовольствия от решения Бакунина.

— Хорошо, — сказал он тепло, — очень хорошо. Давно пора.

Бакунин, распрямив богатырские плечи, откинулся в кресле и, поглаживая бородку, громко заговорил о героических польских повстанцах. По его мнению, русскому правительству были на руку революционные события в Польше. Это стало необходимым, чтобы удержать в спокойствии самое Россию, но царь не рассчитывал зстретить такое упорное сопротивление и вступить в восемнадцатимесячную борьбу.

— Царское правительство спровоцировало польское восстание, — утверждал Бакунин. — Польша потерпела неудачу по двум причинам: из-за влияния Бонапарта и из-за того, что польская аристократия медлила с самого начала с ясным и недвусмысленным провозглашением крестьянского социализма.

Карл, в свою очередь, подробно рассказал Бакунину о том, как и для чего возникло Международное Товарищество Рабочих.

— Я приветствую его рождение, — повторял Бакунин, — и надеюсь не остаться в стороне и тотчас же приняться за работу по пропаганде вашего детища.

После долгой и весьма приятельской беседы Маркс простился с Бакуниным, который уже на другой день собирался выехать в

Италию.

Вскоре после этой встречи вышли в свет отдельной брошюрой «Учредительный манифест» и «Временный устав» Интернационала, и Маркс отправил тотчас Бакунину в Италию несколько экземпляров этого издания. Он просил переслать один из них Джузеппе Гарибальди.

Этой же осенью, столь насыщенной событиями и делами, Маркс и Энгельс дали согласие одному из руководителей Всеобщего германского рабочего союза, Швейцеру, на участие в созданной им газете «Социал-демократ».

В проспекте газеты совершенно отсутствовали обычные лассальянские лозунги, столь осуждаемые Марксом. Поэтому он и Энгельс надеялись, что новая газета сможет послужить делу пропаганды идей Интернационала в Германии. Маркс послал в «Социал-демократ» «Учредительный манифест» Интернационала, который Швейцер тут же напечатал. Однако первые же номера «Социал-демократа» вызвали у Маркса и Энгельса беспокойство, так как в них отчетливо выявились лассальянские традиции. Газета откровенно пыталась угодить помещичьему правительству Бисмарка.

Как раз в это время умер Прудон, и редактор «Социал-демократа» попросил Маркса написать для газеты статью о нем. Маркс ответил Швейцеру письмом, в котором резко высказался против каких бы то ни было компромиссов с существующей властью. Он справедливо назвал постоянные заигрывания Прудона с Луи Бонапартом «подлостью».

Прудон умер, но прудонизм — его мелкобуржуазное учение — опутывал человеческое сознание и вредил борьбе рабочего класса. Маркс понимал это. В своем письме, опубликованном в «Социал-демократе», он был по-прежнему суров к памяти этого человека. По мнению Маркса, Прудон, склонный к диалектике, никогда не сумел понять ее и не пошел дальше софистики. Мелкий буржуа — воплощенное противоречие. «А если при этом, подобно Прудону, — писал Маркс, — он человек остроумный, то он быстро привыкает жонглировать своими собственными противоречиями и превращает их, смотря по обстоятельствам, в неожиданные, кричащие, подчас скандальные, подчас блестящие парадоксы. Шарлатанство в науке и политическое приспособленчество неразрывно связаны с такой точкой зрения. У подобных субъектов остается лишь один побудительный мотив — их *тщеславие;* подобно всем тщеславным людям, они заботятся лишь о минутном успехе, о сенсации. При этом неизбежно утрачивается тот простой моральный такт, который всегда предохранял, например, Руссо от всякого, хотя бы только

кажущегося компромисса с существующей властью.

Быть может, потомство, характеризуя этот недавний период французской истории, скажет, что Луи Бонапарт был его Наполеоном, а Прудон — его Руссо-Вольтером.

А теперь я всецело возлагаю на Вас ответственность за то, что Вы так скоро после смерти этого человека навязали мне роль его посмертного судьи».

Чувствительные удары Маркса, направленные против «насквозь мещанской фантазии» Прудона, попадали также и в Лассаля. Говоря о свойственном мелкому буржуа шарлатанстве в науке и политическом приспособленчестве, Маркс имел в виду именно Фердинанда Лассаля.

Время шло, но тщетно Маркс и Энгельс пытались изменить все отчетливее обозначившуюся королевско-прусскую линию газеты. «Социал-демократ» шел по стопам Лассаля и все чаще льстил политике Бисмарка. Тогда, видя обман Швейцера, Маркс и Энгельс сделали заявление о своем выходе из состава сотрудников ввиду невыполнения их требований. Они писали, что борьба с министерством Бисмарка и феодально-абсолютистской партией должна вестись по крайней мере столь же решительно, как и против буржуазии.

После разрыва с «Социал-демократом» Энгельс выступил с подробной критикой лассальянцев. Он издал для этого в Лейпциге брошюру «Военный вопрос в Пруссии и немецкая рабочая партия». И Маркс и Энгельс не раз подозревали, что «Социал-демократ» попросту подкуплен Бисмарком. Все новые и новые факты раскрывали истинную сущность не только лассальянца Швейцера и его последователей, но и самого Лассаля. Энгельс писал об этом из Манчестера в Лондон Марксу в январе 1865 года:

«Благородный Лассаль разоблачается все в большей и большей степени как совсем обыкновенный прохвост. В оценке людей мы никогда не исходили из того, чем они себя хотели показать, а из того, чем они были в действительности, и я не вижу, почему мы для покойного Итцига должны сделать исключение. Субъективно его тщеславие могло ему представить дело приемлемым, объективно это было подлостью и предательством в пользу пруссаков всего рабочего движения. При этом глупый парень, по-видимому, не потребовал даже со стороны Бисмарка какой-либо компенсации, чего-либо определенного, не говоря уже о гарантиях; он, очевидно, просто полагался на то, что он непременно *должен* надуть Бисмарка, точно так же, как он был уверен, что непременно застрелит Раковица».

Была середина февраля, безрадостного, туманного месяца на острове. Маркс болел. Несмотря на острую боль, невозможность сидеть и двигаться, забинтованный и лихорадящий, он не унывал и огорчался лишь тем, что родные, как всегда, пытались заставить его хоть на время отложить работу. Стоило ему почувствовать себя сколько-нибудь сносно, и он тотчас же, часто лукавя с женой, дочерьми и Ленхен, отправлялся к письменному столу, чтобы приняться за рукопись «Капитала». Однажды у него появился фурункул на правой руке. Кисть распухла и побагровела. Обеспокоенная Женни наложила ему повязку. Но Маркс решил использовать время, потерянное для работы пером, в чтении. Жар, однако, все усиливался, плечо нестерпимо ныло. Он вынужден был отложить научные книги, и только давно знакомый ему роман Вальтера Скотта «Веверлей», в котором захватывающе интересно описано восстание 1745 года в Шотландии против английского господства, оказался отличным отвлекающим средством для страдавшего от нарыва больного. Наиболее значительным в художественном отношении среди романов Вальтера Скотта Карл, однако, всегда считал его книгу «Пуритане». Как-то утром Карл почувствовал себя несколько лучше. В окно его кабинета заглянуло не частое в последнем месяце зимы солнце, и он принялся снова за работу над «Капиталом». Вдруг Ленхен ввела в кабинет молодого человека, лет двадцати трех, высокого, мускулистого, с очень смуглым, матовым лицом и такой же великолепной и темной шапкой волос, какая была некогда на голове самого Маркса. Немного выпуклые большие черные глаза, крупный нос и сильный рот были очень красивы и отражали порывистый, волевой, неукротимый характер, живой, впечатлительный ум. Маркс невольно удивился тому вспыхнувшему в нем внезапному чувству симпатии, которое пробудил юноша. Хотя Карл любил молодежь, но, много испытав, относился настороженно к каждому незнакомому ему человеку.

— Меня зовут Поль Лафарг, — начал гость звучным низким голосом и протянул Марксу письмо от Толена, члена французской секции Интернационала.

— Я обещал, что побываю у вас, доктор Маркс, и выполняю поручение, — холодно добавил молодой человек и хотел откланяться.

Лафарг был сторонником Прудона и только из вежливости, по просьбе Толена, посетил Маркса. Однако эта встреча решила многое в его жизни.

Рекомендация Толена, о котором ходили неопределенные скверные слухи как о бонапартистском шпионе, не могла особенно в глазах Маркса украсить Лафарга, но обаяние

молодого мулата было столь велико, что превозмогло какие бы то ни было сомнения. Маркс был проницателен и заинтересовался пришедшим. Он задал французу несколько вопросов. Поль Лафарг рассказал об успехах, достигнутых во Франции молодой организацией Интернационала. Маркс слушал его с большим вниманием. Беседа увлекла обоих.

Подошло время обеда, а Лафарг все еще не собирался уходить, Женни пригласила его в столовую.

Лафарг был поражен красотой дочерей Маркса, которые просто и ласково, без какого-либо жеманства, встретили его появление. Редкий день за обеденным столом в Модена-Вилла, № 1, на Мэйтленд-парке, где год уже жил Маркс со своей семьей, не сидел кто-либо из его единомышленников. Гостеприимство, присущее Женни и Карлу, хорошо знали все их товарищи по партии и борьбе. Не менее общительна и приветлива была неизменный и главный домовод семьи Елена Демут.

За едой Поль Лафарг, говоря о себе, сообщил, что родился на острове Куба, в городе Сант-Яго. Отец его имел там небольшую плантацию.

— Моя бабушка, мать отца, была негритянкой, — добавил он неожиданно, обведя всех присутствующих своими черными глазами, непомерно большими, подтверждающими негритянское происхождение.

«Гибрид… Так вот откуда этот особенный цвет кожи, своеобразная форма черепа, отсутствие белых лунок на ногтях, быстрота мышления, заразительно живой темперамент», — подумал Маркс, который обладал неповторимой наблюдательностью; от его взгляда ничто не могло укрыться. Лафарг нравился ему с каждым часом больше.

— Вы мулат. Ваша родина Куба. Это, право, замечательно, — широко раскрыв зеленые с поволокой глаза, произнесла Лаура. За пристрастие к экзотике и умение красиво одеваться ее сызмала в семье прозвали Какаду, по имени модного портного из старинного романа. С первого взгляда эта самая красивая и элегантная из дочерей Маркса полюбилась Полю Лафаргу.

— Увы, мне было всего девять лет, когда отец увез нас всех во Францию, и с тех пор мои родные живут в Бордо, наименее экзотическом из городов Европы, — с некоторым сожалением продолжал Поль Лафарг.

Получив среднее образование, он учился в Медицинской академии и должен был через несколько лет стать врачом. Как и дочери Маркса, студент-медик увлекался гимнастикой.

После обеда Маркс пригласил молодого француза снова к себе в кабинет. Лафарг жадно разглядывал окружающую его

обстановку и прислушивался к каждому слову Маркса, который вызывал в нем все более благоговейное чувство восхищения. Он был покорен всем, что слышал.

— Наука вовсе не эгоистическое удовольствие, — говорил между тем Карл, — и те счастливцы, которые могут посвятить себя научным делам, сами первые должны отдавать свои знания на службу человечеству. — Говоря о себе, он несколько раз повторил: — Я работаю для людей.

Вместе с тем Маркс утверждал, что ученый никогда не должен прерывать активнейшего участия в общественной жизни и не должен сидеть взаперти в своем кабинете или лаборатории.

— Вроде крысы, забравшейся на сыр, — пояснил Карл, заразительно рассмеявшись.

— Нельзя не вмешиваться активно в самое жизнь и в общественную и политическую борьбу своих современников. Это ведь тоже значит работать для человечества.

Поль Лафарг с первой встречи ощутил на себе благотворное, решающее влияние Маркса. Он чувствовал себя одновременно и растерянным и счастливым. «Какой, однако, большой, исключительный человек. Он и ученый, и несравненный агитатор, и мастер социалистической мысли», — думал Лафарг, глядя на Маркса, шагавшего по кабинету с трубкой, которая то и дело затухала. Маркс снова и снова нетерпеливо, на ходу, разжигал табак, истребляя при этом множество спичек. Во время беседы он часто останавливался у стола и мгновенно отыскивал в бумагах, которые для постороннего ока, казалось, лежали в крайнем беспорядке, то, что искал. Изредка, когда принимался читать, он вставлял в правый глаз монокль, чтобы лучше видеть.

— На днях «Таймс», — сказал он, нагнувшись к столу и в груде наваленных там газет тотчас же нашел нужный ему номер, — опубликовал любезное письмо Авраама Линкольна. Это ответ на поздравление, которое мы, Генеральный совет Интернационала, послали ему в связи с повторным избранием на пост президента в ноябре прошлого года. Как вы, верно, помните, Линкольн получил тогда огромное большинство голосов.

— Я слышал, что вы автор этого послания, но не читал его.

— Вот оно. — Маркс извлек из кипы рукописных текстов небольшой лист бумаги.

Лафарг не торопясь прочел обращение к президенту и задержался на тех строках, которые показались ему особенно удачными и убедительными. Они многое ему объясняли.

«Милостивый государь!

…Если умеренным лозунгом Вашего первого избрания было сопротивление могуществу рабовладельцев, то победный боевой

клич Вашего вторичного избрания гласит: смерть рабству! — говорилось в обращении, написанном Марксом.

…Когда олигархия 300000 рабовладельцев дерзнула впервые в мировой истории написать слово «рабство» на знамени вооруженного мятежа, когда в тех самых местах, где возникла впервые, около ста лет назад, идея единой великой демократической республики, где была провозглашена первая декларация прав человека и был дан первый толчок европейской революции XVIII века, когда в тех самых местах контрреволюция с неизменной последовательностью похвалялась тем, что упразднила «идеи, господствовавшие в те времена, когда создавалась прежняя конституция»… и цинично провозглашала собственность на человека «краеугольным камнем нового здания», — тогда рабочий класс Европы понял сразу… что мятеж рабовладельцев прозвучит набатом для всеобщего крестового похода собственности против труда и что судьбы трудящихся, их надежды на будущее и даже их прошлые завоевания поставлены на карту в этой грандиозной войне по ту сторону Атлантического океана.

…Рабочие Европы твердо верят, что, подобно тому как американская война за независимость положила начало эре господства буржуазии, так американская война против рабства положит начало эре господства рабочего класса. Предвестие грядущей эпохи они усматривают в том, что на Авраама Линкольна, честного сына рабочего класса, пал жребий провести свою страну сквозь беспримерные бои за освобождение порабощенной расы и преобразование общественного строя».

Маркс охотно отвечал на многочисленные вопросы Лафарга и объяснил ему, что сам пришел к коммунистическим убеждениям не путем сентиментальных размышлений, хотя он и глубоко сочувствовал страданиям рабочего класса, но, главное, путем изучения истории и политической экономии.

В этот приезд в Лондон Лафарг больше не виделся с Марксом и вскоре вернулся во Францию, где со свойственной ему кипучей энергией бросился в водоворот политической жизни, борясь с режимом Луи Бонапарта. Мировоззрение его значительно изменилось, и он рвался душой в Лондон, к Марксу.

1 мая 1865 года старшей дочери Маркса минул 21 год, которым в Англии обозначают совершеннолетие. С раннего утра в Модена-Вилла установилась приятная праздничная суета. Готовился торжественный ужин, к которому было приглашено несколько гостей. Лаура, славившаяся среди родных и знакомых своим врожденным вкусом, заканчивала отделку платьев именинице, себе и младшей, неугомонной десятилетней Тусси,

которая, весело напевая, вприпрыжку носилась по комнатам. Женни-старшая уехала за покупками на Оксфорд-стрит.

Карл дал себя уговорить в этот день отложить работу над «Капиталом». Он выбрал, однако, время, чтобы остаться одному и написать письмо Энгельсу, в котором подробно сообщал о делах и людях, деятельно участвующих в Международном Товариществе.

Оживленная и довольная младшая Женни сидела подле отца. Это был «ее день». Она сама выбрала для обеда и ужина те блюда, которые наиболее любила. Но мысли заботливой, черноглазой Женнихен были не о себе. Ее волновало другое. Накануне Лаура отвергла брачное предложение молодого Карла Маннинга. Это событие подробно обсуждалось всеми членами семьи, и Маркс в своем письме оповестил о нем Энгельса, который был по-отечески привязан к Лауре, Женнихен и Элеоноре.

Карл Маннинг, брат подруги старших дочерей Маркса уроженец Южной Америки, полуангличанин, полуиспанец, был во всех отношениях подходящий жених для Лауры. Он к тому же без памяти влюбился в нее, но не встретил никакой взаимности. Тщетно Маннинг умолял девушку не отказывать ему сразу, обождать, может быть, любовь еще придет. Лаура осталась неумолимой и решительной. Не первый раз молодые люди домогались ее любви и мечтали о браке. Лаура пользовалась большим успехом и своей красотой, невинным кокетством и женственностью очаровывала многих. Но под словом «любовь» дочери Маркса понимали чувство непостижимое, как чудо, неотвратимое, как рок. Никто покуда не вызывал в них таких, по-шекспировски великих сердечных потрясений. Компромиссы сердца казались им позором.

Карл и Женни, естественно, ни в чем не неволили девушек и старались не навязывать им своих оценок и симпатий к кому-либо.

— Что ты думаешь о Карле Маннинге, Чали? — спросила Лаура отца. Это новое его прозвище, сокращенное «Чарли», утвердилось недавно в семье Маркса.

— Он во всех отношениях милый парень.

— Мне жаль Маннинга, но я его не люблю. Как же быть, Мавр?

— Что ж, тогда решение уже найдено.

Женнихен и Лаура долго обсуждали случившееся. В юном возрасте мысли о любви посещают девушек очень часто. Но требования дочерей Маркса были непомерно высоки. Как все истинно мечтательные, глубокие натуры, они мгновенно чувствовали смешное и фальшивое в окружающих и, подобно родителям, терпеть не могли сентиментальности. Маннинг

показался Лауре именно таким человеком. Вслед за Марксом девушки часто повторяли слова Гёте: «Я никогда не был высокого мнения о сентиментальных люлях, в случае каких-нибудь происшествий они всегда оказываются плохими товарищами».

День рождения Женнихен в этот раз украсили чистое небо и ясное солнце над Лондоном. После обеда вся семья отправилась на Хемстед-хис. В пути пели и шалили, и особенно удалось это Карлу и озорнице Тусси.

Вечером пришли гости, среди них было несколько членов совета Интернационала, его председатель Оджер и старый приятель семьи Эрнест Джонс.

— Итак, — сказал Карл, наполнив все бокалы густым рейнландским вином, — день рождения моей дочери Женнихен мы празднуем политически. Первый тост за виновницу торжества, второй за Международное Товарищество Рабочих.

После веселого, непринужденного ужина гости собрались в самой большой комнате дома — кабинете хозяина. Разговор коснулся недавнего убийства Авраама Линкольна. Весь мир облетела трагическая весть.

Маркс, Энгельс и все их единомышленники были возмущены этим страшным преступлением. На пост президента Соединенных Штатов избрали Эндрью Джонсона.

— Вы, верно, уже написали, Маркс, наше обращение к президенту Джонсону? — спросил Оджер, раскуривая трубку.

— Кое-что набросал, но за окончательный текст примусь завтра.

— Это злодеяние вселяет гнев в сердца всех честных людей Старого и Нового Света, — вознегодовал Джонс, усевшийся подле камина.

— Даже наемные клеветники, моральные убийцы Линкольна, застыли теперь у открытой могилы в ужасе перед взрывом народного негодования и проливают крокодильи слезы, — мрачно заметил Маркс и затянулся сигарой.

— Этот дровосек был, однако, слишком мягким парнем, — сказал Оджер, повернувшись к Марксу вместе с креслом, на котором удобно расселся.

— Линкольна не могли сломить невзгоды, так же как не смог опьянить успех, — ответил Карл. — Он был устремлен всегда к великой цели. Не увлекался волной народного сочувствия и не терялся при замедлении народного пульса. Просто исполнял он свою титаническую работу. Мне кажется, что скромность этого истинно недюжинного человека была такова, что лишь после того, как он пал мучеником, мир увидел в нем героя.

— Посмотрим, что за птица новый президент, — сказал

Джонс.

— Мне кажется, он, как бывший бедняк, смертельно ненавидит олигархию. Джонсон суров и непреклонен. Общественное мнение на Севере из-за убийства Линкольна будет теперь соответствовать его намерению не церемониться с мерзавцами.

Беседа перешла на сложные дела в Международном Товариществе. Германия, где сильны были влияния лассальянцев, возглавляемых Швейцером, Франция, все еще лежавшая под пятой Луи Бонапарта, и другие страны постоянно привлекали к себе пристальное внимание Маркса.

В конце вечера молодежь ворвалась в кабинет Мавра и вовлекла всех находившихся там пожилых людей в свой круговорот. Мебель была сдвинута к книжным шкафам. Начались танцы под аккомпанемент рояля. Смущаясь и подшучивая над собой, Карл с женой прошелся в вальсе. Он танцевал с необычайной для его комплекции легкостью. Движения его были плавны и уверенны благодаря фехтованию, которым он увлекался с ранней молодости. Не менее хороша в танце была Женни. Она сохранила редкую моложавость фигуры и кружилась с истинно царственной грацией. Женни раскраснелась и чуть улыбалась Карлу. Оба они помолодели и еще глубже ощутили, как безгранично любят друг друга.

Потом играли в фанты и жмурки. Когда все вдоволь набегались и устали, Женнихен принесла подаренную ей в этот день книгу в темно-коричневом картонном переплете. Это была «Книга исповедей», или, иначе, игра «Познай самого себя», недавно появившаяся в Англии.

— Доктор Маркс, я прошу вас открыть своей исповедью этот томик, — сказала, лукаво улыбаясь, Женни-младшая и грациозно поклонилась.

Вопросы «Исповеди», на которые полагалось ответить, были заранее написаны четким, ровным почерком самой Женнихен. Тщетно Карл под различными предлогами уклонялся от ответов на вопросы дочери. Ему пришлось уступить, и он, вооружившись висевшим на груди моноклем, принялся писать. Все три дочери окружили Маркса затаив дыхание:

«Исповедь»

Достоинство, которое Вы больше всего цените в людях — Простота

в мужчине — Сила

в женщине — Слабость

Ваша отличительная черта — Единство цели

Ваше представление о счастье — Борьба

Ваше представление о несчастье — Подчинение

Недостаток, который Вы скорее всего склонны извинить — Легковерие

Недостаток, который внушает вам наибольшее отвращение — Угодничество

Ваша антипатия — Мартин Таппер

Когда Маркс написал этот ответ, ему зааплодировал Эрнест Джонс.

— Браво, Мавр! Я тоже ответил бы точно так. Трудно найти в наши дни писателя, олицетворяющего большую пошлость, нежели этот преуспевающий портач литературных вкусов! — вскричал он.

— Продолжай же дальше, Чали, — настаивала Женнихен и отобрала у отца трубку, которую он пытался разжечь.

Ваше любимое занятие — Рыться в книгах

Ваши любимые поэты — Шекспир, Эсхил, Гёте

Ваш любимый прозаик — Дидро

Ваш любимый герой

Маркс отложил перо.

— Их много, очень много, — сказал он. — Мне трудно решить, кому отдать предпочтение. Впрочем, двоих я укажу без размышлений.

— Кто это, кто? — закричали Тусси, Женнихен и поэт Джонсон.

— Великий Спартак и Кеплер.

— Кеплер? — переспросила Женнихен, несколько озадаченная.

— На основе учения Коперника именно он сделал величайшее открытие, доказав движение планет, — пояснил Маркс.

— Ваша любимая героиня? — допытывалась Лаура.

— Гретхен, — улыбаясь, ответил ей отец.

— Ваш любимый цветок?

— Лавр.

— Цвет?

— Я знаю, красный! — заявила за отца Тусси.

«Красный», — написал Маркс.

— Ваше любимое имя?..

Карл придержал перо, и глаза его лукаво сощурились.

— Лаура, Женни.

Маленькая Тусси слегка надула губы. Но того, что она обижена, никто не заметил.

— Ваше любимое блюдо?

— Рыба.

— Ваше любимое изречение?..

— Ваш любимый девиз?..

На эти вопросы Маркс ответил двумя латинскими поговорками:

— Nihil humani a me alienum puto[24]. De omnibus dubitandum[25].

Когда Маркс закончил «исповедоваться», Женнихен сама уселась за письменный стол отца и принялась отвечать на те же вопросы. Впоследствии, в течение нескольких лет, книга заполнилась шестьюдесятью четырьмя признаниями родственников и друзей Маркса. Женнихен приклеила над каждой «исповедью» небольшие фотографии участников этой интересной игры.

Лето 1865 года отличалось, даже и по английским понятиям, чрезвычайной влажностью. Ежедневно шли холодные дожди. В редкие часы потепления Маркс придвигал стол к окну, которое открывал настежь, и писал, радуясь охлаждающей струе свежего воздуха. В результате его атаковал жестокий ревматизм. Боль в лопатке затруднила писание. Он не мог приподнять руки. Пришлось отложить работу. Денежные дела его были также нехороши. Энгельс присылал другу регулярно необходимые суммы на все расходы для уплаты вновь появившихся долгов. Он с нетерпением ждал окончания первого тома «Капитала».

«В день, когда рукопись будет отослана, я напьюсь самым немилосердным образом, — шутил Фридрих в одном из писем, — отложу это только в том случае, если ты приедешь сюда на следующий день и мы сможем это проделать совместно». В том же письме, беспокоясь за здоровье Карла из-за ревматических болей, он писал: «Закажи себе два больших фланелевых мешка такой величины, чтобы они полностью прикрывали больные места… мешки эти наполни отрубями и согревай их время от

времени в печке до такой температуры, какую ты только в состоянии выносить… При этом ты должен оставаться в кровати, тепло укрывшись…»

К ревматизму присоединилась болезнь печени. Все это крайне угнетало Маркса. Он был невесел и раздражен.

В доме на Мэйтленд-парк-род почти все лето жил друг юности Карла, брат его жены, Эдгар фон Вестфален, приехавший из Техаса, куда собирался снова со временем вернуться. Рьяный участник Союза коммунистов в Брюсселе, он за минувшие долгие годы, проведенные в американских степях, значительно изменился. В долгом уединении этот, по сути своей, хороший человек усвоил самый узкий вид эгоизма, а именно, привычку с утра до вечера думать только о себе. Он не обогатил души, не развивался умственно, шагнул назад. Маркс внимательно присматривался к нему, печалясь о том, что потерял соратника-бойца. Но Лаура находила, что дядя Эдгар в высшей степени славный парень, и Тусси также любила проводить с ним часы досуга, находя его забавным. Только Женнихен видела опустошенность Эдгара и соглашалась с мыслью отца о том, что бывшего коммуниста сгубили отшельничество, отсутствие больших целей и работы для людей. Добродушный по природе, он напоминал, по мнению Карла, своим откровенным и непроницаемым эгоизмом ласковую кошку.

Естественным следствием такой жизни стал постоянный страх болезней и смерти, который с некоторых пор стал терзать Эдгара фон Вестфалена.

— Черт возьми, ты ли это? — вопрошал Карл своего шурина, когда тот принимался жаловаться на плохое самочувствие и несварение желудка. — Ты, который раньше чувствовал себя в безопасности даже среди тигров, леопардов и змей?

Эдгар отговаривался тем, что стар и покончил счеты с прежней жизнью.

— Мне остается одно: заботиться только о своем здоровье.

Слушая шурина, Карл с глубокой горечью думал о том, как много людей он потерял. Лучшие из лучших его друзей, такие, как Вильгельм Вольф, Георг Веерт, Конрад Шрамм, преждевременно сошли в могилу, другие умерли для борьбы.

Прикованный болезнями к постели, Карл с увлечением занимался астрономией. Бескрайные просторы вселенной, далекие звезды и планеты влекли его вечно ненасытимый мозг. Он хотел знать все, что только можно было постичь человеку. Ему всего было мало. Маркс томился постоянным голодом познания. Теория Лапласа об образовании небесной системы, научные объяснения вращения различных тел вокруг своей оси, закон

различия вращения планет Кирквуда и многое другое в науке о вселенной тревожили его мысль. Познавать — вот высшее наслаждение, которое открылось Марксу с юности. Как и Гегель, он страстно увлекался астрофизикой. Не меньше влекла его математика, без которой он не представлял себе науки.

Долги росли. Все вещи снова были снесены в ломбард.

«Уверяю тебя, — писал Карл Фридриху, — что я лучше дал бы себе отсечь большие пальцы, чем написать тебе это письмо. Это может прямо довести до отчаяния — мысль, что полжизни находишься в зависимости от других. Единственная мысль, которая меня при этом поддерживает, это то, что мы оба ведем дело на компанейских началах, причем я отдаю свое время теоретической и партийной стороне дела. Я, правда, занимаю квартиру слишком дорогую для моего положения, да и кроме того, мы этот год жили лучше, чем когда-либо. Но это единственный способ дать детям возможность поддерживать такие связи и отношения, которые могли бы обеспечить их будущее, не говоря уже о необходимости хоть короткое время вознаградить их за все, что они выстрадали. Я думаю, что ты сам будешь того мнения, что если даже рассматривать это с чисто купеческой точки зрения, то теперь был бы неуместен чисто пролетарский образ жизни, который был бы очень хорош, если бы мы были с женой одни или если бы мои девочки были мальчиками».

Энгельс тотчас же оказал Марксу необходимую денежную помощь, но еще много лет семью Маркса терзала бедность.

В конце сентября 1865 года в Лондоне состоялась первая конференция Интернационала. Она была созвана по настоянию Маркса, который считал, что секции Международного Товарищества Рабочих еще не достаточно окрепли и не готовы к созыву общего конгресса.

В течение пяти дней делегаты от Франции, Швейцарии, Бельгии совместно с членами Генерального совета заслушали доклады о положении в отдельных секциях. Либкнехт прислал отчет о рабочем движении в Германии. Большое значение имело установившееся во время конференции личное общение между наиболее деятельными членами Генсовета — Дюпоном, Эккариусом и Лесснером, с переплетчиком делегатом от Франции Варленом и приехавшим из Швейцарии щеточником Беккером. Оба эти самородка были гордостью рабочего движения. Встречи в Лондоне способствовали укреплению авторитета Интернационала и сплочению вокруг Маркса наиболее боевых пролетариев. Конференция подготовила их к совместным выступлениям на конгрессах по важнейшим вопросам программы и тактики. Они

решительно высказались против сектантов-прудонистов, которые требовали, чтобы Международное Товарищество занималось исключительно экономическими вопросами и не вторгалось в политику.

Дни работы конференции совпали с первой годовщиной Интернационала. Было решено отпраздновать эту важную дату — 28 сентября — и одновременно огласить на вечере обращение к американскому народу по случаю уничтожения рабства и победы республики.

В просторном высоком Сент-Мартинс-холле собрались участники Лондонской конференции и члены товарищества с семьями, проживавшие в Лондоне. Пришло немало гостей.

В половине восьмого всем присутствующим предложили чай. Оркестр Ассоциации итальянских рабочих грянул любимый народом «Марш Кошута», затем он сыграл напевный «Гвардейский вальс». Бравурные звуки медных, тщательно начищенных инструментов и гул барабана подействовали на всех, как дуновенье морского бриза или глоток доброго пива. Самые хмурые из присутствующих оживились, заулыбались, зашумели. Велика сила музыки, и особенно исполняемой в темпе марша.

Несколько музыкантов на корнетах и саксхорнах исполнили «Каприччио», заслужив аплодисменты и похвалы. Затем раздался пронзительный звонок, и председатель Генерального совета Оджер открыл торжественное заседание. Гражданин Кример, долго откашливаясь, протер очки, водрузил их и прочел ровным голосом без модуляций обращение к американскому народу. Зал встретил документ одобрительными возгласами:

— Слушайте! Слушайте!

— Да здравствует Свобода и Братство!

С короткими речами выступили французский и немецкий делегаты. Они напомнили, что прошел год, как в этом же зале был основан Интернационал.

Волной пронеслись по Сент-Мартинс-холлу приветствия, и все, как один, запели «Марсельезу». На сцену вышли хористы. Сухощавый дирижер во фраке, с большой красной гвоздикой в петлице объявлял каждую исполняемую немецкую песню. Он заметно волновался, и палочка в его руке слегка вздрагивала. Дирижируя, он пел вместе с капеллой, мастерски слаженной и музыкальной. Голоса, сливаясь, звучали, как один великолепный по звучности инструмент. Все хористы были немецкие изгнанники. И когда они пели с большим чувством и воодушевлением «Вахту на Рейне» Шмитца, «Крест над ручьем» Рентайера и особенно «Радость охотника» Астхольца, многие в зале подносили платок к увлажненным глазам. Песни волновали

и стирали грани времени и пространства. Зато шуточная «Мастерская» развеселила слушателей, и припев к ней, бодрый, подмывающий, подтягивали в зале.

В перерывах между выступлениями хора говорили ораторы на разных языках. Речь польского делегата Бобчинского, несколько патетическая, произвела на всех большое впечатление.

— Единство пролетариата свято, — сказал он, — оно поможет нам сбросить цепи рабства и создать мир, где воцарятся труд, братство и равенство. — И снова под сводами зазвучала «Марсельеза».

Закрыв заседание, председатель Оджер, обнаружив незаурядный дар чтеца, продекламировал поучительные стихи Элизы Кук «Честность».

Лишь в половине одиннадцатого, после того как в дешевом буфете были съедены все сандвичи, сосиски, сладкие булочки и выпито кофе, портер и легкие вина, начались танцы. Это был радостный вечер. Танцевали молодые и старые, отдаваясь веселью и движению под духовую музыку с непосредственностью детей, лихо отплясывали экосез, безудержно отбивали такт в галопе, плавно плыли в вальсе и кадрили. Началась мазурка, и вот на круг вышли поляки, закружили своих дам, падая на бегу перед ними на одно колено. Итальянцы показали быструю тарантеллу и палермскую польку, французы под песню «Саира» пустились в пляс, подобно их дедам, разрушившим Бастилию.

И снова оркестр сыграл «Вальс» Годфри, один из самых известных в те годы. В это же время в маленьком низеньком помещении за трибуной Кример записывал новых членов товарищества. Не только мужчины, но и женщины вступали в Интернационал. Секретарь Генерального совета вносил их имена в свои списки, принимал взносы, равнявшиеся одному шиллингу и пенсу в год, выдавал членские билеты, Манифест и Устав.

Как-то, вскоре после окончания конференции, в октябре 1865 года в Модена-Вилла пришло письмо, которого там совсем не ожидали. Оно обещало большие материальные выгоды.

От имени канцлера Отто фон Бисмарка друг Лассаля, бывший эмигрант Лотар Бухер, поступивший около года назад на службу к прусскому правительству, писал Марксу:

«Прежде всего бизнес! «Государственный вестник» желает иметь ежемесячные отчеты о движении денежного рынка. Меня запросили, не могу ли я рекомендовать кого-нибудь для этой работы, и я ответил, что никто этого лучше не сделает, чем вы. Ввиду этого меня просили обратиться к вам. Относительно размера статей вам предоставляется полная свобода: чем основательнее и обширнее они будут, тем лучше. Что же касается

содержания, то само собой разумеется, что вы будете руководствоваться только вашим научным убеждением; но все же во внимание к кругу читателей (haute finance), а не к редакции, желательно, чтобы самая суть была понятна только специалистам и чтобы вы избегали полемики». Затем следовало несколько деловых замечаний, воспоминание об общей прогулке за город с Лассалем, смерть которого все еще, по словам Бухера, оставалась для него «психологической загадкой», и сообщение, что он, как известно Марксу, вернулся к своей первой любви — к канцелярщине. «Я всегда был несогласен с Лассалем, который представлял себе ход развития слишком быстрым. Либеральная партия еще несколько раз будет менять кожу, прежде чем умрет; поэтому тот, кто еще хочет в течение своей жизни работать в пределах государства, должен примкнуть к правительству». Письмо заканчивалось после поклонов г-же Маркс и барышням, в особенности самой младшей, обычными словами: «с совершенным уважением и преданностью».

Карл припомнил Лотара Бухера, с которым когда-то познакомил его Лассаль. Это был нескладный господин с выпуклым, чуть колыхавшимся животом, начинавшимся где-то у самой шеи. Белый воротник, резко оттенявший его темный сюртук, был ослепителен и туго накрахмален. Из-под сюртука выглядывал дорогой жилет. На золотой цепочке часов висело несколько дорогих брелоков. Короткие пальцы были унизаны дорогостоящими перстнями с неправдоподобно поблескивавшими бриллиантами. Внушительно поскрипывали его новые ботинки с утиными носами. Этот человек всем своим видом хотел показать, что богат и хорошо устроен.

Карл погрузился в размышления. Итак, Бисмарк протянул ему, эмигранту, революционеру, руку. Маркс мысленно увидел обрюзгшее лицо с отвислыми щеками и мешочками из дряблой кожи под тупо смотрящими вперед, всегда налитыми кровью глазами главы юнкерства. Бисмарк был напорист, как таран, верно служил своему классу и презирал людей, широко пользуясь их нуждой или пороками.

«Что это, признак слабости? Грубый расчет? Подкуп? Опыт с Лассалем, Швейцером и многими другими привел Бисмарка к мысли, не купить ли и меня. Все, кого он растлил с такой легкостью, несомненно, оправдывали свое падение интересами рабочего класса, революции. Они надеялись, что надуют Бисмарка раньше и ловчее, чем это сделает он с ними. Жалкие недоумки! Рабские сердца, которым льстило, что их пускают через черный ход в переднюю фактического главы государства… А может быть, все-таки использовать прусскую печать для

пропаганды наших идей, пусть недолго, но возглашать социалистическую истину? Какой компромисс допустим и когда он превращается в предательство, в подлость не только перед соратниками, но перед самим собой? Опасный соблазн, почти наверняка оборачивающийся против того, кто ему поддался. Где грань дозволенного для революционера в его отношениях с идейными врагами? Граница эта начерчена столь тонкой линией, что ее можно переступить незаметно для себя».

Маркс курил одну за другой сигары. Горки сожженных спичек и пепла лежали на столе подле переполненных пепельниц. Никто не входил в его кабинет. Творчество многообразно. Женни и все остальные члены семьи Маркса хорошо знали, что работает он не обязательно с пером или книгой в руке. Достаточно было взглянуть на его лицо, поймать глубокий, чем-то поглощенный взгляд, когда он ходил по комнате, сидел или лежал на кушетке, чтобы увидеть, как напряженно трудится в это время его мозг. Маркс думал. Внезапно ему припомнилась молодость, Кёльн, «Рейнская газета». Как часто тогда, да и потом, пытались его переманить на свою сторону буржуа, промышленники вроде Ганземана, влиятельные финансисты! Чего только не предлагали! Он отвергал малейшее отступление, предпочитая нищету, обрекая семью на бедствия, жертвуя здоровьем и тем, что называется жизненными благами.

С тяжелой ношей лишений и потерь он шел вперед и вперед, высоко подняв голову, глядя смело в лица людей и в самое небо широко открытыми, чистыми глазами.

Связь с Бисмарком, пусть хоть в форме только одного сотрудничества в его газете, не принесет никакой пользы общему делу рабочих, не поднимет ни на одну ступень социалистическое движение. Только вред, кривотолки вызвало бы его согласие писать в «Государственный вестник» обзоры. Свора реакционеров с Бисмарком во главе попыталась бы бросить тень на его имя и тем на всех его единомышленников. И Маркс ответил Бисмарку коротким и звенящим, как пощечина, — нет!

Много времени и энергии требовалось от Маркса для постоянной деятельности в Международном Товариществе Рабочих. Ничего не ускользало от его внимания. Ему приходилось писать и прочитывать сотни писем, инструкций, выступать в Генеральном совете по самым разнообразным вопросам, разбирать возникающие распри в секциях, выявлять колебания, а подчас и идейные отступления отдельных членов. Нередко он участвовал в митингах, собраниях, торжествах, устраиваемых рабочими-эмигрантами разных национальностей. Влияние его все

ширилось, известность возрастала.

Много времени уделил он подготовительной работе по созыву Женевского конгресса. Написанная им «Инструкция» для делегатов Генерального совета включала девять разделов: 1. Организация Международного Товарищества. 2. Интернациональное объединение действий при помощи товарищества в борьбе между трудом и капиталом. 3. Ограничение рабочего дня. 4. Труд детей и подростков. 5. Кооперативный труд. 6. Профессиональные рабочие союзы. Их прошлое, настоящее и будущее. 7. Прямые и косвенные налоги. 8. Интернациональный кредит. 9. Польский вопрос. 10. Армии. 11. Религиозный вопрос.

Тезисы по этим вопросам были позднее единогласно приняты на конгрессе.

В «Инструкции» Маркс разработал вопросы, непосредственно затрагивающие насущные интересы трудящихся и особо женщин и детей.

От непомерной работы днями и ночами, и без того ослабленный физически, Карл свалился в тяжелом фурункулезе. Но и в постели он отказывался отдыхать и продолжал отделывать и дополнять «Капитал», правда не теоретическую его часть.

Женни и Фридрих Энгельс часто попрекали Маркса нежеланием серьезно подумать о своем выздоровлении.

По настоянию Энгельса Маркс поехал отдохнуть к морю. Он поселился в тихом домике у самого берега и вскоре, отдохнувший, веселый, писал Лауре:

«Очень рад, что поселился в частном доме, а не в пансионе или отеле, где к тебе неизбежно пристают с местной политикой, семейными скандалами и соседскими сплетнями. И все-таки я не могу петь, как мельник из Ди: «Мне ни до кого нет дела и никому нет дела до меня», потому что есть моя хозяйка, которая глуха, как пень, и ее дочь, страдающая хронической хрипотой. Но они очень славные люди, внимательные и не назойливые.

Сам я превратился в бродячую трость… большую часть дня гуляю, дышу свежим воздухом, ложусь в десять часов спать, ничего не читаю, еще меньше пишу и погружаюсь в то душевное состояние небытия, которое буддизм рассматривает как вершину человеческого блаженства».

Вернувшись с моря, Карл продолжил работу над «Капиталом», которому отдал 25 лет титанического исследовательского труда.

Марксу пришлось отказаться от поездки на Женевский конгресс Международного Товарищества Рабочих, хотя он затратил много времени и фактически сам подготовил его.

В это волнующее, творческое время, когда Маркс жил главным образом в сфере научной мысли и открытий, его семью и Энгельса постигло большое горе. В Соединенных Штатах, в городе Сен-Луи, 20 августа 1866 года от холеры умер Иосиф Вейдемейер, испытанный друг и революционный боец. Луиза, его жена, с которой переписывалась Женни, заразившись от мужа, едва не погибла тоже.

А вслед за горем в дом Маркса пришла и радость, Поль Лафарг, член Международного Товарищества Рабочих, сделал брачное предложение Лауре и получил ее согласие.

В конце 1865 года Лафарг был исключен из Парижского университета за участие в студенческом конгрессе в Льеже, осудившем правление Луи Бонапарта. Молодой революционер переехал в Лондон, чтобы продолжить там образование. Маркс принял его, как и в первый раз, очень дружелюбно, и Поль ответил ему искренней преданностью. Вскоре жизнерадостный, умный, жадный до знаний, упорный в достижении цели, молодой мулат неистово, пламенно влюбился в Лауру. К немалому удивлению отца и всей семьи, всегда рассудительная, недоступная и безразличная к влюблявшимся в нее мужчинам, Лаура на этот раз не осталась равнодушной.

Лафарг был действительно очень привлекателен не только внешне, но и духовно, и Лаура не ошиблась в выборе. Он всей душой, по-сыновнему, привязался к Марксу, понял величие его ума и сердца и всегда стремился приобрести как можно больше духовных ценностей в общении с ним. Поль откровенно радовался любому поручению Маркса, охотно выполнял обязанности писца, секретаря, помощника и гордился, что они воюют отныне в одной рати. Всем женщинам семьи Маркса, а впоследствии и Энгельсу студент-медик из Бордо также пришелся по душе. Он стал дорогим и родным человеком для всех обитателей Модена-Вилла.

По вечерам Поль Лафарг сопровождал Маркса во время его вечерних прогулок в Хемстед-хис и в это-то именно время получил от него свое экономическое воспитание. Опираясь на крепкую палку, Карл бодро шел по пригородным холмам и, сам того не замечая, как бы проверяя на слух самого себя, излагал шаг за шагом содержание всего первого тома «Капитала», который тогда дорабатывал. Всякий раз возвратившись домой, Поль, живший в доме Маркса с того дня, как был помолвлен с Лаурой, торопился в свою маленькую, отдаленную комнату и записывал в тетрадь то, что услышал и уяснил в этот день. Однажды Маркс изложил ему свою теорию развития человеческого общества и привел все научные доказательства и

соображения, которые за много лет открылись его мышлению. Молодой человек замер на месте и после долгого молчания сказал, все еще потрясенный тем, как просто и ясно объяснилось для него то, что он считал вечной, неразрешимой загадкой.

— Поразительно, доктор Маркс, я чувствую себя так, точно завеса разорвалась перед моим умственным взором. Я прозрел и в первый раз ясно познал логику всемирной истории. Отныне я могу свести столь противоречивые по видимости явления развития общества и идей к их общим материальным причинам.

Действительно, все в словах Маркса было стройно, неопровержимо и просто, как сама величавая природа.

Лафарг с присущими ему горячностью, нетерпением, быстротой принялся читать все то, что написал когда бы то ни было Маркс. Его захватила глубина и новизна узнанного. И, однако, приглядываясь и прислушиваясь ко всему, что делал и говорил Маркс, Поль пришел к выводу, который часто повторял:

— В жизни, в действии, в живом слове Маркс еще более велик. Никакое из его произведений не воспроизводит во всей полноте его необозримых знаний и гения. Он воистину гораздо выше своих произведений.

Подле Маркса нельзя было оставаться умственно бездеятельным и равнодушным. Каждый час жизни неизменно, год за годом наполнялся для него и его семьи чем-то еще и еще неведомым, новым, значительным, обогащающим. Всем, кто общался с Марксом, как и ему самому, не хватало времени, так широки были запросы. В Модена-Вилла стекались мысли, интересы, вопросы, которые волновали весь мир. Слово «скука» забывалось здесь навсегда.

В немногие свободные часы Маркс наслаждался беллетристикой. Превыше всех романистов любил он Сервантеса и Бальзака. Особенно поразил его мудро-проникновенный, глубокий и иронический «Неведомый шедевр» Бальзака. Было нечто схожее и близкое в сложной и вечно ищущей душе Маркса с героем повести, гениальным живописцем, которого преследовало желание до мельчайших штрихов воспроизвести то, что жило в его мозгу; он из-за этого без конца дорисовывал, подчищал свою картину, покуда на полотне ничего не осталось.

— Бедняга художник! В поисках совершенства он погубил свое творение. Когда следует остановиться и поставить точку? Лучшее — враг хорошего. Я понимаю душу героя Бальзака, никогда не довольствующегося тем, что написал.

Действительно, Маркс постоянно вносил в рукописи все новые и новые изменения, дополнял или перечеркивал написанное и горестно утверждал, что изложение его не до конца

выражает задуманное, не доносит его мыслей. Самым беспощадным и суровым критиком Маркса был он сам. Энгельс часто осуждал друга за его чрезмерную придирчивость к своему творчеству.

Чтобы написать около двадцати страниц об английском рабочем законодательстве, он изучил целую библиотеку синих книг, в которых были опубликованы доклады следственных комиссий и фабричных инспекторов Англии и Шотландии. Поля этих книг от начала до конца властно исчерканы пометками его карандаша. Не раз Маркс с глубоким почтением говорил о добросовестности людей, которые писали эти отчеты.

— Вряд ли возможно в других странах Европы найти таких же компетентных, беспристрастных и решительных людей, как английские фабричные инспектора. — В знак признательности он воздал дань их заслугам в предисловии к «Капиталу».

В ноябре 1866 года первая часть рукописи была отправлена в Гамбург Отто Мейснеру, издателю демократической литературы, который до этого напечатал брошюру Энгельса «Военный вопрос в Пруссии и немецкая рабочая партия», направленную против лассальянцев.

Дела Международного Товарищества требовали у Маркса много времени и сил. Он часто выступал перед рабочими по самым разнообразным волнующим вопросам. На празднестве, устроенном поляками-изгнанниками вместе с Интернационалом, Маркс произнес речь, в которой заявил, что без независимости Польши не может быть свободной Европы. Споря с теми, кто недооценивал значение Польши, Маркс указал, что отмена крепостного права в России еще более укрепила царизм и царская Россия, как и прежде, остается оплотом всей европейской реакции, всех привилегированных классов против социалистической революции. Независимая Польша послужит предварительным условием «социального возрождения» всей Европы.

Весной 1867 года Маркс решил сам отвезти остальную часть книги в Гамбург к издателю Мейснеру и в ожидании первых корректурных листов посетить в Ганновере своего преданного последователя и многолетнего корреспондента врача Людвига Кугельмана.

Как только весть о предполагаемом отъезде Маркса на континент дошла до Германии, одна из ганноверских газет сообщила, что глава Интернационала собирается уехать с острова, чтобы подготовить восстание в Польше. Через Кугельмана Маркс вынужден был опровергнуть эту ложь там же, где ее распространили. Заявление Маркса было напечатано в

«Газете для Северной Германии» в конце февраля.

Накануне отъезда Маркс выкупил из ломбарда свое пальто и часы. Снова Энгельс помог, прислав необходимую сумму денег на поездку Карла и для обеспечения семьи.

Карл уезжал в особо приподнятом, отличном настроении. В эти весенние дни Интернационал торжествовал большую победу. Бастующим парижским рабочим бронзового производства с помощью вмешательства Международного Товарищества удалось получить существенную денежную поддержку от английских тред-юнионов. Узнав об этом, хозяева предприятий тотчас пошли на уступки. История эта, столь необычная, наделала много шуму во французской прессе и значительно подняла престиж Интернационала.

Морской переезд из Англии на континент оказался очень трудным, так как пароход попал в опасный шторм. Маркс, однако, хорошо переносил качку и чувствовал себя превосходно среди немногих пассажиров, избежавших морскую болезнь. Добравшись до Гамбурга, он послал Энгельсу веселое шуточное письмо о своем путешествии.

«…Вид заболевших и слабеющих спутников отравил бы мне дальнейшее путешествие, если бы некоторое ядро не держалось стойко. То было «ядро» очень «смешанного» состава: немецкий капитан, очень похожий на тебя лицом, но малого роста; в нем было так же много твоего юмора и то же добродушно-фривольное подмигиванье глазами; лондонский скотопромышленник, настоящий Джон Буль; …немец из Техаса и — это главная персона — немец, который уже 15 лет разъезжает по восточной части Перу, в местности, лишь недавно зарегистрированной в географии, где, между прочим, еще исправно едят человеческое мясо. Это — сумасбродный, энергичный и веселый парень. Он имел при себе ценную коллекцию каменных топоров и т. п., которые заслуживали того, чтобы быть найденными в «пещерах». И — в виде приложения — одна дамская особа (все остальные дамы, больные морской болезнью, лежали в дамской каюте), старая кляча с беззубым ртом, великолепно, по-ганноверски, говорящая, дочь какого-то допотопного ганноверского министра, по фамилии фон Бер или что-то в этом роде; теперь она уже давно исправительница рода человеческого, пиэтистка, филантропка — друг рабочих; …В четверг вечером, когда буря наиболее неистовствовала, и все столы и стулья танцевали, мы кутили en petit comité[26], в то время, как старая кляча лежала на диване, откуда толчки парохода время от времени сбрасывали ее на пол, в середину каюты, очевидно, чтобы ее немного развлечь… Наш немецкий дикарь со смехом рассказывал о… свинствах

дикарей… Образчик: его принимают в качестве гостя в индейской хижине, где как раз в этот день женщина разрешилась от бремени. Послед приготовляется в виде жаркого, и ему — это высшее выражение гостеприимства — дают его отведать!»

Энгельс немало хохотал, перечитывая письмо друга.

Повидав своего издателя и договорившись с ним о выпуске книги, Маркс отправился в Ганновер к Людвигу Кугельману.

Гинеколог Кугельман пользовался хорошей репутацией в Ганновере, имел изрядную практику и жил вполне зажиточно. Будучи студентом, Людвиг Кугельман, прочитав книги Маркса, написал ему восторженное письмо и получил ответ. Гордости и радости молодого человека не было предела. Между ним и лондонским изгнанником началась переписка, длившаяся несколько лет до их очного знакомства. Кугельман писал Марксу по условному адресу «А. Вильямсу», чтобы письма избегли цензуры. Он неоднократно приглашал Маркса к себе, но только в 1867 году желание его, наконец, сбылось.

Известие о приезде дорогого гостя вызвало в семье врача великое смятение и удовольствие. Молодая, миловидная жена Кугельмана, Гертруда, уроженка, как и Маркс, Рейнландии, страшилась показаться невежественной столь выдающемуся человеку. Ее восьмилетняя дочь Франциска, развитая не по летам, наблюдательная девочка, слышала, как Кугельман, успокаивая оробевшую мать, предсказывал, что никогда ни с одним человеком не будет она чувствовать себя так непринужденно и приятно, как в обществе Маркса. Так оно и случилось. Вместо ожидаемого чопорного и важного господина в гостиную вошел элегантно одетый, приветливо улыбающийся человек, который в течение нескольких минут показался всем, впервые его увидевшим, давно знакомым. Для каждого нашел он доброе слово. Госпоже Кугельман особенно понравился мягкий рейнский говор и раскатистый смех Маркса, улыбаясь, он щурил заметно близорукие глаза.

Маркс не мог не оценить сердечности и стремления всех членов семьи Кугельмана сделать его пребывание в их доме предельно приятным. Здоровье его улучшалось с каждым днем. Он позабыл на время о болезнях и радовался тому, что был на родной земле.

В свободные, обычно ранние часы, за чашкой кофе, приготовленным с особой старательностью и завидным уменьем госпожой Кугельман, которую за благовоспитанность и изящные манеры Маркс в шутку прозвал графиней, шли нескончаемые разговоры. Беседа всегда бывала очень занимательна. Маркс говорил совсем просто, никогда не впадая в поучительный тон.

Беспощаден он был, лишь когда высмеивал всякую преувеличенную чувствительность и слащавость в ком бы то ни было. У него был подлинно абсолютный слух на каждую душевную фальшивую ноту, наигранность в поведении или словах. Тогда, саркастически улыбаясь, цитировал он стихи Гейне:

Раз барышня стояла
Над морем в поздний час
И горестно вздыхала,
Что солнца луч погас.[27]

Гертруда Кугельман интересовалась философией, и Маркс терпеливо, в самой доступной форме, объяснял ей, в чем особенности и различия взглядов Фихте и Шопенгауэра, Нередко приводил он примеры из Гегеля.

— Увы, — заметила как-то Гертруда, вздохнув, — я никак не могу понять учения этого великого немецкого философа.

Желая ее ободрить, Маркс, улыбнувшись, сказал полушутя:

— Пусть это вас не смущает. По словам самого Гегеля, ни один из его учеников не понял его, кроме Розенкранца, да и тот понял неправильно.

С Людвигом Кугельманом Маркс очень скоро стал на короткую приятельскую ногу. Он прозвал преданного и открыто восхищавшегося им врача в шутку Венцелем и затем всегда так к нему и обращался. Прозвище это произошло вследствие смешного рассказа самого Кугельмана о его путешествии в Прагу. Там какой-то гид крайне наскучил врачу, повествуя о добром и злом Венцелях — двух чешских правителях. Один царь Венцель творил множество злодеяний, другой, с тем же именем, — немало добра. С тех пор, в зависимости от высказываний Кугельмана, Маркс называл его либо хорошим, либо нехорошим Венцелем.

Обычно до обеда Маркс оставался один в той комнате — кабинете, которая, помимо спальни, была ему предоставлена в доме друзей. Он писал письма, читал газеты и правил корректуру первого тома «Капитала».

В спокойные и радостные дни пребывания в Ганновере Маркс ответил на письмо своего единомышленника, горного инженера, немца Зигфрида Мейера, поселившегося в Соединенных Штатах, в Нью-Йорке.

Письма нередко отражают душу того, кто их пишет, тайное тайных сердца. Маркс писал:

«Итак, почему я Вам не отвечал? Потому что я все время находился на краю могилы. Я должен был поэтому использовать

каждый момент, когда я бывал в состоянии работать, чтобы закончить свое сочинение, которому я принес в жертву здоровье, счастье жизни и семью. Надеюсь, что этого объяснения достаточно. Я смеюсь над так называемыми «практичными» людьми и их премудростью. Если хочешь быть скотом, можно, конечно, повернуться спиной к мукам человечества и заботиться о своей собственной шкуре. Но я считал бы себя поистине *непрактичным,* если бы подох, не закончив своей книги, хотя бы только в рукописи.

Первый том работы появится через несколько недель в издании *Отто Мейснера* в Гамбурге. Заглавие: *«Капитал. Критика политической экономии*»…

В гостеприимном доме Кугельмана, в кабинете, где обычно писал и читал Маркс, на письменном столе возвышался чернильный прибор, украшенный статуэткой Минервы. Богиня держала в руке сову — символ мудрости. Совушкой прозвал Маркс маленькую дочь Кугельмана, Френцхен, которая пришлась ему особенно по душе благодаря пытливому, быстро схватывающему, не по-детски глубокому уму.

Обычно, осторожно постучавшись в дверь и сделав церемонный книксен, девочка подходила к его большому креслу, немного стесняясь. Карл подхватывал ее и усаживал на колени, и скоро из кабинета доносились детский смех и веселый говор. Дети находили в Марксе неиссякаемый кладезь забавных историй, сказок и шуток. Восьмилетняя Франциска горячо привязалась к грозному, по мнению врагов, и сердечнейшему для друзей вождю крепнувшего из месяца в месяц Интернационала.

В это же время Бисмарк снова прислал к Марксу одного из своих приближенных, адвоката Варнебольда. Глава прусского правительства хотел бы использовать доктора Карла Маркса и его большие таланты на благо немецкого народа. Карл тотчас же сообщил об этом Энгельсу и вскоре получил ответ.

«Я так и думал, — писал ему друг, — что Бисмарк постучится к тебе, хотя и не ожидал, что он так поспешит. Характерно для образа мыслей и кругозора этого субъекта, что он мерит всех людей на свой аршин. Конечно, буржуазия должна восхищаться современными великими людьми, в них она видит свое отражение. Качества, при которых Бонапарт и Бисмарк достигли успеха, это качества купца: преследование своей цели путем выжидания и экспериментирования, пока не угадаешь благоприятного момента, дипломатия всегда открытой задней двери, уменье торговаться и выторговывать, проглатывать пощечины, когда это требуется в интересах дела, клясться что ne

soyons pas larrons[28], словом, быть купцом во всем… Бисмарк думает: ничего, попытаюсь установить связь с Марксом, в конце концов я все-таки улучу благоприятный момент, и тогда мы вместе обделаем дельце».

Карл Маркс без малейших колебаний отверг предложение Варнебольда, несшее ему, быть может, богатство и положение в среде правящей буржуазии и помещиков, а главное — возвращение с семьей на родину.

И снова Маркс пошел, не оглядываясь, своим тернистым, особым путем революционера, вождя рабочих.

Однажды в гостиной Людвига Кугельмана произошла тяжелая сцена. Кто-то неуважительно отозвался об Энгельсе и намекнул, что тот, будучи столь состоятельным человеком, мог бы помогать Марксу больше. Карл вспылил, так как не терпел, если кто-либо осмеливался обидеть столь дорогого ему человека. Дружба была в его глазах самым священным и великим из чувств, соединявших людей. Побледнев, он произнес, четче, чем всегда, выговаривая каждый слог:

— Между Энгельсом и мной существуют такие близкие и задушевные отношения, что никто не вправе вмешиваться в них.

Но обычно мир, согласие, веселье царили в доме Кугельмана.

Карл был полон надежд на будущее и душевно уравновешен. Отчитываясь в письмах во всем происходящем, он писал как-то Фридриху из Ганновера:

«Я надеюсь и глубоко уверен, что через год я уже настолько завоюю себе положение, что смогу в корне реформировать свое экономическое положение и стать, наконец, на собственные ноги. Без тебя я никогда не мог бы довести до конца этого сочинения и — уверяю тебя — мою совесть постоянно, точно кошмар, давила мысль, что ты тратишь свои исключительные способности на торговлю и даешь им ржаветь главным образом из-за меня… С другой стороны, не могу скрыть от себя, что мне предстоит еще один год of trial[29]… Но чего я боюсь больше всего… так это возвращения в Лондон… Долги там значительны, и манихейцы с «нетерпением» ожидают моего возвращения. А затем снова неприятности… вместо того, чтобы со свежими силами и беспрепятственно приняться за работу.

Д-р Кугельман и его жена относятся ко мне самым любезным образом и исполняют малейшее мое желание. Они превосходные люди. Они, действительно, не оставляют мне времени для того, чтобы углубиться в «мрачные пути своего собственного я».

Маркс, как всегда и везде, жадно вглядывался во все происходящее вокруг него. Очень скоро у него утвердилось

мнение, что прусские правительственные чиновники хозяйничали и тиранили народ с чисто персидской средневековой жестокостью. Не имея, однако, достаточной власти, чтобы по своему расчету и произволу переселить население в прусские провинции, они делали это с мелкими служащими. Даже местных почтальонов они под угрозой увольнения отправляли в дальние местности. Множество гессенцев, ганноверцев эмигрировали в Соединенные Штаты. Они бежали кто от налогов, кто от тягот воинской повинности и невозможных политических условий, и все вместе от режима сабли и постоянно угрожающей военной бури.

Маркс интересовался и немецкой промышленностью. Вместе с знакомым директором акционерного литейного завода Маркс обошел как-то все цехи этого производства и нашел там немало современных машин. Но зато при изготовлении деталей применялась еще ручная обточка, чего не было уже давно на заводах англичан и шотландцев.

Вскоре, сердечно простившись с добрым и злым Венцелем, «графиней» и Френцхен, он вернулся в Лондон.

В Лейпциге, в типографии О. Виганда, в это время заканчивалось печатание I тома «Капитала».

16 августа 1867 года, в 2 часа ночи Маркс написал Энгельсу:

«Только что закончил корректуру *последнего* (49-го) *листа* книги. Добавление — *форма стоимости, — (напечатанное мелким шрифтом),* занимает $1^1/_4$ листа.

Предисловие тоже прокорректировал и вчера отослал. *Итак, этот том готов.* Только *тебе* обязан я тем, что это оказалось возможным! Без твоего самопожертвования ради меня я ни за что не мог бы проделать всю огромную работу по трем томам. Обнимаю тебя, полный благодарности!»

На титульном листе бессмертного, монументального творения Маркса написано:

Посвящается моему незабвенному другу, *смелому, верному, благородному, передовому борцу пролетариата* ***ВИЛЬГЕЛЬМУ ВОЛЬФУ.*** *Родился в Тарнау 21 июня 1809 года. Умер в изгнании в Манчестере 9 мая 1864 года.*

Подобно герою мифа Прометею, предрекшему гибель всемогущему Зевсу, Маркс в главном труде жизни своей — «Капитале» предсказал неизбежность гибели буржуазного общества. Он открыл закон движения капитализма и первый указал на пролетариат как силу, могущую привести в исполнение приговор истории.

Das Kapital.

Kritik der politischen Oekonomie.

Von

Karl Marx.

Erster Band

Buch I: Der Produktionsprocess des Kapitals.

Das Recht der Uebersetzung wird vorbehalten

Hamburg
Verlag von Otto Meissner.
1867

New-York L. W. Schmidt 24 Barclay-Street.

Титульный лист первого издания I тома «Капитала» К. Маркса.

Учение Маркса, изложенное в «Капитале» о прибавочном труде, прибавочном продукте, прибавочной стоимости, как единственных источниках капиталистической прибыли, стало краеугольным камнем экономической теории Маркса. Буржуазное общество было разоблачено Марксом как огромное учреждение, в

котором громадное большинство народа эксплуатируется незначительным меньшинством.

«Капитал» монументален и неисчерпаем. Он как бы высечен из одной гигантской глыбы мрамора рукой великого ваятеля. Все в этом гениальном, в полном смысле. слова энциклопедическом труде, цельном, логичном, строгом и сложном, неоспоримо. Учение Маркса принадлежит векам и будет сиять, как путеводная звезда, все новым и новым поколениям. С каждым грядущим веком то, что прежде казалось трудным для понимания в «Капитале», становится яснее, проще и доступнее. Этим и проверяется гений, предвосхищающий будущее.

В «Капитале» Маркс дал глубокое и всестороннее обоснование своих великих революционных открытий, из которых главное значение имеют материалистическое понимание истории и учение о прибавочной стоимости.

Вывод Маркса, что в обществе, так же как в природе, все вновь зародившееся диалектически развивается, крепнет, набирается сил, расцветает, чтобы затем постепенно увянуть и, оставив семена, погибнуть, произвел полный переворот в понимании всемирной истории.

Каждый новый общественно-экономический строй, возникнув и достигнув своего предела, обречен на умирание и на замену его иным, более совершенным видом. Первобытно-общинный строй сменился рабовладельческим, на смену феодализму пришел капитализм, и все это происходит из-за условий, связанных с изменением и развитием способа производства.

Никакое общество не может существовать, не производя материальных благ. С помощью орудий труда человек воздействует на природу и добывает необходимые для жизни продукты и вещества. Прогресс общества зависит от развития материального производства. История человечества начинается с того времени, когда люди возвысились до употребления и изготовления орудий труда.

Господство человека над природой находится в прямой зависимости от развития производительных сил общества. В свою очередь, производительные силы, развиваясь, изменяют взаимоотношения между людьми. Утверждение новых производственных отношений происходит обычно путем революционного свержения старых.

Маркс, изучив экономические законы жизни общества, открыл и доказал, что основой истории людей является материальное производство.

Благодаря историческому материализму хаос и произвол, господствовавшие в понимании истории и политики, сменились

цельной и стройной научной теорией.

Идеалистическая философия рассматривала историю общества как таинственные произвольные деяния отдельной личности, как следствие воли и желаний людей. Но действительность жестоко опровергает эти представления. Развитие человечества зависит от законов, движущих историю помимо воли людей. Человек может эти законы изучить, познать, учитывать их в своих действиях, использовать их в своих интересах, но он не может отменить их или изобрести новые.

Исторический материализм вооружил пролетариат и его партию знанием путей революционного преобразования общества. Материалистическое понимание истории свело изучение поступков отдельной личности к изучению действия классов.

Маркс доказал, что движущая сила истории человечества — люди труда. Они играют главную роль в производственном процессе, они творцы всех богатств мира, необходимых для существования общества.

В зависимости от способа производства складываются и особенности строя, политических учреждений, образа мыслей людей, их взгляды, идеи, теории. Общественное бытие определяет общественное сознание. Нельзя правильно понять суть политических идей, теорий, если забыть материальную основу их происхождения — экономический строй общества.

Сознание людей — политическое, правовые, художественные взгляды, философия, религия — зависит от господствующих производственных отношений между людьми. Оно коренным образом изменяется с изменением производственных отношений. Раз возникнув, общественный и политический уклад становится силой, воздействующей на условия, его породившие.

Благодаря историческому материализму наука об обществе стала столь же точной, как любая другая. Исторический материализм во многом определил практическую деятельность Интернационала и первых рабочих партий.

Другое важное открытие Маркса состоит в выяснении до конца отношения между капиталом и трудом.

Маркс доказал, что в капиталистическом обществе рабочая сила продается так же, как и всякий товар. Однако живая сила рабочего обладает той особенностью, что она создает значительно больше предметов, чем необходимо для того, чтобы покрыть издержки производства.

Часть времени труженика уходит на возмещение предпринимателю расходов по изготовлению товара и на заработную плату. В остальную часть рабочего дня создается

прибавочная стоимость. Именно она, прибавочная стоимость, составляет цель капиталистического производства, является основой капитализма.

— Производство прибавочной стоимости, или нажива, — говорил Маркс, — таков абсолютный закон капиталистического способа производства.

Однако процесс присвоения капиталистом результатов прибавочного, или бесплатного, труда рабочего замаскирован выдачей заработной платы. Это дает возможность капиталисту утверждать, что сделка по покупке физической силы была честной и труд рабочего оплачен сполна.

Некогда рабовладелец отбирал у раба все и постепенно физически уничтожал его.

Крепостной трудился на господина и лишь затем работал на своем клочке земли, чтобы прокормиться. Зависимость и угнетение были тогда ясно видимы.

Другое дело при капитализме. В буржуазном обществе орудия труда и средства производства принадлежат хозяину, а рабочий волен продавать или не продавать ему свою силу. Эксплуатация в буржуазном обществе хитро спрятана под кажущейся независимостью и свободой работника.

Карл Маркс впервые в истории политической экономии подверг прибавочную стоимость глубокому, всестороннему научному исследованию.

Продав произведенные рабочими товары, предприниматель покрывает все расходы производства, а прибавочная стоимость, взятая в ее отношении ко всему вложенному капиталу, выступает внешне как порождение этого капитала и в виде прибыли, дохода, денег поступает в карман капиталиста. Именно неоплаченный труд рабочего содержит всех нетрудящихся членов общества: капиталистов, чиновников, армию, полицию.

Таков ход производства капитала, подчиненный тем же законам, что и всякая другая купля или продажа товара. Только товар этот — рабочая сила человека.

Капитал, таким образом, доказал Маркс, есть не что иное, как результат неоплаченного труда рабочего класса.

Только уничтожение самой системы купли-продажи рабочей силы может положить конец угнетению человека человеком.

Созданием подлинно научной теории прибавочной стоимости Маркс обнажил хищническую сущность капиталистического способа производства, доказал, что источником доходов класса капиталистов и крупных земельных собственников является прибавочный труд рабочих. Учение о прибавочной стоимости — это краеугольный камень экономической теории Маркса.

«Капитал» — величественная научная эпопея, всеобъемлющая энциклопедия жизни буржуазного общества с показом его достижений и уродств, с пророческим выводом о его неизбежной гибели. Маркс достиг небывалых вершин научного познания и облек свое гениальное творение в прекрасную форму. «Капитал» явился научной поэмой, которая раскрыла до самых недр всю сущность современного капитализма для того, чтобы вынести ему суровый приговор и обосновать неизбежность появления нового общества.

Маркс исследовал также противоречия быта и брачных отношений в буржуазном обществе.

«Но как ни ужасно и ни отвратительно разложение старой семьи при капиталистической системе, — пишет Маркс в первом томе «Капитала», — тем не менее крупная промышленность, отводя решающую роль в общественно организованном процессе производства вне сферы домашнего очага женщинам, подросткам и детям обоего пола, создает экономическую основу для высшей формы семьи и отношения между полами. Разумеется, одинаково нелепо считать абсолютной христианско-германскую форму семьи, как и форму древнеримскую, или древнегреческую, или восточную, которые, между прочим, в связи одна с другой образуют единый исторический ряд развития. Очевидно, что составление комбинированного рабочего персонала из лиц обоего пола и различного возраста, будучи в своей стихийной, грубой, капиталистической форме, когда рабочий существует для процесса производства, а не процесс производства для рабочего, зачумленным источником гибели и рабства, при соответствующих условиях должно превратиться, наоборот, в источник гуманного развития».

В «Капитале» исследуется буржуазное общество в его возникновении, развитии и упадке. Дни капитализма сочтены — таков пророческий вывод Маркса.

«Монополия капитала становится оковами того способа производства, который вырос при ней и под ней. Централизация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Она взрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют».

«Капитал» объединил все органически связанные между собой звенья в учении Карла Маркса — философию, политическую экономию и учение о социалистической революции. В этом произведении, явившемся вершиной научной деятельности великого революционера, Маркс не только

исследовал капиталистическое общество, но дал глубокое философское и экономическое обоснование пролетарского социализма, учения о всемирно-исторической миссии пролетариата, о социалистической революции, о диктатуре пролетариата.

Маркс превыше всего ставил практику, он всегда подчеркивал решающую роль деятельности и прежде всего производственной деятельности в жизни людей. «Общественная жизнь, — писал Маркс, — является по существу *практической*».

На протяжении всей своей деятельности Маркс и Энгельс боролись против принижения сил человеческого разума, выступали против тех ученых, которые проповедовали непознаваемость мира.

Оба великих революционера, не щадя сил своих, работали над тем, чтобы открыть законы, движущие человеческим обществом, внести свой вклад в дело познания мира.

В центр всех вопросов философии Маркс и Энгельс поставили практику, революционно-практическую деятельность людей, они создали новую, высшую форму материализма, вооружили пролетариат пониманием значения революционной борьбы как единственного средства коренного изменения существующих общественных порядков. Слова Маркса — освобождение рабочего класса должно быть завоевано самим рабочим классом — стали основным принципом всей деятельности Интернационала.

Здоровье Карла ухудшилось, нищета стучалась в дверь. Снова грозило выселение из квартиры. Как всегда, только денежная помощь Энгельса спасла всю семью от голодного и унизительного существования. Между тем приближалась свадьба Лауры и Поля Лафарга. Родителям хотелось одарить новобрачную. Необходимо было пригласить кой-кого из ее подруг и дать молодежи повеселиться. Все это стало возможно благодаря чуткости и заботам манчестерского друга и его самоотверженности. Энгельс занимался ненавистной проклятой коммерцией, чтобы Маркс мог посвятить себя всецело их общему делу.

Непреодолимые трудности вынуждали Карла подумывать о переезде в Женеву. Там жизнь была значительно дешевле. Но как мог он оставить непосредственное руководство Интернационалом, расстаться с библиотекой Британского музея, из сокровищницы которой многое черпал? Кроме того, Маркс стремился наладить перевод «Капитала» с немецкого на английский язык, чтобы он стал доступен большему числу читателей, рабочим Великобритании и многих колоний. Однако при жизни Маркса «Капитал» так и не был переведен на

английский язык.

Нелегко ему было. Особенно изнуряло хитрое безразличие, проявляемое прессой по отношению к его детищу — «Капиталу». В него вложил Маркс всего себя, жертвовал всем, включая свое здоровье. Этот труд вобрал в себя все: знания, опыт, мысли, исследования, открытия многих десятилетий. В книге жили его гигантский мозг и великая душа. Это был итог бытия гения, его подвиг.

Как ни был Маркс крепок духом, он начал страдать. Через два месяца после опубликования «Капитала» Карл писал Фридриху:

«Молчание о моей книге нервирует меня. Я не получаю никаких сведений. Немцы славные ребята. Их заслуги в этой области, в качестве прислужников англичан, французов и даже итальянцев, действительно, дали им право игнорировать мою книгу. Наши люди там не умеют агитировать. Однако остается делать то, что делают русские — ждать. Терпение, это — основа русской дипломатии и успехов. Но наш брат, который живет лишь один раз, может околеть, не дождавшись».

Коварный замысел врагов и невежд — молчание о «Капитале» — приносил большой вред. Маркс понимал, какое всесокрушающее оружие дал он своей книгой всей армии революционеров и рабочих. Но книгу преднамеренно, упорно и злобно замалчивали, а надо было объяснить, донести учение к тем, кому оно предназначалось. Заговор критики колол душу, как штык, требовал ответной атаки единомышленников. Враги постоянно действенны, что не всегда можно сказать о тех, кто называется друзьями. Но Энгельс был настоящим другом и первый понял, что далее ждать нельзя. Между Марксом и большинством человечества, которому он отдал себя всего с юных лет, встало хитроумное вражеское заграждение: влиятельные газеты принадлежали буржуазии. Энгельс решил пробить брешь. Статьи о книге — то же, что ветер, разносящий семена, что всполох зарниц, освещающих небо из края в край. В схватке друг не задастся вопросом, следует ли ему броситься вперед, чтобы спасти товарища, никому не придет в голову осудить этот естественный порыв. Иное бывает в тихой заводи мещанской повседневности, где считается подчас неудобным вступиться за друга, чтобы не подумали о сговоре. Когда цель велика и полезна людям, кому же, как не единомышленнику, прийти на помощь? И соратники принялись писать критические разборы труда Маркса, чтобы привлечь к нему внимание, проложить дороги, вызвать на поединок критиков. Им удалось напечатать во многих буржуазных газетах заметки о выходе книги, отзывы на нее и даже поместить биографическую статью об авторе вместе с его

портретом. Последнее, однако, не понравилось Марксу, он терпеть не мог ничего, напоминающего рекламу.

— Я считаю это скорее вредным, чем полезным, — объявил он с неудовольствием, — и не соответствующим достоинству человека науки. Редакция энциклопедического словаря Мейера уже давно письменно просила меня доставить ей мою биографию. Я не только не послал ее, но даже не ответил на письмо.

Усилия друзей увенчались успехом. Произведение Маркса было замечено. Вскоре появились статьи о «Капитале». Даже Арнольд Руге, многолетний идейный противник Маркса, выступил в печати с оценкой могучей книги и заявил, что она «составляет эпоху и бросает блестящий, порой ослепляющий свет на развитие и гибель, на родовые муки и страшные дни страданий различных исторических эпох. Исследования о прибавочной стоимости вследствие неоплаченного труда, об экспроприации рабочих, которые раньше работали на себя, и предстоящая экспроприация экспроприаторов — классические. Маркс обладает широкой ученостью и блестящим диалектическим талантом. Книга превышает горизонт многих людей и газетных писак, но она, совершенно несомненно, проникнет в общее сознание и, несмотря на свои широкие задания или даже именно благодаря им, будет иметь могущественное влияние».

Людвиг Фейербах был не менее поражен титаническим размахом труда Маркса. Он заявил, что «книга изобилует интереснейшими, неоспоримыми, хотя и ужасными фактами». Почтительно и многословно писал о «Капитале» профессор Дюринг, считавшийся знатоком вопроса. Были и нелепые высказывания. Старый поэт Фрейлиграт, которому Маркс подарил «Капитал», сообщал, что вынес много поучительного из чтения книги и знает о самом положительном отношении к ней купцов и фабрикантов на Рейне. Бывший редактор славной «Новой Рейнской газеты» увидел в «Капитале» только полезный источник знания и руководство для молодых коммерсантов.

Высокое признание получило творение Маркса среди передовых людей России. Именно русские люди первыми перевели «Капитал» и издали его в Петербурге.

Прекрасна скромная Ирландия, зеленая холмистая страна с неоглядными розово-лиловыми от вереска, лаванды и цветущей мяты лугами, светлыми неторопливыми реками и густыми перелесками. Народ, живущий на острове, храбр, умен, мечтателен и музыкален. Арфа — национальный инструмент, и под ее нежный, как колыханье тростника над заводью,

аккомпанемент декламировали поэмы барды. Странствующие поэты, сказочники, импровизаторы настойчиво призывали к борьбе ирландцев с поработителями. В XVII веке Стюарты, Кромвель и Вильгельм III закабалили поэтическую мирную «страну картофельной кожуры», и с тех пор протяжные чистые звуки арф славили в песне и стихе бойцов за освобождение. Безыменных бардов жестоко преследовали англичане, и арфа все чаще печалилась о бедствии страны древних фениев, как в незапамятные времена назывались жители острова Эйрин (Ирландии). Согнанный с пашен колонизаторами, народ покидал тихий остров, и свыше трех миллионов людей в начале второй половины века нашло прибежище в других странах. Больше всего изгнанников переселилось за океан в Соединенные Штаты.

Лицци, сестра покойной Мэри Бернс, вторая жена Энгельса, ирландка, принимала деятельное участие в движении за освобождение своей родины, начатом революционерами, назвавшими себя фениями в память древних вольных обитателей острова.

Первые объединения фениев появились в конце 50-х годов в Америке среди ирландских переселенцев. Затем их тайные кружки возникли в самой Ирландии. Была создана единая организация «Ирландское революционное, республиканское братство». Она состояла из интеллигентов, крестьян и рабочих. Программа фениев была проста — борьба против колониального гнета англичан и массового сгона ирландских арендаторов с родных земель новыми чужеземными помещиками. Фении требовали независимости Ирландии, провозглашения республики и передачи земли в собственность тем, кто ее обрабатывал и платил неимоверно большую арендную плату англичанам-землесобственникам.

Маркс, вся его семья горячо сочувствовали фениям и их борьбе.

Все три дочери Карла всячески подчеркивали свои симпатии к порабощенному народу, столь щедро одаренному в поэзии, литературе и музыке. Лицци Бернс и Лаура часто пели ирландские народные песни, мелодичные и остроумные. Энгельс отлично знал эпос соседнего с Великобританией острова и ознакомил с ним всех обитателей Модена-Вилла.

Ирландцам присущ особый, своеобразный юмор, доброжелательный, хоть и острый, помогающий жить, бодрый, вызывающий радостный смех. Он свойствен и рождается только в очень гибком, наблюдательном уме и резко отличен от тяжеловесного, неповоротливого, грубоватого юмора англичан. Как и всякое оружье, ирония может быть убийственна, а может

удалять вредные наросты и исцелять. Шутка ирландцев — следствие подчас завидной проницательности — обычно человеколюбива и не начинена ядом.

Лицци Бернс обладала чисто ирландским юмором, который очень нравился всем, кто ее знал. В борьбе за свою родину Лицци находила поддержку в семье Маркса. Обычно Женнихен носила подаренный ей повстанческий крест в память польского восстания 1863 года на черной ленте, но после казни в Манчестере ирландских фениев она облачилась в траур и стала носить бесценную революционную реликвию на ленте зеленого национального цвета Ирландии. Все женщины семьи Маркса в качестве вызова англичанам также надевали зеленую одежду.

К рождественским праздникам Тусси вышила в подарок Энгельсу и его жене диванную подушку, узор которой изображал арфу на зеленом фоне. Но глубже всех вникала во все особенности борьбы ирландских революционеров старшая из дочерей, Женнихен. Она участвовала в шествиях и собраниях, на которых провозглашались требования амнистии арестованным фениям. Одну из наиболее значительных демонстраций, организованных в Гайд-парке Международным Товариществом Рабочих, Женни описала ганноверскому другу семьи Людвигу Кугельману:

«Этот крупнейший в Лондоне парк представлял собою одну сплошную массу мужчин, женщин и детей. Даже деревья до самых макушек были усыпаны людьми. Число присутствовавших составляло, по данным газет, около 70 тысяч человек, но так как газеты эти английские, то цифра, несомненно, слишком низка. Некоторые демонстранты несли красные, зеленые и белые знамена с самыми разнообразными девизами, например: «Держите порох сухим!», «Неповиновение тиранам — долг перед богом!» А выше флагов вздымалась масса красных якобинских колпаков, и несшие их демонстранты пели «Марсельезу».

В ирландском городке Типперери был избран в парламент один из бывших руководителей печатного органа фениев «Ирландский народ» — О'Донован-Росса, приговоренный английским судом к пожизненной каторге. Это стало наиболее сенсационным политическим событием Англии и Ирландии. В семье Маркса ликовали.

«Мы все плясали от радости, — писала Женни. — Тусси вообще неистовствовала… Какую панику вызвало в Англии сообщение об избрании фения!»

Английская пресса пыталась всячески исказить это происшествие, и особенно изолгался правительственный официоз. Французская демократическая газета «Марсельеза» на

основании ложной информации газеты премьера Англии Гладстона поместила статью, дававшую неверное освещение событиям в Ирландии. Но вскоре в той же газете появилась статья за подписью «Дж. Вильямс», опровергающая ложь английского официоза. За псевдонимом «Дж. Вильямс» скрывалась дочь Маркса Женни. Восемь смелых, политически острых статей об ирландских фениях появилось в печати под этим псевдонимом. Только одну из них Женни писала вместе с отцом. Статьи обратили на себя внимание читателей и вызвали много откликов.

Маркс высоко оценил творчество Женнихен и в шутку прозвал ее «наш знаменитый Вильямс», а Энгельс, знаток ирландских дел, поздравил ее и поощрил:

— Мистер Дж. Вильямс имеет славный и вполне заслуженный успех. Браво, Женни!

Мастерски написанные корреспонденции дочери Маркса возымели свое действие, и глава правительства Гладстон на одном из заседаний палаты общин вынужден был, наконец, согласиться расследовать зверское обращение с заключенными фениями. Одновременно он, верный своей политике удушения Ирландии, внес на обсуждение законопроект об отмене в этой колонии конституционных свобод и о введении осадного положения.

Борьба разгоралась. Интернационал помогал ирландскому народу и способствовал распространению во всем мире правды о его трагическом положении.

Жена Маркса не уставала делать все, чтобы помочь борющимся ирландским революционерам. Она перевела на французский язык много стихотворений томившегося в тюрьме, избранного в парламент, любимца своего народа ирландца О'Донован-Росса, за освобождение которого ратовала в печати младшая Женни. Вместе с дочерьми жена Маркса посещала собрания в защиту фениев и привлекала немцев-изгнанников к движению солидарности с ирландским народом.

Много времени и сил отдал ирландскому вопросу Карл Маркс. Несмотря на болезнь, он решил выступить в Лондонском коммунистическом просветительном обществе немецких рабочих с докладом об Ирландии. Он говорил с непередаваемым воодушевлением и силой убеждения с совершенно различными по уровню развития людьми, всегда был понимаем ими, а потому без особого труда разоружал противников и вербовал союзников. Глубина его знаний и ясность мышления служили надежным арсеналом, и он оставался непобедимым в любой схватке и покорял сердца людей. Он бывал также увлекательным педагогом для любого: будь то неграмотный щетинщик, бунтующий студент

или самонадеянный профессор.

В докладе об Ирландии Маркс рассказал слушателям увлекательную историю этой страны и как ею коварно завладели могущественные соседи — англичане.

— Земледельческое население, — говорил Маркс, — питалось только картофелем и водой, так как пшеница и мясо отправлялись в Англию. Вместе с продуктами и рентой из страны вывозились также удобрения; земля была истощена. Часто в той или иной местности возникали голодовки, а картофельная болезнь и в 1846 году привела к всеобщему голоду. Миллион человек умерли от недоедания. Картофельная болезнь была следствием истощения почвы, результатом английского владычества. Высокие цены на мясо и банкротство еще оставшихся мелких землевладельцев способствовали сгону крестьян с земли и превращению их земель в пастбища для скота. Свыше одного миллиона ста тысяч человек были вытеснены девятью миллионами шестьюстами овец. Только при монголах в Китае когда-то обсуждалась возможность уничтожения городов, чтобы очистить место для овец.

Ирландский вопрос является поэтому не просто национальной проблемой, а вопросом о земле, вопросом о существовании. Гибель или революция — таков теперь лозунг.

На следующий после доклада день, сообщая Энгельсу различные новости, Маркс не мог удержаться от шутки по поводу своих карбункулов, мешавших ему сидеть. «Вчера я прочел в нашем немецком рабочем союзе (но там были представлены еще три других немецких рабочих Ферейна, всего около ста человек) полуторачасовой доклад об Ирландии, так как «стоячее» положение теперь для меня самое «легкое».

Маркс досконально изучил ирландские дела и много писал об этом. Он увидел, что из-за безработицы Ирландия выбрасывает на английский рабочий рынок избыток своего населения и этим снижает заработную плату английского труженика. Между полунищим работником ирландцем и таким же англичанином начинается борьба за труд, за кусок хлеба, приводящая к взаимной лютой ненависти и раздорам. Английский пролетарий озлобляется, считая ирландца конкурентом, и противопоставляет себя ему как представителя господствующей нации. Ирландец ярится на англичанина, считая его врагом и орудием порабощения своей родины. Это зло перекинулось и в Америку, куда потянулись согнанные с родных земель бедняки из разоренной Ирландии.

Интернационал, по мнению Маркса и Энгельса, должен был повсюду открыто отстаивать права Ирландии, а обязанность

Генерального совета к тому же — пробуждать в английском пролетариате сознание, что национальное освобождение Ирландии не только дело отвлеченной справедливости и человечности, но и условие его собственной социальной независимости.

В доме Энгельса и его жены в Манчестере находили приют многие ирландские революционеры. Оказывая поддержку фениям, Энгельс в то же время сурово осуждал их заговорщическую тактику, недостаточное общение с свободолюбивыми соотечественниками, попытки устраивать местные восстания и прибегать к террору.

8 сентября 1867 года в Лозанне собрался II конгресс Интернационала. Основной опорой его все еще оставались тред-юнионы.

В воззвании, которое Генеральный совет издал за 2 месяца до конгресса, был дан обзор положения международного рабочего движения в третьем году существования товарищества. В Европе, за исключением Швейцарии и Бельгии, союзы многого не достигли. Зато Североамериканский союз в некоторых штатах завоевал для трудящихся 8-часовой рабочий день. Это была значительная победа.

Маркс на конгрессе быть не мог. Он болел. В числе представителей от Генерального совета находился старик портной Эккариус. Всего съехались 71 делегат. Преобладали представители романских стран: французы, итальянцы, бельгийцы.

Конгресс утвердил пребывание Генерального совета в Лондоне, что было очень важно для Маркса и Энгельса, установил обязательный годовой взнос в 10 сантимов для каждого члена Интернационала и подтвердил, что борьба за социальное освобождение рабочего класса неразрывно переплетена с его политической деятельностью. Завоевание политической свободы для рабочих является первейшей необходимостью.

Вместе с третьим годом существования Интернационала закончилась и пора его спокойного развития. Наступало время горячих споров и трудных боев.

Женни жила не менее напряженной и многообразной жизнью, нежели Карл. Она входила в подробности каждодневных событий и дел Интернационала, помогала мужу во всех его начинаниях, вела переписку с многочисленными соратниками в разных странах.

После окончания конгресса Женни Маркс писала в Женеву

соратнику щеточнику Филиппу Беккеру:

«…Вы не поверите, какую огромную сенсацию во всей прессе вызвал здесь Лозаннский конгресс. После того как газета «Таймс» задала тон, ежедневно печатая корреспонденции о конгрессе, другие газеты также стали посвящать рабочему вопросу не только заметки, но даже длинные передовые статьи, не считая более, что это ниже их достоинства. О конгрессе писали не только все ежедневные газеты, но и все еженедельники».

В этом же письме жена Маркса поделилась своими размышлениями о вышедшем из печати «Капитале».

«…Если Вы уже приобрели книгу Карла Маркса, то советую Вам, в случае, если Вы еще не пробились, как я, через диалектические тонкости первых глав, прочитать сначала главы, посвященные первоначальному накоплению капитала и современной теории колонизации. Я убеждена, что Вы, как и я, получите от этих глав огромнейшее удовлетворение. Разумеется, Маркс не имеет для лечения зияющих кровоточащих ран нашего общества никаких готовых специфических лекарств, о которых так громко вопит буржуазный мир, именующий теперь себя также социалистическим, никаких пилюль, мазей или корпии; но мне кажется, что из естественноисторического процесса возникновения современного общества он вывел практические результаты и способы их использования, не останавливаясь перед самыми смелыми выводами, и что это было совсем не простым делом — с помощью статистических данных и диалектического метода подвести изумленного филистера к головокружительным высотам следующих положений: «Насилие является повивальной бабкой всякого старого общества… Многие не помнящие родства капиталы, функционирующие в Соединенных Штатах, представляют собой лишь вчера капитализированную в Англии кровь детей… Если деньги… «рождаются на свет с кровавым пятном на одной щеке», то новорожденный капитал источает кровь и грязь из всех своих пор, с головы до пят… Бьет час капиталистической частной собственности…» и до конца.

Должна сказать откровенно, что этот изумительный по своей простоте пафос захватил меня, и история стала мне ясной, как солнечный свет».

Приближалось замужество красавицы Какаду — Лауры, и мать деятельно готовила ей постельное белье из снежно-белого полотна, обязательные платья из тяжелой тафты и костюм для свадебного путешествия из клетчатой шотландской шерсти с пышной короткой, по икры, юбкой. Все три дочери Маркса, отличные гимнастки, тотчас же оценили преимущества такой одежды, но допускалась она только в дороге. В повседневной

жизни, как и все девушки их возраста, Женнихен, Лаура и Элеонора носили длинные, до пола, с узким лифом платья, отделанные воланами или тесьмой. Несгибающиеся, густо накрахмаленные нижние юбки придавали таким одеяниям из тяжелых тканей вид колокола. Тугие локоны: черные — у Женнихен и золотисто-бронзового цвета, которым прославились венецианки на полотнах великого Тициана, — у Лауры — ниспадали на плечи.

Перед бракосочетанием Лауры, которое решено было совершить по-граждански, в мэрии, Лафарг отправился в Манчестер познакомиться со вторым отцом своей невесты — Фридрихом Энгельсом.

В апреле Лаура и Поль зарегистрировали свой брак в бюро актов гражданского состояния в Лондоне. Энгельс приехал на это торжество и тотчас же вернулся в Манчестер, где его ждали неотложные дела. Там радостное событие было отмечено снова. 10 апреля Фридрих писал об этом Карлу:

«Свадьбу мы здесь отпраздновали с большой торжественностью. Собаки имели зеленые ошейники, для шести ребят был устроен чай, огромный кубок Лафарга служил чашей для пунша и бедного ежа напоили пьяным в последний раз».

Ручной еж был другом не только Энгельса, его жены Лицци, но и Тусси Маркс, часто наезжавшей в Манчестер. Однако в ночь, когда вся семья Энгельса отпраздновала заочно свадьбу Лафарга, еж разгрыз одеяльце, на котором спал, сунул голову в дыру и так запутался, что утром его нашли задушенным.

Известие о кончине ежа огорчило Тусси, и Карл с шутливой печалью выразил Энгельсу соболезнование по поводу кончины «достопочтенного ежа».

Лафарги уехали на месяц во Францию. Они решили затем обосноваться в Лондоне, где Лафарг, закончивший медицинское образование, должен был начать врачебную практику.

Маркс после отъезда дочери и зятя принялся за рукописи II и III томов «Капитала» и снова перечитал Адама Смита и много других книг. Он тщательно прослеживал взаимосвязь между нормой прибыли и нормой прибавочной стоимости и успешно выработал схему всего последнего тома своего труда. Однако нездоровье мешало ему. Несмотря на уговоры Женни лечиться, Карл не только отказывался от помощи врачей, но часто скрывал, что болен.

В это же время I том «Капитала» прокладывал себе дорогу, завоевывая людей. Сложны и необычны судьбы эпохальных книг-откровений. Их сжигали, но они снова появлялись из пепла и совершала свое триумфальное шествие по векам. Их предавали

анафеме, оплевывали, а они воскресали и начинали новую жизнь, радуя и обогащая человеческие души. Их не замечали и пытались уничтожить молчанием, и все же они, сильные, как буря, двигались по всей земле, проникая в каждое жилище. Сгусток гениальных мыслей и чувств, эти книги неизменно рано или поздно доходили до тех, кому предназначались, потому что служили счастью и добру людей. Ничто не могло задержать победный путь «Капитала». Гениальное не умирает.

Приближалось 50-летие Маркса. Есть таинственная сила в числах, которыми размечен путь человеческий по жизни. Она утвердилась в сознании, переходя из поколения в поколение как прапамять. Годы возносят и убивают человека, как и все во вселенной.

Маркс работал над III томом «Капитала» и находил в этом высшее удовлетворение, счастье. Он погружался в темную неведомую и страшную пучину цифр, изысков, глубинных мыслей и находил одну за другой бесценные прозрачные и ясные, точно живой жемчуг, научные истины. То, что казалось безмерно трудным для других, было просто и легко ему.

О полувековом юбилее Марксу напомнили родные. Отложив формулы и наброски сложившихся в бездонном мозгу решений, Карл потянулся к сигаре и задумался о прожитых годах. Пятьдесят лет! Порог старости! В окно кабинета врывался запах майских цветов. Гудели жуки, пели птицы. Карл закурил и оперся головой на руку. Промелькнули разрозненные картины детства, юности, зрелых лет, припомнились давно исчезнувшие люди.

«Ах, Карлуша, Карлуша, ты все еще нищий и таким умрешь. Если б ты послушался меня и вместо того, чтобы пытаться осчастливить все человечество, сколотил капитал, то жил бы, как дядя Филипс и даже богаче, ведь у тебя такая голова», — донесся до него шепот покойной матери.

Карл насмешливо сощурил глаза. Полвека тянул он лямку, был изгнан с родины, беден, болен, вступал в необеспеченную старость. В течение многих лет рядом с ним терпели тяжкие лишения жена и дети. И, однако, подводя итоги прожитого, Маркс знал, что, начни он жизнь сначала, все равно пошел бы по тому же пути, не отказался бы ни от чего.

И когда Женни, поздравив Карла, прижала к груди его седую голову, Карл сказал ей с глубоким чувством:

— Я нашел все-таки в жизни самое редкое и ценное: настоящую любовь — тебя, и дружбу — Фридриха.

«Дорогой Мавр! — писал Марксу Энгельс в те же дни, — поздравляю anyhow[30] с полувековым юбилеем, от которого, впрочем, и меня отделяет лишь небольшой промежуток времени.

Какими же юными энтузиастами были мы, однако, 25 лет тому назад, когда нам казалось, что к этому времени мы уже давно будем гильотинированы».

Подобно тому как огромная масса Луны притягивает к себе морские пучины, вызывая приливы и отливы океанов, так гений обладает магнетической силой притяжения. Женни фон Вестфален пожертвовала ради Маркса всеми привилегиями своего аристократического происхождения и любила его безмерно до самой своей смерти; великий Энгельс делил с Марксом все и не пожалел своих лучших лет, чтобы предоставить другу возможность творить. Вильгельм Вольф завещал Марксу свое небольшое, трудом скопленное состояние, так же как Елена Демут бескорыстно посвятила семье Маркса всю свою жизнь.

Дружеское чувство прочно привязало к нищему и преследуемому Марксу Вейдемейера и Лопатина, Лесснера и Лафарга, Либкнехта и Дмитриеву и многих, многих других. Он вдохновлял поэтов, вселял уверенность в революционеров, восхищал ученых.

Люди разных национальностей и профессий тянулись к Карлу Марксу и, узнав его ближе, никогда уже не оставались равнодушными к нему. И в то же время Маркс был одним из самых скромных людей. Он решительно пресекал всякую лесть, прислужничество и питал жестокую неприязнь к проявлению какого бы то ни было культа личности. Так было всю его жизнь. Маркс любил вспоминать, как, вступая в Союз коммунистов, он и Энгельс поставили условие, чтобы из устава было выброшено все, содействующее суеверному преклонению перед отдельными личностями.

Осенью 1868 года Маркс получил письмо от незнакомого ему русского из Петербурга. Николай Франциевич Даниельсон, псевдоним которого был Николай — он, 24-летний литератор, служивший в Петербургском обществе взаимного кредита, сообщал, что «Капитал» переводится на русский язык и принят к изданию Поляковым. По просьбе Даниельсона Маркс послал ему фотографию и краткие автобиографические сведения.

Мысль о переводе «Капитала» возникла у участников полулегального кружка, прозванного «Рублевым» по размеру установленных в нем членских взносов. Несколько десятков молодых честных и пылких сердец объединились, чтобы нести знания в народ. Они надеялись пробудить в бесправных и обездоленных соотечественниках стремление к борьбе за общечеловеческие идеалы добра и равенства. С этой целью образованная молодежь старалась ознакомиться со всем новым и

значительным, что издавалось в других странах, и по возможности переводить и издавать книги на родине.

Одним из учредителей и вдохновителей «Рублева общества» был Герман Лопатин, ученик Чернышевского, рано испытавший на себе когти царских жандармов, редкостных способностей самоотверженный юноша, отлично окончивший университет, владевший свободно тремя иностранными языками. Неистовый революционер, жаждущий действия, Лопатин нелегально пробрался за границу, чтобы бороться за свободу в отрядах Гарибальди, затем вернулся в Россию, где было много дела для беспокойных душ, жаждущих не эгоистического личного процветания, а счастья для всего народа. Герман Лопатин был из числа таких избранных натур. В его груди билось большое сердце, вмещавшее любовь ко всему человечеству.

В России Лопатин был связан с революционно настроенной молодежью и вел переписку с ссыльными. Он следил за социалистической литературой. Едва «Капитал» появился в Германии, как был приобретен членами «Рублева общества». Тогда-то и возникло у них желание перевести книгу Маркса на русский язык, чтобы сделать ее достоянием наибольшего числа людей. Но в переписку с Марксом Лопатин уже вступить не мог, так как был вскоре арестован и заключен в Петропавловскую крепость, а затем отправлен в ссылку. Письмо в Лондон послал товарищ Лопатина по университету и друг всей его жизни Даниельсон после того, как договорился об издании с Поляковым. Пересылку этого письма взял на себя также близкий в то время Лопатину человек, член «Рублева общества» Любавин. Все эти три человека хорошо знали немецкий язык.

Только через два года Герману Лопатину удалось бежать из ссылки за границу. Прежде чем согласно решению петербургского кружка и просьбе издателя Полякова отправиться к Марксу, он поехал в Женеву. Лопатин был тягостно поражен распыленностью, сплетнями и личной враждой, которые раздирали отдельные группы эмигрантов. Ни дружбы, ни спаянности, ни единой цели, каких искал Лопатин, в среде изгнанников не было.

Швейцария, как Англия, стала страной, куда со всех сторон мира стекались эмигранты. Много осело на берегах Лемана и русских, начиная от сподвижников Чернышевского и до членов разгромленной бунтарской группы «Народная расправа». Значительное влияние в эту пору приобрел Бакунин и близкий к нему Сергей Нечаев, который в Женеве начал издавать журнал, развивающий идеи, охарактеризованные Марксом и Энгельсом как «казарменный коммунизм». В свои 23 года Нечаев

представлял из себя совершенно законченный тип демагога. Провокации, подметные письма, шантаж и даже убийство представлялись Нечаеву дозволенными в партийной и общественных войнах. Для себя он требовал единовластия и не терпел в своем кружке никакой критики и возражений.

Лопатин прибыл в Швейцарию в тот период, когда царское правительство потребовало выдачи Нечаева как уголовного преступника. Русские эмигранты попытались противодействовать этому.

Лопатин, бывая на собраниях, где русские изгнанники жестоко словесно дрались между собой, окончательно убедился в их беспомощности. Не обнаружил Лопатин ясных и четких позиций у большинства своих соотечественников и почувствовал себя одиноким и чужим. Тогда-то у него родилась, ставшая затем неотвязной, мысль спасти во что бы то ни стало Чернышевского для сплочения всех разрозненных и ослабленных распрями русских революционеров, не имеющих достойного, авторитетного руководителя в своей среде.

Был еще один человек, который мог указать выход из создавшегося в значительной степени из-за происков, интриг и диктаторских замашек Бакунина положения, самый образованный и творческий мозг в мире — Карл Маркс. И Лопатин решил направиться в Лондон, надеясь с помощью Маркса рассеять свои сомнения в теории. Но главной целью оставался разговор о переводе «Капитала». Лопатин и так несколько затянул осуществление того, чего хотели от него члены петербургского кружка.

Подплывая на белом пароходике к Дувру, 25-летний русский, обращавший на себя внимание могучим ладным телосложением и красивым, одухотворенным лицом, заметно волновался. Он то и дело без нужды снимал и протирал очки, которыми из-за близорукости постоянно пользовался, что, впрочем, нисколько не портило его красивые, серые, простодушные и вместе очень умные глаза.

Имя руководителя Интернационала было уже широко известно. А большие люди всегда внушают некоторую робость. Они являются мерилом для каждого встречающегося с ними человека. Нелегко увидеть самого себя маленьким. Однако Герман Лопатин мог не бояться этой встречи. Он умел думать и немало знал для своих лет и главное, что хотел обрести, — неотразимое оружие для борьбы с самодержавием.

Наконец Лопатин добрался до желанной улицы Мэйтленд-парк-род и увидел на стене фонарь с № 1. Перед ним была Модена-Вилла, двухэтажный серый небольшой дом, за которым

находился густой зеленый сад.

Карл Маркс жил очень уединенно. Тому было немало причин. Творчество и напряженный труд требуют покоя и сосредоточенности. И ничто не приносит столько вреда, как суета, празднословие и случайные ненужные встречи и знакомства. Они как ил, от которого мелеет даже самая глубокая и быстроводная река.

В семье Маркса все боялись пошлости, пересудов и бесцельной потери времени. С другой стороны, автор «Манифеста Коммунистической партии», «Восемнадцатого брюмера» и «Капитала», глава международного рабочего движения интересовал полицию нескольких стран. Под разными предлогами к нему старались проникнуть агенты и провокаторы, и поэтому допускал к себе Маркс незнакомых ему людей с большим разбором и был весьма осмотрителен. О Лопатине он слыхал немало похвал от Лафарга и принял молодого русского очень приветливо. Лопатин понравился не только Марксу, но и его семье с первой же встречи. Как некогда Поль Лафарг, он стал другом всех обитателей Модена-Вилла и очень подружился с веселым подростком Тусси.

Маркс был замечательным лингвистом. Как и Энгельс, он легко усваивал иностранные языки. В 1869 году он принялся за изучение русского.

— Без этого нельзя, — утверждал он, — иностранный язык есть оружие в жизненной борьбе. Нужны люди, которые смогут вести коммунистическую пропаганду среди разных народов.

На книжных полках в кабинете Маркса появилось больше ста русских книг. В записной тетради он отвел несколько страниц под каталог для них. Значительное количество литературы прислал из Петербурга Даниельсон. На полях книг, прочитанных Марксом, появились пометки, штрихи и риски. Сочинения Добролюбова, Чернышевского, Герцена, Салтыкова-Щедрина, Гоголя, Пушкина, Лермонтова, Флеровского особенно часто попадали с полок на столы и кресла, чтобы быть у Маркса под рукой. Он читал их большей частью без словаря.

Когда Герман Лопатин пришел к Марксу впервые, тот уже достаточно владел русской разговорной речью. Это изумляло Лопатина, не ожидавшего, что автор «Капитала» так хорошо знаком с книгами Чернышевского, Тургенева, Лермонтова.

Во время первой же встречи с Лопатиным и много раз впоследствии Маркс отзывался о Чернышевском с необыкновенным уважением. Он считал, что из всех современных экономистов именно Чернышевский представляет единственного

действительно оригинального мыслителя, между тем как остальные являются всего лишь простыми компиляторами.

— Несомненно, — отметил Маркс, — его сочинения полны оригинальности, силы и глубины мысли и единственные из современных произведений в этой науке действительно заслуживают прочтения и изучения.

Маркс негодовал по поводу того, что ни один из русских не позаботился познакомить Европу со столь замечательным мыслителем.

— Политическая смерть Чернышевского потеря для ученого мира не только России, но и целой Европы, — неоднократно заявлял он Герману Лопатину.

Отношение Маркса к тому, кого Лопатин считал своим идейным учителем, укрепило в молодом русском борце и без того неотступно преследовавшее его желание предпринять все возможное для освобождения узника. Устройство побега Чернышевского казалось Лопатину вполне осуществимым делом. Занимаясь переводом «Капитала», он одновременно тщательно продумывал план освобождения автора «Что делать?».

Лопатин переводил книгу Маркса с большим воодушевлением и радостью тем более оттого, что мог видеться с автором и пользоваться его советами. Однако переводчик должен был сознаться, что никак не может сладить с первой главой. Тогда Маркс подсказал ему выход из создавшегося творческого тупика. Лопатин занялся второй, более легкой для него главой и, таким образом, постепенно сжился с особенностями языка, манерой изложения и самой темой произведения. Благодаря непосредственному общению с Марксом русский перевод «Капитала» смог передать всю образность и неповторимый сарказм речи, особенности стиля и революционный взлет мыслей автора. Маркс, знавший уже достаточно русский язык, высоко оценил мастерство перевода.

Желая подготовить в лице Лопатина теоретически сильного русского революционера, Маркс вовлекал его в широкое русло политической деятельности. Скоро Лопатин стал членом Генерального совета Интернационала.

В конце 1870 года, однако, Лопатин внезапно исчез из Лондона. В это время более трети перевода «Капитала» было уже закончено. Надеясь скоро вернуться в Англию, Герман Лопатин отложил на время работу переводчика и уехал в Россию осуществить свой отважный замысел освобождения Чернышевского.

Он не признался в этом даже Марксу, несмотря на всю свою любовь и уважение, так как он был уверен, что тот сочтет затею

безумной и попытается отговорить его. Лопатин никогда не отступал от намеченной цели, как бы безрассудна она ни была в глазах более опытных, здравомыслящих людей. В Женеве с помощью издателя Элпидина он приобрел подложные документы и под видом турецкого подданного Сакича прибыл в Россию. В деревянном сундучке, составлявшем весь его багаж, хранился экземпляр «Капитала» и отдельные листы перевода с немецкого на русский язык. Вскоре он послал Марксу письмо, желая объяснить ему свое внезапное исчезновение.

«По почтовому штемпелю на этом письме Вы увидите, — писал Лопатин, — что, несмотря на Ваши дружеские предупреждения, я нахожусь в России. Но если бы Вы знали, что побудило меня к этой поездке, Вы, я уверен, нашли бы мои доводы достаточно основательными… Стоящая передо мной задача вынуждает меня покинуть в ближайшие дни Петербург и отправиться в глубь страны, где я задержусь, по всей вероятности, три-четыре месяца».

Лопатин поехал в Сибирь с подложным паспортом члена Географического общества Любавина.

Общительный, кипучий характер, врожденное обаяние, находчивость и ум помогали Лопатину преодолевать многочисленные затруднения в дороге. В Иркутске он узнал, где ему искать Чернышевского, но на этом смелое предприятие его окончилось. Неосмотрительная доверчивость Элпидина послужила всему виною. Он рассказал подосланному в Женеву Третьим отделением под видом революционера агенту о скором освобождении Чернышевского.

Маркс был крайне встревожен судьбою полюбившегося ему молодого человека, столь таинственно покинувшего Лондон. Он получил известие от друзей из Швейцарии об опасности, угрожающей Лопатину.

«Наш друг», — сообщал он Даниельсону в условно составленном письме, — *должен вернуться в Лондон* из своей торговой поездки. Корреспонденты той фирмы, от которой он разъезжает, писали мне из Швейцарии и других мест. Все дело *рухнет,* если он отложит свое возвращение, и сам он навсегда потеряет возможность оказывать дальнейшие услуги своей фирме. Соперники фирмы уведомлены о нем, ищут его повсюду и заманят в ловушку своими происками».

Но было уже поздно. Лопатина схватили «соперники фирмы» — царская полиция. Он попытался бежать, но был настигнут и брошен в Иркутский острог. Ему удалось оттуда обо всем сообщить Даниельсону и просить друга продолжать работу над «Капиталом», чтобы долее не оттягивался выпуск этой книги в

России.

Даниельсон принялся тотчас же за работу и быстро закончил перевод. Первую главу и приложение, однако, перевел не он, а один из знакомых Лопатина, член «Рублева общества» Николай Любавин.

В дни выхода «Капитала» на русском языке Лопатин все еще находился под надзором, и хотя он был основным переводчиком книги, указать его имя на обложке не представлялось возможным. Интересы дела были всегда выше всего, по мнению Лопатина, и он бескорыстно полностью передал свои права Николаю Франциевичу Даниельсону.

Маркс очень обрадовался «Капиталу», изданному на русском языке. Этот день был отмечен как большое торжество в Модена-Вилла.

«Прежде всего, — писал он Даниельсону, — большое спасибо за прекрасно переплетенный экземпляр. Перевод сделан *мастерски*».

Великий труд Маркса стал учебником социалистов на всей земле. И в одной из резолюций Брюссельского конгресса Интернационала было сказано, что эта книга Маркса рекомендуется всем секциям как «библия рабочего класса».

Но первенство издания гениального творения Карла Маркса на иностранном языке принадлежит России.

С конца 60-х годов и до самой смерти вокруг творца «Капитала» и вождя Интернационала постоянно бывали и другие русские. Одним из близких и особо ценимых Марксом людей стал петербуржец Александр Александрович Серно-Соловьевич. Он, как и его трагически погибший в 1865 году брат Николай, посвятил всю жизнь революционному движению.

Ранняя смерть уничтожила на Руси не один большой талант. Не один клад ума и доброй воли приняла и скрыла безвестная могила. Младшего Серно-Соловьевича, Александра, от подобной участи спасло изгнание. Он, как и его брат, принимал живейшее участие в тайном обществе «Земля и воля» и был членом ее Центрального комитета. Александр Александрович внешне и внутренне несколько отличался от покойного брата. Он был более замкнут, менее уравновешен, физически не столь силен. В больших, внимательно смотревших глазах отражалось неуловимое беспокойство, а подчас и печаль. Овальное лицо его было всегда очень бледным. Красивые большие губы под тонкими, остриженными «треугольником» темными усами часто подергивались. Он был гораздо более душевно раним, чем это можно было заметить. Как и его брат Николай, он жил как

спартанец, ограничивая свои потребности и отдавая себя и все, что имел, делу борьбы за бесправных и обездоленных.

В Швейцарии, выделяясь умом и опытом в вопросах революционной тактики, Александр Александрович явился подлинным предшественником организаторов русской ветви Интернационала, которая объявляла, что ставит перед собой задачу «оказывать всемерную энергичную помощь активной пропаганде принципов Интернационала среди русских рабочих и объединять их во имя этих принципов».

В 1867 году из Италии в Швейцарию переселился Бакунин. Следом в Женеву пришла, отчасти им самим раздуваемая, слава героического революционера, Голиафа, победившего стойкостью и отвагой саксонских, австрийских и российских деспотов. История его побега из Сибири переходила из уст в уста. Внешность Бакунина, особенно его гигантский рост, проникновенный голос, демагогическая цветистая речь произвели сильное впечатление на молодых, не искушенных в политике и часто слабых в теории молодых русских эмигрантов. Но Александр Александрович не поддался стадному чувству поклонения, охватившему многих его сверстников. Он сразу же увидел, как властолюбив, душевно сух, склонен к интригам новоявленный пророк анархии. Идеи Бакунина совершенно расходились с теми, которые отстаивал Александр Серно-Соловьевич. Основой их расхождения был вопрос об отношении рабочих к политической борьбе. Бакунин проповедовал теорию «политического воздержания», соратник же Чернышевского, член Центрального комитета «Земли и воли» отвергал это, как тормоз в революционном движении. Он понимал, что, создав политическую партию, рабочий класс может добиться улучшения своего положения. Еще менее согласился он с бакунинской пропагандой необходимости немедленной социальной революции.

Серно-Соловьевич был членом Интернационала и принимал живейшее участие в работе романских секций. Человек неукротимой энергии, не щадивший себя ни в одном деле, он, случалось, спал в течение суток всего два-три часа и восклицал с горечью, что ему не хватает времени, чтобы выполнить хоть часть задуманного.

Маркс высоко ценил Серно-Соловьевича, переписывался с ним и ему, единственному русскому, подарил «Капитал», как только он вышел из печати в Лейпциге.

Последние годы жизни Александр Александрович всецело отдался работе в Международном Товариществе Рабочих. Он говорил одному из своих друзей:

— Меня мучит, что я не еду в Россию мстить за гибель моего брата и его друзей, но мое одиночное мщение было бы — недостаточно и бессильно; работая здесь в общем деле, мы отомстим этому проклятому порядку, потому что в Интернационале лежит залог уничтожения всего этого порядка повсюду, повсеместно.

Работа в Международном Товариществе всегда казалась Серно-Соловьевичу служением не только всему рабочему движению, но и делу освобождения родины от царского ига.

Бурный подъем революционной борьбы ирландского народа за свою независимость, восстание фениев в феврале и марте 1867 года заставили Маркса вплотную заняться вопросом, которому он придавал огромное теоретическое и политическое значение. Учтя соотношение сил в самой Англии и революционные возможности ирландского освободительного движения, Маркс заново пересмотрел все, что думал о положении в Ирландии.

Если раньше Маркс полагал, что рабочее движение угнетающей английской нации принесет свободу Ирландии, то теперь он пришел к выводу, что национальное освобождение «Зеленого острова» должно послужить предварительным условием освобождения английского рабочего класса.

Англия была крепостью лендлоризма и европейского капитализма, а Ирландия его цитаделью. Лендлорды — крупные английские помещики и землевладельцы — грабили мелких фермеров-арендаторов. Лендлоризм установился в Англии в результате безнаказанного разбоя помещиков, сгона свободных крестьян с их собственных земель, захвата общинных угодий, расхищения государственного и церковного имущества в средние века. Завершение процесса огораживания помещиками всей земельной собственности, когда, по классическому выражению Томаса Мора, овцы поели людей, привело к еще большему расширению владений лендлордов. На протяжении нескольких веков они правили Англией и составляли главную опору реакционной партии.

К середине XIX века остров Альбиона был единственной в мире страной, где уже не оставалось более крестьян, все земли сделались собственностью помещиков, а огромное большинство населения представляли наемные рабочие. Это была первая классическая страна капитализма и лендлоризма.

Английские землевладельцы-монополисты захватили также все земли Ирландии и беспощадно разоряли мелких арендаторов. В течение 800 лет Англия, подобно гигантскому удаву обвившись вокруг более слабого соседа, заглатывала все его богатства. Во

времена английской Реформации Ирландия была окончательно превращена в колонию — источник обогащения английского феодального дворянства и буржуазии, возникшей в процессе первоначального накопления.

При Кромвеле колониальное порабощение Ирландии было окончательно закреплено, а героическое восстание ирландского народа потоплено в крови. Английский парламент утвердил массовый захват земель английскими офицерами, кредиторами парламента, спекулянтами. Промышленное развитие Ирландии продуманно тормозилось, страна Эйре ко времени Интернационала была превращена в земледельческий округ Англии, в рынок дешевых рабочих рук и сельскохозяйственного сырья. Ограбление Ирландии явилось одним из источников создания крупной промышленности Англии.

История Ирландии — это летопись непрекращающейся ожесточенной борьбы народа против своих соседей-поработителей.

Маркс со свойственной ему гениальной проницательностью вскрыл заинтересованность не только ирландского, но и английского народа в ликвидации национального гнета на соседнем острове. Он стремился утвердить идею боевого союза английских чартистов с борцами за независимость Ирландии. Обоснование Марксом требования предоставления Ирландии национальной независимости, вплоть до ее отделения от Англии, в качестве лозунга английского рабочего движения явилось важным вкладом в разработку принципов пролетарской национальной политики. На опыте Ирландии Маркс, сделав дальнейший шаг в развитии своих идей по национальному и колониальному вопросам, пришел к выводу о необходимости сочетания национально-освободительного движения в этой первой английской колонии с борьбой пролетариата за социализм во всей метрополии.

Руководствуясь этим теоретическим положением, Маркс призывал английских рабочих и их руководителей в Генеральном совете к решительной и действенной поддержке освободительного движения угнетенных ирландцев. Маркс был неутомимым вдохновителем кампаний, митингов, дискуссий в защиту и поддержку борющейся Ирландии, докладчиком и автором решений по ирландскому вопросу.

В письме Генерального совета Интернационала Федеральному совету Романской Швейцарии Маркс обосновал интернациональное значение ирландского вопроса, показав важность разрешения ирландской проблемы для развития международного рабочего движения, прежде всего для успешной

борьбы английского пролетариата. Он указал, что одной из основ экономического могущества английских господствующих классов является колониальное угнетение Ирландии.

«Если Англия, — писал Маркс швейцарским товарищам, — является крепостью лендлоризма и европейского капитализма, то единственный пункт, где можно нанести серьезный удар официальной Англии, *представляет собой Ирландия.*

Во-первых, Ирландия является *цитаделью* английского лендлоризма. Если он рухнет в Ирландии, то он должен будет рухнуть и в Англии. В Ирландии это может произойти во сто раз легче, потому что *экономическая борьба сосредоточена там исключительно на земельной собственности,* потому что там эта борьба есть в то же время и национальная борьба и потому что народ в Ирландии настроен более революционно и более ожесточен, чем в Англии. Лендлоризм в Ирландии удерживает свои позиции исключительно при помощи *английской армии.* Как только прекратится *принудительная уния* этих двух стран, в Ирландии немедленно вспыхнет социальная революция, хотя и в устаревших формах. Английский лендлоризм потеряет не только крупный источник своих богатств, но также *важнейший источник своей моральной силы* как *представителя господства Англии над Ирландией.* С другой стороны, оставляя неприкосновенным могущество своих лендлордов в Ирландии, английский пролетариат делает их неуязвимыми в самой Англии.

Во-вторых, английская буржуазия не только эксплуатировала ирландскую нищету, чтобы ухудшить положение рабочего класса в Англии путем *вынужденной иммиграции* ирландских бедняков, но она, кроме того, разделила пролетариат на два враждебных лагеря. Не происходит гармонического соединения революционного пыла кельтского рабочего и положительного, но медлительного нрава англосаксонского рабочего. Наоборот, во всех *крупных промышленных центрах Англии* существует глубокий антагонизм между английским и ирландским пролетарием. Средний английский рабочий ненавидит ирландского как конкурента, который понижает заработную плату и standard of life[31]. Он питает к нему национальную и религиозную антипатию. Он смотрит на него почти так же, как смотрели poor whites[32] южных штатов Северной Америки на черных рабов. Этот антагонизм между пролетариями в самой Англии искусственно разжигается и поддерживается буржуазией. Она знает, что в этом расколе пролетариев заключается подлинная тайна сохранения ее могущества.

Этот антагонизм воспроизводится и по ту сторону Атлантического океана. Вытесняемые с родной земли быками и

овцами, ирландцы вновь встречаются в Северной Америке, где они составляют огромную, все возрастающую часть населения. Их единственная мысль, их единственная страсть — ненависть к Англии. Английское и американское правительства (то есть классы, которые они представляют) культивируют эти страсти, увековечивая скрытую борьбу между Соединенными Штатами и Англией. Они таким образом препятствуют серьезному и искреннему союзу между рабочими по обе стороны Атлантического океана, а следовательно, и их общему освобождению.

Ирландия — это единственный предлог для английского правительства содержать *большую постоянную армию,* которую в случае нужды, как это уже имело место, бросают против английских рабочих, после того как в Ирландии эта армия пройдет школу военщины.

Наконец, в Англии в настоящее время повторяется то, что в чудовищных размерах можно было видеть в Древнем Риме. Народ, порабощающий другой народ, кует свои собственные цепи.

Итак, позиция Международного Товарищества в ирландском вопросе совершенно ясна. Его главная задача — ускорить социальную революцию в Англии. Для этой цели необходимо нанести решающий удар в Ирландии».

Маркс призвал рабочий класс угнетающей нации — англичан — к борьбе против всякого национального гнета и доказал, что одной из главных причин слабости английского рабочего движения, несмотря на его организованность, является всячески разжигаемая английской буржуазией национальная рознь между английскими и ирландскими рабочими. Угнетение Ирландии и других колоний, подчеркивал Маркс, является преградой для прогрессивного развития самой Англии. Нация, закабаляющая другую, тем самым губит себя, — так определил Маркс важнейший принцип пролетарского интернационализма.

Дружба между всеми членами семьи Маркса смягчала трудности жизни и материальные лишения. Невозможно определить, какая из трех дочерей Карла и Женни могла бы считаться лучшей, так богаты и цельны были их души. Это были не только преданные, любящие родителей дети, но и их верные друзья и единомышленники.

В ноябре 1868 года, желая хоть чем-нибудь помочь родным, Женнихен тайком поступила домашней учительницей в зажиточный английский дом. Лаура вместе с Лафаргом принялась за перевод «Манифеста Коммунистической партии» на французский язык.

1 января Нового года Карл и Женни узнали о рождении внука. Лафарги назвали своего новорожденного мальчика Этьеном. Скоро за ним прочно утвердилось прозвище Шнапсик.

Маркс посещал регулярно Британский музей и много работал. В свободные часы с большим свернутым черным зонтом на случай дождя он отправлялся в Хемстед-хис и по дороге нередко заходил к кому-нибудь из старых знакомых рабочих. Ему хотелось послушать их мнение о злободневных делах. Эккариус или Лесснер, соратники Карла со времен создания Союза коммунистов, чаще других были его попутчиками в таких прогулках. Седой, сутулый портной Лесснер испытывал истинное наслаждение, слушая Маркса, изредка и он вставлял меткое словцо или рассказывал что-либо интересное. Особенно волновал тружеников вопрос о том, как добиться поскорее 8-часового рабочего дня.

И Лесснер и Эккариус, случалось, очень нуждались в деньгах, и сам крайне стесненный материально Маркс все-таки постоянно делился с ними последними крохами.

Когда Маркс бывал здоров, он никогда не пропускал ни одного заседания Генерального совета, после которого нередко вместе с единомышленниками отправлялся в какую-нибудь таверну, чтобы освежить горло кружкой доброго пива. Случалось, что там же, в соседнем зале, горячо спорили, а подчас пели бодрые ирландские песни фении.

Тусси была всегда желанным гостем в манчестерском Моринггтон-паласе, где поселился Энгельс с женой и ее племянницей малюткой Мэри Эллен, толстушкой, прозванной Пумс. Как и в Модена-Вилла, Тусси имела в доме, который был ей дорог столько же, сколько и родительский, много четвероногих друзей. Правда, с тех пор, как ежик задохся в одеяле, таких животных у Энгельса больше не было. Но зато хватало собак. Любимцем Энгельса был большой, весьма разумный и добродушный Дидо, ирландский рыжий терьер с квадратной бородатой мордой и горящими глазами доисторического пещерного жителя. Он постоянно сопутствовал своему хозяину в пеших и верховых поездках. С Тусси у Дидо установились самые короткие приятельские отношения, которые пес выражал неутомимым вилянием хвоста и радостным визгом. Он умел играть в мяч, отбивая его носом, и часто заменял пони, впрягаясь в колясочку Мэри Эллен.

В Манчестере Тусси чувствовала себя полноправной хозяйкой дома, так нежно любила и баловала ее Лицци, которой девочка помогала в рукоделии, хозяйстве и приеме гостей.

Четырнадцатилетняя Тусси была очень горда тем, что давала маленькой Пумс первые уроки немецкого языка. Только в кабинет Энгельса Тусси входила не без робости. Это была святая святых дома. Там царил ошеломляющий порядок. Каждая вещь, включая тряпочку для чистки перьев, имела строго определенное ей место, и горе было тому, кто это нарушал. Всегда спокойный, мягкий в обращении Энгельс становился тогда мрачным и суровым. От волнения он начинал заикаться и с трудом усмирял в себе начинающуюся бурю. Книги и бумаги, лежавшие стопками, также были будто прикованы к столу, и домочадцы никогда не прикасались к ним.

Как-то в самом конце июня Энгельс позвал Тусси к себе. Она вошла с книгой сербских песен на немецком языке, которую читала. Осмотрев кабинет слегка насмешливым взглядом, девочка лукаво улыбнулась и сказала:

— У тебя, дядя Энгельс, в кабинете так же скучно и аккуратно все разложено, как вещи в шкафу у педантичной старой девы.

Энгельс залился по-детски чистым смехом. Только Маркс мог соперничать с ним в врожденном искусстве чистосердечно смеяться и находить в этом душевную разрядку. Смех обоих друзей заражал окружающих и был радостен, будто гимн бытию.

— Ого! — Энгельс прищурился. — Разница, однако, в том, что сложенное в шкафу приданое ей не пригодится, а здесь все, что видишь, находится в непрерывном действии. К тому же я слишком стар, чтобы приобретать новые привычки. Вот два письма для мисс Элеоноры от Мавра, — сказал он и протянул их девочке.

Тусси, усевшись в кресло, погрузилась в чтение. Вдруг она снова услыхала веселые взрывы раскатистого смеха. Энгельс хохотал над письмом Маркса.

— Черт возьми! Карл снова раскопал кое-что у Ларошфуко. Послушай-ка, Кво-Кво: «Мы все имеем достаточно силы, чтобы переносить чужое несчастье». Это ли не истина? Или вот еще: «Старики любят давать хорошие советы, чтобы вознаградить себя за то, что они уже не в состоянии больше подавать дурных примеров». — И Энгельс снова принялся смеяться.

Тусси ему вторила.

— «Когда пороки нас оставляют, мы льстим себя верой, что это мы их оставляем».

— А что еще, дядя Фред, пишет наш леший?

— Изволь: «Короли поступают с людьми, как с монетами: они придают им цену по своему произволу и их приходится расценивать по курсу», или вот тоже неплохо: «Мы часто прощаем тех, которые причиняют скуку, но мы не можем простить тех,

которым причиняем скуку».

Еще одно изречение, приведенное в письме, Энгельс, сочтя не подходящим для Тусси, прочел про себя: «Любовники и любовницы никогда не скучают друг с другом, потому что они всегда говорят о самих себе».

— Знаешь, Туссихен, — сказал Энгельс, отложив чтение, — никто не может себе представить, как часто, несмотря на то, что не всегда нам с Мавром жилось сладко, мы искренне веселились в письмах. Если б ты знала, сколько шуток запечатлено в нашей эпистолярной продукции за двадцать пять лет. — Энгельс достал ящик, в который обычно складывал письма друга. В нем было несколько десятков тщательно перевязанных пачек.

Тусси подошла к креслу Энгельса и заглянула через его плечо. На столе лежал только что полученный листок почтовой бумаги. Она узнала дорогой ей, непостижимый, острый, как зигзаги молнии, почерк отца. Рядом лежал ответ Энгельса, написанный четкими, красивыми, мелкими буквами.

Тусси перевела глаза на настольный календарь. Был канун 1 июля.

— Завтра, не правда ли? — шепнула она.

— Да, карлик Альберих. Завтра великий день.

— Мы устроим большой праздник. Ведь ты ждал этого дня двадцать лет.

— Конечно, бэби. Я расстаюсь навсегда с проклятым божком коммерции Меркурием. Я буду свободен. Ура! Ура!

Энгельс вскочил с чисто юношеской резвостью с кресла и подхватил Тусси на руки, как делал это, когда она была совсем маленькой. Затем он побежал в соседнюю комнату и закружил Лицци.

— Да здравствует свобода! Ура!

На следующий день Энгельс поднялся, как всегда, очень рано. Выражение его лица было какое-то просветленное, блаженное.

— В последний раз! В последний раз! — возгласил он и натянул высокие сапоги, чтобы еще один, последний раз отправиться в контору.

Лицци не могла скрыть своей радости и обняла мужа.

Спустя несколько часов она и Тусси вышли к воротам, чтобы встретить «коммерсанта в отставке», как в этот день говорили в Морингтон-паласе. Энгельс шел, размахивая приветственно тростью над головой, и громко пел бравурную немецкую песню. Он пел не раз в этот день. Радость воцарилась в доме, и до поздней ночи не затихали там шутки и смех. Лицци убрала по-праздничному стол, и в честь «бегства из египетского пленения», как Маркс назвал совершившееся событие в жизни друга, распили

не одну бутылку шампанского.

В том же году Энгельс с женой и Тусси поехал в Ирландию. Его дорожные рассказы о стране, прозванной «Ниобеей наций» согласно древнему мифу о несчастной матери, потерявшей своих детей, остались в памяти младшей дочери Маркса на всю жизнь. В путешествии Фридрих Энгельс всегда был чрезвычайно вынослив, бодр и заражал окружающих юношеской энергией и умением радоваться жизни. Хотя он приближался уже к пятидесяти годам, в его каштановых волосах и густой, окладистой, непокорной бороде не было ни одного седого волоса и лицо без морщин сохранило краски ранней молодости. Он был неутомим в каждом деле, за которое брался, и постоянно углублял свои познания в естествознании, химии, ботанике, физике, политической экономии и военных науках. Филология была его страстью; он знал в совершенстве немецкий, французский, английский, итальянский, испанский, датский, изъяснялся по-русски, польски, румынски, не говоря уже о греческом и латинском, хорошо понимал еще много разных языков и диалектов.

Со времени ухода от коммерции ничто не удерживало Энгельса в Манчестере. Он начал деятельно готовиться к переезду в Лондон, поближе к любимому другу и его семье. Давно уже мечтали о возможности жить в одном городе Маркс и Энгельс. Женни Маркс энергично приискивала в Лондоне квартиру, которая бы понравилась Фридриху и Лицци и, главное, находилась поблизости от Мэйтленд-парк-род Хаверсток-хилл.

1869 год оказался для Маркса необычно разнообразным. Он ездил не только в Манчестер, но побывал несколько раз на континенте. В Париже у Лафаргов Маркс жил под именем А. Вильямса, чтобы таким образом избежать преследования полиции. Снова Карл прогуливался по значительно изменившейся, давно не виденной им столице Франции. На улице Ванно в Сен-Жерменском предместье он долго стоял, поглощенный воспоминаниями, против дома, где провел когда-то с Женни счастливый год.

В начале сентября вместе с дочерью Женни Маркс отправился в Ганновер к Кугельманам. По дороге он остановился на день у двоюродного брата Филипса в Аахене, затем заехал к знакомым в Майнц и Зигбург. Дела привели его и в Гамбург к издателю Мейснеру.

В Ганновере Кугельманы окружили Карла и Женнихен дружеской заботой. Приветливая, превосходно воспитанная, очень тактичная Женнихен завоевала сердца Гертруды и

Френцхен. Кугельман не скрывал свсего преклонения перед Марксом. Однако в отношении его к автору «Капитала» была примесь опасной экзальтации, которая подобна бурлящей пене над пивом. Внезапно взметнувшись вверх, она так же быстро исчезает, и тогда обнаруживается не дополна налитая кружка.

В одной из комнат о пяти окнах в доме, принадлежавшем восторженному врачу, в которой обычно музицировали, вдоль стен на подставках были расставлены гипсовые бюсты греческих богов. Кугельман надоедал Марксу сравнениями, утверждая, что Карл похож на Зевса. Он неоднократно говорил Женнихен:

— У обоих могучее чело и голова с копной курчавых волос. На лбу вертикальные складки мыслителя, и выражение лиц повелительное и добродушное в одно и то же время. Я нахожу также у Маркса, — добавлял он, — жизнеутверждающее спокойствие души, которое воспел Гомер у олимпийцев. Таким людям чужды рассеянность и смятение.

Красноречивый врач погружался в глубокомысленное созерцание.

— Классические боги — символ вечного покоя, лишенного страсти. Не правда ли? — обратился он как-то к Марксу.

— Вы не правы, — ответил тот, не задумываясь, — они символ вечной страсти, чуждой покоя.

Когда к Марксу приходили товарищи по партийной или политической работе, Кугельман принимался ворчать. Он хотел, чтобы, подобно античным богам, Маркс был недоступен людям, метал молнии и громовые стрелы на бумаге, а не занимался тем, что ганноверскому гинекологу казалось всего лишь земной суетой, не стоящей траты времени. Маркс вежливо, но решительно прекращал сетования Кугельмана и продолжал общаться с самыми различными людьми. Его посетила депутация швейцеровского союза рабочих-металлистов, и более часа продолжалась их оживленная беседа. Маркс рассказал делегатам о подлинном значении профсоюзов как школы социализма и высказался против принципов организации рабочих объединений, проводимых Швейцером и его партией. Спустя три дня к вождю Интернационала пришли три члена Центрального комитета Социал-демократической рабочей партии Германии.

Но вечера Маркс обычно проводил в гостеприимной семье ганноверских друзей. О чем только не говорили, чего не вспоминали! Как-то Маркс рассказал в комических выражениях, как однажды он едва не был задержан и препровожден в полицию по подозрению в краже, когда сдавал в ломбард фамильное серебро с баронским гербом и монограммой фон Вестфаленов.

В зале у Кугельманов, прозванном «Олимпом», устраивались

концерты, в которых участвовали местные певцы и музыканты. Однажды Женнихен, обладавшая незаурядным драматическим талантом, прочла монолог леди Макбет. Незадолго до того она уже выступала в той же роли в одном из лондонских театров. Полученные за это деньги Женнихен потратила на покупку бархата для Ленхен, не имевшей теплого пальто. В гостиной Кугельмана велись беседы о книгах и писателях. Маркс читал наизусть отрывки из греческих классиков, Шекспира, Гёте, Шамиссо, Рюккерта. Метко судил он о своих любимцах Кальдероне, Филдинге, Бальзаке. Хвалил Тургенева, который, по его мнению, верно понял своеобразие русского народа, восхищался описаниями природы у Лермонтова.

Дни в Ганновере, прозванные Марксом «оазисом в пустыне», пронеслись быстро. В октябре он был снова в Лондоне. Из России Даниельсон прислал ему к этому времени «Положение рабочего класса в России» Флеровского.

В сумрачные дождливые дни знаменательного 1870 года Маркс зачитывался этой книгой и писал Энгельсу об ее авторе: «Видно, что человек этот всюду разъезжал и наблюдал все лично. Жгучая ненависть к помещикам, капиталистам и чиновникам… Хорошо обрисована и семейная жизнь русского крестьянина — с отвратительным избиением насмерть жен, с водкой и любовницами…»

В этом же письме Маркс подробно знакомил Энгельса с перипетиями усиливающейся с каждым днем внутри Интернационала борьбы с Бакуниным. Женевская газета «Равенство» под влиянием Бакунина выступила с бесчестными нападками на Генеральный совет Интернационала, и в ответ на это Маркс направил обращение к Федеральному совету Романской Швейцарии.

«Результат: вся бакунинская банда вышла из «Egalité»[33], — сообщал Маркс Энгельсу. — Сам Бакунин избрал своей резиденцией Тессин. Будет продолжать свои интриги в Швейцарии, Испании, Италии и Франции. Состояние перемирия между нами прервано, так как он знает, что я сильно нападал на него и разоблачал его… Это животное и вправду воображает, что мы *«слишком буржуазны»* и потому не в состоянии понять и оценить его возвышенные идеи о «праве наследования», «равенстве» и замене нынешней системы государств *«Интернационалом»*.

В январе 1870 года у Лауры Лафарг родился второй ребенок — дочка. Сообщая об этом Энгельсу, бабушка новорожденной, Женни Маркс, заканчивала письмо шуткой: «Я надеюсь, что этот

быстрый темп прекратится, иначе мы скоро будем иметь 1, 2, 3, 4, 5… 6… 10 маленьких негритят».

Лафарги переселились во Францию, где в это время разыгрывались значительные события. Империя Луи Бонапарта судорожно лихорадила. Начался новый подъем рабочего движения. Горняки каменноугольного бассейна Луары и прядильщики Руана, литейщики и каретники Марселя, текстильщики, булочники и штукатуры Лиона, корзинщики, столяры, щеточники Парижа бастовали. Стремительно разрастались секции Интернационала, и его влияние среди тружеников становилось все более значительным.

«Интернационал, — писала Лаура отцу, — делает здесь чудеса. Рабочие явно питают к Товариществу неограниченное доверие: ежедневно образуются новые секции… Инициатива каждого нового движения среди рабочих, каждой новой стачки приписывается в той или иной мере Интернационалу, привлекая в его ряды все большее число обществ и отдельных лиц. К званию члена Интернационала начинают здесь относиться с большим уважением».

Весной в Париже возникла Федерация секций Международного Товарищества Рабочих. Тревога в правительстве Наполеона III возрастала по мере усиления Интернационала. Социалистов преследовали. В июне предстали перед судом тридцать восемь членов Интернационала. Смело отстаивали на суде свои социалистические взгляды обвиняемые французские рабочие.

В 1869 году группа русских политических эмигрантов примкнула к Интернационалу. Именно в это время Генеральный совет Международного Товарищества Рабочих вел ожесточенную борьбу с бакунистами, и русская секция, состоявшая из яростных противников «апостола анархии», оказала значительную помощь Марксу и Генеральному совету в борьбе против раскольнических действий Бакунина.

В Италии, Испании, Швейцарии, России и отчасти во Франции Бакунин имел к тому времени уже немало сторонников и стал одним из наиболее опасных и серьезных врагов развивающегося марксизма. Бакунин пытался подчинить Интернационал своему влиянию, возглавить его, навязать ему анархистскую программу. Для этого он создал полуконспиративную организацию с замысловатым названием «Альянс социалистической демократии» и вступил в Интернационал во главе этого сообщества. Затаенные раскольнические стремления бакунистов вскоре выявились, и

Генеральный совет вынужден был решительно противодействовать их интригам.

Маркса и Бакунина разделяла непроходимая идейная пропасть: в то время как коммунисты призывали к революционной борьбе и были уверены в победе рабочего класса, Бакунин проповедовал «политическое воздержание». Борьба, утверждал он, ведет лишь к укреплению буржуазии, трудящиеся массы заинтересованы в уничтожении всякого государства, будь то монархия или какая угодно республика, а не в переделке его. Бакунин пытался доказывать, что не капитал создает государство для защиты своих интересов, а, наоборот, государство — капитал. Любое государство является злом, поэтому необходимо его уничтожить, и тогда исчезнет сам собой капитал. Бакунин призывал не способствовать развитию государства, проповедовал полное пренебрежение ко всякой политической деятельности, осуждал стачки, демонстрации, участие трудящихся в парламентских выборах и выдвижение депутатов-рабочих. Он запрещал своим последователям принимать участие в местных самоуправлениях, не понимая, что отсутствие политических свобод задерживает развитие классового самосознания.

Анархисты объявили государственную власть причиной социального неравенства и нападали на учение Маркса о диктатуре пролетариата в переходный период от капитализма к коммунизму. По мнению Бакунина, надлежало немедленно путем революции уничтожить все виды и формы государства и на его развалинах установить анархию.

Бакунизм был разновидностью прудонизма. Впрочем, новый апостол реакционного мелкобуржуазного течения не отличался разборчивостью и брал свое добро всюду, где находил. Его теоретическая платформа, сложившаяся к концу 60-х годов, представляла собой мешанину идей, соединение утопии Прудона об «идеальном обществе» с заимствованными у Сен-Симона рассуждениями об отмене права наследования; фразы из книг англичанина Годвина и немца Штирнера; коммунистические идеи о коллективной собственности и рассуждения о равновесии между трудом и капиталом. В 1868–1869 годах к этой мешанине идей прибавилось откровение о политическом, экономическом и социальном уравнении классов, включенное в программу руководимого им «Альянса социалистической демократии». Маркс дал уничтожающую оценку этой буржуазной идее, указав, что «уравнение классов» есть не что иное, как другими словами выраженная мысль о гармонии между капиталом и трудом. Маркс писал, что уравнение классов — это бессмыслица, неосуществимая на деле, и что великой целью Международного

Товарищества Рабочих является не уравнение, а уничтожение классов.

Как всегда, Бакунин оставался человеком двойственным и, проповедуя безвластие, анархию, втайне мечтал о диктатуре — диктатуре революционного меньшинства, подчиняющего своей воле народные массы.

«А чтобы спасти революцию, — писал Бакунин в марте 1870 года своему другу Ришару, — чтобы довести ее до благополучного конца, посреди этой самой анархии необходимо действие коллективной незримой диктатуры, не облаченной никакой властью, а потому тем более продуктивной и мощной».

Лучшие люди среди изгнанников, примыкавшие к русской ветви Интернационала, отвернулись от всенизвергающего говоруна.

В то же время среди русских эмигрантов все больше возрастало уважение к Марксу. В марте 1870 года русская секция Интернационала в Женеве направила ему в Лондон письмо:

«Дорогой и достопочтенный гражданин! От имени группы русских мы обращаемся к Вам с просьбой оказать нам честь быть нашим представителем в Генеральном совете Международного Товарищества в Лондоне. Эта группа русских только что образовала секцию Интернационала…

Мы рады сообщить Вам, что подготовительная работа… увенчалась успехом и мы нашли сторонников пропаганды Интернационала среди чехов, поляков и сербов…

Наше настойчивое желание иметь Вас нашим представителем объясняется тем, что Ваше имя вполне заслуженно почитается русской студенческой молодежью, вышедшей в значительной своей части из рядов трудового народа. Эта молодежь ни идейно, ни по своему социальному положению не имеет и не желает иметь ничего общего с паразитами привилегированных классов, и она протестует против их гнета, борясь в рядах народа за его политическое и социальное освобождение. — Воспитанные в духе идей нашего учителя Чернышевского, осужденного за свои сочинения на каторгу в Сибирь в 1864 году, мы с радостью приветствовали Ваше изложение социалистических принципов и Вашу критику системы промышленного феодализма. — Эти принципы и эта критика, как только люди поймут их, сокрушат иго капитала, поддерживаемого государством, которое само является наймитом капитала. — Вам принадлежит также решающая роль в создании Интернационала, а в том, что касается специально нас, то опять-таки именно Вы неустанно разоблачаете ложный русский патриотизм, лживые ухищрения наших демосфенов… Русская демократическая молодежь получила

сегодня возможность устами своих изгнанных братьев высказать Вам свою глубокую признательность за ту помощь, которую Вы оказали нашему делу Вашей теоретической и практической пропагандой, и эта молодежь просит Вас оказать ей новую услугу: быть ее представителем в Генеральном Совете в Лондоне…

А чтобы не вводить Вас в заблуждение и избавить Вас от сюрпризов в будущем, мы считаем также своим долгом предупредить Вас, что не имеем абсолютно ничего общего с г. Бакуниным и его немногочисленными сторонниками. Напротив, мы намерены в ближайшем будущем выступить с публичной оценкой этого человека, чтобы в мире трудящихся — а для нас ценно только их мнение — стало известно, что существуют личности, которые, проповедуя в этой среде одни принципы, хотят сфабриковать у себя на Родине, в России, нечто совсем иное, вполне заслуживающее позорного клейма. Настоятельно необходимо разоблачить лицемерие этих ложных друзей политического и социального равенства, мечтающих на самом деле только о личной диктатуре…

Соблаговолите сообщить нам, разрешаете ли Вы направлять к Вам наших друзей, уезжающих в Англию, и по какому адресу надлежит посылать наш журнал и наши бюллетени, которые будут выходить ежемесячно.

Нет необходимости добавлять, что мы были бы Вам крайне признательны хотя бы за несколько строк для нашего журнала, раз мы не можем надеяться на несколько страниц.

Примите, гражданин, от имени всех наших братьев выражение нашего глубокого уважения».

Первой под этим обращением к Марксу была подпись Н. Утина.

Маркс прочел письмо из Женевы в кругу своей семьи. Он был тронут искренностью и теплом, которым веяло от каждой строки.

— Это неожиданно. Я представитель молодежи России! — сказал он, затем, добродушно улыбнувшись и прищурив глаза, добавил с шутливой досадой: — Однако я, не могу простить этим молодцам их обращения ко мне со словами: «достопочтенный». Они, видимо, думают, что я старик от восьмидесяти до ста лет.

Спустя двенадцать дней в редакцию журнала «Народное дело», издававшегося русской ветвью Интернационала, пришло письмо с лондонским штемпелем на конверте. Его нетерпеливо ждали. Прочитанный вслух в маленьком кабинете редактора Утина долгожданный ответ Маркса пошел по рукам. Всем хотелось перечесть текст, рассмотреть необычный почерк создателя Интернационала.

«Лондон, 24 марта 1870 года.

Граждане!

В своем заседании 22 марта Главный совет объявил единодушный вотум, что Ваша программа и статут согласны с общими статутами Международного Товарищества Рабочих. Он поспешил принять вашу ветвь в состав Интернационала. Я с удовольствием принимаю почетную обязанность, которую вы мне предлагаете, быть вашим представителем при Главном совете».

Итак, Маркс согласился представлять Россию в Интернационале. Это было волнующим событием для молодых русских изгнанников.

Одним из наиболее выдающихся деятелей русской секции Интернационала в эти годы был Николай Исаакович Утин, смелый, образованный, хрупкий, болезненный молодой человек. Некоторое время он и Бакунин жили не только в одном и том же швейцарском городке, но и в одном доме. Как и Серно-Соловьевичи, молодой петербуржец окончил университет, отдался революционному движению, чтил Чернышевского, был членом Центрального комитета «Земли и воли». В декабре 1862 года он участвовал в переговорах с польскими революционерами, создал подпольную типографию, где печатались прокламации «Земли и воли». После провала типографии он бежал за границу. Заочно царский суд приговорил его к смертной казни.

Бакунин и Утин встретились впервые в Лондоне в 1863 году, а спустя несколько лет, в 1868 году, они приступили совместно с другими русскими революционерами-эмигрантами к изданию журнала «Народное дело» для распространения его в России. Первый номер вышел в сентябре 1868 года и состоял почти весь из одних только статей Бакунина. Наряду с уничтожением государства Бакунин выдвигал теперь новую идею об уничтожении законного брака, родительской власти и введении общественного воспитания детей. Ни в одной из своих статей Бакунин ни словом не обмолвился о какой бы то ни было деятельности Интернационала.

Но Утин, отстаивавший принципы Международного Товарищества Рабочих, добился того, что редакция «Народного дела» отвергла анархистскую программу Бакунина, вывела из состава редакции «апостола анархии» и его сторонников; постепенно, от номера к номеру, журнал стал поддерживать идеи, проповедуемые Интернационалом, и включился в борьбу Генерального совета с «Альянсом» Бакунина Одновременно Утин выступил против диктаторского замысла Бакунина, который требовал создания за границами России центра, управляющего из-за рубежа всем революционным движением на родине. Революционерам, действующим внутри страны, отводилась роль

исполнителей предначертаний Бакунина. Утин же, наоборот, считал, что руководящая роль должна принадлежать революционному центру в самой России, а эмигранты должны помогать соотечественникам в изучении западноевропейского революционного движения и оказывать содействие в выработке революционного миросозерцания и тактики.

Редакция «Народного дела» состояла из революционных народников, последователей Чернышевского. Журнал в каждом номере помещал сообщения о деятельности Международного Товарищества, отмечал его успехи в разных странах мира, сообщил о выходе в свет «Капитала» Маркса. Утин и его товарищи встали твердо на сторону Маркса в борьбе, развернувшейся в Интернационале с бакунистами. Сотрудники «Народного дела» считали необходимым распространять идеи Интернационала в России.

Борьба Интернационала с Бакуниным и его группой в 1869 году обострилась Бакунин предложил членам распущенного им сообщества «Альянс» вступить в секции Международного Товарищества Рабочих. Этим он фактически сохранял «Альянс» внутри Интернационала, но в качестве тайной организации. Сторонники Бакунина усвоили его девиз — в политической борьбе хороши все средства — и при выборах делегатов на IV конгресс Интернационала прибегли к мошенничеству, чтобы только добиться большинства и прибрать в свои руки Генеральный совет.

Конгресс состоялся в сентябре 1869 года в Базеле. Съехалось 78 делегатов от разных стран, в том числе от Национального рабочего союза Соединенных Штатов Америки.

Бакунин выступил на конгрессе с заявлением, что отмена права наследования на земельную собственность явится мерой для постепенного перехода земли от частных владельцев к народу. Маркс в присланном на конгресс и зачитанном там докладе о праве наследования доказал, что план Бакунина утопия и не может быть осуществлен в условиях капитализма, когда у власти находятся сами землевладельцы. После революции же идея Бакунина вовсе лишается смысла, ибо тогда земля и недра перейдут в руки народа и станут собственностью всего общества.

Конгресс раскололся Часть делегатов поддержала Маркса, остальные — Бакунина. Принять решение по этому вопросу оказалось невозможным. Однако, когда начались выборы, конгресс одобрил деятельность Генерального совета и переизбрал его в прежнем составе. Анархисты, таким образом, к руководству Интернационалом допущены не были.

После Базельского конгресса Бакунин в газете «Равенство»

повел клеветнический поход на Маркса и Энгельса. Он выступил в апреле 1870 года на съезде секций Романской Швейцарии в Ла Шо-де-Фоне с возрожденным прудонистским лозунгом о необходимости отказа членов Интернационала от всякой политической деятельности и добился раскола Романской федерации. Бакунисты создали свои секции, организовали комитет и приняли самостоятельное название — Юрская федерация.

Но Бакунин не хотел и далее успокоиться, он пытался во что бы то ни стало скомпрометировать сторонников Генерального совета. На общем собрании членов всех секций Интернационала Женевы он выступил против Утина и его единомышленников. «Эти люди нетерпимы, — говорил Бакунин, — они требуют моей головы». Он обвинял своих противников в желании предать его казни.

Утин опроверг подобные обвинения в газете «Равенство». «Правда, — писал он про Бакунина, — что я его непримиримый противник. Он принес много зла революционному делу в моей стране, и он пытался принести его Интернационалу. Когда наступит день всенародного мщения, народ узнает своих истинных врагов, и если тогда гильотина будет действовать, то пусть эти великие люди — диктаторы поостерегутся, чтобы народ не гильотинировал их первыми».

Вскоре популярность Бакунина начала катастрофически падать. Все секции Интернационала Швейцарии и даже строительные рабочие, среди которых он пользовался большим авторитетом, отшатнулись от «апостола анархии». Им стало ясно, что Бакунин фразер, повторяющий вслед за Лассалем и Прудоном то, что опровергла уже сама жизнь, что проповедуемый им утопический социализм устарел. Бакунин с горечью замечал наступившее политическое одиночество.

Смута, которую Бакунин породил, все еще вредила рабочему движению. Однако значение Интернационала все возрастало, и хотя очередной V конгресс не мог состояться из-за начавшейся франко-прусской войны, Генеральный совет напряженно работал, откликаясь на все события и руководя политическими организациями трудящихся многих стран мира.

В одном из жалких домиков на окраине умирал Карл Шаппер. Исхудавший до последней степени, воспаленный, потный, он был охвачен той особой энергией, которую несет в себе яд чахотки. Не имея сил двигаться, он без устали говорил. Мысли и воспоминания отгоняли страх перед быстро наступающей смертью, выказать который так не хотел этот искренний, некогда

кипучий революционер. В последние годы жизни застарелая болезнь, лишения и тяготы долгого изгнания привели Шаппера к тому, что он вынужден был отойти от боевой работы. После создания Международного Товарищества Рабочих по предложению Маркса его избрали членом Генерального совета. Но физические силы Шаппера были навсегда сломлены. Он являлся, однако, живой летописью нескольких десятилетий упорных пролетарских боев.

Узнав о грозном обострении болезни старого бойца, Маркс навещал его, стараясь ободрить и обнадежить. В конце апреля здоровье Шаппера резко ухудшилось, и снова Маркс провел несколько часов у постели больного.

— Пятьдесят семь лет не так уж мало. Жаль мне только, что я частенько дурил и путался без толку в жизни. Времени сколько попусту пропало, зря растратил силенки. Теперь кончено все, песенка моя спета, — говорил, задыхаясь и глухо кашляя, Шаппер.

— Не сдавайся, человече, мы еще поживем, — старался шутить Маркс.

— Зачем прятаться от неизбежного? Да и не удастся. Но я не из слабого десятка, будь уверен. На этих днях, как говорил Лукреций, бессмертная смерть похитит мою смертную жизнь. Я уже велел жене похоронить мои бренные останки в ближайшее воскресенье. Детям не придется тогда оставлять работу. Но женщины не философы по самой своей природе. Бедняжка ревет дни и ночи оттого, что я того и гляди скорчу последнюю гримасу. Не я первый и не я последний. Смерть не жизнь, только у нее пока существует подлинное равенство.

Когда в комнату входили остролицый, высокий подросток, сын Шаппера, или его пожилая заплаканная жена, он переходил на французский язык, которым владел в совершенстве.

— Я умираю спокойным за свою семью. Дети, кроме меньшого паренька, все уже на своих ногах. Это далось мне нелегко, но на них теперь нельзя жаловаться. Лучшая порода пролетариев: у них и головы и руки годны для дела. Дочь уже замужем. Старший сын — переплетчик. А тебе ли, Мавр, толковать, что общение с книгой делает человека человеком? Двое младших шлифуют у ювелира алмазы не хуже самого Спинозы. Они уже зарабатывают каждый по одной гинее в неделю. Славно, не правда ли? Самого младшего после моей смерти заберет к себе на воспитание мой братец в Германии. Об этом уже договорено. Ну, а моей старушке я оставляю кое-какие пожитки, много ли ей надо! — Шаппер протяжно закашлялся. На губах его появилась капля свежей крови. — Не волнуйся, —

сказал он Марксу, когда тот вытер его влажное лицо и рот полотенцем, — все идет своим чередом. Главное, мы сумели воспитать детей так, что они никогда не оставят мать в беде. Что до жизни своей, я мог бы сказать, что прожил достаточно. Все успел.

— Всякая жизнь, хорошо прожитая, — долгая жизнь. Так, кажется, утверждал Леонардо да Винчи, — сказал Маркс.

— Все это время, пока меня догладывала болезнь, я думал о прошлом. Собственно, мне как бы довелось заново пережить минувшие годы. Я ведь сын сельского пастора, очень бедного и наивного. В детстве я был очень религиозен, а умираю атеистом, не то что Руге, который изрядно струсил на старости лет. Он ищет мужества в вере и твердит теперь, что душа бессмертна. Иначе страшно ему расставаться с жизнью. К туфлям старым привыкаем, а каково вылезать из собственной шкуры? Пусть, однако, каждый утешается как умеет. Я же с трудом разрушил в себе деистические иллюзии не для того, чтобы потерять их на пороге небытия.

— Ты всегда был и остался настоящим человеком, как прозвал тебя некогда Энгельс. Кстати, он шлет тебе сердечный привет и пожелания здоровья.

— Поздно! Нам с ним больше уже не видаться. Дорогой он, замечательный человек. Я любил его, как и тебя, Мавр.

— Если б твое здоровье было действительно очень плохо, Фридрих приехал бы из Манчестера. Но врачи подают нам надежду, ты будешь жить, старина. Крепись! Воспаление легких вовсе не смертельно. Кризис уже прошел.

— Нет, дружище, я ухожу от вас. Это туберкулез, и спасения мне нет.

Маркс взял липкую, горячую руку Шаппера и не выпускал ее. Ему всем сердцем хотелось влить в умирающего свои жизненные силы, спасти его, чего бы это ни стоило. Больной понял порыв друга и ответил слабым рукопожатием.

— Спасибо, Карл, за все, за то, что ты существуешь. Живи, — прошептал больной.

Несколько минут длилось молчание. Руки их были по-прежнему соединены, как и души. Они чувствовали себя братьями.

— Я попался в когти этой проклятой хвори, очевидно, в каменной норе тюрьмы Консьержери, куда был брошен в 1839 году после неудачного восстания. Ты ведь знаешь, что я был бланкистом и членом «Общества времен года». Спустя семь месяцев меня выслали из Франции. Я попал в Лондон и тогда впервые заболел легкими, но выкарабкался на время. Судьба

вознаградила меня сторицей за все, я встретил Иосифа Молля и подружился с ним.

— Он жил и умер героем. Невозвратимая потеря для партии.

— Много я на веку своем ратовал за коммунистическое общество, много спорил и ошибался, но, согласись, умел-таки честно сознавать, когда оказывался неправым. А это нелегко. — Шаппер попытался улыбнуться, но ссохшиеся, потрескавшиеся от жара губы с трудом раздвигались.

— Ты не только настоящий человек, но и настоящий коммунист. Кто из нас не ошибался? Это вечное свойство людское. Дело только в том, чтобы вовремя извлечь из промаха пользу.

— Верно. И я не постеснялся вернуться к тебе, Маркс, после этой истории с Виллихом. Я переменил много профессий и мест. Кем только не был, за что не брался? Учился даже в университете, но прожил жизнь и умираю рабочим. Труд был моей радостью, и я убежден, что только он несет счастье. Труд и наслаждение неразрывны и будут всегда чередоваться в будущем мире. Не потребуется никакого принуждения, ибо человек не ленив по своей природе: если он будет находиться на должной ступени развития и просвещения, то работа станет его утехой, неотъемлемой потребностью.

— Ты прав.

— А вот как я попался на удочку болтуна Виллиха и поплелся за ним прочь от тебя и Энгельса, мне и поныне непонятно. Старый гиппопотам оглушил меня трескучими фразами, ведь глотка у него — сущая труба иерихонская. Могучий он демагог и шут в то же время. Путаник! Вынь да положь ему сейчас же коммунистическое общество.

Приближался вечер. Шапперу становилось все хуже. Лицо его покрылось испариной, волосы слиплись, одышка мешала говорить. Маркс приподнял его на подушках.

— Тебе пора отдохнуть. Может быть, позвать жену? — спросил он заботливо.

— Обожди. Мне скоро предстоит бесконечный отдых, который будет длиться тысячи лет. Что ж, двум смертям не бывать, а одной не миновать. Смешно печалиться о том, чего нельзя изменить. Скажи всем друзьям, Маркс, что я остался верен нашим принципам. Я не теоретик. Во время реакции мне приходилось много трудиться, чтобы прокормить семью. Я жил, тяжело работая, и умираю пролетарием.

Маркс вышел из домика, где в философском спокойствии ждал своего конца Карл Шаппер. Вместе с чувством режущей печали он испытывал невольную гордость оттого, что в партию

коммунистов входили такие чистые, простые и цельные люди, как тот, с кем он только что простился навсегда.

Прежде чем свернуть в сторону своего дома на Мэйтленд-парк-род, Маркс вспомнил о письме, в котором больной тифом немецкий изгнанник, публицист Боркгейм, просил его зайти. Как ни был он утомлен и подавлен, но заставил себя проведать соотечественника.

Маркс был необычайно внимателен и заботлив к людям, которых ценил. Как бы ни был он занят и поглощен делом, чувство человечности, обязательное между людьми, перевешивало в его душе, и он устремлялся выполнить долг дружбы и товарищества.

Вернувшись домой после посещения больных, Маркс до поздней ночи писал письмо в Манчестер Энгельсу. Заканчивая рассказ о встрече с Шаппером, он добавил: «Все истинно мужественное, что было в его характере, снова проявляется теперь отчетливо и ярко». О Боркгейме, который принимал деятельное участие в революции 1848 года и после этого вынужден был жить в изгнании, Карл так же подробно сообщал другу.

«Английский врач — один из здешних больничных врачей — до этого предсказал и теперь повторяет, что надеется и даже уверен, что на этот раз он отделается, но что если Боркгейм не откажется от своего сумасшедшего образа жизни, он не протянет более года.

Дело в том, что Боркгейм с $4^1/_2$ или с 5 часов утра до 9 с яростью занимается русским и повторяет это с 7 часов вечера до 11. Ты знаешь, как он полемизирует с богом и чертом и хочет непременно сделаться ученым, с тех пор как обладает недурной библиотекой.

Доктор требует, чтобы он, по крайней мере, на два года прекратил все занятия, *кроме деловых,* а свободное время посвящал легкому чтению и *прочим развлечениям.* Иначе он обречен, и притом *неизбежно.* У него нет достаточно физических сил работать за двоих.

…Выглядел он чертовски fatigué[34] и худым. Я ему сказал, что ты, пока был связан службой лишь very moderately[35], занимался другими вещами. Сделал это намеренно, так как знаю, что он питает к тебе большое почтение. Когда я вернулся в гостиную к его жене, я рассказал ей о нашем разговоре. Она сказала, — и я обещал ей, с своей стороны, необходимое содействие, — что ты сделаешь ей величайшее одолжение, если напишешь ее мужу. Во-первых, его особенно порадует такое внимание с твоей стороны, а во-вторых, на него подействует, если ты ему посоветуешь не губить себя extrawork[36].

По моему мнению, Боркгейм в данный момент вне опасности,

но он должен быть очень осторожным…»

На следующий же после прощания с Марксом день, в девять часов утра, Карл Шаппер умер.

«Ряды наших старых товарищей сильно редеют, — писал с горечью Энгельс Марксу, узнав об этой кончине, — Веерт, Вейдемейер, Люпус (Вольф), Шаппер, — но ничего не поделаешь, à la guerre comme à la guerre»[37].

Заботясь о других, Маркс мало думал о своем здоровье и, вернувшись под дождем от больного Борктейма, схватил простуду. Дочери решительно запретили ему выйти из дому и отправиться на заседание Генерального совета. В этот вечер вся семья собралась в кабинете Маркса. Ко дню его рождения врач Кугельман из Ганновера прислал ему в подарок два ковра из рабочей комнаты Лейбница, купленные с аукциона после того, как дом этого великого математика был сломан. На одном из ковров был выткан довольно уродливый старик, очевидно Нептун, барахтавшийся среди волн, на другом — толстая Венера и амуры. По мнению Маркса и его близких, все эти мифологические сюжеты были выполнены в весьма дурном вкусе эпохи рококо, столь излюбленной при дворе Людовика XIV. Но зато тогдашняя мануфактурная работа отличалась завидной добротностью. После долгих обсуждений Карл решил-таки повесить оба ковра на стенах своего кабинета ввиду своего преклонения перед гением Лейбница.

Война! Июльским ясным днем весть о ней промчалась над миром, как похоронный колокольный звон.

Четыре года правительство Наполеона III готовило войну с Пруссией, хвастливо объявляя о мощи имперской армии. В действительности режим Луи Бонапарта стремительно разлагался, и это пагубно отражалось на французском войске. Нападение Франции на Пруссию вызвало естественный подъем патриотических чувств во всех германских государствах. Они усиленно помогали Пруссии, у которой было несколько хорошо организованных армий. Французы терпели поражение за поражением. В тылу страны в Париже было неспокойно. Огюст Бланки, бежавший из тюрьмы в 1864 году и проживавший в Бельгии, тайно вернулся в Париж и поднял вместе со своими приверженцами восстание против Бонапарта. Однако и в этот раз бланкисты потерпели поражение.

В самом начале войны Маркс обратился с воззванием от имени Генерального совета ко всем рабочим мира.

«Английский рабочий класс, — заканчивается воззвание, — протягивает руку дружбы французским и немецким рабочим. Он

глубоко убежден, что, как бы ни кончилась предстоящая отвратительная война, союз рабочих всех стран в конце концов искоренит всякие войны. В то время как официальная Франция и официальная Германия бросаются в братоубийственную борьбу, французские и немецкие рабочие посылают друг другу вести мира и дружбы. Уже один этот великий факт, не имеющий себе равного в истории, открывает надежды на более светлое будущее. Он показывает, что в противоположность старому обществу с его экономической нищетой и политическим безумием нарождается новое общество, международным принципом которого будет — *мир,* ибо у каждого народа будет один и тот же властелин — *труд.* Провозвестником этого нового общества является Международное Товарищество Рабочих».

Фридрих Энгельс пристально изучал все сводки и сообщения с фронта. Он писал в это время военные обзоры для одной из лондонских газет. В этих статьях с новой силой и блеском проявился его врожденный талант полководца и стратега, тем более проницательного, что к военной науке он применил метод исторического материализма. Энгельс предрек, сопоставив все факты, неизбежность разгрома французской армии под Седаном. Пророчество его сбылось с разительной точностью. Тотчас же после Седанской катастрофы 2 сентября французская армия в составе 82 тысяч солдат, офицеров, генералов *во главе с самим* императором Наполеоном III сдалась победителю. Это был беспримерный в истории случай.

Предвидение Энгельса снискало ему несокрушимый авторитет и восхищение друзей и соратников.

Маркс писал другу: «Если война продолжится некоторое время, ты будешь скоро признан *первым военным авторитетом в Лондоне».*

Женнихен, старшая дочь Маркса, назвала Энгельса «Генеральным штабом». С той поры прозвище «Генерал» прочно утвердилось за Энгельсом до самого конца его жизни.

Спустя два дня после сдачи Луи Бонапарта пруссакам во Франции была объявлена республика. О свержении Второй империи и провозглашении республики Карлу Марксу телеграммой сообщил член Интернационала — журналист Шарль Лонге.

Луи Бонапарт, заклейменный вечным позором в «Восемнадцатом брюмера» Карла Маркса, пал.

«Военный заговор в июле 1870 года является только исправленным изданием coup d'état[38] в декабре 1851 года… Вторая империя кончится тем же, чем началась: жалкой пародией…» — предсказал Маркс в воззвании Интернационала о

франко-прусской войне.

Почти два десятилетия жестокий узурпатор, юркий авантюрист и хищный казнокрад диктаторствовал во Франции, сеял тьму, расправлялся с честными, одаренными людьми, подавляя свободу, мысль, совесть и права народа. Он был смертельным врагом Интернационала и готовил заговор с целью уничтожить его как опаснейшего и сильнейшего недруга. Много лет с Луи Бонапартом упорно, неустрашимо боролся Карл Маркс, твердо веря в бесславный конец цезаризма.

События развивались с калейдоскопической неожиданностью. Правление Луи Бонапарта кончилось позором. Во Франции снова была объявлена республика.

Едва весть об этом достигла Лондона, Маркс, стоявший во главе Генерального совета, организовал широкое движение английских рабочих за немедленное признание правительством Великобритании молодой республики, переписывался с Парижским федеральным советом Интернационала, разъясняя соратникам, какие задачи стоят перед секциями Товарищества в данное время.

Перед отъездом в бунтующую, революционную Францию к Марксу пришел тридцатилетний Огюст Серрайе, мастер по выработке обувных колодок. Он ехал в Париж в качестве представителя Генерального совета. Несколько часов провел Серрайе в деловой беседе с Марксом. Вождь Интернационала и рабочий, один из членов Генерального совета, обсуждали, какой позиции следует придерживаться парижским секциям Товарищества. Время было трудное. Франко-прусская война продолжалась.

Рабочие Парижа вместе с другими тружениками низвергли империю и установили республиканский строй. Тем не менее буржуазии опять удалось захватить власть в стране. Прусские войска шли на Париж, хотя Французская республика более не угрожала германскому единству, как это было при Луи Бонапарте. Война теряла былой смысл, так как Германии не приходилось более обороняться. Но еще до боев под Седаном Марксу стало ясно, что правящая верхушка Германии, поддерживаемая юнкерством и буржуазией, поняв, сколь слаб Бонапарт, решила продолжать войну, чтобы отторгнуть от Франции по меньшей мере богатые провинции Эльзас и Лотарингию. Захватнический поход Пруссии вызвал, как это предвидели Маркс и Энгельс, взрыв патриотизма во Франции и могучее стремление народа отстоять республику от вражеского нашествия. Обо всем этом и говорили Маркс с Серрайе. Напутствуемый Марксом представитель Интернационала вскоре

отправился в беспокойную Францию.

Карл Маркс работал над вторым воззванием ко всем членам Международного Товарищества Рабочих в Европе и Соединенных Штатах. В этом большом документе он выразил суровый протест пролетариата против захвата Эльзаса и Лотарингии, а также исследовал движущие подспудные силы продолжающейся войны. С потрясающей силой предвидения охарактеризовал Маркс положение во Франции:

«Мы приветствуем учреждение республики во Франции, — говорилось в воззвании, — но в то же время нас тревожат опасения… Эта республика не ниспровергла трон, она только заняла оставленное им пустое место. Она провозглашена не как социальное завоевание, а как национальная мера обороны. Она находится в руках Временного правительства, состоящего частью из заведомых орлеанистов, частью из буржуазных республиканцев, а на некоторых из этих последних июньское восстание 1848 г. оставило несмываемое пятно… Орлеанисты заняли сильнейшие позиции — армию и полицию, между тем как мнимым республиканцам предоставили функцию болтовни. Некоторые из первых шагов этого правительства довольно ясно показывают, что оно наследовало от империи не только груду развалин, но также и ее страх перед рабочим классом… Таким образом, французский рабочий класс находился в самом затруднительном положении. Всякая попытка ниспровергнуть повое правительство во время теперешнего кризиса, когда неприятель уже почти стучится в ворота Парижа, была бы безумием отчаяния. Французские рабочие должны исполнить свой гражданский долг… Им нужно не повторять прошлое, а построить будущее. Пусть они спокойно и решительно пользуются всеми средствами, которые дает республиканская свобода, чтобы основательно укрепить организацию своего собственного класса. Это даст им новые геркулесовы силы для борьбы за возрождение Франции и за наше общее дело — освобождение труда».

Маркс зачитал на чрезвычайном заседании Генерального совета написанное им второе воззвание о франко-прусской войне и положении республиканской Франции. Принятое Генеральным советом воззвание было издано немедленно на английском языке в количестве тысячи экземпляров.

В день 4 сентября, когда буржуазное Временное правительство захватило власть и под давлением трудового народа поспешило объявить себя республиканским правительством национальной обороны, Энгельс писал Марксу:

«…Мировая история является величайшей поэтессой, она

сумела пародировать самого Гейне. В плену император, в плену! И притом еще в плену у «вонючих пруссаков», а бедный Вильгельм стоит тут и уверяет в сотый раз, что он поистине совсем не виноват во всей истории и что это только божья воля. Вильгельм выглядит при этом точно школьник: Кто создал вселенную? — Я, господин учитель, я это сделал, но, право, я больше не буду…»

О французах он говорил: «…При виде этой вечной склонности впадать в панику по поводу всякой мелочи и их боязни смотреть правде в глаза, — при виде всего этого получаешь гораздо лучшее представление об эпохе террора. Мы понимаем под последней господство людей, внушающих ужас; напротив того, это господство людей, которые сами напуганы. Террор — это большей частью бесполезные жестокости, совершаемые ради собственного успокоения людьми, которые сами испытывают страх. Я убежден, что вина за террор в 1793 году падает почти исключительно на перепуганных, выставляющих себя патриотами буржуа, на мелких запуганных мещан и на прохвостов, обделывавших свои делишки при терроре».

Приближалось 20 сентября, когда должна была осуществиться мечта Маркса и Энгельса. Им предстояло жить отныне в одном городе. Жеини Маркс и Елена Демут деятельно готовились к окончательному переезду друзей из Манчестера в Лондон. Обе женщины тщательно осмотрели красивый, просторный дом на Ридженс-парк-род, где собирались поселиться Энгельс, его жена Лицци и маленькая племянница Мэри Эллен, по прозвищу Пумс. Долго совещались Женни и Ленхен с агентом по ремонту дома и настояли на том, чтобы парадные комнаты были оклеены красными, под бархат, обоями. Даже самый тщательный осмотр требовательной и хозяйственной Ленхен не выявил изъянов; дом сверху донизу был признан вполне годным для жилья.

В Модена-Вилла, расположенной всего в десяти минутах ходьбы от жилища Энгельса, также шли усиленные приготовления к приему гостей. По мнению Женни, Энгельсу с семьей надлежало остановиться по приезде в семье Маркса до тех пор, покуда дом на Ридженс-парк-род будет приведен в полный порядок.

Наконец счастливый день для обоих друзей настал. Окончательно уладив в Манчестере все дела по уходу из торговой фирмы, Энгельс навсегда переехал в Лондон.

Спустя две недели после этого он был единогласно избран

членом Генерального совета Интернационала и деятельно принялся вместе с Марксом за руководство международным рабочим движением.

Именно в эти годы Германия превращалась из земледельческой в индустриальную страну. Деятельность Интернационала совпала в Германии с завершением промышленного переворота. Росло число машиностроительных заводов и мощность паровых двигателей, занятых в промышленности. В металлургии строились мартеновские цехи, механические ткацкие станки вытеснили ручные. Возникли новые акционерные общества и крупные банки. Германское единство стало экономической необходимостью.

Ко времени начала франко-прусской войны в Германии насчитывалось около 800 тысяч фабричных рабочих, но развитию политической и экономической борьбы тружеников мешали последователи Лассаля. Они утверждали, что капиталисты якобы лишены возможности поднять заработную плату рабочим и не могут сократить рабочий день, длившийся 12, а то и 16 часов в сутки, так как обанкротятся.

Швейцер, возглавивший Всеобщий германский рабочий союз после смерти Лассаля, поддерживал бисмарковский план объединения Германии сверху «железом и кровью» под главенством Пруссии.

В 60-х годах на политической арене Германии появился токарь Август Бебель. Он хорошо знал рабочий класс и его нужды, так как встал к станку в 14-летнем возрасте.

Незаурядный ум, желание учиться, четко выраженное классовое самосознание, а также близкое общение с другом Маркса и Энгельса Вильгельмом Либкнехтом предопределили его политическую судьбу. Он стал приверженцем Интернационала.

В 1867 году Бебеля избрали председателем Союза немецких рабочих обществ. Он был также первым рабочим — депутатом рейхстага.

В 1869 году по инициативе Либкнехта и Бебеля состоялась конференция сторонников Международного Товарищества Рабочих, на которой было решено выйти из Всеобщего германского рабочего союза и создать новую революционную партию. Съезд состоялся в августе 1869 года в Эйзенахе, и на нем была основана Социал-демократическая рабочая партия Германии. Членов новой партии стали называть эйзенахцами. При многих ошибочных, чисто лассальянских положениях программы новой партии она все же явилась значительным достижением для германских рабочих, так как провозглашала

классовую борьбу, пролетарский интернационализм и выдвигала демократические требования.

Эйзенахцы в отличие от лассальянцев отстаивали идею объединения Германии «снизу». Они боролись против всяких уступок пруссачеству, бисмарковщине, национализму.

В 1870 году в Штутгарте собрался второй съезд эйзенахцев и потребовал национализации земли, рудников, железных дорог. Когда месяц спустя началась франко-прусская война, трудящиеся Германии не позволили Бисмарку одурманить себя угаром ложного патриотизма. «Рабочие всех стран — наши друзья, а деспоты всех стран — наши враги», — объявили 50 тысяч рабочих Хемница. Их поддержали машиностроители Брауншвейга, которые также протянули братски руку пролетариям Франции. Берлинская секция Интернационала заявила, что ни звуки труб, ни гром пушек, ни победа, ни поражение не отвратят трудящихся от общего дела объединения рабочих всех стран. Идеи Интернационала пробились к рабочим.

Бебель и Либкнехт находились в постоянной связи с Марксом и Генеральным советом. После падения империи Наполеона III Бебель был арестован. Однако рабочие избрали его в марте 1871 года в общегерманский рейхстаг и таким образом вызволили из тюрьмы. Верный идеям Генерального совета Интернационала, Бебель на заседаниях рейхстага возражал против отторжения от республиканской Франции Эльзаса и Лотарингии.

В декабре 1870 года в Модена-Вилла пришла высокая, тоненькая, красивая женщина и, подав Ленхен рекомендательное письмо, попросила впустить ее к гражданину Марксу. Елена Демут внимательно оглядела вошедшую.

— Я русская, моя фамилия Томановская, Элиза Томановская, — сказала гостья.

Ленхен между тем думала, что у гостьи такие же жгуче-черные волосы и правдивые, блестящие глаза, как у Женнихен, та же озорная и вместе застенчиво-нежная улыбка, как у Тусси.

— Обождите, — сказала она властно по-английски и прошла к Марксу на второй этаж.

— Мне кажется, ты можешь принять ее, Карл, — добавила Ленхен, назвав фамилию пришедшей и передав письмо.

Маркс вскрыл конверт:

«Дорогой гражданин!

Разрешите в этом письме горячо рекомендовать Вам нашего лучшего друга, г-жу Элизу Томановскую, искренне и серьезно преданную революционному делу в России. Мы будем счастливы, если при ее посредничестве нам удастся ближе познакомиться с

Вами и в то же время более подробно осведомить Вас о положении нашей секции, о которой она Вам сможет обстоятельно рассказать.

Положение это является, несомненно, печальным, так как нам приходится, с одной стороны, преодолевать препятствия, которые ставит на пути всякой свободной пропаганды *царизм,* а с другой стороны — бороться с невежеством и нечестностью (выражение отнюдь не слишком сильное), которыми проникнуты все слои так называемого образованного русского общества. К тому же узкие, групповые интересы парализуют революционную работу даже среди молодежи. В ее рядах преобладают приверженцы ребяческой игры в революцию, желающие подражать прежним немецким студенческим корпорациям и считающие себя способными произвести революционный переворот *для* народа, но *без* народа, что в России еще менее возможно, чем где бы то ни было. Все это приводит к тому, что большинство из тех, которые по своему положению могли бы и должны были бы быть настоящими пропагандистами Международного Товарищества, далеки еще до понимания его подлинного значения. От нас потребуется еще не мало усилий, чтобы водрузить и укрепить наше общее знамя в России. Однако мы нисколько не сомневаемся в успешном разрешении поставленной задачи, и мы счастливы, что мысль о необходимости направить русское революционное движение в русло общеевропейского движения пролетариата была выдвинута именно нами.

Г-жа Элиза передаст Вам циркуляры инициативной группы пропаганды, которую мы здесь создали…

Г-жа Элиза напишет нам обо всем, что Вы найдете нужным нам сообщить, а по возвращении расскажет о том, какое впечатление произвели на нее, при более близком знакомстве, организации рабочих союзов и политическая и общественная жизнь Англии, и даст нам все сведения о ней. Мы уверены, что Вы своими советами и своими ценными указаниями поможете ей в изучении этих вопросов, и заранее благодарим вас за это; помогая ей в ее занятиях, Вы тем самым помогаете всем нам.

Примите, дорогой гражданин, наш братский привет».

Маркс встал и пошел навстречу желанному посланцу из Женевы, оказавшемуся совсем еще юной женщиной. Если бы на гостье были пестрые шальвары и атласная шаль, она смогла бы сойти за турчанку, прекрасную Гайде или Медору, пленившую байроновского Дон Жуана.

— Здравствуйте, — сказал Маркс по-русски, четко выговаривая каждую букву. — Очень рад вас видеть. — И вдруг,

отечески улыбнувшись, добавил: — А сколько вам лет?

— Девятнадцать, — ответила Элиза. Густые ресницы ее взлетели вверх к бровям и загнулись, как вопросительные знаки. На щеках цвета созревших абрикосов появился пунцовый румянец. Впрочем, она мгновенно подавила вспыхнувшее было смущение под изучающим ее, доброжелательным взглядом Маркса.

— Так вы та самая Далила, которая посрамила и лишила силы тучного Самсона — Бакунина на диспуте анархистов в Женеве? Старик Беккер писал мне, а он знает толк не только в щетках, которые делает, что вы уничтожили Бакунина смехом. Это самое неотразимое оружие в борьбе с людьми, у которых за фразерством скрывается идейная пустота. Расскажите же, пожалуйста, как это было.

Элиза, быстро освоившаяся в дружелюбном доме Маркса, проявив незаурядное дарование рассказчика, описала женевское кафе, где собрались анархисты, зазывательные афиши на стенах, на которых Бакунин изображался то мучеником, то беглым каторжником, то философом, то самим богом разрушения. Элиза небезуспешно пародировала Бакунина, рычавшего с трибуны, осыпавшего клеветническими стрелами Маркса и его партию. По ее словам, речь идеолога анархии была подобна оглушительным взрывам хлопушек. Пустозвонный диспут превратился в скверный балаган, где все могло окончиться дракой. И тогда Элиза решила прервать нападение разъяренного Бакунина на теряющего самообладание Утина. Она внезапно вскочила на подмостки и, к великому удовольствию публики, на мотив плясовой песни пропела убийственные по своей иронии куплеты, сочиненные про Бакунина. Он был сражен и постыдно сбежал с диспута, который с самого начала напоминал клоунаду.

Маркс вдоволь посмеялся над рассказом Элизы. Он был приятно удивлен живостью и глубиной ума русской революционерки и решил тотчас же познакомить ее со всеми членами своей семьи. Елизавета Лукинична понравилась всем без исключения и вскоре близко сошлась с Женнихен и Тусси.

Дочь богатого помещика Луки Кушелева и крепостной Натальи, Елизавета с детства получила разностороннее образование, изучила иностранные языки, приобрела манеры и навыки дворянского общества. Вольнолюбивые книги и знакомство с протестующей против социальной несправедливости молодежью усилили в душе Елизаветы Лукиничны Кошелевой беспокойное недовольство своей жизнью. Чтобы получить самостоятельность и право выезда из России, Елизавета Лукинична вышла фиктивно замуж и отправилась в Женеву. Там

она встретилась с Утиным, Бартеневыми, Трусовым и другими деятелями русской ветви Интернационала, нашла жизненную цель, друзей и смогла подкрепить издание журнала «Народное дело» деньгами, которые охотно вручила своим единомышленникам. Вскоре разглядела Элиза сущность Бакунина и его клики. Прошло всего несколько месяцев, а доверие к знаниям, такту, уму Элизы настолько утвердилось в русской секции Международного Товарищества, что именно на нее пал выбор, когда понадобилось послать к Марксу кого-либо из его русских последователей.

В Модена-Вилла всех тревожила судьба Германа Лопатина и его попытка спасти Чернышевского, вырвать его из заключения и переправить за границу.

В дни, когда там бывала Элиза, об этом говорили особенно горячо, расспрашивали о Сибири. Женни и ее дочери, Елена Демут и Карл Маркс не скрывали своего беспокойства и тщетно силились найти способ помочь самоотверженному революционеру. Что можно было сделать в Лондоне для того, чтобы проникнуть в Иркутский острог?

Не всегда в Модена-Вилла Элиза виделась с Марксом. Часто она проводила интересно и весело время только в обществе своих приятельниц — Женнихен и Тусси, так как их отец был очень занят. Вечера на Мэйтленд-парк-род обычно проходили в игре на фортепьяно, пении, декламации, чтении вслух, рассказах о России и различных путешествиях, шутках и играх. Женни Маркс охотно присоединялась к молодежи. Она стала лучшим другом не только своих дочерей, но и всех их друзей. Остроумная, изобретательная в развлечениях, уникально образованная, увлекательная собеседница, Женни Маркс была также очень доброжелательна ко всем близким по духу и целям людям. Элиза Томановская, мать которой была полуграмотна, не скрывала своего удивления и восхищения госпожой Маркс. Если Карл бывал свободен, Элиза иногда заходила в его рабочую комнату, и тогда часами длилась их беседа. Маркс радовался возможности говорить по-русски и слушать звучание живого языка. Он читал в это время произведения Чернышевского и весьма интересовался развитием русской крестьянской общины. Представительница русской ветви Интернационала была очень сведуща в этом трудном предмете не только в теории. Она многое видела и продумала, когда жила в имении отца в Псковской губернии.

В Модена-Вилла Елизавета Лукинична встретила Энгельса, который в шутку отрекомендовался ей Федором Федоровичем, как он иногда подписывался под письмами к русским людям.

Пребывание Томановской в Англии совпало с роковыми

днями европейской истории.

Единственным спасеньем от нашествия Пруссии на Францию после свержения Наполеона III, по мнению Маркса, было бы вооружение всех парижских рабочих. «Но вооружить Париж, — писал Маркс, — значило вооружить революцию. Победа Парижа над прусским агрессором была бы победой французского рабочего над французским капиталистом и его государственными паразитами».

Больше, нежели внешнего своего врага, боялась французская буржуазия пролетариев-одноплеменников. Отстаивающее интересы богачей правительство превратилось в правительство национальной измены.

Предатели министры Трошю и Фавр не обеспечили столичное население продовольствием и обрекли его на голод. На фронте одно поражение следовало за другим. Французские войска сдавались в плен.

Глава правительства тайно встретился с Бисмарком. Весть об этом скоро проникла в народ, и завеса обмана была разорвана. Французские рабочие поняли, что их одурачивали. Всем стало ясно, что Временное правительство вопреки заверениям заботилось не об обороне, а о капитуляции.

В то же время трудовое население, несмотря на все возрастающую нужду, преисполнилось героической готовности воевать за освобождение Франции. Уже в первые дни сентября в Париже народ сам избрал своих представителей в окружные комитеты бдительности, возглавляемые Центральным комитетом, который состоял из деятелей демократического и социалистического движения, членов французской секции Интернационала. Были созданы батальоны Национальной гвардии. На гроши, добровольно отданные рабочими, отлили пушки. Артиллерия парижского пролетариата должна была защищать столицу от пруссаков и собственной коварной реакционной буржуазии.

В конце октября Париж узнал о новом вероломстве главнокомандующего Трошю. В Бурже погибли вольные стрелки, геройски сражавшиеся, но оставленные без подкрепления и оружия на произвол судьбы правительством. 31 октября отряды национальных гвардейцев, возглавляемые бланкистами, восстали и потерпели поражение.

Молодая Социал-демократическая партия Германии — эйзенахцы — из-за побед Бисмарка оказалась в тяжелом положении. Все классы, партии и группы страны хотели единой Германии. Наполеон III — враг этого объединения — потерпел поражение, и это было по душе всем немцам. Но революция во

Франции изменила характер войны, и немецкие рабочие были заинтересованы отныне в победе скорее Французской республики, нежели в успехах реакционного правительства Бисмарка. В то же время распространились слухи, что Германия намерена отнять у Франции Эльзас и Лотарингию в качестве вознаграждения за победу над Наполеоном. Немецкие империалисты говорили, что это необходимо якобы для укрепления границ Германии на западе.

Центральный комитет Социал-демократической рабочей партии в Брауншвейге обратился к Марксу как к секретарю-корреспонденту Интернационала для Германии за разъяснениями по вопросу об отношении пролетариата к франко-прусской войне.

Маркс и Энгельс придавали исключительное значение своему ответу руководителям Социал-демократической партии Германии. Они сознавали, что дело шло о директивах, определяющих линию поведения немецких рабочих, и тщательно готовили текст письма. В нем они предрекли, что если Германия захватит у Франции Эльзас и Лотарингию, то войны в Европе никогда не прекратятся.

«Тот, кто не совсем еще оглушен теперешней шумихой или *не заинтересован* в том, чтобы оглушать германский народ, должен понять, что война 1870 года так же неизбежно чревата ***войной между Германией и Россией,*** как война 1866 г. была чревата войной 1870 года.

Я говорю ***неизбежно, непременно,*** если не учитывать того маловероятного случая, что ***в России*** до этого времени может вспыхнуть ***революция.***

Если этот маловероятный случай не произойдет, то войну между Германией и Россией приходится уже сейчас рассматривать как fait accompli (совершившийся факт).

Будет ли эта война вредна или полезна, — целиком зависит от нынешнего поведения немцев-победителей.

Если они захватят Эльзас и Лотарингию, то Франция ***вместе*** с Россией будет воевать против Германии. Нет надобности указывать на губительные последствия подобной войны…

Но я опасаюсь, что негодяи и глупцы будут беспрепятственно продолжать свою безумную игру, если германский рабочий класс *en masse*[39] ***не поднимет своего голоса.***

Нынешняя война открывает новую всемирно-историческую эпоху тем, что Германия… доказала свою способность, ***независимо от заграницы,*** идти своим собственным путем. То, что Германия первоначально обретает свое единство в прусской казарме, является наказанием, ею вполне заслуженным. Но

результат, хотя и таким способом, все же достигнут… И если… германский рабочий класс не сыграет выпавшей на его долю исторической роли, то это — его вина. ***Нынешняя война перенесла центр тяжести континентального рабочего движения из Франции в Германию.*** Тем самым на германский рабочий класс ложится еще большая ответственность…»

Следуя указаниям Маркса и Энгельса, секции Интернационала не только в Англии, но и в Бельгии, Испании, США провозгласили те идеи, которые диктовались интересами пролетариата всех стран. Они требовали отказа от всяких завоевательных устремлений по отношению к республиканской Франции и выступали в ее защиту. Центральный комитет немецкой секции Международного Товарищества Рабочих, находившийся в Брауншвейге, выпустил в сентябре Манифест к немецкому рабочему классу, призывающий его не допустить аннексии Эльзаса и Лотарингии и добиться заключения почетного мира с Французской республикой. По приказу командующего германской армией Манифест был конфискован, все члены комитета и типограф, напечатавший этот документ, были схвачены, закованы в кандалы и отправлены в Восточную Пруссию.

Требовавшие от германского правительства заключения почетного мира с Францией Бебель и Либкнехт также были арестованы и приговорены к длительному тюремному заключению.

В январе 1871 года идея объединения Германии восторжествовала: Вильгельм I у стен столицы Франции, в зеркальном зале Версальского дворца, получил из рук немецких государей корону германского императора. Объединение было завершено сверху, как того желало реакционное прусское юнкерство. Это укрепило монархический строй и позиции контрреволюционных сил. Пролетариат из-за своей слабости не смог помешать юнкерству и буржуазии совершить преобразование страны в самой невыгодной для рабочих форме, с сохранением и монархии и всех привилегий дворянства и бесправия крестьян.

Новая Германская империя была союзным государством, она объединила 22 монархии с Пруссией во главе. Газеты писали, что империя является союзом между львом, полудюжиной лисиц и двумя десятками мышей. Во всяком случае, Германия стала великой державой с населением более 40 миллионов человек.

Правительство национальной измены начало борьбу с народом. Еще одно восстание парижских рабочих под водительством Бланки было подавлено. Жюль Фавр и Тьер

бросились в Версаль, чтобы просить Бисмарка о перемирии. Могущественный канцлер потребовал капитуляции Парижа, сдачи его гарнизона и фортов. Хотя Франция могла еще бороться, правительство поспешно согласилось на все условия. Перемирие было подписано, и 8 февраля 1871 года прошли выборы в Национальное собрание, созывавшееся для утверждения мирного договора. Все демократические силы подверглись гонениям и арестам. Выборы проходили наспех под нажимом и угрозами реакционеров и немецких оккупантов. Большинство рабочих не приняло в них никакого участия. Избранными оказались монархисты. 12 февраля Национальное собрание приступило к работе в Бордо и избрало главой исполнительной власти Адольфа Тьера.

Снова презренный честолюбец, взяточник и человеконенавистник, более 20 лет назад сброшенный вместе с Луи Филиппом с исторических подмостков, вернулся к власти. Низенький, вертлявый, он еще больше, чем раньше, походил на дряхлого, вставшего на задние лапы облезлого суслика. Не случайно этот бездушный хищник, вобравший в себя все отвратительные черты своего класса, был призван в вожди реакционнейшим Национальным собранием. Наконец-то Адольф Тьер мог провести ту экзекуцию над парижским народом, о которой мечтал в первые дни революции 1848 года. Он решил ввести в столицу войска, пусть вражеские, и уничтожить революцию. С этой целью Тьер явился к Бисмарку.

26 февраля Тьер подписал предварительный мир. Германия отторгала от Франции две промышленно и стратегически важные области — Эльзас и Лотарингию. Немцам предоставилось право ввести в Париж свои войска, которые должны были оставаться там до утверждения мирного договора Национальным собранием.

Когда правительство национальной измены в конце января 1871 года капитулировало перед германской армией, ни одна из воюющих сторон не осмелилась посягнуть на оружие Национальной гвардии. В договоре о капитуляции, заключенном Бисмарком и Фавром, было оговорено, что парижской Национальной гвардии предоставляется право сохранить свое вооружение. Но как только реакционное Национальное собрание приняло предварительные условия мирного договора с Германией, дало согласие на отторжение Эльзаса и Лотарингии и уплату 5 миллиардов франков контрибуции, Тьер немедленно попытался обезоружить Париж.

Сразу же после Седанской катастрофы и сентябрьского переворота революционные выступления в Лионе, Марселе, Тулузе сопровождались избранием местных народных органов

власти — коммун. Эти коммуны осуществили много важных революционных мероприятий: замену полицейского и чиновничьего аппарата, освобождение политических заключенных, введение светского образования, обложение налогом крупных собственников, безвозмездную выдачу вещей из ломбардов по мелким закладным. Правительству удалось жестоко подавить местные коммуны. Но восставший Париж избрал свою власть, и ей суждено было сыграть великую роль во всем мировом рабочем движении.

Тьер изучил досконально опыт былых контрреволюций. История стала для него тем, чем была бы карта для военного стратега и тактика. Помня, что в 1848 году палачом парижских рабочих явилась мобильная гвардия, Тьер придавал особо важное значение бодрому духу войск. Он предлагал генералам карательных армий, которые подготавливал для наступления на Париж, хорошо кормить и всячески угождать солдатам. Один из самых скупых и алчных людей, Тьер, однако, учил, как подкупать, не считаясь с расходами, офицеров, служивших в правительственных частях. Сам исполненный пороков, он глубоко презирал людей и старался развить и поощрять в них худшие инстинкты и наклонности, чтобы затем использовать их в интересах буржуазии и финансового капитала.

Боясь воздействия революционных парижан на солдат, Тьер предписал помещать их в строго охраняемые изолированные казармы, чтобы туда не проникал мятежный дух столицы, газеты и агитаторы Национальной гвардии.

Возглавив исполнительную власть Франции и продав Бисмарку родину, Тьер, несмотря на старческие недуги, находился в непрерывном движении. Человеконенавистничество и властолюбие — могучие рычаги, которыми можно попытаться перевернуть мир.

15 марта Тьер совещался в Версале с членами Национального собрания, а двумя днями позднее он тайно обсуждал в парижской префектуре полиции план контрреволюционного заговора, который должен был кончиться восстановлением монархии. Решили забрать пушки у Национальной гвардии, арестовать членов ее Центрального комитета и разоружить рабочих.

18 марта полицейские, жандармы и воинские отряды двинулись на Париж, соблюдая все меры предосторожности, чтобы не быть замеченными горожанами. Этой операцией руководил один из верных Тьеру генералов — Винуа. Солнце еще не появлялось, и только зеленоватые предрассветные лучи едва освещали серый небосклон, гася ночные звезды. На одной из улиц Монмартра семеро национальных гвардейцев охраняли пушки и

митральезы, принадлежавшие парижским рабочим. Заслышав шаги, караульный взял на изготовку ружье и выкрикнул: «Кто идет? Ни с места!» В ответ ему раздался выстрел. Смертельно раненный часовой упал на влажную землю. К нему подбежала стоявшая на посту молодая девушка с бледным добродушным лицом. Это была учительница-республиканка Луиза Мишель, хорошо известная парижским рабочим. Она перевязала умирающего товарища и, пряча под развевающимся суконным плащом оружие, бросилась в город, чтобы поднять скорее тревогу и оповестить народ о вероломном нападении.

— Измена, братья, измена, на помощь! — громко кричала она и выстрелила, чтобы привлечь внимание национальных гвардейцев.

В это время войска Винуа внезапно вторглись на Монмартр. Солнце медленно всходило. Каратели торопились изо всех сил вывезти захваченные орудия, но им не хватало упряжек. Пришлось стаскивать пушки вниз по отлогим неровным уличкам. В то же время начался контрреволюционный поход на другие районы столицы. Не встречая сначала значительного сопротивления, генералы Тьера продвигались в глубь города. Они распространили по телеграфным проводам хвастливые сообщения о своей мнимой победе. В ночной темноте их агенты расклеили по всей столице сообщения о разгроме Национальной гвардии. Однако торжество контрреволюции было преждевременным. Город проснулся внезапно, шумно. Кое-где домохозяйки, направлявшиеся за покупками и по воду, первые увидели захват орудий. На ходу бросив корзинки, ведра, они бежали к мэрии, громко крича о случившемся. Раздался набат. Сколько раз на протяжении многих веков несся над Парижем его протяжный, тревожный призыв! Гневные, грозные звуки колоколов были хорошо знакомы горожанам. Они действовали, как искра, брошенная в стог сена, как вопль матери, защищавшей своего ребенка. В них звучали всегда предупреждение, сулившее смерть и жизнь, поражение и победу, и неизменный зов к борьбе. Никогда набат не встречал равнодушия в тех, к кому взывал. Ему отвечал нарастающий гул переполненных людьми улиц, топот ног, звон сабель, щелканье ружейных затворов, возбужденный человеческий говор.

Вскоре к набату присоединился бой барабанов отрядов Национальной гвардии.

Дети, старики, женщины и мужчины, вооружаясь на бегу, бросились к арсеналам. На Монмартре собрались тысячи людей, готовых ценой жизни спасти пушки — эту гарантию свободы. Луиза Мишель с национальными гвардейцами вернулась на

Монмартр.

Занялся яркий весенний день, пели птицы. Толпа народа окружила солдат Тьера, уговаривая не стрелять в своих сестер, отцов, матерей. И солдаты побратались с народом. Они подняли ружья вверх прикладами. Тщетно офицеры и генералы приказывали стрелять по толпе. Только полицейские попробовали подчиниться этим распоряжениям, но народ и подступившие со всех сторон национальные гвардейцы не допустили кровопролития. Они разоружили жандармов и офицеров и отправили в тюрьму генералов, командовавших наступлением на революционный Париж. Отныне рабочие, ремесленники и их гвардия перешли от обороны к нападению. Отпор коварной провокации Тьера осуществили труженики с помощью Центрального комитета Национальной гвардии. Победа народа была полной. Впервые в истории трудовой люд стал властелином Парижа.

Революция бывает подобна вулканическому извержению или шторму, силу которых не легко предвидеть.

Народное восстание 18 марта возникло стихийно. Оно не подготавливалось какой-либо революционной организацией, не имело руководящего центра. Это был единодушный отпор парижского трудового люда и сочувствующей ему интеллигенции исконному своему врагу — реакционной буржуазии, замышлявшей коварное уничтожение революции. Однако одного порыва и отваги было бы недостаточно для победы. Нужны были сплоченность рядов, согласованность действий, умелая тактика, быстрота ответного нападения. Все это обеспечил Центральный комитет Национальной гвардии — первое революционное правительство рабочего класса. 10 дней вплоть до передачи всей власти избранной народом Коммуне Центральный комитет Национальной гвардии осуществлял всю власть в Париже.

Члены Центрального комитета не были чем-либо знамениты, но всех их знали, уважали, любили в среде рабочих, откуда они в большинстве своем вышли.

Правительство немедленно бежало в Версаль. Глава исполнительной власти Тьер в карете с завешенными стеклами, под охраной тайком выбрался из столицы.

Утром 19 марта тысячи парижан прочли с радостным волнением афиши, подписанные Центральным комитетом. В них сообщалось, что назначаются выборы в Коммуну, которой Центральный комитет передаст затем всю власть в столице.

«Граждане! — говорилось в воззвании. — Народ Парижа освободился от гнета, которому старались его подчинить… Париж и Франция должны совместно заложить основы

республики, единодушно одобренной со всеми ее последствиями, — единственной формы правления, которая навсегда положит конец эре нашествий и гражданских войн.

Осадное положение отменено. Народ Парижа приглашается в свои секции для организации коммунальных выборов. Безопасность всех граждан обеспечена Национальной гвардией».

Телеграф, префектура, здания министерств — все перешло в ведение Национальной гвардии. Был светлый солнечный воскресный день. Жители окраин, рабочие встретили его как долгожданный счастливый праздник. Бульвары, площади, улицы были особенно людны. Слышались песни, музыка, смех. Над ратушей развевался красный стяг.

В тот день Варлен и несколько десятков федератов, как именовали себя будущие коммунары, без всякого сопротивления завладели министерством финансов. Они прошли в кабинет бежавшего в Версаль министра, вызвали чиновников и потребовали точного отчета о наличии денег в сундуках, хранившихся в особых подвалах. Им назвали ложную цифру и заявили, что ключи от сейфов, где хранится валюта, находятся в Версале. И тут-то делегаты Центрального комитета, как позднее и представители Коммуны, проявили роковую уступчивость, ставшую впоследствии одной из причин гибели рабочей революции.

В эти дни Варлен, как и Жаклар, еще надеялся на примирение с Версалем и просил денег из банка только на самые неотложные нужды. Необходимо было выплатить жалованье национальным гвардейцам. После долгих переговоров под расписку управляющий согласился выдать необходимую сумму, всего один миллион да еще ассигнациями. В действительности же в банке в это время хранилось около двух с половиной миллиардов франков. Через несколько дней Варлен потребовал выдачи еще одного миллиона. Ему отказали. Лишь после настояний и весьма, впрочем, умеренных угроз маркиз де Плек, заместитель управляющего банком, согласился выдать эту ничтожную сумму.

Поведение руководителей революционного движения крайне озадачило и обеспокоило Маркса и его друга.

«Труднее всего, — писал вскоре после этого Энгельс, — понять то благоговение, с каким Коммуна почтительно остановилась перед дверьми Французского банка. Это было также крупной политической ошибкой. Банк в руках Коммуны — ведь это имело бы большее значение, чем десять тысяч заложников. Это заставило бы всю французскую буржуазию оказать давление на версальское правительство, чтобы заключить мир с

Коммуной».

В те же дни, когда закладывался фундамент Коммуны, были допущены и другие непоправимые политические просчеты. Группа мэров явилась в ратушу, и один из них задал Варлену вопрос:

— Что вы, собственно, хотите? Удовлетворитесь ли вы все согласием на выборы нового муниципалитета?

Варлен ответил не задумываясь:

— Да, мы хотим избрания Коммуны как муниципального совета. Но этим еще не ограничиваются наши требования — и все вы это прекрасно знаете! Мы хотим коммунальных свобод для Парижа, уничтожения префектуры полиции, права для Национальной гвардии самой выбирать всех своих офицеров, в том числе и главнокомандующего, полного прощения неоплаченных квартирных долгов на сумму меньше пятисот франков и пропорционального снижения прочих долгов за квартиру, справедливого закона об уплате по векселям. Наконец, мы требуем, чтобы версальские войска отошли на двадцать миль от Парижа.

Муниципальные власти категорически отказались принять даже такие весьма умеренные требования. Реакционеры разных мастей вопили, что они не признают Центральный комитет и единственной законной властью для них в Париже является собрание мэров и прежних депутатов. До глубокой ночи, пять часов подряд, шел отчаянный спор между представителями Центрального комитета Национальной гвардии и мэрами. Варлен, не ложившийся спать уже несколько ночей, вконец измотанный, не заметил хитроумной ловушки; он пошел на уступки с незначительными оговорками. Выйдя из прокуренной, душной комнаты и придя в себя на свежем воздухе, в тиши безлюдной улицы, он тотчас же понял, что оступился. Придя к товарищам, он назвал свое поведение ошибкой и предложил ответить отказом на притязания мэров и депутатов. Но ничего так и не было сделано.

Варлен, как и многие парижские пролетарии, был все еще в плену пагубных иллюзий, порожденных естественным патриотизмом. Страну окружали немецкие войска. Многие революционеры боялись повредить родине в столь трудную пору, когда враг стоял на подступах, развязав братоубийственную гражданскую войну. Они не понимали, что Тьеру и французской буржуазии Бисмарк и его армии были значительно ближе и дороже, нежели французские пролетарии. Нет ничего более беспощадного, нежели ненависть классового врага.

Очень скоро для Варлена и его единомышленников настала пора прозрения. Но многое было уже непоправимо упущено. Тем

не менее власть в Париже принадлежала трудящимся с их Национальной гвардией.

Все, кто стремился построить новый мир на одном маленьком клочке земли, среди бешеной, разбушевавшейся стихии, записывались в Национальную гвардию.

Чего только не могут люди, охваченные единым устремлением! Несмотря на страшную угрозу — войну, город, объявивший власть трудового народа, зашевелился, загудел, ожил и десятками, сотнями тысяч рук стал действовать, отстраиваться, принаряжаться.

Члены Центрального комитета Национальной гвардии работали без сна и отдыха. Они постоянно собирались в ратуше, в зале, прозванном голубым из-за поблекшего небесного тона штофа на стенах и росписи на потолке, изображавшей небо и порхающих амуров, чтобы сообща обсудить, как встретить во всеоружии наступление немецких и французских врагов.

В первые дни взятия власти рабочими кое-кто, в том числе медик Жаклар и переплетчик Варлен, еще помышлял о том, не предложить ли переговоры и некоторые уступки Тьеру. Скоро, однако, всем стало ясно, что пропасть между Парижем и Версалем стала непроходимой.

Случилось так, что вместе с приходом к власти народа в Париже утвердилась также весна, ясная, теплая. Народ днем и ночью толпился на улицах.

Много раз в человеческой истории революции начинались в самом конце зим и в первые весенние месяцы. И природа торжествовала победу возрождения вместе с людьми. Но никогда радость людей не была столь пламенна, безудержна, пьяняща, как в эти дни второй половины марта в Париже. Угроза, нависшая со всех сторон, не уменьшала, а усиливала блаженство народа, обретшего, наконец, полную свободу. Так, любовь не слабеет, а возрастает, когда к ней подкрадывается опасность. Все затаенные силы народа выявились, и лихорадочно заработали руки и мозг огромной массы людей.

Но дальновидные революционеры, такие, как отважнейшие из отважных Ярослав Домбровский, Луиза Мишель, не были спокойны. С первых дней завоевания рабочими власти они настаивали на немедленном окружении осиного гнезда реакции. Луиза Мишель, прозванная коммунарами «Красной девой Монмартра», мечтала разделаться с Тьером, уничтожив этого змия реакции.

— Я, которую обвиняют в беспредельной доброте, — говорила она, — я, не бледнея, как снимают камень с рельсов, отняла бы жизнь у этого кровавого карлика.

Опасения Домбровского и Луизы Мишель разделяли в Лондоне Маркс и Энгельс.

28 марта Центральный комитет Национальной гвардии передал свои полномочия избранной свободным голосованием Парижской коммуне; это новое правительство трудящихся состояло из 86 человек, в большинстве своем — рабочих.

В этот день площадь городской ратуши была с утра запружена толпами вооруженных людей. Перед деревянным возвышением собрались члены Коммуны. Широкие алые ленты, повязанные наискось мундиров и пиджаков, служили знаком их почетного сана. Играла музыка. Казалось, что начался военный парад армии, уходящей на фронт. Поблескивали на солнце штыки среди трепетавших от ветра ярко-красных с золотой бахромой знамен. Прижатые друг к другу ружья Шайпсо колыхались, как густые камышовые заросли. Солнце золотило жерла пушек на лафетах. Речей не было. Под грохот орудийных салютов и дробь барабанов шли батальоны Национальной гвардии. Женщины махали им пестрыми флажками и букетами гвоздик. Пение «Марсельезы» сливалось с звуками оркестров. Люди держались за руки и улыбались друг другу.

— Да здравствует Коммуна!

Теплый ветер приносил запах молодых трав и плодоносной земли.

— Да здравствует социальная революция!

Этот клич несся в небо, вызывая откровенный испуг или досаду у тех немногих новоизбранных членов Коммуны, которые принадлежали к партиям буржуазных республиканцев.

Измена с первых дней победы народа притаилась в Париже и сразу же начала исподволь подтачивать Коммуну. Некоторые мэры и депутаты, получив указания от Тьера, намеренно затягивали переговоры о мире, чтобы дать окрепнуть версальской армии и усыпить бдительность парижан.

Коммуна была ослаблена доверчивостью. Счастливый человек порою бывает беспечен. А трудовой люд столицы был опьянен радостью, полон радужных надежд и прекраснейших намерений и желаний. Стремясь сделать наибольшее количество людей счастливыми, коммунары забывали о том, что именно это ожесточало против них многочисленных врагов — собственников всякого рода. Стремясь предотвратить кровопролитие, Коммуна не хотела первой начинать войну и верила, что морально и численно превосходит войска Тьера и немцев.

Охваченные лихорадочной деятельностью, не замечая лишений и пушечных жерл, обращенных на них, парижские рабочие, ремесленники, интеллигенты создавали невиданные до

сих пор общественные отношения. Они открывали бесплатные курсы и школы для детей и взрослых, детские сады и ясли, больницы, клубы, узаконили детей незамужних женщин, отделили церковь от государства. Коммуна стала правительством рабочего класса. При ней смогло совершиться полное освобождение труда. К несчастью, в Коммуне не было единой ведущей партии. Прудонисты, анархисты, новоякобинцы, бланкисты, члены масонских лож вносили в деятельность Коммуны немало путаницы, что порождало ошибки.

Не выступив своевременно против версальцев, войско Коммуны дало возможность врагам подготовить широкое наступление. Бисмарк передал Тьеру 100 тысяч французских военнопленных, преимущественно из крестьян, которые были тотчас же брошены на Париж. Началась смертельная баррикадная война внутри города, куда 22 мая вторглись версальцы. С этого часа в городе уже не умолкала канонада, не потухало зарево вспыхивавших пожаров. Все, кто испил из чистого родника подлинной свободы и величайших надежд, не раздумывая, бросились защищать Коммуну. Баррикады Парижа объединили в эти дни тех, кто видел свое счастье в служении народу. Вместе с парижскими коммунарами сражались польские офицеры Врублевский, Домбровский, русская Анна Васильевна Корвин-Круковская, венгр Лео Франкель и многие другие люди разных национальностей. Их были тысячи.

Женщины и малолетние дети сражались рядом с мужчинами. Жизнь без Коммуны не имела для них более смысла, как бытие без солнца. Коммуна была их матерью и детищем. А когда человек знает, что гибнет за великое дело, к нему приходит высшее духовное самосознание, и ему более не хочется оставаться в мире, где совершаются столь тяжкие преступленья. Смерть становится желанным другом, сулящим полную свободу. Неисчерпаемы сокровища чистой совести. Они делают людей неуязвимыми для страха.

Коммуна была обречена. В недолгие дни своего существования она почти что ощупью впервые в человеческой истории попыталась осуществить совершенно новую форму государства — диктатуру пролетариата. Она разрушила паразитический полицейско-бюрократический, удавом обвившийся вокруг народа государственный аппарат. Но ей суждено было изойти кровью и погибнуть. Для победы социальной революции страна еще не созрела. Коммунары не успели привлечь к себе симпатии крестьянства, они были окружены кольцом внутренних и иноземных врагов. Против них выступили все имущие классы мира. Коммуна горела, как костер

в степи.

Едва весть о событиях в Париже достигла Лондона, Генеральный совет Интернационала по предложению Маркса направил Томановскую под фамилией Дмитриевой в столицу Франции в качестве своего агента. 29 марта 1871 года Дмитриева добралась до Парижа, побывав прежде в Женеве, где она передала поручение Маркса по поводу бакунинского «Альянса» всем швейцарским секциям Интернационала. В осажденном Париже нашла Дмитриева свой идеал — истинное братство, любовь, бесстрашие, освобожденную и высоко парящую мысль. Елизавета жила только одним — революцией.

Имя таинственной русской было окружено легендой. Ее считали то актрисой, прекрасной и неустрашимой, как знаменитая Клара Лакомб, то блестящей куртизанкой из народа, ведшей на приступ королевского Версаля толпы санкюлоток, — прославленной Теруань де Мерикур, то загадочной восточной княжной. Никто не знал ее прошлого и подлинного имени. Она появлялась повсюду: на заседании, посвященном устройству народных школ, вместе с Луизой Мишель, на трибуне клуба, потом вместе с неистовой Аделаидой Валантен — той самой работницей, которая, сражаясь на баррикадах, убила своего возлюбленного, когда тот проявил трусость. На поле боя она была то сестрой милосердия, то командиром женских революционных отрядов.

В длинном суконном платье, перетянутом широким кожаным поясом, на котором сбоку висел револьвер, Дмитриева казалась особенно высокой и статной. Теплый алый шарф и тирольская высокая фетровая шляпа с красной кокардой довершали романтический облик 20-летней участницы революционных боев.

24 апреля 1871 года Дмитриева писала в Лондон Марксу и Генеральному совету Интернационала:

«По почте писать невозможно, всякая связь прервана, все попадает в руки версальцев. Серрайе, только что избранный в Коммуну и чувствующий себя хорошо, переправил в Сен-Дени семь писем, но в Лондоне они, по-видимому, не получены… Парижское население (известная часть его) героически сражается, но мы никогда не думали, что окажемся настолько изолированными. Тем не менее мы до сих пор сохранили все наши позиции. Домбровский сражается хорошо… Я много работаю, мы поднимаем всех женщин Парижа… Мы учредили во всех районах, в самих помещениях мэрий, женские комитеты и, кроме того, Центральный комитет. Все это для того, чтобы основать Союз женщин для защиты Парижа и помощи раненым.

Мы устанавливаем связь с правительством, и я надеюсь, что дело наладится. Но сколько потеряно времени и сколько труда мне это стоило! Приходится выступать каждый вечер, много писать… Если Коммуна победит, то наша организация из политической превратится в социальную и мы образуем секции Интернационала. Эта идея имеет большой успех…

К крестьянам не обратились вовремя с манифестом; мне кажется, что он вообще не был составлен, несмотря на мои и Жаклара настояния. Центральный комитет не сразу сдал свои полномочия, были всякие истории, которые ослабили партию. Но с тех пор организация окрепла. На мой взгляд, делается все, что только возможно. Я не могу говорить об этом более подробно, потому что боюсь, как бы прекрасные глаза г. Тьера не заглянули в это письмо, — ведь еще вопрос, попадет ли благополучно в Лондон податель этих строк, швейцарец, редактор из Базеля, который привез мне вести от Утина.

Я сижу без гроша. Если вы получили мои деньги, постарайтесь их с кем-нибудь переслать, но только не по почте, иначе они не дойдут. Как Вы поживаете? Я всегда вспоминаю о вас всех в свободное время, которого у меня, впрочем, очень мало… Что поделывает Женни?

Если бы положение Парижа не было таким критическим, я очень хотела бы, чтобы Женни была здесь, — здесь так много дела».

Письмо это произвело сильное впечатление на всех обитателей Модена-Вилла. 10 мая две дочери Маркса, Женнихен и Элеонора, с первых дней Коммуны рвавшиеся на континент, отправились к Лафаргам, находившемся во Франции.

«…Не могу, — писала Женнихен, — сидеть сложа руки, когда храбрейшие и лучшие люди умерщвляются по приказу свирепого клоуна Тьера, который со всеми своими ордами вышколенных головорезов никогда не победил бы необученных граждан Парижа, если бы не помощь его прусских союзников, которые, по-видимому, гордятся своей ролью полицейских.

Даже лондонские газеты, которые, верные своей почетной задаче, сделали все возможное, чтобы оклеветать парижских пролетариев, теперь вынуждены признать, что никто еще не сражался за принцип с таким мужеством и отвагой…»

Хотя Маркс и Энгельс во время осады Парижа немцами опасались неожиданного восстания революционных рабочих столицы, справедливо предвидя неизбежность его поражения в условиях окружения города иноземными захватчиками, тем не менее они сразу же восприняли Парижскую коммуну как свое

кровное дело, как духовное детище Интернационала.

Маркс включился в борьбу Коммуны со всем свойственным ему пылом. Он написал сотни писем деятелям рабочего движения разных стран, обращая их внимание на историческое значение Коммуны, и сделал все возможное, чтобы установить связь с осажденными в Париже. Напряженно следил он за развитием событий во Франции и сразу же в полной мере оценил героизм рабочих Парижа.

«Какая гибкость, какая историческая инициатива, какая способность к самопожертвованию у этих парижан! После шестимесячного голода и разорения, вызванного гораздо более внутренней изменой, чем внешним врагом, они восстают под прусскими штыками, как будто бы враг не стоял еще у ворот Парижа! История не знает другого примера подобного героизма! Если они окажутся побежденными, виной будет не что иное, как их «великодушие». Надо было сейчас же идти на Версаль, как только Винуа, а вслед за ним и реакционная часть самой парижской Национальной гвардии бежали из Парижа. Момент был упущен из-за совестливости. Не хотели начинать гражданской войны, как будто бы чудовищный выродок Тьер не начал ее уже своей попыткой обезоружить Париж! Как бы там ни было, теперешнее парижское восстание, — если оно даже будет подавлено волками, свиньями и подлыми псами старого общества, — является славнейшим подвигом нашей партии со времени парижского июньского восстания. Пусть сравнят с этими парижанами, готовыми штурмовать небо, холопов германо-прусской Священной Римской империи с ее допотопными маскарадами, отдающими запахом казармы, церкви, юнкерства, а больше всего филистерства».

Члены Интернационала в Париже были самыми храбрыми борцами Коммуны. Хотя Интернационал и не призывал рабочих Парижа к восстанию, Маркс считал Парижскую коммуну костью от кости Интернационала. Он поддерживал связь с Парижем и оказывал деятелям Коммуны всевозможную помощь советами, насколько это было возможно при сложившихся обстоятельствах.

30 марта член совета Парижской коммуны Лео Франкель писал Марксу: «Я был бы очень рад, если бы Вы согласились как-нибудь помочь мне советом, ибо я теперь, можно сказать, один и несу ответственность за все реформы, которые я хочу провести в Департаменте общественных работ. Уже из нескольких строк Вашего последнего письма явствует, что Вы сделаете все возможное, чтобы разъяснить всем народам, всем рабочим, и в особенности немецким, что Парижская коммуна не имеет ничего общего со старой германской общиной. Этим Вы окажете, во

всяком случае, большую услугу нашему делу».

Переписка Маркса с Франкелем и другими членами Коммуны не прекращалась даже в самые трагические дни боев. Марксу, однако, были совершенно чужды всякие диктаторские устремления, и он считал невозможным, находясь в Лондоне, давать какие-либо прямые предписания участникам парижских событий.

13 мая 1871 года Маркс послал двум руководителям Коммуны — Франкелю и Варлену — через одного немецкого купца чрезвычайно важное письмо. Обычно он старался передавать в Париж свои сообщения и советы устно, так как проникновение в осажденный город было сопряжено с большой опасностью. На этот раз ввиду чрезвычайной важности он решил написать:

«Коммуна тратит, по-моему, слишком много времени на мелочи и личные счеты. По-видимому, наряду с влиянием рабочих, есть и другие влияния. Однако это не имело бы еще значения, если бы вам удалось наверстать потерянное время.

Совершенно необходимо, чтобы вы поторопились с тем, что считаете нужным сделать за пределами Парижа, в Англии и других странах. Пруссаки не передадут фортов в руки версальцев, но после заключения окончательного мира (26 мая) помогут правительству окружить Париж своими жандармами.

Так как Тьер и компания в своем договоре, заключенном Пуйэ Кертье, выговорили себе, как вы знаете, огромную взятку, то они отказались от предложенной Бисмарком помощи немецких банкиров, иначе они лишились бы своей взятки. Так как предварительным условием осуществления их договора было покорение Парижа, то они просили Бисмарка отсрочить уплату первого взноса до занятия Парижа; Бисмарк принял это условие. И так как Пруссия сама сильно нуждается в этих деньгах, то она предоставит версальцам всевозможные облегчения, чтобы ускорить взятие Парижа.

Поэтому будьте настороже».

Такие сугубо тайные сведения о секретных переговорах и соглашениях Бисмарка с версальскими изменниками Карлу Марксу сообщал Иоганн Микель. Это человек, служивший во время франко-прусской войны и Коммуны у самого Бисмарка, во время революции 1848 года и затем в течение пяти лет принадлежал к подпольному обществу коммунистов, во главе которого стоял Карл Маркс. Во многих промышленных областях Германии в начале 50-х годов действовали члены этой организации, центр которой находился на Дин-стрит, 28, в убогом жилище изгнанника, бывшего редактора «Новой Рейнской

газеты». К нему обращались за руководящими указаниями соратники Клейн из Золингена, Фриц Молль и многие другие. Иоганн Микель был одним из них.

«Я получал… информацию от правой руки Бисмарка, — писал Маркс одному знакомому профессору, — человека прежде (от 1848 и до 1853 г.) принадлежавшего к тайному обществу, руководителем которого был я. Этот человек знает, что у меня еще хранятся все отчеты, которые он посылал мне из Германии и о Германии. Он всецело зависит от моей скромности. Отсюда его постоянные старания доказать мне свои добрые намерения. Это — тот же самый человек, который, как я Вам говорил, предупредил меня, что Бисмарк решил меня арестовать, если я в этом году снова приеду к Кугельману в Ганновер.

Если бы Коммуна послушалась моих предостережений! Я советовал ее членам укрепить северную сторону Монмартра — прусскую сторону, и у них было еще время это сделать; я предсказал им, что иначе они окажутся в ловушке, я разоблачил им Пиа, Груссе и Везинье; я требовал, чтобы они немедленно прислали в Лондон все бумаги, компрометирующие членов (правительства) национальной обороны, чтобы таким образом до известной степени сдерживать неистовства врагов Коммуны, — тогда план версальцев был бы отчасти расстроен».

Фронт был в Париже везде. Борьба разгоралась — страшная, упорная, беспримерно героическая. По одну сторону баррикад были голодные, оборванные люди, терпящие недостаток во всем, начиная от оружия, медикаментов и хлеба, по другую — сытые, отлично экипированные и вооруженные полчища немецких солдат и французских реакционеров. Но коммунары поставили на карту самую жизнь. Что могло сравниться с ними по силе воли?

На площади Бланш батальон женщин под командой Луизы Мишель и Елизаветы Дмитриевой показал чудеса храбрости. Когда позицию уже невозможно было удерживать, батальон отошел на несколько сотен метров далее, на площадь Пигаль, где вновь сразился с неприятелем, и так отступал с одной баррикады, чтобы возобновить эту смертельную борьбу за следующим укрытием.

Великий коммунар генерал Домбровский погиб в дни «кровавой недели» 23 мая 1871 года. Он был смертельно ранен, когда верхом на коне под градом пуль объезжал баррикады.

— Думайте только о спасенье Республики, — прошептал он соратникам.

Едва весть о гибели Домбровского разнеслась по Парижу, на Монмартре внезапно смолкли пушки. Это канониры и бойцы оставили свои посты, чтобы проститься с любимым командиром.

Тело героя Коммуны принесли в ратушу, в ту самую голубым штофом обитую комнату, где обычно заседала Коммуна и столько раз горячо и убедительно выступал замечательный полководец, единственным недостатком которого была чрезмерная отвага. Его военные познания, полученные в Академии Генерального штаба в Петербурге, очень пригодились и в дни польского восстания 1863 года и Парижской коммуне. Вдали от родины поляк Домбровский отдал свою жизнь за первую в мире пролетарскую революцию. Как и его друг Врублевский, он считал себя братом и защитником всех трудящихся мира.

Ночью при свете факелов тело Домбровского, обернутое в красное знамя, повезли на лафете к кладбищу Пер-Лашез. На площади Бастилии погребальный кортеж задержали коммунары. Они положили погибшего героя у подножья Июльской колонны и под звуки барабанов, бивших поход, совершили обряд последнего прощания, бережно целуя величавый лоб своего генерала. Никто из них не скрывал своих слез. В это же время к кладбищу из разных улиц тянулись десятки других погребальных дрог. Никаких украшений, кроме красных знамен и черного крепа, не было на них. Впереди шли, отбивая похоронную дробь, барабанщики. Позади играла музыка того легиона, к которому принадлежали павшие защитники Коммуны. Опустив ружья дулами вниз, шли проводить товарищей национальные гвардейцы. Одежда и их строгие лица были опалены порохом, бинты свидетельствовали о незаживших ранах. За дрогами медленно шествовали вдовы, сироты, друзья и рабочие делегации округа. Эти люди, как и те, кого они хоронили, с детства знали, что революция — это борьба не на жизнь, а на смерть. Их предки, такие же неимущие, умирали в годы первой революции, их отцы и матери бились и гибли в 1830 и 1848 годах. Многие из тех, кто был убит или расстрелян в дни поражения Коммуны, родились 23 года назад, когда мостовые Парижа пропитала кровь борцов июньских баррикад.

Камни Парижа. Они слышали последние вздохи мучеников Коммуны, вбирали их кровь, служили им опорой и ложем. Безмолвные и холодные, они были свидетелями такой жестокости, которая смягчала горечь смерти. Бесцветные немые стены каменоломни, набережные Сены, плиты бульваров и улиц — суровые памятники революций, покрытые человеческой кровью безыменных героев, которые были преисполнены жалостью и любовью к таким же несчастным, как они.

Дмитриева была ранена на одной из баррикад в районе Бастилии. Несмотря на большую потерю крови, она отказалась

оставить боевых товарищей и продолжала сражаться. Проявляя поразительную храбрость, с ней рядом бился с врагами молодой венгр Лео Франкель, член Парижской коммуны и Интернационала. Пуля пробила ему руку; в это время версальцы перешли в наступление на последнюю баррикаду, но коммунары задержали отряд — они подожгли фитили пороховых бочек. С риском для жизни бойцы провели Дмитриеву и Франкеля через линию фронта, на которой были германские войска.

С первых дней провозглашения Парижской коммуны Маркс тщательно собирал и изучал все сведения о ее деятельности: материалы французских, английских и немецких газет, информацию из Парижа, документы о членах правительства Тьера. 18 апреля 1871 года на заседании Генерального совета Маркс предложил выпустить воззвание ко всем членам Интернационала относительно «общей тенденции борьбы» во Франции. Маркс работал над этим документом в течение целого месяца. Сначала им были написаны первый и второй наброски, после чего он приступил к составлению окончательного текста воззвания.

30 мая 1871 года, через два дня после падения последней баррикады в Парижа Генеральный совет единодушно одобрил зачитанный Марксом готовый текст воззвания Интернационала о гражданской войне во Франции. Оно было опубликовано в Лондоне в июне 1871 года на английском языке в виде брошюры в 35 страниц, тиражом в одну тысячу экземпляров. Но первое издание быстро разошлось, и вскоре потребовалось второе, которое распространялось по удешевленной цене среди рабочих. В августе того же года было выпущено третье английское издание.

В 1871–1872 годах это воззвание, озаглавленное «Гражданская война во Франции», было переведено на французский, немецкий, русский, итальянский, испанский и голландский языки.

Перевод новой работы Маркса на немецкий язык был сделан Энгельсом и опубликован в Германии в газете «Народное государство», а впоследствии издан брошюрой в Лейпциге. На русском языке первое издание «Гражданской войны во Франции» появилось в 1871 году в Цюрихе.

В этом произведении Маркса получило дальнейшее развитие учение о классовой борьбе, государстве, революции и диктатуре пролетариата. И опять, как в «Восемнадцатом брюмера», со всей силой проявился поразительный дар Маркса угадывать значение и последствия великих исторических событий в момент, когда

они совершаются.

Еще в «Восемнадцатом брюмера» Маркс высказал мысль о необходимости слома буржуазной государственной машины во время пролетарской революции. Развивая дальше это положение в «Гражданской войне во Франции» и рассматривая буржуазное государство как общественную силу, организованную для социального порабощения трудящихся, как машину классового господства, Маркс приходит к заключению, что рабочий класс не может просто овладеть этой машиной и пустить ее в ход для своих целей. Старая государственная машина должна быть сломана. Пролетариат, как это показала Парижская коммуна, создает свою новую форму государства — диктатуру пролетариата.

В Парижской коммуне, несмотря на короткий период ее существования, Маркс увидел в первоначальной, еще только зарождавшейся, но уже достаточно отчетливой форме черты государства нового исторического типа. Маркс писал, что Коммуна «была, по сути дела, правительством рабочего класса, результатом борьбы производительного класса против класса присваивающего; она была открытой… политической формой, при которой могло совершиться экономическое освобождение труда».

Страницы воззвания Международного Товарищества Рабочих о гражданской войне во Франции проникнуты глубокой верой в революционные силы народных масс и восхищением героизмом рабочего класса Франции и деятельностью Коммуны. Старому миру Версаля — этому «сборищу вампиров всех отживших режимов» — Маркс противопоставляет огромную преобразующую силу пролетарской революции. «Гражданская война во Франции» звучит гимном рабочему классу Парижа, сделавшему первые шаги по пути создания пролетарского государства. «Трудящийся, мыслящий, борющийся, истекающий кровью, но сияющий вдохновенным сознанием своей исторической инициативы Париж, — писал Маркс, — почти забывал о людоедах, стоявших перед его стенами, с энтузиазмом отдавшись строительству нового общества!»

Маркс и его семья переживали мучительные дни, беспокоясь о многих соратниках, сражавшихся в Париже. Ничего не знали об Элизе. В Модена-Вилла стекалось много беглецов парижских коммунаров. Там они находили дружеский кров и заботу. Никто из них ничего не мог сказать о судьбе славной русской революционерки. Наконец из Швейцарии пришло долгожданное письмо от секретаря Романского федерального комитета

Интернационала, в котором сообщалось о Дмитриевой: «Это чудо, что она спаслась. Она у нас в Женеве, и мы охраняем ее с величайшей заботой. Ей удалось с несколькими друзьями и подругами ускользнуть от этой ужасной бойни».

Осенью 1871 года, оправившись от ранения и глубокого тяжелого душевного потрясения, Дмитриева вернулась на родину. Тайна ее настоящего имени не была никогда раскрыта русской полицией. Дмитриевой больше не существовало. Елизавета Лукинична Томановская, вдова полковника, беспрепятственно пересекла русскую границу и направилась в Новгородскую губернию. После недолгого пребывания в глуши Томановская переехала в Москву. Связь ее с Марксом изредка поддерживалась письмами.

До самой франко-прусской войны Лафарг с женой и маленьким сыном Этьеном — Шнапсиком жили в Париже, в маленькой квартирке на улице Шерш-Миди. Зять и дочь Маркса усиленно пропагандировали идеи марксизма во Франции. По крутой лестнице на верхний этаж в квартиру Лафаргов нередко в это время поднимался, тяжело дыша, худенький старик с узким строгим лицом аскета и неповторимыми по силе взгляда глубоко запавшими глазами. Это был любимец многих поколений французских революционеров, твердый, как каменные громады крепостных тюрем, где прошла большая часть его жизни, великий человеколюбец — Огюст Бланки. Не было таких пыток и испытаний, которые могли бы сломить волю и веру в конечную победу этого удивительного ветерана революции. Он не признавал осторожности. Чрезмерная отвага иногда делала его неосмотрительным и вела к неудаче. Терпеливый в тюрьме, где он десятками лет ждал свободы, Бланки не хотел, вопреки подчас здравому смыслу, стратегическому расчету, откладывать ни на час поединка со своими врагами — французской буржуазией и ее правительством. И одно поражение его заговоров и восстаний следовало за другим. А он оставался все тем же храбрым до безумства, непреклонным до фанатизма и самоотверженным до самозабвения. Революционный бой стал его стихией. Он восставал всю жизнь не только против тирании, но и против самой могучей силы на земле, против Времени, не желая примириться с тем, что родился предтечей, а не вершителем победы трудящихся. И снова каменные своды тюрем на долгие годы смыкались над этим великим упрямцем и воителем.

У Лафарга Огюст Бланки читал «Нищету философии» Маркса. Он восхищался этой книгой, посрамившей Прудона, исконного недруга Бланки и его последователей. Но тактики марксизма он не понял и навсегда остался только заговорщиком. Дважды после

буржуазной сентябрьской революции Огюст Бланки поднял парижских пролетариев на восстание, чтобы свергнуть правительство национальной измены. Бланкисты были разбиты, их 65-летний вождь схвачен и снова обречен на погребение заживо в тюрьме Бель-Иль, далеко от Парижа. Бланки просидел там целых восемь лет. Так и не видел он блеснувшую и погасшую Парижскую коммуну, за которую отдали жизнь многие его соратники.

В сентябре 1870 года Лафарги покинули Париж и переехали к родственникам в Бордо. Несмотря на то, что Бордо был одним из значительных торгово-промышленных городов Франции, рабочий класс его оставался немногочисленным и влияние местной секции Интернационала ничтожным.

Поль Лафарг немедленно принялся за работу среди бордоских тружеников. Он создал газету, пропагандировавшую взгляды Международного Товарищества Рабочих. После провозглашения Коммуны значительно возросшая бордоская секция Интернационала высказалась за поддержку парижских рабочих и организацию им всяческой помощи.

В апреле Поль Лафарг пробрался в Париж, где виделся с деятелями Коммуны. Получив задание поднять на юго-востоке Франции восстание, чтобы помочь этим сражающимся парижанам, Лафарг вернулся в Бордо. Однако предпринятое там революционное выступление не удалось. Несмотря на поражение, оно выявило симпатии трудящегося населения города к Коммуне.

Лаура горячо сочувствовала героическим коммунарам. Если бы не больные дети, она бросилась бы в Париж, на баррикады. «Я практикуюсь в стрельбе из пистолета, — писала она, — в здешних полях и лесах, так как вижу, как хорошо сражались женщины в недавних боях, и никто не знает, что еще может произойти».

В мае к Лафаргам приехали из Лондона Женнихен и 16-летняя Элеонора. Едва весть о гибели Коммуны дошла до Бордо, в городе начался разгул реакции.

«Почва Бордо оказалась слишком горяча для него, — писала Лаура отцу о Лафарге. — Реакция свирепствует там, как и везде. Версальские звери разослали своих шпионов и жандармов по всей Франции, и во всех больших городах стало невозможно жить тем, кто не в достаточно хороших отношениях с полицией».

Чтобы избежать ареста, Лафарги с двумя больными детьми отправились на юг Франции, в Пиренеи, поближе к испанской границе. Следом за ними туда же прибыли обе сестры Лауры. Однако в курортном местечке Люшон, где все они снова встретились, разыгрались неожиданные события. Поль Лафарг был разбужен как-то на рассвете одним доброжелателем-

республиканцем, служившим в полиции. Тот предупредил его о полученном приказании немедленно арестовать эмиссара Интернационала, связного между Бордо и Парижской коммуной, зятя самого Маркса.

Лафарг тотчас же бежал в Испанию. Все три дочери Маркса остались в Люшоне, так как младший из двух сыновей Лауры был тяжело болен. Вскоре ребенок умер. Только в начале августа Лаура с единственным из трех оставшимся в живых ребенком в сопровождении Женнихен и Тусси поехала к мужу, в маленький испанский городок.

Проводив сестру за границу, Женнихен и Тусси вернулись во Францию. Они добрались до пограничного французского местечка. Сестры рассчитывали беспрепятственно поехать в Люшон, но, несмотря на британские паспорта, были задержаны. Обыск, которому подвергла обеих девушек какая-то «весьма неженственная женщина», был чрезвычайно придирчивым и унизительным.

«Мне кажется, что я до сих пор чувствую, как ее паучьи пальцы бегают у ценя в волосах», — вспоминала Женни. В Люшон дочерей Маркса привезли под конвоем полицейских и там подвергли многочасовым грубым допросам порознь и вместе. От них хотели добиться сведений о Лафарге и других деятелях Коммуны и Интернационала. К Женни, которая спокойно и твердо отказалась давать присягу и отвечать на провокационные вопросы, ввели Элеонору; сестер поставили спиной друг к другу. Однако все попытки запутать допрашиваемых ни к чему не привели. Элеонора также отказалась от дачи клятвы.

— Что, Интернационал в Англии могущественная организация? — спрашивали дочерей Маркса.

— Да, — отвечала Женни, — весьма могущественная, и в других странах тоже.

Трое суток девушек держали под арестом. Спустя 10 суток им вернули паспорта и, таким образом, дали возможность беспрепятственно покинуть Францию.

В то же время Поля Лафарга по пятам преследовала испанская полиция. Снова предупрежденный друзьями, с помощью местных жителей он спасся от погони в непроходимых горах. Лишь спустя несколько месяцев под чужим именем Лафарг обосновался с семьей в Мадриде, где, невзирая на опасность, энергично разоблачал членов бакунинского тайного «Альянса», работая в газете «Эмансипация», издававшейся мадридской секцией Интернационала. Лафарг объединил испанских борцов за дело освобождения рабочего класса.

Лаура неутомимо помогала мужу во всех его начинаниях.

Когда Лафарг опубликовал в испанской газете серию статей «Организация труда», для которых немало потрудилась и Лаура, Энгельс написал ей: «В статьи в «Эмансипации», в которых испанцам впервые преподносится настоящая наука, ты тоже вносишь свою значительную долю, и как раз именно в научном отношении, за что я, как секретарь для Испании, считаю своим долгом принести тебе особую благодарность».

В это же время на Лафарга и его жену обрушилось страшное горе. Их ребенок, веселый Шнапсик, которому было уже больше трех лет, умер от дизентерии, проболев девять месяцев. Только взаимная огромная любовь, общие жизненные цели помогли Полю и Лауре пережить это несчастье. Однако, тщетно борясь как врач за жизнь своих детей, Лафарг возненавидел медицину. Он посвятил себя отныне политический деятельности в журналистике, но это не могло обеспечить его и жену материально. Ради заработка он открыл, эмигрировав в Англию, ателье фотолитографии и гравировки.

Вернувшись в Лондон, Женнихен и Элеонора застали родительский дом переполненным беженцами Коммуны. Вся семья Маркса, включая его самого, занята была тем, чтобы помочь борцам, спасшимся от расправы версальцев. Они не имели ни жилья, ни одежды, ни каких-тибо средств к существованию. Энгельс руководил работой Генсовета по оказанию материальной помощи французским эмигрантам. Трудоустройство изгнанников значительно затруднялось тем, что английская буржуазия не желала облегчить положение участникам Коммуны и нанимать их на работу. Не прощали британские зажиточные люди и сочувствия к деятелям пролетарской революции. Женнихен писала Кугельману: «Монро порвали со мной всякую связь, так как сделали ужасное открытие, что я дочь главаря поджигателей, защищавшего противозаконное движение коммунаров. Страдания эмигрантов неописуемы. Они буквально умирают с голоду на улицах этого огромного города…

Уже более 5 месяцев Интернационал содержит, точнее говоря, поддерживает между жизнью и смертью эту большую массу эмигрантов».

Падение Парижской коммуны явилось сигналом ко всеобщему наступлению реакции против Интернационала во всех европейских странах. Бисмарк издал приказ об аресте Карла Маркса в случае его появления на германской земле и попытался организовать конференцию правительств Европы для обсуждения вопроса о борьбе с Интернационалом. Французское правительство в циркулярном послании ко всем заинтересованным государствам

также призывало к объединению реакционных стран ради общей травли интернационалистов. Тьер и Фавр добились принятия сурового закона против Международного Товарищества Рабочих. Связь Генерального совета с Францией из-за исключительного закона о секциях Интернационала оборвалась.

Враги Коммуны были также врагами Международного Товарищества Рабочих. Как только Генеральный совет и, в частности, Маркс переняли все наследство Коммуны, буржуазная пресса обрушилась на создателя Интернационала, называя его «красным дьяволом» и «доктором красного террора». Настало время, когда центральная печать Англии открыла свои страницы для сообщений о деятельности Интернационала и его руководителях. Лондонская «Таймс» после Парижской коммуны опубликовала важные заявления Маркса и Генерального совета в ответ на клеветнические нападки разных газет на Интернационал. Доступ в большую прессу сделал Маркса еще более известным; журналисты писали о нем, его семье и соратниках.

Летом 1871 года Маркса посетил американский корреспондент мистер Ландор. Спустя несколько дней он подробно описал свои впечатления от встречи с портным Эккариусом.

«Вы поручили мне собрать кое-какие сведения о Международном Товариществе Рабочих, и я попытался исполнить Вашу просьбу, — писал он в отчете. — Эта задача в настоящий момент нелегка. Лондон, бесспорно, является штаб-квартирой Товарищества, но англичане слишком напуганы, и им повсюду мерещится Интернационал, как королю Якову везде мерещился порох после знаменитого заговора. Осторожность Товарищества, конечно, усилилась вместе с подозрительностью публики; и если у его руководителей есть секреты, то эти руководители именно такие люди, которые умеют держать секреты про себя. Я посетил двух наиболее видных членов их совета и с одним из них имел непринужденную беседу, содержание которой излагаю ниже… Первый из тех двух деятелей, которых я посетил, видный член Генерального совета, сидел за своим верстаком и должен был то и дело отрываться от беседы со мной, чтобы отвечать на не очень вежливые замечания хозяйчика (одного из многочисленных в этой части города хозяйчиков), на которого он работал. Я слышал, как этот же человек произносил на публичных собраниях прекрасные речи, проникнутые в каждом своем слове страстной ненавистью к классу людей, называющих себя его господами. Он, наверное, сознает себя достаточно развитым и способным, чтобы организовать рабочее правительство, а вынужден заниматься всю свою жизнь самым возмутительным подневольным трудом, чисто

механическим. Он горд и самолюбив, а между тем на каждом шагу он должен отвечать поклоном на ворчанье и улыбкой на приказ, отдаваемый приблизительно с такой же степенью учтивости, с какой охотник окликает свою собаку. Этот человек помог мне уловить одну сторону Интернационала: протест *труда против капитала,* протест рабочего, который производит, против буржуа, который наслаждается.

Тут я увидел руку, которая ударит очень больно, когда начнется пора, а что касается головы, которая мыслит, то мне кажется, что ее я увидел тоже — во время моей беседы с доктором Карлом Марксом.

…Он вошел и приветливо поздоровался со мной. Мы сидели друг против друга; да, я был наедине с воплощением революции, с подлинным основателем и вдохновителем Интернационала, с автором «Манифеста», в котором капиталу было заявлено, что если он воюет с трудом, то он должен быть готов к гибели — словом, передо мной сидел защитник *Парижской коммуны…*»

— Человечество, — сказал тогда Ландор Марксу, — как видно, плохо представляет себе, что такое Интернационал; к нему питают сильную ненависть, но вряд ли могли бы объяснить, что именно ненавидят. Некоторые люди, считающие, что сумели глубже других проникнуть в тайну Интернационала, утверждают, что это своего рода двуликий Янус, с честной и доброй улыбкой рабочего на одном лице и с усмешкой злодея-заговорщика на другом. Я попрошу вас, — в упор поставил вопрос корреспондент, — пролить свет на тайну, раскрыть которую бессильны подобные теории.

Маркса развеселила мысль, что буржуа так боятся Международного Товарищества Рабочих, и он ответил журналисту с улыбкой:

— Тут нет никакой тайны, милостивый государь, разве только тайна глупости людей, которые упорно игнорируют тот факт, что наше Товарищество действует открыто и что подробнейшие отчеты о его деятельности печатаются для всех, кто пожелает их прочесть. Вы можете купить наш Устав за пенни, а за шиллинг вы будете иметь брошюры, из которых узнаете о нас почти все, что знаем мы сами.

Ландор был высокий, поджарый человек с ярко-розовой лысиной. Услыхав слово «почти», он хлопнул себя по острому колену и загоготал.

— «Почти» — это весьма возможно; но не будет ли в том, чего я не знаю, заключаться самое важное? Буду вполне откровенен с вами и поставлю вопрос так, как он представляется постороннему наблюдателю: не свидетельствует ли это всеобщее

недоброжелательное отношение к вашей организации о чем-то большем, чем невежественная злоба толпы? И не позволите ли вы спросить вас еще раз, несмотря на сказанное вами, что такое Интернационал?

— Вам достаточно взглянуть на людей, из которых он состоит, — на рабочих, — отпарировал Маркс.

Ландор продолжал настаивать:

— Да, но солдат не всегда показателен для того правительства, которое им распоряжается. Я знаю некоторых из ваших членов и вполне допускаю, что они не из того теста, из которого делаются заговорщики. К тому же тайна, которая известна миллиону человек, вовсе не была бы тайной. Но что, если эти люди только орудие в руках какой-нибудь смелой и, — вы, надеюсь, простите меня, если я добавлю, — не слишком разборчивой в средствах коллегии?

— Ничто не показывает, что это так, — возразил Маркс.

— А последнее восстание в Париже?

— Во-первых, я попрошу вас доказать, что тут был вообще какой-нибудь заговор, что все происшедшее не было закономерным следствием сложившихся обстоятельств. А если исходить из существования заговора, то чем может быть доказано участие в нем Международного Товарищества?

Ландор отложил тетрадь, в которую быстро записывал ответы Маркса, и откинулся в кресле.

— Наличием многочисленных членов Товарищества в органах Коммуны, — сказал он, испытующе и нагло глядя в лицо собеседника.

Маркс закурил и принялся ходить по кабинету, отвечая на вопросы Ландора.

— Восстание в Париже было совершено рабочими Парижа. Наиболее способные рабочие неизбежно должны были стать его вождями и организаторами; но наиболее способные рабочие обычно являются в то же время и членами Международного Товарищества. Однако Товарищество как таковое нельзя делать ответственным за их действия.

Ландор скривил рот в ехидной улыбке.

— Мир смотрит на это иначе, — сказал он многозначительно. — Люди толкуют о тайных инструкциях из Лондона и даже о денежной поддержке. Можно ли утверждать, что открытый характер деятельности Товарищества, на который вы сослались, исключает возможность всяких тайных сношений?

— Возникала ли когда-нибудь организация, — смело заявил Маркс, — которая вела бы свою работу без использования как негласных, так и гласных средств связи? Но говорить о тайных

инструкциях из Лондона, как о декретах в вопросах веры и морали, исходящих из какого-то центра папского владычества и интриг, значит совершенно не понимать сущности Интернационала. Для этого потребовалось бы централизованное правительство в Интернационале; в действительности же форма его организации предоставляет как раз наибольшую свободу местной самодеятельности и независимости. В самом деле, Интернационал вовсе не является собственно правительством рабочего класса; он представляет собой скорее объединение, чем командующую силу.

— Объединение с какой целью? — бросил американец, снова оторвавшись от записи.

— С целью экономического освобождения рабочего класса посредством завоевания политической власти; с целью использования этой политической власти для осуществления социальных задач. Наши цели должны быть настолько широкими, чтобы включать в себя все формы деятельности рабочего класса. Придать им специальный характер значило бы приспособить их к потребностям только одной какой-нибудь группы рабочих, к нуждам рабочих одной какой-нибудь нации. Но как можно призвать всех людей к объединению в интересах немногих? Если бы наше Товарищество вступило на этот путь, оно потеряло бы право называться Интернационалом. Товарищество не предписывает определенную форму политических движений; оно только требует, чтобы эти движения были направлены к одной цели. Оно представляет собой сеть объединенных обществ, раскинутую по всему миру труда. В каждой части света наша задача представляется с какой-либо особой стороны, и рабочие там подходят к ее выполнению своим собственным путем. Организации рабочих не могут быть совершенно одинаковыми во всех деталях в Ньюкасле и Барселоне, в Лондоне и Берлине. В Англии, например, перед рабочим классом открыт путь проявить свою политическую мощь. Восстание было бы безумием там, где мирная агитация привела бы к цели более быстрым и верным путем. Во Франции множество репрессивных законов и смертельный антагонизм между классами делают, по-видимому, неизбежным насильственную развязку социальной войны. Но выбрать, каким способом добиться развязки, должен сам рабочий класс этой страны. Интернационал не берется диктовать что-нибудь в этом вопросе и вряд ли будет даже советовать. Но к каждому движению он проявляет свое сочувствие и оказывает свою помощь в рамках, установленных его собственными законами.

Маркс терпеливо, подробно рассказал заокеанскому

корреспонденту о многообразной помощи бастующим рабочим разных стран, о началах солидарности трудящихся, о деятельности профсоюзов, обществ взаимопомощи, кооперативной торговле и кооперативном производстве. Он сообщил о том, как расширяется влияние Интернационала в Европе. Две газеты пропагандировали взгляды Международного Товарищества Рабочих в Испании, три — в Германии, столько же — в Австрии и Голландии, шесть — в Бельгии и столько же в Швейцарии.

— А теперь, — закончил Маркс, усаживаясь против Ландора и протянув ему сигару, — когда я рассказал вам, что такое Интернационал, вы, пожалуй, сумеете сами составить себе мнение о его мнимых заговорах.

Наступило короткое молчание. По комнате плыл сизый дым сигар.

— А Мадзини тоже член вашей организации? — с любопытством и возрастающим интересом спросил Ландор.

— О нет! — весело рассмеялся Маркс. — Наши успехи были бы не очень-то велики, если бы мы не пошли дальше его идей.

— Вы меня удивляете. Я был уверен, что он является представителем самых передовых взглядов.

— Он представляет всего-навсего старую идею буржуазной республики. Мы же не хотим иметь ничего общего с буржуазией. Мадзини отстал от современного движения не меньше, чем немецкие профессора, которые, однако, до сих пор считаются в Европе апостолами развитой демократии будущего. Они были таковыми когда-то — может быть, до 1848 года, когда немецкая буржуазия, в английском понимании этого слова, едва достигла своего собственного развития. Но теперь эти профессора перешли целиком на сторону реакции, и пролетариат больше не желает их знать…

— Что вы скажете о Соединенных Штатах? — настойчиво спросил Ландор, видя, что Маркс намерен закончить беседу.

— Основные центры нашей деятельности находятся сейчас в старых европейских странах. Многие обстоятельства позволяли до сих пор думать, что рабочий вопрос не приобретет такого всепоглощающего значения в Соединенных Штатах. Но эти обстоятельства быстро исчезают, и рабочий вопрос быстро выдвигается там на первый план вместе с ростом, как и в Европе, рабочего класса, отличного от остальных слоев общества и отделенного от капитала.

Задав еще один вопрос, Ландор шумно поблагодарил Маркса и долго тряс его руку, приглашая грозного вождя мировых революций посетить далекую Америку.

Когда Ландор ушел, Маркс вышел из кабинета и спустился по лестнице в столовую. Модена-Вилла была битком набита беженцами-коммунарами. Женнихен и Элеонора уступили им свои комнаты и переселились к Ленхен, гостиная в первом этаже напоминала наспех сооруженную палату в пору эпидемии. Так как в доме не хватало кроватей и диванов, Женни сдвинула несколько стульев и, покрыв их матрацами и одеялами, соорудила дополнительное ложе. В кухне Ленхен едва успевала стряпать для многочисленных обитателей дома. Все кастрюли и сковороды пошли в дело. На Ридженс-стрит творилось то же самое, и Лицци сбилась с ног, стремясь накормить, подлечить и одеть глубоко потрясенных пережитым людей.

Когда Карл вышел, Женни и ее дочери раскладывали покупки для изгнанников, сделанные на собранные деньги. У большинства не было сменного белья, верхней одежды, обуви. Маркс и члены его семьи роздали все, что нашли в своем гардеробе, но этого было очень мало. Коммунары и их семьи, в которых были старики и дети, заболевали и крайне нуждались в лечени и и помощи. Ленхен приготовляла настои из липового цвета с лимоном и медом и поила ими страдающих лихорадкой.

Женни и ее мужу было издавна присуще, когда в их помощи нуждались близкие, обретать чудодейственную силу воли и способность действовать без устали. В то время как обрушившаяся лавина горя вызвала растерянность у некоторых деятелей Интернационала, Маркс, Энгельс и их жены проявили редкое спокойствие, самообладание и находчивость в изыскании средств для спасения революционеров.

— Итак, Мавр, все у нас складывается отлично, мы сможем сегодня же обуть наших постояльцев. Для детворы мы достали удобные сандалии и чулочки. Я вызвала врача. У маленькой Кло жар. Лишь бы не было скарлатины. Лесснер подыскал работу для двух портных и одного плотника в мастерской на Бэкер-стрит. Неправда ли, это хорошие новости?

— Еще бы, дорогая!

— А ты, верно, изрядно устал отбивать словесные мячи этого клещеобразного янки?

— Разговор оказался значительнее, нежели я предполагал. Если он не переврет того, что я ему продиктовал, читатели смогут получить некоторое подлинное представление о том, что же такое Интернационал.

— Да, буржуазные газеты только то и делали, что истязали своих подписчиков ужасами, порожденными бессовестным бредовым воображением.

— Но больше всего черной краски тратили эти мазилы, чтобы

нарисовать портрет доктора Маркса, неистового вождя Интернационала и вдохновителя Коммуны, — сказала Женнихен, прислушивавшаяся к разговору родителей.

Маркс засмеялся, но не успел ей ответить, так как в комнату вошли два коммунара, спасшиеся чудом, благодаря самоотверженности товарищей. Их появление было встречено громкими изъявлениями радости, как только они назвали свои фамилии. Оба были хорошо знакомы Карлу по письмам и понаслышке, но видел он их впервые. Один, постарше, был худощавый высокий брюнет с продолговатым смуглым лицом, глазами, формой напоминавшими желуди, бородкой «под Генриха IV» и узкими стрельчатыми усами, мало походил на француза, каким был на самом деле. Он казался уроженцем Южной Испании, сошедшим с портретов знатных грандов кисти Веласкеса. Его звали Шарль Лонге. Он был журналистом и принимал видное участие в Парижской коммуне. И до этого, со времен студенчества, он боролся с цезаристским режимом. С ним вместе пришел Валерий Врублевский. Он значительно постарел. На усталом лице резче выделялись оспенные рябины, и в углах губ образовались новые складки. По-прежнему уверенно и бодро откидывал он назад мужественную голову, и непреклонная воля была во взоре. Женни Маркс с особым интересом и благожелательностью отнеслась к польскому революционеру. В течение нескольких часов говорил он с ней о Коммуне и ее защитниках. Женни, умевшая безошибочно чувствовать людей, была поглощена строгим, простым и вместе с тем глубоким рассказом Врублевского. Он невольно внушил ей не только симпатию, но и уважение.

— Это не только серьезный, но и гениальный человек, — шепнула она Карлу, когда гости отошли, чтобы поговорить с девушками.

После чая мужчины поднялись в кабинет хозяина дома. Маркс с наслаждением затянулся сигарой. Врублевский набил табаком трубку, а Лонге, отказавшись курить, подошел к окну. В саду он увидел Женнихен; с лейкой в руке она шла к своей тепличке. В это время бывший полководец Коммуны достал из кармана изрядно потрепанного пиджака мятый исписанный лист бумаги и протянул его Марксу. Тот внимательно прочел раз, другой и сказал, заметно пораженный:

— Но ведь это превосходно. Я слыхал про Эжена Потье, но не предполагал, что он может написать столь мощные строки. Нам очень не хватало такого из сердца вылившегося гимна. Прошу вас, прочтите мне вслух.

И в рабочей комнате Маркса зазвучал «Интернационал»:

Вставай, проклятьем заклейменный…

Врублевский обычно мастерски декламировал стихи, но в этот раз голос чтеца дрогнул и зазвенел. Преодолев волнение, он закончил «Интернационал» стоя. Наступила тишина. Маркс курил, нахмурив брови, и о чем-то сосредоточенно размышлял.

— На развалинах великой Парижской коммуны раздался этот полный уверенности в конечной победе призыв, — сказал вдруг Маркс, потушив сигару, и медленно повторил рефрен:

Это есть наш последний
И решительный бой,
С Интернационалом
Воспрянет род людской!

В сентябре 1871 года в Лондоне состоялась закрытая, полулегальная конференция Международного Товарищества Рабочих. Судьба Коммуны была весьма поучительна. Отныне главным для пролетариата становилась сплоченная революционная марксистская партия. Обобщению опыта возникновения, бытия и гибели Коммуны и была посвящена конференция. В ходе ее работы наиболее полно выявились взгляды Маркса и Энгельса на партию пролетариата. Тем большее негодование вызывали анархисты и их лидер Бакунин, которые отрицали необходимость политической борьбы и партийного объединения. Резолюция, принятая на конференции «о политическом действии рабочего класса», гласила, что «пролетариат может действовать как класс, только организовавшись сам в политическую партию, что пролетарская партия необходима для того, чтобы обеспечить победу социальной революции и осуществить ее конечную цель — уничтожение классов».

Лондонская конференция поставила перед пролетариями задачу создания в каждой стране строго дисциплинированной политической рабочей партии.

Маркс не переставал хворать. Карбункулы мучили его меньше, но зато, кроме резких болей в печени, он тяжело страдал от неудержимых приступов кашля, мешавших сну и значительно ослаблявших больного. Впрочем, врачи считали это не легочным, а горловым заболеванием. Пришлось отказаться от сигар и трубки, что было нелегко завзятому курильщику, привыкшему к табаку с юности. Каждый день, большей частью вместе с

Энгельсом, Маркс отправлялся на двухчасовую прогулку через Хай Гейт на Хемстедские холмы. Дорога была неровной, приходилось подниматься и спускаться по крутым склонам. Оба друга были отлично тренированными ходоками. Наконец-то они могли общаться, не прибегая к переписке, и делиться каждой мыслью, обсуждать теоретические и злободневные вопросы. Они понимали один другого с полуслова. Случалось, они спорили и в поисках единого решения, вернувшись домой, рылись в справочниках, чтобы прийти к согласному выводу. Это был плодотворный обмен мыслей и сомнений. Если прогулка почему-либо не могла состояться, друзья оставались в кабинете и часто, внезапно поднявшись с кресел, принимались ходить, каждый по своей диагонали, поворачиваясь у стены на каблуках и снова двигаясь в противоположном направлении. И нередко обсуждение какого-либо занимательного вопроса из области истории, естествознания, политики, экономии ки продолжалось в течение нескольких встреч, до тех пор, покуда предмет размышлений не исчерпывался или не становился совершенно ясным для обоих.

Иногда эти два пожилых бодрых человека весело шутили, и тогда громкий, от сердца идущий смех разносился по всему дому, а на прогулке его повторяло эхо, или он замирал среди лугов и редких садов малозастроенной пригородной местности. Случалось, они вспоминали молодость и принимались петь.

В мае 1872 года в семье Маркса произошло счастливое событие: Женнихен была помолвлена с членом Парижской коммуны и одним из редакторов ее официального печатного органа, членом Интернационала Шарлем Лонге.

Так как здоровье Маркса не улучшалось, то по настоянию врачей он несколько раз ездил на взморье. Большей частью с ним вместе отправлялись также жена и Энгельс с Лицци. Любимым морским курортом обеих семей был Рамсгейт, расположенный на восточном берегу острова, несколько севернее большого порта Дувра. Цены на комнаты в отелях, расположенных вдоль просторной набережной, были значительно дешевле, чем в других, более модных местах, а красивый пляж, упирающийся в светлую меловую гору, ничем не уступал таким же в Борнмаусе и Корнволе, куда устремлялись английская знать и богачи. Рамсгейт был одним из самых непритязательных и веселых курортов Англии. На улицах городка разгуливали фокусники, жонглеры, артисты, готовые в любой момент начать концерт, показать пантомиму и кукольное представление с неизменным петрушкой.

Энгельс в любую погоду наслаждался морским купаньем, плавал и нырял, как амфибия. Он страстно любил море, оно

поднимало его физические силы. Маркс тоже заметно поправлялся в Рамсгейте.

А в Лондоне опять ждал его напряженный, чрезмерный умственный труд. Маркс говорил тогда, что если бы день имел 48 часов, то он все-таки месяцами не справился бы со своей ежедневной работой. Он взял на себя всю политическую и организационную подготовку V очередного конгресса Интернационала.

Со 2 по 7 сентября в Гааге состоялся конгресс Интернационала. Маркс отправился туда в сопровождении жены и дочерей.

Заседания конгресса происходили в большом зале Конкордия на Ломбард-стрит. Помещение, светлое, украшенное лепным орнаментом, сдавалось обычно под балы, концерты и вечера танцев.

На конгресс съехались делегаты многочисленных стран мира. Среди светловолосых северян резче выделялись смуглолицые представители Италии и Испании. Английский язык перемежался с немецким и французским. Особенно выделялся своим высоким ростом, скульптурной богатырской фигурой и черной бородой щеточник Иоганн Филипп Беккер. В президиуме сидел Энгельс. Он был на редкость моложав. С годами лицо его потеряло округлость и черты несколько заострились, но кожа осталась по-молодому свежей и гладкой. В пятьдесят с лишним лет он все еще сохранил русые волосы, и в рыжеватой бороде и усах не видно было седины. Серо-синие глаза блестели задорно. Маркс выглядел значительно старше своего друга. Густые волосы и борода его были пушисты и белы, как горные эдельвейсы, и резко оттеняли желтовато-смуглый цвет лица. Под чуть припухшими и прищуренными веками от многих бессонных ночей в труде залегли глубокие морщины, и только лоб, величавый, выпуклый и ясный, оставался молодым, как и неотразимый, яркий взгляд. Желая что-либо рассмотреть, Маркс вставлял в правый глаз монокль.

Подавляющее большинство интернационалистов европейских стран и Америки были на стороне Маркса и Энгельса. Недавний делегат Парижской коммуны, чрезвычайно деятельный венгр Лео Франкель переводил речи немецких ораторов на французский язык. После торжественной части и приветствий конгресс приступил к работе.

Предстояла решающая битва между сторонниками Генерального совета и «Альянсом» Бакунина. Вождь анархистов, однако, в Гаагу не явился.

Доклад Генерального совета читали по очереди Маркс,

Энгельс и другие члены центрального органа Интернационала. Он был написан на английском, немецком и французском языках. Так как некоторые делегаты — испанцы, итальянцы — не знали никаких языков, кроме родного, для них был назначен особый переводчик. Если же они обращались с вопросами в ходе заседаний, им нередко отвечали на их языке Маркс и Энгельс.

Вопреки происках бакунистов конгресс признал необходимым политическую борьбу и создание пролетарской партии как непременный залог победы социалистической революции. Это решение было включено в Устав Интернационала и стало законом для его членов.

Особая комиссия, выделенная конгрессом, занялась расследованием подрывной работы бакунистов в Международном Товариществе.

Неопровержимые доказательства вероломного и раскольнического поведения бакунистов приводились в докладе Энгельса, представленном конгрессу от имени Генерального совета.

«Впервые в истории борьбы рабочего класса мы сталкиваемся с тайным заговором внутри самого рабочего класса, ставящим целью взорвать не существующий эксплуататорский строй, а само товарищество, которое ведет против этого строя самую энергичную борьбу», — писал Энгельс.

Пять выборных членов следственной комиссии по делу Бакунина работали с вечера до поздней ночи в течение нескольких суток. Им пришлось прочитать множество писем, печатных документов, отчетов, выдержек из книг. Только тогда смогли они прийти к единогласному решению и объявили, что Бакунин действительно виновен, так как пытался разрушить Интернационал с помощью беспринципного общества «Альянс», стремившегося к расколу и тем самым к гибели Международного Товарищества Рабочих. Когда Теодор Куно, председатель следственной комиссии, объявил на конгрессе о несомненной виновности Бакунина, один из анархистов, испанец, опоясанный огненно-красным флагом, бросился к трибуне, выхватил пистолет и со словами: «Такой человек заслужил пули!» — прицелился в Теодора Куно. Неистового последователя «воплощенного сатаны» Бакунина успели вовремя разоружить.

По докладу следственной комиссии конгресс постановил большинством голосов исключить руководителей «Альянса» Бакунина и его сподвижника Гильома из Интернационала.

Гаагский конгресс стал решающей вехой в борьбе интернационалистов с бакунистами. Учение Маркса одержало победу над опасным, как взрывчатое вещество, сумбуром

анархизма, приносящим пользу только буржуазии.

На последнем заседании конгресса Энгельс предложил перенести местопребывание Генерального совета в Нью-Йорк ввиду усилившихся преследований Интернационала со стороны европейских правительств и враждебной деятельности анархистских и других мелкобуржуазных личностей, проникших в некоторые секции.

Из Гааги делегаты конгресса поехали в Амстердам, где состоялся митинг голландских рабочих. Тесный зал был переполнен, и собравшиеся стоя слушали ораторов, шумно выражая свое одобрение.

В своей речи, посвященной необходимости завоевания рабочими политической власти, Маркс сказал:

— Мы никогда не утверждали, что к этой цели ведут непременно одинаковые дороги. Мы знаем, что приходится считаться с учреждениями, нравами и традициями отдельных стран; и мы не отрицаем, что существуют страны, как Америка, Англия, и если бы я лучше знал ваши учреждения, то, может быть, я прибавил бы к ним и Голландию, в которых рабочие могут добиться своей цели мирными средствами. Но если это так, то мы должны также признать, что в большинстве стран континента рычагом нашей революции должна послужить сила; именно сила и является тем, к чему в определенный момент мы должны будем прибегнуть для того, чтобы окончательно установить господство труда.

После окончания работы Маркс и Энгельс пригласили делегатов на обед в Схевенинген, рыбацкое селение, рядом с которым вырос небольшой благоустроенный курорт.

Женни Маркс, три ее дочери, Поль Лафарг и Шарль Лонге отправились к морю из тихой Гааги в удобных экипажах. Езды было немногим более часа. Новая дорога пролегла по равнине, вдоль нарядного пригорода, купеческих вилл и безмятежных зажиточных фермерских хозяйств. Стояла погожая, теплая осень, и море у Схевенингена было такое же желтовато-серое, как песок на огромном пляже, как неяркое, мутноватое небо. Рыбачки в тяжелых темных сборчатых юбках и туго накрахмаленных рогатых белоснежных чепцах точно сошли с полотен Гольбейна из Гаагского городского музея фламандской живописи. В отеле еду подавали степенные рыжеволосые голландцы, точь-в-точь такие же, как их предки, позировавшие Рембрандту. И так же ароматен был табак и сочен сыр, как в годы процветания великих Нидерландов.

Обед прошел непринужденно и дружно. Было выпито много вина и выкурено немало великолепных голландских

колониальных сигар. Узнав, что Теодор Куно собирается в Америку, Маркс, хитро улыбаясь и указывая на Лафаргов, сказал ему:

— Вам следует в Новом Свете разрешить негритянский вопрос так, как это сделала одна из моих дочерей, выйдя замуж за негра. Ведь Поль Лафарг негритянского происхождения.

Под общий смех молодой немец-интернационалист обещал обязательно выполнить пожелание Маркса.

Борьба с бакунистами продолжалась еще целый год. Выполняя решения Гаагского конгресса, Маркс и Энгельс при участии Лафарга опубликовали в 1873 году брошюру «Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих». В ней, кроме доклада, зачитанного делегатам, отчетов следственной комиссии, было напечатано много новых документов о раскольнической и предательской деятельности анархистов во всех странах, включая Россию. Бакунин остался верен себе: он не брезгал никакими средствами в достижении цели. Обвинения, выдвинутые и доказанные в брошюре руководителей Интернационала, были столь убедительны и неопровержимы, что «всеразрушитель» Бакунин, по его собственному любимому определению, «воплощенный сатана», публично заявил о своем отказе от общественной деятельности.

В годы, когда учение Маркса и Энгельса одержало идейную победу в Интернационале, многое изменилось в Европе. Парижская коммуна потерпела поражение, усилилось буржуазно-национальное движение в Германии, силы реакции продолжали свирепствовать в полукрепостной России, не хотел потрясений развращаемый подкупом буржуазии английский пролетариат. Интернационал 60-х годов уже не отвечал возникшим новым задачам. Маркс и Энгельс верно учли время наступивших перемен. В итоге упорных боев они вместе со своими сторонниками разбили не одну секту, вредившую рабочему движению. Международное Товарищество Рабочих выполнило свою великую миссию и должно было сойти с исторической сцены, уступив место новой, неизмеримо более мощной эпохе развития социалистических пролетарских партий внутри отдельных государств. Солидарность всех рабочих земли, впервые воплотившаяся в Интернационале, должна была, по мнению Маркса, развиваться и крепнуть в иных формах.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Женни Маркс было около 60 лет. Ее лицо, чуть помеченное оспенными рябинами, осталось не менее прекрасным, нежели в молодые годы. Есть особая, хрупкая и нежная красота в самом начале подступающего увядания. В последний раз природа собирает силы и на миг как бы оживляет, украшает то, что скоро должно отцвести. И так же как люди бывают красивыми или нет в юности и зрелости, есть внешне привлекательная или отталкивающая старость. То, что было смолоду прекрасным, сохраняется надолго. Время как бы щадит красоту. Женни и в пожилые годы оставалась хороша собой. Духовный мир ее был столь глубок и обширен, что прорывался наружу и сказывался во взгляде, улыбке, во всем облике. Как и в молодости, величавы были ее осанка, походка и молоды движения.

С тех пор как подросли три дочери Женни, она лишь изредка исполняла обязанности секретаря своего мужа. Поль Лафарг, Лаура, а затем Тусси добивались поручений от Маркса, охотно писали под его диктовку, делали выписки из газет и журналов, переписывали рукописи или вели деловую корреспонденцию. Но никто не мог заменить Марксу жену как советчика, помощника и друга. По-прежнему Карл делился с Женни каждой мыслью, планом действия, сомнением. Они были необходимы друг другу, как части единого организма, как два полушария одного мозга или два предсердия одного сердца. Женни жила в той же атмосфере мышления и труда, что и Карл. У них все было общее: радости и горести. Чем бы ни занимался, где бы ни находился Маркс, его жена была мысленно с ним рядом. Если он выступал с трибуны, ей передавалось каждое испытываемое им волнение, негодование, удовлетворение или усталость. У них сложилась одна жизнь, хотя каждый был занят своим делом. Было ли когда-нибудь время, когда они не знали друг друга? Трир, детство — все это слилось для них в одно общее воспоминание. Они помнили себя детьми и всегда находились где-то рядом. Оба любили одних и тех же людей: Людвига и Каролину фон Вестфален, юстиции советника Генриха Маркса… Они знали все друг о друге: детские шалости, привычки, ошибки. Жизнь спаяла их общими горькими потерями; четверых детей они растили и схоронили вместе. Жизнь наградила их высшим и редким счастьем — одной любовью от колыбели до смерти. Время поднимало их к вершинам. И снова они убедились в том, что любят друг друга так, что, взявшись за руки, пройдут новые испытания, потому что труднее всего для людей стариться, когда

дух их мощен и мудр, а тело слабеет, болеет, когда надвигается смерть.

Все, чем был поглощен Маркс, составляло смысл жизни и Женни. Вместе с ним, больным, но поглощенным трудом, перенесла она мужественно 72 трагических дня Коммуны, делилась кровом, пищей, последними деньгами с парижскими коммунарами, помогала Марксу, когда он готовил выступления в Генеральном совете и писал грозный доклад, разоблачавший Бакунина. В зале Конкордия, на хорах для публики и прессы, находилась Женни все дни работы Гаагского конгресса, живо интересуясь всем. В Схевенингене на прощальном обеде, устроенном Марксом и Энгельсом, Женни запомнилась делегатам приветливой простотой, умной беседой и внешним очарованием.

Дочери Женни и Карла подросли, и две из них покинули навсегда родительский дом, создав свои семьи. Нелегко было Женни Маркс, когда она видела их невзгоды. Лаура похоронила троих детей, и у Лонге умер их первый сын.

Подобно своей матери, Женни Лонге делила с мужем трудную судьбу политических изгнанников. Оба они долго оставались безработными и отчаянно боролись за существование. Только в 1874 году Шарль Лонге устроился преподавателем в колледже, а его жена давала в школе и на дому уроки декламации, пения и немецкого языка.

Где бы ни работала Женни Лонге, она везде приобретала всеобщее уважение. Это была выдающаяся женщина, необыкновенно образованная и способная. Круг ее интересов непрерывно разрастался: она изучала математику, поэзию, литературу, в том числе русскую, много времени уделяла истории выдающихся женщин разных стран и веков.

Как и Лаура, она хорошо пела и играла на рояле. Николай Даниельсон переслал Женни из России партитуры опер «Иван Сусанин» и «Руслан и Людмила». С тех пор среди любимых композиторов старшей дочери Маркса рядом с Бетховеном, Генделем, Моцартом, Вагнером появился и Глинка.

Женни работала, не щадя своего слабого здоровья; кроме многочисленных уроков, она вела хозяйство и постоянно чему-нибудь училась. С детства ее мучили бронхиты, которые завершились после брака тяжелой и неизлечимой астмой.

С 1873 года и 18-летняя Элеонора начала работать школьной учительницей в приморском городке Брайтоне. Это была стройная, похожая на испанку девушка, пышноволосая брюнетка с прекрасным цветом лица и большими лучистыми черными глазами. Общительная, начитанная, не по летам развитая, с несомненным актерским дарованием, порывистая,

жизнерадостная, Элеонора очень нравилась людям и легко находила друзей. Она хорошо разбиралась уже в самом юном возрасте в политической обстановке, сложившейся в разных странах, понимала значение международной солидарности и была пылкой интернационалисткой.

Среди ее друзей был французский эмигрант, потомок обедневшего аристократического рода, член Парижской коммуны, литератор и историк Проспер Оливье Лиссагарэ, редактор еженедельного журнала «Красное и черное». Элеонора принимала деятельное участие в издании, предпринятом Лиссагарэ, и всячески старалась найти хороших корреспондентов. С этой целью она написала в Германию Вильгельму Либкнехту, которого знала с раннего детства и называла, как и ее сестры, Лайбрери (Библиотека).

«Для Франции нужно издавать публикации, которые освещали бы социалистическое движение во всех странах, в частности в Германии, — поясняла Элеонора, — Франция должна знать, что она может завоевать симпатии других наций, только сочувствуя им в свою очередь».

Журнал «Красное и черное» существовал очень недолго. Его закрыли из-за отсутствия средств у издателя. Дружеские отношения между Лиссагарэ и Элеонорой, однако, не только продолжались, но и перешли в чувство более сложное. Лиссагарэ просил руки Элеоноры, и она склонялась к тому, чтобы стать его женой. Однако Маркс и его жена были этим весьма опечалены. Не такого мужа хотели они для своей любимицы Тусси. Лиссагарэ был немолодой, изрядно поживший, несимпатичный человек. Политические взгляды его были весьма неопределенны. Он не внушал Марксу достаточного доверия. Брак Лиссагарэ с Элеонорой не состоялся.

В начале августа 1874 года Энгельс с женой поселился в наиболее любимом им морском курорте Истборне. Строгие скалы и поросшая дубравами отлогая возвышенность над самым морем были величественны и красивы. В маленькой овальной бухте неровный, уступчатый пляж омывали зеленоватые прозрачные воды. Истборн резко отличался от всех других приморских городков Англии несколько мрачными очертаниями скалистого берега, напоминающего скорее скандинавские приморские ландшафты.

В спортивном полосатом костюме, сапогах, тирольской шляпе, с надежной тростью в руке Энгельс уходил в далекие прогулки вместе с печальной, осиротевшей Женнихен, недавно схоронившей своего младенца. Часто они подолгу молчали. Чуткий Генерал понимал, что словами не залечить страшной

материнской раны, и надеялся на верного целителя — время. Как-то он подвел Женнихен к своей любимой скале, похожей на высокий кипарис. Внизу расстилалось суровое море. Гул морского прибоя звучал, как симфония вечности. Энгельс заговорил о своем желании после смерти исчезнуть в водной пучине. Он всегда повторял друзьям, что просит сжечь его тело и затем рассыпать прах в море именно возле прекрасного Истборна.

Здоровье Маркса становилось все хуже, и врач настаивал на необходимости полечиться карлсбадскими водами. Энгельс нашел этот совет правильным и, как всегда, щедро снабдил друга деньгами. Однако Марксу нелегко было отправиться в путь. Прошло всего две недели, как умер его единственный внук, маленький первенец Лонге. Карлу не хотелось покидать дочь в дни горя.

«В этом отношении, — писал Маркс Кугельману перед отъездом на воды, — я являюсь менее стойким, чем в других вещах, и семейные несчастья обходятся мне всегда дорого! Чем больше живешь, как живу я, почти совершенно замкнуто от внешнего мира, тем более связывает узкий круг семейных привязанностей». Заменить отца возле горюющей Женнихен взялся Энгельс.

15 августа вместе с Элеонорой Маркс приехал в Карлсбад, прославленный курорт, расположенный неподалеку от древней гостеприимной Праги. Они поселились в отеле «Германия», на улице Шлоссберг-Шлоссплот. Маркс по совету местного врача, знавшего, кто он, назвался в гостинице не Карлом, а Чарльзом. Однако спустя несколько дней курортная сплетница — газета «Шпрудель» сообщила, что в Карлсбад прибыл сам «красный вождь» грозного Интернационала. Им заинтересовалась вся разноплеменная курортная публика. Полиция уже следила за каждым его шагом, как, впрочем, делала это все годы не только на континенте, но и на острове, где он жил.

Маркс был чрезвычайно добросовестным пациентом и строго исполнял все предписания врача. Ровно в шесть утра, под руку с Элеонорой, элегантно одетый, он отправлялся к целебным источникам, где выпивал семь стаканов различной минеральной горячей или холодной воды, прогуливаясь при этом степенно по дорожкам парка, вокруг павильонов и поглядывая на большие луковичные часы, вынутые из бокового кармана жилета. Между каждым приемом жидкости требовался пятнадцатиминутный перерыв. Последний, восьмой стакан он выпивал перед сном.

С завистью смотрел Маркс на Элеонору, которой врач рекомендовал для аппетита кружку превосходного пилзенского пива, любимого, но запрещенного ему напитка. После

диетического завтрака начиналось время обязательных прогулок.

Карлсбад, расположенный в холмистой местности, очень живописен и приятен для глаза. В окружающей природе нет резких, острых линий. Все там радостно, открыто солнцу и свету.

Невысокие гранитные горы поросли густыми лесами, напоминающими, однако, большие одичалые парки. Среди деревьев в пригородах разбросаны уютные кафе, где подают отличный кофе с пышно взбитыми желтоватыми сливками. Страдавшему упорной бессонницей Марксу запрещалось спать после еды, и он проводил первую половину дня главным образом в ходьбе.

Маркс чувствовал себя с каждым днем лучше. Впервые за много лет он позабыл об изводящих болях в печени, стал снова крепко спать по ночам. Постепенно исчезали утомляемость и раздражительность.

У Маркса и Элеоноры появились новые знакомые. Обычно они встречались с ними у вырывающегося гейзером из земли, обжигающего Шпруделя или у других целебных источников и сопровождали их в загородных поездках и пеших прогулках. Художник Отто Книлле, писавший исторические полотна, был интересным собеседником, и Маркс охотно говорил с ним об искусстве.

По вечерам, особенно в жаркие дни, многоязычная, разноликая толпа отправлялась в курзал, где играл оркестр под управлением знаменитых дирижеров, пела хоровая капелла. Но интереснее всего были дальние прогулки. Особенно нравился Марксу таинственный, поэтический, обвитый легендами Эгерталь. Там горы и камни столь причудливы в своих очертаниях, что дают простор воображению и фантазии. В уютной долине по каменистому руслу, пенясь и шумя, несется горная речка, в которой согласно старинной легенде живет русалка Эгер, вечно плачущая над человеческим непостоянством. Ее обманул пастух Ганс Хейтлинг, поклявшийся в вечной любви. Охладев к русалке, он решил жениться на обыкновенной девушке. Тогда разгневанная Эгер жестоко ему отомстила и превратила свадебный кортеж в груду камней.

Марксу полюбилась легенда о мстительной русалке, и он с увлечением отыскивал в каменном хаосе застывшие очертания музыкантов с валторнами и трубами, свадебную карету, окаменевшую невесту в фате и злополучного Ганса Хейтлинга с широкополой деревенской шляпой в руке.

Незадолго до возвращения в Лондон настроение Маркса внезапно было испорчено серьезной размолвкой с Кугельманом, приведшей к полному разрыву. Ганноверский врач снова

попытался убедить Маркса отойти от того, что он называл не без пренебрежения политической пропагандой, и посвятить себя целиком разработке теории. Маркс давно уже испытывал большое разочарование в Кугельмане и с трудом терпел его пустые разглагольствования, желание выдать себя за никем не понятую натуру, живущую высшими интересами мироздания. Самовлюбленность и выспренность, присущие Венцелю, — свойства филистеров — стали нестерпимы творцу «Капитала», как больно режущая слух фальшивая нота.

В 1875 году Маркс с семьей переменил квартиру и переехал в дом под № 41 возле полукруглого сквера на той же Мэйтленд-парк-род. До Ридженс-парк-стрит, где жил Энгельс, было все так же недалеко — всего десять минут ходьбы. По-прежнему не проходило дня, чтобы друзья не виделись. Это была счастливая пора совместного мышления и творчества, исканий и находок, согревающих излучений братской дружбы, которые делают жизнь полноценной и легкой. Маркс и Энгельс работали, говорили, молчали, будучи рядом.

Маркс интенсивнейшим образом продолжает свои исследования для II и III томов «Капитала», изучая все новейшие явления в мировой капиталистической экономике, анализируя огромную массу русских источников по аграрному вопросу, богатые материалы о бурно развивающемся капитализме в США, читая множество специальных работ о денежном рынке и банках. Предметом его систематических занятий являются также агрохимия, геология, физиология, физика и в особенности математика. Много времени он отдает изучению истории всех стран и народов.

После прекращения деятельности I Интернационала, выполнившего свою великую роль по сплочению пролетарских сил на международной арене, основоположники марксизма первоочередной исторической задачей считали создание массовых социалистических рабочих партий в отдельных странах. В борьбе за формирование и укрепление первых пролетарских партий в Европе и Америке главной опорой Маркса и Энгельса стали деятели Союза коммунистов и I Интернационала. Находясь в центре борьбы международного пролетариата, Маркс и Энгельс постоянно обобщали и пропагандировали опыт этой борьбы, извлекали конкретные уроки из всех выдающихся движений, выделяя все наиболее существенное и актуальное. Они помогали рабочим-социалистам каждой страны правильно определить линию своего поведения, вести самостоятельную, отвечающую классовым интересам пролетариата политику, учитывая

конкретные особенности национального развития.

Ведя упорную борьбу за создание социалистических партий в различных странах, Маркс и Энгельс уделяли особое внимание германскому рабочему движению, которое после франко-прусской войны и поражения Парижской коммуны стало ведущим в Европе.

Объединение страны, пятимиллиардная контрибуция, полученная с Франции, присоединение богатых железом и углем районов создали благоприятные условия для быстрого экономического развития Германии. К концу 70-х годов она стала высокоразвитым индустриальным государством, однако заработок немецких рабочих был значительно ниже, чем в других передовых государствах. Внутренние противоречия вызвали обострение классовой борьбы. В 1873 году объявили забастовку ткачи Кёльна, машиностроители Хемница, печатники Лейпцига. Кровавое столкновение рабочих с полицией и жандармерией произошло во Франкфурте. Возросшее влияние социал-демократов сказалось во время выборов в рейхстаг в 1874 году, когда эйзенахцы и лассальянцы получили, выступая как независимые партии пролетариата, более 300 тысяч голосов.

Однако эйзенахцы примыкали к Интернационалу, а лассальянцам для объединения с ними надлежало, по мнению Маркса и Энгельса, отказаться от своих сектантских лозунгов и от государственной помощи. Но Бебель и особенно Либкнехт при выработке общей программы новой объединенной партии не только не потребовали этого, а сами согласились на недопустимые уступки лассальянцам. Эйзенахцы отступили. В программе объединенной партии не были отражены важнейшие положения марксизма: неизбежность пролетарской революции, диктатура пролетариата, интернациональные обязанности немецких рабочих. Зато было много лассальянских положений. Ознакомившись с этим документом, Карл Маркс написал в 1875 году «Замечания к программе Германской рабочей партии», получившие впоследствии название «Критика Готской программы».

В этом небольшом по объему, но весьма важном произведении Маркс формулирует новые положения теории научного коммунизма: о социалистической революции, власти рабочего класса, о переходном периоде от капитализма к коммунизму, двух фазах коммунистического общества, о производстве и распределении общественного продукта при социализме и основных чертах полного коммунизма, о пролетарском интернационализме и партии рабочего класса.

В этом классическом произведении получило дальнейшее развитие учение марксизма о государстве, о диктатуре пролетариата по сравнению с «Манифестом Коммунистической партии», «Восемнадцатым брюмера. Луи Бонапарта», «Гражданской войной во Франции». Подводя итог своему учению о государстве, основанному на опыте всех революций, на опыте всей борьбы пролетариата, Маркс высказывает гениальную мысль о том, что исторически неизбежна особая стадия перехода от капитализма к коммунизму с соответствующей формой государства. «Между капиталистическим и коммунистическим обществом, — пишет Маркс, — лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как *революционной диктатурой пролетариата».*

Маркс считал, что государство при коммунизме должно отмирать. Говоря о «государственности коммунистического общества», Маркс имел в виду отмирающую государственность, то есть вопрос о том, какие общественные функции останутся тогда, аналогичные теперешним государственным функциям.

Вопрос о сроках и конкретных формах отмирания государственности коммунистического общества Маркс и Энгельс оставляли открытым, ибо возможности решить эти вопросы тогда еще не было.

В «Критике Готской программы» Маркс дает основанное на научном анализе определение основных черт коммунистического общества на начальной ступени (первая, или низшая, фаза, социализм) и на ступени его полного развития (высшая фаза, коммунизм). Положение о двух фазах коммунистической общественной формации было гениальным предвидением Маркса.

Опираясь на разработанную им теорию воспроизводства, Маркс дает в «Критике Готской программы» научный анализ существенных особенностей производства и распределения при социализме. Он опровергает лассальянскую «идею» о получении рабочими при социализме «неурезанного» или полного продукта труда. Маркс указывает, что экономическая необходимость заставляет из совокупного общественного продукта вычесть то, что идет в общественный фонд — на возмещение потребленных средств производства, на расширение производства, в резервный, или страховой, фонд и т. д.

Маркс показывает преимущества социалистического строя, основанного на общем владении средствами производства, организованного на началах коллективизма, по сравнению с

капиталистическим строем. В условиях социализма, подчеркивает он, осуществляется равенство людей в смысле их одинакового отношения к средствам производства: ликвидированы частная собственность на средства производства и эксплуатация человека человеком. Маркс разоблачает характерные для вульгарной политической экономии и мелкобуржуазного социализма представления о том, будто при социализме будет осуществлен уравнительный принцип распределения общественного продукта. Критикуя такие представления, Маркс исходит из своего анализа общественного производства, рассматривая распределение как следствие основных условий и закономерностей производства при социализме.

Маркс указывает на то, что социализм выходит из капиталистического общества и поэтому он еще несет на себе во всех отношениях: в экономическом, нравственном, умственном, «родимые пятна» старого общества, из недр которого он вышел, претерпев все муки появления на свет. Маркс поэтому учитывает неизбежное неравенство людей при социализме, когда еще не может быть устранено распределение общественного продукта по количеству затраченного каждым членом общества труда, а не по потребностям людей. «За равное количество труда — равное количество продукта» — таков социалистический принцип, основывающийся на достигнутом уровне экономического развития, а также на том, что люди еще не научились работать на общество без всяких норм права.

Далее Маркс дает гениальную характеристику коммунистического, общества. «На высшей фазе коммунистического общества, — пишет он, — после того как исчезнет порабощающее человека подчинение его разделению труда; когда исчезнет вместе с этим противоположность умственного и физического труда; когда труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой потребностью жизни; когда вместе с всесторонним развитием индивидов вырастут и производительные силы и все источники общественного богатства польются полным потоком, лишь тогда можно будет совершенно преодолеть узкий горизонт буржуазного права, и общество сможет написать на своем знамени: «Каждый по способностям, каждому по потребностям!»

С «Критикой Готской программы» перекликается письмо Энгельса А. Бебелю, предназначавшееся для всего руководства Социал-демократической рабочей партии. Оно выражало общую точку зрения обоих вождей пролетариата на вопрос об объединении существовавших тогда в Германии рабочих организаций (эйзенахцев и лассальянцев) и их протест против

сделанных эйзенахцами уступок в теоретических и политических вопросах своим идейным противникам — лассальянцам. Маркс и Энгельс положительно оценили идею создания единой рабочей партии. Но при этом они предупреждали, что объединение должно произойти на определенной принципиальной основе — при условии отказа лассальянцев от их мелкобуржуазной идеологии и сектантских догм и принятия в основу общей программы объединенной партии принципов научного социализма. Узнав, что это главное условие не было соблюдено, что в погоне за «единством во что бы то ни стало» был составлен насквозь оппортунистический проект программы, Маркс и Энгельс подвергли этот проект суровой критике, обстоятельному научному разбору.

Значительная часть письма Энгельса посвящена критике таких положений проекта программы, как заимствованная у Лассаля фраза о том, что по отношению к рабочему классу все остальные классы, в том числе, следовательно, и крестьянство, будто бы представляют собой единую реакционную массу, как лассальянский «железный закон заработной платы», исходивший из мальтузианской теории народонаселения. В качестве единственного социального требования программа выдвигала лассальянскую же государственную помощь производительным товариществам, порождая иллюзии, будто пролетариат может добиться своего освобождения не путем классовой борьбы, а с помощью реакционного юнкерско-буржуазного германского государства. Программа, подготовленная к Готскому съезду, совершенно игнорировала такие жизненно важные для успеха пролетарской борьбы вопросы, как международная пролетарская солидарность и способы ее поддержания и развития, как организация профессиональных союзов, их связь с партией рабочего класса, отношение к стачечной борьбе и др.

Энгельс подверг резкой критике противоречивший научному социализму вульгарно-идеалистический тезис о «свободном государстве», идею о якобы надклассовом характере государства. Он подчеркивал в связи с этим мысль о том, что пролетариату, завоевавшему власть, нужно будет использовать созданное им государство, чтобы насильственно подавить своих противников, что когда становится возможным говорить о свободе, то есть когда победит коммунистическое общество, тогда государство как таковое перестает существовать.

Уже Парижская коммуна, разбившая буржуазную государственную машину, не была, как утверждал Энгельс, государством в собственном смысле слова, имея в виду то, что подавлять ей приходилось не большинство населения, а

меньшинство, эксплуататоров, и поскольку вместо особой силы для подавления выступало все население.

Маркс и Энгельс постоянно помогали Социал-демократической партии Германии. В письмах к ее руководителям они постоянно давали важные практические советы и указания, обращали внимание на опасности, грозившие здоровому развитию партии.

Важным выступлением Маркса и Энгельса, связанным с их борьбой за политически правильную линию Германской социал-демократической партии, явилось их «Циркулярное письмо» А. Бебелю, В. Либкнехту, В. Бракке и др. В нем нашло яркое выражение их непримиримое отношение к оппортунизму.

Быстрый рост рядов Германской социал-демократической партии и ее влияние среди рабочих вставали серьезным препятствием на пути юнкерско-буржуазного правительства Германии. Чтобы устранить это препятствие, поддержанный помещиками и буржуазией Бисмарк проводит в конце 1878 года через рейхстаг исключительный закон против социалистов. Одним ударом всякая легальная деятельность Социал-демократической партии насильственно прекращалась и сама партия фактически объявлялась вне закона. Руководство партии оказалось неподготовленным к этому удару. Оно растерялось настолько, что само приняло решение о роспуске партийной организации и своего правления, вместо того чтобы сразу перестроиться и перейти на нелегальное положение, приступить к нелегальной борьбе в ответ на исключительный закон. В обстановке правительственных преследований, дезорганизации руководства, не проявившего сразу необходимой стойкости и революционности, быстро усилился оппортунизм. Часть неустойчивых элементов перешла на анархистские позиции. Другая часть, занимавшая видное положение в партии, в особенности в парламентской фракции, выступила с откровенно ликвидаторской платформой, выдвинув своих идеологов в лице Хёхберга, Бернштейна и Шрамма.

В «Циркулярном письме» вожди пролетариата прежде всего раскрывают капитулянтскую суть выступления главарей правого крыла, выпустивших в Цюрихе «Ежегодник социальной науки и социальной политики», на страницах которого они выступили с проповедью откровенного оппортунизма. «Вместо решительной политической оппозиции, — писали Маркс и Энгельс, — всеобщее посредничество; вместо борьбы против правительства и буржуазии — попытка уговорить их и привлечь на свою сторону; вместо яростного сопротивления гонениям сверху — смиренная покорность и признание, что кара заслужена». Со всей резкостью

пролетарские вожди указывают на недопустимость подобных взглядов и поведения в пролетарской партии. «Если они думают так, как пишут, то должны выйти из партии или по крайней мере отказаться от занимаемых ими постов», — заявляли они, стремясь изолировать оппортунистов от руководства партией.

Выступая против примиренческой позиции социал-демократического руководства, Маркс и Энгельс самым убедительным образом разоблачили классово-политические и идейные основы выявившегося оппортунизма. С необычайной силой и яркостью обоснована в «Циркулярном письме» пролетарская линия партии, партийная позиция Маркса и Энгельса, их революционное кредо. «Что касается нас, — писали они, — то, в соответствии со всем нашим прошлым, перед нами только один путь. В течение почти 40 лет мы выдвигали на первый план классовую борьбу как непосредственную движущую силу истории, и особенно классовую борьбу между буржуазией и пролетариатом как могучий рычаг современного социального переворота; поэтому мы никак не можем идти вместе с людьми, которые эту классовую борьбу стремятся вычеркнуть из движения».

Под влиянием решительных выступлений Маркса и Энгельса оппортунисты отступили. Правильный классовый инстинкт рабочих масс, критика, советы и помощь со стороны вождей международного пролетариата выправили положение в партии, сумевшей в период действия исключительного закона, в условиях всяческих преследований укрепить свои ряды, перестроить партийную организацию, найти верный путь в массы, используя и сочетая легальные и нелегальные формы работы.

В эти же годы развил бурную деятельность приват-доцент Берлинского университета Дюринг. Весьма нашпигованный науками, но бездарный, этот человек вообразил себя новоявленным реформатором и объявил, что изобретенная им «система» взглядов произведет переворот в философии и политической экономии. Идеи этого скучнейшего, узколобого педанта, типичного мелкобуржуазного социалиста пришлись, однако, по вкусу некоторым вождям германской социал-демократии, и они принялись усердно начинять ими головы рабочих. Хвалебные статьи о Дюринге появились в социалистической печати. Несколько невежд, ошеломленных обилием малопонятных, туманных мыслей и неудержимым словоизвержением, восхищались новой «системой». Они убедили в этом тех, кто ничего не читал, судил обо всем с чисто стадным неистовством.

Встревоженный Вильгельм Либкнехт обратился к Марксу и

Энгельсу за теоретической поддержкой и получил ее. Чтобы не отрывать Мавра от работы над следующими томами «Капитала», неутомимый Генерал взялся сам сразить всеядного берлинского ученого. Однако, следуя неизменному правилу помогать другу, Маркс написал для критической книги против Дюринга одну главу — о политической экономии.

В начале 1877 года в германской социал-демократической газете «Вперед» начала печататься серия статей Энгельса под заголовком «Переворот в науке, произведенный г. Евгением Дюрингом». Годом позже те же статьи были изданы книгой, названной «Анти-Дюринг».

Так как Дюринг в своей «системе» попытался охватить весьма обширную область знаний, то и Энгельсу, опровергающему его и разбивающему одно за другим теоретические положения, пришлось писать о самых разнородных предметах: от концепции материи и движения до преходящей сущности моральных идей, от дарвиновского естественного отбора до воспитания молодого поколения в будущем обществе. В борьбе с Дюрингом была создана своеобразная новая энциклопедия, в которой отражены важнейшие вопросы естествознания, политической экономии, философии и других наук.

Энгельс добился своей цели и блестяще защитил последовательное материалистическое мировоззрение от лжи, путаницы философского идеализма. На многочисленных примерах, взятых из математики, химии, физики, биологии, он показал, что «в природе сквозь хаос бесчисленных изменений пробивают себе путь те же диалектические законы движения, которые и в истории господствуют над кажущейся случайностью событий».

«Анти-Дюринг» написан ярко и образно. Великолепные сравнения и отточенная ирония перемежаются с глубокими, чисто научными аналитическими рассуждениями и выводами. Страницы книги изобилуют сатирическими отступлениями, а подчас великолепными боевыми выпадами. Тяжелодумью и схоластическому фиглярству совершенно запутавшегося в собственных мыслях Дюринга противопоставлен до прозрачности ясный, логический стиль могучего публициста и литератора Энгельса. Выступая против абстрактных, туманных рассуждений противника, Энгельс без труда добирается до самой сущности его мнимой науки.

Три года подряд Карл Маркс ездил в сопровождении Элеоноры лечиться карлсбадскими водами, и всегда они приносили ему большую пользу. Он возвращался домой бодрым и

поздоровевшим. Печень не напоминала ему о себе резью, и Ленхен радостно отмечала, что аппетит Мавра не причиняет ей больше кулинарных огорчений. Не исчезал только кашель.

Возвращаясь из Карлсбада, Карл с дочерью посетил Крейцнах. Этот прелестный курортный городок-сад был ему очень дорог. Там он женился и провел первые дни после бракосочетания. Каждый уголок в тенистом парке возле соленых источников напоминал Карлу о Женни и времени, когда после 7 лет ожидания они, наконец, навсегда обрели друг друга. Маленький домик, где жила овдовевшая Каролина фон Вестфален, не изменился, и в гостиной стоял рояль, на котором играла более 30 лет назад покойная баронесса. Скорбная грусть охватила Маркса на улицах. Как много друзей его уже ушло навсегда!

Во время недолгого пребывания в Крейцнахе Маркс обошел вместе с Элеонорой все памятные и дорогие ему места, а также достопримечательные пещеры, где кристаллы соли нависли сталактитами, образовали колонны и, сияя алмазным блеском, превратили камни в причудливые гирлянды. Воздух в крейцнахских парках был ни с чем не сравнимый, слегка солоноватый и напоенный цветами и травами. Несколько раз был Маркс и в Праге, любовался ее средневековыми дворцами, серым, гулким залом для рыцарских турниров, уличкой алхимиков, кленовыми аллеями бульваров и строгими линиями поздней храмовой готики.

В Карлсбаде Маркс познакомился и сблизился с видным социологом и ученым, юристом Ковалевским. В 1876 году этот молодой, весьма одаренный русский часто посещал Маркса в Лондоне. Он стал желанным гостем, хотя в дом № 41 на Мэйтленд-парк-род люди допускались с большим разбором. Маркс сторонился даже известных европейских писателей, добивавшихся знакомства с ним, ссылаясь на нескромность газетных и журнальных корреспондентов. К тому же рабочее время для автора «Капитала» было очень дорого. Но Максима Максимовича Ковалевского он приветил. Они совершили много долгих прогулок по окрестностям Карлсбада. Ковалевский недавно побывал в Америке, а Маркс, работая над II томом своего главного труда, намеревался отвести в нем значительное место вопросу о накоплении капиталов в Соединенных Штатах и России. Его особенно интересовала также русская экономическая и историческая литература, которую довольно основательно знал Ковалевский. Не только Карл, но и Женни встретила гостя из России с явным удовольствием. Жена Маркса изучала русскую литературу и даже писала о ней во «Франкфуртской газете», в которой сотрудничала Ковалевский был барственного вида

полный человек со светскими манерами, густым, мелодичным голосом, красноречивый, умный и неиссякаемый в беседе. Особенно глубоко он изучал всеобщую историю и юриспруденцию. Не будучи последователем Маркса, он, однако, оценил его необъятные знания и трудолюбие, страстность в политической борьбе и почувствовал в авторе «Капитала» и вожде Интернационала душу гиганта, с которым не шли ни в какое сравнение все так называемые большие люди. Ковалевский был значительно моложе Маркса, но никогда не замечал с его стороны малейшей тени пренебрежения старшего к младшему. Маркс считал умного и многознающего русского «другом только по науке», подчеркивая этим, что он не был его другом по борьбе. Но Ковалевский гордился и этим определением и всегда говорил, что в лице Маркса имел счастье встретиться с «одним из тех умственных и нравственных вождей человечества, которые по праву могут считаться великими».

Переступив порог дома, расположенного подле полукруглого сквера на Мэйтленд-парк-род, Ковалевский увидел Елену Демут, уже знавшую о нем по рассказам. Она выглядела очень моложавой и бодрой для своих пятидесяти лет и легко справлялась со всеми обязанностями по ведению дома. Елена была одним из самых близких друзей Женни, Карла и Энгельса, которые советовались с ней и очень доверяли ее уму и знанию жизни и людей. В свободные часы она была неизменным партнером Маркса за шахматной доской и, случалось, обыгрывала его. Искусный игрок в шашки, Маркс был не очень силен как шахматист. С годами он спокойнее относился к своим неудачам и, проигрывая, повторял от кого-то слышанную фразу, что шахматы как игра слишком серьезны, а как серьезное всего лишь игра.

Ковалевский, явившись как-то в дом Маркса, нашел его в библиотеке, расположенной рядом с гостиной, на первом этаже просторного и светлого дома. Это была большая, в три окна, комната. Вдоль стен стояли шкафы и полки, заставленные справочниками и книгами, исключительно такими, которые были необходимы Марксу для его работы. Некоторые из них лежали раскрытыми на стульях и диване. Здесь было также много книг по геологии, которую в это время изучал Маркс.

Когда Ковалевский вошел, Маркс настолько был погружен в чтение, что не сразу заметил гостя. Он отложил в сторону газеты на различных языках, которые читал. Среди итальянской, испанской прессы Максим Максимович увидел русский официоз и бухарестскую газету «Румын». Маркс свободно владел румынским языком.

Максим Максимович Ковалевский получил приглашенье от Маркса встретить в его доме Новый год. К ужину ожидались и другие гости. До их прихода Маркс расспрашивал Ковалевского о железнодорожном хозяйстве России, ссылаясь на полученную им из Петербурга книгу Чупрова. Затем беседа перешла на вопросы экономической истории мира. Ковалевский не без удивления узнал, что Маркс возобновил занятия математикой, дифференциальными и интегральными исчислениями для того, чтобы проверить значимость новейшего математического направления в политической экономии, которое возглавил англичанин Джевонс.

Как и все посещавшие Маркса, молодой русский ученый попал под высокое обаянье его жены. Благородство ее внешнего облика, стоицизм в борьбе с житейскими лишениями, манеры дамы из высшего общества и вместе с тем простота обхождения, ум слегка насмешливый и ясный поражали каждого, кто узнавал Женни.

В вечер проводов старого года, нарядно одетая, она казалась значительно помолодевшей. Скорбь, залегшая в морщинах между крыльями носа и верхней губой, исчезла в улыбке, открывавшей красивые зубы, и в блеске больших, все еще лучистых глаз.

— К счастью, Чарли здоров сегодня. Он несколько дней балансировал, подобно канатоходцу, между гриппом и плевритом, — сказала Женни, здороваясь с Ковалевским.

— Надеюсь, мы все будем достаточно сильны в наступающем году, чтобы достойно бороться с большими и малыми разновидностями гадюк и ехидн современной реакции, — ответил Ковалевский и галантно пододвинул Женни Маркс кресло.

— Прошу вас в новом году не дарить Мавру столько русских книг, как в предыдущем. Иначе он не сможет закончить свое капитальное сочинение. А то мне придется наказать вас, господин Ковалевский.

— И лишить за вашим обедом самого лакомого блюда.

— Конечно, я знаю, что вы гурман, и не дам вам бараньей котлеты.

— В таком случае ни одного казенного издания о ходе кредитных операций в России доктор Маркс более от меня не получит.

Разговор продолжался в том же шутливом тоне.

Вскоре в гостиную вошли Энгельс с женой. Лицци и Женни нежно расцеловались.

Редко кто принимал гостей так радушно, как Маркс и его жена, разве только Энгельсы. Ни малейшего стеснения, неловкости, скуки никогда не чувствовалось в их доме.

Наступление Нового года было встречено веселыми тостами и взаимными поздравлениями. Элеонора открыла рояль, и в гостиной раздались звуки марша. На первый тур танца Маркс пригласил свою жену. Оба они танцевали легко и плавно. Усадив Женни, Маркс подошел к Лицци Энгельс и закружил ее в вальсе.

В течение двух лет Ковалевский часто посещал воскресные вечера в домах Маркса и Энгельса. Был он и на семейном обеде, устроенном по поводу приезда из Капштадта сестры Маркса, Луизы. Она прибыла в Лондон из далекой Африки, вместе с двумя взрослыми сыновьями. Почтенная дама была замужем за купцом и очень огорчалась тем, что брат ее вождь социалистов.

— Поверьте, — говорила она Ковалевскому во время обеда, — Карл и мы все вовсе не какие-нибудь дети сапожника или мужика. Наш отец адвокат, и если бы вы побывали в Трире, то услыхали бы, из какой мы хорошей, всеми уважаемой и к тому же не бедной семьи. Кто бы мог подумать, когда Карл был маленьким, что он попадет в такую страшную компанию, как все эти красные?

Слушая монолог сестры, Маркс весело смеялся.

Когда обед был кончен, Маркс, Энгельс и Ковалевский отправились в кабинет покурить и выпить по чашке кофе с ликером. Заговорили о том, что было дороже всего сердцам двух руководителей мирового рабочего движения: о делах социал-демократии, в частности в Германии. Маркс похвалил молодого революционера Бебеля, полушутя, полусердясь отозвался о Либкнехте как об упрямце, не вполне освободившемся от дурного влияния Лассаля.

— Трудно, — заметил он, посмеиваясь, — внести свежую мысль в голову немецкого приват-доцента, а Либкнехт из той же породы.

Но Маркс заметно помрачнел, когда речь зашла о полученном известии из Берлина, что какой-то безумец-анархист совершил покушение на престарелого германского императора Вильгельма.

— О черт, будь проклят террорист и те, кто его подбил на эту провокацию! Ведь зло капитализма не в беззубом, дряхлом коронованном псе. Легко можно себе представить, как сегодня торжествует Бисмарк. Теперь он имеет возможность под истерические вопли и барабанный бой объявить новый поход на социалистов. Наверняка уже начались преследования революционеров по всей стране.

Перед возвращением в Москву, где Ковалевский должен был занять кафедру в университете, он провел на прощание несколько часов у Маркса и Энгельса. В общении с ними он почерпнул

немало бесценных мыслей и знаний. Без знакомства с Марксом Ковалевский не занялся бы теми предметами, которые в дальнейшем определили его научные достижения. Маркс, сам юрист, помог русскому ученому написать большое сочинение об административной юстиции. Он посоветовал Ковалевскому заняться также прошлым земельной общины. Особо интересовала Маркса и научная критика. Он был один из внимательных и взыскательных читателей «Критического обозрения», издаваемого Ковалевским.

Прощаясь с русским ученым, Маркс сказал ему:

— Помните, что логически можно мыслить только по диалектическому методу.

За долгую жизнь человек привыкает к повторяющимся недомоганиям и не задумывается над тем, что в какой-то из облепляющих его болезней уже заложена смерть. После 60 лет Женни Маркс начала хворать. Ничто не помогало: ни поездки к приморью и на курорты, ни советы врачей в Лондоне, Манчестере, Нейнаре, Париже. Маркс с тревогой всматривался в дорогое лицо жены и замечал, как обострялись его черты, посерела и стала сухой кожа, а иногда вдруг гасли лучи прекрасных карих глаз. Веки ее напоминали увядшую сирень. Женни значительно похудела и все чаще старалась скрывать боли и нарастающую слабость. Чахла и Лицци Энгельс. Тщетно муж увозил ее из Лондона в Истборн или в Рамсгейт. Светлым осенним днем 1878 года Лицци скончалась. Смерть подруги глубоко поразила Женни. С этой поры она осознала то, что не было еще понято многочисленными медиками: жизнь ее подходила к концу, настало медленное умирание. Мысль эта не сокрушила Женни. Гордо и отважно заглянула она в будущее. Не случайно такие женщины, как мать героев Гракхов, бесстрашная орлица Корнелия, казалась ей одной из наиболее замечательных в галерее истории. Но близкие долго пытались себя обманывать и верили в ее выздоровление. Безмерная любовь к ним и неистребимая потребность нести людям счастье заставляли Женни крепиться и поддерживать иллюзорные надежды в Карле, детях и Ленхен. Даже когда больше не оставалось сомнений и слово, страшное, как смертный приговор, — рак — было произнесено, Женни встретила его улыбкой и постаралась развеять нависший над домом ужас уверением, что чувствует себя значительно лучше. Но Маркс оцепенел; впервые в жизни этот человек из гранита растерялся. Любовь к Женни, скопленная за всю его жизнь, выявилась теперь с новой силой. Только Ленхен умела так же ходить за больной, развлекать ее, баловать, холить,

как это делал Карл. Он гнал думы о разлуке в постоянном общении с той, кто давно уже стал частью его души. А когда мысль о том, что спасения для Женни нет, доводила его до отчаяния, он находил успокоенье в решении самых сложных математических задач и труднейших примерах этой неисчерпаемой и поглощающей все сознанье науки.

Карл совершенно поседел, даже пушистые усы его стали белыми. Женни страдала за Карла так же сильно, как он за нее. И оба они терзались и ужасом разлуки и жалостью друг к другу. Взявшись за руки, они опять прошли по своей жизни: все пережили, передумали, переговорили.

Иногда они вдвоем под руку поднимались на Хемстедские холмы. Чтобы Женни могла отдыхать в дороге, Маркс брал с собой плед и расстилал его на земле в наиболее красивых местах.

На вершине холма стояла все та же харчевня Джека Строу, и из окна, излюбленного Карлом и Женни, открывался вид на Хайгейтское кладбище. Сквозь невысокие деревья белели памятники и надгробья. Карл поспешно уводил Женни на противоположный конец уютного дома, усаживал подле камина и угощал ее черным пивом и бутербродами с сыром. Женни ласково улыбалась, и Карл забывал о ее болезни. Обоим им казалось, что они не два больных, старых человека, а влюбленные молодожены, вступающие в жизнь. Женни в эти годы медленной агонии живо интересовалась политическими событиями. Часто прикованная к постели, она не могла сама в них участвовать, но когда болезнь бывала к ней милостива и она не чрезмерно страдала физически, то просила мужа, чтобы к ней заходили посещавшие его единомышленники, и охотно слушала их разговоры и сама принимала участие в спорах.

После того как Бисмарку удалось провести в немецком рейхстаге жестокий закон против социалистов, деятели Социал-демократической партии подверглись преследованиям и арестам, их семьи остались без крова и пищи. Женни близко к сердцу приняла все эти события и, пользуясь своим большим опытом подпольной работы и нелегальной рассылки литературы, давала много советов посещавшим Маркса соратникам из Германии. Она радовалась, что, несмотря на произвол и террор на ее родине, ожесточенная борьба продолжалась. По указаниям Маркса и Энгельса была создана подпольная организация, и Бебель с Либкнехтом повели партию в новое наступление. Создавались нелегальные типографии, печатавшие листовки и воззвания. Возникали женские и молодежные организации, и снова в глубоком подполье собирались рабочие. Это было нелегко и

опасно, но зато выковало мужественное племя революционных бойцов. Женни постоянно читала «Социал-демократ» — газету, издававшуюся в Швейцарии для немцев. Она была еще жива, когда в маленьком швейцарском городке Виден собрался первый нелегальный съезд Германской социал-демократической партии.

Революционная борьба немыслима без жертв. Германские тюрьмы были переполнены, в стычках с полицией гибли участники демонстраций протеста, некоторые революционеры оказались вынужденными бежать за границу. В Лондоне умирающая Женни всем чем могла, как уже много раз в жизни, помогала им из своего дома.

За год до смерти, крайне изнуренная пожиравшей ее болезнью, она попросила мужа ввести к ней приехавшего в Англию руководителя германских социал-демократов Августа Бебеля. Женни лежала в постели, и Маркс, боясь утомить больную, просил гостя не говорить с ней более четверти часа. Однако беседа оказалась настолько занимательной, что Бебель позабыл о времени. С грустью вышел он из комнаты обреченной жены Маркса, сразу же прочно завоевавшей его симпатии.

Тяжело было Энгельсу смотреть на угасавшую жизнь Женни. Он был ее близким другом и понимал, чем была она для Карла и как убийственна будет ее потеря. Все, что было в силах, он делал для больной и требовал, чтобы Мавр не жалел для нее денег.

Незадолго до трагической развязки согласно желанию Женни муж и Елена Демут повезли ее во Францию в Аржантейль, к старшей дочери и внукам. В это время в семье Лонге было уже четыре сына, старший из которых, Джонни, часто гостил в Лондоне и был всеобщим баловнем.

Великая сила воли дала Женни возможность не только перенести сравнительно легко путешествие, но и порадовать своим пребыванием всех дорогих ей людей. Она снова ездила в экипаже по Парижу, где все напоминало ей давно минувшие годы. Елена Демут, заменившая больной мать, сестру, друга, не оставляла ее ни на минуту и своим умелым уходом вместе с Карлом облегчала ей трагическое предсмертное время.

Здоровье Маркса было также очень плохо, как он ни старался крепиться. Однажды, когда Женни не могла уже более подниматься с постели, он занемог. И так как долго скрывал свой недуг, болезнь приняла дурной оборот. Обнаружилось жестокое воспаление легких. Преданный всей семье домашний врач Донкин счел положение Маркса почти безнадежным. Ленхен и Элеонора, едва державшиеся на ногах от переутомления, самоотверженно ухаживали за двумя тяжелобольными. Они не раздевались и почти не спали три недели.

В первой комнате лежала Женни, рядом с ней в маленькой спаленке Карл. Оба они беспокоились и тосковали друг о друге. Отличный уход спас Марксу жизнь, он одолел болезнь и, почувствовав себя несколько лучше, направился к жене. Их свидание было нежным и полным юношеской влюбленности, хотя встретились старик, надломленный болезнью, и умирающая старая женщина. Они как бы прощались перед скорой вечной разлукой. Но едва Женни заметила скорбь на лицах Элеоноры и Ленхен, она тотчас же принялась подшучивать над ними и заверять, что никогда не чувствовала себя такой бодрой и намерена жить дольше Мафусаила вопреки всем предсказаньям врачей. И, только оставаясь одна, Женни погружалась в печальные мысли о том, каким горем для Карла и семьи будет ее исчезновенье. Она вспоминала слова Нинон де Ланкло, этой мудрой и легкомысленной Аспазии XVII века, которая, умирая, с улыбкой говорила оплакивающим ее друзьям: «Разве вы не смертны?»

Закрывая усталые глаза и едва справляясь с мучительной физической болью, Женни видела перед собой коммунарок, павших на баррикадах, молодых и сильных.

«Они умерли такими юными. Увы, все живое обречено на ту же участь, — думала она. — Я прожила не худшую из жизней и не хотела бы иной».

Она беспокоилась не о себе, а о том, сумеют ли спокойно и легко, как она, перейти конечный рубеж Карл и все, кого она так крепко любила. Уметь умереть — трудное испытание.

Чем ближе подступала смерть, тем больше любви и сострадания пробуждалось в ней.

«Силы, силы, как много их нужно, только бы они мне не изменили», — тревожилась она и продолжала радоваться бытию и успокаивать окружающих.

С покорной тихой грустью прощалась Женни с небом, которое любила больше всего в природе за его краски, величье и безбрежность, с деревьями, цветами, с жизнью во всех ее больших и малых проявлениях. Снова, в последний раз, вызвала она в памяти дорогие лица и голоса умерших родных, детей, друзей. Она уносила их с собой, как и они, исчезая, забрали частицу ее. Людвиг фон Вестфален умирал как истый философ и дал ей высокий образец того, как уходят из жизни люди. Но пока не наступило небытие, казавшееся ей только глубоким, непробудным сном без видений, Женни не сокращала оставшиеся дни бесцельным страхом. Наоборот, она старалась вобрать в себя все от жизни и радовалась, как дитя, общению с любимыми и дорогими существами. Как узник, потерявший свободу, она

оценила заново, как прекрасна земля и природа во всем. Даже дождь и туман казались ей отныне прекрасными. Они были частью жизни. Тем более интересовали ее действия людей и их идейная борьба. С детским нетерпением ждала Женни итогов выборов в германский рейхстаг и обрадовалась чрезвычайно, узнав о победе социал-демократов. Она старалась смеяться и шутить, развеять грусть друзей. Но Карла ничто не могло обмануть, и он невыносимо страдал.

Как-то темным, унылым декабрьским днем, когда Женни было особенно плохо, а Ленхен тихо вязала у ее изголовья чулочки для своего любимца Джонни, раздался стук молотка по входной двери. Служанка впустила в прихожую двух молодых русских. Один из них, Лев Гартман, уже не раз бывал у Маркса, другой, тоже, как и он, член подпольной организации «Народная воля», только что приехал из России. Он отрекомендовался Николаем Морозовым. Небольшие светло-серые глаза его все время улыбались и жадно разглядывали окружающее. Так как Маркс был еще в читальне Британского музея, пришедших приняла Элеонора. Разговор с хорошенькой девушкой начался на английском языке, но скоро перешел на французский, которым русские владели значительно увереннее. Элеонора расспрашивала о России. Гости охотно рассказывали о своей родине.

Не следующий день двое русских встретились с Марксом в его кабинете. Морозов со свойственной ему непосредственностью и прямотой сказал о том, что творец «Капитала» разительно похож на свой портрет. Маркс засмеялся и ответил, что часто слышит об этом.

Морозов был поражен, что в столь выдающемся и знаменитом человеке, каким был Маркс, не заметил никакой надменности и замкнутости. Простота его была ошеломляющей. Разговор между Марксом, Гартманом и Морозовым шел о причинах раскола «Земли и воли» на две партии: «Черный передел» и «Народная воля». Маркс был хорошо осведомлен обо всем, что происходило в России, и заметил, что борьба с царским самодержавием представляется ему порой чем-то похожим на действия в фантастических романах. От имени партии «Народная воля» Морозов просил Маркса сотрудничать в ее печатном органе, который должен был издаваться в Женеве.

В кабинет, катя перед собой столик на четырех колесиках, на котором стоял чайный сервиз, вошла Элеонора. Она предложила гостям по чашке крепкого, неподслащенного согласно английским обычаям чая и тонко нарезанные сандвичи с маслом и сыром. Косы черноглазой девушки лежали, как две толстые

цепи, вокруг головы. Румяная, круглолицая, смелая и вместе по-девичьи застенчивая, она чем-то напоминала Морозову гётевскую Маргариту.

Несмотря на ранний час, в комнате горела лампа под зеленым абажуром, так как за окном было совершенно темно от черного тумана. На прощание Маркс подарил Морозову несколько своих книжек и обещал написать предисловие к той из них, которую народовольцы выберут для перевода. Последние слова Маркса, запомнившиеся Морозову, были:

— Царя провозгласили главою европейской реакции. Теперь он — содержащийся в Гатчине военнопленный революции, и Россия представляет собой передовой отряд революционного движения в Европе.

Эти же слова Маркса появились в его предисловии к русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии» двумя годами позже.

За свою жизнь Маркс написал множество писем. Он не жалел на это времени, так как при разбросанности по всему свету изгнанников-революционеров после поражения революции 1848–1849 годов Маркс считал весьма важным делиться со своими друзьями и соратниками мыслями по всем вопросам текущей политики, экономики и философии. Письма Маркса сохранили приметы времени, неизменный интерес ко всему, что происходило в мире и особенно в России. Его переписка с русскими людьми продолжалась около четырех десятилетий. Все без исключения в этой полуфеодальной стране волновало его мысль. К 70-м годам относится переписка Маркса с народником Лавровым, так и не понявшим никогда его учения, а также с Верой Ивановной Засулич, одной из деятельнейших социал-демократов того времени.

В 1881 году русская революционерка Вера Засулич, недавно эмигрировавшая в Швейцарию, обратилась с письмом к Марксу. Засулич просила автора «Капитала» высказать свое мнение о русской сельской общине и ее значении в преобразовании общества на социалистических началах. Великий труд Маркса к этому времени уже был хорошо известен в кругах интеллигенции и вызывал всегда горячие споры.

«Следили ли Вы за ожесточенной полемикой в русской литературе этого года вокруг имени Маркса? — писал в августе 1878 года Лавров Энгельсу. — Жуковский (ренегат) и Чичерин выступают против Маркса, Зибер и Михайловский за него. И все это длинные статьи. Я думаю, что нигде в другом месте не было так много написано о его работе. Полемика еще не закончена:

Зибер, которого я видел несколько дней тому назад в Париже, сказал мне, что он готовит ответ Чичерину… Работа Зибера о теории Маркса будет опубликована отдельно, вероятно, в конце года».

Полемика, о которой идет речь в письме Лаврова, между «Вестником Европы» и «Отечественными записками» привела к тому, что «Капитал» и его автор стали широко известны в России. Труды Маркса и Энгельса оказали огромное влияние и на Веру Ивановну Засулич. Она перевела на русский язык «Нищету философии» и горячо проповедовала идеи научного социализма.

«Уважаемый гражданин! — писала Засулич Марксу в своем первом письме к нему. — Вам небезызвестно, что ваш «Капитал» пользуется большой популярностью в России. Несмотря на конфискацию издания, немногое количество оставшихся экземпляров читается и перечитывается широкими кругами более или менее образованных людей нашей страны, и серьезные люди изучают его. Но что вам, вероятно, неизвестно, — это роль, какую играет ваш «Капитал» в наших спорах об аграрном вопросе в России и о нашей сельской общине».

Рассказывая Марксу о различных мнениях на сельскую общину, сложившихся в это время в России, Засулич сообщала:

«В последнее время мы часто слышим мнение, что сельская община является архаической формой, которую история, научный социализм — словом, всё, что есть наиболее бесспорного, — обрекает на гибель. Люди, проповедующие это, называют себя вашими подлинными учениками, «марксистами». Их самым сильным аргументом часто является: «Так говорит Маркс».

Вы поймете поэтому, гражданин, в какой мере интересует нас ваше мнение по этому вопросу и какую большую услугу вы оказали бы нам, изложив ваши воззрения на возможные судьбы нашей сельской общины и на теорию о том, что, в силу исторической неизбежности, все страны мира должны пройти все фазы капиталистического производства…

Примите, гражданин, мой почтительный привет.

Вера Засулич».

Маркс, чтобы ответить русской революционерке, глубоко изучил материалы по экономике пореформенного сельского хозяйства России и примерно месяц спустя направил ей письмо.

В 10-ю годовщину Парижской коммуны в Лондоне состоялся славянский митинг под председательствованием Льва Гартмана. Маркс и Энгельс послали этому собранию приветствие, в котором указывали на успехи международного рабочего движения как на доказательство того, что дело Коммуны не погибло и дало свои

плоды.

Оба они внимательно следили и за событиями в России — процессом Желябова, Перовской, Кибальчича и других народовольцев. Мужество этих стойких революционеров вызвало у них чувство восхищения.

«Когда Парижская коммуна пала после свирепой бойни, устроенной защитниками «порядка», победители никак не предполагали, что не пройдет и десяти лет, как в далеком Петербурге произойдет событие, которое в конце концов должно будет неизбежно привести, хотя бы и после длительной и жестокой борьбы, к созданию российской Коммуны», — писали Маркс и Энгельс.

2 декабря 1881 года умерла Женни Маркс. До последней минуты она сохраняла сознание. Когда ей стало трудно говорить, она, чтобы ободрить близких, попыталась пожать им руки. Ее последние слова, сказанные по-английски, были обращены к тому, кого она любила больше всего в жизни:

— Чарли, силы мои сломлены.

Глаза, устремленные на мужа, на миг стали снова яркими и лучистыми, как в юности, и в последний раз отразили величье и глубину сердца этой необыкновенной женщины. Любовь облегчила ей смерть.

Когда умерла Женни, Карл как бы перестал чувствовать и мыслить. Сила удара была чрезмерна. Так шум, производимый движущейся землей, настолько оглушителен, что его не воспринимает человек. Горе свалило этого титана. К тому же он все еще не вылечился от воспаления легких. Ввиду этого врачи и родные настояли на том, чтобы он не провожал умершую жену на кладбище.

Женни Маркс похоронили на неосвященной земле кладбища Хай Гейт, на которое так часто она смотрела с вершины Хемстедских холмов. Сильно заикаясь от волнения и не стыдясь слез, над открытой ее могилой с прощальным словом выступил Энгельс.

— Друзья, — начал он и окинул взглядом скорбные, плачущие фигуры собравшихся, — женщина прекрасной души, которую мы хороним, родилась в Зальцведеле в 1814 году…

Энгельс остановился. Горько плакала, склонившись над гробом, Ленхен. Было темно. Черно-желтый туман наползал на Лондон. Ленхен заглянула в большую яму, где согласно желанию покойной Женни когда-нибудь будет стоять гроб и с ее останками.

Энгельс между тем рассказывал о Женни, делившей судьбу Маркса, о ее вдумчивости и отваге в революционной борьбе, о

силе духа в изгнании, о жертвах, принесенных ради рабочего движения.

— То, что эта жизнь, — продолжал Энгельс, — свидетельствующая о столь ясном и критическом уме, о столь верном политическом такте, о такой страстной энергии, о такой великой самоотверженности, сделала для революционного движения, не выставлялось напоказ перед публикой, не оглашалось на столбцах печати. То, что она сделала, известно только тем, кто жил вместе с ней. Но одно я знаю: мы не раз еще будем сожалеть об отсутствии ее смелых и благоразумных советов: смелых без бахвальства, благоразумных без ущерба для чести.

Мне незачем говорить о ее личных качествах. Ее друзья знают их и никогда их не забудут. Если существовала когда-либо женщина, которая видела свое счастье в том, чтобы делать счастливыми других, — то это была она.

Не только в Германии, но и во Франции рабочее движение, несмотря на поражение Парижской коммуны и бесчеловечную расправу буржуазии с ее защитниками, снова окрепло. Дряхлый Тьер ошибся, когда объявил социализм навсегда умершим. Зверски расправившись со 100 тысячами коммунаров, он все же просчитался. Уже в 1876 году, невзирая на военные суды, расстреливавшие каждого заподозренного, в Париже заседал первый рабочий конгресс. И хотя повестка его работ была самой безобидной, французский пролетариат вновь напомнил о своем существовании и сплоченности.

По всей стране росли фабрики и заводы, а с ними и количество промышленных рабочих. Появились и новые руководители тружеников. Одним из них был Жюль Гед, чье зажигательное красноречие, яркий полемический дар, остроумие действовали, словно дрожжи, на которых поднялось пролетарское движение. Собрался второй рабочий конгресс в Лионе, испугавший, однако, правительство и фабрикантов, так как вовсе не походил на первый, отличавшийся покорностью и готовностью сговора. Гед и его товарищи не сдались, несмотря на начавшиеся преследования, и в Марселе на третьем съезде, имея большинство, выступили как Социалистическая партия Франции.

Весной 1880 года Гед приехал в Лондон, чтобы с Марксом, Энгельсом и Лафаргом составить проект избирательного документа молодой партии. После долгих споров сошлись на общей программе-минимум. В ней после небольшого введения, посвященного объяснению целей коммунизма, перечислялись требования, проистекавшие из особенностей рабочего движения.

Маркс считал программу средством рассеять туман из пустых фраз, которые долгое время мешали рабочим понять действительное положение вещей. Судя по возражениям и по сочувствию, вызванному программой, Маркс пришел к выводу, что, наконец, во Франции возникло настоящее, организованное рабочее движение вместо хаотических сект. Он одобрил решение Поля Лафарга и Шарля Лонге, двух изгнанников Коммуны, вернуться на родину. Французское правительство в это время объявило об амнистии коммунарам.

Поль Лафарг в Париже начал работать вместе с Гедом, а Лонге занял пост редактора газеты «Справедливость», издаваемой Клемансо. Он поселился вместе с семьей в маленьком городке Аржантейль, расположенном в 20 минутах езды от столицы.

В ту пору вернулся в Париж из тюрьмы амнистированный Огюст Бланки. Ему было уже 74 года, из которых более 30 он провел в заключении.

За год до своей смерти он основал газету, назвав ее «Ни бога, ни господина». В первых же ее номерах начал печататься роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?».

Для больших сердец и умов не наступает увядания. Если у некоторых диких племен ценились мускулы больше мозга и физически дряхлый, ослабевший от бремени лет старик становился обузой и от него стремились скорее избавиться, то чем выше духовный мир человечества, тем дороже для него мудрость, опыт, знание жизни — то, что несут с собой годы.

Для гениев нет старости. Маркс с годами становился все более мощен духовно. Его мышление, творчество, стиль достигли высочайших вершин. Но смерть жены нанесла ему тяжелый удар. Он уподобился орлу с раздробленным крылом.

— Смерть — несчастье не для умершего, а для оставшегося в живых, — грустно повторял он слова Эпикура.

Маркс не переставал болеть. Через две недели после смерти Женни он писал за океан одному из своих друзей и соратников:

«Из последней болезни я вышел вдвойне инвалидом: морально — из-за смерти моей жены, и физически — вследствие того, что после болезни осталось уплотнение плевры и повышенная раздражимость дыхательных путей.

Некоторое время мне, к сожалению, придется целиком затратить на восстановление своего здоровья».

Всю нежность, которой так много было в сердце Маркса, он перенес на своих дочерей и внуков. Он всегда горячо любил детей. Все ребятишки прилегающего к Мэйтленд-парк-род квартала знали, что а в карманах Маркса для них обязательно

найдутся леденцы и сахар. Оставшись без Женни, Карл надеялся заполнить бездонную пустоту, образовавшуюся в его сердце, обязанностями дедушки.

«Только что Тусси вместе с Энгельсом отвезли на извозчике, — писал он Женнихен Лонге в том же декабре, когда похоронил жену, — в транспортную контору рождественские подарки для наших малышей. Ленхен просит, чтобы я специально указал, что от нее — одна курточка для Гарри, одна для Эдди и шерстяная шапочка для Па, затем для того же Па голубое платьице от Лауры; от меня — матросский костюм для моего дорогого Джонни. Мама так весело смеялась в один из последних дней своей жизни, рассказывая Лауре, как мы с тобой и с Джонни поехали в Париж и там ему выбрали костюм, в котором он выглядел, как маленький «мещанин во дворянстве».

У Женни Лонге подрастали четыре мальчика. Самый старший, Жан, прозванный на английский лад Джонни, был любимцем Маркса, в доме которого живал подолгу.

«Расскажи Джонни, — просил в письме Маркс дочь, — что когда я вчера гулял в парке — нашем собственном Мэйтленд-парке — ко мне вдруг подошел величественный сторож парка, чтобы узнать новости о Джонни».

Эдгар, один из внуков Карла, был ненасытный лакомка и однажды, приняв на кухне сырую почку за кусок шоколаду, съел ее без всяких размышлений. С тех пор в семье его прозвали Волком, что очень забавляло деда. Однако, несмотря на горячее желание Маркса жить среди своих детей, это не осуществилось. Здоровье его непрерывно ухудшалось. Климат Лондона был очень неблагоприятен для легочных и горловых заболеваний. Пришлось поехать на остров Уайт, в приморский курортный городок Вентнор. Но и там погода точно ополчилась на людей. Ливни и пронзительно холодные ветры не унимались. Маркс, и без того больной, схватил плеврит и слег. Подле него находилась Элеонора. После смерти матери она была все еще крайне подавлена и печальна. Ее мучили бессонница и нервные конвульсии. Маркса огорчало, что молодая девушка вынуждена быть при нем чем-то вроде сиделки. Он, впрочем, скрывал от дочери эти горестные мысли. Элеонора была впечатлительна и, несмотря на кажущуюся силу духа, легко ранима. Она не нашла еще своего назначения в жизни и металась, не зная, остановиться ли на театре, где она изредка уже выступала с некоторым успехом, стать ли писательницей или посвятить себя общественной и педагогической деятельности. Склад характера и дарования открывали перед ней все эти дороги. У Элеоноры был прекрасный, низкий, гибкий голос, четкая дикция, хорошая

внешность. Ей нравилась трагическая актриса Эллен Терри, которой гордилась Англия, как век назад великой Саррой Сидонс. Выступая на сцене в тех же ролях шекспировских героинь, Элеонора старалась голосом, интонациями, чуть вздрагивающими и неестественно глубокими, а также пластической жестикуляцией походить на этих актрис. Маркс не возражал против того, чтобы она посвятила себя театру и для этого училась у известного педагога мадам Юнг. Но, страстно любя театр, Элеонора отказалась от него, направив всю кипучую энергию и талант на политическую деятельность. Ее чарующий голос пригодился на трибуне, на собраниях. Она стала одним из лучших пропагандистов бессмертных идей Маркса. И как некогда молодого Карла труженики называли «отец», так тридцатилетнюю Элеонору английские работницы прозвали «наша мать».

В поисках тепла и солнца больной Маркс отправился один в Алжир. Но и там погода в это время оказалась для него очень вредной. Более 12 лет не бывало такой погоды в этих местах. Жаркие дневные часы сменялись холодными ночами, ветер приносил едкую пыль из Сахары, начались песчаные бури, затем дожди, закончившиеся изнуряющим сирокко. Зима — опасное, климатически предательское время в Африке. Маркс почувствовал себя еще хуже; его душил режущий кашель с ползучей, густой мокротой, он испытывал гнетущее ощущенье тупой боли в боку, его подавляла тоска. Он признавался в этом Энгельсу:

— Ты знаешь, что мне более чем кому-либо чужд показной пафос; тем не менее было бы ложью отрицать, что моя мысль поглощена воспоминаниями о жене, о лучшей поре моей жизни.

Маркс поселился на гористой улице Верхний Мустафа, в гостинице «Виктория». Отвесные сады, алые от кустов граната, спускались к морю террасами, как легендарный цветник Семирамиды. Комната Маркса на втором этаже выходила на крытую галерею, с которой открывалась чудесная приморская панорама. Как-то он услышал цокающие резкие звуки и вышел посмотреть, откуда они доносятся. У террасы нищий негр, перебирая металлическими кастаньетами, извивался, принимал пластические позы, изображая нечто вроде восточного ритуального танца. Затем он стал просить милостыню. Закутанный в покрывало, будто в тогу, бронзовый мавр — уличный продавец кур и апельсинов — смотрел на это представление. Подле него прохаживался гордый павлин с синей шеей и пышным хвостом. Мавров в Алжире называли арабами. По мнению Маркса, любой алжирский мавр превосходил величайшего европейского актера в искусстве драпироваться

плащом и в умении выглядеть естественным, изящным и полным благородства, двигался ли он или стоял неподвижно.

«Когда они *едут* на своих мулах или ослах, — писал Маркс дочери, — или, что очень редко, на лошадях, они сидят на них не *верхом,* как европейцы, а опустив обе ноги на одну сторону, и являют собою воплощенную ленивую мечтательность».

Из Алжира Маркс выехал на французскую Ривьеру и остановился в княжестве Монако, в Монте-Карло. Осматривая все достопримечательности этого города игроков, расположенного на крутом обрыве над Средиземным морем, Маркс отправился и в казино, где мужчины и женщины, съехавшиеся со всего мира, в умопомрачении азарта ставили на рулетку все свое состояние в надежде обогатиться. Позади казино, в кипарисовой аллее, находился «выступ самоубийц».

Рассматривая залы казино и людей, охваченных лихорадкой наживы, Маркс вспомнил слова Гёте: «О боже, как велик твой зверинец!» В читальне, подле игорных комнат, он нашел интересовавшие его итальянские и французские газеты, что показалось ему самым значительным достижением Монте-Карло.

Немного подлечив плеврит, Маркс прибыл в Аржантейль, к дочери Женни и внукам. Там, среди детей, он несколько ожил душевно. Лечение серными ваннами в соседнем Энгиенне к тому же помогло его больному горлу.

В каждом новом городе его лечили одинаково. Мушки на спину, выпотные втирания, компрессы и без числа микстуры и настой утомляли его больше, нежели приносили облегчение.

Вместе с дочерью Маркс поехал на шесть недель в Веве на Женевское озеро. Но, устав от кочевого образа жизни, он рвался домой. Наконец медики разрешили ему вернуться в Англию, с тем чтобы время туманов он провел на южном побережье острова. Маркс мечтал приняться за работу и набело переписать II том «Капитала». Он решил посвятить этот свой труд покойной жене.

Уже в ноябре 1382 года из-за ядовитой осенней погоды Маркс вынужден был снова отправиться в Вентнор на острове Уайт. Но и там слякоть и холод только ослабили его; одна простуда следовала за другой. Вынужденный оставаться дома, часто в постели, он заметно терял силы, а подчас и работоспособность, но старался перебороть себя и продолжал много читать. Особенно интересовали его опыты физика Депре по передаче электрической энергии на большие расстояния. Едва здоровье его становилось лучше, в краткие перерывы между болезнями, Маркс напряженно работал над подготовкой третьего немецкого издания I тома «Капитала», изучал математику и экономические вопросы. Одновременно он читал по-русски книгу Воронцова «Судьбы

капитализма в России».

Жизнь, однако, готовила ему еще один смертельный удар: 11 января внезапно умерла Женни Лонге.

Получив страшное известие о смерти сестры, Элеонора поехала к отцу в Вентнор. Много пришлось молодой девушке пережить горьких минут, но вряд ли они могли сравниться с тем, что перечувствовала она, пересекая на маленьком катере море. Ей предстояло быть вестницей огромного несчастья. Покойной Женни Лонге минуло 39 лет. Она была полна сил и желания жить, четверо ее сыновей были еще очень малы, а совсем недавно у нее родилась дочь, названная тоже Женни.

«Я везу отцу смертный приговор», — думала Элеонора в мрачный, дождливый день, входя в гостиницу.

Она молчала, не зная, как подготовить отца к столь неожиданному и горестному известию, но измученные, как бы оголенные нервы Маркса, его нечеловеческая проницательность были таковы, что, взглянув на искаженное отчаяньем лицо дочери, он вытянул вперед руки и, задыхаясь, произнес:

— Наша Женнихен умерла…

С этого часа началась душевная агония Маркса. Но он внешне все еще владел собой. Собрав последние силы, Маркс велел Элеоноре немедленно ехать в Париж к осиротевшим детям. Тщетно пыталась она возражать, боясь оставить отца одного. Маркс был непреклонен. Уже через полчаса Элеонора пустилась в безрадостный путь на континент. Вскоре в Лондон вернулся Маркс. Тоненькая цепочка, соединявшая его с жизнью после смерти жены, начала рваться.

Энгельс и Елена Демут, которую в доме вот уже несколько лет звали «Ним» (так окрестил ее маленький Джонни Лонге), делали все, чтобы спасти Маркса, но, едва вернувшись домой, глубоко подавленный и как бы замкнувшийся в себе, он слег в постель. Его мучили бронхит и воспаленье гортани, от которых он лишился не только голоса, но и возможности глотать. Маркс, стоически переносивший величайшие страдания, предпочитал питаться ненавистным ему молоком, нежели принимать твердую пищу, такие боли она ему причиняла. В феврале врачи обнаружили нагноение в легком. Лекарства не действовали больше на организм, ранее потреблявший их в чрезмерном количестве. Маркс потерял аппетит и худел катастрофически. Хотя глотать ему стало легче, он мучился от резкого колотья в груди и кашля. Силы его стремительно падали, и впервые за всю сознательную жизнь он не мог более читать. Мысль об умершей дочери добивала его. Утомленный, он равнодушно ждал вечной ночи.

Два верных друга, однако, упорно боролись за его жизнь и не теряли надежды. Ни одна мать не могла бы лучше ухаживать за своим ребенком, нежели это делала Елена Демут, окружившая больного внимательнейшей заботой. Энгельс призвал к постели Маркса всех лучших врачей Лондона и советовался со многими научными светилами. Не довольствуясь этим, он изучил все относящееся к легочным нарывам и гангрене. Не доверяя другим, он сам рассматривал под микроскопом мокроту больного и выделяющуюся при кашле легочную ткань, зная, как велика опасность прободения стенки кровеносных сосудов. Для него не осталось более тайн в области легочных заболеваний. В течение шести недель, каждое утро, поворачивая за угол Мэйтленд-парк-род и приближаясь к полукруглому скверу, где жил Маркс, он в смертельном страхе, едва усмиряя отчаянно бьющееся сердце, смотрел, опущены или нет шторы на окнах дома № 41.

14 марта Маркс проснулся, чувствуя себя лучше. Он с удовольствием выпил вина, молока и поел супа. Природа в последний раз собрала остаток сил и, как это часто бывает перед концом, обманула на одно мгновение мнимым выздоровлением. Вспышка надежды осветила дом, у Ним распрямились плечи, Тусси впервые за долгие месяцы улыбалась. Но вдруг все переменилось. У Маркса появилось кровохарканье. Все засуетились, растерялись, заплакали. Только больной остался по-прежнему безразличен. Так как ему легче дышалось, когда он не лежал, близкие усадили его в большом кресле, подле незатухающего камина. Предельно ослабев от потери крови, он, казалось, задремал, когда Ленхен, стараясь не нарушать его отдыха, в мягких туфлях, фартуке и чепце сошла вниз навстречу Энгельсу. Было около трех часов дня.

— Вы можете войти, он в полусне, — сказала она шепотом и пропустила друга вперед.

За ней в комнату больного вошла на цыпочках и Элеонора. Маркс сидел в кресле, откинувшись на спинку, как две минуты до того, когда Елена вышла из комнаты. Веки его были опущены. Он выглядел безмятежно спокойным, погруженным в размышления, счастливым. Маркс скончался.

«Человечество стало ниже на одну голову, и притом на самую значительную из всех, которыми оно в наше время обладало», — писал Энгельс соратникам.

17 марта, в субботу, на Хайгетском кладбище в той самой могиле, в которой пятнадцать месяцев назад была погребена Женни, хоронили Маркса. Шарль Лонге прочел телеграммы от Французской, Испанской рабочих партий. От имени немцев

прощался с Марксом Либкнехт. Затем огласили обращение от русских социалистов.

«…Угас один из величайших умов, — говорилось в нем, — умер один из энергичнейших борцов против эксплуататоров пролетариата».

Весенний ветер играл красными лентами, обвивающими цветы, которых было очень много над свежей могилой. Их прислали рабочие и студенты, газеты и Коммунистическое просветительное рабочее общество Лондона. По просьбе петербургских студентов и курсисток Энгельс возложил на гроб усопшего друга венки. Горе его было безмерным. Заметно поседевший, осунувшийся, потерявший слух на левое ухо, но по-прежнему несгибаемо волевой, он говорил на похоронах друга, как бы обращаясь ко всему миру, к будущим поколениям и векам. Только в легком заиканье сказывались его волнение и душевная боль.

— …Маркс был прежде всего революционер. Принимать тем или иным образом участие в ниспровержении капиталистического общества и созданных им государственных учреждений, участвовать в деле освобождения современного пролетариата, которому он впервые дал сознание его собственного положения и его потребностей, сознание условий его освобождения, — вот что было в действительности его жизненным призванием. Его стихией была борьба…

Энгельс провел рукой по гладким волосам. Поседевшие, они казались осыпанными пеплом.

С Хемстедских холмов ветер донес аромат весенних трав. Там была харчевня Джека Строу, где так часто в течение нескольких десятилетий бывал Маркс с семьей и друзьями. Энгельс не мог отвести глаз от лица усопшего друга. Белые волосы Маркса были едва различимы на атласной подушке, усыпанной красными тюльпанами, узкие тонкие руки бессильно лежали на черном сукне сюртука. Их цвет и выражение больше даже, нежели разрытая могила, говорили о трагизме смерти.

В гроб друга Энгельс положил исполненный на стекле портрет его дочери Женни и старинный, пожелтевший дагерротип, на котором был изображен юстиции советник Генрих Маркс. Эти два умерших человека, как и жена, были наиболее дороги Карлу Марксу.

Наступило молчание, прерываемое чьим-то горестным всхлипываньем. Собрав силы, Энгельс снова заговорил неожиданно громко, отрывисто. Он перечислил газеты, в которых сотрудничал Маркс, упомянул о его работе в изгнании и рассказал о создании им Международного Товарищества Рабочих.

— …Маркс был человеком, которого больше всего ненавидели и на которого больше всего клеветали. Правительства — и самодержавные и республиканские — высылали его, буржуа — и консервативные и ультрадемократические — наперебой осыпали его клеветой и проклятиями. Он отметал все это, как паутину, не уделяя этому внимания, отвечая лишь при крайней необходимости. И он умер, почитаемый, любимый, оплакиваемый миллионами революционных соратников во всей Европе и Америке, от сибирских рудников до Калифорнии, и я смело могу сказать: у него могло быть много противников, но вряд ли был хоть один личный враг.

Энгельс наклонился к гробу друга и вдохновенно пророчески предрек, что имя Маркса и его дело переживут века.

Последний взмах заступа над насыпью могилы положил конец той особой, ни с чем не сравнимой напряженной суете, которая приходит в дом вместе со смертью. И тогда у близких появилось ощущение бездонной пустоты и потери, от которой окаменевают сердца. Дом № 41 на Мэйтленд-парк-род казался в те дни умершим.

Энгельс нашел некоторое утешение в обширной переписке с друзьями и соратниками во всех концах земли. Они были неразрывно связаны, как и он, с памятью Маркса. Им предстояло сообща нести его учение, создавать и укреплять пролетарские партии. Унынью и отчаянью не было места. Жизнь настоятельно требовала действий. Энгельс знал, что не имеет права на слабость, так как дружба обязывает и требует не одних слов, не только слез, но деятельности. Некоторые труды Маркса, написанные в последние годы, нуждались в окончательном завершении. Два последующих тома «Капитала» были готовы лишь вчерне, а человечество ждало их. Надо было жить и ради этого. Энгельс во имя дружбы и любви крепился в часы испытания.

Елена Демут согласилась поселиться в качестве друга и домохозяйки в доме Энгельса, чтобы он мог, не тратя сил на бытовые мелочи, целиком отдаться работе над рукописным наследством Маркса, а также руководству международным рабочим движением. Отныне Энгельсу предстояло возглавить армии борцов за социализм. Ленхен, пережившая Маркса на семь лет, сохраняла душевную молодость и бодрость до последнего дня. Младшая дочь Маркса Элеонора была не только любимицей, но и деятельным помощником Энгельса во всех его начинаниях. Лаура и Поль Лафарги и революционеры разных национальностей продолжали претворять в жизнь заветы Маркса

и его учение.

Сорокалетняя дружба навеки неразрывно соединила Энгельса и Маркса. Два замечательных научных труда, «Происхождение семьи, частной собственности и государства», а также «Диалектика природы», были изданы Энгельсом после 1883 года. В них тот же накал, те же новизна, полет мысли и глубина, как и при жизни Маркса.

Жизнь теряет смысл лишь тогда, когда не имеет вечного огня цели. Энгельс и все единомышленники Маркса несли в себе неугасимое пламя, зажженное для человечества их другом, учителем, вождем.

Оно дает неиссякаемую волю к жизни, к борьбе и победе.

ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАРЛА МАРКСА

1818, 5 мая — В г. Трире (Рейнская провинция Пруссии) в семье адвоката родился Карл Маркс.

1820, 28 ноября — В г. Бармене (Рейнская провинция Пруссии) в семье текстильного фабриканта родился Фридрих Энгельс.

1830, осень — 1835, 24 сентября — Маркс посещает Трирскую гимназию; по окончании ее получает аттестат зрелости.

1835, 15 октября — Маркс поступает на юридический факультет Боннского университета.

1836, октябрь — Маркс переезжает в Берлин, зачисляется студентом в Берлинский университет, где продолжает занятия на юридическом факультете. Завязывает знакомство с младогегельянцами.

1839 — март 1841 — Маркс пишет докторскую диссертацию на тему «Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура».

1841, 30 марта — Маркс оканчивает Берлинский университет.

6–15 апреля — Маркс посылает в Иенский университет написанную им диссертацию и получает диплом доктора философии.

Приблизительно июль — Маркс изучает только что вышедшее в свет произведение Л. Фейербаха «Сущность христианства».

1842, между 15 января и 10 февраля — Маркс пишет статью «Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции». По условиям цензуры статья не могла быть напечатана в Германии.

Апрель — Начало сотрудничества Маркса в «Рейнской газете».

Первая половина октября — Маркс переезжает в Кёльн и с 15 октября становится редактором «Рейнской газеты». Под его руководством газета принимает все более определенное революционно-демократическое направление.

Вторая половина ноября — По пути в Англию Энгельс посещает в Кёльне редакцию «Рейнской газеты», где впервые встречается с Марксом.

1843, 19 января — Ввиду резко оппозиционного направления «Рейнской газеты» прусское правительство принимает решение о ее запрещении с 1 апреля; на оставшееся время для нее вводится особо строгая цензура.

17 марта — Маркс выходит из редакции «Рейнской газеты» в

связи с намерением акционеров придать газете умеренный тон и таким путем добиться отмены ее запрещения.

Лето — Маркс пишет работу, посвященную критике гегелевской философии права.

19 июня — Женитьба Маркса на Женни фон Вестфален.

Конец октября — Маркс уезжает в Париж, где приступает к изданию журнала «Немецко-французский ежегодник».

1843, осень — 1844, январь — Маркс пишет для «Немецко-французского ежегодника» статьи «К еврейскому вопросу» и «К критике гегелевской философии права. Введение». Эта статья знаменует окончательный переход Маркса от идеализма к материализму и от революционного демократизма к коммунизму.

1843, ноябрь — 1845, январь — В Париже Маркс устанавливает связи с французскими демократами и социалистами, с руководителями немецкого тайного общества «Союз справедливых» и с вождями большинства французских тайных рабочих обществ, часто посещает собрания немецких и французских рабочих и ремесленников.

1844, конец февраля — В Париже выходит первый, двойной выпуск «Немецко-французского ежегодника», в котором центральное место занимают работы Маркса и Энгельса. Между Марксом и Энгельсом завязывается переписка.

16 апреля — В связи с опубликованием статей Маркса в «Немецко-французском ежегоднике» прусское правительство обвиняет Маркса в «государственной измене и оскорблении его величества» и издает приказ об аресте Маркса в случае переезда им прусской границы.

Апрель — август — Маркс продолжает систематическое изучение политической экономии, начатое им в конце 1843 года, и дает первый набросок критики буржуазной политической экономии в своих экономическо-философских рукописях.

Вторая половина года — Маркс сотрудничает в немецкой газете «Форвертс» («Вперед»), выходившей в Париже, и принимает участие в ее редактировании. Под влиянием Маркса газета начинает приобретать коммунистический характер.

Около 28 августа — 6 сентября — В Париже происходит встреча Маркса и Энгельса, которая положила начало их великой дружбе, совместной научной деятельности и революционной борьбе.

Сентябрь — ноябрь — Маркс работает над книгой «Святое семейство, или Критика критической критики», начатой им совместно с Энгельсом во время десятидневного пребывания Энгельса в Париже.

1844, вторая половина сентября — март 1845 — Энгельс в

Бармене работает над книгой «Положение рабочего класса в Англии».

1845, 16 января — Распоряжение о высылке Маркса из Франции, отданное французским правительством под давлением Пруссии.

3 февраля — Маркс переезжает в Брюссель.

Около 24 февраля — Выходит в свет книга К. Маркса и Ф. Энгельса «Святое семейство, или Критика критической критики. Против Бруно Бауэра и компании».

Весна — Маркс пишет «Тезисы о Фейербахе» — гениальный документ, содержащий в себе зародыш диалектического и исторического материализма.

Около 12 июля — Маркс и Энгельс предпринимают поездку в Англию с целью изучения английской экономической литературы, а также для более близкого ознакомления с экономической и политической жизнью Англии и с английским рабочим движением. В Лондоне Маркс и Энгельс встречаются с деятелями чартистского движения и с руководителями «Союза справедливых».

1845, сентябрь — 1846, лето — Маркс и Энгельс работают над книгой «Немецкая идеология», которая явилась важным этапом в разработке теоретических, философских основ коммунистической партии — диалектического и исторического материализма.

1845, сентябрь — 1848, март — Энгельс сотрудничает в чартистской газете «Северная звезда», освещая на ее страницах политическое положение во Франции и Германии.

1846, начало года — Маркс и Энгельс создают в Брюсселе Коммунистический корреспондентский комитет, имеющий целью идейное и организационное сплочение передовых представителей рабочего и социалистического движения различных стран.

1847, январь — 15 июня — Маркс пишет книгу «Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г. Прудона». Эта работа Маркса — одно из первых произведений зрелого марксизма — выходит в свет в начале июля 1847 года.

Конец января — февраль— Лондонский комитет «Союза справедливых» направляет своего представителя И. Молля в Брюссель к Марксу и в Париж к Энгельсу с предложением вступить в союз, принять участие в его реорганизации и в выработке программы. В результате переговоров Маркс и Энгельс дают свое согласие на вступление в союз.

Начало июня — В Лондоне происходит первый конгресс Союза коммунистов. В качестве делегата от парижских общин союза Энгельс активно участвует в работе конгресса.

Конец августа — Маркс и Энгельс организуют в Брюсселе Немецкое рабочее общество, в котором развертывают пропаганду идей научного коммунизма.

1847, сентябрь — 1848, февраль — Маркс и Энгельс сотрудничают в «Немецкой брюссельской газете». Под их влиянием газета становится органом революционно-демократической и коммунистической пропаганды.

1847, 27 сентября — 1848, февраль — Маркс и Энгельс принимают активное участие в основании и деятельности Демократической ассоциации в Брюсселе. Под руководством Маркса, избранного вице-председателем, ассоциация устанавливает связи с демократическим движением других стран.

29 ноября — 8 декабря — Маркс и Энгельс принимают деятельное участие в работе второго конгресса Союза коммунистов в Лондоне. Взгляды Маркса и Энгельса получают на конгрессе полное признание, конгресс поручает им составить программу союза в виде манифеста.

Вторая половина декабря — Маркс читает лекции о наемном труде и капитале в Немецком рабочем обществе в Брюсселе.

1848, около 24 февраля — В Лондоне выходит в свет написанный Марксом и Энгельсом «Манифест Коммунистической партии» — первый программный документ научного коммунизма.

4 марта — Маркс подвергается аресту и высылается из Бельгии за активное участие в республиканском движении, развернувшемся в Брюсселе под влиянием революции во Франции.

5 *марта* — Маркс приезжает в Париж, где на основании полученных от Центрального комитета полномочий создает новый Центральный комитет Союза коммунистов. Маркс избирается председателем комитета.

Около 21 марта — Энгельс приезжает в Париж, где сразу же включается в работу Центрального комитета Союза коммунистов, в состав которого он был избран заочно.

Между 21 и 29 марта — В связи с начавшейся революцией в Германии Маркс и Энгельс вырабатывают политическую платформу Союза коммунистов в революции — «Требования Коммунистической партии в Германии», которые в виде листовки вместе с «Манифестом Коммунистической партии» раздаются едущим в Германию рабочим.

Около 5 апреля — Маркс и Энгельс покидают Париж и едут в Германию, чтобы принять непосредственное участие в революции.

1 июня — Маркс и Энгельс начинают издавать в Кёльне «Новую Рейнскую газету». На страницах этой газеты они ведут борьбу за единую демократическую германскую республику.

Наряду с изданием газеты Маркс и Энгельс ведут большую практическую революционную деятельность, в частности в Кёльнском демократическом обществе и в Кёльнском рабочем союзе.

Конец сентября — Ввиду угрозы ареста Энгельс уезжает в Бельгию, где его арестовывают и отправляют на французскую границу. Пробыв несколько дней в Париже, Энгельс отправляется в Швейцарию и поселяется в Берне. Он принимает участие в швейцарском рабочем движении и пишет статьи для «Новой Рейнской газеты».

1849, 7 февраля — Маркс и Энгельс выступают с речами на судебном процессе, возбужденном против «Новой Рейнской газеты» по обвинению в оскорблении властей. Суд присяжных выносит Марксу и Энгельсу оправдательный приговор.

8 февраля — Маркс выступает на судебном процессе по обвинению его как члена Рейнского окружного комитета демократов в «подстрекательстве к мятежу». Суд присяжных оправдывает Маркса.

10–15 мая — Энгельс принимает участие в эльберфельдском восстании: руководит возведением оборонительных сооружений, осуществляет надзор за всеми баррикадами и артиллерией в городе.

19 мая — В связи с высылкой Маркса из Пруссии и преследованием Энгельса и других редакторов прекращается издание «Новой Рейнской газеты».

20–21 мая — После прекращения издания «Новой Рейнской газеты» Маркс и Энгельс направляются в охваченную восстанием юго-западную Германию.

Около 1 июня — Маркс уезжает в Париж, где ожидались крупные революционные события.

13 июня — 12 июля — Энгельс принимает непосредственное участие в революционных боях, развернувшихся в Бадене и Пфальце. После поражения баденско-пфальцской повстанческой армии он вместе с отрядами повстанцев одним из последних переходит границу Швейцарии.

24 августа — Маркс эмигрирует в Лондон.

Около 10 ноября — Энгельс приезжает в Лондон, где включается в работу Центрального комитета Союза коммунистов.

1850, март — Маркс и Энгельс пишут «Обращение Центрального комитета к Союзу коммунистов», в котором призывают к укреплению союза, к созданию самостоятельной пролетарской партии и намечают тактику борьбы пролетариата в предстоящей революции.

Март — ноябрь — Маркс и Энгельс выпускают 6 номеров

журнала «Новая Рейнская газета. Политико-экономическое обозрение», в которых публикуются работа Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 гг.», произведения Энгельса «Германская кампания за имперскую конституцию» и «Крестьянская война в Германии», а также ряд международных обзоров и других статей.

15 сентября — На заседании Центрального комитета Союза коммунистов Маркс подвергает резкой критике левооппортунистическую тактику членов комитета Виллиха и Шаппера. На заседании происходит раскол. Большинство комитета поддерживает линию Маркса и Энгельса; принимается решение о перенесении местопребывания Центрального комитета в Кёльн.

Конец сентября — Маркс возобновляет работу над своим трудом по политической экономии.

1851, шюнь — 1856, май — Маркс и Энгельс сотрудничают в чартистских органах «Заметки для народа», «Народная газета», оказывая также помощь в их редактировании.

1851, август — 1862, март — Маркс сотрудничает в американской прогрессивной газете «Нью-Йоркская трибуна». Энгельс оказывает Марксу постоянную помощь в его работе для газеты; он пишет серию статей под названием «Революция и контрреволюция в Германии» и многие другие статьи. На протяжении 10 лет Марксом и Энгельсом написаны для «Нью-Йоркской трибуны» многочисленные статьи о национально-освободительном движении в Индии и Китае, о революционной войне в Испании, о Крымской войне, о событиях в Англии, Германии, Франции, Италии и других странах.

1851, декабрь —1852, март — Маркс пишет работу «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», которая публикуется в мае 1852 года.

1852, октябрь — декабрь — Маркс и Энгельс разоблачают в письмах и статьях действия прусского правительства, сфабриковавшего процесс против членов кёльнского Центрального комитета Союза коммунистов. Маркс пишет специальную брошюру под названием «Разоблачения о Кёльнском процессе коммунистов», которая выходит в свет в январе 1853 года.

17 ноября — В связи с изменившимися условиями классовой борьбы пролетариата после поражения революции 1848–1849 годов и арестом руководящего ядра Союза коммунистов в Германии союз по предложению Маркса объявляет себя распущенным.

1857, январь — май — Маркс и Энгельс пишут ряд статей

против захватнической войны английских колонизаторов в Китае.

1857, июль — 1860, ноябрь — Маркс сотрудничает в «Новой американской энциклопедии». По его просьбе Энгельс пишет для энциклопедии большое количество статей по военным вопросам.

Август — сентябрь — Маркс пишет введение к работе «К критике политической экономии».

1857, октябрь — 1858, март — Маркс усиливает свои занятия политической экономией. Написанная им в это время большая рукопись «Основные черты критики политической экономии» (около 50 печатных листов) явилась, по существу, первым черновым наброском трех томов «Капитала».

Начало июня — Вышла в свет работа Маркса «К критике политической экономии» (выпуск первый).

Начало июля — 20 августа — Маркс принимает ближайшее участке в издании немецкой рабочей газеты «Народ», выходившей в Лондоне. Издание газеты прекращается из-за отсутствия денежных средств.

1860, 1 декабря — Выходит в свет памфлет Маркса «Господин Фогт».

1861, август —1863, июнь — Маркс работает над продолжением книги «К критике политической экономии». В процессе работы над рукописью он перестраивает план своего труда и решает опубликовать его в качестве самостоятельного произведения под заглавием «Капитал» с подзаголовком «К критике политической экономии».

1861, октябрь — 1862, ноябрь — Маркс и Энгельс пишут для прогрессивной венской газеты «Пресса» и других органов печати статьи о гражданской воине в Америке, в которых они поддерживают освободительную войну северян против рабовладельческого Юга.

1864, 28 сентября — Основание Международного Товарищества Рабочих (Интернационала) на митинге в Сент-Мартинс-холле в Лондоне. Маркс избирается членом Временного комитета.

21–27 октября — Маркс пишет «Учредительный манифест» и «Временный устав» Международного Товарищества Рабочих.

1865, конец января — 23 февраля — Маркс и Энгельс сотрудничают в немецкой газете «Социал-демократ», надеясь использовать ее для пропаганды революционных принципов Интернационала среди немецких рабочих и разоблачения «королевско-прусского правительственного социализма» Лассаля. Убедившись, что редактор газеты лассальянец Швейцер поддерживает проводимую Бисмарком политику объединения Германии сверху, путем династических войн, Маркс и Энгельс

порывают с газетой.

20 и 27 июня — Маркс делает доклад на заседании Генерального совета Международного Товарищества Рабочих о заработной плате, цене и прибыли.

25–29 сентября — Маркс принимает деятельное участие в происходящей в Лондоне первой конференции Международного Товарищества Рабочих.

1867, 10 апреля — По окончании работы над I томом «Капитала» Маркс лично отвозит рукопись издателю в Гамбург.

19 мая — Маркс возвращается в Лондон.

16 августа — Маркс заканчивает, просмотр последнего листа корректуры I тома «Капитала».

14 сентября — Выходит в свет I том бессмертного труда Маркса «Капитал».

1867, 12 октября — 1868, конец июня — В целях популяризация «Капитала» Энгельс пишет ряд рецензий на эту книгу.

1868, апрель — май — Маркс возобновляет работу над II и III томами «Капитала». До конца своей жизни он продолжает работать над этим своим основным трудом.

Ноябрь — В связи с работой над III томом «Капитала», в частности с разработкой вопроса о земельной ренте, Маркс приступает к изучению русского языка и русской экономической литературы. В 70-х годах он читает произведения Флеровского, Чернышевского и др., а также изучает статистические сборники и многие другие материалы на русском языке.

Ноябрь — декабрь — В своих выступлениях на заседании Генерального совета по ирландскому вопросу Маркс, защищая принципы пролетарского интернационализма, доказывает необходимость поддержки рабочим классом национально-освободительного движения угнетенных народов.

1870, 24 марта — В письме к русской секции I Интернационала в Женеве Маркс сообщает о своем согласии быть ее представителем в Генеральном совете.

23 июля — В связи с начавшейся франко-прусской войной Маркс по поручению Генерального совета пишет воззвание к членам Интернационала в Европе и Америке, в котором вскрывает характер войны и подчеркивает, что союз рабочих всех стран в конце концов искоренит всякие войны.

9 сентября — После поражения французской армии при Седане и установления республики во Франции Маркс пишет второе воззвание Генерального совета по поводу франко-прусской войны.

1871, после 18 марта — май — В связи с победой революции

в Париже и установлением Коммуны Маркс и Энгельс организуют массовые выступления рабочих в различных странах в защиту Парижской коммуны. Они поддерживают связь с коммунарами и оказывают им помощь советами и указаниями.

30 мая — Генеральный совет принимает написанное Марксом воззвание «Гражданская война во Франции», в котором Маркс раскрывает всемирно-историческое значение Парижской коммуны как первой попытки создать новое, пролетарское государство.

17–23 сентября — Маркс руководит Лондонской конференцией Интернационала. В борьбе против бакунистов Маркс и Энгельс добиваются на конференции принятия резолюции о необходимости политической борьбы рабочего класса и создания в каждой стране самостоятельной пролетарской партии.

1872, 5 марта — На заседании Генерального совета принимается написанный Марксом и Энгельсом негласный циркуляр «Мнимые расколы в Интернационале», в котором разоблачаются интриги, двурушничество и раскольническая деятельность бакунистов в Интернационале.

Начало апреля — Маркс получает от Даниельсона экземпляр вышедшего в свет русского перевода I тома «Капитала».

1–7 сентября — Маркс и Энгельс принимают участие в пятом, фактически последнем, конгрессе I Интернационала в Гааге. На конгрессе они добиваются включения в Устав пункта об образовании в каждой стране самостоятельных пролетарских партий; конгресс решительно осуждает анархистов и исключает из Интернационала их вождей — Бакунина и Гильома. По предложению Маркса и Энгельса местопребывание Генерального совета переносится в Нью-Йорк.

1875, 18–28 марта — В связи с предстоящим объединением эйзенахцев и лассальянцев на съезде в Готе и опубликованием проекта программы будущей партии Энгельс в письме к Бебелю от своего имени и от имени Маркса резко критикует эйзенахцев за их уступки лассальянцам в принципиальных ьопросах революционной теории.

5 мая — Маркс пишет «Критику Готской программы», в которой формулирует ряд важнейших положений научного коммунизма — о переходном периоде и диктатуре пролетариата, о двух фазах коммунистического общества.

1878, начало июля — Вышло в свет отдельным изданием произведение Энгельса «Анти-Дюринг».

1879, 17–18 сентября — Маркс и Энгельс направляют Бебелю, Либкнехту и другим деятелям Социал-демократической партии Германии циркулярное письмо, в котором разоблачают

оппортунизм Бернштейна, Хёхберга и Шрамма и критикуют примиренческую позицию руководства партии по отношению к ним.

Апрель — Маркс и Энгельс помогают основателям Французской рабочей партии Геду и Лафаргу составить программу партии.

1880–1882 — Энгельс продолжает работу над «Диалектикой природы», начатую им еще в 1873 году.

2 декабря — Смерть жены Маркса — Женни Маркс.

1882, 21 января — Маркс и Энгельс пишут предисловие к русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии», в котором они характеризуют Россию как передовой отряд революционного движения в Европе.

Февраль — октябрь — Резкое ухудшение здоровья Маркса. Поездка для лечения в Алжир, Францию и Швейцарию.

1883, 14 марта — В 2 часа 45 минут дня умер Карл Маркс.

17 марта — Похороны Карла Маркса на Хайгейтском кладбище в Лондоне.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса

Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., издание 1-е, тома I–XXIX. М.—Л., Государственное издательство — Партиздат, 1928–1948.

Маркс К., Энгельс Ф., Соч. Издание 2-е, тома 1—25. М., Госполитиздат, 1955–1961.

Маркс К., Энгельс Ф., Избранные произведения в двух томах. М., Госполитиздат, 1955.

Маркс К., Энгельс Ф., Избранные письма. М., Госполитиздат, 1953.

Маркс К., Энгельс Ф., Из ранних произведений. М., Госполитиздат, 1956.

Сборники из сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса

Маркс К., Энгельс Ф., Письма о «Капитале». Госполитиздат, 1948.

Маркс К., Энгельс Ф., Ленин В. И., О пролетарском интернационализме. М., Госполитиздат, 1957.

Маркс К., Энгельс Ф., О колониальной системе капитализма. Госполитиздат, 1959.

Маркс К и Энгельс Ф., Об искусстве. В двух томах. М., издательство «Искусство», 1957.

Маркс К. и Энгельс Ф., О литературе. М., Гослитиздат, 1958.

Маркс и Энгельс о воспитании и образовании. М., издательство Академии педагогических наук РСФСР, 1957.

Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями. Издание 2-е. М., Госполитиздат, 1951.

Литература о К. Марксе

Энгельс Ф., Карл Маркс. Соч., издание 2-е, т. 16, стр. 377–382.

Энгельс Ф., Карл Маркс. Соч., издание 2-е, т. 19, стр. 105–115.

Энгельс Ф., Речь на могиле Маркса. Соч, издание 2-е, т. 19, стр. 350–352.

Ленин В. И., Речь при открытии памятника Марксу и Энгельсу 7 ноября 1918 года. Соч., т. 28, стр. 146–147.

Ленин В. И., Три источника и три составных части марксизма.

Соч, издание 4-е, т. 19, стр. 3–8.

Ленин В. И., Карл Маркс (Краткий биографический очерк с изложением марксизма). Соч, т. 21, стр. 27–74.

Ленин В. И., Исторические судьбы учения К. Маркса. Соч., т 18, стр. 544–547.

***

Воспоминания о Марксе и Энгельсе. М., Госполитиздат, 1956.

Они встречались с Марксом. Воспоминания русских общественных деятелей. М., Госполитиздат, 1958.

Маркс и Энгельс и первые пролетарские революционеры. Сборник. М., Госполитиздат, 1961.

Меринг Ф., Карл Маркс. История его жизни. Перевод с немецкого М., Госполитиздат, 1957.

Кржижановский Г. М., Ленин и Маркс. М., Госполитиздат, 1958.

Корню О., К. Маркс и Ф. Энгельс. Жизнь и деятельность, тома I–II. М., Издательство иностранной литературы, 1959–1961.

Степанова Е. А., Карл Маркс — великий учитель и вождь международного пролетариата. М., издательство «Знание», 1958.

Кандель Е. П., Маркс и Энгельс — организаторы Союза коммунистов. М., Госполитиздат, 1953.

Менде Г., Путь Карла Маркса от революционного демократа к коммунисту. Перевод с немецкого. М., Издательство иностранной литературы, 1957.

Видгол Л. и Сухотин Я., Дружба великая и трогательная (странички из жизни К. Маркса и Ф. Энгельса). 2-е переработанное и дополненное издание. М., изд-во «Молодая гвардия», 1960.

Дорнеман Л., Женни Маркс. Перевод с немецкого. М., Госполитиздат, 1961.

Воробьева О. Б. и Синельникова И. М., Дочери Маркса. Соцэкгиз, 1961.

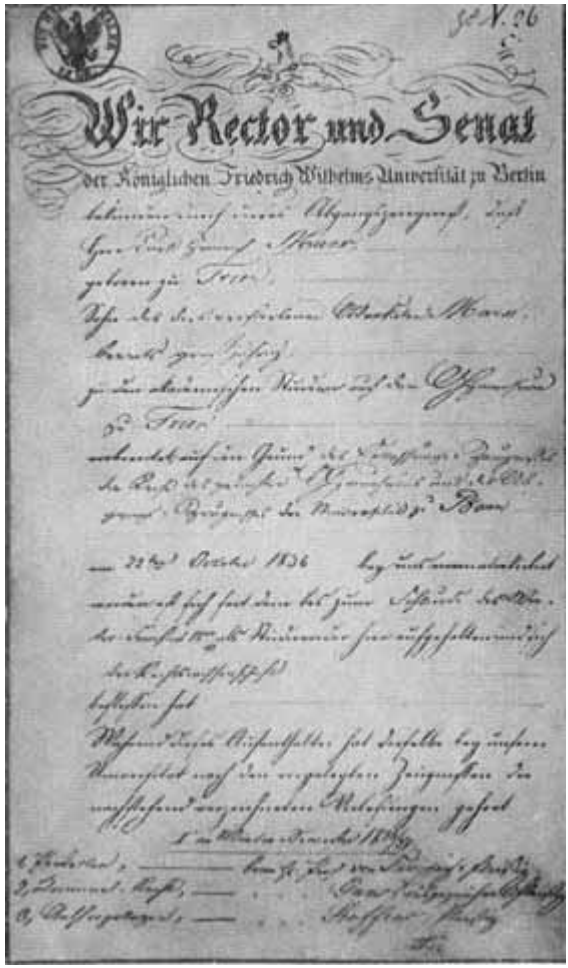
Рапопорт Ю. М., Из истории связей русских революционеров с основоположниками научного социализма (К. Маркс и Г. Лопатин). М., издательство ВПШ и АОН при ЦК КПСС, 1960.

Маркс и Энгельс и первые пролетарские революционеры. Сборник. М., Госполитиздат, 1961.

Иллюстрации

Дом в Трире, где родился Карл Маркс.

Гимназия в Трире, где учился К. Маркс.


Wir Rector und Senat
der Königlichen Friedrich Wilhelms-Universität zu Berlin

Свидетельство об окончании Карлом Марксом Берлинского университета, выданное 30 марта 1841 г.

Диплом о присвоении Карлу Марксу степени доктора философии, выданный Иенским университетом 15 апреля 1841 г.

Портрет Карла Маркса 40-х годов XIX века.

Женни фон Вестфален, жена К. Маркса.

Вильгельм Вейтлинг.

Генрих Гейне.

Портрет Фридриха Энгельса 40-х годов XIX века.

Rheinische Zeitung

für

Politik, Handel und Gewerbe.

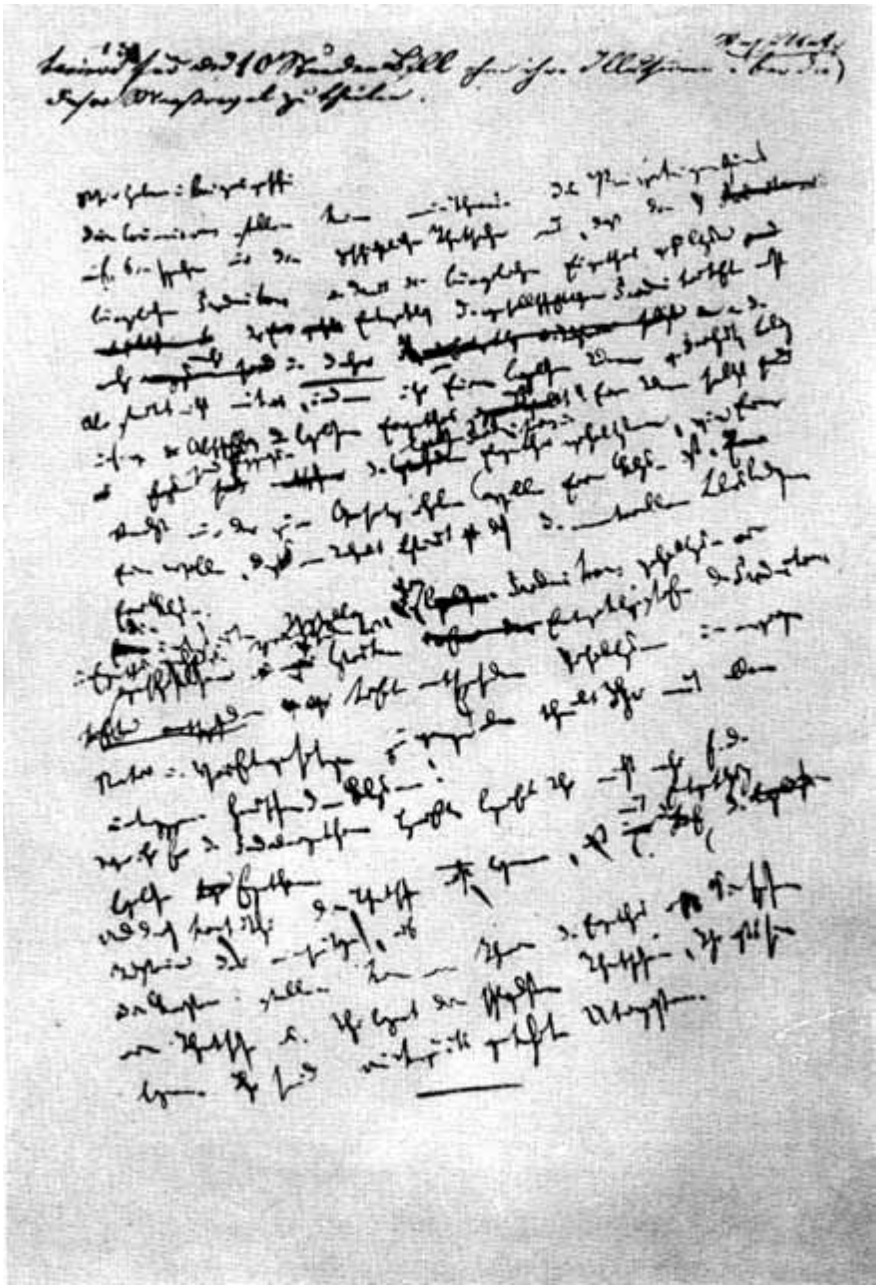
№ 289 Köln, Sonntag den 15. Oktober 1842

«Рейнская газета», редактировавшаяся К. Марксом.

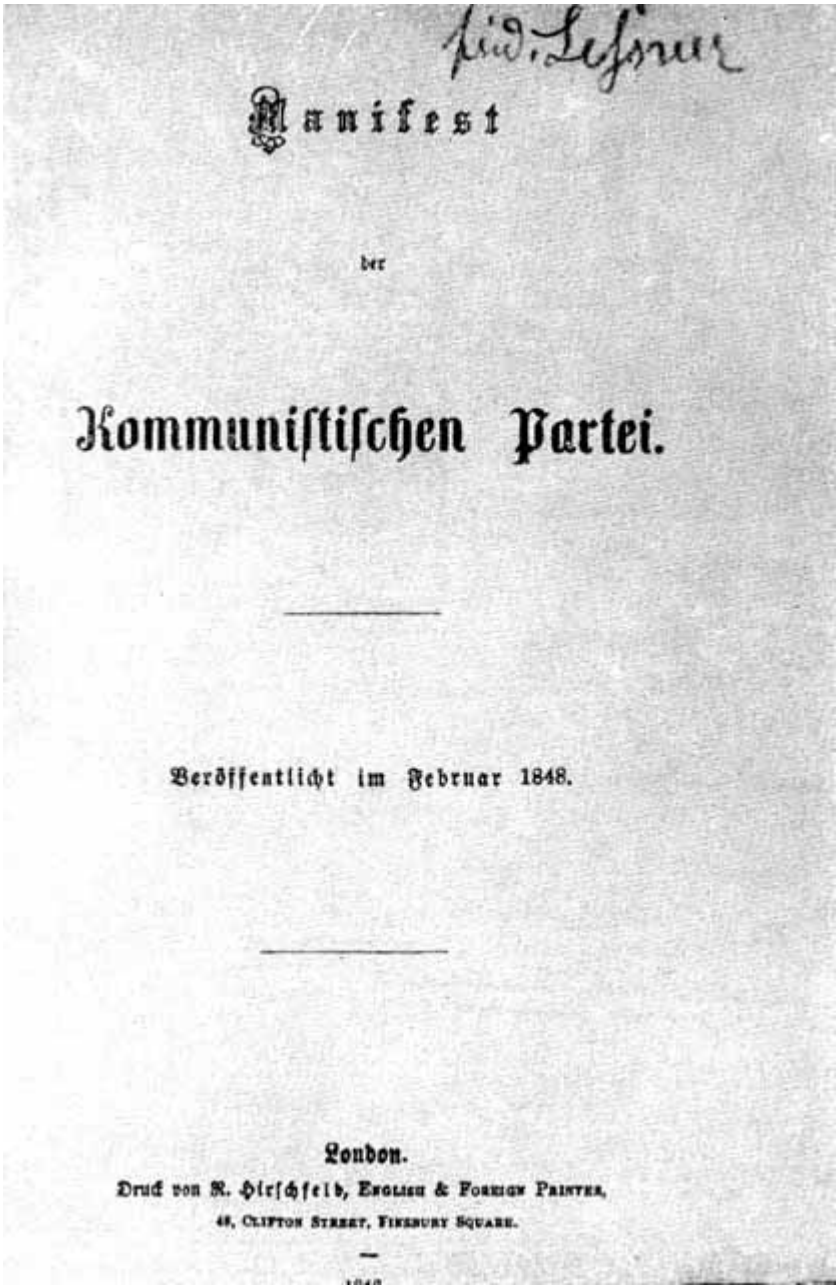
Дом в Брюсселе, в котором жили К. Маркс и Ф. Энгельс в 1845 г.

Deutsche-Brüsseler-Zeitung.

«Немецко-Брюссельская газета», в которой сотрудничал К. Маркс.



Страница черновой рукописи К. Маркса («Манифест Коммунистической партии»).


Manifest

der

Kommuniſtiſchen Partei.

Veröffentlicht im Februar 1848.

London.

Druck von K. Hirſchfeld, English & Foreign Printer,

46, Clifton Street, Finsbury Square.

Титульный лист первого издания «Манифеста Коммунистической партии».

THE RED REPUBLICAN.

EQUALITY, LIBERTY, FRATERNITY.

EDITED BY G. JULIAN HARNEY.

No. 21.—Vol. I.] SATURDAY, NOVEMBER 9, 1850. [Price One Penny.

German Communism.

MANIFESTO OF THE GERMAN COMMUNIST PARTY.

(Published in February, 1848.)

ng following Manifesto, which has since en adopted by all fractions of German ommunists, was drawn up in the German nguage, in January 1848, by Citizens harles Marx and Frederic Engels. It was mediately printed in London, in the Ger- an language, and published a few days fore the outbreak of the Revolution of ebruary. The turmoil consequent upon hat great event made it impossible to carry it, at that time, the intention of translating into all the languages of civilized Europe. here exist two different French versions of in manuscript, but under the present op- ressive laws of France, the publication of ither of them has been found impracticable. he English reader will be enabled, by the llowing excellent translation of this import- nt document, to judge of the plans and rinciples of the most advanced party of the ermian Revolutionists.

It must not be forgotten, that the whole of his Manifesto was written and printed before he Revolution of February.

A frightful hobgoblin stalks throughout Europe. l's are haunted by a ghost, the ghost of Commu- ism. All the Powers of the Past have joined in a oly crusade to lay this ghost to rest,—the Pope nd the Czar, Metternich and Guizot, French Ra- icals and German police agents. Where is the opposition which has not been accused of Commu- ism by its enemies in Power? And where the opposition that has not hurled this blighting accu- ation at the heads of the more advanced opposi- onists, as well as at those of its official enemies?

Two things appear on considering these facts. I. The ruling Powers of Europe acknowledge Communism to be also a Power. II. It is time for the Communists to lay before the world an account of their aims and tendencies, and to oppose these silly fables about the bugbear of Communism, by a manifesto of the Communist Party.

CHAPTER I.

BOURGEOIS AND PROLETARIANS.

Hitherto the history of Society has been the history of the battles between the classes composing it. Freemen and Slaves, Patricians and Plebeians, Nobles and Serfs, Members of Guilds and journey- men,—in a word, the oppressors and the oppressed, have always stood in direct opposition to each other. The battle between them has sometimes been open, sometimes concealed, but always con- tinuous. A never-ceasing battle, which has invari- ably ended, either in a revolutionary alteration of the social system, or in the common destruction of the hostile classes.

In the earlier historical epochs we find almost everywhere a minute division of Society into classes or ranks, a variety of grades in social posi- tion. In ancient Rome we find Patricians, Knights, Plebeians, Slaves; in mediæval Europe, Feudal Lords, Vassals, Burghers, Journeymen, Serfs; and in each of these classes there were again grades and distinctions. Modern Bourgeois Society, pro- ceeded from the ruins of the feudal system, but the Bourgeois régime has not abolished the antagonism of classes.

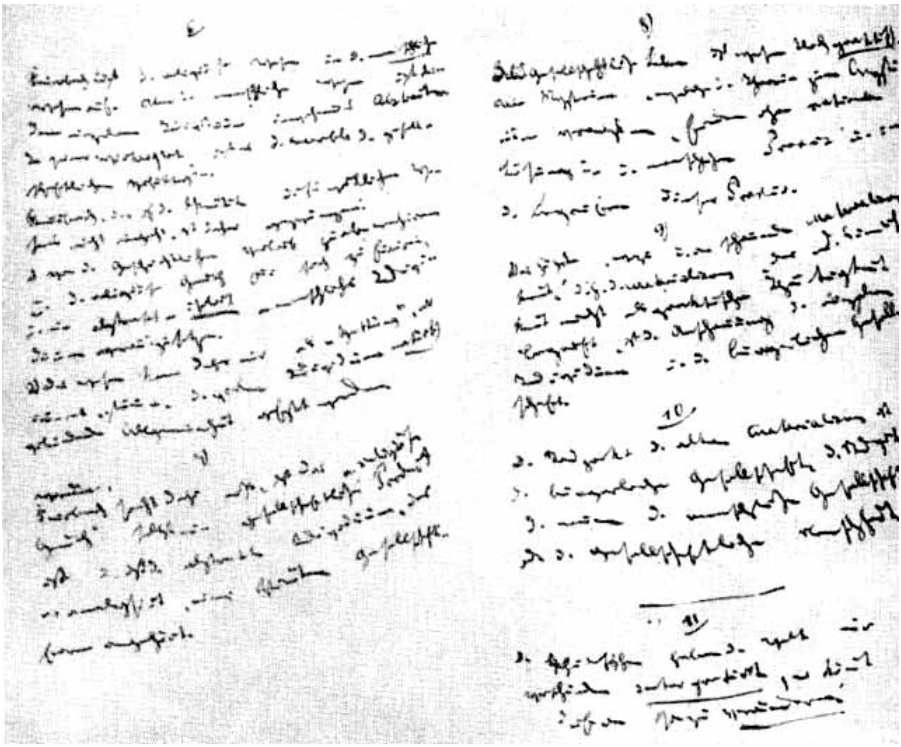
New classes, new conditions of oppression, new forms and modes of carrying on the struggle, have been substituted for the old ones. The characteristic of our Epoch, the Era of the Middle-class, or Bourgeoisie, is that the struggle between the various Social Classes, has been reduced to its simplest form. Society incessantly tends to be divided into two great camps, into two great hostile armies, the Bourgeoisie and the Proletariat.

The burgesses of the early Communes sprang from the serfs of the Middle Ages, and from this Municipal class were developed the primitive ele- ments of the modern Bourgeoisie. The discover of the New World, the circumnavigation of Afri gave the Middle-class—then coming into being new fields of action. The colonization of Americ the opening up of the East Indian and Chine Markets, the Colonial Trade, the increase of co modities generally and of the means of exchang gave an impetus, hitherto unknown, to Commerc Shipping, and Manufactures; and added the rap evolution of the revolutionary element in the d decaying, feudal form of Society. The old feudal way of managing the industrial interest by mean of guilds and monopolies was not found sufficie for the increased demand created by the opening of these new markets. It was replaced by the m nufacturing system. Guilds vanished before th industrial Middle-class, and the division of labo between the different corporations was superseded b the division of labour between the workmen of ea and the same great workshop.

But the demand always increased, new market came into play. The manufacturing system, in it turn, was found to be inadequate. At this poi industrial Production was revolutionized by machi nery and steam. The modern industrial syste was developed in all its gigantic proportions. Instead of the industrial Middle-class we find indu trial millionaires, chiefs of whole industrial armie the modern Bourgeois, or Middle-class Capitalist The discovery of America was the first step toward the formation of a colonial market, embracing th whole world; whereby an immense development was given to Commerce, and to the means of com munication by sea and land. This again reacte upon the industrial system, and the developmen of the Bourgeoisie, the increase of their Capita the superseding of all classes handed down fr modern times from the Middle Ages, kept pace wit the development of Production, Trade, and Means communication.

We find, therefore, that the modern Bourgeois are themselves the result of a long process of deve lopment, of a series of revolutions in the mode of Production and Exchange. Each of the degrees industrial evolution, passed through by the middl Middle-class, was accompanied by a correspondi

Титульный лист английского журнала «Красный республиканец» с текстом «Манифеста Коммунистической партии».



Страница записной книжки К. Маркса с текстом «Тезисов о Фейербахе».

Вильгельм Вольф.

Фердинанд Фрейлиграт.

Георг Веерт.

Фридрих Лесснер.

Конрад Шрамм.

Иоганн Эккариус.

Neue

Rheinische Zeitung

Organ der Demokratie.

№ 301. Köln, Samstag, den 19. Mai 1849.

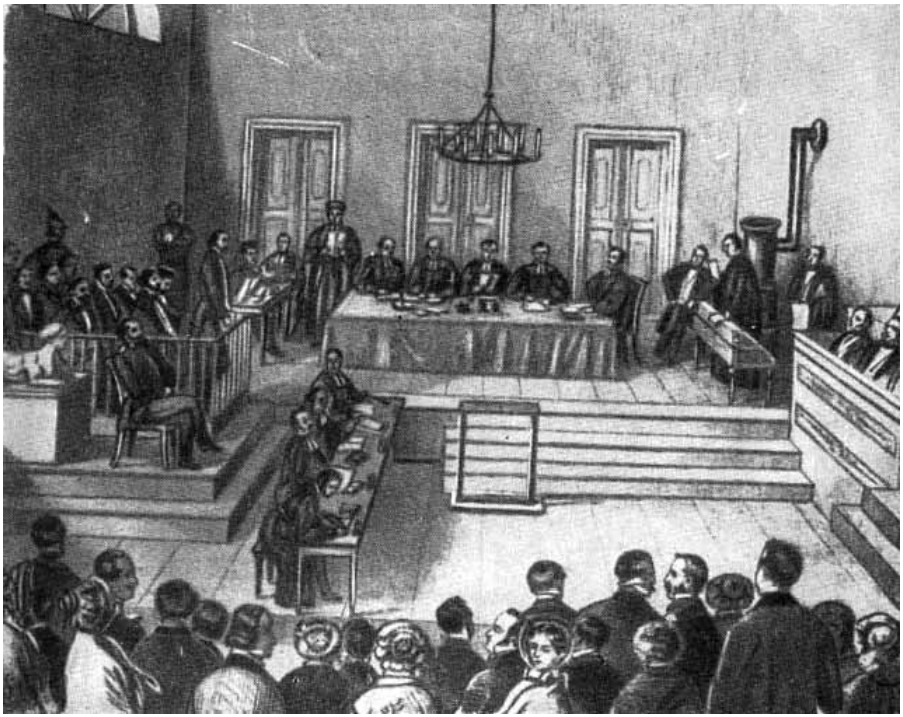
Abschiedswort der Neuen Rheinischen Zeitung.

Mai 1849.

An die Arbeiter Kölns.

Deutschland.

Proklamation an die Presse.



Кёльнский процесс против членов Союза коммунистов.

Дом в Лондоне, где жил К. Маркс в 50-х годах XIX века.

Карл Маркс, с фото 1861 г.

Фридрих Энгельс, с фото 60-х годов XIX века.

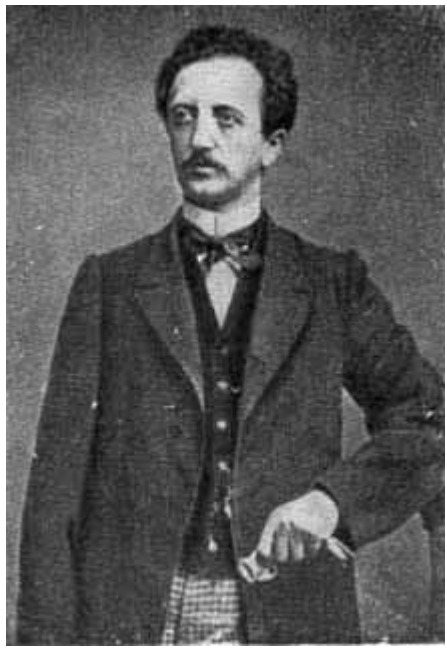
Эрнест Джонс.

Джордж Джулиан Гарни.

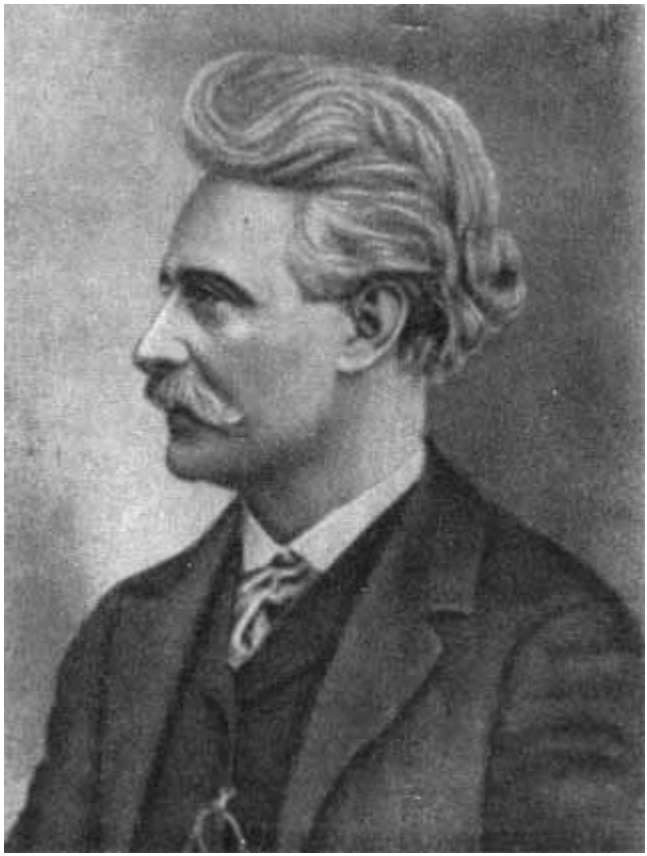
Иосиф Вейдемейер.

Роланд Даниельс.

Михаил Бакунин.



Фердинанд Лассаль.

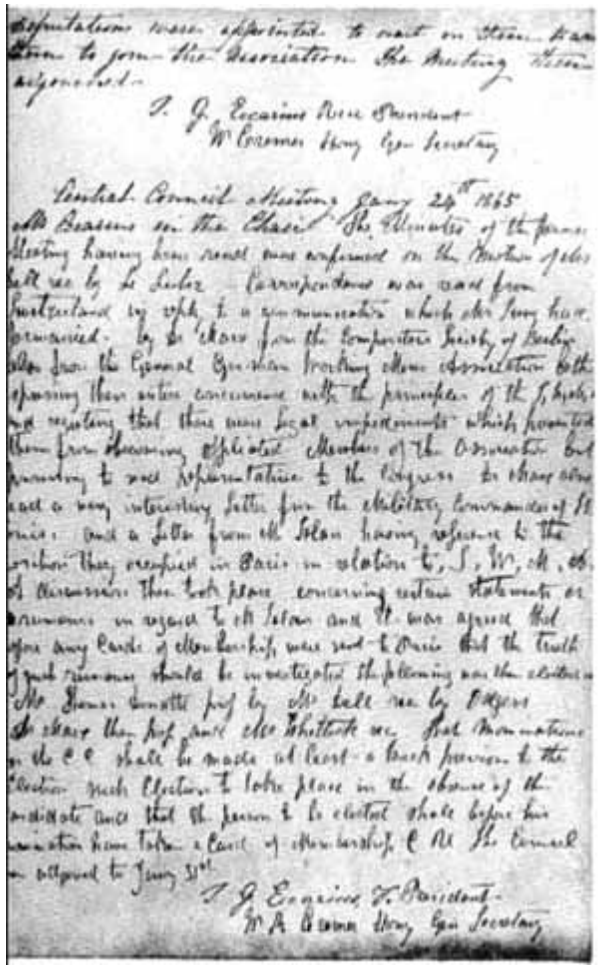


Поль Лафарг.

Карл Маркс с дочерью Женни (фото 1869 г.).

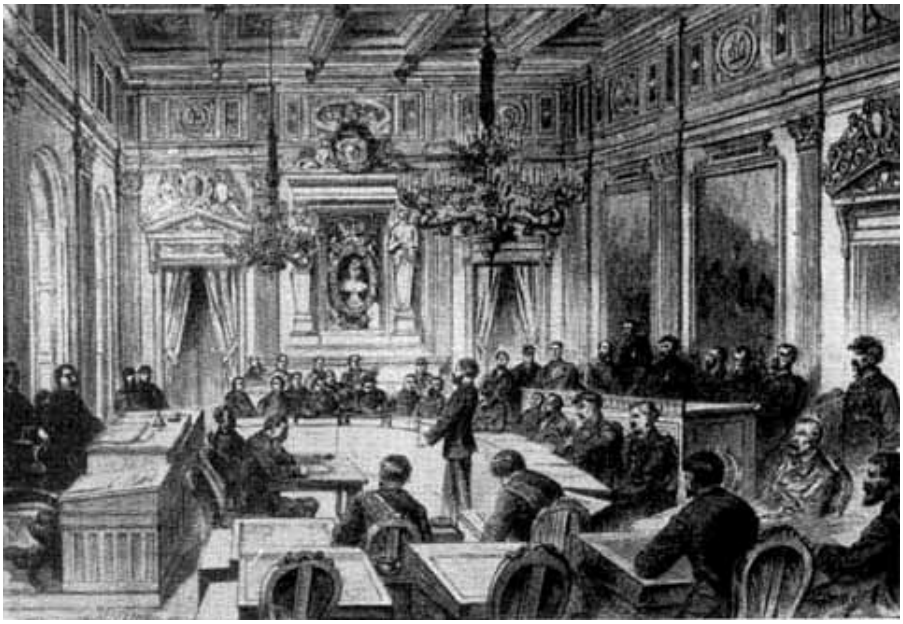
Вильгельм Либкнехт.

Август Бебель.



Протокол заседания Генерального совета I Интернационала с записью выступления К. Маркса 24 января 1865 г.

Делегаты I конференции Международного Товарищества Рабочих (фото 1866 г.).



Заседание Парижской коммуны (с гравюры того времени).

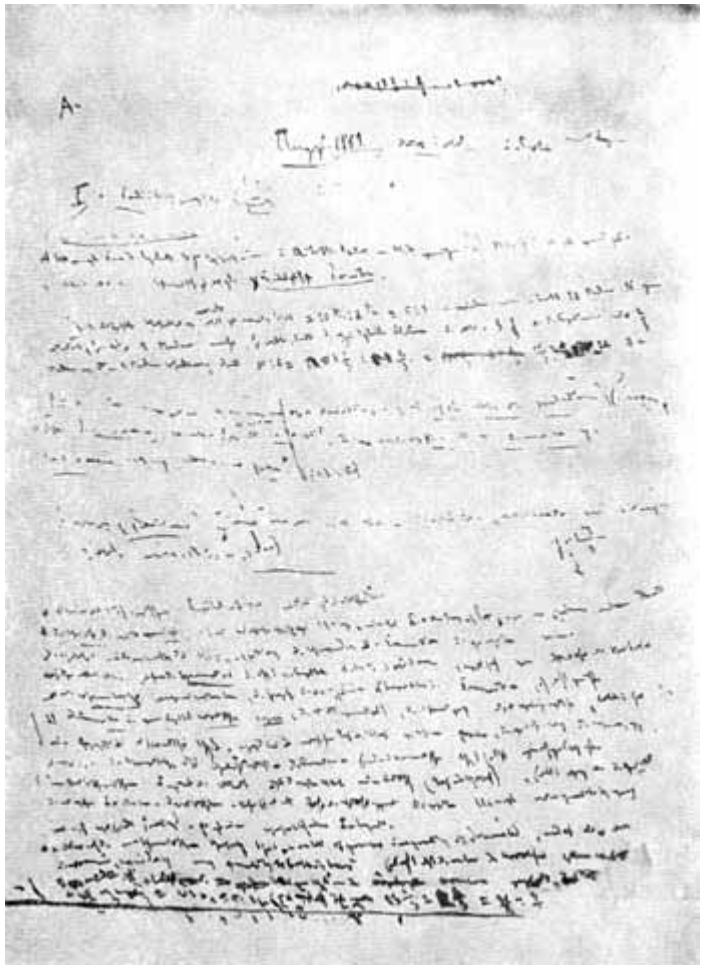
Последние бои коммунаров на кладбище Пер-Лашез (с гравюры того времени).

Элиза Томановская-Дмитриева.

Лео Франкель.

Максим Ковалевский.

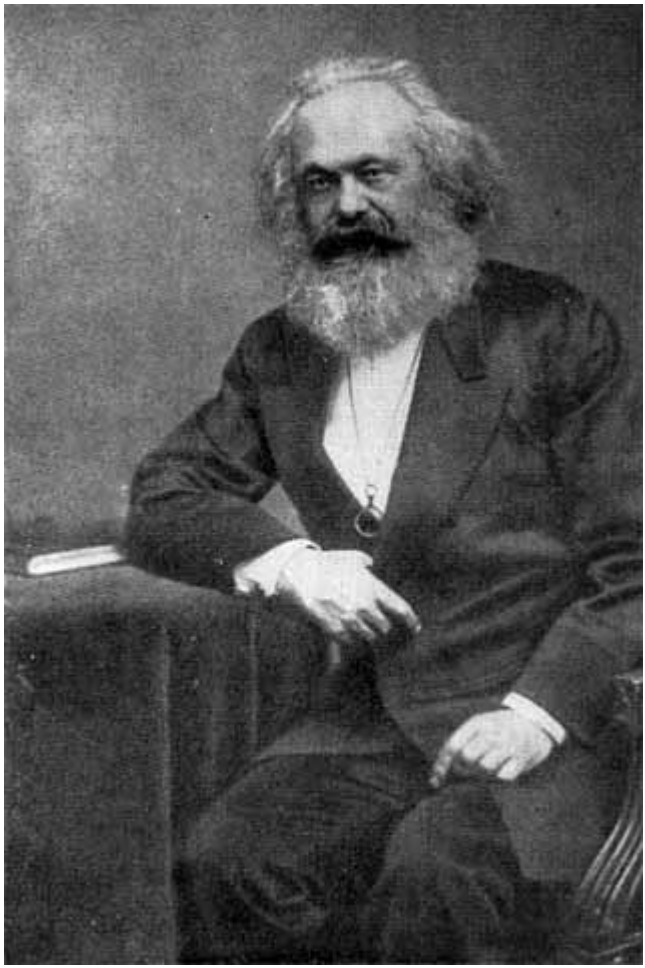
Ф. Энгельс (фото 60-х годов XIX века).



Страница черновой рукописи К. Маркса, в которой излагаются проблемы будущего I тома «Капитала».

Рисунок американского художника Гуго Геллерта к «Капиталу» К. Маркса.

Карл Маркс с дочерьми и Фридрих Энгельс (фото 60-х годов XIX века).



Карл Маркс (фото 1872 года).

Могила К. Маркса на Хангентском кладбище.

Макет памятника Карлу Марксу (работа скульптора С. Алешина).

Памятник Карлу Марксу в Москве.

notes

Примечания

1

Перевод О. Румера.

2

Перевод О. Румера.

3

Перевод О. Румера.

4

Перевод В Нейштадта.

5

Перевод В. Левика.

6

Слова «Марсельезы»: «К оружию, граждане! Равняй военный строй!»

7

Перевод О. Румера.

8

Удовлетворенным (*фр.*).

9

Перевод П. Антокольского.

10

Братство (*фр.*).

11

Перевод Б. Тимофеева.

12

Перевод Б. Тимофеева.

13

Перевод М. Зенкевича.

14

По сути дела (*англ.*).

«Истории десяти лет» (*фр.*).

16

Кодекса Наполеона: «Отыскание отцовства запрещается» (*фр.*).

17

Зеленщик (*англ.*).

18

Перевод Н. Заболоцкого.

19

Перевод В. Вересаева.

20

Случаю (*англ.*).

21

Им подобным (*итал.*).

22

Один из героев «Песни о Нибелунгах».

23

Ужасами (*фр.*).

Ничто человеческое мне не чуждо (*лат.*).

25

Подвергай все сомнению (*лат.*).

26

В небольшой компании (*фр.*).

27

Перевод А. Мушниковой.

28

Не будем мошенниками (*фр.*).

Испытаний (*англ.*).

Во всяком случае (*англ.*).

31

Уровень жизни (*англ.*).

Белые бедняки (*англ.*).

33

Равенство (*фр.*).

Усталым (*фр.*).

Весьма умеренно (*англ.*).

Чрезмерной работой (*англ.*).

37

На войне как на войне (*фр.*).

Государственного переворота (*фр.*).

В массе (*фр.*).